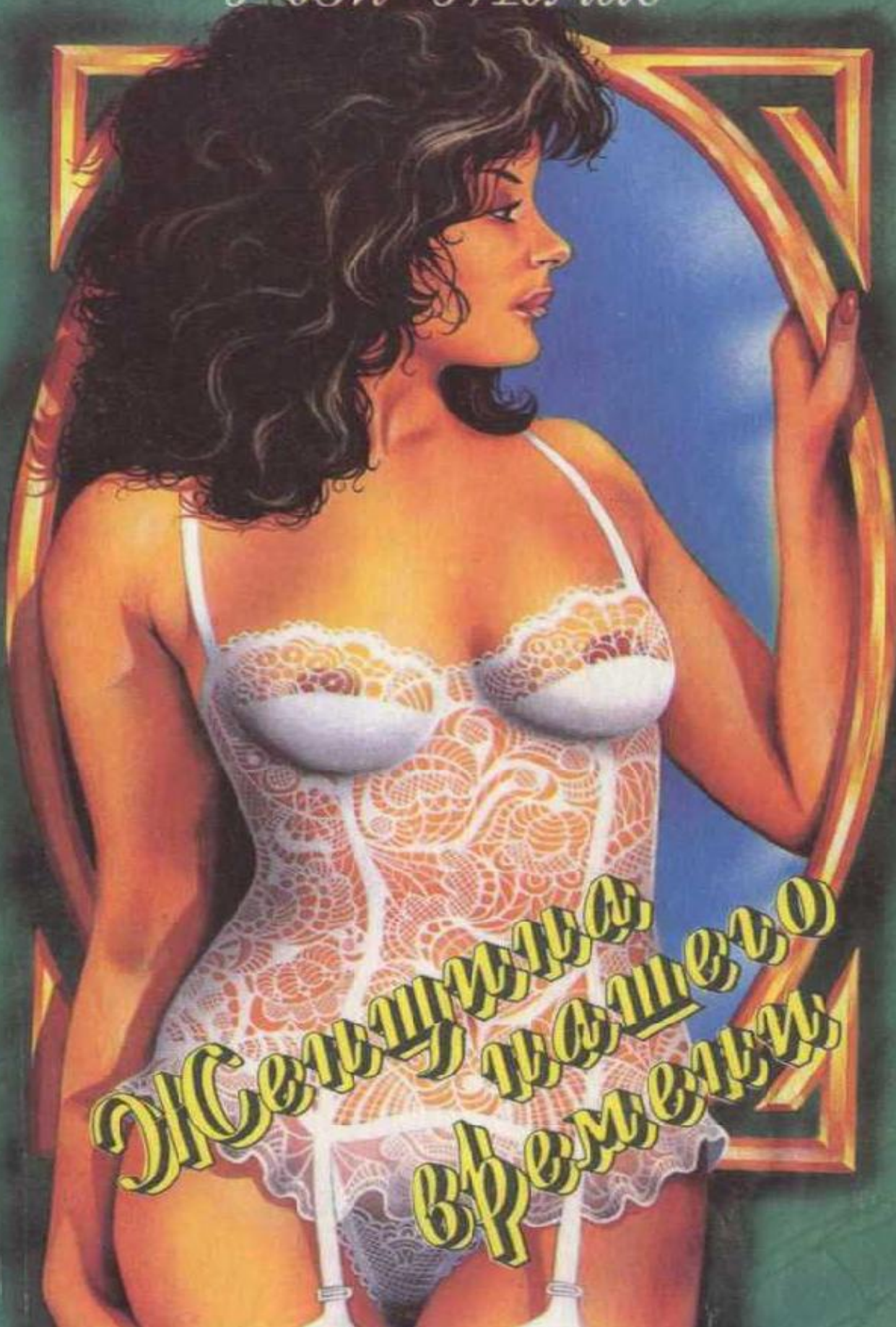

Рози Томас

Центрального
Времена

- [Рози Томас](#)

-
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)

-
-

- [notes](#)

- [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
-

Рози Томас

Женщина нашего времени

"Pikoks"

«Pikoks»

Своим глубоким знанием Сити поделились со мной Пол Барри, Робин Бойд, Джон Нэш и особенно Филип Болдуин. Любые, подмеченные вами фактологические и смысловые ошибки в этой книге допущены не ими, а мною. Я также признательна Питеру Уилсону, Джулии Маддеман, профессору Джеймсу Миду и его супруге, Джуди Хилсинджер, Гордону Смиту, Изабел Маккабе, Линде Грей, Эллен Левин, моему редактору Сьюзен Уотт и, как всегда, моему мужу Карадоку Кингу.

Игра «Мейзу» основана на игре, придуманной профессором Джеймсом Мидом, который сохраняет на нее авторские права.

Моим подругам Джудит, Элли, Сьюзен и моей сестре Линдси

Автор

Глава 1

Лондон, 1985 год

Харриет посмотрела на часы.

Меньше чем через час должна подойти машина, которая отвезет ее в аэропорт Хитроу. А меньше чем через двенадцать часов она будет в Лос-Анджелесе, вместе с Каспаром.

В эту минуту она позволила себе подумать о, нем. Она и не ожидала, что он будет встречать ее в толпе у барьера. Конечно, его там не будет. Но будет автомобиль, а потом будет номер люкс в гостинице или апартаменты где-нибудь с видом на океан, или голубые по голубому очертания бассейна. И Каспар будет там. В белой рубашке, с легким первым загаром. Он будет говорить что-нибудь ничего не значащее: «Детка, ты, наверное, смертельно устала от этого полета? Подойди ко мне», — и модуляции его голоса придадут значительность этим словам. И он обнимет ее.

Телевизионный комментатор, сидевшая с противоположной стороны письменного стола с подготовленным перечнем вопросов, увидела, как в эту минуту смягчилось и просветлело лицо Харриет. Заметил это и осветитель, на мгновение оторвавший взгляд от своей осветительной аппаратуры.

Затем Харриет снова посмотрела на свои часы. Она привыкла тщательно и экономно распределять свое время, а эти технические проблемы, связанные с освещением и уровнями звука, отнимали его слишком много.

— Вам потребуется еще много времени? — спросила она. — Машина придет за мной в три часа.

Ассистент режиссера одарила ее ободряющей улыбкой.

— Мы уже почти готовы.

В ожидании съемки Харриет осмотрела свой просторный кабинет. Режиссер документальной программы и его ассистент переговаривались шепотом, сидя на одном из двух низких диванов, в то время как звукооператор и осветитель суетились вокруг своих металлических ящиков. Телеоператор тоже ожидал, стоя за холодным глазом своего объектива. За окнами было совсем светло, однако более мощный свет телевизионной осветительной аппаратуры заглушал яркий свет дня. Она создавала внутри своего круга искусственную атмосферу интимности.

Ассистент режиссера вытянула свои длинные ноги в темных чулках, встала и подошла к письменному столу. Она достала маленькое ручное зеркало и протянула его Харриет.

— Не хотите ли вы взглянуть на себя перед тем, как мы начнем?

В это же время телекомментатор откашлялась и выпрямилась, сидя на стуле. Харриет бесстрастно посмотрела на свое отражение. Ее ничем не примечательное лицо выглядело так же, как всегда, разве что косметики на нем было несколько больше, чем обычно. Она вернула зеркало.

— Все в порядке, если вас это устраивает, — сказала она вежливо.

— Готовы начать, — объявил звукооператор, нажимая одним пальцем на свои наушники.

Режиссер подался вперед, а его ассистент держала свою папку как щит.

За одно мгновение до того, как режиссер начал произносить шепотом: «Два, три и начали», Харриет взглянула на свои руки, свободно лежащие на коленях. Большой

квадратный бриллиант в платиновой оправе в стиле тридцатых годов сверкал на ее правой руке. У Харриет мелькнула мысль: «Не следовало ли снять его перед интервью?». Но затем она подумала: «Это награда. Я купила его. Я заработала его. Почему бы и нет?». Она ведь не сняла со стены собственный портрет, написанный Эммой Сарджент, и не убрала лежащего на полу шелкового китайского ковра.

Харриет подняла руки и опустила их на стол. В нескольких сантиметрах от кончиков ее пальцев на светлой полированной деревянной поверхности лежал расколотый и сильно растрескавшийся обломок доски упаковочной ящика. Он был похож на кусок древесины, которую долго било море, перед тем как выбросить на серебряный пляж.

Телекомментатор тоже посмотрела на этот обломок. Затем обе женщины подняли головы и их глаза встретились. Кольцо Харриет сверкало под яркими лучами осветительных приборов.

— ...Три, два, один... — вела отсчет ассистент режиссера.

Конечно, должно быть вступление. Телекомментатор Элисон Шоу, вероятно, составила его и запишет как голос за кадром. В соответствии с ее комментарием и будут, наверное, отсняты основные кадры, показывающие игру, ее великолепные коробки, уложенные до нужной высоты в подходящем месте. Возможно, эта же телевизионная команда снимет также на пленку кассу, и будут крупным планом показаны руки, отдающие деньги за коробку Харриет. Потом, наверное, будет снят еще один основной кадр, на котором зрители увидят ставший эмблемой фирмы гигантский павлиний хвост, висящий на стене приемной перед ее кабинетом. А затем на экране появится сама Харриет. Харриет, сидящая за своим огромным письменным столом в костюме от Джаспера Конрана, тщательно скрывающая беспокойство, связанное с опозданием на самолет в Лос-Анджелес к Каспару.

Зрителю следовало узнать, что она являет собой пример счастливой истории одинокой женщины, которой еще в детстве овладела идея и которая выросла вместе с ней. Она создала свою собственную компанию, начиная со стола в снятой на время квартире и придя затем к выходу на фондовую биржу, успешному бизнесу и экспортным заказам.

Передача входила в серию «Истории успеха». И выбор Харриет Пикок, недавно объявленной «Предпринимателем года», был вполне естественным.

— Если посмотреть со стороны, история успеха Харриет Пикок выглядит почти как волшебная сказка, — начала Элисон Шоу. — Очень простая, может быть даже совсем уж незамысловатая игра, которая была предложена на уже перенасыщенный рынок при многочисленных предостерегающих советах и наличии серьезных финансовых проблем. Она неожиданно захватывает воображение публики и становится бестселлером. В течение года игр было продано на сотни тысяч, в течение двух лет материнская компания с очевидным успехом начинает широко выпускать и другие игры, а через три года становится всеми признанной процветающей фирмой, являющейся любимцем инвесторов и финансовой прессы. Харриет Пикок, каким образом все это было достигнуто?

Харриет тепло и естественно улыбнулась. Она ответила:

— Не так просто, как это у вас прозвучало.

В самом начале своей карьеры, когда настырные репортеры приставали к ней со своими вопросами, она была менее самоуверенным интервьюируемым. Она стремилась получить хотя бы минимальную известность, и все то, что могло бы помочь «Пикокс» — ее фирме, ее процветанию. Но она также все время защищалась, и эта оборонительная позиция делала ее неловкой. Теперь она «играла на своем поле». Благодаря множеству предыдущих интервью

она заранее предвидела все вопросы, которые будут заданы, и была готова к ним.

— Главное, действительно важным было то, что я верила — игра хороша. Я чувствовала это, я чувствовала, как волосы поднимаются у меня на затылке всегда, когда я смотрю на нее. И потому что я верила в это так сильно, я готова была рискнуть всем ради этого. Любой предприниматель скажет вам, что это и есть та искра, от которой воспламеняется заряд. Вера и более чем вера — уверенность.

Находясь за кадром, Элисон Шоу кивала, делая вращательные движения рукой: «Еще, расскажите нам еще». Имея богатый опыт, Харриет продолжала:

— Я также верю, что можно рассматривать жизнь как игру случая. Вы можете позволять течениям нести вас или вы можете ожидать своего течения, а затем неистово грести вместе с ним, как поступила я, когда осознала потенциальные возможности игры. Кто-то сказал, что вы можете прийти к одному и тому же жизненному решению либо с помощью различных более или менее окольных путей, либо двигаясь напрямую к тому, чего вы хотите, либо надеясь, что вас вынесет туда попутным течением. Есть прямые и окольные пути, и игра сама по себе как бы является метафорой этого.

Саймон впервые сказал эти слова много лет назад. Прямой пристальный взгляд Харриет дрогнул.

Непрерывное вращение рукой прекратилось. «Если они сами хорошо составили программу, — подумала Харриет, чтобы отвлечься, — то они должны теперь ввести в кадр вместо нее игровое поле с цветными катящимися шариками, бегущими по прямой или по большому кругу».

Элисон Шоу сказала:

— Вы можете подробнее объяснить выражение «неистово грести»? Что вы, конкретно, сделали после того, как почувствовали покалывание в затылке?

Харриет снова оказалась «на своем поле». Она описала все шаги, которые она предприняла, создавая свой бизнес, что она много раз говорила и в других интервью. Она упомянула о них вскользь, как бы отсчитывая бусинки на нитке.

Элисон кивала, давая ей говорить, и как бы время от времени подсказывала, предлагая новые вопросы из своего списка. Одни из них Харриет уже обсудила с составителем программы, а другие были для нее неожиданными. Все шло гладко, Элисон была хорошим интервьюером.

Режиссер дал сигнал закругляться. Харриет почувствовала облегчение. Полезная работа для фирмы «Пикокс» была сделана, и она может спокойно лететь.

Подошел последний вопрос:

— За этой исключительной историей успеха скрывается еще одна драматическая история. Харриет, общеизвестно, что вы не сами придумали эту игру. Не могли бы вы в завершение нашей беседы что-нибудь рассказать нам об этой истории?

У Харриет перехватило дыхание. Она вдруг остро ощутила микрофон, прикрепленный к лацкану костюма, лица технического персонала, смотрящие на нее, катушки с пленкой, на которую будет записан звук ее собственного голоса. Находящаяся за кадром Элисон посмотрела на часы. Харриет знала, что они могут попросить у нее не более двух-трех минут. Это будет не первый раз, когда она говорит о Саймоне. Она подумала: «Если бы вообще только это и могло быть».

— Игра была придумана офицером Британской армии, находившимся в плену у японцев в Гонконге во время Второй мировой войны. Он создал ее из кусочков всякой всячины. Он

хранил ее у себя в течение четырех лет, а после его освобождения эта игра осталась единственной вещью, которой он владел.

Она протянула руку с большим кольцом и дотронулась до растрескавшегося куска дерева, лежащего на гладкой поверхности стола. Оператор повернул камеру, чтобы это движение попало в кадр.

Харриет не забывала этой истории, значительно более длинной и весьма тягостной для воспоминаний, которую Саймон Арчер рассказал ей в своем холодном и неудобном доме, расположенном в очень мрачном квартале ничем не примечательного городка в центральных графствах. Она могла и сейчас ясно услышать его слова. Она могла точно вспомнить даже целые фразы, которые он употреблял.

Они и сейчас звучат в ее голове.

Когда она снова подняла глаза, ей было трудно поверить в то, что прошло только несколько секунд с того момента, как прожорливый глаз камеры уставился на обломок доски Саймона. Очевидно, Элисон не имела ни желания, ни времени, чтобы углубиться в этот вопрос. История успеха была рассказана, и она была готова завершить программу.

— Замечательное завещание человеку, обладающему волей, для того, чтобы выжить. С другой стороны, успех фирмы «Пикокс» обеспечен искусством и решительностью самой Харриет Пикок.

— И также моими сотрудниками и поставщиками, — настойчиво добавила Харриет. Ее немного насмешила мысль о том, что если Каспар получит своего Оскара, то ему придется произносить торжественную речь, полную таких же сантиментов. Элисон улыбнулась в ответ.

— А теперь, в истинно деловом стиле, вы намерены прямо отсюда отправиться в аэропорт Хитроу, чтобы лететь в Лос-Анджелес. Это деловая поездка или у вас есть время для посещения Академии киноискусства?

Выражение лица Харриет изменилось. Ее реакция была сдержанно-холодной.

— Моя поездка — это отпуск. Мы с вами договорились в самом начале, что не будет вопросов, касающихся моей личной жизни, не правда ли?

Элисон сделала успокаивающий жест, как бы говорящий: «А почему бы было и не попробовать?» Они, конечно же, все отредактируют.

Было еще несколько заключительных замечаний, взаимные благодарности, и интервью закончилось. Технические работники подняли вверх свои большие пальцы.

— Превосходно, — сказал режиссер.

Харриет еще раз посмотрела на часы. Машина должна прийти примерно через пятнадцать минут.

— А не могли бы мы задержать вас еще на пару минут, пока мы не проверим, все ли в порядке.

— Элисон, дорогая, у тебя все в порядке?

Теперь камера остановилась на Элисон для создания кадра, который будет использоваться как визитная карточка. Харриет ждала. Она заметила, что в глубине комнаты тихо отворилась дверь и в ней появилась голова ее помощницы. Своей мимикой она показала: «Телефон». Харриет отрицательно покачала головой. Всему остальному миру должно быть известно, что она уже находится на пути к Хитроу. Однако Карен отказывалась уходить. Она сигнализировала: «Срочно».

Харриет вздохнула.

— Извините, я должна поговорить по телефону.

Она обошла свой стол и направилась в кабинет Карен. Карен передала ей трубку.

— Алло, Харриет Пикок слушает.

Это был Чарли Тимбелл. Харриет его хорошо знала. Жена Чарли была одной из ее ближайших подруг.

— Чарли, все в порядке? С Дженни все в порядке?

— Да, с этим все в порядке. Послушай, Харриет, до меня дошел один слух. Я думаю, что тебе лучше узнать об этом.

Чарли Тимбелл был журналистом, работавшим в области финансов, редактором по Сити в одной из национальных ежедневных газет.

— Какой слух?

— Больше, чем слух. Предостережение. Скажи, Харриет, ты знаешь, что творится у тебя за спиной?

— Ты имеешь в виду нашу игру на понижение? Мы находились на два-двадцать пять сегодня утром. Твердо.

В течение некоторого времени Чарли молчал. А затем сказал очень спокойно:

— Не зашли ли вы слишком далеко?

Харриет рассмеялась.

— Зашли мы или нет, я все равно тебе не скажу, Чарли. Что для тебя важнее — я или хороший газетный материал?

— Трудно ответить. Ладно, я просто подумал, что должен дать тебе знать. Ты, может быть, еще раз подумаешь, отправляться ли тебе в путешествие.

— Я отправляюсь. Каспар выдвинут на Оскара, и он достоин получить его. Я хочу быть там, когда это произойдет.

— Ты будешь далеко от дома.

Карен ответила на звонок по другому телефону, а затем сказала Харриет:

— Машина ожидает внизу.

Харриет почувствовала нетерпение. Телевизионная команда закончила, и технические работники выносили свою аппаратуру из ее кабинета.

— Чарли, я отправляюсь не в Амазонию, я лечу в Лос-Анджелес. Там есть телефоны. Я могу вернуться назад в течение двенадцати часов, если мне это понадобится.

— Хорошо, я согласен, желаю тебе хорошо провести время. Передай старому пьянчужке, что я болею за него.

Чарли никогда не встречался с Каспаром Дженсенем, однако его шутка претендовала на определенную фамильярность в отношении этого человека и его привычек.

— Спасибо, Чарли. Спасибо за звонок. Передавай привет Дженни.

— Возвращайся скорее.

Чарли повесил трубку. Карен взглянула на Харриет:

— Есть проблемы?

— Думаю, что нет, — ответила Харриет.

Она не захотела показывать Чарли своего беспокойства. В любом случае, это уж не такое сильное беспокойство. С этим можно жить. Больше всего на свете она хотела видеть Каспара. Ее багаж, состоящий из двух небольших изящных чемоданов, ожидал ее возле двери. Если она не поедет сейчас же, то она опоздает на самолет.

— Попросить шофера зайти за вашими чемоданами?

Харриет подняла чемоданы.

— Нет, я справлюсь сама, путешествую налегке — только одно вечернее платье от Брюса Олдфилда для большого приема и больше ничего.

Элисон Шоу вышла из кабинета Харриет. Она была одета в широкую юбку, собранную в сборку на бедрах, и свободный жакет. Ненужное сейчас непромокаемое пальто из ткани «барбери» было перекинуто через руку.

— Спасибо за интервью, — сказала она.

— Мне оно тоже доставило удовольствие, — солгала Харриет. Мгновение они смотрели друг на друга. — Я должна идти.

— Счастливого путешествия, — пожелали одновременно Элисон и Карен.

Уже в машине, когда они выбирались из города в западном направлении, Харриет снова вспомнила о Саймоне. Ее мысли крутились по заранее известному замкнутому кругу, и, чувствуя некоторую усталость, она позволила им следовать по проторенной дорожке. Сгорбившись на сиденье автомобиля и глядя вперед, она почувствовала определенный дискомфорт, вызванный этими мыслями. Посмотрев в окно машины с небольшой высоты западного шоссе, она увидела холодный блеск города, и через минуту ее настроение улучшилось.

Проторенная дорожка, как это иногда бывало, привела ее к матери. Харриет представила Кэт на кухне в доме на Сандерленд-авеню. В большом современном доме гремела первая программа радио, к которой примешивалось гудение пылесоса или жужжание электрического миксера. Но это были звуки ее юности, а не детства. Харриет любила свою мать. Она считала, что они похожи, несмотря на то, что их жизни были такими разными.

Необычным было то, что Кэт не позвонила, чтобы пожелать ей счастливого пути, а Харриет не нашла сегодня времени, чтобы позвонить самой. Если у нее не будет времени сделать это в аэропорту, то она обязательно позвонит, как только прилетит в Лос-Анджелес.

Слева от автомобиля ложился на заданный курс Боинг-747. Харриет смотрела, как он скользит по небу, и думала о том, будет ли солнечно на Западном побережье.

Ей не хотелось думать о том, что сказал Чарли. Когда она вернется домой, то обязательно выяснит, откуда этот слух.

Лондон, 1981 год

Была половина шестого.

Улица перед магазином Харриет была заполнена толпой конторских служащих, плывущей к станции метро.

Харриет закончила проверять кассу и оставила чеки Карен, которая по графику дежурств должна будет открыть магазин завтра утром. Она упаковала оставшуюся дневную выручку, для того чтобы положить ее по дороге домой в ночной сейф. Затем она выключила электричество, после чего ослепительно сверкающие зеркальные стены превратились в пустые темные шторы.

Она заперла внутренние двери, включила сигнализацию и вышла на улицу. Магазин был надежно защищен на наступающую ночь. Она остановилась, чтобы посмотреть на фасад. Он был чистым и белым, с написанным черным названием магазина «Степпинг», похожим на надписи над другими магазинами в этом ряду домов.

Все магазины «Степпинг» продавали костюмы для танцев и балетных упражнений, а также широкий ассортимент сопутствующих товаров. Большинство из них так же, как и магазин Харриет, обладало привилегиями, которые предоставляли фирмы, продающие свои товары. Владельцы таких магазинов заказывали товары централизованно, однако каждый выбирал из общего списка те товары, которые больше всего подходили для его магазина. Харриет знала своих покупателей и обладала искусством предложить им именно то, что им хочется купить.

Магазин был расположен удобно, почти идеально, и дела шли хорошо. Харриет очень гордилась этим, и ее дар предвидения предсказывал бум в области торговли одеждой для танцев. Она знала, что делает все, что только возможно. «Если бы я работала в Ковент-Гарден», — думала Харриет. Но она не работала там и не могла работать нигде, кроме магазина «Степпинг».

Она занималась этим бизнесом около пяти лет. Она открыла этот магазин, когда ей было двадцать пять лет, и ее отчим заплатил за нее аренду. Сейчас она выплачивала долг. Она была благодарна Кену за его щедрость, хотя и отдавала себе отчет в том, что для него это было надежным капиталовложением.

Сейчас она была уже не так уверена в том, что это дело приносит удовлетворение ей самой. Она знала, что оно никогда не сделает ее богатой, но, что было еще более важным, оно больше не давало ей того заряда энергии, который у нее когда-то был.

Харриет отвернулась от магазина и бросила ключи в сумку. Потом заглянула в нее, чтобы убедиться в том, что конверт с билетами в кино тоже там. Это Лео хотел посмотреть этот фильм, и она купила билеты, чтобы сделать ему сюрприз. Затем она планировала вместе пообедать в новом тайландском ресторане.

Харриет забыла о работе. Она быстро шла, предвкушая приятный вечер, который она проведет вместе с мужем. Прижимая к груди мешок с дневной выручкой, она дошла до банка, открыла блестящую щель ночного сейфа и втокнула в этот рот мешок с деньгами. Она услышала мягкий удар, означающий, что мешок попал внутрь банка, а мимо нее спокойно двигались толпы идущих домой людей. Харриет пошла вместе с ними по направлению к станции метро.

Через несколько минут она подошла к улице, на которой была студия Лео. Лео был фотографом и работал довольно успешно. Его студия находилась на втором этаже небольшого складского здания, под ним размещалась швейная мастерская, а над ним — дизайнерская фирма. Харриет взглянула на его окна. Это вышло машинально, так как увидеть нельзя было ничего, даже света. Был летний вечер, и освещения не требовалось. Она могла бы увидеть только чертежную доску, установленную под углом, в верхнем окне.

Харриет собиралась поговорить с Лео по домофону, но как только она подошла к дому, парадная дверь открылась. На улицу вышли две улыбающиеся, одетые в сари швеи и придержали дверь для Харриет. Она вошла в дом и начала подниматься по каменным ступенькам на второй этаж. Она была переполнена мыслями о своем сюрпризе и представляла себе Лео сидящим спиной к ней за легким столом и просматривающим слайды. Наверху лестницы было темно, так как там не было окон.

Щелчок. Харриет нажала на кнопку выключателя с таймером, расположенного около двери, и свет разлился по лестнице.

В следующую секунду у нее создалось впечатление, что щелчок прозвучал как предупреждение. За дверью возникла какая-то суматоха.

Харриет держала в руке ключ от двери. Она всегда неохотно пользовалась своим ключом от студии, так как считала, что Лео, должно быть, забыл о том, что у нее есть этот ключ. Она проворно вставила ключ в замочную скважину, и дверь распахнулась внутрь.

Харриет смотрела прямо перед собой.

В противоположном конце студии через другую открытую дверь был виден черный кожаный с хромированным металлом диван. Харриет помогла Лео выбрать его в итальянском мебельном каталоге. Перед диваном стоял Лео, прядь его темных волос по-мальчишески упала на глаза, а он в эту минуту пытался натянуть на себя джинсы. Они были слишком узкими, и он подпрыгивал на одной ноге, теряя равновесие, а затем каким-то нелепым движением схватил свою рубашку и придерживал ее перед собой, прикрывая затухающую страсть. Девушка, без сомнения, более привыкла демонстрировать свое тело. Она не предпринимала застенчивых попыток прикрыть себя руками, и на фоне ее спокойствия Лео выглядел совсем смешно. Она просто стояла, очень изящно, ее тело состояло из темных углов и гладких бесцветных плоскостей. Она была выше и тоньше, чем Харриет. Возможно, она была одной из моделей Лео.

Первой реакцией Харриет после этого удара был скептический смех. Лео увидел это, и его замешательство переросло в ярость.

Он бросил рубаху, сделал два шага и захлопнул дверь, соединяющую смежные комнаты. Мгновение Харриет стояла безмолвно, глядя на все это. Конечно, Лео снова откроет дверь, и будет одет, и там уже не будет модели, и он поблагодарит ее за то, что она купила билеты в кино, и они уйдут, чтобы провести вечер вместе.

Она ждала, но были только молчание и закрытая дверь. Невозможно было даже представить, что же Лео и эта девица делают за закрытой дверью.

Медленно, молча Харриет закрыла наружную дверь и снова оказалась в темноте. Она не захотела нажимать на выключатель из-за его предостерегающего щелчка. Она стала тихо спускаться по лестнице, прижав ладонь к холодной, гладкой и кривой поверхности стены, вдоль которой она шла.

Харриет не могла потом вспомнить, как она попала домой. Она полагала, что, должно быть, прошла этот путь, машинально двигаясь в потоке людей, спешащих домой.

Оказавшись в своей квартире, она обнаружила себя бродящей по комнатам, трогающей различные предметы, берущей в руки вазы, книги, украшения, как будто бы она никогда не видела их раньше. Она подходила к каждому окну и, прижав лоб к стеклу, смотрела на давно знакомые ей виды. Ей трудно было поверить, что она прожила здесь четыре года сразу после того, как вышла замуж. Теперь ей все казалось незнакомым; дом незнакомцев. Она не знала, что делать с собой в этих комнатах. Дома не было продуктов, чтобы приготовить ужин, потому что обычно их покупал один из них по дороге домой. Сегодня вечером они должны были обедать в тайландском ресторане.

Наконец она села в викторианское кресло и попыталась прийти в себя. Она пробежалась кончиками пальцев по гладким шляпкам обойных гвоздей и выглянула в темнеющее окно. День заканчивался, на небе с редкими облаками разливался розовым цветом закат.

Харриет почувствовала, как клещи оцепенения начинают постепенно отпускать ее. Она стала размышлять. Сначала это потребовало от нее больших усилий, как будто бы она забыла, как это делается. В квартире стояла тишина, и даже на улице было необычно спокойно.

Она думала о своем замужестве. Она пыталась вспомнить, сколько прошло времени с тех пор, как они перестали приносить друг другу счастье, и пришла к убеждению, что она вообще не может точно определить границы счастья. Она знала так же хорошо, как таблицу умножения или слова некоторых песен, что они, вероятно, были счастливы вместе. Лео был евреем, и его процветающие родители возражали против женитьбы своего единственного сына. Эта оппозиция родителей только усилила решимость Харриет и Лео пожениться немедленно. Конечно, тогда они были счастливы. А потом?

Она могла вспомнить то время — отдых, когда шел непрерывный дождь, а для них это не имело никакого значения; длительную поездку, которую они совершили вместе; маленькие семейные торжества, которые она давно уже не могла вспомнить — только радость от них. И это все ушло. Она пожалела, что они не запомнились ей. Теперь они живут вместе, но это только унылое сосуществование.

Харриет хотелось знать, когда же у ее мужа появились другие женщины. Сколько и как часто. Воспоминание о высокой девушке с ее плоскостями света и тени вновь вернулось к ней.

Харриет подумала и о самом Лео. Он был красивым, упрямым и забавным. Женщины всегда тянулись к Лео так же, как и она в свое время. Она знала, что он был из той породы мужчин, которым трудно выразить свои чувства словами. Или, может быть, не столько трудно, сколько не нужно.

На улице быстро темнело. У Харриет возникло чувство, что вместе со светом угасает и обычная жизнь, грани реальности тихо рассыпаются и превращаются в тонкую пыль. Ей стало грустно и даже больше чем грустно, потому что все ушло безвозвратно.

Уже стемнело, когда она услышала, как поворачивается ключ Лео в замке. Она как бы оцепенела и неподвижно сидела в темноте. Он вошел, щелкнул выключателем возле двери, и она заморгала от яркой вспышки света.

Они смотрели друг на друга, пытаясь точно определить, насколько велика их взаимная враждебность. Харриет достаточно хорошо знала Лео для того чтобы не ожидать искреннего раскаяния. Лео, как маленький мальчик, обычно старался спрятать свою вину под нахальным пренебрежением. Однако сегодня она вообще не могла предсказать его

поведения. Его лицо было замкнутым и холодным. Она слышала, как с легким шумом земля вокруг них рассыпалась в пыль.

— Извини, что тебе пришлось увидеть это, — жестко сказал Лео. — Тебе следовало позвонить по телефону или воспользоваться звонком.

В этих словах не было попытки навести мосты, хотя она на это и не надеялась. Она знала, что, в любом случае, для этого уже нет оснований. Харриет сказала первое, что пришло ей в голову:

— Ты выглядел нелепо.

Он пристально посмотрел на нее.

— Знаешь ли ты, Харриет, какой ты человек? Ты бессердечная и самодовольная. Ты действуешь, как машина.

«Возможно он и прав», — подумала Харриет. Она, конечно, не верила в то, что она такая, но она вполне допускала, что они могут знать друг друга лучше, чем знали самих себя.

— Были ли еще такие случаи, Лео? До сегодняшнего вечера? Ты можешь сказать мне правду?

— Да.

— Что да? Ты будешь говорить мне правду или были другие девушки?

— Были другие девушки.

— Сколько? Давно ты занимаешься этим?

— Три или четыре. Восемнадцать месяцев. Может быть, два года.

— Ты даже не знаешь точно?

— Какое это имеет значение?

Харриет резко встала. Она подошла к окну и посмотрела на улицу. Там уже горело уличное освещение, но по тротуару еще катался мальчик на роликовой доске. Она наблюдала за тем, как он сновал между фонарными столбами. Она решила было задернуть занавеску, но ей не хотелось оставаться здесь, в этой квартире. Стоя спиной к Лео, она услышала, как он вышел на кухню и вынул из холодильника пиво. Затем он вернулся в комнату и бросил кольцо от банки, которое с легким звоном упало на ближайший поднос. Харриет повернулась к нему. Ее спина и ноги болели от долгого сидения без движения.

— Итак, что ты намерен делать? — спросила она его.

Она почувствовала, что почва под ее ногами все быстрее и быстрее разваливается на куски. Повсюду расползаются глубокие трещины, и уже некуда поставить ноги.

— Делать? Я не знаю, что здесь делать.

Харриет почувствовала, что у нее немеют губы. Раньше при их ссорах она уже делала такие намеки, но это было скорее для того, чтобы испытать не его, а свое собственное восприятие этой мысли. Но сейчас она сказала:

— Прекрати, Лео. Соглашайся на развод.

Она сказала это решительно, так как понимала, что то, что может произойти, будет окончательным. Сегодня вечером они перешли ту последнюю черту, от которой еще можно было возвратиться назад.

Нахальство и самоуверенность, которые были частью Лео все те годы, что она знала его, казалось, покинули его, и осталась одна оболочка. Он тяжело опустился в викторианское кресло, и его руки бессильно упали между коленями.

— Если ты так хочешь... Я не знаю... Я не знаю, чего я хочу.

— Ты несчастен?

— Да, я несчастен.

— И я тоже, — прошептала Харриет.

Однако уже не было пути, по которому они могли бы безопасно шагнуть навстречу друг другу. В наступившей тишине Харриет пошла на кухню и начала механически наводить там порядок, хотя в этом не было никакой необходимости. Через несколько минут зазвонил телефон. Она посмотрела на часы с цифровой индикацией, висящие над духовкой. Было десять минут двенадцатого. Для обычного звонка было поздно. Она сняла висящую на стене телефонную трубку и, отойдя, присела на стол.

— Прошу прощения, Харриет, надеюсь, ты не спишь?

— Чарли?

Это был Чарли Тимбелл, муж ее старой подруги Дженни. Чарли был также и ее другом.

— Прошу прощения, — повторил он. — Я понимаю, что поздно.

Харриет сильнее сжала в руке трубку.

— Чарли, что случилось?

— Это с Дженни. У нее началось кровотечение.

Дженни была на тридцать второй неделе беременности. Харриет начала считать дни.

— Когда?

— Сегодня вечером, в семь часов. Пришла скорая и увезла ее.

Харриет почувствовала, что Чарли трясло. Дрожал даже его голос. Она увидела, что Лео вошел в кухню и посмотрел ей в лицо.

— Они срочно сделали кесарево сечение. Плацента только что вышла. Я никогда не видел столько крови.

— Чарли, о Господи. Дженни?.. С Дженни будет все в порядке?

— Они не знают. Это продолжалось не очень долго. Я только что видел врача. Он сказал, что они ее вытащат. Понимаешь, она потеряла очень много крови.

— Чарли, послушай меня. Я еду. Я буду там... через полчаса.

Она смотрела в лицо Лео. Он побледнел, его темные глаза расширились.

— Нет, не делай этого. Ты ничем не сможешь помочь. Они сказали, чтобы я ехал домой, а они позвонят мне. Я просто хотел рассказать, рассказать кому-нибудь.

Харриет знала, что родители Чарли умерли. Старая мать Дженни жила где-то на севере Англии.

— Ты сообщил матери Дженни?

Чарли сказал очень спокойно:

— Я... я думаю, что это следует отложить до утра. Они же сказали, что с ней будет все в порядке.

Полная страха, Харриет спросила:

— А как ребенок?

— Он еще жив. Он был задохнувшимся, он длительное время находился без доступа кислорода, они не знают точно, как долго. Сейчас он в отделении интенсивной терапии. Это маленький мальчик. Я его не видел и не знаю, разрешат ли мне. Они позволили мне только мельком взглянуть на Дженни. Она открыла глаза и посмотрела на меня.

— Чарли, пожалуйста, позволь мне приехать. Или позволь приехать Джейн. Я ей сейчас позвоню. Я не хочу, чтобы ты сейчас был один.

Когда Чарли ответил, она почувствовала, что он очень устал.

— Со мной будет все в порядке. Если они не позволят мне остаться здесь с Дженни и

ребенком, я поеду домой и лягу спать.

Харриет кивнула. Лео обошел стол и встал перед нею, пытаясь угадать, что же случилось.

— Утром сразу же позвони мне. Или в любое время, как только ты что-нибудь узнаешь. Ты обещаешь, Чарли?

— Да. Харриет?

— Что?

— Да ничего. Просто спасибо. Дженни будет рада узнать, что ты... с нами.

— Не беспокойся. С ней все будет в порядке. — Харриет искала слова, чтобы получше утешить его, но не находила их. — Все будет в порядке.

Чарли опустил трубку. Лео положил руку на плечо Харриет, однако она чувствовала, что между ними оставалось расстояние. Она рассказала ему, что случилось, и увидела в его глазах слезы.

— Боже, — прошептал Лео. — О, Господи, это же ужасно. Бедняжка Дженни. Бедный маленький ребенок.

Харриет была человеком действия. Все ее мысли были поглощены только Чарли и Дженни — что можно сделать для них, в чем они нуждаются? Лео был другим. Она знала, что его горе было искренним, под его развязностью скрывались мягкость и даже некоторая ранимость, близкая к сентиментальности. Но сегодня эти черты его характера раздражали ее, и она отвернулась, чтобы не видеть его.

Она включила кофеварку и сварила кофе, выполняя каждое движение с особой тщательностью. Ей казалось, что прошло много времени с тех пор, как она спешила в студию Лео с лежащими в сумке билетами в кино, гораздо больше, чем несколько часов.

Харриет налила кофе в две чашки, одну из которых подала Лео.

Они сидели, как обычно, друг против друга, разделенные кухонным столом.

— А ребенок выживет? — Лео всхлипнул, откашлялся, а затем закурил сигарету. Лицо его вновь приобрело свой нормальный цвет.

— Я не знаю. Я полагаю, что они тоже не знают. Кислородная недостаточность — это очень опасно, не так ли? Я думаю, что даже если он и останется жив, то могут возникнуть серьезные осложнения.

Она попыталась представить себе крохотное существо, подвешенное под лучами яркого света и соединенное с различными приборами, но не смогла. Все ее мысли были о Дженни.

В течение нескольких минут они говорили с Лео о том, сможет ли ребенок выжить, и что будет с Дженни и Чарли, если он останется неполноценным.

— Возможно, если ребенок не выживет, это будет, в конце концов, лучше всего.

Харриет отрицательно покачала головой. Это было бы очень тяжело.

— Я думаю, что они захотят, чтобы он остался жив. Какой бы плохой ни была действительность, они все же захотят, чтобы он выжил.

Они скупо роняли слова друг другу, сознавая всю незначительность своего собственного несчастья, но все равно не могли забыть его или надеяться на его преодоление.

Харриет пила кофе. Снова посмотрев на Лео, она увидела, что он обхватил голову руками и опять заплакал.

— Лео...

Он вздернул голову.

— Если бы у нас был ребенок, Харриет.

Она подумала: «Если бы был... Какая же большая разница между словами «у нас будет» и «у нас мог бы быть». Разница между этими словами заставила ее понять еще более ясно, чем любое самое длинное объяснение, что их семейной жизни наступил конец.

— Если бы у нас был ребенок! — снова воскликнул Лео. Его охватил гнев. Харриет видела, что он воспринял свой собственный гнев почти с благодарностью, как будто он давал ему выход для облегчения его собственной боли. — Я бы любил ребенка, но ты так никогда не считала, не правда ли? Для этого заключаются браки. Они предназначены для создания семей. А не всего этого дерьма. — Он показал рукой на находящееся вокруг.

Ее глаза проследили за этим движением. Он имел в виду кафельный мозаичный пол и керамическую надкаминную полку, посудомоечную машину, испанские гравюры, висящие на стене, свадебные подарки на полках, картинки и безделушки, которые они сделали вместе.

— Я хотел очень много детей. Я был бы хорошим отцом, просто замечательным папой. Таким же, какими были для меня мои родители.

Харриет мельком подумала о Харолде Гоулде, ласковом добродушном человеке, любящем давать советы, как преуспеть в бизнесе, и о Эйврил, ее свекрови, для которой Лео был религией со всеми ее заповедями, основные из которых были связаны с едой.

— Но у нас не было никаких шансов для этого, не так ли? Главными были твои собственные интересы, твоя чертова карьера, твой маленький бизнес. Ты холодная самка, Харриет. Жить с тобой — все равно, что с роботом. Ты делаешь все, что от тебя требуется, потому что ты не любишь критики, но все это только механические действия, не правда ли?

Харриет перестала слушать. Он продолжал, как обычно, со свойственной ему смесью эгоизма, высокомерия и детского разочарования. Харриет знала, что в общем-то он был прав. Он мог доказать верность каждого своего обвинения, направленного против нее, но она не хотела больше изменяться ради него.

«Так вот что чувствуешь, когда перестаешь любить кого-нибудь, — подумала Харриет. — Видишь все вполне ясно во всех измерениях без всяких туманных надежд и ожиданий. Именно отсутствие надежды и говорит о конце».

Она встала и подошла к кофейнику, чтобы наполнить еще чашку. Такое количество кофе позволит ей бодрствовать, но и без этого она полагала, что не уснет.

Лео был также прав, когда возмущался, что она отказывала ему в ребенке. Они поговаривали об этом, однако довольно редко. Лео обычно интересовался отпрысками знакомых значительно больше, чем она, и это было во всех случаях, за исключением Дженни. Она наблюдала за течением беременности своей подруги с интересом, но без всякой зависти. Джейн, третий член их компании старых друзей, завидовала. Но Харриет не допускала такой возможности для себя. Она считала излишним даже обсуждать ее, так как полагала, что совершенно обязательным условием для материнства, таким же, как наличие матки, является стабильное положение, которое имела Дженни Тимбелл.

Она понимала, что просто не чувствует себя надежно возле Лео. Было удивительно, почему она никогда не приходила к этому выводу раньше.

Она также понимала, что время еще есть. Ей нет и тридцати, и были другие дела, которые нужно было сделать в первую очередь. Если бы на нее нажали, то можно было бы сказать, что она имела в виду успеха в бизнесе. Хотя она сама не могла бы сказать, каковы же должны быть эти успехи. «Что-нибудь большее, чем «Степпинг», — могла бы предположить она со столь нетипичной для нее неопределенностью.

Вспышка гнева у Лео прошла. Молчание Харриет лишило его необходимого топлива. Он сел и тупо уставился на поверхность стола.

Харриет подумала, что теперь она может представить себе ребенка Дженни. Она могла видеть его крошечные сложенные ручки и ножки и всю его птичью грудку, поднимающуюся и опускающуюся в мучительном дыхании.

«Живи дитя, живи», — приказывала она молча. Ей хотелось знать, жил ребенок в это мгновение или уже умер.

Она взяла свою и Лео чашки и сполоснула их в раковине. Затем поставила их в сушилку, повернув соответствующие переключатели.

— Я ложусь спать.

Ответа не последовало, да она и не ждала его.

В спальне она разделась и забралась под двухспальное стеганое одеяло. Но через минуту она снова встала, взяла телефонный аппарат, стоящий на столике со стороны Лео, и перенесла его на свою сторону. Затем она снова легла и закрыла глаза. Ее интересовало — ляжет ли Лео в постель.

Они не смогут оставаться здесь вместе после того, что произошло сегодня вечером. Потом она вспомнила, что Лео собирался уехать завтра по делам на три дня. До его возвращения она должна найти, куда ей переселиться. Ее не волновало, что именно ей придется уйти. Мысль остаться здесь, в этом доме чужих людей, ее совсем не привлекала.

Когда Лео ложился спать, она еще не спала. Они лежали, повернувшись друг к другу спинами, и молчали. Через некоторое время Харриет забылась тяжелым, не приносящим отдыха сном.

Очень рано утром позвонил Чарли, чтобы сообщить, что Дженни проснулась нормально. Она, конечно, испытывает физические страдания, но все ее мысли связаны с ребенком. Состояние новорожденного не изменилось. Все будет зависеть от следующих нескольких дней, и если он выживет, то прогноз будет благоприятным. Пока врачи не могут сказать, насколько сильно задет мозг ребенка, да и поврежден ли он вообще.

— Это хорошо, — тепло сказала Харриет. — Это лучше, чем казалось сначала, не правда ли?

— Я думаю, что так, — согласился Чарли.

Обычно он был переполнен кипучей, бьющей через край энергией, но сегодня утром ничего этого в его голосе не чувствовалось.

— Могу я навестить ее?

— Возможно, завтра, Харриет.

— Хорошо. Передавай ей привет.

Харриет набрала номер телефона Джейн. Она работала учительницей в общеобразовательной школе в Восточном Лондоне. В течение дня найти ее было невозможно, а сейчас было еще достаточно рано, и можно было застать ее дома до ухода на работу.

— Джейн? Ты слышала, что случилось?

— Только что звонил Чарли.

— Что ты об этом думаешь?

— Надеяться особенно не на что.

Они обсудили между собой так взволновавшее их событие. Джейн была весьма

прямолинейной незамужней особой, феминисткой и человеком, беззаветно преданным своим идеям. Иногда она раздражала Харриет, но она все равно любила Джейн за честность и сердечность.

— А не пойти ли туда, чтобы как-то поддержать ее, — предложила Джейн.

— Я уверена, что Чарли делает это.

— Гм. — Джейн была не слишком высокого мнения по поводу взаимоотношений между мужчинами и женщинами, которые ей самой никогда не приносили удовлетворения.

— Мы пойдем завтра.

— Хорошо. О, Боже, как жаль, что это произошло. Если кто-то в мире и заслуживает нормального здорового ребенка, так это Дженни. Я не могу представить себе хоть кого-то, кто мог бы быть лучшей матерью. А как сейчас твои дела, Харриет?

— Я расскажу тебе завтра, при встрече, — спокойно сказала Харриет. — А сейчас, до свидания.

Пока они разговаривали, Лео складывал носки и рубашки в парусиновую сумку. Затем он швырнул в сумку фотоаппарат и футляр к нему и застегнул молнию.

— Я пошел. Мне еще надо кое-что сделать в студии до отъезда в аэропорт.

— Понятно. У тебя ведь не было для этого времени вчера вечером из-за всего остального.

Он выпрямился с сумкой в руках.

— Харриет, я же сказал, что сожалею о случившемся.

— Нет, ты сказал, что сожалеешь о том, что мне довелось увидеть все это. Но ведь это же совсем другое, не правда ли?

Он колебался где-то между искренним раскаянием и раздражением, а затем вздохнул.

— Сейчас нет времени для очередной шумной ссоры. Я улетаю в Амстердам и вернусь в воскресенье. Тогда и поговорим.

Харриет подняла голову и взглянула на него.

— Слишком поздно.

Он внимательно посмотрел на нее.

— Я должен идти, — повторил он.

Харриет чувствовала, что, несмотря на все свое упрямство и сентиментальность, Лео в глубине души тоже понимал, что слишком поздно.

Он ушел, закрыв дверь между ними и ничего больше не сказав.

Харриет пошла на работу, снова вернулась домой и провела вечер в одиночестве.

Из больницы были следующие новости: Дженни быстро поправляется, но ребенок остается в том же состоянии. Предсказания врачей, казалось, вселили в Чарли надежду.

На следующий день, уйдя из магазина пораньше, Харриет отправилась навестить Дженни. По дороге она хотела что-нибудь купить для нее, однако ей казалось, что на обложке каждого журнала, который она брала в руки, был розовый младенец, а в названии каждой книги — слова «мать» или «дитя». В конце концов, она решила купить цветы, те цветы позднего лета, которые уже будто бы были тронуты каким-то увяданием.

Идя по улице к мрачному зданию больницы из красного кирпича, она увидела впереди себя Джейн, спешащую в том же направлении. Ее легко было узнать по повседневному костюму, состоящему из свободных брюк с многочисленными карманами и клапанами, рубашки с засученными рукавами, а также по светлым волосам, заплетенным в толстую косу, лежащую на спине. Джейн называла этот наряд боевой формой и говорила, что именно

такая одежда необходима для ее работы. Харриет никогда не была в ее школе, но слышала о ней много разных историй.

Она не раз спрашивала Джейн: «Если все так плохо, то почему ты не уйдешь из этой школы? Устройся в какую-нибудь частную школу и учи приятных, способных и предсказуемых детей». Джейн посмотрела на нее из-под своих густых светлых ресниц и сказала: «Во-первых, ты знаешь, что я не являюсь сторонником частного образования. Во-вторых, уйти из школы означало бы сделать ее еще хуже. Неужели ты не понимаешь, что я должна оставаться в школе и продолжать делать все возможное для нее».

Харриет смогла только сказать: «Ну, если ты так считаешь...», — понимая, что было бы абсолютно бесполезно приводить какие-либо доводы.

Сейчас она улыбнулась при виде подруги и ускорила шаг, чтобы догнать ее. Джейн обернулась, услышав шаги Харриет. В одной руке она несла старомодный, потрепанный кожаный портфель, забитый, вероятно, сочинениями шестиклассников по книге Шарлотты Бронте «Горные вершины», а в другой — букет цветов, более или менее похожий на букет Харриет. Обе женщины крепко обнялись, что было весьма неудобно при их занятых руках.

— Что еще можно принести? — криво усмехнулась Джейн, кивнув на цветы. — Все, о чем бы я не думала, казалось, будет выглядеть либо слишком празднично, либо слишком траурно.

— Я знаю. В любом случае, Дженни ведь это безразлично.

Следуя указателям, они вошли в больницу и поднялись по лестнице. В конце длинного коридора находилось родильное отделение. Здесь слышались крики новорожденных, а возле больших кроватей стояли маленькие кроватки новорожденных. Харриет и Джейн переглянулись и ничего не сказали. Они нашли Дженни одну в боковой палате. Она сидела, откинувшись на подушки, с вытянутыми руками, лежащими ладонями вверх на гладком покрывале. Казалось, что она дремала, но когда они вошли в палату, Дженни открыла глаза.

— Я так рада видеть вас, — сказала сна.

Это было ее обычное приветствие. Оно всегда звучало искренне, и это так привлекало в Дженни. Однако сегодня Харриет подумала, что Дженни, наверное, предпочла бы побыть одна. Ее спокойное лицо мадонны было бледным и страдальческим, а под глазами лежали тени, похожие на синяки.

— Мы ненадолго, — пообещала Харриет, — на одну-две минуты.

— Я устала, потому что мама пробыла у меня большую часть дня. Она больше нуждается в уходе, чем я. Сейчас она носилась по магазинам, делая покупки, а потом будет убирать для Чарли квартиру. Я говорила ей, что не надо ничего покупать и убирать, но она и слушать об этом не хочет.

Дженни прикоснулась к цветам:

— Спасибо за цветы. Они прекрасны.

— Здесь хорошо, — сказала Джейн, оглядывая маленькую комнату.

— Неплохо, — согласилась Дженни.

Ее рот искривила необычная гримаса. Конечно, ее спрятали в этой комнате подальше от прекрасных младенцев, лежащих в своих кроватках в большой палате. Все они понимали это, между ними существовала сильная и достаточно прочная связь, по которой передавались невысказанное беспокойство и симпатия. Харриет и Джейн сели по разные стороны кровати, их руки прикоснулись к рукам Дженни.

— Как он?

Дженни ответила не сразу. Потом с улыбкой, противоречащей выражению своего лица, она ответила:

— Мы назвали его Джеймс Джонатан. Больничный священник окрестил его. Чарли и я были рядом, медсестры разрешили нам подержать его одну минуту. Это было... О, я не хочу плакать при вас, но это было очень трогательно.

Ее лицо сжалось и исказилось болью. Джейн тихо наклонялась до тех пор, пока ее лоб не коснулся обнаженного предплечья Дженни. Харриет сидела неподвижно, сознавая, как сильно она любит их обоих. По сравнению с прочными и естественными узами дружбы ее закончившееся замужество выглядело непрочным и неестественным. Она увидела, что лицо Дженни заблестело от слез. Она осторожно высвободила руку, достала платок и вытерла ей лицо.

— Последние новости звучали обнадеживающе, — осмелилась сказать она.

— Да, начать с того, что я уже стала строить кое-какие планы. Через месяц мы заберем его домой. Не ожидая слишком многого, просто выясняем, что ему можно, а что нет. Потом они пришли ко мне и сказали, что есть проблемы с его дыханием. Они вентилировали ему легкие, которые сами не хотели работать. Затем они сказали, что что-то непонятно с почками. Есть непроходимость кишечника. Сейчас они наблюдают за ним, чтобы восстановить проходимость.

— Все это происходило так быстро?

— Он очень маленький. И у таких маленьких... таких маленьких ухудшение происходит очень быстро. Однако он значительно крупнее любого из находящихся здесь новорожденных. Если он сможет пережить операцию и если она пройдет успешно, то с ним может быть все в порядке.

Они видели, как на нее равномерно накатывают одинаковые волны то надежды, то отчаяния, и ощущали то напряжение, от которого холодели ее руки до кончиков пальцев.

— Доктор предупредил, что пока еще рано надеяться, критическим может оказаться любой день или даже любой час.

Харриет и Джейн сказали все, что только можно было сказать утешительного. А затем, когда беседа иссякла, они посидели несколько минут в тишине, нарушаемой только больничным шумом. Они слышали грохот больших металлических тележек и чувствовали запах вареных овощей. Готовился ранний больничный ужин.

— Нам, наверное, пора идти? — мягко спросила Харриет.

— Побудьте еще минут пять. — Дженни утомленно закрыла глаза.

— А где же Чарли? — полусказала-полупрошептала Джейн, обращаясь к Харриет.

Ответила же ей Дженни:

— Редактор попросил его прийти и сделать какую-то работу. Я сказала, чтобы он пошел, здесь ему все равно делать нечего. Мне бы самой хотелось что-нибудь делать вместо того, чтобы просто лежать здесь. Если бы я могла сделать хоть что-нибудь, да что угодно на свете, чтобы помочь ему выжить, я бы сделала это.

Они замерли, прижавшись друг к другу и ничего не говоря.

Харриет не знала, сколько прошло времени до того момента, как вошел доктор в своем белом халате. Все трое настороженно посмотрели на него.

— Миссис Тимбелл, могу я сказать вам пару слов?

Харриет и Джейн вышли в коридор. Они прислонились к окрашенной зеленой краской стене и слушали крики младенцев. Доктор, держа руки в карманах халата, вышел в коридор,

ободряюще кивнул им и исчез.

Руки Дженни показались им совсем онемевшими. Она сказала:

— Они собираются сегодня вечером провести операцию для ликвидации непроходимости. Они не могут сказать мне ничего другого до тех пор, пока всего не сделают. Вы подождете до прихода Чарли? Он сказал, что будет здесь в семь.

Они снова сели по разные стороны кровати. Они пытались разговаривать, однако слова замирали в тишине и, казалось, что Дженни это устраивало. Только раз Джейн сказала тихо и твердо:

— Ну, держись, Джеймс Джонатан. Держись.

Пришел Чарли.

Обычно это был шумный и краснолицый мужчина. Он был большим любителем пива и сплетен. Однако за его манерами завсегда была скрывалась утонченная интеллигентность. Но сегодня вечером он не был шумным.

Чарли сел и обхватил руками жену, прислонившись головой к ее подушкам. Через минуту Джейн и Харриет тихо выскользнули из палаты.

На улице Джейн сказала:

— Давай зайдем выпить. Мне совершенно необходимо выпить. Бедная Дженни, бедная подруга.

На углу был винный бар. Это был обычный бар с плетеной мебелью, выкрашенной зеленой краской, и различными растениями, покрытыми капельками влаги. Они не раздумывая заказали вино и сели за один из плетеных столиков. Казалось, что им уже нечего было сказать друг другу такого, что не было бы бессмысленным повторением пережитых волнений. Харриет наблюдала за входящими посетителями, которые здоровались друг с другом. Создавалось впечатление, что все они разделены на очень нежные парочки.

— Что случилось? — требовательно спросила Джейн. — Что-то не так, я угадала?

Харриет отрицательно покачала головой.

— Я думаю, что не произошло никакой особой трагедии. Все это даже не имеет большого значения. Я так подумала, когда мы сидели с Дженни.

— Что, Харриет?

— Лео.

Харриет рассказала все, что случилось. Джейн резко сдвинула свои густые светлые брови. Ей никогда особенно не нравился Лео, но она всегда была обостренно справедлива.

Именно справедливость и заставила ее спросить:

— А ты уверена?

— Уверена? Я допускаю, что он собирался сделать несколько кадров для календаря, а также я допускаю, что он снял свою одежду для того, чтобы составить компанию модели. Но тогда ему, наверное, нужны были фотоаппарат и пара осветительных приборов, не так ли? Нет, я думаю, что это не смешно. Кроме того, он сам признал, что это был не первый случай и это была даже не первая девушка. Все это происходило достаточно долго. — Харриет сделала небольшую паузу, а затем добавила: — Честно говоря, я должна была бы признать, что догадывалась об этом. Только мне очень не хотелось ничего этого знать, и поэтому я закрывала на все глаза.

Джейн сделала большой глоток вина:

— Так что же случилось?

— Я ухожу от него.

— Не будет ли это несколько опрометчиво. Ведь вы долго прожили вместе, вы — Лео плюс Харриет, не так ли? Ты надумала так поступить, исходя только из своего жизненного опыта, или ты приняла это решение, пользуясь колонкой семейных советов в газете?

Харриет задумалась о Дженни и Чарли, она подумала о том, как повлияет на их брак неполноценный ребенок или даже смерть Джеймса Джонатана. Несколько рассеянно она ответила:

— Я не думаю, что кто-то из нас может разобраться в семейных делах других.

— Да. Особенно тот, кто вообще не был замужем, вроде меня.

— Я не это имела в виду.

Джейн смягчилась:

— Я знаю, что ты не это имела в виду. Не будь глупой. Я просто хотела сказать некоторые очевидные вещи, например, не следует поступать столь бескомпромиссно и поспешно, дайте друг другу еще один шанс.

Харриет ответила не раздумывая:

— Нет. Пойми, не надо принимать никаких решений и не нужно ничего обосновывать. Я абсолютно уверена, что все кончено. И было бы просто бессмысленно пытаться сохранить такое положение во что бы то ни стало. Лео человек слабый, что тут еще сказать. Опять были бы ссоры, различные отговорки и подкапывание друг под друга. Лучше я сегодня проявлю твердость и покончу с этим.

— Да, вся ты в этом.

— Ты не согласна со мной?

— Я не знаю. Я не знаю, что люди обещают, когда женятся, но я хорошо представляю себе те обещания, которые нельзя так легко не выполнять.

«Однако они не выполняются, — с грустью подумала Харриет. — Они не выполняются, и без любви или привязанности все это не имеет смысла. Было бы совсем по-другому, если бы у нас были дети. Если бы были».

Она не сказала этого, помня о том месте, где они только что были, и зная, что Джейн хотела бы иметь ребенка, но так и не смогла найти для него отца. Она нашла себе прибежище в суровости.

— Я не понимаю, почему ты защищаешь омерзительное поведение Лео?

— Я не защищаю. Ты знаешь, что я думаю о Лео. Я просто пытаюсь посмотреть с обеих сторон.

— И в этом вся ты.

Это заявление заставило их обеих рассмеяться. Возникла маленькая искорка долгожданного смеха, которая разрядила напряжение. Они склонились друг к другу так, что их плечи соприкоснулись.

— Что ты собираешься делать?

— Он уехал до послезавтра. Я думаю, что некоторое время я поживу дома. Мне бы хотелось поговорить с Кэт так мягко, как только я смогу. По ее мнению, Лео настолько безупречен, насколько полагает Эйврил. Ну, может быть, только не совсем уж полное совершенство. Это было бы просто невозможно.

Она засмеялись снова. Джейн знала свекровь Харриет.

— Затем я буду искать квартиру. Я надеюсь, что мне удастся получить половину стоимости нашей квартиры. Я еще серьезно не задумывалась об этом. Я только решила, что мы уже больше никогда не будем вместе — Лео плюс Харриет. Харриет легче будет остаться

одной.

Джейн строго взглянула на нее:

— Хорошо. Ты ведь знаешь, что можешь жить у меня столько, сколько захочешь.

У Джейн был собственный крошечный домик в Хакни — гостеприимное жилище, почти всегда полное людей.

— Спасибо, — сказала Харриет, зная об этом.

Джейн откинулась на спинку стула:

— Хотела бы я знать, что сейчас происходит недалеко отсюда.

— Беспомощность ухудшает положение. Подумай, каково сейчас Дженни и Чарли.

Они сидели за столом в винном баре и, заканчивая без всякого удовольствия бутылку вина, вели унылый разговор. Трудно было достаточно долго думать о чем-то, кроме больного ребенка, и о том, каким испытаниям должно быть подвергнуто его крошечное тельце.

Наконец они расплатились по счету и вышли на теплую вечернюю улицу. Они чувствовали, что не смогут заставить себя что-то съесть. Харриет не испытывала никакого желания возвращаться в свой по-новому непривычный дом, хотя и понимала, что она должна начать самостоятельную жизнь, которая со временем станет для нее обычной. Выбора у нее не было.

Они прошли немного вместе и остановились там, где встретились раньше, по дороге в больницу.

— Ты уверена, что не хочешь поехать со мной в Хакни? — спросила Джейн.

— Нет, спасибо. Я подумаю о твоём предложении через некоторое время.

— Тогда, спокойной ночи. — Они на мгновенье прижались друг к другу. Щека Джейн была очень теплой и мягкой.

— Позвоню тебе завтра.

— До завтра.

Харриет вернулась в квартиру, которая уже не была ее домом. Она снова обошла все комнаты, прикасаясь к вещам, которые уже не были их общей собственностью, и думала.

За пять минут до полуночи зазвонил телефон, всего один раз, так как она сразу сняла трубку.

Чарли сказал ей, что Джеймс Джонатан пережил операцию, после которой его вернули в реанимационное отделение, но через некоторое время у него остановилось сердце. Врачам удалось восстановить сердцебиение, однако оно было слабым, со значительными перебоями и через некоторое время угасло.

— Дженни держала его на руках, когда сердце остановилось.

Чарли плакал. Слезы покатались по лицу Харриет.

— Я сожалею, Чарли. Я так сожалею.

Жизнь Джеймса Джонатана продлилась меньше двух дней.

Харриет вошла в спальню, легла в темноте и заплакала о нем.

Отправляясь к матери на Сандерленд-авеню, Харриет не взяла своей машины. Хотя машина была припаркована возле дома и ключи лежали у нее в сумке, Харриет, проходя мимо, даже не взглянула на ее сверкающие поверхности. Она прошла в конец улицы, повернула направо и пошла в сторону от реки по направлению к станции метро.

В давнюю пору своей независимой жизни, до встречи с Лео, до того, как у них появились квартира и машина, Харриет всегда ездила к Кэт на метро. Ее мать и отчим жили на южной окраине Лондона, где узенькие улочки, состоящие из домиков с террасами, дают начало широким пригородным автострадам с отходящими от них тупиками.

Это было очень неудобное и утомительное путешествие с двумя пересадками, а потом от станции метро надо было еще ехать на автобусе, однако сегодня нужно было быть готовой снова повторить этот путь.

Харриет едва заметно улыбалась, пробираясь через небольшой уличный рынок, обходя прилавки, заполненные цветной капустой, индийскими хлопчатобумажными рубашками и дешевыми магнитофонными кассетами.

«Вернуться домой к матери? — поддразнивала она сама себя. — Не попробовать ли?»

Нет, это невозможно. Она была близка с Кэт и чувствовала потребность объяснить ей, что произошло. Она ехала к матери, как к своей подруге.

Харриет вышла с другой стороны рынка и увидела станцию метро на противоположном углу улицы. На тротуаре перед входом в метро валялись гнилые апельсины, очистки от овощей и картонные коробки из-под гамбургеров.

Небольшая группа панков и помогающих рыночным торговцам парней расположилась возле парапета. Они внимательно осмотрели ее, когда она проходила мимо. Харриет считала, что она уже слишком стара и так давно замужем, что не может представлять интереса для уличных бездельников, однако сегодня она напомнила сама себе, что ей еще нет и тридцати и что она уже больше не замужем.

Она поймала взгляд одного из рыночных парней. Он выпятил нижнюю челюсть и просвистел сквозь зубы:

— О, дорогая! Могу я жениться на тебе?

Это было не слишком большой победой, однако приободрило ее. Она улыбнулась более ласково, чем это требовалось, и кивнула.

— Отлично, я буду ждать тебя, — крикнул он ей вслед.

Харриет прошла через узкий вход в кассовый зал, и плотный, душный воздух метро окутал ее. Она опустила монету в автомат, прошла через турникет и спустилась в толпе людей, отправляющихся за покупками в это субботнее утро. Эскалатор понес ее вниз, превратив в одну из частиц бесконечной ленты спускающихся голов, похожих на необычные кегли.

Поезд был переполнен. Харриет втиснулась в вагон, заполненный спрессованными телами, и схватилась за свисающую ручку. В сумке у нее была сложенная газета, но она не могла даже вынуть ее, а не то чтобы развернуть и почитать. Вместо этого Харриет стала рассматривать окружающих ее пассажиров.

Прямо под ее локтем сидела молодая негритянская пара с маленькой девочкой, оседлавшей колени отца. Волосы ребенка были заплетены в упругие косички, и она была

одета в белоснежное платье с рюшками. Девочка с сияющей улыбкой посмотрела на Харриет, и она тоже ответила ей улыбкой. Молодые родители с гордостью понимающе кивнули.

Улыбка осталась на лице Харриет и тогда, когда она продолжила осмотр пассажиров. Рядом с ней стояли три молоденьких девушки, направляющиеся в западную часть города, чтобы потратить свою недельную зарплату на одежду. За ними стоял толстый мужчина в рабочей спецодежде, а за ним — два сутулящихся мальчика с наушниками на голове. Здесь были также старушки, туристы в плащах, иностранные студенты, мужчины средних лет с восковыми лицами — все притиснутые друг к другу и терпеливо потевшие.

Харриет не возражала быть частью этой разнородной массы, она даже испытывала к ней определенное расположение. Она подумала, что это — как бы срез всего города, загнанный под землю, и она сама является частицей его.

Когда она сделала пересадку, толпа поредела. Сейчас она ехала против течения субботних покупателей, и в вагоне было много свободных мест, однако Харриет все еще не развернула газеты. Она смотрела через противоположное окно на бесконечный бег трубопроводов и думала. В конце линии метро она была почти единственным пассажиром в поезде. Она поднялась по замусоренным ступенькам через все слои станционных запахов, вышла из метро и села в автобус. Харриет забралась на верхний этаж автобуса. Когда Лиза была еще ребенком, они вместе с Кэт всегда забирались наверх, любуясь окружающими ландшафтами и мельканием жизни за окнами первых этажей.

До Сандерленд-авеню было недалеко. Много лет назад Харриет решила, что где-то здесь, по дороге, проходит линия, разделяющая Лондон, настоящий Лондон, и его тусклые, благопристойные пригороды. Торговые улицы переходили в ряды домов, расходящихся от основной дороги. Крутые холмы создавали впечатление, что леса и зеленые поля как бы мелькают на некотором расстоянии от верха автобуса. Харриет хорошо знала, что даже в самый ясный день здесь ничего не увидишь, кроме множества разбегающихся улиц, выходящих вверх и вниз по холмам.

Автобус остановился в конце Сандерленд-авеню. К дому матери предстояло еще преодолеть крутой подъем. Харриет быстро шла под деревьями, растущими вдоль улицы, мимо садов, полных астр, георгинов и поздних роз. Сады эти были большими, они отделяли друг от друга построенные в тридцатые годы дома, и живущие в них хозяева очень гордились ими.

Это был район с пристроенными к домам оранжереями, новыми черепичными крышами и названиями домов, написанными на плитах из камня, кусках грубо обработанной древесины или изогнутых металлических пластинах.

Появившийся перед Харриет на изломе холма дом, принадлежащий Кэт и ее мужу, казался еще более ухоженным, чем окружающие. Старые окна были заменены большими со стальными рамами.

В доме была застекленная комната, окружающая парадную дверь, которую Кен называл «штормовым тамбуром», в саду, за дорогой, ведущей к парадному подъезду, были декоративные каменные горки, а новая изгородь сада была из желтоватого камня. Большие кованые ворота поперек короткой проезжей части дороги были выкрашены в светло-голубой цвет.

У Кена была небольшая машиностроительная фирма с подразделением, специализирующимся в области местного центрального отопления. «Я всегда говорю, что

мой дом является такой же рекламой моего бизнеса, как и мой офис», — любил отмечать Кен.

«Конечно, ты всегда так говоришь», — соглашалась Харриет, получая при этом сердитый взгляд со стороны Кэт и хихиканье со стороны Лизы. Кен всегда только удовлетворенно кивал, как будто бы она просто соглашалась с ним. Он был добрым человеком, и ему нравилась его падчерица.

Еще до того, как Харриет подошла к стеклянной двери подъезда, она увидела Кэт среди ее бегоний, спрятанных от любых ветров, которые могли бы обрушиться на южный Лондон.

— Харриет! Ты не сообщила, что собираешься приехать.

— Я предполагала, что ты будешь дома.

Кроме того, она также надеялась, что ее сводной сестры не будет дома, а Кен будет на работе.

— Если бы ты позвонила. Лиза у Карен, а Кен на работе.

— Ничего. — Харриет поцеловала мать, потом взяла ее за руку. — В нашем распоряжении есть час. — И, думая о том, что она должна сказать за этот час, она чересчур бодро добавила: — Сад выглядит восхитительно.

Кэт заглянула ей через плечо.

— А где твоя машина, дорогая?

— Я оставила ее... дома. Приехала на метро.

Кэт испугалась:

— Она не разбита? Нет?

Харриет знала, что ее мать гордится ее красивым автомобилем, гордится ее магазином и гордится Лео, имя которого появляется рядом с его фотографиями в блестящих журналах.

— Я просто хотела прокатиться по своему старому маршруту.

— Но это же так неудобно для тебя, — посочувствовала Кэт, как будто понимая, что такое решение может причинить только неудобства.

Они вместе вошли в дом и прошли в кухню, расположенную в его задней части. Она была больших размеров, из нее через раздвигающиеся двери просматривались терраса и находящийся за ней сад. Кухня была отделана керамической плиткой и сосновыми панелями, выстроились рядами раскрашенные цветами банки для круп и печенья, радио играло утреннюю музыку. Кэт насыпала в расписанные цветами кружки растворимый кофе, щелкнула выключателем на чайнике и начала рассказывать новости, связанные с последним приятелем Лизы.

Харриет стояла в дверях, ведущих во внутренний двор, в пол-оборота к саду и смотрела на склон лужайки, спускающийся вниз к разросшемуся айланту. Она внимательно слушала рассказ, отпуская реплики в нужный момент, однако Кэт прервала рассказ на полуслове.

— Что случилось? — спросила она. — Что-то ведь случилось, не правда ли?

Иногда она удивляла Харриет своей проницательностью. Харриет подумала, что она недооценивала интуицию своей матери.

— Дженни потеряла ребенка. Он прожил двое суток и умер этой ночью.

Ей было стыдно, что она уклонилась от прямого ответа, рассказав Кэт о трагедии Дженни вместо того, чтобы признаться в своей собственной.

Чувства Кэт отразились на ее лице. Она мало знала Дженни, однако ее участие было искренним:

— Бедняжка.

Харриет рассказала матери, что произошло. Они пили кофе, свободно откинувшись к сосновому буфету.

— Может быть, это и к лучшему, — заключила Кэт. — Лучше, чем навсегда остаться с неполноценным ребенком. Они могут попытаться еще раз, когда все это забудется.

— Наверное, — грустно согласилась Харриет.

Кэт заглянула ей в лицо:

— У тебя есть что-то еще, не так ли?

Харриет подумала, что было бы значительно легче рассказать это кому-нибудь другому, любому, в конце концов, чем собственной матери в ее замечательной кухне.

— Харриет? — Кэт уже встревожилась.

Было бессмысленно искать успокоительные слова. Повернувшись спиной к айланту, Харриет сказала:

— Мы с Лео решили расстаться.

Как только это было произнесено, она сразу же пожалела о том, что слегка покривила душой. Кэт побледнела, едва не уронив своей кружки с кофе, и даже не заметила лужицу жидкости, пролитой на белую поверхность кухонного стола.

— Нет, моя девочка, вы не должны этого делать. Ты замужняя женщина. Ты не должна была приезжать сюда и говорить, что сдаешься после вашей первой ссоры. В супружестве необходимо приспособливаться, разве ты этого не понимаешь? Ты должна бороться за свою семью. После того, как все это пройдет, вы даже станете ближе друг другу.

Харриет понимала, что Кэт уже сглаживает неприятности, приводя все в порядок в своей голове так, как будто жизнь ее дочери — это ее собственная кухня.

— Не говори так, будто ты не моя мать, а сварливая тетка, — сказала Харриет. — Мы женаты уже четыре года, и у нас были тысячи ссор. Но я ухожу от него не из-за ссор. Правда заключается в том, что мы не сделали друг друга счастливыми. Сегодня мы признали эту правду. Все совершенно очевидно.

Она не ожидала, что Кэт так расстроиться. Ее мать частенько плакала, но сегодня она была слишком потрясена даже для того, чтобы заплакать.

— Как ты можешь так говорить? Вы были прекрасной парой, были всегда, с самой свадьбы.

«Свадьба, — подумала Харриет, — да я бы никогда в жизни не позволила себе переступить через все это». Какая это была торжественная свадьба, оплаченная, в основном, щедрым Кеном. Харриет была в длинном платье, с туго затянутой талией, длинным шлейфом и фатой. Ее сводная сестра, которой тогда было пятнадцать лет, старалась спрятать свою щенячью полноту в складках пшенично-золотого атласа, а две другие маленькие подружки невесты были в кремовом шелке.

Взятый напрокат серый роллс-ройс с белыми лентами и роскошный прием последовали за экуменической службой. Родители Лео отступили перед неизбежностью. Харриет сумела донести до них свои доводы. Подружка Лео была вполне респектабельной девушкой, к тому же неглупой. Она имела свой маленький бизнес, в котором вполне преуспевала. Семья Лео прибыла на свадьбу в полном составе и прислала невероятно щедрые подарки.

Сейчас Харриет представила себе Эйврил Гоулд, качающую своей хорошо ухоженной серебряной головой и тихо повторяющую: «Эти смешанные браки зачастую приносят горе», — а затем с обожанием добавляющую: «Лео всегда был непослушным и своевольным мальчиком».

Она окинула взглядом украшенную изразцами и сосной кухню матери.

— Мы совсем не пара. И, видимо, никогда ею не были. Это очень сложное понятие, особенно для таких эгоистичных людей, как мы с Лео.

— Вы не эгоистичны, — возразила Кэт, — а Лео — хороший муж. Он заботился о тебе.

Выдержка покинула Харриет:

— Он ужасный, отвратительный муж, — резко оборвала она мать. — Ты знаешь, за каким занятием я его застала? Ты можешь себе представить? Нет, даже не пытайся угадать. Я застала его в студии, занимающимся любовью с моделью.

— Ты уверена?

Такой же вопрос задала и Джейн. Когда это дошло до нее, ее разобрал смех, удушающий смех, наполнивший ее глаза слезами.

— Уверена? Чем еще они могли там заниматься?

— Как ты можешь смеяться над этим?

Казалось, Кэт больше потрясло легкомыслие дочери, чем случившиеся неприятности. Харриет пришло в голову, что даже ее мать вряд ли сможет понять, что она открыла для себя за эти годы. Гнев усилил ее решимость.

— Я не намерена возвращаться в эту квартиру. Ее можно продать, на каждого из нас приходится по пятьдесят процентов. Я использую свою долю для покупки меньшей квартиры.

— Ты очень хладнокровно рассуждаешь об этом.

— Я? Мне просто нужно знать, чего я сама хочу, и это все.

Кэт начала успокаиваться. Она вытерла пролитый кофе и, удерживая кружку над раковиной, обтерла доньшко.

— Ты всегда это знала. Всегда, с раннего детства.

Кэт помнила, какой была Харриет много лет назад, когда они были только вдвоем. Прямой и обладающей непоколебимой уверенностью.

Она покачала головой и вздохнула. Кэт хотела видеть свою дочь счастливой и была убеждена, что она этого заслуживает. Однако, несмотря на все свои возможности, Харриет была скорее недовольной, чем удовлетворенной.

— Я считаю, что ты должна дать ему еще один шанс. Может быть, он больше никогда так не поступит.

— Нет, — сказала Харриет, не давая возможности возразить, — он сделает это снова, потому что делал это и раньше. — Она снова рассмеялась: — Ты знаешь, наверное, это могло бы быть совсем по-другому, если бы он не пытался прикрыть свою наготу рубашкой. — Абсурдность этой ситуации заставила ее рассмеяться еще сильнее. — Как будто бы он делал там что-нибудь таинственное, чего я не должна была видеть.

Потом она перехватила взгляд матери, и ее смех потух. Она подошла к Кэт и обняла ее:

— Прости меня, если я тебя разочаровала. Прости и меня, и Лео.

— Это все? — спросила Кэт.

Харриет задумалась, все казалось слишком незначительным после столь важного.

— Да, — ответила она спокойно, — кажется, все.

Она сняла руки с плеч матери, вновь подошла к дверям в сад и снова посмотрела на большое дерево. На его листьях начали появляться осенние цвета. «Айлант сбрасывает листья каждую зиму», — ободряюще сказала Харриет самой себе. Но было бы сентиментальной ошибкой рассматривать это, как символ.

— Могу я остаться здесь на день-другой? Пока не сниму себе квартиру. Если вам это покажется неудобным, я могу пожить и у Джейн.

Ее детская комната выходила на лестничную площадку напротив комнаты Лизы. Теперь ее поддерживали в полном порядке на случай гостей.

— Какое же в этом будет неудобство? Конечно, ты можешь остаться. Что мы скажем Кену и Лизе?

— Конечно, правду.

Как и ожидала Харриет, предположение Кэт о том, что ее новости произведут на семью сильное и обескураживающее впечатление, оказались сильно преувеличенными.

— Он большой дурак, — произнес Кен. — Дорогая, скажи, что мне сделать, чтобы помочь тебе? Я могу поехать туда и исколошматить его за тебя, если ты хочешь.

— Спасибо, не нужно, — пробормотала Харриет.

Лиза вернулась как раз вовремя, для того чтобы изменить время свидания со своей последней любовью. Харриет села на край кровати и наблюдала, как ее сводная сестра проплывала между гардеробом и туалетным столиком.

Их разделяло слишком много лет и они были слишком разными даже для того, чтобы между ними могла возникнуть дружба. Когда они были детьми, они соперничали, но они были настолько разными, что не могли испытывать удовлетворения даже от этого соперничества. Заслугой Кэт и, особенно, Кена было то, что к девочкам всегда относились справедливо. Но и сейчас, став взрослыми, они не испытывали полного доверия друг к другу. Они жили в состоянии неустойчивого перемирия, всегда сознавая, что враждебность может вспыхнуть снова.

У младшей дочери Кэт были светлые и вьющиеся материнские волосы и такая же полная, мягкая нижняя губа. Черты Харриет были тоньше и тверже. Лиза была спокойной, предрасположенной к лени, за исключением тех случаев, когда появлялась хоть малейшая угроза тому, что она не сможет добиться своего. Как и ее мать, она всеми силами старалась избегать трудных разговоров, предпочитая, чтобы все было приятно и комфортно. Харриет же предпочитала ясность и справедливость.

— Я думаю, Кэт уверена, что я вернусь к нему, — сказала Харриет.

— А ты? — и еще до того, как она закончила говорить, внимание Лизы возвратилось к зеркалу. Она энергично красила губы тонкой кисточкой. Харриет вспомнила, как десять лет назад она тоже была поглощена таким же уходом за собой. Лиза была пухленькой девятилетней девочкой, все время чем-то недовольной. Сегодня ей не хотелось оглядываться на прошлое.

— Конечно, нет.

Лиза надела колпачок на губную помаду, сжала губы, а потом выпятила их.

— Я не могу сказать, что я тебя в чем-то обвиняю. Но это очень серьезное решение, не так ли? Неужели ты не можешь попробовать простить и забыть? Лео неплохой человек, даже если он обычно первый говорит тебе это.

Харриет отметила, что для Лизы это была необычайно глубокая мысль.

— Я не люблю его.

Лиза пожала плечами.

— Тогда все упрощается. Ты не боишься самостоятельной жизни?

Харриет подумала о своем доме, полном символов, воспоминаний и семейного

комфорта, принадлежащем чужим друг другу людям.

— Со временем станет легче.

Внизу дважды прозвенел дверной звонок. Лиза вскочила на ноги, уже ничего не слыша.

— Желаю хорошо провести время, — сказала ей вслед Харриет, понимая ее возраст.

Кэт и Кен смотрели вниз телевизор. Харриет почитала книгу — это была Агата Кристи, которую она нашла у Кэт, и очень рано ушла спать. Она лежала в темноте в своей старой спальне. Ей было слышно гудение телевизора внизу, на первом этаже. Это напоминало ей детство, когда ее отправляли спать, а взрослая жизнь могла продолжаться и в ее отсутствие. После этих долгих бессонных вечеров ей запомнились очертания ее комнаты и предметы, которые были там раньше, заплатки на потолке, а также расположение невидимых крючков для картинок, гардероба и кресла. Скрип мебели и свист труб за полками для юбок были похожи на слова, сказанные после долгого молчания.

Встреча с комнатой, самими ее запахами, казалось, должна была вызвать гнетущее чувство, однако, лежа здесь в течение нескольких минут, Харриет начала испытывать странное ощущение. Она чувствовала себя легкой, легче воздуха. Ей казалось, что она может отделиться от матраса, а лежащее на ней одеяло не имеет веса. Это было так, как будто бы она выпила много вина, но не ощущала при этом головокружения или связанного с опьянением беспокойства. Голова ее была очень ясной, и она знала, что сон от нее очень далеко.

Через некоторое время она поняла, что то чувство, которое она испытала, — это свобода. Она снова была независима.

Это чувство было и опьяняющим, и пугающим. Сжав кулаки и зацепившись пальцами, как якорем, за белье, Харриет стала размышлять о том, что же она может сделать. Ее ответственность перед Лео и перед браком, как таковым, похоже, уходит в прошлое. Будущие возможности, напротив, забрезжили вокруг нее. Они безграничны и совсем рядом, нужно только взять их.

Ей было страшно, но этот страх был вызван тем, что она может не распознать появляющихся возможностей. Мысль о том, что она может упустить большие возможности, чем те, которые уже прошли мимо нее в то время, когда ее горизонт закрывал Лео, толкнула ее в сердце, и по ее груди пробежали холодные мурашки. Для того, чтобы успокоиться, она заставила себя дышать медленно — вдох-выдох.

Чего Харриет смогла достигнуть, так это того ощущения свободы, которое пришло к ней, когда она лежала в темноте своей старой спальни на Сандерленд-авеню. Она была абсолютно убеждена, что сумеет направить себя по любому пути, по которому захочет идти. Она всего достигнет и добьется успеха, даже если он будет расти на айланте за ее окном. Она чувствовала силу для этого даже в кончиках пальцев.

Образы успеха, славы и счастья проплывали перед ней. Но ни одно из этих видений не имело ничего общего с любовью. У нее была любовь, и оказалось так, что этой любовью был Лео.

Все, что Харриет видела, было чистым и ярким, но это было похоже на галлюцинации. Когда потом она пыталась восстановить все великолепие этого видения или хотя бы припомнить те простые шаги, которые привели ее к такой славе, у нее ничего не получалось. Все кануло так же, как сон.

Она не знала, как долго продолжалось это видение. Через некоторое время она ощутила, что ее конечности снова тяжелеют. Она закрыла глаза и тотчас же почувствовала, что не в

силах открыть их снова. Минуту назад она понимала, что не может заснуть, а сейчас сон уже охватил ее. Она не предпринимала никаких попыток сопротивляться ему.

Харриет глубоко и удовлетворенно вздохнула и провалилась в глубокий сон без сновидений.

Харриет беседовала с Кэт. По предложению Харриет, поскольку сосновый бастион кухни угнетал ее, они вышли в сад и расположились на складных стульях в тени айланта. Стоял теплый день конца сентября, и сад был заполнен желтым цветом. Полуденное воскресное гудение газонокосилок доносилось из-за забора.

Харриет видела чистую пригородную живописную картинку с такой резкой четкостью, что, казалось, слои пыли были вымыты из воздуха грозой. Память о том видении оставалась у нее и во время ночного сна, и во время семейного воскресного утра, которое она провела с Кэт, Кеном и Лизой. Она понимала, что этот сон наяву был очень значительным, хотя и не чувствовала в себе какого-то особого отклика на те мелькающие образы, которые кружились вокруг нее в темноте.

Она так осторожно изучала свое обостренное сознание, как будто бы в ней имелось какое-то уязвимое место, которое необходимо было защитить. Когда она смотрела на знакомые вещи, перед ее ясным взором, казалось, представляли иные, удивительные перспективы.

Кэт носила летние туфли на высокой пробковой танкетке; ногти на ее ногах были покрыты темно-красным лаком.

Глядя на ноги матери, Харриет задумчиво сказала:

— Ты носишь такие же туфли, как те, которые ты носила, когда я была маленькой.

Она еще помнила голубую юбку и маленькую песочницу, видимо, на детской площадке. Кэт в своей голубой юбке наклонилась к ней, держа между пальцами сигарету, над которой вился голубой дымок.

— Пробковые каблук. Это точно. Какая у тебя хорошая память, — сказала Кэт, — тебе тогда было не больше четырех или пяти лет.

— Я, вообще, многое помню, — ответила Харриет.

Кое-что еще напоминало ей сегодня о давно минувших годах. Возможно, это был свет, косой и золотой, — обычный фон ее памяти.

Кэт с любопытством взглянула на нее:

— Много? Что именно?

— Места, где мы жили до Кена. В одном было много лестниц, с которых можно было смотреть на железнодорожные пути.

— Это было ужасное место. Жаль, что ты не забыла этого. Я-то, конечно, забыла.

Голос Кэт стал резким. Они редко говорили о тех временах, до Кена, до наступления комфорта и респектабельности.

— Все было замечательно, не так ли? Помню, как я играла на лестницах. Там была еще толстая женщина, которая иногда брала меня в свою комнату и позволяла мне трогать фарфоровые статуэтки животных, а где была ты?

— Работала. Сибил обычно заботилась о тебе, пока меня не было.

— Это были нелегкие для тебя времена.

Харриет частенько удивлялась тому, как Кэт, которая любила красивые вещи и ненавидела не то что бы ссоры и сцены, но даже, вообще, любые проявления сильных чувств,

справлялась в той жизни. Тем не менее, она содержала себя и внебрачную дочь, работая в нескольких местах прислужкой до тех пор, пока не пришел Кен Тротт, который и спас их обоих. Вот только Харриет не нужно было, чтобы ее спасали.

Кэт продолжала:

— У меня была ты, дорогая. Я хотела заботиться о тебе. Я никому не собиралась позволить встать между нами, что бы мне ни пришлось сделать.

«Кроме Кена и Лизы», — подумала Харриет и едва не засмеялась в полный голос над своей старой обидой, которая все еще вползала в ее душу, напоминая о себе. Харриет было восемь лет, когда Кен взял Кэт с нею в свой первый дом, после чего начался процесс улучшения ванн и кухонь, который достиг высшей точки здесь, на Сандерленд-авеню. Лиза родилась, когда Харриет было десять лет.

Взрослая Харриет знала, что она ненавидела их обоих — и отчима, и сводную сестру, до самой юности. Юная Харриет не понимала, что это за чувство, но оно отделяло ее от семьи. Она жила с этим чувством и другими эмоциями, совершенно не подходящими для жизни в доме Троттов, подавляя их в себе. Она старалась продемонстрировать те черты, которые они одобряли или, по крайней мере, терпели, и благодаря этому она стала умной Харриет, решительной Харриет, уверенной в себе Харриет, той Харриет, которая была способна самостоятельно дать отпор, когда кто-то задевал ее. Лиза была прелестной девочкой, очень похожей на свою мать, хорошей маленькой девочкой. Одно воспоминание о ней заставляло Харриет скрежетать зубами. Она понимала, что она, вероятно, была трудным ребенком.

— Бедняжка, — почувствовала она своей матери.

Кэт была потрясена:

— Я не знаю, почему ты так решила. Я счастлива. Я могла бы закончить свою жизнь где попало, если принять во внимание то, как я ее начала.

Харриет знала, что эта фраза означает: учитывая то, что я оказалась в восемнадцать лет беременна и не замужем. Даже сейчас она понимала страх своей матери. Это было очень серьезно — попасть в такую беду в английской провинции в 1952 году. Кэт трудно было даже рассказывать об этом.

Неожиданно, в этом солнечном саду, мысли Харриет резко переключились с ее ночного видения на другое. От светлого чувства свободы ее унесло куда-то в сторону. Ее замужество закончилось. Она уже выросла, ей двадцать девять лет, у нее нет иждивенцев и нет смысла в жизни. У Кэт был такой смысл, здесь с Кеном, и Харриет было стыдно за свою скрытую детскую обиду. У нее были работа и, наверное, десяток настоящих друзей. Не густо, однако, для тридцати лет жизни. Подумав о куда более страшном одиночестве своей матери в восемнадцать лет, Харриет почувствовала страстное желание проникнуть в душу этой женщины с накрашенными ногтями.

— Расскажи мне об этом. Ты ведь никогда по-настоящему этого не делала.

— Это было так давно, дорогая. Кен — твой отец, ведь так же?

— Ну, пожалуйста.

Харриет в течение многих лет не задумывалась о том, что где-то существует ее настоящий отец. Даже в самые напряженные годы своей самостоятельной жизни она почти не думала об этом и не о нем спрашивала сейчас. А вот Кэт хотелось бы услышать именно об этом. Она боялась и плыла по течению. Рассказ Кэт мог бы выявить корни, которые уходили в те далекие времена, что были еще до появления Кена. Эти корни были зарыты очень глубоко, и она могла бы зацепиться за них.

— Расскажи мне, — попросила она, — расскажи мне, как ты выглядела тогда. Кэт была тронута ее интересом. Несколько секунд она сидела, задумчиво глядя вдаль через открытые двери, ведущие из внутреннего дворика в дом, погруженный в тишину. Потом, к удивлению Харриет, она уронила руки на металлические подлокотники кресла и засмеялась:

— Я была очень самонадеянной в те дни. Я думала, что смогу получить все, что захочу.

— Как странно, — сказала Харриет задумчиво. — У меня мелькнула такая же мысль вчера вечером. Я видела странный сон наяву и не могла заснуть.

Ей хотелось знать, а не были ли их некоторые видения одинаковыми, объединяя их через тридцать лет. Кэт не расслышала этого, она была погружена в свои воспоминания:

— Я была очень хорошенькой и знала это, — она повернулась к Харриет и так кокетливо выпятила свою мягкую нижнюю губу, как ее дочь еще никогда не видела. Она рассмеялась.

— У меня была масса поклонников. В пятницу вечером мы ходили в кино, а по субботам — на танцы. У нескольких из них даже были автомобили. По воскресеньям мы катались, ездили за город, ходили в паб.

— Какими они были, эти ребята?

— Я не помню. У всех были набриллиантиненные волосы, пиджаки и галстуки.

Один из них, подумала Харриет, был ее отцом. Который из них, в конце концов, не имело значения. Она попыталась представить его себе с набриллиантиненными волосами, развязывающим узел своего галстука перед тем, как расстегнуть пуговицы на хлопчатобумажной блузке Кэт. Эта возникшая в ее голове картина была черно-белой, как кадр из фильма пятидесятых годов. Харриет было интересно, что она чувствовала после кино, танцев и деревенского паба. Казалось, не было смысла задавать вопрос о том, как он выглядел.

— Я, действительно, помню кое-кого из того времени. Очень ярко. Иногда я даже думаю о нем.

Харриет подняла голову.

— Кто он?

— Он был значительно старше меня. Он был соседом твоих бабушки и дедушки. Мы жили на противоположных углах одной улицы. Только их дом отличался от нашего, он был повернут немного в сторону, так, что смотрел в другом направлении и в него нельзя было заглянуть с дороги, на каком бы месте вы ни находились. Он сам зарабатывал себе на жизнь, и мы видели его очень редко. Однажды произошел забавный случай, в результате которого мы и стали друзьями.

— Что случилось?

Но Кэт была уже просто поглощена своими воспоминаниями. Она продолжала, и подсказки Харриет ей не требовалось.

— Я обычно ездила на старом велосипеде. Я работала машинисткой в обувной фирме и, чтобы сэкономить на автобусе, в хорошую погоду ездила на работу на велосипеде. В тот день, когда я и встретила мистера Арчера, я, должно быть, разговаривала с одним приятелем за тем углом, за которым меня не смог бы увидеть твой дед. После того, как мы попрощались, я села на велосипед и по тротуару завернула за угол. И налетела прямо на фонарный столб. Слепленная, как мне кажется, любовью.

Кэт снова надула губы, и Харриет вновь рассмеялась, хотя с нетерпением ждала продолжения этой истории.

— Я грохнулась, велосипед оказался на мне, причем он гудел, так как колеса погнулись и некоторые спицы лопнули. Мистер Арчер шел в это время в другую сторону. Он помог мне подняться. Я чуть не заплакала из-за ушиба, из-за того, что чувствовала себя дурой, и из-за того, что мой велосипед был разбит.

Кэт так ясно вспомнила это, как будто все произошло неделю назад. «Больше тридцати лет назад», — подумала она про себя, не желая верить в это. Саймон Арчер снял с нее велосипед и протянул ей руку. Она схватилась за нее, а другой рукой она натянула юбку, чтобы прикрыть колени. Она сделала усилие, чтобы подняться на ноги, а он поддерживал ее за талию. Гудение велосипеда прекратилось, так как колеса перестали вращаться.

— Велосипед-то починят, — сказал он, — а вы-то как?

Кэт никогда не говорила ему ничего, кроме доброго утра. Она заметила, что у него приятный голос, как у диктора на радио. Она посмотрела на него и улыбнулась, хотя жутко болели голень из-за большой ссадины и бедро в том месте, которым она сильно ударилась о тротуар при падении.

— Все в порядке.

— Позвать вашу маму?

Кэт сделала умоляющее лицо:

— Нет, пожалуйста, не нужно, если вы только не хотите услышать, как меня будут отчитывать.

— Тогда лучше зайти ко мне. Вашу ногу нужно перевязать.

Он отвел ее погнутый велосипед в свой сад и прислонил к высокой ограде. Кэт, прихрамывая, шла за ним по направлению к парадной двери. Внутри дома было пусто и не очень уютно, но вполне чисто. Спаситель усадил ее на деревянный стул в кухне, окрашенной в кремовый цвет, и положил ногу на низкую скамеечку.

— Так, — пробормотал он, — теперь нужен комплект первой помощи.

Кэт оглядывалась по сторонам, пытаясь отвлечься от жжения в ссадине. Здесь были старая каменная раковина с одним капающим краном, находящаяся в углу, серо-голубая эмалированная плита на гнутых ножках, старомодный деревянный кухонный шкаф с несколькими простыми тарелками и чашками, а в середине стол, покрытый клеенкой.

Все здесь казалось более ветхим и, вообще, каким-то другим, не таким, как в ее доме, даже не столько по обстановке, сколько по тому впечатлению, которая она производила. Кухня ее матери была теплой, заставленной мебелью и пахнущей едой. Эта же кухня была холодной, и Кэт подумала, что здесь не может находиться много продуктов, которые обычно хранят за цинковой решеткой холодильника. Ее интересовал сам мистер Арчер, и она наблюдала, как он наполнял небольшой металлический тазик горячей водой из чайника. Она знала, что он вдовец, она как-то слышала, как об этом упоминала ее мама, она знала, что он берет заказы на мелкий ремонт электрических и механических приборов. И все. Она даже не помнила, когда он поселился в этом угловом доме, хотя он и не жил здесь всегда, как ее родители.

Когда он поднес тазик и встал перед ней на колени, она стала внимательно изучать его. Она решила, что он почти такой же старый, как ее отец, хотя и не совсем такой. У него были довольно редкие светлые волосы, зачесанные на пробор, и высокий лоб. Она подумала, что он вполне хорош собой, в стиле принца Филиппа, за исключением того, что на его лице были морщины и оно было сероватого цвета. Он посмотрел на нее, и она увидела, что у него светло-голубые глаза.

— Я думаю, что перед тем, как я промюю вам ссадину, вы бы лучше сняли чулок. Я боюсь, что он разорвался.

— Я не смогу зачинить такую огромную дыру.

Кэт подняла юбку и отстегнула резинку, как будто бы он был врачом. Над коричневой сеткой верха чулка показалась маленькая выпуклость белого тела, и она знала, что они оба видели это. Она ловко спустила чулок до того места, где была ссадина, и остановилась.

— Больно.

— Сейчас.

Он запустил большие пальцы внутрь образованной чулком нейлоновой трубки и освободил края дырки из кровоточащей раны, а затем снял чулок с ноги.

— Готово.

Кэт заметила, что у него были небольшие, аккуратные руки. Он промыл рану, удалил грязь, затем с помощью кусочка антисептической марли зачерпнул из металлической баночки желтой мази и наложил ее на рану. Под конец он забинтовал ногу, а затем, опустившись на каблуки, полюбовался на дело своих рук.

— Спасибо, — сказала Кэт, — я чувствую себя значительно лучше.

Ей очень хотелось знать, должны ли они теперь пожать друг другу руки, так как первая помощь уже была оказана, и они сидели, с симпатией глядя друг на друга. Но, с другой стороны, он снял с нее чулок, а это создавало некоторую интимность в их отношениях, которая не могла закончиться рукопожатием.

— Я не знаю вашего имени, — сказал он так, как будто подумал о том же.

— Кэт. Кэтрин, полностью.

— Кэтрин, — это очень красиво.

— Меня всегда зовут Кэт, — сказала она твердо, встряхнув головой, чтобы отбросить назад волосы с лица. Они растрепались во время падения.

— Саймон, — представился он. — Вы не хотели бы чашку чая, Кэт?

Она еще полностью не оправилась от падения, и было так приятно сидеть здесь, положив ногу на скамейку.

— Да, с удовольствием.

В то время как Саймон поставил кипятить чайник и расставлял две чашки с блюдцами, он разговаривал с ней. Ей понравилось, как звучал его голос.

— Ты еще учишься в школе? Последнее время я не видел тебя в школьной форме, так что, наверное, уже нет.

Значит мистер Арчер наблюдал за тем, как она приходила и уходила. Кэт удивилась, когда почувствовала, что ей это приятно. Она притворилась, что обижена таким вопросом, однако продолжала улыбаться ему.

— Мне семнадцать лет. Я работаю в конторе. В основном печатаю счета. Не очень интересная работа.

— А что еще ты делаешь?

— Все, что могу.

Вот так они и беседовали. Кэт рассказывала ему о себе и смеялась, а он задавал ей все больше вопросов. Он был дружелюбен, однако в нем была какая-то скованность, как если бы ему не нравились долгие разговоры.

Она вспомнила, что в этот первый раз он сказал, что починит ее велосипед. Она пообещала зайти через несколько дней.

Когда пора было уходить, она посмотрела на свои ноги и увидела, что одна гладкая и в чулке, а другая без чулка и забинтованная.

— Надо и другую ногу сделать такой же, — сказала Кэт.

Она стащила с себя и второй чулок, а затем засунула оба, один целый, а другой рваный, в карман. Саймон не сделал попытки отвернуться в сторону, а она не старалась выглядеть скромницей. Она заметила, что он не смотрел при этом с хитростью, как посмотрело бы большинство мужчин. Он просто наблюдал за ней с откровенностью, которую она находила лестной.

— Мне надо идти, — сказала она.

— Хорошо, — он придержал дверь, пока она через нее проходила.

Они стали друзьями. Он починил велосипед и вышел на улицу, чтобы посмотреть, как она будет уезжать на нем. Она зашла к нему еще раз и подшила пару занавесок в гостиной, которые до этого висели на неаккуратных петлях. А после третьего раза она пришла к нему без всякого предложения. Они понимали, что она приходила тогда, когда ей этого хотелось, и ему не нужно было наносить к ней в дом ответный визит.

Мать Кэт с некоторой гордостью называла его «приятелем Кэт». Мистер Арчер был джентльменом, служил офицером во время войны и потерял свою очень юную жену. Она совсем не понимала, почему он терпел разную чепуху, которую болтала Кэт. Но это, казалось, доставляло ему удовольствие, а Кэт было довольно приятно поболтать с человеком, который воодушевлял ее больше, чем те мальчики, с которыми она постоянно бегала в кино.

Вот так это было. Дружба Кэт с Саймоном Арчером продолжалась меньше года. К концу этого времени широкие юбки Кэт уже не могли скрыть выпуклости, которая находилась под ними, а ее прелестное личико заострилось и приобрело вызывающее выражение.

Кэт замолчала. Увлеченная паутиной воспоминаний, она не заметила, что Харриет замерла, выпрямившись на стуле. Кэт вспоминала один зимний полдень, когда она постучала в дверь Саймона после хождения по магазинам. На ней был ярко-красный шерстяной шарф и такая же вязаная шапочка. Сначала она прошла за ним на кухню, над чем-то смеясь, и бросила шапочку и перчатки на клеенку. Она сняла и пальто, потому что ей было жарко после прогулки. Саймон отвернулся от раковины, над которой он наполнял чайник, и посмотрел на нее. Она понимала, что ее щеки, вероятно, порозовели от ветра, потому что чувствовала, как они горят.

Саймон аккуратно поставил чайник на плиту. Он подошел к ней и положил руку ей на талию. Она лежала очень легко, сгибаясь в этой впадине. Он поднял другую руку и коснулся ее щеки, поглаживая ее легкими движениями пальцев так, как будто хотел почувствовать гладкость ее кожи.

Встревоженная, она откинула голову назад, чтобы посмотреть ему в глаза. Она еще улыбалась, вспоминая то, о чем они говорили, но улыбка ее не расширялась и не пропадала. Она, казалось, застыла у нее на губах. Не шелохнувшись, они простояли одну-две секунды.

Потом Саймон кивнул так, как будто бы он убедился в чем-то, о чем только догадывался до этого. Он отпустил ее, хотя в действительности и не держал. Он вернулся к плите, а она продолжала болтать, но внимательно смотрела ему в затылок, потому что она хотела, чтобы он снова повернулся к ней.

Когда он повернулся через довольно продолжительное время, она уже сомневалась в том, что все это в действительности произошло. На его лице не было ничего, что могло бы

свидетельствовать об этом, а она не знала, как дать ему понять, что она все понимает.

— Где он сейчас? Он еще жив?

Голос Харриет испугал Кэт. Она забыла, где находится.

— Что ты сказала?

— Я спросила, жив ли он еще?

Харриет сидела на краешке стула, упираясь в грудь коленками. Лицо ее побледнело, а глаза сверкали. Они замерли на Кэт.

— Саймон? Я не знаю, дорогая. Я уехала из дома перед твоим рождением, потому что твои бабушка и дедушка и слышать не хотели о том, чтобы я осталась. Я приехала в Лондон, ты все это уже знаешь, и жила с моими кузинами до твоего рождения.

Очень тихо Харриет спросила:

— А Саймон не искал тебя?

Она видела, как прояснивший лицо Кэт свет начал затухать. На дряблой коже вокруг глаз и по бокам рта появились морщинки. Ее седеющие волосы были уложены волнами. Ее мать уже не была восемнадцатилетней девушкой, хотя сейчас в некоторые моменты она и показалась Харриет такой. Ей хотелось найти опору в матери, несмотря на ее годы.

— Почему он должен был делать это? — спросила Кэт. — Это была моя собственная проблема. Была ты. Я хотела, чтоб это произошло, хотя знала, что не смогу выйти замуж за твоего отца. Они бы приняли меня назад, домой, если бы я отдала тебя на усыновление. Но я не стала этого делать и поэтому никогда не вернулась туда.

Харриет знала об этом. Кэт часто говорила ей в детстве: «Я не отдала тебя». Чувство собственника сделало Кэт одновременно и матерью и отцом. Не было никакой необходимости думать о нем. Он был просто пустым звуком. Физическим спазмом вроде зевка или дрожи. Кэт называла его: «этот отец», но не говорила: «твой отец». Харриет не помнила, чтобы она говорила раньше что-нибудь еще кроме этого.

Однако сегодня она увидела что-то новое в своей матери. Она увидела молодость и женственность с ее открытым, чистым и здоровым лицом. Она перехватила взгляд Кэт, он был, как у девушки, причем девушки, подающий мощный сигнал. Сейчас, вдруг, Харриет захотела узнать о том мужчине, который принял и вернул этот сигнал. Она чувствовала потрескивание электричества даже после того, как прошли годы. Она ощутила страстное желание, потому что никогда не испытывала в себе такого сотрясающего все тела заряда, ни с Лео, ни с кем-либо другим.

Она должна найти того мужчину, потому что он принадлежал ей. Важно узнать его, как часть своей собственной истории. Харриет ощущала себя одновременно и свободной, и плывущей по течению, и ей необходима была якорная стоянка, на которой она могла бы выбрать новый курс. Имена, места, даже самые мелкие детали, если она еще не опоздала, должны были помочь ей.

Она поднялась со стула и опустилась перед своей матерью, положив голову на колени.

— Харриет, с тобой все в порядке?

— Да, да.

С тех пор, как она стала достаточно взрослой для осмысления своей собственной жизни, ее отец не имел ни имени, ни лица, потому что так захотела Кэт. Харриет не ощущала нужды в ком-нибудь еще, так как мать давала ей все, в чем она нуждалась. Исключительная сила их любви была нарушена только появлением Кэна, а позднее и Лизы. Но сейчас Харриет была уверена, что у него есть и имя, и лицо, и она понимала, какую

пропасть необходимо заполнить.

Она была убеждена, ничего больше не спрашивая и сосчитав разницу в годах между нею и Кэт, что Саймон Арчер был ее отцом. Лео ушел, и по иронии судьбы в этом заключалась удача, потому что его уход открыл глубочайшую связь, которая ожидала своего открытия.

Тихим, ясным голосом Харриет сказала:

— Я хотела бы поехать и посмотреть те места, где ты выросла. Возможно он... твой друг все еще там.

— Даже если он еще там, он вряд ли помнит меня. Это было давно, всю мою жизнь...

— Я все-таки хотела бы поехать.

— А семьи там уже не осталось.

Действительно, потом произошло примирение. Харриет помнила, что в возрасте пяти или шести лет они посетили бабушку и дедушку. А затем они уехали из этого городка в Мидленде, а потом переехали еще раз. Теперь они жили в уединенном бунгало на берегу моря с фотографиями двух внучек Тротт на каминной полке.

— Это не имеет значения, — сказала Харриет, — даже если там никого нет. Там я начну. Я могу просто ходить по улицам и искать.

Она потянулась, поцеловала мать и вскочила на ноги. Глядя на нее сверху вниз, она немного помялась, а потом спросила:

— Почему ты рассказала мне все это сегодня?

Кэт ответила мечтательно:

— Ты просто заставила меня вспомнить это.

Конечно. Начала и концы, одна разлука сошлась вместе с другой.

Харриет взяла чайный поднос, лежащий между их стульями, и вышла из сада через двери внутреннего дворика.

Она намеревалась найти своего отца. И когда она найдет его, с этой точки сможет начать снова.

Маленький городок был давно уже поглощен большим городом.

В пригородном поезде, поглядывая в окно, Харриет представляла себе, что во времена детства ее матери здесь, наверное, была зеленая полоса лесов и полей, отделяющая последний застроенный домами участок от первой автозаправочной станции. Теперь не было никакой разделяющей полосы из деревьев или чего-нибудь другого, и мимо нее проплывала сплошная стена, состоящая из домов, магазинов и небольших фабрик.

На станции в палатке она купила план города и села на скамейку, чтобы изучить его. Пассажиры с поезда проходили мимо нее и протискивались через контрольный турникет, где проверяли билеты. Когда Харриет подняла глаза, поезд уже ушел и платформа опустела.

Она вдруг почувствовала, что осталась одна в незнакомом месте. Различные названия на вокзальном указателе ничего ей не говорили, а она сама понятия не имела о тех улицах, которые расходились в стороны от выхода с вокзала.

Она не почувствовала, что вернулась домой. Если бы она была сентиментальной, то, приехав сюда, ожидала чего-либо подобного, размышляла Харриет. Но все-таки она чувствовала, что ее непреодолимо влечет сюда, хотя, наверное, следовало серьезно подготовиться, прежде чем позволить себе бросить хоть на какое-то время свой бизнес. Безликость города, которую она отметила еще из поезда, была совсем не гостеприимной, и она позволила себе на минутку разочароваться. Затем она встала, закрыв план, но держа палец в нужном месте, чтобы не потерять страницы, и быстро пошла вдоль платформы. Ее каблуки стучали так громко, как будто возвещали о ее прибытии.

Контролер покинул свою будку, и поэтому она смогла пройти через турникет, даже бегло не объявляя о своем прибытии. У вокзала стояли два темно-красных автобуса, но на табличках, указывающих их маршруты, не было того места, к которому она направлялась. На стоянке стояло такси, и водитель с надеждой поглядывал на нее.

Харриет минутку помедлила, а затем прошла мимо. Ей не хотелось подъезжать к дому на углу на такси, показывая тем самым недостаточное знакомство с теми, кто теперь мог жить в доме Саймона Арчера.

«Если вообще дом все еще находится там», — напомнила она себе. За тридцать лет родной юрод ее матери изменился.

Харриет еще раз склонилась над планом, а затем перекинула свою сумку через плечо и зашагала вперед.

Масштаб плана обманул ее. Она прошла довольно долгий путь, больше мили, и туфли начали натирать ноги. Прошло уже довольно много времени с тех пор, как она выпила чашку кофе в поезде дальнего следования, отходившем от вокзала Юстон, и она подумала было зайти в паб, чтобы что-нибудь выпить и съесть бутерброд. Но Харриет знала, что от сидения в одиночестве в баре чувство, что она не в своей тарелке, только усилится, и поэтому пошла дальше.

Дорога была загружена непрерывным потоком машин, оставлявшим завесу дыма в воздухе над домами и магазинами. Она проходила мимо магазинов со скудными и выцветшими витринами за грязными стеклами, а дома выглядели хмурыми и почти не населенными.

Харриет угнетали безликость и бедность улиц. Не было ничего, что могло бы сказать

ей: «Ты здесь, тонкая ниточка связывает тебя с нами, с супермаркетом Сэма, с магазином шерстяных изделий Мэдж и с фирмой «С. Уэлш, Турф эккаунтентс». Разочарование, которое она почувствовала на станции, разрасталось и усиливалось, и, чтобы нейтрализовать его, Харриет внушала себе, что она приехала не для того, чтобы искать место, а для того, чтобы найти людей, которых оно однажды приютило. Чем дальше она брела по улице, тем больше ей казалось, что сомнения Кэт в том, что ее продолжительные странствия к чему-либо приведут, начинали оправдываться. Теперь даже Харриет трудно было поверить в то, что она найдет своего отца в этом сером, безобразном и пустынном месте.

Чтобы приглушить эту мысль, она возобновила свои наблюдения за окружающей местностью. «Единственное место, — подумала она, — в котором нельзя подавить сутолоку городской жизни, — это Лондон». Даже в тех частях Лондона, которые были унылее этого места, чувствовалась жизнь. А здесь не было никакого оживления.

Харриет ощутила прилив любви к Лондону, похожий на ту удивительную теплоту, которая охватила ее в переполненном метро, когда она ехала на Сандерленд-авеню. В конце концов, там был ее дом и кое-что еще.

Было ли у Кэт такое чувство к этим улицам? «Наверное, нет», — решила Харриет. Она уехала и никогда не возвращалась. Обязательства же, если это были обязательства, а не простая необходимость, переходили к ней.

Темно-красный автобус проехал мимо нее. На табличке, прикрепленной сзади, было название того места, от которого она отказалась на вокзале. Харриет ускорила шаг, но остановка была далеко, и тогда она почти побежала, однако увидела, как автобус притормозил, высадил единственного пассажира и снова отъехал. Она остановилась, чтобы в последний раз свериться с планом, и увидела, что ее цель находится всего лишь через несколько улиц. Она свернула за угол, потом свернула еще раз и оказалась в стороне от главной дороги.

Вместо магазинов здесь были дома. Тут жила Кэт, которая ездила домой на велосипеде, чтобы не тратить денег на автобус. Чувства Харриет были обострены, она подготовилась к тому, что впечатления переполнят ее, однако, оказавшись здесь, она ничего не испытывала. Ряды домов выглядели негостеприимно, однако они были не такими ветхими, как дома, тянувшиеся вдоль главной дороги. Они были просто обыкновенными и неприметными.

Очень скоро она оказалась у нужного поворота. Сверила название улицы и посмотрела на другую сторону, на дом бабушки и дедушки. Он был таким же, как и все остальные дома. Окна были скрыты за тюлевыми занавесками, крохотный садик отделял парадный вход от мостовой.

Харриет отвернулась от него, чтобы посмотреть на дом напротив. Как и описывала Кэт, окна дома выходили на другую сторону, а на улицу смотрела глухая высокая стена из красного кирпича.

Она очень медленно пересекла улицу и под прикрытием стены обошла дом вокруг. Она подошла к пыльной изгороди, окружавшей садик перед домом и слишком высокой, чтобы заглянуть через нее. Когда она нашла ворота, ей пришлось раздвинуть царапающиеся ветки, чтобы попасть на тропинку, ведущую к парадному входу.

Пока она искала звонок, у нее перехватило дыхание, и она почти задохнулась. Кнопки звонка нигде не было. Она стукнула по дверце почтового ящика, и она хлопнула у нее под пальцами. Этот звук не вызвал никакой реакции в доме, окна оставались темными. Харриет сильнее постучала костяшками пальцев.

Тогда она услышала, что кто-то идет. Она отрепетировала про себя линию своего поведения. Дружелюбная улыбка: «Я ищу мужчину, который раньше жил в этом доме. Много лет назад. Сколько лет вы...»

Дверь открылась.

Харриет так и не смогла улыбнуться. Она попыталась предусмотреть все преграды, которые могли бы встать на ее пути, — домработница из Бангладеш, не говорящая по-английски, рабочий, утомленный после ночной смены, временный жилец, снимающий одну комнату, однако самое нелепое заключалось в том, что она совершенно не подготовилась к встрече лицом к лицу с самим Саймоном Арчером.

Мужчине, который открыл дверь, было далеко за шестьдесят, он был сутулым, но все еще высоким с прядями бесцветных волос, зачесанных назад с высокого лба.

— Извините, — сказала Харриет, — я ищу мистера Арчера.

Мужчина рассматривал ее. Харриет чувствовала себя почти оглушенной пульсом, который бился, как прибор, у нее в ушах: «Я ищу своего отца...»

Ощущение необычности того, что она делает, вызывало у нее желание оказаться где-нибудь в другом месте.

— Мистер Арчер — это я.

— А вы... Вы жили здесь тридцать лет назад?

Харриет сразу почувствовала, что эти вопросы ему не понравились.

— А почему вы этим интересуетесь? Вы из какой-нибудь общественной организации? Мне не нужен «обед на колесах» или книги с крупным шрифтом.

— Нет, я не из общественной организации. Я просто хочу спросить вас о некоторых событиях, которые происходили много лет назад.

— Отделение устной истории в политехнической школе?

У него действительно была речь культурного человека, быстрая и точная. Харриет помнила, что Кэт сравнивала ее с речью диктора на радио, но это было из тех времен, когда носили смокинги.

То, что она узнала его, приблизило Харриет к той восемнадцатилетней девочке с разорванным чулком и придало ей решимости продолжать свою атаку. Она вновь улыбнулась, однако улыбка осталась без ответа.

— Нет, все не так. Я дочь Кэт Пикок. Той Кэт, которая раньше жила там напротив. Вы с ней дружили. «И более того, вы должны помнить», — подумала она.

На какое-то мгновение Харриет испугалась, что Кэт была права, и Саймон Арчер забыл ее. Однако после этого незаметным движением он открыл дверь на дюйм шире.

— Дочь Кэт? — Небольшая пауза. — Тогда входите.

Она вошла за ним в темную прихожую и увидела потрескавшуюся желтую краску, узкую лестницу с голыми половицами и мятые занавески, пахнущие сыростью. В конце прихожей была кухня с маленьким окном, выходящим в сад.

«В этой комнате, — подумала Харриет, — в первый раз сидела Кэт с ногой, лежащей на скамеечке». Ей было интересно, что еще происходило здесь.

Саймон Арчер кивнул в сторону комнаты. На всех поверхностях там стояли банки с кистями, лежали кипы газет вперемешку с инструментами и фаянсовой посудой, везде была пыль и стоял запах плесени.

— Я не прошу у вас извинения за то, что все здесь в таком состоянии. Да и с какой стати?

Харриет протянула ему руку:

— Меня зовут Харриет Тротт.

Саймон взял ее руку быстро и официально. Рука у него была холодной и костлявой.

— Харриет Тротт, — повторил он, — но вы же взрослая женщина.

— Мне почти тридцать лет, — мягко сказала Харриет. — Прошло почти тридцать лет, как Кэт уехала отсюда.

Он посмотрел на нее, все еще не уверенный в ее словах:

— И вы ее дочь?

— Да.

Саймон покачал головой:

— Я забыл. Кэт не может быть всегда восемнадцать лет. Но ей ведь не больше лет, чем мне.

— В следующем году ей будет пятьдесят.

— Да, наверное так.

Он отошел от нее, походил по кухне, беря в руки то одну, то другую вещь из разбросанных повсюду и переставляя ее опять куда попало так, как будто хотел хотя бы таким образом привести в порядок свои владения.

— Не хотите ли чашку чая?

— Если это вас не очень затруднит.

Харриет наблюдала, как он взял и наполнил большой чайник, вытер две пыльные чашки мятой скатертью. Она изучала форму его головы, рук, черты его лица так, как будто бы хотела увидеть в нем свои черты. Но она смогла увидеть только пожилого человека в зеленом шерстяном джемпере на пуговицах без воротника, в брюках с масляными пятнами и ничего больше. Ее шея и челюсть заболели от напряжения.

— Вы знаете, почему она назвала вас Харриет?

Внезапность этого вопроса так удивила ее, что она только молча отрицательно покачала головой.

— А не Линда или Джуди, или как-нибудь еще, как было модно тогда? Не знаете?

Он поставил на свободное место на столе чашки, старый коричневый чайник и бутылку со сгущенным молоком.

— Не очень красиво, конечно. У меня не бывает много гостей. Так вот, она назвала тебя Харриет в честь Харриет Вейн.

Она ожидала откровения, возможно, даже отрицания, которое связало бы их вместе.

— Кто это?

Саймон рассмеялся, и в груди у него послышался тихий сухой шум.

— Вы похожи на свою мать. Она не любила читать, но ей нравились детективы.

— И до сих пор любит. Книжные полки в доме завалены Агатой Кристи.

— А вы любите?

— Не особенно. Я читаю не много. Я много работаю. У меня довольно большой магазин, в котором продаются костюмы для танцев и балетных упражнений, а также много других сопутствующих товаров. Так как это мой собственный бизнес, мне предоставлены определенные льготы. Весь день я в магазине, а вечером много работы с бумагами. Почти не остается времени для чего-нибудь другого.

Слова лились потоком. Харриет почувствовала, что ей хочется произвести на него хорошее впечатление. Зачем бы еще она стала хвастаться своими успехами.

— Как современно, — сказал Саймон, — но я отвечу на ваш вопрос. Харриет Вейн — это действующее лицо в книгах о лорде Питере Уимси, написанных Дороти Л. Сойерс. Очень давно я дал почитать их вашей матери, и она влюбилась в лорда Питера. Ее любимой книгой была «Девять портных», хотя в этой книге Харриет нет.

Наступила пауза.

— Я помню, как она мне говорила, что назовет своего будущего ребенка либо Питером, либо Харриет.

Харриет сказала осторожно:

— Я не знала об этом. Думаю, что я еще многого не знаю.

Саймон разлил чай.

— Возможно, это и к лучшему.

Харриет была уверена, что он просто играл с нею. Он должен знать, зачем она приехала. Она взяла протянутую им чашку чая. На поверхности плавали беловатые пятна и масляная пленка. «Скажите мне», — хотела она попросить, но Саймон помешал ей.

— Ну, а как поживает Кэт Пикок? — спросил он. — Мне хотелось бы узнать, что произошло с ней потом. Кто такой мистер Тротт?

Харриет немного расслабилась, напряжение в голове и шее проходило.

— Я могу все рассказать о маме. У нее все благополучно. Я думаю, что она очень счастлива. Она не хотела, чтобы я поехала разыскивать вас.

— Я тоже не знаю, зачем вы разыскали меня. Однако продолжайте рассказывать про свою мать.

— Она вышла замуж за Кена, когда я была еще маленькой. Он — инженер, приятный человек. Его хобби — покупать дома, ставить в них новые комплекты сантехники, строить подпорные стены, а затем продавать их, потом все начинать сначала, но с ваннами другого цвета.

Саймон приподнял одну бровь и посмотрел вокруг, а затем их глаза встретились, и они начали смеяться. Смех был спонтанным и легким, как это бывает между друзьями. Он согрел Харриет, и это убедило ее, что, в конце концов, она была права, когда решила приехать сюда. Саймон вынул носовой платок и высморкался.

— Вы нарисовали очень живую картину. Продолжайте, пожалуйста.

Сначала Харриет рассказывала о Сандерленд-авеню, работе Кена, о Лизе и ее приятелях и о Кэт в ее кухне. Саймон Арчер слушал и пил чай. Тогда с большим доверием она вернулась к рождению Лизы и к своей жгучей ревности, а в довершение всего к появлению Кена, который спас и ее мать, и ее саму.

— Не то чтобы нам так уж нужно было это спасение, — сказала Харриет. — Кэт и я были в порядке. Я полагаю, что у нас было все, все, в чем мы нуждались, мы обе.

— Да.

Ответы Саймона ни разу не были длиннее нескольких слов. Он пристально смотрел на Харриет в то время, когда она говорила, но его собственное выражение лица не изменялось.

— Я не хотела делить ее ни с кем. Когда появился Кен, она уже не была больше только моей. У него были машина и дом с водопроводом, и сад, и тому подобное, но я предпочла бы иметь Кэт только для себя, как прежде.

А потом она рассказывала ему о том, что было раньше, — о последовательно сменяющихся меблированных комнатах, о том, как она ждала прихода Кэт домой с работы, и о своем несформировавшемся, но четком детском понимании того, что они должны быть

всем друг для друга, потому что не было больше никого другого.

Проницательные, без какого-либо признака грусти глаза Саймона непрерывно смотрели ей в глаза.

— Кэт нуждалась в большем? — сказал он.

Это было скорее утверждение, чем вопрос, приговор того, кто ее хорошо знал. Харриет разочарованно кивнула. Она ожидала большего в ответ на свои откровения.

Саймон улыбнулся, почувствовав то же самое.

— Спасибо за все, что вы мне рассказали. Приятно бывает снова соединить разорванные концы, давно я не сталкивался ни с чем подобным.

Легкий жест указал на неубранную кухню и разрушающийся дом и показал ей, что Саймон действительно уже отошел от повседневной жизни. Она почувствовала одновременно и жалость к нему, и раздражение за его уход от действительности. Впервые с того момента, как она пришла, она увидела его в истинном свете, не приукрашенном воспоминаниями Кэт или ею самой. И в результате ее желание узнать, отец он ей или нет, несколько ослабло.

— Почему? — спросила она.

Он предпочел проигнорировать этот вопрос и, таким образом, обезоружил ее.

Тихо, почти только для себя, он произнес:

— Кэт была необычной. Она была жизнерадостной, полной жизни, как никто другой вокруг.

На этот раз его жест охватил угасающий город, каким он, вероятно, и был в послевоенные годы. «И тогда, и сейчас», — подумала Харриет.

— Я очень любил смотреть на нее и слушать ее. Она все вокруг освещала.

— Я знаю. Долгие годы я воспринимала ее только как свою мать и никак иначе. В кухне за приготовлением еды, как обычно. А затем я вдруг увидела юную девушку, проглядывающую из ее лица, когда она рассказывала мне о вас. Это одна из причин, по которой я захотела познакомиться с вами. Я приехала из Лондона, чтобы увидеть вас.

Как только она произнесла эти слова, она поняла, что было бы гораздо лучше, если бы они не были сказаны. Даже то, что она вообще приехала, потревожило его покой, а то, что она приехала издалека со списком вопросов, совсем уж походило на бесцеремонное вторжение.

Саймон взглянул на старые кухонные часы на каминной полке, почти скрытые за пачками пожелтевших счетов и газет. Харриет знала, что они просидели за столом почти два часа. Он поднялся решительно, но неторопливо.

— Я рад, что вы пришли. Мне было приятно услышать, что Кэт здорова и счастлива. Она достойна этого.

Он пригласил ее к себе, и она приняла его гостеприимство. Он мог бы и дальше продолжать произносить вежливые слова, но ей стало ясно, что на большее ей не приходится рассчитывать.

Он протянул руку, и она неохотно пожала ее.

— Пожалуйста, передайте ей мои наилучшие пожелания, — добавил Саймон. — Я думаю, что никакие другие слова не будут подходящими спустя тридцать лет.

Харриет была уверена, что если до этого на его лице и оставался хотя бы след улыбки, то сейчас он пропал.

— Сюда, пожалуйста, — сказал Саймон. — Я извиняюсь, что в коридоре так темно.

Затем опять были коридор с осыпающейся штукатуркой, входная дверь и пустынная улица. Саймон опять пожал ей руку, как будто бы она была официальным лицом, исполненным самых благих намерений, но не очень желанным, за кого он и принял ее сначала, а затем закрыл дверь.

Осенний день уже почти подходил к концу. Желтые огоньки загорелись в двух-трех окнах напротив, а по контрасту с их уютом дом Саймона казался ужасно холодным и темным. Рассерженная сама на себя, испытывая жгучую боль из-за того, что ее отвергли, Харриет пошла прочь.

Маленький мальчик на роликовых коньках прогрохотал по неровным камням тротуара, покачнулся и чуть не свалился. Он схватил ее за руку, чтобы не упасть.

— Будь осторожнее, — сказала она, а он с веселым и разгоряченным лицом уставился на нее.

— Ведь правда, что вы никогда там внутри не были? — он кивнул головой на ворота Саймона.

— Нет, была, а почему бы и нет?

Он свистнул, изображая восхищение.

— Потому что он сумасшедший. Моя сестра так сказала. Вы должны быть начеку, чтобы он не схватил вас.

Гордясь своим ужасным предостережением, он отъехал.

Харриет, провожая его взглядом, чуть не влетела в фонарный столб Кэт. Даже в ее детстве, рассказывала Кэт, маленькие дети старались избегать дома Саймона. Теперь одинокий старик, существующий в гнезде из старых газет и мусора, стал пугалом для нового поколения. Жалость к нему снова перебила горечь и жадное любопытство Харриет и вызвала в ней желание узнать о нем ради него же самого. Она взглянула на дом, но он был по-прежнему темным.

Харриет отвернулась, совсем не представляя себе, куда ей пойти. Она шла по улице своих предков, поглядывая в окна через все еще раздернутые занавески, на голубые экраны телевизоров, чайные столики, домашние занятия. Она завернула за угол и шла, не выбирая дороги.

Наконец она вошла в парк с замысловатой оградой и двинулась под деревьями по дорожке из щебня. Мальчик и девочка в школьной форме стояли обнявшись, прислонясь к платану. Харриет прошла мимо них и приблизилась к скамейке рядом с переполненной урной. Она села на скамейку, а увядшие коричневые листья кружились, как живые, вокруг ее ног.

Она долго, не шевелясь, сидела на скамейке. Она даже не думала о возвращении на станцию и о лондонском поезде. Мальчик с девочкой прошли мимо, они повернули к ней свои лица, белеющие в сумерках, боясь, наверное, что за ними подсматривают. Харриет подождала, пока они не исчезли из вида, а затем встала и отряхнулась. Она замерзла и, размахивая руками, чтобы согреть пальцы, направилась на шум уличного движения на главной улице.

В середине длинного ряда магазинов она увидела индийский ресторан. В отличие от всех других он был открыт, и Харриет, прочитав меню, закрепленное в деревянной рамке в виде арки, и раздвинув плюшевые портьеры, вошла внутрь ресторана с белыми скатертями и мерцающими огоньками. Она замерзла и была очень голодна.

Ресторан был совершенно пуст. Официант в белой куртке приблизился, сияя улыбкой, и

они разыграли пантомиму, выбирая, какой стол больше всего ей подойдет. Она выбрала столик рядом с искусственным водоемом, подсвеченным зеленым светом, с тропическими рыбками устрашающего вида, и заказала целую бутылку вина, потому что половины не предлагалось.

Харриет не могла припомнить, чтобы она, обедая в ресторане, хоть когда-нибудь сидела одна за столом. Здесь это казалось соответствующим обстановке, так как происходило в том месте, где она чувствовала себя совершенно одинокой. Это ощущение было очень сильным, однако, казалось, что теперь оно имело меньшее значение. Она думала о Лео и о сотне обедов вместе с ним. Эти воспоминания были приятными, но сам Лео казался теперь очень далеким. Ей не хотелось, чтобы он был здесь, рядом с нею, и она совсем не собиралась вернуться к нему.

Улыбающийся официант принес ей пасанду из баранины, парату, саг-гоши и налил вина.

— Вы живете недалеко отсюда? — У него было очень темное лицо и щель между верхними зубами, как у цыгана.

Харриет улыбнулась в ответ:

— Нет, я приехала из Лондона.

— Прекрасное место, — похвалил он.

Она не совсем поняла, что он имеет в виду, но это не имело значения. Она вдруг почувствовала себя так уютно, сидя за столом рядом с аквариумом с рыбками. Скатерть на столе казалась то пурпурной, то зеленой под разноцветными лампочками.

Она все съела и выпила почти все вино, потому что ей хотелось пить и потому что еда была такой пряной, что это казалось безобидным.

Потом, позже, когда она пила из чашечки водянистый кофе, появились и другие посетители. Молодая пара украдкой поглядывала на нее, а два бизнесмена чересчур громко разговаривали. Она перестала чувствовать себя, как дома. Она попросила счет и поспешно оплатила его. Когда она уходила, официант пожал ей руку:

— Приходите еще.

— Возможно.

Выйдя на улицу, она глубоко вздохнула. Харриет поняла, что она довольно пьяна, но, возможно, от этого ей было легче. Не сверяясь с планом города, она направилась к дому Саймона.

На стук в дверь долго не отвечали. Костяшки пальцев Харриет от длительного стука покрылись синяками. Наконец дверь со скрипом открылась, и он неясно вырисовался перед ней. Ей хотелось, как ребенку, убежать от двери, но было уже поздно.

— Я пришла, чтобы спросить у вас, — сказала она, — не могли бы вы дать мне на время «Девять портных».

Ей показалось, что на его лице мелькнуло облегчение. Она не поняла, чем это было вызвано: ее возвращением или невинной глупостью ее просьбы.

— Я ведь говорил вам, что в этой книге нет имени Харриет. Вы можете начать с книги «Медовый месяц водителя автобуса», если хотите.

— Хорошо, если вы считаете, что нужно так поступить.

Он отступил в сторону, чтобы дать ей снова войти. В кухне Харриет увидела, что к беспорядку на столе добавились остатки двух вареных яиц. Саймон достал из буфета бутылку виски, пустую на две трети. Она благодарно кивнула:

— Да, пожалуйста.

— Я уже много лет не видел этих книг. Мне может понадобится довольно много времени, чтобы во всем этом найти для вас книгу.

Он опять показал ей на все вокруг.

— Это не к спеху, — Харриет обхватила пальцами липкий стакан и отпила глоток виски.

— Саймон, я хочу спросить у вас кое-что.

Саймон... Раньше она вообще избегала называть его как-нибудь. Виски ударило ей в голову. Сейчас или никогда.

— Простите, я знаю, что вы не любите вопросов. Возможно ли, что вы мой отец?

Саймон выпил, глядя на нее поверх края стакана. Его лицо было покрыто морщинами.

— Так именно это вы хотели выяснить?

— Да.

— Это невозможно. Мне жаль, что я не могу сказать ничего другого. Мне действительно жаль, что я не ваш отец.

Как только она услышала это, она поняла, что это был нелепый вопрос. Если бы он был ее отцом, даже если бы только была такая возможность, Кэт сумела бы сообщить ей об этом. Харриет стремилась к этой мысли, даже не видя никакого сходства, она просто жаждала заполнить пустоту, которая была внутри нее. Это не имело никакого отношения к Лео, потому что эта история произошла значительно раньше, чем ее короткое замужество.

Саймон не мог заполнить эту пустоту. И ей незачем было просить его об этом. Харриет встала. Она двигалась вокруг стола по направлению к Саймону с преувеличенной осторожностью слегка выпившего человека. Она положила руку на его плечо и прижалась щекой к его голове. Слезы побежали у нее по щекам.

— Мне тоже жаль. Я все время надеялась на это.

— Подойди и сядь сюда. — Он взял ее за руку и направил таким образом, что она оказалась полунаклонившейся, полусидящей за столом. Так он мог видеть ее лицо. Другой рукой он налил себе еще виски. — У меня есть ограничитель в этом деле.

Харриет вытерла лицо ладонями, выдохнула судорожно, как ребенок, приходящий в себя после рыданий, а потом грустно улыбнулась.

— Мне нужно было выпить для храбрости, но это не принесло мне ничего хорошего.

— Поплачь, если тебе так плохо.

— Здесь? С вами? — от этой картины ей стало грустно.

— Ну, а где же еще? Послушай. Я расскажу тебе о Кэт и обо мне. Я любил ее, как ты уже догадалась. Я наблюдал за ней через улицу. Она обычно приходила ко мне в гости и рассказывала о своих приключениях, а я смотрел на нее, сидящую там, где сейчас сидишь ты. Я бы сделал многое, конечно, если бы мог. Я только однажды дотронулся до нее. Положил свою руку сюда.

Пристально глядя на свою руку с коричневыми пятнами и закрученными жилами так, словно она принадлежала кому-то другому, он прикоснулся к талии Харриет.

— Она была такой сияющей, ее глаза и кожа. Она была удивлена. Не обижена, а просто удивлена. Я убрал свою руку. Вот и все. Это не может принести дочь через тридцать лет, не так ли?

Харриет отрицательно покачала головой.

— Давай закончим виски, — в заключение предложил Саймон.

— Это еще не вся история. Кэт — только маленькая часть ее.

Вместе с облегчением Харриет забыла о своей заинтересованности. Теперь уже сам Саймон притягивал ее еще сильнее, потому что он был свободен от миазмов ее глупых надежд и ожиданий. Полоса неоновой света повисла над кухонным столом, создавая резкие тени и фокусируя их в позах, почти интимных.

— Вы не мой отец. Но это не имеет значения, я никогда не хотела его иметь, до тех пор, пока Кэт не рассказала о вас. В результате мы с вами оказались здесь вместе. Вероятно, мы можем стать друзьями.

Это звучало дерзко даже в ее собственных ушах. Поспешное решение. Но он же сказал: «Я сожалею, что я не твой отец».

— Я не собираюсь извиняться за то, что я спрашивала. За исключением того, что я выпила бутылку вина и двойное виски. Почему вы плачете, Саймон?

— Почему бы и нет.

«Уклончивость, — подумала Харриет, — была его характерной чертой».

Внезапно она почувствовала себя усталой, и Саймон заметил это.

— Какие обязанности накладывает дружба? Вы должны мне напомнить.

Харриет подумала:

— Говорить. И слушать. Это очень важно.

— Я могу слушать. Очень внимательно.

— Я предпочла бы, чтобы вы говорили. Я и так уже наговорила слишком много.

Продолжайте.

Харриет взяла бутылку и подтолкнула ее по направлению к Саймону.

— Рассказывайте мне.

— Ты все-таки очень странная девушка, ничем не похожая на свою мать. Что ты хочешь узнать?

Она улыбнулась ему:

— Я хочу знать, каким отцом вы могли бы быть, если бы вы им оказались.

— Я предполагаю, что разочаровал бы тебя. Посмотри, чем я занимаюсь. Я ремонтирую.

Он достал небольшой коричневый прямоугольник, из которого торчали переключатели и цветные проводки, а внутри блестели капельки серебра. Между грязными тарелками и промасленной бумагой он нашел прибор, похожий на маленькую кочергу в конце провода. Рядом с ним он положил кусочек серебристого провода.

— Трубчатый припой, — объяснил он Харриет.

Резкий запах моментально подавил все остальные кухонные запахи, и крошечная серебристая слеза упала на электрическую панель.

— Это часть транзисторного радиоприемника. Его не стоит даже ремонтировать. Дешевле, наверное, купить новый. Японцы обогнали меня много лет назад.

Он достал еще один маленький разобранный механизм.

— Кварцевый будильник. Такая же вещь, но мне больше нравятся механические часы.

— Такие, как висят в коридоре? — Харриет заметила их при тусклом освещении.

Это были большие и красивые дедовские часы с круглым циферблатом, не соответствующие грязному бедному окружению.

Выражение лица Саймона изменилось:

— Подойди и посмотри на них.

Она прошла за ним в узкое пространство. Саймон провел рукой по гладкому корпусу, а затем открыл дверцу, чтобы она могла заглянуть внутрь. Она пристально смотрела на цилиндрические гирьки, висящие на цепочках. Тикание часов звучало, как гром, в тихом коридоре.

— Я переделал механизм, — сказал Саймон.

Харриет подумала о пружинах и свернутых в катушки проводах, расположенных за разрисованным циферблатом.

— Если тебе интересно, — сказал он резко, — ты можешь зайти сюда.

Он открыл дверь передней комнаты. По сравнению с этой комнатой кухню можно было считать тщательно убранной. Здесь была собрана рухлядь за многие годы. Харриет смотрела на обломки стульев, ножки и спинки которых были опутаны проводами, велосипедные рамы, обычные лампы с сожженными абажурами, подвешенные за сломанные шейки. Картонные коробки были свалены в кучу между поломанными рамами для картин, ржавыми консервными банками, свернутым в рулон ковром и телевизором без задней стенки. У дальней стены рядом с прислоненной к ней ванной из листового железа стоял токарный станок с ножками, погруженными в небольшое море серебристой металлической стружки. Здесь стоял запах масла, сырости и вечный холод.

На свободном месте, в середине комнаты, стоял грубый деревянный верстак. Он был завален инструментами, сверлами, напильниками и отвертками, обвитыми деревянными стружками кусками припоя. На нем также стояли использованные банки из-под табака с винтиками, сверлами и цветными электрическими конденсаторами. Саймон включил современную настольную лампу, привинченную сбоку к верстаку. Он начал искать что-то среди своих инструментов, казалось, позабыв о Харриет. Она наблюдала за ним, понимая, что именно здесь, возле своего верстака, он и проводил все свое время. Она поежилась от холода.

— Включи обогреватель, — предложил он.

Она отыскивала его в этом беспорядке. Модели пятидесятых годов, с одним нагревательным элементом, на котором по мере нагревания вспыхивали пылинки. По комнате распространился запах.

— Вот он. — Саймон держал в руках крошечное переплетение пружин и зубчатых колесиков. — И здесь есть корпус.

Он вставил механизм в серебристую гильзу с выгравированными на ней цветами и листьями, а затем повернул, чтобы показать ей стеклянный циферблат и тонкие, как паутинка, цифры.

— Они принадлежали моей бабушке. Изысканнейший образец тонкой работы часовщика. Я часто разбираю, а потом собираю их только для того, чтобы восхититься работой. Форма этих часов идеально соответствует их назначению. Сейчас я уже не могу сделать таких. Зрение ухудшилось.

Харриет взяла часы и рассматривала их, следя за узором из листьев на серебре.

— Что еще вы делаете?

— Кроме никудышных современных часов и радиоприемников? Да, я делаю еще кое-какие вещи. Для собственного удовольствия. От этого нет практически никакой пользы. Это просто для развлечения, как при решении головоломок.

— Что это за вещи?

Саймон окинул взглядом комнату, затем достал пару будильников и чайник из

ближайшего картонного ящика и поставил их на полочку.

— И зачем тебе знать об этих вещах? Ну вот, прекрасный пример. Какое-то время у меня не было электричества.

Он не сказал почему, а Харриет могла только догадываться.

— Я подумал, что было бы интересно сделать себе машину, чтобы нагревать утром чай без электричества. Вот она. Этот будильник срабатывает и включает зажигалку с кремнем, которая поджигает фитиль под резервуаром со спиртом. Нагревание воды требует определенного времени. Затем, когда чайник вскипит, срабатывает второй будильник, который управляет рычагом, наклоняющим большой чайник над заварным, и в то же самое время будит спящего. Чашка горячего чая уже готова. Все это в первый раз сработало очень хорошо, а потом я столкнулся с непредвиденным препятствием.

— Каким?

К ее удивлению, Саймон рассмеялся. Смех начинался очень тихо, а потом он откинул голову назад, и звук раскатился до грохота.

— На второе утро резервуар со спиртом лопнул. Спирт пролился в постель и воспламенился. Я проснулся в огне. Мне не потребовалось чашки чая, чтобы выскочить из постели.

Харриет тоже рассмеялась, фыркая, разгоняя тонкую пыль и захлебываясь. Этот второй их общий смех продолжался долго, и он разрушил еще один невидимый барьер между ними. Когда они успокоились, Саймон наполнил свой стакан виски, а Харриет уселась на подлокотник ломаного кресла и продолжала слушать его рассказ.

— Я рад, что ты вернулась, — сказал он ей, и она засияла от этого комплимента.

Многое из его рассказа, бессвязные комментарии в отношении деталей, разбросанных на его верстаке, и никому не нужных электрических схем, раскиданных по этой мастерской, — все это было слишком специальным и сложным для Харриет.

Для нее было счастьем смотреть и, по возможности, впитывать все это. Впечатления. Впечатления, сформированные самой жизнью Саймона, порождали мысли, которые, сверкнув на короткое время, теряли свою яркость. Эти мысли становились мертвыми телами, когда затихал его энтузиазм, а затем сухими скелетами, которые выползали из темных углов комнаты. «Скоро, — подумала она, — скелеты заполнят все пространство, и Саймон будет поглощен ими».

Он выпил все виски. Его голос стал понижаться. Он подержал в руке пустую бутылку, наклонил ее, а затем, видимо, принял решение. Не очень уверенно он переместился к концу верстака и открыл шкаф. Затем достал грубую деревянную доску и поставил ее под углом между режущими инструментами.

— Это единственная вещь из тех, что я когда-либо делал и которая получилась хорошо, — сказал он. — Если бы я только знал, что делать с нею. Если бы я смог заставить себя правильно посмотреть на все это еще раз. После того, как мы были освобождены. Стали свободными. Это ведь изобретение, не правда ли?

Первой мыслью Харриет было, что он просто-напросто напился. Он был в добродушном настроении и расслабился, когда наливал себе виски среди «скелетов», а сейчас его лицо нахмурилось и покрылось резкими морщинами.

— Освободили нас, — повторил он с горечью и рассмеялся смехом, не имеющим ничего общего со смехом над машиной для приготовления чая. — Вот здесь ты увидишь кое-что еще. Не хочешь ли ты посмотреть на это?

— Что это? — спросила Харриет со страхом.

— Конечно, это игра. Замечательная игра, если ты умеешь в нее правильно играть. Как жизнь, дочка Кэт Пикок.

Харриет была испугана произошедшими с ним переменами. Он держал ее за талию, и она замерла, чтобы заставить себя не вырваться от него. В ее раскрытую ладонь Саймон бросил четыре по тертых и потерявших свой цвет деревянных шарика и четыре пластмассовые фишки тех же цветов, но более яркие — красную, синюю, желтую и зеленую. Он поднял их сцепленные руки и запустил деревянные шарики в канавку в верхней части доски.

Харриет подумала, что эта доска когда-то, наверное, была частью упаковочного ящика. На ней были нанесены какие-то значки, но она не могла разобрать их. Они напоминали то ли китайские, то ли японские иероглифы. А, возможно, это было и что-то другое, но они были такие блеклые и потертые, что разобрать было невозможно.

— Теперь положи сюда фишки, — скомандовал он, — в таком порядке, в каком тебе хочется, вместе или отдельно.

Он показал на нижнюю часть доски, где находились четыре прорези. Харриет бросила туда фишки произвольно, наугад.

— Смотри. Саймон потянул подпружиненный деревянный язычок и открыл воротца в верхней канавке. Цветные шарики покатались один за другим к семи наклонным стойкам, зигзагообразно приклеенным ниже по наклону доски. В каждой стойке, отметила Харриет, было еще трое воротец, каждые из которых были закрыты деревянными язычками. По мере того, как шарики катились через воротца и падали от одной стойки к другой, они издавали приятный мелодичный звук. Они падали один за другим до конца нижней стойки и образовывали столбик в последней прорези. Фишки Харриет лежали в других прорезях и с другой последовательностью цветов. Она неуверенно улыбнулась, довольная и странно успокоенная звуками катящихся шариков и тем точным путем, который они прошли, чтобы упасть на свое последнее место, хотя у нее не было никаких догадок на счет того, что же произошло.

— Как у тебя с математикой? — спросил Саймон.

— Вполне прилично, — это было правдой. Харриет получала удовольствие от цифр.

— Тогда скажи мне: сколькими различными способами можно разложить фишки в четырех прорезях.

Харриет нахмурила брови.

— Четыре в четвертой степени, — подсказал он ей.

— Двести пятьдесят шесть.

— Точно. — Саймон был в восторге. Некоторые из резких морщин исчезли с его лица. — Ты понимаешь?

— Я думаю, что да, — сказала Харриет, которая только начинала понимать.

— Тогда продолжим. Твои фишки — это твои маркеры. Сделай так, чтобы твои цветные шарики упали в те же прорези и в том же порядке.

— Я думаю, что смогу это сделать.

— Не хотелось бы тебе заключить маленькое пари?

Харриет улыбнулась, захваченная вызовом. Она не подумала, что следует с осторожностью относиться к странному предложению Саймона.

— Я ставлю пять фунтов, — ответила она.

— Спасибо.

— Не надо меня благодарить. Вы еще не выиграли.

Сейчас Харриет увидела, что ключом в игре являются маленькие воротца на наклонных стойках. Она притронулась к одним и выяснила, что они могут открываться, создавая в стойке отверстие, достаточно большое для того, чтобы шарик прошел через него. Воротца имели форму буквы Y, и когда она их рассмотрела, то обнаружила, что они сделаны из спичек, тщательно склеенных друг с другом.

Она изучала их достаточно долго, а потом сняла со своего места. Они были закреплены, но под разными углами. Она покрутила их и так и сяк и обнаружила, что воротца могут иметь три возможных положения. Воротца могут быть и открыты, и закрыты — это было достаточно ясно. Но в третьем положении воротца остаются открытыми, чтобы пропустить шарик, а потом, как только он пройдет под действием веса, воротца сразу закрываются.

Харриет сделала глубокий, решительный вдох, чувствуя, что Саймон наблюдает за ней. Голова у нее была все еще пьяной от еды, вина и беспорядочных впечатлений сегодняшнего дня.

Она видела, что зеленый шарик должен катиться первым и что она должна направить его в предпоследнюю прорезь. Красный шарик должен двигаться следующим и занять первую прорезь. Не давая себе много времени на размышления, она щелкала воротцами, пытаясь наглядно представить себе тот путь, который пройдут шарики, катясь и падая.

Через две минуты она была удовлетворена.

Она отодвинула руку Саймона, щелкнул подпружиненный язычок, и шарики весело загремели. Она затаила дыхание, когда они стекали и падали, издавая мелодичный звон. Как будто направляемые магнитом, они проходили по своим путям и падали цвет за цветом через все прорези, одну за другой, поверх ярких фишек соответствующего цвета.

Харриет закричала от радости.

Саймон только утвердительно кивнул:

— Для первой попытки хорошо.

— Что вы имеете в виду?

— Посмотри.

Он показал на маленькие воротца. Рядом с каждым воротцами карандашом был написан номер, причем большие номера были сверху зигзагообразного пути, а меньшие — снизу. Установленные Харриет воротца оставались открытыми, нарушая последовательность маршрута. Считая вслух, Саймон складывал номера, чтобы получить результат.

— Семьдесят девять, — сказал он. — Теперь посмотри еще раз.

Щелкая воротцами, он уничтожил решение Харриет и заменил его своим. Она увидела, что меньшее количество воротец осталось открытыми, все были расположены внизу доски. Затем он собрал шарики и запустил их снова. Они неизменно падали в те же места, однако счет Саймона был только двадцать семь.

— Ты видишь? Такое же решение, но достигается несколько более окольным путем.

— Я понимаю, это — как в жизни, — пробормотала Харриет.

Саймон расправил лист бумаги. Четким аккуратным почерком на нем были нанесены наименьшие счета для каждой из двухсот пятидесяти шести перестановок. Харриет посмотрела на список и произвольно переставила фишки. Она зажала нижнюю губу между зубами и сосредоточенно хмурилась, когда ее пальцы плясали над воротцами. Но теперь, когда она выпустила шарики, желтый и зеленый попали не в те прорези.

Саймон повернулся, чтобы показать ей, но она остановила его:

— Нет. Дайте мне попробовать еще раз.

На этот раз у нее все получилось, но не было уже радостного крика. Она внимательно смотрела на доску, загипнотизированная ею. Она понимала, что сила этой игры — в ее простоте. Она была сделана из куска упаковочного ящика и обгорелых спичек, однако она излучала сияние, которое притягивало ее пальцы, искушая сделать еще одну попытку.

— Это умная игра, — сказала она.

Харриет почувствовала, как зашевелились волоски от затылка вдоль всего позвоночника. Она поежилась, но уже не от холода: «Очень, очень умная».

Харриет ощутила момент сильного чистого возбуждения. Это было похоже на видение, которое пришло к ней в ее детской кровати. Оно захватило ее полностью, превращая все то, о чем она думала, в красивое, простое и бесконечно заманчивое. А потом также быстро все прошло, оставив ее удивляться тому, что же произошло с ней. Она прикоснулась к растрекавшемуся дереву и затертым фишкам, так заинтересовавшим ее.

— А когда же вы сделали это? Где и зачем?

— Как много вопросов, — ответил Саймон.

Даже после того, как он впустил ее сюда, он как бы защищался и от ее историй, и от ее вопросов. Кэт никогда не задавала таких вопросов, Кэт была слишком поглощена собой. Это был здоровый, естественный интерес юности. Она заставляла его чувствовать себя старым даже тридцать лет тому назад, потому что сама она была такой свежей и полной жизненных соков. Он любил это. С совершенно иной и удивительной дочерью Кэт, которая подошла к нему слишком близко за столь короткое время, он хотел понять — любил ли он настоящую Кэт или только известную ему. Он злился на эту девушку, которая могла разрушить хранимые им счастливые воспоминания, потому что большинство других воспоминаний не были такими счастливыми.

Саймон не хотел обсуждать сейчас игру, так как это разбудило бы в нем другие воспоминания. Он не знал, что может заставить его рассказывать. Вместо этого он рассматривал дочь Кэт, пальцы которой изучали старое дерево из лагеря Шамшуйпо.

Она совсем не была похожа на свою мать. Кэт вся состояла из локонов и атласных изгибов. У нее были полные мягкие губы, всегда готовые к улыбке. А эта девушка была худой и плоской, и ее коротко подстриженные волосы делали ее еще более похожей на мальчика. Когда она задавала вопросы, она выслушивала ответы так, как будто пыталась запомнить их. Даже при беглом взгляде ее глаза все схватывали. В отличие от своей матери, она не слишком часто улыбалась. Она смеялась пугающими вспышками, это был энергичный смех, больше похожий на мужской.

Саймон предполагал, что Харриет не была счастлива, но он и не придавал этому большого значения, потому что и сам не надеялся на счастье.

— Здесь есть какая-нибудь надпись? Это по-китайски?

Вопросы.

— Это по-японски, — ответил ей Саймон.

Плотина взорвалась вместе с этими словами. Изображения и звуки, запахи, которые душили его, затопили все. Отвратительный поток снес его с верстака, с его оплота в другое место. Он стал другим человеком.

Лейтенант Арчер, Королевская артиллерия. Заключенный военного лагеря в

Саймон внимательно посмотрел в темноту своей кухни, не видя девушки, не замечая ничего другого, а представляя только ужас лагеря. Он мгновенно вернулся туда и как всегда понимал, что ничего не сделает и даже не сможет сделать для того, чтобы уничтожить все то, что он знает об этом месте.

Запахи были невыносимы.

Через сорок лет Саймон Арчер мог попытаться закрыть глаза и заткнуть уши, но запахи все еще ползали внутри его головы, заставляя разлагаться кости его черепа.

Всюду вокруг него были мертвецы. На бетонном полу тюрьмы стояли переполненные дизентерийные ведра, а больные валялись в беспорядке, слишком слабые, чтобы двигаться.

Запахи разложения и смерти были частью самого воздуха, заполненного, в основном, запахом скудных порций серого риса.

Этот запах стал как бы пятой конечностью, которую лейтенант Арчер тащил за собой везде, даже вне лагеря, в рабочих командах в аэропорту Кай-Так, на свалках обмундирования, куда гоняли их японские завоеватели. Страдания от голода и болезней, казалось, были частью другого человеческого тела, так как он мог смотреть на них без всяких эмоций. Иногда он слышал стоны и крики других людей, но себе он не позволял ни звука. Он мог отворачиваться от всего жалкого и отвратительного до тех пор, пока вскоре не отпала необходимость делать даже это немного, потому что все вокруг становилось совершенно обыденным из-за многократного повторения, и он стал совершенно безразличен ко всему окружающему так же, как к крысам, которые бегали по всем лежащим вокруг.

И только много позже эти картины стали повторяться, мучая его. Голод, хамство и болезни. В Шамшуйпо Саймон знал все, что ожидает его и еще пять тысяч узников лагеря. Он стал считать умирающих и тех, кто уже умер, счастливыми.

Но в ответ ему всегда приходила мысль о том, что у него дома, в Англии, есть жена Розмари и маленький сын, которого он еще не видел. Хотя Саймон весьма абстрактно представлял себе, что происходит дома во время этой войны, он всегда видел свою семью, окруженную как бы легким ореолом от отсвета пламени, и с болью вспоминал радости любви и семейной жизни. И к нему возвращалась жажда жизни, разгорающаяся еще сильнее.

Лейтенант Арчер в одной набедренной повязке, схваченной узлом между ног, кишащий паразитами и измученный недоеданием и тяжелой работой на строительстве взлетной полосы аэропорта Кай-Так, сидел на бетонном полу и играл с разбитой доской от упаковочного ящика. Он крутил в руке деревянную стойку, а в голове у него путались цифры. В их мерзком лабиринте их неприступная логика помогала ему оставаться глухим и слепым ко всему окружающему.

Медленно, но настойчиво, Саймон познавал числа в этой игре. Ему нужны

были маркеры, и он собрал пуговицы с разорванной одежды. Вне лагеря, в рабочей команде, он увидел участок земли с большим скоплением круглых, гладких камешков, которые он подобрал и, спрятав во рту, принес в Шамшуйпо.

Когда одни кричали от мук, а другие молча скрежетали зубами, Саймон наклонял свою доску под углом и отпускал камешки катиться вниз по канавке. Он думал о вариантах выбора и возможностях, обо всех плодотворных возможностях свободы, которая была закрыта для него, и воссоздавал все эти возможности в игре. Он старался вырезать из веточек вилку, хотя это желание и было безнадежным, так как у него не было ни ножа, ни какого-либо другого острого инструмента. Тогда он начал собирать использованные спички. Все японские охранники курили, и бросаемые спички были как щедрый дар. Даже заключенные могли иногда курить. Они собирали мух, которые роями летали по лагерю и также докучали охранникам. За сто мертвых мух — одна сигарета.

Саймон ползал среди валяющихся людей и собирал обгоревшие спички. Он сделал подобие клея из тайно сохраненных зерен вареного риса, растерев их в тонкую серую пасту. Он склеивал спички вместе в форме вилки. Шарики катились и падали, проходя через вилки воротца тогда, когда Саймон открывал их. Он мог открыть или закрыть воротца, создавая, таким образом, незначительные возможности для выбора. После некоторого раздумья он прибавил числа, поставив перед собой новые и более сложные задачи, и стал царапать колонки цифр на бетонном полу.

Он горбатился над своей доской так, как будто она обещала ему свободу.

Со временем игра привлекла внимание тех заключенных, которые могли замечать хоть что-нибудь вокруг себя. Саймон показал нескольким из них, как устанавливать пуговичные маркеры и запускать шарики, которые должны катиться по своим путям из спичек, чтобы встретиться с ними. Ни один из них не обладал ни энергией, ни умением для того, чтобы утруждать себя, и интерес к игре быстро затух. Он мог заниматься своим устройством и один, улучшая его и складывая в голове числа.

Охранники не считали нужным беспокоиться из-за какой-то штуковины из палочек и камешков, однако Саймон обычно прятал ее под своим рваным одеялом, когда кто-то из них был рядом.

Однажды, увлеченный наблюдением за камешками, бегущими по тем путям, которые он определил для них, он не заметил охранника, прозванного Толстяком, который двигался между лежащими заключенными. Толстяк останавливался через каждые несколько метров, чтобы указать на человека, которого затем резко ставили на ноги и выталкивали прочь. Толстяк выбирал тех людей, у которых еще оставались хоть какие-то силы. Очевидно, была работа, которую должны были выполнить несколько заключенных, еще пригодных для этого.

Было уже слишком поздно, когда Саймон заметил это. Его взгляд встретился с глазами жирного охранника, который ответил тем, что указал прямо на него. Запоздалым автоматическим движением Саймон попытался накрыть доску своим одеялом. В тот момент, когда напарник Толстяка поднимал его на ноги, Саймон заметил, что глаза охранника вспыхнули любопытством к его игре. Он показал пальцем на игру и кивнул.

Игра была извлечена японцами для осмотра.

Саймон ждал. Ему ничего и не оставалось, кроме как наблюдать. Он увидел, как большое, блестящее и круглое лицо Толстяка склонилось над игрой. Валы мяса раздували его китель, а широкие черные дуги выступали из подмышек. Когда он стоял возле него, Саймон ощутил жирный рыбий запах, контрастирующий с общим смрадом Шамшуйпо.

Охранник взглянул на него, в его узких, черных глазах мелькнули яркие искорки интереса.

— Что? — спросил он Саймона.

Толстяка ненавидели за то, что он знал всего только несколько английских слов, а также за его внешний вид и поведение. Саймон скрыл свой страх и отвращение за вежливой улыбкой. Он выглядел, как оскалившийся череп.

Он ответил:

— Это игра. Игра на смекалку и умение считать, включающая установку различных комбинаций двухходовых воротец, позволяющих шарикам достигать предварительно установленных маркеров, проходя через лабиринт. Каждым воротцам присваивается числовое значение, и все они складываются по мере продвижения шариков к своим маркерам. Наименьшее число выигрывает.

Охранник уставился на него, на его лице была маска подозрительности. Саймон понимал, что он не может понять больше двух слов в его вежливом объяснении. Он еще шире улыбнулся и собрал пуговицы для того, чтобы их переставить.

— Это делается примерно так. Числа образуют свой собственный лабиринт, необыкновенно логичную конструкцию, без цвета, без запаха, прекрасную и безопасную. В отличие от этого ужасного места.

Охранник моргнул. Саймон пустил шарики по образованным спичками канавкам. Все наблюдали за их движением.

Лицо Толстяка расплылось, как сочный фрукт, в широкой улыбке, похожей на улыбку Саймона.

— Ловко, — сказал он и протянул огромную руку к пуговицам.

Саймон дал ему сыграть с самим собой. Теперь он еще сильнее ощущал запах, исходивший от охранника, и чувствовал, что эта близость заставляет его дрожать от страха. Толстяк был поглощен, но его спутники громко окликнули его. С большим неудовольствием он поднял голову, а затем швырнул кусок ящика обратно Саймону. Он поднял вверх большой палец величиной с банан, указывая, что доска должна быть снова спрятана под одеяло. Как он приказал, так Саймон и сделал.

Потом наступил момент, когда Толстяк стал внимательно рассматривать его. Саймон съежился, но спрятаться было некуда. А затем Толстяк загадочно покачал головой. Саймон понял, что поскольку тяжелая работа была предназначена для нескольких крепких заключенных, он не примет в ней участия. Толстяк шумно двинулся дальше. Саймон сел на свое место. Он не способен был ни на что другое, поскольку ноги его подкосились. Этот ужас был последней слабостью. Ни один из тех, кого выбрали тогда, не вернулся. Саймон так и не узнал, зачем и куда их забрали, но он полагал, что, вероятно, игра каким-то

образом сохранила ему жизнь. Впоследствии Толстяк игнорировал его.

После этого дня Саймон продолжал прятать свою игру. Она стала для него чем-то вроде счастливого талисмана. Он верил, что если он сможет сохранить ее, то выживет.

Когда впоследствии узники Шамшуйпо были привезены из Гонконга в Японию, лейтенант Арчер сумел тайно провести с собой кусок упаковочного ящика. Он был вместе с ним и в новом лагере, засунутый под его татами. Он сидел и спал на нем в течение двух лет. Это были ужасные годы, но они были лучше тех, которые он провел в Гонконге. Саймон выжил, потому что он был направлен на работу в доки и мог воровать достаточно еды для того, чтобы выжить.

Пятнадцатого августа 1945 года он слушал официальный, спокойный голос, произносивший витиеватые фразы не из лексикона японских десятников. Солдаты и гражданские бежали или стояли, застыв в молчании, некоторые из них плакали. В конце речи императора переводчик вскарабкался на платформу, стоящую на нефтяных цилиндрах:

— Вы свободны, джентельмены. Война закончилась.

Колонна американских парашютистов приехала освободить лагерь на грузовиках. Они привезли хлеб, фрукты, ветчину в банках, конфеты и такую немыслимую роскошь, как американское пиво. Саймон вытащил свою игру из-под матраца и вышел из лагеря, держа ее в руках. Эта была его единственная собственность. Саймон Арчер прибыл в Англию после четырех лет, проведенных в японском плену. Однако это не стало возвращением домой. Его жена и маленький сын, которого он так ни разу и не увидел, погибли во время бомбардировки Ковентри, а для него не существовало дома без них.

Вот что Саймон рассказал Харриет, сидевшей на его скамейке в холодной и захлавленной комнате. Она слушала молча, и только ее глаза переходили с игры на его лицо и обратно поверх разбросанных по комнате теней.

Под конец она еще раз дотронулась до грубой древесины. Саймон понял, что он рассказал ей достаточно. Он ответил на ее вопросы, по крайней мере, на какое-то время. Его тело болело, а глаза горели. После этой атаки воспоминаний он почувствовал себя слабым и беспомощным.

— Я устал, — сказал он ей. — Уже слишком поздно, чтобы тебе куда-нибудь идти. Тебе придется остаться здесь на ночь.

Харриет молча проследовала за ним наверх по лестнице. Комната в задней части дома была холодной и пыльной, но чистой. Он дал ей пожелтевшие простыни из комода. Они сдержанно пожелали друг другу спокойной ночи, ощущая, как улетучивается теплое временное покрывало опьянения.

— Ты выиграла свои пять фунтов, — сказал Саймон.

— Нет. Я отдаю предпочтение прямому маршруту.

— Конечно.

В ней говорили жажда совершенства и упорство. То, что она была несчастна, его не удивило. Но он не стал развивать эту тему. Он жалел, что не оставил игру в том месте, где она была спрятана. Он чувствовал себя изнуренным и боялся, что если он сейчас заснет, то во сне увидит Шамшуйпо.

Харриет легла, почти не раздевшись. Казалось, что то ли день длился слишком долго, то ли весь он был заполнен тяжелым путешествием. Она была рада, что прибыла в место своего назначения, в постель в этой незнакомой комнате, в которой она могла обдумать свои впечатления. Их можно было собрать после рассказа Саймона. Уход и отрицание, которые сначала озадачили ее, стали ясными и понятными фактами. Сейчас ей было стыдно за ее напор, а особенно стыдно за то, что он был мотивирован ее собственным эгоистичным желанием.

Харриет знала, что она не может предложить Саймону ни малейшего утешения. Ее возможности были ничтожны, и она не была уверена в том, что даже очень щедрое тепло может тронуть его. Но он сказал, что был рад, когда она вернулась, воодушевленная острым соусом и дешевым белым вином. И он сказал ей, что сожалеет о том, что она не его дочь. Вот что было между ними, и еще взрыв смеха.

Более того, Харриет подумала о своем последнем впечатлении и вставила его во всю эту картину. Он достал из тайника старый обломок упаковочного ящика и показал ей. Она лежала спокойно, и ей слышался музыкальный бег деревянных шариков, следующих по своим дорожкам. «Это проще и изящнее, чем жизнь», — подумала она. Единственной движущей силой здесь является воля к победе, порождаемая каждым из них.

Она не собиралась спать. Но задремала, а потом окунулась в серию тревожных снов. Когда она проснулась, то увидела серый рассвет очень раннего утра. В доме стояла тишина. Она выскользнула из постели, надела на себя верхнюю одежду и тихо спустилась на кухню. Она собиралась согреть себе чашку чая, потому что чувствовала жжение после выпитого вчера вечером, однако беспорядок на кухне был слишком непривлекательным. Она вскипятила чайник и вместо чая стала мыть сложенные в стопки грязные тарелки и кружки.

Когда это было сделано, она очистила и вытерла стол и другие поверхности, удаляя наиболее явный мусор, и тщательно уложила инструмент и детали часов точно в те места, в которых она их нашла. Она с удивлением обнаружила, что напевает при работе и получает удовольствие от наведения порядка. Под буфетом среди заброшенных прожектов Саймона она обнаружила метлу с длинной ручкой, древнюю швабру и ведро. Она подмела и вымыла пол, а затем заглянула в темную кладовку возле кухни. Там было пусто. Саймон должен был доставать вчерашний чай и яйца из другого потайного места.

Было девять часов. Харриет взяла свою сумку и вышла на улицу, открыв задвижку на парадной двери. Она не думала, что кто-то попытается войти в дом во время ее отсутствия. Она быстро направилась в принадлежащий пакистанцам угловой магазин, который заметила в двух кварталах от дома.

— Вы знаете мистера Арчера? — спросила она женщину в сари, помогающую ей упаковать два раздутых пластиковых пакета. Она описала и его, и улицу, на которой он живет.

Женщина с сожалением покачала головой:

— Я не знаю. Но большинство людей здесь мы знаем.

Харриет раскладывала свои покупки в кладовой, когда услышала позади себя шаги Саймона. Она повернулась, чувствуя себя почти виноватой. Он смотрел на пакеты и банки.

— Ты, вероятно, получила свой выигрыш. Это должно стоить больше пяти фунтов.

— Деньги не имеют значения. Я просто хотела сделать вам некоторые запасы.

Саймон внимательно рассматривал ее, и она покраснела. Он только предложил:

— Я приготовлю чай.

Она сели на те же места, что и вчера. Харриет благодарно пила чай и ела хлеб с джемом.

— Когда твой поезд? — спросил Саймон.

Он не пытался смягчить смысл своих слов. Он хотел, чтобы она уехала и оставила его в покое. Вчерашняя мимолетная близость исчезла вместе с его японскими воспоминаниями. Он не хотел, чтобы эта девушка вмешивалась в его жизнь, навязывая ему такой образ бытия, который он только вспоминал, как некоторую другую, параллельную жизнь, которой можно было бы жить. Он также не хотел ее пищи. Яркие пакеты принадлежали другой, богатой жизни.

Харриет опустила глаза на тарелку.

— Поездов очень много. Я поеду на одном из утренних. Мне надо возвращаться на работу, — сказала она, подчеркивая необходимость отъезда.

— Да, — согласился Саймон.

Когда они позавтракали, она вымыла тарелки и выбросила остатки. После этого она осмотрела комнату, довольная, что смогла сделать хоть что-то небольшое, несмотря на всю свою беспомощность.

— Спасибо, — ласково и по-доброму поблагодарил Саймон.

Он протянул ей руку. Их рукопожатие было официальным, как и в начале их встречи. Он проводил ее мимо дедовских часов к парадной двери.

— Постой минутку, — сказал он.

Она увидела, как он вернулся в кухню и вышел из нее с одним пустым мешком из углового магазина. Затем он прошел в комнату. Харриет видела угол одного из обезноженных кресел и слышала, как открылся шкаф. Потом он снова пришел, неся пластиковый мешок, в котором был квадратный и тяжелый обломок упаковочного ящика из Шамшуйпо. Он протянул ей его.

Харриет посмотрела на него с удивлением.

— Бери. Это твое.

— Вы же не хотите сказать, что...

— Да. Делай с ним все, что хочешь.

Вдруг ему страшно захотелось, чтобы их обоих не было в этом доме. Они оказались переплетенными в видениях, подожженных непривычным виски. Он хотел, чтобы они оба исчезли, хотя и не надеялся, что воспоминания уйдут вместе с ними.

Харриет подошла и онемевшими пальцами взяла у него мешок.

— Спасибо, — неловко сказала она. — Я буду очень беречь ее.

— Делай с ней, что хочешь, — повторил он.

Голос его был твердым.

Он не ответил на ее последнее «до свидания», но стоял у открытой двери до тех пор, пока она не повернула за угол.

Харриет шла к станции. Сейчас она не видела ни магазинов, ни людей, ни безжалостного уличного движения. Мешок ритмично и больно бил ее по ногам. При каждом шаге она слышала легкий шум от ударов деревянных шариков друг об друга. Это было так, как будто игра жила своей собственной жизнью.

Груда ящиков была навалена в середине гостиной, бледные прямоугольники на кремовых стенах указывали на те места, где висели картины. Харриет и Лео демонтировали свои четыре года.

Лео внезапно прекратил упаковывать книги в ящик и сел на диван. Он слышал, как Харриет на кухне открывала и закрывала дверцы буфета. Раздраженный этими звуками, он закричал на нее:

— Твой миксер, мой тостер, разве это все, что осталось между нами?

Харриет показала в дверях. Она выглядела усталой.

— Это отвратительное, — ответила она, — но неизбежное следствие того, что уже случилось, неужели ты этого не понимаешь? Что кому будет принадлежать, не имеет значения. Ты можешь забрать все, если хочешь. Но квартира должна быть освобождена, потому что мы продаем ее, и все это барахло должно быть куда-нибудь вывезено. Почему ты не помогаешь вместо того, чтобы сидеть здесь?

— Я не хочу помогать. Я не хочу, чтобы мы делали этого. Почему мы не можем остановиться и забыть о том, что произошло?

Устало, потому что они уже десятки раз обсуждали эту тему, Харриет сказала:

— Этого нельзя забыть. И ты и я понимаем это.

Они занимались таким фехтованием в течение нескольких недель. Они встречались всего несколько раз, но каждый раз они должны были пройти этот изнурительный путь.

Лео хотел вернуться к тому моменту, который был до того, как Харриет увидела игру света и тени над телом девушки в студии. Он хотел притвориться, что ничего не произошло, он хотел договориться об этом обмане, сделав вид, что они всегда были счастливы, за исключением одного его незначительного упущения. Он говорил о детях, воображая себя отцом, и упрекал Харриет за отказ.

Харриет понимала, что его настойчивость исходит из потребности возражать ей по любому поводу. Горечь двигала ими. Если бы она захотела остаться, склеить осколки, то Лео потребовал бы разрыва. «Невозможна такая вещь, — подумала Харриет, — как дружеский развод». Она держалась за свое решение с твердостью, которая удивляла ее саму. Она помнила также, как муж проклинал ее за холодность и непреклонность. Ну что ж, она и ведет себя соответственно. И она с холодным облегчением радовалась тому, что у них нет детей, которые были бы свидетелями их развода или пострадали бы из-за него.

Лео поднял на нее глаза. Ей показалось, что он собирается схватить ее за руку и притянуть к себе, поэтому она инстинктивно отпрянула назад.

— Не делай этого, — прошептал Лео, — не веди себя так, как будто я собираюсь обидеть тебя.

«Ты-то собираешься, — безмолвно ответила Харриет, — но никогда больше этого не сделаешь».

— Харриет, — Лео никогда раньше ни о чем не просил ее. Было ясно, что он предпринимает свою последнюю попытку: — Остайся со мной.

Она считала, что его настойчивость основана на ошибочной предпосылке, так как она его больше не любила. Не верила она и в то, что Лео любит ее, ведь только его упрямство и мешало ему видеть это. А грустным результатом всего было то, что осталась одна патетика.

— Я не могу.

Лео бросил сердитый взгляд. Он был похож на маленького мальчика, которого неожиданно лишили удовольствия. «Это так», — подумала Харриет. Она провела четыре года своей жизни замужем за двенадцатилетним мальчиком. Двенадцатилетним, которого украшали широкие плечи, копна растрепанных черных волос и хорошо развитая сексуальность.

Непрощенно, однако весьма впечатляюще, как одна из его собственных фотографий, представилось ей, последнее зрелище — его наиболее выступающая часть. И тщетные попытки спрятать ее за своей рубашкой.

Харриет пробрала дрожь. Она возникла в груди, сконцентрировалась в задней части гортани, а затем излилась в виде приступа виноватого смеха. Ее руки взлетели к щекам так, как будто она хотела прикрыть их.

Лео уставился на нее с изменившимся лицом:

— Я думаю, ты сошла с ума.

— А я думаю, совсем наоборот, — возразила Харриет. — Если ты действительно не хочешь помочь, то я разделю вещи без тебя.

Она отвернулась от него и пошла назад в кухню. Ножи от Сабатьера, кленовая доска для резки, французские тарелки Лекрюзо. Раскладывая их, Харриет чувствовала себя немного потрясенной. Лео был прав — смеяться тут не над чем.

«По правде говоря, — подумала она, — это разделение их домашнего хозяйства, снятие домашней утвари с крючков, извлечение ножей из коробок, в которых они удобно лежали в своих ячейках, так же болезненно и трудно, как и все, что она знала в жизни».

Так же неожиданно, как смех, она вдруг почувствовала в глазах тяжесть слез. Чтобы остановить их, она прекратила работу, пересекла кухню и внимательно посмотрела в окно. Вид был знаком ей во всех деталях с первых часов замужества, проведенных возле раковины, когда она наполняла чайник, мыла посуду или овощи. Тусклые занавески на противоположных окнах были сняты и заменены более яркими уже другими владельцами. Вишня на углу будет расцветать и ронять свои листья, но Лео и она не останутся здесь и уже не увидят этого. Она отвернулась от окна. Она не плакала, и она не будет больше плакать.

Конечно, остаться было бы легче.

Она знала их жизнь и ее типичные ситуации. Лео создал супружеское убежище для нее и для всех своих недостатков. Она предназначалась для образования пары для вечеринок, праздников и Рождества, которые она проводила в качестве одной половины целого. Было бы проще остаться в убежище и оттуда смотреть на мир, полагаясь на заверения своего мужа.

Только это будет неправильно.

Это будет капитуляцией, а Харриет с ее самообладанием и решительностью ненавидела капитуляции.

Она вновь вернулась к работе. Она взяла ни разу не использованную машинку для вырезания фруктовых шариков, которая была рождественским подарком Эйврил, и остановилась между своим ящиком и ящиком Лео. После секундного размышления она положила ее к своим вещам. И на нее опять напал приступ бессмысленного смеха. Она возвращает им сына, но боится обидеть, отказываясь от этой машинки.

Когда она снова подняла глаза, то увидела, что Лео наблюдает за ней, стоя в дверях.

— Ты устроила ужасный беспорядок.

— Срок продажи через десять дней. К тому времени мы должны очистить квартиру. Нет

каких-либо причин поддерживать квартиру в порядке. Все кончено, Лео.

Глядя ему в лицо, она подумала, что он собирается заплакать. Они неловко повернулись друг к другу, а затем Харриет подошла, переступая через завернутые в газеты свертки. Они обняли друг друга и замерли, глядя в противоположные стороны и ничего не говоря.

Наконец, он отпустил ее. Он взял кофейник и спросил:

— Куда он поедет?

— К тебе, если ты хочешь и найдешь место.

Лео временами жил в своей студии, временами в этой квартире, а иногда ночевал в доме своих родителей в пригороде Хэмпстед-гарден^[1]. Харриет сняла подвальный этаж в Белсайз-парке. Оттуда было неудобно ездить в магазин, и северный Лондон воспринимался как иностранная территория после западного, однако эта квартира принадлежала одной из ее приятельниц, которая уехала на год в Париж, и это было дешево, потому что платой за жилье был уход за двумя кошками, которые тоже жили в этой квартире.

— Он мне не нужен, — ответил Лео, — у меня есть в студии.

Он вертелся возле нее, путался под ногами, вынимал вещи, которые она уже запаковала, и смотрел на них так, как будто никогда не видел их до этого. Она работала так еще несколько минут, сдерживая раздражение, а затем сдалась.

— Мне скоро надо уезжать. Здесь наберется груза, наверное, на вагон.

— Куда ты направляешься?

— Домой, — сказала она вызывающе, имея в виду Белсайз-парк. — Чтобы сбросить все это и переодеться, а потом я поеду к Джейн. Сегодня у нее вечеринка.

В прошлом, Лео, конечно, тоже мог бы пойти, хотя он и Джейн не питали особой симпатии друг к другу.

— Да. Ну, я бы тоже мог провести где-нибудь вечер.

— Хорошая мысль.

Они защищались и маскировали это за веселостью. Харриет хотелось уйти.

Лео помог ей вынести ее комнатные растения и картонные коробки вниз на улицу. Харриет чувствовала себя униженно от этой публичной демонстрации их взаимной неудачи. Она жалела, что не могла перевезти свои вещи в полночь, и очень хотела, чтобы двери каждой из квартир, мимо которых они проходили, оставались закрытыми. Они благополучно загрузили коробки в ее хэтчбек, сложив их почти до крыши. Последнюю коробку пришлось сжать, после чего Харриет захлопнула заднюю дверцу. Лео стоял и смотрел на загруженную машину с выражением страдания на лице.

— Мне надо ехать, — повторила она, желая, чтобы все это поскорее закончилось, чтобы все это ушло в прошлое.

— Дерьмо, — сказал Лео. Он отбросил назад ногу и злобно ударил по ближайшей задней шине. — Какое дерьмо.

Харриет уселась на сиденье водителя.

— Я сожалею, — пробормотала она, — я сожалею обо всем этом. — И она уехала.

Она подъехала к квартире в Белсайз-парке и сама стала перетаскивать вещи в квартиру. Она оставила свои комнатные растения возле входной двери, а остальные вещи сложила на полу в середине гостиной. Было уже поздно, поэтому она быстро приняла душ в ванной, которая еще пахла запахом косметики другой женщины, и, завернувшись в банное полотенце и имея ограниченный выбор неупакованной одежды, стала изучать ее. Не тратя много времени на размышления, она надела ярко-красную блузку, узкие черные брюки и высокие

черные замшевые ботинки. Она провела расческой по своим коротким волосам и из одного и того же тюбика нарисовала губы и щеки. Затем она взяла бутылку красного вина, все еще завернутую в бумагу магазина «Оддбинс», и букет маргариток, купленный у цветочницы на углу. С занятыми руками и большой сумкой, висящей через плечо, она сделала несколько шагов по направлению к камину.

Игра Саймона Арчера стояла прислоненной на каминной полке, с которой она сняла перед этим хозяйскую гравюру Сола Стейнберга.

Харриет часами сидела на диване напротив нее, поджав колени к груди и изучая ее. Она помнила все воротца и их числа, поблекшие фишки и даже трещины на дереве.

Все то время, пока она смотрела на нее, сидя в одиночестве в своей тихой комнате, она размышляла и удивлялась. И всякий раз, когда она смотрела, она чувствовала, как дрожь пробегает по позвоночнику.

Одна из кошек, более расположенная к ней, черная, с белыми лапами, вилась возле ее ног и терлась о ее лодыжки. Харриет посмотрела вниз.

— Хватит размышлять, — сказала она, — настало время действовать. Несомненно, настало время.

Она вышла из квартиры, плотно закрыв за собой дверь своей крепости.

Харриет любила ездить по Лондону. Сегодняшнее путешествие на вечеринку из квартиры, где она оставила Лео, будет пересечением Лондона крест-накрест, с запада на восток и обратно на север. Джейн жила в Хакни, в крошечном домике, стоящем на уступе и зажато между высокими зданиями складов и спускающейся вниз торговой улицей. Харриет почти не заметила первой части своего пути. Обычно она получала удовольствие от непрерывного движения по западной магистрали, которая несла ее на уровне верхушек крыш. Ей нравилось вести машину, немного превышая скорость, а также чтобы в машине играла музыка.

Сегодня с дополнительным грузом, утяжеляющим заднюю часть машины, она не включала музыки и не увеличивала скорости. Она была подавлена неудачей, одиночеством и неожиданным желанием повернуть назад, капитулировать после всего, что было, и вернуться к Лео. Пока же она упорно вела машину вперед в потоке такси и грузовиков и чувствовала себя слишком слабой, чтобы попытаться обогнать кого-нибудь.

В этот вечер ее мысли сконцентрировались на том, что ждет ее впереди, у нее зародился план, и ее настроение стало улучшаться.

Вместо того, чтобы следовать по крутым поворотам городских магистралей, вторая часть ее путешествия проходила через сеть улиц, ведущих к большой дороге, которая была старым коротким путем на север от Сити и которая сейчас резко сворачивала направо, что сокращало путь по жилым улицам, тротуары которых сверкали под пленкой изморози. Она проехала мимо построенного в викторианском стиле углового паба с огнями, зажженными по случаю субботнего вечера, мимо маленьких, открытых допоздна рынков и больших, темных и насквозь продуваемых пространств, простирающихся вдоль насыпей железной дороги или промышленных зданий. Она хорошо знала маршрут и с удовлетворением наблюдала за своим движением. Ведя машину, она тихо напевала.

Когда она въехала в район Джейн, на улицах уже было мало людей, а те, мимо которых она проезжала, представляли собой, в основном, группы тщедушных чернокожих молодых людей в больших вязаных шапочках. Почти все магазины были загорожены металлическими решетками, хотя их некрасиво оформленные, освещенные неоновыми витрины были заполнены

пыльными игрушками и бесцветными коробками, вызывающими, казалось, минимальное искушение. Здесь не было радующих глаз ландшафтов, но Харриет никогда не чувствовала, что здесь ей что-то угрожает. Она часто приезжала навестить Джейн и даже прожила часть последних трех недель в ее доме. Джейн нравился этот район, заселенный выходцами из Вест-Индии, Греции и Турции, и Харриет разделяла это мнение.

Наконец, Харриет повернула на улицу Джейн. Она была заполнена припаркованными автомобилями, и первым она увидела потрепанный ситроен Тимбеллов. Это было приятно. Она была рада, что Дженни захотелось приехать. Чарли никогда не приезжал без нее. Она хотела поговорить с Чарли. Ей требовался его совет.

Дверь открыл мужчина, которого Харриет не знала. Его густые волосы были собраны в конский хвост на затылке, на нем была блуза, похожая на те, что носят художники.

— Привет, — поздоровался он.

— Привет, — ответила Харриет.

Она подала бутылку вина и маргаритки, как бы предъявляя верительные грамоты.

— Заходите, если сможете.

Прихожая была такой узкой, что когда она протиснулась в нее, то почувствовала, что оказалась плотно прижатой к мужчине. Они рассмеялись, и дальше она прошла свободно. В холле было многолюдно, некоторые даже сидели на ковре, лежащем на лестнице.

Увидев, что скопление людей на кухне еще плотнее, Харриет положила свои приношения на сверкающее, коричневое, с двумя изгибами викторианское сооружение, которое Джейн использовала в прихожей в качестве подставки для косо поставленного зеркала, и направилась в гостиную. Она была образована соединением двух крошечных комнат в одну среднего размера. Доски пола были отциклеваны и тщательно подогнаны, а Джейн благоразумно свернула на этот вечер свои коврики.

Мебель состояла из двух викторианских, обитых плюшем диванов, по одному в разных концах комнаты, и нескольких куч огромных подушек в наволочках из индийской хлопчатобумажной ткани. Ниши около камина были заполнены книгами. Ошкуренные сосновые ставни окон отгораживали праздничность разговоров, смеха и музыки.

Вечеринка проходила удачно, но в комнате людей было меньше. Харриет всегда удивляло, почему на вечеринках многие люди толпятся на кухне. Она огляделась вокруг и поняла, что большинство лиц было ей знакомо.

— Харриет, выпей! Где ты была весь вечер?

Мужчина, приветствующий ее, был учителем, одним из коллег Джейн по общеобразовательной школе. Харриет улыбнулась ему и приняла стакан болгарского каберне.

— Я только что приехала. Опоздала, как всегда.

— А где Лео?

Она встречала этого учителя на обедах и вечеринках, но знала его плохо.

— Сегодня вечером его не будет.

— Тогда будь осторожна, — он широко улыбнулся ей.

Она кивнула в ответ настолько нейтрально, насколько могла. Возле книжных полок она увидела Дженни. Ее лицо мадонны осунулось, волосы были туго стянуты сзади, как бы в наказание за непокорность. Она с улыбкой приветствовала Харриет.

— Я рада видеть тебя здесь.

— Дженни, ты выглядишь прекрасно.

Дженни кивнула:

— Все приходит в норму. Все проходит и забывается.

Харриет запнулась.

— Это то, что ты хочешь чувствовать?

— Это то, что моя мама хочет, чтобы я чувствовала. И зачастую даже Чарли. Но я не могу забыть, что у меня был ребенок. Я ведь не должна, да и не следует мне забывать, не правда ли?

— Я тоже считаю, что ты не должна, — мягко сказала Харриет.

— Я хочу помнить его. Он был у нас всего несколько часов, но это не делает его менее важным для нас, так ведь? Это будто бы обида... еще одна обида для него — постараться забыть его, как будто он и не существовал никогда.

Харриет слушала, полагая, что это именно то, что и нужно в данный момент.

— Я люблю говорить о нем. Чарли не любит, ты ведь знаешь. Он считает, что надо смотреть в будущее и быть реалистом. Потеря Джеймса причинила ему столько же боли, сколько и мне, но он не может в этом признаться. После того, как я вернулась домой, нам было нелегко жить вместе.

Харриет обняла ее.

— Все будет хорошо, — сказала она, веря в то, что действительно так и будет.

Для Дженни так же, как и для себя, она желала, чтобы время бежало быстрее.

Дженни шмыгнула носом.

— Да. Извини, Харриет. Не очень празднично, ведь это же вечеринка.

Они прижались друг к другу.

— Для чего нужны вечеринки, так это для того, чтобы видеть своих друзей. Говори, что тебе хочется, а я буду слушать тебя весь вечер.

— Нет, достаточно. Я даже не спросила, как твои дела.

Харриет была признательна ей за внимание.

— У меня все в порядке, — сказала она коротко, зная, что так и будет. — А вот и Джейн.

Джейн сама пила очень мало, утверждая, что это ей противопоказано, но она щедро разливала всем остальным. Она несла по бутылке вина в каждой руке. Сегодня вечером она заменила свои «боевые» брюки на платье цвета сливы, с широким поясом, собирающим в складки блестящую ткань вокруг ее бедер и груди. Ее губы были слишком сильно накрашены помадой темно-фиолетового цвета, а тени, наложенные под глазами, были более светлого тона, однако это совсем не создавало эффекта чувственности. Она все равно выглядела такой, какой и была на самом деле, — сухой и бескомпромиссной. Харриет была рада видеть ее.

— Ты знаешь, мне не хватало тебя после того, как ты съехала с квартиры, — сказала Джейн. — Я ведь уже привыкла, что ты рядом. Может быть, мне прекратить поиски мужа и охотиться за женой?

— Я не думаю, что я в твоём вкусе, — ответила Харриет, — поищи такую, которая умеет готовить.

— Конечно.

Все трое рассмеялись. Харриет почувствовала значение и теплоту дружбы. Ее топливом была взаимосвязь их обычной жизни и доверие друг к другу. Они никогда не говорили о своих отношениях, однако все это поддерживало ее. И она чувствовала себя счастливой и

богатой, потому что обладала этим.

— Что ты делала после того, как уехала от меня? — спросила Джейн. — Джен, она выглядит прекрасно, не правда ли?

— Она выглядит великолепно.

— Я упаковывала вещи и убирала квартиру. Лео был там весь день.

— Было неприятно?

— Достаточно неприятно, — призналась Харриет.

— Станет легче, когда вы разделите домашние мелочи, — решительно сказала Джейн. — Что вам нужно сейчас, что нам всем нужно — это выпивка, за которой последуют еда, танцы и снова выпивка.

Она позвала всех в комнату:

— Идите все сюда.

В развлечениях, как и во всем остальном, Джейн была впереди. Дженни и Харриет тайком улыбнулись друг другу, однако Джейн перехватила их взгляд.

— Не хотите ли вы смешаться на некоторое время с гостями?

— Иду, иду, — закричала Харриет, — я иду на кухню, чтобы найти Чарли.

Она пересекла комнату, прошла в прихожую, а затем, спустившись на две ступеньки вниз, вошла в кухню. В этой комнате были большие французские окна, которые открывались в солнечный внутренний садик, где Джейн выращивала в горшках зелень и английскую землянику.

Сегодня обеденный стол был сдвинут прямо к дверям, и на нем стояли корзины с длинными батонами, коричневые фаянсовые блюда с соусами из авокадо, баклажанов и чесночным паштетом, а также матовые пивные стаканы с пучками сельдерея. Тут же лежали печеные пироги, уже наполовину съеденные, разбросанные пятнышками крошки пирожных и еще не тронутый сыр бри. На дальней горелке газовой плиты стояла большая кастрюля с горячим супом, видимо, с морковью и кориандром. Раньше Харриет помогала Джейн готовиться к вечеринкам.

Вдоль одной из стен, отделанной кафелем, плотно стояли бутылки разного цвета и формы вперемешку со стаканами, тарелками и большими банками с пивом. Чарли Тимбелл наклонился над столом с полным стаканом болгарского каберне в руке. Он что-то очень эмоционально говорил нервной на вид девушке в вышитой блузке. Они были прижаты к своему месту другими группами болтающих и смеющихся людей. Девушка, похоже, была в нерешительности, находясь в таком положении тет-а-тет.

Чарли был почти такого же роста, что и Харриет, но благодаря своим широким плечам и коренастой фигуре казался гораздо крупнее. Под буйным темпераментом скрывался практичный финансовый журналист.

Харриет услышала, как он крикнул: «Тоталитаризм!»

Девушка возле него поежилась.

Харриет подошла к ним и тронула его за локоть.

— Чарли.

Он замолчал посередине фразы.

— Привет, дорогая, — он шумно поцеловал ее и потом заглянул за ее плечо.

Харриет догадалась, что он ищет Лео. В следующее мгновение Чарли вспомнил, что Лео тут не будет. Он густо покраснел.

— Все в порядке, — мягко сказала Харриет. — Я тоже забываю и оглядываюсь, чтобы

задать ему вопрос. Сила привычки, что поделаешь.

Она повернулась к девушке в вышитой блузке, собираясь представиться, но девушка уже отходила, пятясь назад.

— Что я, собственно, сказал? — требовательно спросил Чарли, когда она скрылась. — Или это ты?

— Это ты. Когда она в последний раз могла сказать что-нибудь?

— Я дал ей кучу возможностей. Она просто ими не воспользовалась.

Харриет положила свою руку на руку Чарли.

— Чарли, я хочу спросить тебя кое о чем. Можем мы пойти с тобой куда-нибудь, где потише, чем здесь?

Он встревоженно посмотрел:

— О тебе и Лео? Это не моя область, все эти дела. Спроси Дженни.

Его нежелание было позой, и Харриет понимала это, однако она знала также, что обычно эта поза раскрывает больше, чем хотелось бы самому позеру. Чарли мог всю ночь напролет говорить о денежной массе, перспективах «Арсенала» или призе Букера, но он не любил говорить о том, что он чувствовал или чего боялся, как будто при этом он становился уязвимым, а это он считал недопустимым для мужчины. Харриет помнила, что сказала Дженни. По крайней мере, у Дженни были она и Джейн, с которыми она всегда могла поговорить. Чарли, наверное, было труднее.

— Деловой совет, — сказала Харриет осторожно.

— В таком случае, — подмигнул он ей, — пойдём наверх.

Они забрались на самый верх лестницы и смотрели на головы собравшихся внизу. Мужчина в блузе все еще дежурил у двери. Харриет сделала первый большой глоток вина.

— Как ты, Чарли?

— У меня все в порядке. Какой совет ты хочешь получить?

Конечно, он уводил ее в сторону от своих проблем. Как тогда сказала Дженни: «Нам было не очень легко жить вместе». — Харриет подумала о Лео, а потом о скрытой силе женской дружбы.

— Ты уверена в том, что тебе действительно не нужен адвокат? — подсказал ей Чарли.

Харриет улыбнулась:

— У меня есть адвокат.

Ее план стал для нее важным. Более чем важным — почти целью жизни. Чарли должен был стать первым человеком, с которым она поделилась бы им, и она не хотела, чтобы он посмеялся над ним или отверг его, потому что она очень ценила его мнение. Она глубоко вздохнула, готовясь начать.

— Слушаю.

— Я получила игру. Игру на смекалку и расчет от одного своего друга. Он изобрел ее, и она очень умная и очень необычная. Я хочу усовершенствовать ее и продавать на коммерческой основе. Я думаю, что ее будут покупать.

Она взглянула на него и увидела, что Чарли угрюмо смотрит вниз.

— Я никогда не слышал ни о чем подобном.

Она с облегчением заметила, что лицо Чарли прояснилось.

— Это вселяет в меня некоторую надежду. Оригинальность — это первое требование, — сказал Чарли.

— А какое следующее?

За ними на лестничной площадке кто-то споткнулся о дверь ванной. Неожиданно внизу музыка ударила с удвоенной силой. Вечеринка разгоралась.

— Если у тебя нет идеи, то ты должна сразу отвергнуть этот план. Пойди и попроси того мужчину в блузе потанцевать с тобой, чтобы отвлечься. И я могу потанцевать с тобой, если тебе это поможет. — Затем он посмотрел на ее лицо и изменил тон. — Ты занимаешься розничной торговлей. У тебя есть магазин модных вещей, не так ли? Ты сказала мне, каким должен быть твой первый шаг?

— Я думаю, — сказала Харриет. — Мне просто хотелось бы... отрепетировать это с тобой. Когда выходишь замуж, то привыкаешь к тому, что кто-то всегда есть рядом, не так ли? Для того, чтобы выслушать тебя и помочь собраться с мыслями. Тогда замечаешь свои ошибки.

Она помнила, как сказала Саймону, что умение слушать — это одна из обязанностей дружбы.

Чарли раскаялся. Он взял ее за руку.

— Извини. Продолжай репетицию.

— Исследования.

Она начала отмечать по пунктам, сгибая их сцепленные пальцы.

— Исследование рынка, определение уровня конкуренции, изучение показателей. Определение собственного рынка. После изготовления прототипа определение производственных расходов. Расчет цены. Составление бизнес-плана, определение наилучших и наихудших возможных результатов. Вход в Сити и мобилизация капитала. Или что-нибудь в этом роде.

Она издала звук, который наполовину был нервным смехом, наполовину стоном смятения.

Чарли покачивал стакан с выпивкой в свободной руке.

— И ты хочешь все это сделать?

— Да, — ответила Харриет. — Да, я хочу. Я нуждаюсь в том, чтобы сделать это.

Чарли вновь посмотрел на нее. Казалось неуместным слушать о всех этих деловых планах и исследованиях рынка в простом и безупречном доме Джейн Хантер. На взгляд Чарли, Харриет выглядела голодной и немного свихнувшейся. «Нуждается, — подумал он, — возможно, это и есть правильное слово». И если бы ей удалось заставить свой план работать, то на это потребовалась бы вся ее неизрасходованная энергия.

— Тут необходимо проделать огромную работу, — сказал он ей, — еще до того, как ты будешь готова сдать ее и получишь отказы на свои заявки на финансирование.

— Я не боюсь работы.

То, как она пожала плечами, красноречиво говорило ему, что она больше ни на чем другом не сосредоточит своего внимания. Между ними возникло взаимопонимание. Работа могла стать полезным паллиативом.

— Есть ли у тебя какой-нибудь собственный капитал?

— Моя половина стоимости квартиры, когда она будет продана. Двадцать тысяч. Я сняла на год дешевую квартиру.

— Харриет, ты знаешь что-нибудь о коэффициенте риска?

— Кое-что, — ей не хотелось признаваться в незнании чего-то, что могло бы иметь отношение к ее плану.

— Ты должна спросить себя, окупятся ли в конце концов все усилия и энергия, которые

ты должна будешь вложить в этот бизнес. Будет ли их достаточно, чтобы принести прибыль?

Харриет не смутилась:

— Я хочу сделать это. Игра существует, и я хочу продвигаться вместе с ней. Я могу заработать кучу денег, ведь так?

Чарли рассмеялся, снова повеселев.

— Иначе нет никакого смысла. Было бы лучше, если бы ты позволила мне взглянуть на твою необыкновенную игру. Ты уверена, что не будет проблем с правами на нее?

— Мне уже сказали, что я могу делать с ней все, что захочу. Однако я еще раз проверю, не волнуясь.

На какое-то мгновение в этой квартире Джейн с кремовой лестницей, с гравюрами в рамках и висящими на стенах растениями, со все усиливающимся запахом морковного супа, она увидела серый дом Саймона, пахнувший сыростью и запустением. Она слегка вздрогнула, а Чарли, не поняв причины этого, обнял ее одной рукой.

— Ты помнишь Крит, Харриет?

— Да, я помню Крит.

Они путешествовали по Греции, шестеро из них, в их последние студенческие каникулы. Там были Чарли, Джейн и Харриет, а Дженни занималась в это лето чем-то другим.

Они приехали в Вай на восточном побережье и обнаружили там полумесяц белого песка, окаймленный пальмами, под которыми располагались раскрашенные туристские автофургоны и оранжевые палатки других путешественников. Они установили свои палатки рядом с этой компанией, повесили свою грязную дорожную одежду и бросились купаться в море.

Дни стояли жаркие, и часы либо медленно тянулись, либо сокращались под лучами солнца. Они наслаждались сверкающим солнцем, плавали в переливающейся радугой воде и в тени пальм читали книжки карманного формата.

Они обменивались дорожными рассказами с бородатыми немецкими парнями, хотя их запас таких историй был очень скудным по сравнению с немцами, которые рыскали по всей Европе на своем фольксвагене-фургоне. В красном свете пляжных пикников они беседовали со светловолосыми, красивыми скандинавами, курили сигареты с марихуаной и слушали гитару с дружелюбными голландцами.

— Это чудо, — сказала Харриет, — это утопия.

Джейн сидела, скрестив ноги, ее волосы развевались на солнце, и соль выступила на плечах. Даже подошвы ее ног были загорелыми.

— Нет насилия, нет жадности, нет воровства — солнце загипнотизировало их всех, у них было очень мало собственности и еще меньше денег, — нет тщеславия, нет соперничества, нет никакого расизма.

— Нет притворной стыдливости, нечего скрывать.

В нескольких ярдах от них на одеяле шведы Геза и Инге занимались любовью. Они отдавали этому занятию массу времени и демонстрировали неиссякаемый интерес по отношению друг к другу. Чарли поднял глаза.

— Они все еще заняты? А вы были бы счастливы, ведя такую жизнь?

— Всегда, — прошептала Джейн.

— А как же теория нравственности?

— Я могу быть выше нее.

— Мужчина живет для того, чтобы работать, и для того, чтобы любить, — напомнил им Чарли. — Это, можно сказать, как наш друг Геза.

Ночью под яркими звездами они усаживались вокруг костра, разожженного из прибитого к берегу дерева, и беседовали о том, как изменить мир. При всех различиях в оттенках мнений они все были убеждены, что когда они выпьют достаточно ароматного греческого вина, когда угол стояния солнца на небе изменится настолько, что это будет означать осень, они вернутся домой и унаследуют мир, который нуждается в переделке в соответствии с их мечтами. Они были полны наивного оптимизма и энтузиазма.

Однажды вечером, когда разговор пошел по кругу, кто-то спросил:

— Так чего же ты хочешь, Харриет?

А кто-то другой ответил:

— Харриет хочет быть богатой и знаменитой.

Защищая себя, она коротко и резко ответила:

— Достаточно просто богатой.

Это было столь нетипичной реакцией, так резко контрастирующей с часами предшествующих возвышенных бесед, что, казалось, она намеревалась всех насмешить. В последующие дни Харриет поддразнивали ее буржуазными идеалами и эксплуататорскими наклонностями.

А потом, через непродолжительное время, как будто управляемые теми же импульсами, что и ласточки, собирающиеся на телефонных проводах в английских деревнях, жители палаточного лагеря начали снова складывать свою превратившуюся в лохмотья одежду и говорить о длинном пути назад в Мюнхен, Амстердам и Манчестер. Когда спальные мешки были свернуты, палатки сложены и погружены в фургоны, про замечание Харриет уже забыли. С востока начал дуть холодный ветер, уносящий с пляжа песок. Они сняли с плеч гитары, связали их головными повязками и начали по двое, по трое отправляться по изрытой колеями дороге, ведущей с пляжа.

Утопия оказывалась далеко в прошлом еще до того, как они доехали до Ираклиона.

— Да, я помню Крит.

Солнце и соленая вода, ароматное греческое вино и разговоры, бесконечные разговоры. Харриет больше не чувствовала себя юной и наивной, и она знала, что неразумно ощущать трепет сожаления из-за того, что было десять лет назад. Но она чувствовала именно такой трепет.

— Я помню. Я сказала, что хочу быть богатой.

— И ты лелеяла предпринимательские амбиции все это время?

Чарли не понял ее. Это были не предпринимательские амбиции, а цель, связанная с игрой Саймона.

— Я сказала то, что я сказала много лет тому назад. Это была шутка. Шутка, которая по сей день угнетает меня.

— Нет никакой необходимости оправдываться, ни тогда, ни сейчас. Я восхищаюсь тобой, Харриет. Если ты хочешь делать, то делай это. Финансовый климат сейчас, как ты знаешь, благоприятный. Политика правительства способствует предпринимательству, что ты также знаешь. Я желаю тебе самого большого успеха, если это то, что ты хочешь услышать. И если я что-то могу для тебя сделать, чтобы помочь тебе, то знай, я сделаю это.

Харриет почувствовала себя так, как будто он дал ей свое благословение. Она поцеловала Чарли в щеку, найдя ее твердой и теплой. В то же самое время она почувствовала в своих жилах кровь и кости у себя под кожей. Внизу не было мужа. Не было ничего в мире, кроме ее плана. Она почувствовала себя невесомой, опьяневшей и очень взволнованной.

Чарли поднял глаза.

— Мне жаль, что у вас так с Лео, — сказал он, удивив ее.

— В этом никто не виноват, — ответила Харриет, — мы не сделали друг друга счастливыми. Может быть, кто-нибудь или что-нибудь это еще сделает. — Она подумала, что он не заметил этой оговорки. Она сказала это скорее для себя, но уж, в любом случае, не для Чарли. — Спасибо тебе за совет. Я решила прямо сейчас воспользоваться им и пойти потанцевать с мужчиной в блузе.

Харриет наклонилась над ним. Машинально Чарли поднял руку, и она скользнула под ее красную блузку. Он держал одну ее теплую обнаженную грудь в своей ладони. Вес ее создавал приятное чувство комфорта.

Харриет улыбнулась и мягко убрала руку. Она целый месяц прожила обнаженной на греческом пляже рядом с Чарли Тимбеллом, и было бы ханжеством возражать против этого прикосновения. Кроме того, оно принесло ей определенное удовольствие, которое было не слишком сексуальным. Это было скорее возбуждение от новизны, от свободы.

— Спасибо, — сказала она снова.

Чарли посмотрел на нее, когда она уходила вниз по лестнице. Прошли годы, прежде чем он задал себе вопрос, считает ли он Харриет физически привлекательной. Он полагал, что на определенной стадии он решил, что нет, потому что предпочитал хорошеньких женщин, внешне более мягких, таких как Дженни. Однако сегодня вечером он почувствовал в Харриет какой-то заряд, который, определенно, был стимулирующим. «Возможно, это и хорошо, — размышлял он, — что она разошлась с Лео Гоулдом». Но он опасался, что для нее будет хуже, если она направит всю свою энергию на маркетинг какой-то игры.

Мысли Чарли совершили круг и снова вернулись к Дженни. Он ощущал смесь нежности и раздражения к своему собственному горю. Он хотел найти способ смягчить страдания Дженни, но их глубина казалась пугающе бесконечной. И он отступил перед этой глубиной. Они ни разу не были близки после смерти ребенка. Короткий всплеск желания, который Чарли почувствовал к Харриет, перешел на Дженни и укрепился.

Чарли встал. Пришло время забрать Дженни с этой вечеринки домой, в постель.

Внизу Харриет вновь была втянута в вечеринку. Здесь были ее друзья, некоторые из них были ее близкими друзьями, и Харриет была рада присоединиться к ним. Она выпила вина и обнаружила себя смеющейся и болтающей под музыку в кружках, которые то собирались, то расходились. Это была удачная вечеринка. Харриет поймала беглый взгляд Джейн, танцующей с мужчиной в синей рубашке, и довольной, что она тоже получает удовольствие.

В дверях показались Чарли и Дженни, надевающие пальто. Харриет помахала им рукой и послала воздушный поцелуй.

Танцы были в полном разгаре. Учитель, коллега Джейн, нашел Харриет и увлек ее танцевать. Он был довольно пьян и обхватил ее своими руками, как будто без ее поддержки он мог упасть. Он горячо бормотал ей на ухо:

— Вы напрашиваетесь на неприятности, приходя сюда без мужа.

Харриет сняла его руки менее нежно, чем руки Чарли.

По возможности быстро она выбралась из толпы танцующих и направилась на кухню.

Мужчина в блузе с конским хвостом шумно пил суп из кружки «Ройал Уэддинг». Харриет представилась и выяснила во время короткой беседы, что его зовут Бернард, что он строгий вегетарианец и астролог-любитель и что он не относится к людям того сорта, с которыми она хотела бы разговаривать хоть на секунду дольше, чем это необходимо. На ее счастье, пришла девушка в вышитой блузке и позвала его.

Харриет повернулась и начала энергично, автоматически убирать пустые бутылки с забитого посудой кухонного стола Джейн. Когда это было сделано, она освободила раковину от грязных тарелок и стаканов и аккуратно поставила их на сушилку, чтобы вымыть. Во время работы она размышляла о том, что она пришла на вечеринку в поисках чего-то, но ей не удалось найти этого. Это не должно было быть заменой того, что она потеряла с Лео, не любовью, конечно, и уж, естественно, не сексом.

Она взяла посудное полотенце и начала аккуратно вытирать тарелки, но вдруг остановилась и внимательно посмотрела в черное стекло окна, отражающее комнату за ее спиной. Она увидела «униформу» Джейн цвета сливы, движущуюся среди неясных расплывчатых очертаний других людей. Джейн променяла обязанности хозяйки на приятное развлечение. Харриет улыбнулась. Что она нашла на этой вечеринке, так это компанию своих друзей. Тепло, которое встретило ее, оставалось вместе с ней и поддерживало ее.

Когда она посмотрела в окно еще раз, то увидела за собой отражение мужчины. Он был одет в синюю рубашку, рукава которой были засучены до локтя. Она заметила этого мужчину еще раньше, когда он танцевал с Джейн.

Затем из-за ее спины он спросил:

— Неужели это интереснее, чем общаться со своими друзьями?

Он говорил с акцентом. Йоркшир или, возможно, еще севернее. Харриет повернулась к нему. Ее рассердило его предположение, но в то же самое время она понимала, как она должна была выглядеть, повернувшись спиной к комнате, с руками, опущенными в раковину.

— Я пообщалась, — сказала она.

Мужчина был очень хорош собой. Было удивительно, почему она не заметила его раньше. Потом она попыталась быстро определить, сколько вина она выпила, пока не отказалась от подсчетов.

— Кроме того, я увидела, что это надо сделать. Я подумала, что я смогу немного помочь Джейн.

Не было никакой необходимости оправдываться. Ей хотелось бы думать, что она это делает не потому, что у него черные кудрявые волосы и лицо, которое заставляет ее вспомнить боксера-профессионала, еще не обезображенного боями.

— Джейн?

Харриет удивилась:

— Это вечеринка Джейн. Дом Джейн. Вы танцевали с ней час назад.

Она чувствовала себя беззаботной. Она не ощутила непосредственной связи между своей беззаботностью и облегчением от того, что он не знает, кто такая Джейн.

— Вон та — Джейн? Я только что познакомился с ней. Я нахожусь в гостях, и хозяева взяли меня с собой. Когда я попал сюда, я не знал никого, включая Джейн.

Он, извиняясь, пожал плечами, и это показалось ей привлекательным. Харриет улыбнулась ему.

— Я не буду мыть посуду, если вы сможете найти мне что-нибудь выпить.

Он поискал среди полупустых бутылок и налил два стакана вина. Они стояли на углу

возле холодильника в том месте, где Харриет нашла Чарли в начале вечера, и беседовали о незнакомцах, встреченных на вечеринке. Мужчину звали Дэвид. Чем больше Харриет смотрела на него, тем привлекательнее он ей казался.

— Вы замужем, Харриет? — Дэвид посмотрел на ее руку.

— Была, — ответила она нейтрально.

— И я тоже был.

За минуту до этого они говорили о реставрации домов. Оказалось, что взаимное признание создало между ними новые отношения. Харриет затаила дыхание, но вдруг была поражена. Музыка в другой комнате на мгновение прекратилась, а затем неожиданно началась вновь. Вечеринка заканчивалась, шли ее последние судороги. Дэвид взял из ее рук стакан.

— Пойдем потанцуем.

Затемненная гостиная была почти пуста. Несколько пар танцевали под грохочущую вокруг музыку. Дэвид взял ее за руку, и они пошли танцевать. Он держал ее не так, как пьяный учитель. Разница состояла в том, что он делал это правильно. Харриет закрыла глаза, полностью отдаваясь музыке. Дэвид тихо напевал, его лицо было рядом с ее лицом. Она подумала о том, как хорошо, когда тебя ведут. Как хорошо и как легко. Они танцевали довольно долго, а потом что-то случилось. Дэвид плавно изменил свое положение, перемещаясь с одной стороны так, чтобы встать прямо перед ней. Он обхватил ее руками за талию, и она поняла, что он собирается прижаться бедрами к ее бедрам. Потом он поцелует ее.

Харриет открыла глаза. Музыка уже почти превратилась в шум, хотя группа «Полис» пела все ту же песню. Ей не хотелось, чтобы ее кто-нибудь целовал. Прошло довольно много времени с тех пор, как ее целовал хоть кто-то, кроме Лео, и ей не хотелось этого сей час. Но все это время у нее в голове вертелась мысль: «Как она не понимает, что было бы так захватывающе захватить этого мужчину к себе домой и позволить ему согреть ее постель и ее тело». Нечто подобное она делала много лет назад, однако не забыла этого. Они прокрадутся тайком в комнату, а потом будут прятать глаза друг от друга при нежеланном свете. Они будут обладать друг другом, а их одежда будет сброшена и переплетена, как и они, прижавшиеся друг к другу.

Она помнила, как властно это желание и еще множество других приятных желаний вторгались в ее жизнь. «Не просто на ночь и на день, — что-то подсказывало ей, — а на долгое время».

Однако Харриет пребывала в нетерпеливом ожидании. У нее теперь не было времени предаваться тайнствам любви.

Она внимательно взглянула в лицо Дэвиду. Это было хорошее лицо, лицо, которое она выделила бы из толпы. А за Дэвидом она увидела двух своих приятелей, собирающихся уходить. Она ловко и уверенно выскользнула из твердой хватки его рук.

— Я должна идти, спокойной ночи.

На его хорошем лице, на неповрежденном лице борца, она заметила тень раздражения. «Как типично для мужчин», — подумала она. При таком отказе женщина может выразить открытую обиду, злость или страх. А у мужчины это просто досада. Она быстро, но недостаточно твердо, пересекла комнату. Она говорила себе, что она очень много выпила и не должна больше пить.

Попрощавшись с уходящей парой, Харриет поднялась наверх. Она заперлась в ванной

комнате и села на край ванны. Она изучала спаржу и вьющиеся растения, собранные Джейн в плетеных корзинах, мыльницы с мылом, баночки с косметикой и кремами и круглые, как луна, весы. Она дышала глубоко и ровно, вспоминая, что она затаила дыхание, как глупая девчонка. Она решила, что убежала вовремя и должна преодолеть упорное желание сбежать вниз и снова найти этого мужчину. Это был бы ее первый шаг, который неминуемо привел бы их во взятую ею в займы квартиру. Когда они пришли бы туда, она расстегнула бы синюю рубашку и запустила бы пальцы в его черные кудри. Это было бы приятно и никому не причинило бы зла.

— Дерьмо, — вслух сказала Харриет.

Она встала и посмотрела на себя в зеркало, висящее над умывальником. Она открыла стеганую косметичку Джейн и достала темно-фиолетовую помаду. Она покрасила ею губы и обнаружила, что это ей решительно не к лицу.

Она не знала, сколько времени она просидела в запертой ванной комнате, но становилось уже глупо скрываться в ней и дальше. Она без всякой необходимости спустила воду и открыла дверь.

На кухне Джейн и последние гости пили кофе.

— Я бы тоже хотела, — сказала Харриет.

Она взяла кружку, которую до этого использовал вегетарианец Бернارد, и попыталась проявить интерес к беседе о половом воспитании детей. Боковым зрением она искала синюю рубашку, надеясь, что она больше не появится. Когда же она появилась, на ней был толстый темный свитер. Дэвид вошел с той парой, которая его привела, для того чтобы попрощаться с Джейн. Он поцеловал Джейн в щеку и поблагодарил ее, а затем протянул руку Харриет. Она пожала ее с уверенностью, что он смеется над ней.

— Возможно, мы еще встретимся, — сказал Дэвид. Он говорил, казалось, с акцентом северянина.

— Возможно, — ответила Харриет совершенно искренне, не обнадеживая, но и без излишнего холода.

Харриет гордилась собой и, хотя она не могла видеть его усмешки, она понимала, что усмешка была. В ее голове возникло несколько слов, относящихся к ней, — это «высокомерная» и «самодовольная».

Когда она наблюдала за тем, как он шел, наклоняя голову в дверях, она почувствовала, что испытывает сильное искушение броситься за ним. Она стояла абсолютно неподвижно и слышала, как открылась и закрылась парадная дверь.

Потом ее плечи опустились. Она, действительно, едва избежала опасности. Возникнет ли этот спонтанный импульс едва сконцентрированного вожделения всякий раз, когда она встретит нового мужчину, просто потому, что Лео уже больше нет возле нее? Харриет улыбнулась этой мысли. У нее нет времени доставлять себе такие удовольствия. Сегодня вечером произошло помутнение сознания, однако влияние этого мужчины уже угасло. Она уже не может вспомнить лица боксера.

— Я сварю еще кофе, — предложила Харриет, обращаясь к Джейн.

Наконец, стали собираться и самые стойкие. Они вели себя так, как обычно и ведут себя поздние гости. Одна половина из них вела горячую дискуссию перед парадной дверью, а вторая — за ней. В конце концов, остались только Джейн и Харриет, разглядывающие беспорядок на кухне.

Джейн сдвинула в сторону ряд грязных стаканов и плюхнулась на один из сосновых

стульев.

— Я не притронусь ни к чему до завтра, — заявила она.

Ее волосы наполовину выбились из косы и исчезли последние следы темно-фиолетового макияжа. Казалось, что она испытывает облегчение. Она опустила подбородок на руки и через стол лучезарно улыбнулась Харриет.

— Ну, разве это не лучший момент вечеринки? Когда все ушли, и ты можешь сесть и поговорить о них.

— Я хорошо провела время. А ты?

Джейн глубоко вздохнула:

— Я обычно не получаю удовольствия от своих вечеринок. Вся эта суета вокруг выпивки и соусов. Мужья полезны хотя бы для этого.

Харриет улыбнулась:

— Лео никогда не был очень полезен в таких делах. Ты поступишь правильнее, если наймешь дворецкого.

Джейн не слушала:

— Однако сегодня я получила удовольствие. Ты видела того, в синей рубашке? Конечно, ты видела. Ты танцевала с ним, не так ли? Ну, как он тебе показался?

Харриет открыла рот, но услышала сигнал тревоги. То облегчение, которое она почувствовала, узнав, что Джейн не знакома с ним, оказалось несколько преждевременным.

— О ком ты говоришь? А, о нем. Я полагаю, что вполне хорош собой, — Харриет вытянула ноги и положила их на соседний стул.

Она заметила, что кто-то аккуратно стряхнул пепел на складки ее замшевых ботинок. Теперь Джейн слушала достаточно внимательно и пристально смотрела на Харриет.

— Он тебе понравился?

— Что? Нет. Только издалека.

Она заперлась в ванной, продумала всю последовательность будущих событий и решила, что у нее на это нет времени. И это все.

— Я слишком занята для таких дел.

— Хм. Он остановился у Гринов. Он что-то вроде строителя.

— Так я и решила.

— Ты хоть поговорила с ним?

Харриет, смеясь и как бы защищаясь, вытянула вперед руки.

— Только пять минут. Он твой. Бери его.

Джейн снова вздохнула:

— Мне подходит этот шанс. Ну что ж, он знает, где найти меня. — Она с неодобрением посмотрела на Харриет. — Что ты имела в виду, когда говорила, что ты слишком занята для таких дел? Может быть, короткий бурный роман — это как раз то, что тебе сейчас нужно?

— Я так не думаю. Я не говорила тебе, что я собираюсь делать. Можем мы забыть о строителе хоть на минуту?

— Как скажешь.

— Я намерена начать дело. — Харриет вскочила на ноги, так как была не способна говорить от этого сидя.

Она начала рассказывать все по порядку. Джейн, мигая, наблюдала за ней. Ее подбородок все еще лежал на ее руке.

В конце Харриет прислонилась к раковине и сложила руки.

— Итак, что ты думаешь по этому поводу?

Джейн задумалась:

— Я полагаю...

Харриет ждала, понимая, что одобрение Джейн может быть вследствие различия подходов не менее важным, чем одобрение Чарли, и зная также, что она будет реализовывать свой план независимо от того, что скажет Джейн.

— Я думаю, что это прекрасная идея.

— Спасибо, — Харриет наклонилась и крепко обняла Джейн, а растрепанная коса щекотала ее щеку.

— Ну так брось это чертово полотенце и расскажи мне, с чего ты намерена начать.

— С работы дома. Огромное количество работы дома, а затем постараюсь достать деньги. Чарли ясно дал понять, что будет нелегко.

Джейн на несколько секунд задумалась.

— У меня есть немного сэкономленных денег. Пара тысяч. Это все, но если они помогут тебе, то ты можешь их взять.

Харриет была поражена. Щедрость Джейн имела значительно больший масштаб, чем требовалось для ее находящегося в зачаточном состоянии плана, и она была тронута. Чтобы скрыть свои чувства, она пошутила:

— Это может быть хорошим капиталовложением. Ты получишь хороший доход от своих денег, я обещаю.

Джейн возмутилась:

— Я предлагаю тебе деньги не потому, что я хочу на тебе делать деньги.

— Я знаю это, — ответила Харриет, — и я тебе очень благодарна.

— Надеюсь. О, Господи, посмотри на часы. Уже почти четыре часа.

— Я поеду одна в Белсайз-парк.

— Чтобы лежать между простынями балансовых отчетов.

Они смеялись, сознавая свое одиночество и привязанность друг к другу.

— Почему бы тебе не остаться на ночь?

— Я лучше поеду домой. Но я вернусь к тебе утром и помогу тебе со всем этим.

Харриет думала об игре, прислоненной к стене в пустой квартире. Она притягивала ее к себе так, как будто они нуждались друг в друге.

— Да ты уже больше половины сделала. Позвони.

Джейн стояла в круге света на крыльце и смотрела, как она уезжала.

Улицы были пустынные, когда Харриет возвращалась своим кружным путем. Компании молодежи уже рассосались, и даже несколько автомобилей, которые пронесли мимо нее, казалось, путешествовали без человеческого участия.

Было приятно ощущать тепло, безопасность и обособленность в этой темноте. Харриет улыбалась. Она не думала о Чарли Тимбелле, протянувшем руку, чтобы прикоснуться к ее груди, или о мужчине в синей рубашке. Она думала о дружбе и ее объединяющем подтверждении. Ведя машину, она тихонько напевала.

В конце дождливого понедельника магазин был пуст, за исключением двух девушек, примерявших дольки в отгороженном дальнем конце с зеркалами. Харриет знала, что все может закончиться тем, что они купят ленты или, в лучшем случае, носки, а скорее всего, вообще ничего. Однако она не беспокоила их, потому что так было принято в ее магазине. Ведь вполне возможно, что они придут еще раз, когда у них действительно будут деньги, чтобы купить что-нибудь. Кроме того, ей понравилось, как они выглядят. Они были молодые и тощие, волосы их были зачесаны в асимметричные пучки, похожие на сливы, на макушках их голов. Они любовались видом своих спин, мелькающих в зеркалах, а затем стали давиться от приступов смеха, который пытались заглушить.

Одна из них появилась из-за занавески в сверкающих ярко-розовых дольчиках. Она сделала несколько неловких движений у станка, установленного вдоль стен магазина. При этом совершала поклоны дюжина зеркальных отражений со сливой из волос.

— Это делает меня ужасно похожей на мороженое, — фыркнула она.

— Было бы лучше, если бы вы попробовали расцветку, как шкура леопарда, — подбодрила их Харриет, — примерьте ее.

Впервые она обратилась к ним, и они тотчас стали выглядеть испуганными и виноватыми. Харриет подошла к полке, на которой лежали набивные дольки под леопардовую шкуру, и взяла одну пару.

— Давайте, — повторила она. — Мне хочется посмотреть на вас в этом.

Девушка была тоненькая. Ее позвоночник был цепью шишек, и даже выступали тазовые кости. Когда она надела колготки и робко прошла между занавесками, она сделалась неузнаваемой — она превратилась в кошку. Маленькую, голодную, но самонадеянную и уверенную в успехе. Девушка сделала пируэт, а ее подруга присвистнула сквозь зубы. Харриет попыталась припомнить, как она ощущала себя в их возрасте — еще не женщина, но уже и не девочка. Казалось, что это было очень давно.

— Это тебе к лицу, — сказала она девушке и вернулась на свое место за прилавком, не давая больше никаких советов.

Она посмотрела через высокую стеклянную витрину на дождь. На улице зажигались огни, и свет превращал дождевые капли на стекле в крошечные сверкающие искорки.

— Возможно, завтра, — подумала Харриет. — В это время.

Десятки коробок с туфлями для танцев из мягкой кожи так же, как только поступившие итальянские кремы и мази, ждали на складе, когда их распакуют и проверят. Харриет знала, что косметика будет продаваться хорошо, и очень хотела поскорее выставить свои товары. Но по понедельникам она была в магазине одна, без своих помощников, занятых неполный рабочий день.

Она не могла оставить кассу, а без нее ничего нельзя было сделать. Стопки ярких красочных пакетов с одеждой лежали на своих полках, а другая одежда висела на желтых перекладинах. Коробки, бутылочки и другие, упакованные в пакеты, товары были аккуратно расставлены; сам магазин представлял собой как бы грот с зеркальными стенами, теплый и сияющий.

В дальнем конце перешептывались девушки. Из-под прилавка Харриет достала новую игру.

Одной из проблем в эти четыре трудных месяца было найти такого изготовителя, который сделал бы именно то, что она хотела. Наконец она нашла маленькую фабрику пластмассовых изделий, расположенную недалеко, в нескольких милях, от того места, где жил Саймон. Она ездила туда, чтобы работать бок о бок с ее хозяином, мистером Джепсоном, обхаживая его, досаждая ему и давая обещания, хотя она не имела никакой уверенности в том, что будет в состоянии их выполнить. И, таким образом, она смогла воодушевить его настолько, что был изготовлен прототип игры, который почти удовлетворил ее.

Он был меньше оригинала Саймона, изготовлен из тяжелого, блестящего черного пластика, который выглядел почти как лакированное дерево. Воротца в форме буквы Y были выполнены из блестящего белого пластика. А как же горько плакался мистер Джепсон, жалуясь на трудности, мешающие ему сделать все так, как нужно.

Четыре шарика и фишки соответствующего цвета сверкали, как цветные капельки, на абсолютно белом и на абсолютно черном фоне.

Харриет наугад бросила фишки в прорези и удерживала в своих желобках шарики, которые были готовы покатиться. Она быстро произвела подсчет и переключила воротца.

Поскольку эта доска была меньше, шарики не издавали музыкальных звуков. Нахмурясь, Харриет слушала и наблюдала. Блестящие цветные пятнышки делали зигзаги, скатываясь вниз по дорожке, которую она выбрала для них, и падали один за другим в предназначенные для них места. Машинально Харриет сгребла их и снова разбросала фишки.

— Извините.

Две девушки стояли у прилавка. Они ухватились за кусок ткани под шкуру леопарда и, показывая на нее, спрашивали Харриет:

— Мы можем это взять?

— Конечно, можете.

Харриет взяла попку, завернула в тонкую оберточную бумагу и положила ее в один из серебристых пакетов для покупок фирмы «Степпинг». Головы девушек склонились над кошельками. Харриет заметила, что это были цветные пластмассовые кошельки, напоминающие ей те кошельки, которые Лиза клала в старые хозяйственные сумки Кэт, когда играла в магазин. Девушки сложили свои деньги вместе. Сосчитав и пересчитав эти деньги, в основном монетки, они подвинули их по прилавку в сторону Харриет. Она убедилась, что все было до пенни точно.

— Вы оставили себе достаточно денег, чтобы доехать домой? — спросила Харриет.

— Да. Это, вообще-то, ведь дорого, правда же? Но мы просто должны были их купить, раз уж мы примеряли их, не так ли? Мы будем носить их по очереди.

Харриет почувствовала прилив удовольствия, которое ей всегда приносила продажа вещей. Она получала вполне определенное удовлетворение от того, что радовала покупателя и удачно продавала товар, а именно это она только что и сделала. А понимание того, что девушки едва смогли набрать денег, чтобы позволить себе такую попку, скорее усиливало, чем уменьшало это чувство.

Из собственного опыта она знала, что ей всегда больше нравились те вещи, на которые у нее действительно не хватало денег, и она представляла себе, как девушки по очереди будут появляться на вечеринках, щеголяя дольчиками под черной юбкой и еще более экзотическими прическами из своих волос. Ради этого стоило тратить деньги.

До этого, днем, она продала такие же дольки большего размера полной женщине, которая явно могла позволить себе купить их и в пятьдесят раз дороже. Единственное удовольствие, которая она от этого получила, — рациональность сделки.

— Желаю вам носить это с удовольствием, — пожелала Харриет.

— А что это такое?

Одна из девушек провела пальцами по наклонным дорожкам игры. Она подняла воротца, похожие на белые косточки, и покачала их. Одни воротца она уронила, и они покатались по натертому полу.

— Сэнди, — увещевала ее не такая бойкая подруга.

— Все в порядке, — успокоила Харриет, когда маленькие дужки вернулись на свои места. — Это мое, и магазину оно не принадлежит. Попробуйте.

Харриет показала им. Сэнди потрясла фишки в кулаке, словно это были игральные кости, поцеловала костяшки пальцев, что она, должно быть, видела в фильмах, и вставила их в прорези. Они обе склонились над игровой доской, споря друг с другом и отталкивая руки друг друга, чтобы не мешали.

— Ты рехнулась, Ники.

— Сама рехнулась. Если ты откроешь вот эти воротца, то тогда шарик пойдет только вот так. Поняла?

Харриет наблюдала за их лицами. Пружина освободилась, и вновь заиграла музыка.

Глаза и рты девушек превратились в прелестные окружности, когда они наблюдали, как шарики следовали по своим дорожкам. Однако завершилось все тем, что шарики не пришли в нужные прорези.

— Дура.

— Дайте нам сделать еще одну попытку. Это было по ее вине.

Они продолжали толкаться и спорить.

«Хорошо», — подумала Харриет. Она испытывала свою игру на всех, кого знала, но всегда боялась, что реакция будет продиктована добротой, желанием помочь или просто стремлением к личной выгоде. Больше всего ей нравилось, когда игра захватывала и увлекала таких незнакомых людей, как Сэнди и Ники. Их тощие плечи склонились над игрой, а сливы волос боксировали друг с другом. Когда их вторая попытка оказалась успешной, раздался вопль восторга.

— Но ваш счет слишком велик, — сказала Харриет.

Снова раздался громкий вопль, и они опять приступили к игре. Реакция становилась знакомой.

Харриет закончила свои изыскания. Она потратила целиком два воскресенья, проехав на втором этаже автобуса номер семьдесят три с севера на юг Лондона и обратно по темным улицам в каждом конце маршрута, а также по огромному каналу Оксфорд-стрит в середине. Воскресенье было хорошим днем для поездки на автобусах. Они были не слишком переполнены, а пассажиры были утомлены медленным путешествием и рады развеяться. Харриет заметила, что им только лень было подниматься на верх автобуса, если они ехали на довольно большое расстояние. Харриет привлекала их внимание шумом и звоном своих шариков.

Сначала потребовалась определенная смелость, чтобы подходить к людям и спрашивать, не хотели бы они поиграть. Но они почти всегда соглашались. Вскоре она отработала профессиональный стиль такого типа: «Я провожу неформальное исследование

рынка. Вы не возражаете, если...» Харриет получала просто наслаждение от неожиданных встреч на полупустом, покачивающемся втором этаже автобуса.

Она играла с группами подростков, парами старых леди, матерями с детьми и одинокими мужчинами среднего возраста. Однажды, на последнем этапе ее длинного путешествия в пустом автобусе, она сыграла с кондуктором автобуса, выходцем из Вест-Индии. Она подумала, что в ином, более справедливом мире, он был бы профессором логики. Он выбирал дорожки без колебаний даже для самых сложных перестановок.

— Замечательно, — похвалил он, — весело. Моим детям это понравилось бы.

— А вы бы купили это? — спросила Харриет, как она всегда это делала.

— Возможно, — он похлопал машинку с билетами на изношенном кожаном ремне. —

У всех нас есть путь, по которому мы следуем. Так ведь?

— Я не знаю, — быстро ответила Харриет, думая о пути Саймона. «Все ворота закрыты. Да и были ли они?»

— Вы бы это купили? — спросила она Ники и Сэнди.

— Могли бы купить к Рождеству или какому-нибудь другому празднику, — сказала одна из них, выпуская из рук гладкие фишки.

Другая добавила:

— Если бы это было дешево. Нам пора идти, Сэнди, ты же обещала своей маме.

Они стремительно выбежали из магазина со своим серебряным пакетом, обещая Харриет, что еще как-нибудь зайдут в другой раз. Когда они ушли, она уложила игру в коробку.

Она знала, что это хорошая игра. Иногда ее прежняя уверенность в том, что игра хороша, возвращалась к ней, и дрожь пробегала по всему позвоночнику. Ей нужно было только убедить равнодушных людей, у которых есть деньги, одолжить их ей.

Она должна была показать им, как можно было наслаждаться ею в трясущихся автобусах. И ей нужно было убедить богачей, что она сможет продавать ее даже пассажирам в автобусах и что количество покупателей будет увеличиваться в тысячи раз. «Возможно завтра», — подбодряла себя Харриет. Она чувствовала жжение адреналина в крови.

Харриет заперла магазин и пошла по направлению к станции метро, по дороге перебирая в голове знакомые уравнения. Когда Харриет решила приобрести магазин «Степпинг», она сама нашла его, а Кен оплатил для нее аренду. Она с ним расплатилась, но магазин ей не принадлежал, и она не могла предложить его в качестве залога. Она бы это сделала, если бы это только было возможно. Она чувствовала, что сделала бы сейчас все, что угодно, так она нуждалась в деньгах.

Кен, хотя и выслушал с сочувствием ее предложение, был слишком осторожным, чтобы авансировать это второе, еще более рискованное предприятие. В любом случае ей нужно было достать слишком много денег. Она хотела выпустить в жизнь свою игру достойным образом, со всем блеском, — в великолепной упаковке, с рекламой, в огромном количестве, в каждой витрине всех торговых точек. Цифры были определены, а на остальные тщательно проведенные расчеты она потратила последние четыре месяца. Эти вычисления она помнила наизусть, однако их объем все еще устрасал ее.

Харриет имела как раз около двадцати тысяч фунтов собственных денег — свою долю от суммы, вырученной от продажи квартиры, которой они владели вместе с Лео. Ей удалось прибавить к своему капиталу ничтожно малое количество денег, живя неизвестно на что в Белсайз-парке.

Почти сразу же, как только она добралась до своей квартиры и распаковала игру, зазвонил телефон. Это был Чарли Тимбелл.

— Харриет? Дженни сегодня вечером в Ньюкасле на вечеринке по поводу издания книги, а мне неохота идти домой и готовить себе самому. Позволь мне зайти за тобой и пригласить тебя где-нибудь поужинать. Мы можем пойти в китайский ресторан.

Дженни снова стала работать редактором. Поэтому время от времени она должна была проводить вечер вне дома, а Чарли славился своим нежеланием заботиться о себе. Харриет знала, что у нее в холодильнике пусто, но даже если бы что-то и было, то, вероятнее всего, она не стала бы ничего есть. Она подумала, горя желанием, о маленьком китайском ресторанчике, который так любил Чарли, с его фонариками с кисточками и поэтическими фресками.

— Чарли, сегодня вечером я не могу.

Он выразил возмущение:

— Почему на этот раз «нет»?

— Я работаю. Я хочу пройти через все это еще раз. У меня завтра утром встреча в отделении капиталовложений в новое производство банка Мортон.

— Действительно? — Чарли профессионально заинтересовался. — И на что ты рассчитываешь?

— У меня такое чувство, что это могло бы стать, в конце концов, хорошим контактом. Они финансируют кучу всяких малых предприятий, причем некоторые из них не менее рискованны, чем мое.

Понятие «малый» удивляло Харриет и сейчас, и раньше. «Малый» в лексиконе такого большого коммерческого банка, как Мортон, означало заем менее, чем четверть миллиона фунтов. Во время ее бесполезных обходов банков и других учреждений, вкладывающих капитал, Харриет не раз говорили, что ей было бы легче добыть деньги, если бы она просила больше миллиона. И все же она волновалась, думая о сумме в сто тысяч. Она поймала себя на мысли о том, что не знает, обладает ли она качествами предпринимателя.

Она твердо сказала Чарли:

— Я хочу выучить все наизусть.

— Ты, знаешь ли, можешь перестараться. Позволь мне отвлечь тебя от этого.

— Спасибо. Но не сегодня вечером, честно. Ты можешь пригласить меня куда-нибудь отпраздновать, когда они согласятся меня финансировать.

— Хорошо, — согласился Чарли и повесил трубку.

Он знал, что если Харриет отказывалась, то она именно так и думала. Он вышел из офиса и зашел в паб своей газеты, где слегка выпил с двумя спортивными репортерами.

Харриет приготовила себе чашку чая и села за стол, который она использовала в качестве письменного. Она поставила глянцевую черную доску возле потрескавшейся доски от упаковочного ящика и сидела, глядя на нее некоторое время. Она рассматривала их так пристально и так долго, что даже перестала понимать, видит ли их. Цифры, формы и различные перестановки длинной цепью теснились в ее голове.

Она нетерпеливо придвинула к себе кипу бумаг. Там было все.

На первом месте была оценка затрат на производство. Работая с мистером Джемсоном, она установила себестоимость одной игры на основе стоимости первой партии, составляющей тридцать тысяч. Тридцать тысяч были пределом ее страстного желания, однако Харриет была убеждена, что она сможет добиться успеха, ставя только высокие цели.

Было бы дешевле изготовить все это на Дальнем Востоке, однако, блефуя и хитря одновременно, Харриет сумела поговорить с другими компаниями и выяснила, что такой путь ненадежен. Она заключила, что было бы проще, по крайней мере вначале, платить за надежность и за то, что производство будет под рукой. Она всегда могла подъехать на машине, чтобы повидать мистера Джемсона в «Мидленд Пластикс», и она была уверена, что прямо на месте сможет получить все, что ей необходимо.

Фактически, сама доска была самой незначительной из ее проблем. Шарик и фишка можно было купить в другой компании, которая специализировалась на изготовлении подобных вещей, а пружинный механизм, который освобождал шарик, мог поступать и из другого источника. Больше всего ее беспокоила именно упаковка.

Во время изучения методов производства на четырехмесячных ускоренных курсах Харриет узнала, что все компоненты ее игры должны быть собраны на литом пластмассовом поддоне. Для его производства необходимо изготовить специальный термопласт-автомат, причем только он один будет стоить почти двадцать тысяч фунтов.

А после этого еще выяснилось, что необходимо разработать картонную коробку, в которую складывается все остальное, с красочным цветным художественным оформлением. Сначала это должно быть нарисовано, потом сделан пробный оттиск и уже затем отпечатан тираж. Стоимость качественной цветной печати поразила ее больше, чем стоимость чего-либо другого.

В итоге, когда все детали будут собраны на своих пластиковых поддонах, их вместе с инструкцией следует уложить в красивые яркие коробки и плотно завернуть. Только после этого они будут пригодны для продажи.

Но ничего этого нельзя было делать до тех пор, пока она не получит заказов от оптовых и розничных покупателей, и, вероятно, только заказы больших фирм дали бы ей возможность получить деньги, чтобы наладить производство, способное удовлетворить требования заказчиков.

Это было похоже на хрупкий картонный домик, из-за обвала одного угла которого разрушалось все шаткое сооружение. Харриет утомленно потерла глаза.

Она уже многого достигла. Она собиралась показать Мортону, что если бы только они поддержали ее, то она бы достигла еще большего. Впредь не будет шатких углов, с этим должно быть покончено. Она снова углубилась в бумаги. Денежных людей будут интересовать не детали производства, а только цифры, стоящие внизу аккуратно напечатанных страниц.

Она установила оптовую цену не столь низкой, как могла бы, потому что она хотела, чтобы ее игра появилась на рынке как высококачественный продукт, и полагала, что, сумев направить свои тридцать штук в магазин к Рождеству, она израсходует начальный заем в сто тысяч фунтов и высвободит еще сто тысяч для реинвестиций, расширения производства и продажи за границу. Производство, при котором величина издержек была равна выручке, составляло пятнадцать тысяч штук.

Перед ней засияли перспективы.

Но ее картонный домик снова дрогнул. Чтобы вовремя поставить игры в магазины для рождественской распродажи, их изготовление должно быть закончено к июлю, самое позднее — к августу. Закупщики товаров представляли свои основные заказы на Ярмарке игрушек в Лондоне в конце февраля и снова заказывали уже позже, когда торговля шла полным ходом.

Харриет заказала стенд на Ярмарке без какой-либо уверенности в том, что она сможет выставить хоть что-нибудь кроме потрескавшейся доски от упаковочного ящика да одного-единственного куска черного пластика, украшенного белыми воротцами. А ведь уже прошла почти половина января.

Острая необходимость срочно достать деньги непрерывно терзала ее день за днем. Но сейчас это уже просто перешло в физическую боль. Харриет поднялась из-за стола, размяла онемевшие конечности и подошла к окну. Она даже не потрудилась задернуть шторы до того, как села за стол, и сейчас смотрела на грязный от копоты двор и на ограду, отделяющую его от улицы.

Она прижалась лбом к холодному стеклу и, успокоившись, медленно задышала. Она достанет деньги. Она получит заказы на Ярмарке. Игра появится в магазинах к осени. А благодаря ее усилиям эта игра наверняка будет затем снова продаваться в магазинах.

Харриет подняла глаза и увидела двух кошек, которые лазали по изгороди и жалобно мяукали. Она забыла впустить их и накормить. Чувствуя себя виноватой, она подошла к двери и открыла ее. Кошки запрыгали вниз по ступенькам и пронеслись мимо ее ног в кухню. Харриет последовала за ними, вынула ложкой мясо из консервной банки и разложила в две миски. Тотчас же мяуканье стихло и сменилось удовлетворенным жеванием, которое прерывалось мурлыканьем. Харриет рассеянно отрезала себе кусок хлеба и съела его, прислонясь к кухонному столу и наблюдая, как кошки поглощают свою пищу. Она подумала, что если бы только она смогла уделить такое же внимание налаживанию всех дел в своей компании, то, вероятно, исчезли бы все препятствия.

Чай в чайнике остыл, но она все же налила себе еще чашку и снова взялась за свои цифры.

Наевшиеся кошки вернулись к ней. Одна устроилась у ее ног, как теплая подушечка, а другая забралась к ней на колени. Харриет гладила мягкий мех. Она радовалась обществу кошек. Они не отвлекали ее, как это было бы с Чарли Тимбеллом.

Кроме практических деталей, касающихся изготовления и продажи, банк хотел бы иметь сведения о структуре компании, в которую их попросят вложить капитал. Тщательно взвесив свои потребности, Харриет пришла к заключению, что было бы лучше всего, если бы штат был минимальным. Она решила, что сначала она сама смогла бы вести дела, как единственный хозяин. Ей понадобятся секретарь и счетовод, занятый неполный рабочий день, и очень хороший бухгалтер. Но в мире карточного домика ей необходимо достать деньги до того, как она сможет назначить кого-либо.

Она ясно осознавала, что на самом деле она просит капиталовложение в себя. Были ее собственная энергия, ее собственное умение торговать, которые заставили бы ее предприятие работать. В результате тщательного анализа рынка, проведенного совсем не научным способом, а просто полагаясь на интуицию, она решила, что даже плохую игру можно сделать такой, которая будет хорошо продаваться. Если она будет интересно упакована и будет удачно найден рынок сбыта, и если о ней будут много говорить и писать так, что люди это заметят, то она будет продаваться. Возможно, в нее поиграют только один-два раза, но за нее все равно уже будет заплачено.

Харриет была убеждена, что она может упаковывать, продавать и содействовать распространению не только так же хорошо, как кто-либо другой, а даже лучше, потому что именно она сконцентрировала на этом все свое внимание. У нее больше не было никаких других потребностей и ничем другим она не хотела заниматься. Она предложит себя банку

Мортон.

Это принесло ей удовлетворение и придало уверенности в том, что ее игра — игра Саймона — хороша. Она была наилучшей из всего того, что она видела или могла вспомнить.

Дождь прекратился накануне вечером. Харриет подошла к новому зданию банка из черного стекла при слабом свете солнца за семь минут до открытия. Она стояла, глядя на здания Сити, возвышающиеся вокруг нее, на камень, бетон и стекло, покрытые копотью, и чувствуя свою ненужность в их величественной тени.

«Конечно, — сказала она себе, — а что другое ты могла бы почувствовать».

Точно за две минуты до назначенного времени она представилась ведущему прием посетителей секретарю за конторкой в мраморном вестибюле. За спиной Харриет среди зеленых пальм расточительно журчал фонтан. Пока секретарь говорил по телефону, чтобы доложить о ее прибытии, Харриет подумала о том, что деньги говорят на различных языках. Вот этот тихий и спокойный голос, гармонично сочетающийся с вежливой водой и гладким холодным камнем, становится знакомым для нее. Она знала, что если бы она проникла поглубже, ей бы пришлось услышать другие, более грубые языки.

По указанию секретаря она вошла в отполированную кабину лифта и поднялась на верхний этаж. Здесь, наверху, открывалась перспектива пространства, покрытого ковром и заканчивающегося зеркальным стеклом, которое, в свою очередь, открывало новую перспективу — башни и слепые стеклянные глазницы окон. Было тихо, как в нефе церкви, глядя через который видишь какой-то огромный запрестольный образ. Харриет послышалось негромкое жужжание на некотором расстоянии от нее. Она знала, что это голос банковского оборудования, электронного сердца банка, который так напоминал ей шепот молитвы.

Из одной двери, которая открывалась, как вход в отгороженное место в нефе, вышел какой-то мужчина. В своей темной одежде на фоне яркого стекла он казался бесцветным, как церковный псаломщик.

— Миссис Гоулд? Пройдите сюда, пожалуйста.

Она послушно пошла с ним. За дверью была комната для совещаний. Она была такая обыкновенная, с пустым овальным столом, стеклянными пепельницами и незапоминающимися картинами, что Харриет сразу почувствовала себя сбитой с толку. Псаломщик превратился в мужчину средних лет в скромном костюме. В комнате было еще двое ожидающих ее мужчин, на удивление молодых и точно так же одетых. У всех троих были румяные, гладкие, приятные лица; их так же трудно было отличить друг от друга, как картины на стенах.

Харриет сделала усилие, чтобы сосредоточиться. Машинально она пригладила кромку своего простенького темного жакета. Костюмная юбка была до колен и узкая, однако не слишком. На ней были простые темные туфли на низких каблучках. Она была правильно одета — точная копия банковских служащих.

— Садитесь, пожалуйста.

Самый молодой из трех подал ей стул. Харриет села. Она улыбнулась каждому из них, но отказалась от кофе, предложенного для проформы.

— Ну, миссис Гоулд, не расскажите ли вы нам о вашем проекте?

Предложение исходило от самого старшего. Он положил сжатые кулаки на стол, он весь выражал внимание. Двое остальных, сидевших по обе стороны от него, приняли почти такое же положение. Харриет посмотрела по очереди на каждого из них, вспоминая имена,

которыми они представились, а затем начала.

Спокойно, ничего не выделяя и не подчеркивая, она сказала им:

— Игра называется «Головоломка».

Ей понадобилось много времени, чтобы выбрать название. Саймон вообще никогда никак ее не называл. Долгое время она называла ее про себя просто «Игра Саймона». После встречи с тем логиком — кондуктором автобуса — она задумалась о его пути, о его теории предопределения, о судьбе, а также о словах Саймона: «Это замечательная игра, если вы умеете правильно играть в нее. Она, как сама жизнь». Но Харриет отвергала все своеобразные, необыкновенные названия, которые соответствовали бы смыслу этой игры, так как из-за них игра выглядела бы слишком серьезной, чтобы хотелось играть в нее.

«Головоломка» — это легко выговаривалось и содержало определенную загадочность. Люди при желании могли вкладывать свой собственный смысл в блестящие дорожки. Харриет только хотела, чтобы они дарили эту игру друг другу на Рождество.

В комнате для совещаний, в отделе капиталовложений в новое производство банка Мортонна, Харриет раскрыла маленький чемоданчик. Как это бывало и в каждом из предыдущих подобных случаев, она чувствовала себя коробейником, выставляющим на показ свои товары.

В чемодане находилась коробка. Пока это был только макет, однако он был достаточно похож на ту коробку, которую Харриет хотела иметь для «Головоломки» в качестве окончательного варианта. Художественное оформление и четкие надписи, выполненные шрифтом «Деко» и написанные солнечными, сверкающими красками, были сделаны после десятка отклоненных вариантов в дизайнерской мастерской, рекомендованной Дженни.

Пробный оттиск художественного оформления с использованием пяти цветов для обеспечения глубины и яркости был сделан в типографии, рекомендованной дизайнерской мастерской. Харриет сама нашла изготовителя коробок, который сделал образец в соответствии с ее требованиями. Все эксперименты были очень дороги. Харриет тратила свои деньги, понимая, что на этом не следует экономить.

Со временем художественное оформление будет печататься на коробках, а затем ламинироваться для придания блеска. Сегодня Харриет не смогла сделать ничего лучше, чем наклеить ламинированный оттиск на образец коробки.

Она была удовлетворена, что даже в таком виде коробка производила сильное впечатление.

Банкиры внимательно осмотрели коробку. Харриет открыла крышку, чтобы показать саму игру. Инструкция уже была отпечатана, однако пока еще лист с инструкцией был просто приклеен к внутренней стороне крышки. Еще не было формы для изготовления чашечек, в которых бы хранились шарики и фишки. Это произойдет только тогда, когда Харриет достанет для этого деньги.

«Ну, пожалуйста», — хотела она попросить этих троих с румяными лицами. Вместо этого она достала черную сверкающую доску и установила в их пазы белые воротца.

— Вот так это работает.

Трое мужчин внимательно следили за тем, как работает «Головоломка». Двое из них разобрались в игре, а третий — нет, хотя он и был достаточно умен, чтобы скрыть это, уступая своим коллегам игру, когда подходила его очередь и маскируя свои сомнения понимающей улыбкой. Харриет предполагала, что, вероятно, она одна заметила это.

Довольно громко крича, двое других вызвали друг друга на соревнование в получении

наименьшего числа очков за три игры. Атмосфера в комнате для совещаний стала легкомысленной. Харриет подсчитала очки и объявила в конце старшего мужчину победителем. Она решила, что это, может быть, существенно. Третий мужчина незаметно вышел из комнаты и вернулся с пачкой бумаг, когда игра закончилась.

— Весьма занимательно, — вынес свой вердикт старший мужчина, и его помощники кивнули, — и очень красиво представлено.

Последовали очередные кивки.

У Харриет появилась надежда.

— Теперь, можем ли мы взглянуть на ваш бизнес-план?

Все легкомыслие мгновенно испарилось.

Харриет раздала свои предложения, по экземпляру в каждую пару толстых красных рук, и начала говорить. Она отрепетировала свою подачу так тщательно, что очки приходили к ней плавно один за другим в логической и убедительной последовательности. Сроки, цифры и оценки сходились друг с другом так же точно, как воротца входили в свои пазы. Рассказывая, Харриет как бы убеждала саму себя. Она могла бы петь, но она старалась сохранять бесстрастный и ровный голос. Теперь они не должны были отказать ей.

Сто тысяч фунтов. Это так мало для такого финансового собора.

Когда она закончила свою речь и ответила на их вопросы, она поняла, что они, действительно, могут отказать ей. Она едва слышала их высказывания, однако смысл их был вполне ясен.

— Конечно, это модный продукт, миссис Гоулд.

— Совершенно непредсказуемый рынок. Если бы мы могли предвидеть...

— Большой риск связан с малыми предприятиями такого типа...

Третий, который не смог справиться с загадкой игры, читал свою пачку бумаг. Они содержали финансовые истории других компаний, владельцев игр, игрушек и модных товаров, которые разорились из-за причуд рынка. Они опасались, что с «Головоломкой» произойдет то же самое.

Харриет овладела собой:

— Я думаю, что вы ошибаетесь. «Головоломка» не имеет ничего общего с модными товарами. Ее привлекательность непреходяща. Я полагаю, что рынок отреагирует на эту привлекательность.

Они пожали ей руку, каждый со своей собственной интерпретацией вежливого сожаления. Харриет злобно подумала, что они похожи на трех умных обезьян, мудрость которых ошибочна. Старший мужчина встал и протянул ей руку:

— Вы можете доказать, что мы неправы, миссис Гоулд. Я сожалею, что не могу быть уверен в вашей победе, но в то же время я желаю вам всяческих успехов.

Харриет пожала его руку, хотя ей больше всего на свете хотелось укусить ее. Она выслушала их благодарность за то, что она была столь любезна, предоставив им возможность познакомиться с ее предложениями, и еще раз их сожаления о том, что такие капиталовложения не соответствуют политике банка Мортон, в то время как многие из их конкурентов, возможно, будут иметь совершенно другое мнение. Один из них, тот, который не справился с игрой, открыл перед ней дверь, а затем проводил ее до лифта. Она подумала о том, что, возможно, результат ее визита был бы другим, если бы он разобрался в игре так же хорошо, как ее знакомый кондуктор автобуса.

Она вновь оказалась на улице под высокими башнями. В чем она была уверена, так это в

том, что она снова потерпела поражение. «Игра хороша, — размышляла она, — следовательно, это ее собственная ошибка». Из-за очевидности этого и тех оптимистических чувств, которые она испытывала перед этой встречей, ей еще труднее было перенести разочарование. Она попыталась вновь прокрутить назад все, что она говорила, и точно определить тот момент, когда течение изменило свое направление и повернуло против нее. Но это не принесло ей пользы. Она не могла точно установить, когда совершила ошибку. Они слушали ее внимательно. Она посмотрела на свои часы: «Да, довольно долго». А в конце они просто решили не поддерживать ее.

Харриет ускорила шаг. Она должна вернуться в магазин, где Карен, наверное, нуждается в ее помощи. По не очень понятным причинам послеобеденное время по вторникам было загружено работой.

Она уже вернулась в уравновешенное состояние. Не будет никаких неудач, если она откажется признавать их. Этот визит являлся одной из возможностей, но она была не права, ожидая от него слишком многого. Но ведь должны же быть и другие возможности, одна из которых сработает. «Если я не смогу поверить в это, — сказала про себя Харриет, — то лучше сразу оставить это занятие».

Вечером, снова вернувшись в свою квартиру в подвале, она выработала план действий. Она упрощит мистера Джепсона изготовить большее количество образцов игры, по крайней мере дюжину, выполнит печать на коробке и изготовит настолько хорошую упаковку, насколько сможет. Она отпечатает плакаты, листовки и множество других ярких и эффектных рекламных материалов. Она снимет не такой скромный, как сейчас, а большой стенд на Ярмарке игрушек, пригласит своих собственных продавцов и даст «Головоломке» такой мощнейший толчок, какой только можно придумать.

Она имеет достаточно денег для этого. Вполне достаточно.

А затем, когда закупщики увидят и закажут, она сможет взять займы на производство в десять раз больше денег.

Харриет накормила кошек, и они затихли, как мурлыкающие купола из двухцветного меха, в единственном кресле. Она открыла небольшой чемоданчик, с которым ходила в банк Мортонна с таким неуместным оптимизмом, достала «Головоломку» и ее яркую коробку и поставила их на каминную полку рядом с оригиналом Саймона. Она отошла в сторону и стала рассматривать их, но вдруг услышал шум шагов людей, спускающихся в ее квартиру.

Гостями были Чарли Тимбелл и мужчина, которого звали Генри Орд. Он был одним из старых друзей Чарли. Харриет немного знала его, и он ей нравился. Однако она вздохнула про себя, увидев их обоих. Она хотела поразмышлять о сегодняшней неудаче и еще раз собрать свои резервы уверенности, а сейчас ей придется спуститься в царство общительности.

— Заходите, — пригласила она, приоткрыв дверь.

Мужчины кое-как протиснулись в своих громоздких пальто, принеся с собой холодный воздух и делая комнату крошечной. Харриет слегка опешила, увидев свою квартиру столь непривычно многолюдной, а Чарли внимательно огляделся.

— Мы выпили за углом и решили зайти повидать тебя, — заявил он. — Харриет, что это за квартира? Я волнуюсь за тебя. У Дженни все в порядке. Она сказала, что вы не встречались несколько недель.

— Мы говорили по телефону, — автоматически защищалась Харриет. — Спасибо за заботу, но в этом, действительно, нет необходимости. Привет, Генри.

Она чувствовала, что выглядит скованной, и подумала, что не слишком ли поглощена своим планом, так что забыла, как люди нормально разговаривают. Она понимала также, что ее гости пришли, движимые дружескими намерениями, но от этого недовольство вторжением было еще более сильным. «Головоломка» принадлежала ей, что бы она не принесла, — успех или провал, и до тех пор, пока она не преуспеет, защитный инстинкт по отношению к игре будет такой же сильной, как материнский. А пока что она взяла мужские пальто, стряхнула кошек с кресла и принесла из кухни бутылку вина и стаканы. Они устроились настолько удобно, насколько это было возможно в такой маленькой квартире.

— Мне здесь хорошо, — быстро сказала Харриет. — Мне не нужно много места, и это достаточно дешево, потому что взамен я должна ухаживать за кошками. Ну, вроде бы, заботиться о них.

— Как у тебя прошло сегодня? — спросил Чарли, переходя на другое.

— Сегодня? Никак, ничего не вышло.

Она коротко рассказала им, а они слушали и кивали головами, которые были наполнены накопленными финансовыми познаниями. Неожиданно они напомнили ей трех мудрых обезьян в банке Мортон, и она почувствовала приступ гнева.

Это укрепило ее решимость запустить «Головоломку» по-своему, на свои собственные деньги.

Она снова взяла свой образец с каминной полки и дала его Генри поиграть. Она ходила из конца в конец по тесной комнате, рассказывая о своих планах, о Ярмарке игрушек и запуске в производство, который должен привести к ней толпы закупщиков.

Она размышляла, шагая по комнате, как будто бы была одна. Лейтмотив солнечных лучей с коробки она использует как пространственную опору стенда. Она оденет свою команду в черно-белую сверкающую форму, она сделает свою игру знаменитой. Если потребуется, то только одним своим энтузиазмом она добьется того, что о ее игре будут говорить. Пока она говорила, Генри Орд освободил пружину. Шум от падения и перекачивания шариков «Головоломки» аккомпанировал ее словам.

— Когда я получу заказы, я смогу выбрать того, кто даст мне деньги, — победно заключила Харриет. — Это наилучший путь. Я знаю, что это наилучший путь.

Наступила минутная тишина.

— Ну? — потребовала Харриет.

Чарли отхлебнул вина, а Генри, казалось, собирался переставлять цветные фишки в прорезях.

— Как вы думаете, смогу ли я осуществить это?

Наконец Чарли поднял на нее глаза. Она возвышалась над ними, как фурия, и не сдавала своих позиций.

— Ты можешь потерять все, что у тебя есть, — сказал он. — Я видел, как это бывает. И Генри тоже видел.

Генри был адвокатом.

— Пятьдесят на пятьдесят. Либо я получу всю прибыль, либо я стану банкротом, не так ли?

И Генри тоже взглянул на нее.

— Возможно, вы и правы, — согласился он. У него была приятная застенчивая улыбка, которая всегда нравилась Харриет. — Вы, возможно, действительно правы. Может быть, вам стоит продолжать. У Мортон очень консервативная компания. И это не их область. Они

предпочитают телекоммуникации, электронику, в общем, крупные проекты. Я знаю кое-кого, с кем вы могли бы поговорить.

Генри вынул из бумажника карточку, на тыльной стороне которой стал что-то быстро писать. Заглянув в написанное, Харриет прочитала слова «Лендуит Эссоушиэйтс» и адрес на юго-западе Лондона.

— Это небольшая фирма, занимающаяся рискованными капиталовложениями.

В ответ Харриет улыбнулась ему и отложила карточку.

— Спасибо. Я думаю, что я пойду своим путем, тем же.

— Желаю успеха.

Дважды за один день ей пожелали успеха. «Это не причинит мне вреда», — подумала Харриет.

— Я встретил Лео вчера вечером, — сказал Генри, прерывая ее мечты.

Харриет не видела Лео несколько недель после продажи их квартиры. Она испытала болезненный приступ вины, когда поняла, что он постепенно исчезает из ее жизни, но потом напомнила себе, что у нее нет причин чувствовать себя виновной перед Лео.

— Как он поживает?

Харриет видела, что мужчины переглянулись. Она догадывалась, что это означает. Генри и Чарли думали, что если бы она была не одна, то не сидела бы в убогой, по их представлению, квартире, не нуждалась бы в погоне за предпринимательскими радугами и не шла бы на риск, при котором можно потерять и ту малую уверенность в будущем, которая у нее имелась.

Они не верили, что она сможет осуществить это, а ведь они были старыми друзьями. Не удивительно, что Мортон выставил ее.

Выводы были утешительными. Может быть это и не она была виновата в своей неудаче, а близорукость огромного, изолированного делового мира, в котором доминировали мужчины.

— Он спрашивал о тебе, — сказал ей Генри. — Мне нечего было сообщить ему.

— Я позвоню ему, — мягко ответила Харриет.

Они посидели еще немного, пили вино и беседовали. Потом Чарли посмотрел на часы:

— Пора идти по домам.

— Дженни вернулась?

— Да. Я должен идти или я опоздаю на ужин.

Генри тоже встал. Харриет не знала, как обстоят его семейные дела, однако было очевидно, что ему есть куда пойти. Они оба заколебались, и это навело Харриет на мысль, что, покидая ее, они почувствовали себя неловко. Им было жаль ее, такую заброшенную, в маленькой квартире с кошками и балансовым отчетом фирмы.

— Я выйду с вами. Мне нужно на свежий воздух.

— Послушай, Харриет, почему бы тебе не зайти к нам? Дженни будет очень рада видеть тебя. Я сейчас же позвоню и скажу ей, что мы едем...

Харриет отрицательно покачала головой:

— Не сегодня. Спасибо, Чарли. Мне надо сделать кое-какие дела. Передай Дженни привет и скажи, что я скоро с ней встречу.

— Ты не можешь работать все время, Харриет.

— А я и не работаю.

Это не было правдой, но и не было необходимости кому-либо знать об этом. Она

открыла дверь и почти вытолкала обоих мужчин на чугунные ступеньки, выходящие на улицу. Чарли посигналил проезжавшему такси. Оно остановилось, его дыхание вырисовывалось клубами пара в январской темноте.

Генри приостановился около лестницы и взял Харриет за руку:

— Сделайте для меня одну вещь. Получите права на эту игру, кому бы они не принадлежали, прежде чем начнете хоть что-нибудь делать.

— Хорошо, — пообещала она, — я и собиралась это сделать.

Харриет не знала, почему она все время оттягивает это. Муртоновский собор и все, чего она добилась за месяцы после ухода от Лео, казалось, были чрезвычайно далеки от Саймона и рухляди в его холодном доме. Возможно, она боялась, что будет не в состоянии найти с Саймоном общий язык.

Но Генри и Чарли правы. Просто это будет еще один язык, которым она должна овладеть. Такси уехало. Харриет постояла еще несколько секунд, глядя вниз на свет за занавесками. Густой туман размывал желтые квадраты, и, казалось, что свет растекается за оконными рамами. Она поежилась на холодном воздухе, повернулась и пошла вниз по чугунным ступенькам.

Харриет снова отправилась повидать Саймона. Сначала она заехала к мистеру Джепсону из фирмы «Мидленд Пластикс» и заказала еще дюжину образцов «Головоломки».

Она сидела в его конторе с металлическими шкапами и календарем с девочками, пила крепкий чай и слушала шум станков, работающих внизу под ними.

Мистер Джепсон просил деньги вперед. Харриет наклонилась над его письменным столом.

— Смогу ли я хоть что-то получить в двадцатых числах февраля? Точно? С подписанными гарантиями?

Мистер Джепсон, казалось, обиделся из-за того, что она с недоверием отнеслась к его словам. Харриет открыла свою чековую книжку, выписала чек на полную стоимость работы и протянула ему.

— Мои подписанные обязательства, — сказала она, — в обмен на ваши.

Он вызвал секретаря и продиктовал короткое письмо, которое удовлетворило Харриет.

— А теперь о массовом производстве. Тридцать тысяч штук по установленной цене с поставкой в конце мая. Можете вы и это гарантировать?

— Эти воротца — противнейшая работа.

— Можете вы гарантировать это?

— Да, если дойдет до этого.

Мистер Джепсон был северянином. Его голос напоминал Харриет голос мужчины в синей рубашке.

— Дойдет, — решительно ответила она. — Дойдет. Я гарантирую это.

Они пожали друг другу руки. Мистер Джепсон был небольшого роста. Над его головой январская девушка с календаря подмигивала Харриет. Она была одета в белый меховой палантин, варежки, высокие белые ботинки и ничего более. Подбородок и шея Харриет были напряжены от решимости связать Джепсона обязательствами. Но вдруг она представила, как хорошо было бы выплакаться.

— До свидания, мистер Джепсон, — попрощалась она. — Я уверена, что мы можем делать бизнес вместе. Сегодня мы поняли друг друга.

Харриет написала Саймону, предупредив о своем визите. У него, конечно, не было телефона. Однако она простояла довольно долго под дождем, идущим горизонтально из-за ветра, до того, как услышала его шаги с другой стороны двери. Но дверь все еще не открывалась. Движение прекратилось, и наступила вопросительная тишина.

— Это Харриет, — и более решительно и подробно: — Харриет, дочь Кэт. Вы помните?

Наконец задвижка начала открываться. Через секунду Саймон стоял перед ней. Она уже забыла его рост и холодные светлые глаза.

— Я писала вам, — напомнила она, запинаясь. — Я думала, вы мне ответите, чтобы я не приезжала, если вы не захотите меня видеть.

— Вам лучше войти, — это все, что он сказал.

Дверь еще немного приоткрылась. Харриет прошла за ним по коридору. Она не забыла запаха мучительного холода, значительно более сильного в январе, чем тот, который она испытывала мягкой осенью. Кухня казалась еще более жалкой и заброшенной.

— Вы не хотите чая?

Харриет не хотела, но она весело сказала:

— Позвольте на этот раз мне приготовить для вас чай.

Она подошла к раковине и попыталась очистить ее от хлебных корок, картофельных очисток и спитого чая перед тем, как сполоснуть и наполнить чайник. Она слышала, что Саймон что-то делал, передвигаясь за ее спиной. У нее создалось такое впечатление, что он хочет убрать что-то с ее глаз. То, что ее визит выглядел, как нежелательное вторжение, вызвало в ее душе острую боль. Она позволила себе подумать о том, что, возможно, он ожидал ее прихода. Харриет заглушила свое собственное разочарование и начала рассказывать ему короткие, непоследовательные обрывки новостей, в основном, о Кэт, Кене и их доме, о Лизе и ее приятеле. Наконец, ей показалось, что Саймон закончил свой обряд припрятывания. Она вновь услышала его шумное и, наверное, затрудненное дыхание. Она накрыла чайник, вымыла и вытерла две чашки, а затем не спеша повернулась.

— У вас больные легкие?

— Это зима.

Лаконичность ответа вызвала у нее улыбку, несмотря на ее неуместность.

— Мне кажется, что я сейчас выгляжу, как сплетница из какого-нибудь общественного совета.

— Это верно. — Ответная улыбка, но такая же холодная, как погода.

Харриет с благодарностью приняла это мгновение взаимопонимания. Она поставила свою чашку возле его локтя и наклонилась, чтобы открыть свой чемодан, стоящий на полу из-за отсутствия хоть где-либо свободного места. Она вынула «Головоломку», дорогую «Головоломку» мистера Джемсона с ритуальными заклинаниями трех мудрых обезьян, почему-то еще затуманивающими ее полированные поверхности. Она вложила ее в руки Саймона, как жертвоприношение, и поставила возле нее коробку, броские цвета которой были, наверное, чересчур яркими для этой убогой комнаты.

— Вы это сделали?

— Я принесла это для того, чтобы показать вам. Я хочу поговорить с вами об этом.

В его глазах Харриет увидела весь мрачный спектр его чувств — от отвращения до страха, быстро спрятанного и не желающего, чтобы его заметили. Она наклонилась, чтобы ее лицо было на том же уровне.

— Все в порядке, — вежливо сказала она.

Она не знала, из-за чего она должна успокаивать его.

— Что вы имеете в виду?

Он не хотел пропустить ее через маленькую щель в его броне. Харриет сожалела, что нет обезоруживающего действия ее прошлого визита или сглаживающего действия виски. Трудно придумать предлог для виски в три часа дня.

— А где моя игра? Моя игра из доски от упаковочного ящика?

— Она в безопасности. Она дома, но я могу вернуть ее вам, если вы этого хотите.

— Нет. Странно. Она была вместе со мной так много лет. А я почувствовал себя лучше, когда ее не стало дома.

Он вынул воротца из пазов и покачал их на своих ладонях. Потом он сдвинул мусор, чтобы очистить место на столе, и выложил белые косточки в линию, создав ряд букв Y. По два узких пути расходились от каждого широкого пути, предлагая выбор.

— Вы бы лучше сели поудобней, — предложил он ей, — и рассказали, зачем вы приехали.

Харриет рассказала ему все, начиная с первых планов, которые она строила в одиночестве в своей арендуемой квартире, до утреннего спора с мистером Джепсоном. Ее слова текли очень быстро, она не обдумывала их и не пыталась говорить с выражением. Она просто рассказывала Саймону все, что произошло. Она быстро, пылко, на одном дыхании излила все, что накопилось в ней. А когда она закончила, наступила тишина. Это было очень холодное и тяжелое молчание после ее пылкой речи.

— Вы позволили мне делать с ней все, что захочу? — очень скромно промолвила она.

— Я знаю. Я это сказал. Я имел это в виду.

Саймон изучал ее лицо. Он подумал, что в течение того времени, которое прошло после ее последнего визита, она вспоминалась ему более хорошенькой, чем она была на самом деле. Он почему-то перенес мягкие черты цветущей Кэт на тонкие и заостренные черты лица ее дочери. Кэт никогда не выглядела такой угрожающе жаждущей, как эта девушка.

— Саймон, — напомнила она ему голосом, который еще нес эхо голоса ее матери, а ее лицо несло отпечаток кого-то другого.

— Что?

— Я... — Харриет оборвала слова.

Смотря на свою игру, она видела, что «Головоломка» выглядит бессмысленно, а ее коробка — безвкусно. Она была права, что привезла все это Саймону в надежде, что получит одобрение и вызовет восхищение своим трудолюбием и умом. Для него его игра была лагерем в Шамшуйпо, и ничего нельзя было сделать с этим его скрытым и неколебимым восприятием.

Необходимо было помнить еще и другое. Саймон не был ее отцом. Она не имела права на дочерние ожидания и не должна была возмущаться недостатком отцовской гордости. Он не мог быть ее отцом, как бы сильно она не хотела этого.

— Извините, — сказала она, — вы считаете все это не очень интересным, не так ли?

Он закашлялся от взрыва смеха:

— Я не пытаюсь оценивать. А что, собственно, вы хотели бы, Харриет.

Тогда она перешла на деловой тон:

— Я хочу наладить коммерческое производство вашей игры под названием «Головоломка».

Она продолжала, четко разясняя свои планы. Она не могла понять, слушал ли ее

Саймон, однако под конец он сказал:

— Я понял.

— До того, как я смогу сделать все это, я должна установить, кто владеет правами на эту игру. Как мы знаем, они ваши. Вы можете предоставить их мне на определенный срок. Вы можете их полностью передать мне. Или мы можем прийти к какой-то другой договоренности. Но мы должны сделать это по закону. Вы меня понимаете?

— Я, конечно, старый, но я не дурак. Какой документ я должен подписать? Потому что я не хочу ничего делать, вообще ничего, кроме того, что я здесь делаю. Вы понимаете меня?

Они внимательно посмотрели друг на друга. Саймон приподнялся на своем сидении, как бы защищая свою ограниченную территорию.

Харриет сказала:

— Да. Вы только должны подписать один простой документ, если хотите полностью передать права. Если мы составим более сложное соглашение, то это может потребовать совместного визита к адвокату.

Она старалась быть беспристрастной. То, что она хотела сделать, было законно, однако она нуждалась в простейшем решении, которое не оставит лазеек.

Саймон вздохнул:

— Вы можете получить его. Как я вам и сказал в первый раз. Дайте мне то, что я должен подписать.

Он понял ее намерение. Он был достаточно проницательным, чтобы сообразить, что она не предпримет такого путешествия, не подготовившись. Харриет почувствовала себя нечистоплотной, вынимая бумаги. Она получила рекомендацию юриста, не Генри, а специалиста в этом вопросе. Она передала свой простой и недвусмысленный договор. Возникла заминка, пока Саймон шарил в поисках очков, а затем читал текст, который она ему предложила.

Наконец он поднял глаза:

— Похоже, что это сделано очень основательно, — заметил он.

Он взял ручку и подписал.

— Это должно быть засвидетельствовано.

— Вы думаете, я изменю своему слову?

Она склонила голову.

— Нет.

— Ко мне больше не будет вторжений.

— Нет, я обещаю. Мы только должны решить между собой, какова будет ваша доля в доходах.

Послышался сухой звук, не похожий ни на кашель, ни на смех.

— Что я буду делать с этими доходами, Харриет?

Она почувствовала себя не в своей тарелке.

— Согреете свой дом. Отремонтируете крышу.

— А если я тебе скажу, что я и так счастлив.

— Так ли уж? — и когда она произнесла это, она почувствовала свою наглость.

Он сегодня не захотел создать между ними дружелюбной атмосферы с помощью виски.

— Деньги еще никому не приносили вреда, — защищалась она.

Саймон сгреб Y-образные воротца в кучу и пересыпал их из своей ладони в коробку макета. Он аккуратно собрал все детали вместе, накрыл крышкой и протянул Харриет.

— Возьмите свою игру.

Она была свободна. Ну хорошо, она поделит деньги между ними так и тогда, когда придет для этого время, до которого еще, казалось, очень далеко. Харриет боялась всего, что она должна была сделать до того, как оно наступит.

— Спасибо за то, что вы дали мне игру, — сказала она тихо. — Я вам очень благодарна. На этот раз его сухой смех перешел в кашель.

— Вам нужно лекарство от этого, — назидательно произнесла она.

Лицо Саймона изменилось. Он откинулся на спинку стула.

— Говоря так, вы становитесь похожи на свою мать. Подойдите.

Она подошла к нему. Он поднял ее руку и на минуту задержал ее возле своей щеки. В следующее мгновение он раздраженно одернул себя и выпрямился на стуле:

— Вы хотите идти своим путем.

«Это прикосновение было отцовским жестом», — подумала Харриет. Она вдруг почувствовала себя легче и счастливее.

Он проводил ее до парадной двери, быстро взглянул на дождь и отступил в темноту своего дома. Харриет простилась с ним и направила машину по автостраде в Лондон.

В следующий месяц Харриет работала больше, чем когда-либо в своей жизни. До последней недели февраля с помощью дирекции Ярмарки игрушек она отправила по почте пять сотен рекламных комплектов каждому закупщику, в каждый универмаг, где могли бы проявить интерес к «Головоломке». Она разработала оформление для большого ярмарочного стенда из белого парашютного шелка и черного поливинилхлорида и контролировала его изготовление.

Она хотела, чтобы блестящие черные кривые и белые, как облака, волны поддерживали ее торговую марку в виде солнечных лучей. Она нашла команду дизайнеров, которые сделали огромную торговую марку из полистирола и раскрасили ее в те же цвета радуги, что были и на коробке. Она имела несколько десятков готовых коробок, которые в изобилии будут расставлены на полках солнечных лучей. Через агентство она наняла двух девушек, которые будут работать на стенде вместе с ней. Вспомнив о прическах Сэнди и ее подружки, Харриет выбрала молодых студенток на неполный рабочий день, из волос которых можно сделать такие же прически в виде кивающих слив.

Она купила три комплекта черно-белой одежды и заменила на ней пуговицы другими, величиной с пенни, которые повторяли бы все цвета радуги. Через Дженни, которая была знакома с агентом одного известного телевизионного деятеля, она уговорила этого комментатора постоять возле ее стенда в самый напряженный день, чтобы стимулировать закупщиков заказывать ее «Головоломку». Его гонорар был немислим. Джейн, Дженни и другие помогали ей комплектовать и запечатывать почтовые конверты, а Дженни обрабатывала на швейной машине метры парашютного шелка. Друзья вежливо интересовались ее делами и старались убедить ее замедлить темп, однако она была заведена так, что была не в состоянии передохнуть. Только Чарли Тимбелл говорил ей, что если она собирается сделать вообще все, то тогда она может и отдать этому все, что имеет.

Харриет делала все, что она могла, и совершенно забросила «Степпинг». Очень мало осталось у нее и от пятнадцати тысяч фунтов.

В течение трех ночей перед открытием Ярмарки игрушек Харриет преследовали ночные кошмары. Когда она просыпалась, потная и смятенная, она не могла вспомнить

подробностей кошмара. Но под гнетом страха ее голова и конечности тяжелели. Она чувствовала себя смертельно усталой и не могла снова заснуть, а утром чувство тяжести не покидало ее. Она чувствовала себя обессиленной и больной без всяких симптомов.

Все эти ощущения были точной противоположностью той эйфории, которую она испытала в своей старой спальне после странного видения. Это было так, как будто все тревоги и слабости, которые она подавляла, одновременно вышли на поверхность, чтобы изуродовать ее. Она боялась всего, что делала, боялась этого разбухающего предприятия, которое она старалась запустить на таком неустойчивом фундаменте. Харриет лежала в постели с поджатыми коленями, обхватив голову руками.

У нее возникла неотвязная мысль, которая настойчиво билась в голове: «Мне необходима помощь. Я не смогу сделать все это одна».

Через некоторое время она встала и в муках забродила ощупью по квартире. Она нашла карточку, которую дал ей Генри Орд.

Как только она решила, что рабочий день уже начался, она позвонила в фирму «Лендуит Эссоушиэйтс».

«Лендуит Эссоушиэйтс» занимала здание с оштукатуренным фасадом в тихом переулке. Здесь не было мраморного вестибюля и пышного фонтана. На скромной латунной табличке было название компании, рядом находилась кнопка звонка, на деликатный звон которого появилась безупречная девушка, открывшая дверь.

— Харриет Пикок, — представилась Харриет.

Она окрестила свою зарождающуюся компанию «Пикокс», и после того визита к Мортону решила, что больше не будет миссис Гоулд. И она не вернется к имени Харриет Тротт. Прямое отождествление ее с ее компанией, а также с Кэт в те годы, когда они были только вдвоем, и даже с Кэт Саймона доставляло ей удовольствие.

— Мистер Лендуит ожидает меня.

Вооруженная рекомендацией Генри Орда, сразу преодолев барьер, откровенно защищаемый секретарем, Харриет установила, что достаточно легко добиться свидания с мистером Лендуитом. Значительно труднее было найти время в своем собственном расписании. Ярмарка игрушек открывалась на следующий день. Харриет знала, что она обязана быть у своего стенда, организуя установку, драпировку и размещение.

— Пожалуйста, сюда, мисс Пикок.

Холл был обшит панелями и пест, за исключением персидского ковра на полу и овального стола с большой вазой свежих цветов. Харриет последовала за девушкой вверх по пологим ступенькам лестницы мимо трех безрадостных и мрачных натюрмортов в тяжелых рамах. Харриет подозревала, что любой из них стоит столько же, сколько всего денег она старалась занять.

Девушка открыла двойную дверь на верхней площадке лестницы. Харриет увидела, что Мартин Лендуит сразу же встал и обошел свой письменный стол, чтобы поприветствовать ее. Он был коренастым, не очень высоким и был одет в темно-синий костюм такого великолепного покроя, что выглядел совершенно пропорциональным. На нем были голубая рубашка и неяркий галстук. Узкие, блестящие туфли ручной работы подчеркивали небольшую величину его ноги. Черные волосы поседели на висках, и, казалось, что его голова скорее вылеплена скульптором, чем подстрижена парикмахером. Серебряные волоски поблескивали, когда он поворачивал голову. У него были темные глаза, а от природы смуглая кожа была отполирована здоровым загаром.

Харриет решила, что ему около пятидесяти пяти лет или немного меньше. На руке, которую он протянул Харриет, ногти были высокопрофессионально обработаны.

— Садитесь, пожалуйста.

Голос у него был дружелюбным, а улыбка последовала за приглашением через одну-две секунды. Мартин Лендуит даже не пытался скрывать, что он внимательно изучает ее. Харриет приняла это, холодно смотря в ответ, а затем села на стул напротив его письменного стола.

Она окинула взглядом комнату. Справа от нее были высокие окна, выходящие на улицу. На них висели шторы из материала медового цвета с глубокими мягкими фестонами сверху и ниспадающей мягкими складками нижней частью, окаймленной тусклым золотом.

Напротив окон стоял чиппендейловский^[2] шкаф в китайском стиле, переднее стекло которого бросало ромбы света на пустые стены. Над каминной полкой висел викторианский

портрет. Человек с бакенбардами мог быть дедом мистера Лендуита. Его внук, если он являлся таковым, сидел под портретом за большим письменным столом, который он, возможно, унаследовал от деда. Только телефоны, диктофоны и компьютерный терминал были добавлены к интерьеру в последнее время.

На полу лежал ковер, нежно светящиеся цвета и замысловатые узоры которого говорили Харриет о тончайших шелковых нитях и тысячах сделанных руками узелков. Больше в комнате ничего не было. Это был шедевр скромности, который, прежде всего, кричал: «Деньги» так же громко, как если бы стены были оклеены банкнотами. По сравнению с ним храм из стекла и стали Мортон выглядел похожим на гамбургерный бар в новом торговом центре.

Губы Харриет искривились. Она втянула уголки рта внутрь для того, чтобы сдержать улыбку. В то же время она видела, что Мартин Лендуит заметил ее исследования, ее веселье и, видимо, одобрил их.

— Это мой сын и партнер. Робин Лендуит.

Харриет повернулась. Он, вероятно, вошел очень тихо за ее спиной. Он был выше и тоньше отца. Он был таким же смуглым, но без седины в волосах, которые были гуще и пострижены более небрежно, чем у отца. Было очевидно, что они одевались у одного портного, но у Робина лацканы пиджака были слегка пошире, а складки на брюках были не столь заметны. Его рука, когда Харриет пожимала ее, была больше и теплее.

Он оглядел ее так же, как это сделал Лендуит-старший. В его более широкой улыбке была высокая оценка, но после этого он бросил быстрый взгляд на отца, как будто просил одобрения. Только это заставило Харриет заметить, как он был еще молод. Он был моложе ее. Возможно, только двадцати пяти или, самое большее, двадцати шести лет. Не вполне еще готов самостоятельно держать в руках бразды правления.

Когда Харриет наблюдала, как он садится возле отца, ей пришло в голову, что Робин похож на очень красивого чистокровного жеребца. Он был произведен для своего специального скакового круга, для скачек, в которых ставки были чистым риском, а все призы были умножением денег. Очевидно, что линии крови безупречны, и кто бы ни бежал, он все равно победит.

А сейчас отец и сын вместе представляли собой весьма внушительное сочетание.

Мартин Лендуит сидел, подперев подбородок одной рукой. Другой рукой он сделал короткий, вежливый жест, означающий приглашение:

— Скажите нам, как мы можем помочь вам.

Харриет начала говорить.

Она ничего не скрыла и ничего не добавила, она исключила только все свои эмоции и тот почти оперный стиль изложения, который привел к неудаче у Мортон. «Если предложения достаточно хороши, — считала она, — то эти двое определяют это даже тогда, когда рассказ ведется на суахили». Она излагала спокойно, не акцентируя и ничего не выделяя, давая возможность информации самой себя рекламировать.

Когда она достала «Головоломку» и положила ее на широкий стол, они тщательно рассмотрели ее, задали с полдюжины вопросов, касающихся производства, но даже не попытались сыграть в нее. Вместо этого, когда они закончили с самой игрой, они внимательно осмотрели коробку, эскизы оформления мест продажи, а также листовки и рекламные материалы, которые дизайнерская мастерская подготовила к Ярмарке игрушек. Однако все это почти не заняло времени.

— Упаковка, — я думаю, — достаточно хороша, — вынес свой вердикт Мартин Лендуит. Затем он обратился с профессиональной скоростью к ее бизнес-плану.

Они проходили все цифры, строку за строкой, и не принимали ни одного из ее прогнозов без вопросов. Харриет была очень довольна тщательностью своей подготовки и чувствовала облегчение от того, что они не смогли найти ошибок в ее расчетах. Она не тревожилась из-за того, что может ошибиться перед двумя Лендуитами. Однако в результате их вопросов она обнаружила, что провела исследование производства лишь подобных изделий.

— На рынке нет ничего похожего на «Головоломку», — сказала она им. — Поэтому невозможно установить прямую связь между ее потенциальными возможностями и товарами, имеющимися в продаже. Но ведь в этом и сила «Головоломки», не так ли?

Она видела, что они не посмотрели при этом на игру, а сконцентрировали свое внимание на ней самой. Она почувствовала, что близка к триумфу. Она была права: это себя и свои способности она старалась продать. Если Лендуиты решатся купить ее, то она покажет им, как она заставит весь мир покупать «Головоломку».

— Я думаю, что теперь мы должны обсудить вашу рыночную стратегию, — сказал Мартин Лендуит.

Это было труднее. Не проведя проверки на Ярмарке игрушек, Харриет не была вполне уверена в том, что направление ее маркетинговых усилий будет правильным. Но она принесла исследовательские материалы, в которых приводились результаты производства наиболее похожих изделий вне сети розничных магазинов и сообщалось о программировании производства фирмами «Смит», «Мензис», «Тойс» и другими.

Отец и сын слушали внимательно, но без всяких признаков ободрения. Когда она закончила, Мартин взглянул на свои часы. Затем он сложил вместе кончики пальцев и посмотрел на нее поверх этого гребня.

Сердце Харриет тревожно забилося.

— Мне понравилась ваша игра, — сказал Мартин, — она может стать ходовым товаром. Однако мне сейчас не хотелось бы предсказывать, насколько мощным или насколько надежным. Я не вижу никаких разумных способов сделать это и, извините, не уверен также в том, что ваше примерное старание приведет к достижению цели. Рынок ХПТ непредсказуем...

«Рынок ходовых потребительских товаров, — расшифровала про себя Харриет. — О Боже!»

— А мы предпочитаем, чтобы наш риск можно было прогнозировать. Можете вы продемонстрировать ценность вашей «Головоломки» не теоретически?

Харриет подумала о том, что не попробовать ли рассказать им о ее воскресных поездках на втором этаже автобуса номер 73 и о том энтузиазме и дружелюбии, которые она там встретила. Но она сомневалась, что Мартин Лендуит знает, где можно сесть на автобус, и еще более сомневалась, что его удовлетворит мнение пассажиров. Да и Робин Лендуит с его длинными ногами, вытянутыми с одной стороны стола, не выглядел так, как будто он когда-нибудь в своей жизни ездил на автобусе.

— Только получив возможность продавать ее. Я буду заниматься этим в следующие четыре дня на торговой ярмарке. Почему бы вам не прийти и не взглянуть?

Прямой реакции на ее приглашение не последовало. Оба мужчины выглядели впавшими в такую глубокую задумчивость, что им даже не требовалось смотреть друг на друга. Их

молчание повело Харриет в атаку.

— Я знаю, что вы можете рассчитать свой риск. Но разве не интересно действительно рискнуть? Я не прошу гигантских капиталовложений. Я уверена, что вы сможете распространить эти деньги. И я знаю, что они будут работать. Я знаю это. — Казалось, что слова Харриет повторялись насмешливым эхом в роскошной тишине.

Потом заговорил Робин:

— Скажите, какой вы видите стратегию нашего финансирования?

— Выпуск акций на рынок некотируемых ценных бумаг при Лондонской фондовой бирже на три или четыре года.

Они одобрили. Это выглядело достаточно престижно.

Мартин еще раз сверился со своими часами. Встреча подошла к концу, но решения еще не было принято. Харриет резко поднялась, так, чтобы выглядело, будто она сама контролирует окончание игры.

— Спасибо за то, что вы уделите мне время. Я надеюсь, что вы решите в мою пользу, мистер Лендуит. «Пикокс» может хорошо работать на нас обоих.

Он поднял на нее глаза, это был странный, косой взгляд. Вместе с этим взглядом в комнате изменилась атмосфера. Было холодно и прозрачно, а теперь стало теплее, как будто толстый бархат штор немного раздвинулся. Она поняла, что Мартин Лендуит закончил свое ознакомление с ее инвестиционным потенциалом. Сейчас он изучал ее как женщину. Его глаза проделали путь от ее губ до груди.

Такое упорное и свидетельствующее о большом опыте внимание могло бы возмутить ее, однако она с удивлением обнаружила, что этого не произошло. Она дала ему возможность рассматривать, для чего даже распрямила плечи и подняла выше голову.

«Если он хочет играть в такую игру, — подумала она, — я могу и это. Я могу играть во все, во что он только захочет за хорошую ставку». Сознание того, на что она может пойти ради «Головоломки», не потрясло ее.

Она почувствовала себя заряженной этим скорее, чем если бы искусные и сверхделикатные пальцы Мартина Лендуита уже исследовали ее. Но это было еще и осознание своей собственной свободы. Она будет делать с собой то, что она сама захочет, и именно это взволновало ее, а не то, что Мартин Лендуит может сделать или сделает.

Робин тоже заметил через темное деловое платье тень, пробежавшую по Харриет. Все трое ступили на новую почву. Харриет смотрела то на отца, то на сына, прямо встречая их взгляды. «Забавно, — подумала она, — они закончили или продолжают работать вместе?»

— Спасибо, что вы пришли, мисс Пикок, — негромко сказал Мартин. — Мы рассмотрим ваше предложение.

Робин прикоснулся к ее локтю, проводил через двойные двери, а потом вниз по лестнице в обитый панелями холл. Там стоял запах гвоздик, исходящий от выставки цветов, которую Харриет не заметила, когда поднималась вверх. Она вдыхала его с огромным удовольствием. Теперь, когда она освободилась от напряжения встречи, у нее было легко на душе, и Робин стал частью этой легкости. Когда он улыбнулся ей, они выглядели почти как ребята-заговорщики, освободившиеся от подавляющего их общества взрослых. Они пожали друг другу руки, все еще улыбаясь.

— Постарайтесь прийти на Ярмарку, — повторила Харриет.

— Я постараюсь для вас, — ответил он.

Харриет не была уверена, что он имеет в виду — Ярмарку или свое влияние на отца,

чтобы он поддержал «Головоломку». Она спустилась по ступенькам на улицу, зная, что он провожает ее взглядом.

Приятное ощущение силы и здоровья покинуло ее сразу же за углом. К тому времени она уже вернулась из лоснящегося, покрытого налетом старины дома Лендуитов в реальный мир. В этом реальном мире не было чиппендейловских шкафов в китайском стиле, шелковых ковров и свободных такси тоже. Время приближалось к ланчу, и в каждом проезжающем такси сидели люди, по одному или парочками, направляющиеся в клубы или рестораны. Все остальные в реальном мире находились на тротуаре вместе с Харриет, толкающиеся в тесноте.

Она постояла столько, сколько было достаточно для того, чтобы оглянуться на оштукатуренный фасад. Ей было интересно, что сейчас делают отец и сын за высокими, сверкающими окнами. Она сомневалась в том, что они изучают план, который она оставила им. Она не подумала даже о том, что они вежливо соглашаются друг с другом, что их посетитель был, к сожалению, плоскогрудым.

Она представила их в туалетной комнате, оформленной красным деревом и серебром, причесывающих расческой из слоновой кости свои великолепные волосы и готовых разделить ланч с такими же богатыми людьми в модном ресторане.

Все представленное не вызвало у нее улыбки.

— Самодовольное дерьмо, — пробормотала Харриет, — я ненавижу вас.

Однако она произнесла это чисто механически. Она не настолько ненавидела их, чтобы не стремиться объединиться с ними.

Такси все еще не было, а Харриет должна была встретиться с Джейн через пять минут у главного входа в выставочный зал Эрлз-Корт. Они собирались вместе поработать на стенде. Было ясно, что здесь не поймать такси до конца дня.

Харриет подняла свой тяжелый чемодан и нырнула в метро.

— Харриет? Где ты была? Они не пускают меня на выставку без пропуска.

Харриет была разгоряченная, взволнованная и виноватая. Джейн, преданная Джейн, освободилась из школы на вторую половину дня для того, чтобы помочь ей, а она заставила ее прождать сорок пять минут. Она извинилась, задыхаясь, помахала пропуском перед контролером, и они вошли в зал. Она взяла Джейн за руку и потащила ее вперед.

— Я виновата, я так виновата. В «Лендуит Эссоушиэйтс» потребовалось больше времени, и там нет такси. Я думала, что никогда не попаду сюда.

Они полубежали, полуспотыкались вдоль длинного прохода, по обе стороны которого располагались стенды с гигантскими вставшими на дыбы плюшевыми медведями, с рядами кукол, улыбающихся сладкими, зовущими улыбками, и грохотом и жужжанием механических игрушек, сливающимся и умножающимся. Тусклое пространство над головами под крышей было заполнено шумом от сверления, пиления и ударов молотков при последних приготовлениях.

— Потихе. Успокойся, — приказала ей Джейн.

Однако Харриет тащила ее еще быстрее. Наконец они добрались до голого прямоугольного пространства с беспорядочно сваленными в центре ящиками. Харриет посмотрела на ярлык, потом на номера на раме стенда, а затем снова вернулась к ярлыку.

— Это он, — сказала она. — Это наш.

Она не могла скрыть своего разочарования. Место было голым, пыльным и негостеприимным.

— Тут даже гигантский мишка не поможет, — сказала Джейн.

Две молодые женщины в красно-белых костюмах дамы червей с интересом наблюдали за ними с полнотью, по-видимому, законченной экспозиции, расположенной напротив через проход.

— Давай! Нам бы лучше поскорее начать.

Казалось невероятным, что они смогут сделать стенд хоть на что-то похожим. Потом, когда Харриет разматывала парашютный шелк и драпировала складки вокруг картонных стен, ей казалось, что она видит скрытую улыбку дамы червей. Если бы не Джейн, она бы сдалась даже в этот последний момент и убежала бы из этого выставочного зала и от самой «Головоломки».

Но Джейн подняла брови, как две дробные черты, подтянула уголки губ, высказала свое мнение о дамах с такой великолепной краткостью, что Харриет рассмеялась и вместо того, чтобы бежать, вскарабкалась на стремянку с канцелярским пистолетом для скрепок в руке.

— Как у тебя прошло сегодня утром? — спросила Джейн с ртом, полным кнопок.

Харриет сидела на лестнице, широко размахивая рукой из стороны в сторону:

— Самая гладкая пара дельцов, которую я когда-либо видела. Они думают.

Джейн вернулась к своим кнопкам. Казалось, пришел дикий оптимизм вместе с прототипами, отпечатанными глянцевыми листовками и складками чистого парашютного шелка, а также вместе с двумя гладкими дельцами, согласившимися подумать о дальнейшем финансировании. Джейн была уверена, что Харриет беспечно потратила все свои деньги. Если бы она была в таком положении, то она была бы слишком испугана, для того чтобы быть увлеченной созданием белых складок на подвешенной ткани. «Дело в том, — размышляла Джейн, — что я не предприниматель».

Если бы она была на месте Харриет, то тогда, наверное, Харриет терпеливо ждала бы ее на ступеньках, а она бы приехала с горящими глазами и щеками, полная энергии, и все повернулись бы и посмотрели на нее. Этот образ ни в малейшей степени не привлекал Джейн. Даже изучение «Над пропастью во ржи» с непослушными четвероклассниками было для нее более привлекательным, даже соединение скрепками черного поливинилхлорида до тех пор, пока не начнут кровоточить пальцы.

Работа не прекращалась до конца дня. Были сделаны черные блестящие столбы и пышные белые облака. Воздух в зале циркулировал достаточно быстро, чтобы заставить облака двигаться. И было достаточно тепло, чтобы складки могли красиво ниспадать вниз. Дамы червей перестали зевать и самодовольно ухмыляться. Они откровенно наблюдали за ними до самого ухода.

Неприятность с Харриет и Джейн случилась только тогда, когда они распаковали раскрашенные блоки из полистирола, из которых собирались солнечные лучи. Блоки были выполнены неправильных размеров и не собирались вместе. Конструкция покосилась, и вместо ровных выставочных полок образовались наклонные поверхности.

Харриет прижала костяшки пальцев к зубам. Она закрыла глаза и открыла их снова, однако наклон не пропал, а стал, казалось, еще более явным.

— Я не могу поверить в это, — прошептала она. — Нам надо достать пилу и отпилить блоки с одного угла, для того чтобы выровнять конструкцию.

Джейн понимала, что Харриет сдерживает свой испуг и близка к тому, чтобы дать ему излиться. Она направилась к выставочному бару, в это время заполненному посетителями, которые уже закончили оформление своих стендов и шумно приветствовали друг друга. Она

проложила себе дорогу через них, купила два пластиковых стаканчика джина, вернулась к Харриет и вложила один из них ей в руку.

— Давай сначала выпьем, а потом будем решать проблему, — скомандовала она.

— Я не знаю, как ее решать, — простонала Харриет.

Еще до того, как они допили джин, заехала Дженни по дороге домой из своего издательства. Она бросила взгляд на кривую кучу раскрашенного полистирола.

— О, Боже, — прошептала она.

— Мы собираемся обрезать блоки, чтобы они встали ровно, — объяснила ей Харриет.

Дженни была практичным человеком.

— Резать нельзя ни в коем случае. Вы никогда не сможете обрезать их ровно и будете резать их снова и снова, пока эти блоки не превратятся в спичечные коробки. Вы должны это чем-нибудь подпереть.

Она огляделась по сторонам, а потом задрала голову на звук пилы.

— Попробуем так.

Через пять минут она вернулась с охапкой грубых деревянных клиньев.

Это была противная работа, однако через час солнечные лучи стояли ровно. Доски «Головоломки» и коробки с яркими солнечными лучами нужно было уравновесить очень аккуратно, и они тоже легли ровно.

— Теперь последние штрихи, — скомандовала Харриет.

Она расставила взятые в аренду черные складные столы и по обе стороны от них — стулья. После этого оставалось распаковать коробки с листовками, информационными и рекламными материалами и отпечатанными книгами заказов.

Она работали молча, потому что было уже десять часов вечера, они устали и были голодны. Но они были не настолько устали, чтобы не заметить, что все другие, последние тянущиеся к выходу и гостиничным постелям экспоненты, останавливались, чтобы посмотреть на стенд «Головоломки».

Наконец, работа была сделана.

Они отступили на шаг и, стоя плечом к плечу, восхищались делом своих рук. Их руки и спины болели, а лица были запыленными. Харриет закончила внимательный осмотр.

— Все в порядке, — медленно сказала она. — Фактически, это даже больше, чем все в порядке.

— Это чертовски блестяще, — поправила ее Дженни, — если только никто не будет дышать на это солнечное сооружение.

Джейн засунула руки в карманы своего рабочего халата.

— Я пойду возьму еще выпить. Мы заслужили это.

Она пошла в бар, но быстро вернулась с сообщением, что он уже закрыт.

— Это все, что я смогла получить из автомата, — она достала три банки с апельсиновой водой и три пакета с бутербродами.

Они уселись на краю стенда, очень аккуратно, чтобы не повредить своей работы.

— Спасибо, — сказала Харриет.

Она чувствовала себя грязной и опустошенной, но была полна надежд. Завтра она сможет показать «Головоломку». Завтрашний день все решит.

— Спасибо, что вы здесь. Вы сделали, кажется, все, что только возможно.

Джейн наклонила голову, так что ее толстая коса коснулась щеки Харриет.

— Ты делаешь то, что я даже не смогла бы и начать делать.

«И не стала бы начинать делать», — безмолвно продолжила за нее Харриет.

— Но я желаю тебе удачи.

То, что этот деловой мир был столь далек от того, на что надеялась или во что искренне верила Джейн, делало ее наилучшие пожелания, казалось, еще более ценными. Она сразу вспомнила Крит, размышляя о том, что даже несмотря на то, что их цели изменились, узы дружбы не прервались.

Джейн кивнула в сторону белых облаков и блестящих коробок, в которых заключался сейчас весь скромный капитал Харриет.

— Ты помнишь, что я сказала по поводу денег? Они тебе нужны?

Они были нужны Харриет, но она не хотела брать их. До тех пор, пока она не будет уверена в том, что они не пропадут...

— У меня есть достаточно для начала, — сказала она решительно, — а после этого посмотрим.

Дженни откинулась на спинку, вытянув перед собой ноги, и подняла банку фанты.

— А у меня тоже есть хорошие новости. Я снова беременна. — Их возглас заставил всех последних экспонентов Ярмарки игрушек вновь повернуться к ним. Лицо Дженни светилось. — Это произошло совсем недавно, но это случилось, и я чувствую себя так, как будто вновь взошло солнце. До этого было так темно.

Они наклонились к ней так, чтобы можно было положить руки на ее плечи. Джейн тоже подняла свою банку с фантой и произнесла тост:

— Выпьем за оба ваших проекта, — сказала она, — пусть они оба растут и процветают. Харриет, Дженни.

Если ей и недоставало своего собственного проекта, то лицо Джейн не показало этого. Они выпили, а потом стали есть черствые бутерброды, и их оптимизм превратил еду в праздник.

Был последний день.

Быстро, тайком Харриет подперла голову руками. До Ярмарки она не представляла, как много сил потребуется для того, чтобы ходить с улыбкой, пожимать руки и демонстрировать раз за разом «Головоломку», ее уже тошнило от веселого грохотанья шариков, мелькания цветных фишек, блестящих коробок и элегантных пуговиц на костюмах девушек, танцующих у нее перед глазами.

Воздух в выставочном зале был горячим и сухим, а ее ноги опухли до такого состояния, что, казалось, вылезали из туфель. Еще везде вокруг Харриет, на других стендах, продавцы торговали, улыбаясь, пожимая друг другу руки и выдавая те же остроты, которые они выдавали в течение трех с половиной дней. Немногие из них были очень ловкими или остроумными, да и их шутки тоже, но Харриет почувствовала восхищение своими конкурентами. Она наблюдала за их работой и сумела высоко оценить их жизнеспособность хотя бы потому, что ее собственная не слишком устраивала ее.

Она бегло оглядела стенд. Ее телевизионная знаменитость приходила вчера и пригласила покупателей и прессу сыграть в игру против него. Вокруг стенда «Головоломки» собралась толпа. Харриет позировала перед фотографами, с рукой телезвезды, лежащей у нее на плече, а ее девушки в своих элегантных платьях демонстрировали соответствующую стандарту ширину бедер с обеих сторон шатких солнечных лучей.

И еще здесь побывала Кэт. Она решила прийти и посмотреть выступление Харриет. В то

время, как ее мать робко наблюдала, как телевизионная звезда вбирала в себя хорошо оплаченную известность, Харриет заметила, что она удивлена, поражена и в то же время встревожена, и не все ей понятно.

— Ты волнуешься из-за всего этого? — прошептала Кэт.

— Я не волнуюсь, мама. Я знаю, что я делаю.

«Это ложь во благо», — подумала Харриет.

Здесь было много интересного — одни только девочки и сам стенд гарантировали это. В «Головоломку» играли постоянно, ею восхищались и о ней много говорили. Были также заказы. Но не так много, как она надеялась. Не столь много, сколько ей требовалось. Харриет осталась в этой угнетающей послеполуденной жары с сознанием того, что полученных заказов и гарантированных поставок недостаточно для того, чтобы «Головоломка» позволила ей окупить затраты.

Ничего не было слышно и от Мартина Лендуита. Каждый вечер она получала свою почту в Белсайз-парке. Пришло одно письмо от Лео, которое он написал, как ей показалось, несколько навеселе, где обещал прийти посмотреть «ее шоу» на Ярмарке, но не было письма, которое она хотела бы получить.

Харриет заметила, что та из ее девушек, которая была посимпатичнее, с бронзовыми волосами и минимумом косметики, изб всех сил старалась продать товар владельцу магазина с севера. Он отпустил пружину, шарики заиграли свою знакомую мелодию и упали не в те пазы. Он застонал, а девушка очень приятно посочувствовала:

— Пожалуйста, попробуйте еще раз.

Она стрельнула глазами поверх его головы на Харриет. На стенде пока не было других посетителей, а вторая девушка должна была скоро вернуться с ланча. Харриет решила, что она может выскользнуть на пару минут.

Она пробралась через редешую толпу за рядами мишек по направлению к телефонным будкам в фойе. Она немного отдышалась перед тем, как набрать телефонный номер Лендуитов.

Мистера Мартина Лендуита не было. «Еще на ланче, толстый кот», — злобно подумала она. А мистер Робин Лендуит может поговорить, если только секретарша ее соединит.

— Да, пожалуйста, — пробормотала Харриет. Она поплотнее прижала телефонную трубку.

— Робин Лендуит, — по телефону его голос был более похож на отцовский, приятный и самоуверенный.

— Харриет Пикок. Мистер Лендуит, я надеялась, что вы зайдете на Ярмарку игрушек посмотреть на «Головоломку» на стенде. Ярмарка закрывается сегодня вечером, так что это ваш последний шанс.

Она пыталась говорить с тем теплом и юмором, которых в данный момент не чувствовала.

— Одна из наших компаний проводила встречи с общественностью на этой неделе. Это потребовало от нас нескольких дней.

— Я в этом не сомневаюсь, — сказала Харриет, напомнив себе затем, что, разговаривая грубо, она вряд ли чего-нибудь добьется. — Послушайте, на выставку трудно на чем-нибудь добраться, кроме такси.

«Если сможешь его поймать. Но люди, подобные тебе, без сомнения, могут», — подумала она.

— Ярмарка открыта до шести. Заезжайте по дороге домой.

Она услышала его смех, приятный смех, что было довольно удивительно.

— По дороге домой в половине шестого? Так до которого часа, по вашему мнению, работают люди, вкладывающие деньги в рискованные предприятия? Не ждите меня, но я постараюсь подъехать. Как продавалась «Головоломка»?

— Очень хорошо. Со временем будет, конечно, еще больше заказов.

— Гм. Харриет, мы ведь еще не приняли решения, вы знаете.

«Харриет? Он назвал ее Харриет?»

— Все в порядке. Я могу подождать. Положительного ответа.

После того, как она повесила трубку, она откинулась к стенке кабины и ее окатило холодной волной страха. Она совсем не могла позволить себе ждать, ни одного дня. Она получила заказы на тысячи игр, но у нее нет денег, чтобы оплатить их изготовление, а если она добьется получения денег, то у нее нет достаточного количества заказов для получения прибыли.

Харриет потребовалось две минуты, чтобы унять дрожь. Наконец она глубоко вдохнула спертый воздух. «Продавать, — сказала она себе. — Для этого ты здесь и находишься. Ты не так уж далека от точки безубыточности. Не катастрофически далека».

На стенде девушка приветствовала ее торжествующей улыбкой:

— Он взял двести пятьдесят. Я занесла заказ в книгу.

Харриет утомленно кивнула. Она знала, что заказ должен был быть на пятьсот, так как закупщик представлял группу магазинов. «Головоломка» продавалась, но продавалась в недостаточном количестве. Игра была хороша. Она заслуживала лучшей реакции. Так что же она делает неправильно? Она отступила назад и посмотрела на стенд, которым так гордилась. Ее точило сомнение, что, возможно, он чересчур большой и яркий. Закупщик сразу видит все, как есть. Здесь нет сюжета. Здесь нет ничего приманивающего и интригующего.

В ней вновь загорелся слабый огонек вызова. «Что я могу сделать? — задумалась Харриет. — Какая же еще должна быть маленькая дополнительная штучка, которая заставит их всех обратить внимание?»

«Головоломка» была только игрой, но игрой загадочной и ярко упакованной. Необходимо еще что-то. Ей нужно человеческое лицо.

Крошечный червячок идеи начал шевелиться, и Харриет схватила его мертвой хваткой.

— Харриет?

Оторвавшись от своих фантазий, Харриет обернулась. Это был Лео. Он подошел к стенду с фотоаппаратом в одной руке и штативом подмышкой, как будто он собирался снимать. Она внимательно посмотрела на него.

— Здесь нет совершенно никакой необходимости выглядеть такой чертовски сердитой.

— Я... Извини, Лео, я совсем не сердита. Просто очень неожиданно.

— Я ведь звонил, разве не так?

Прошло много времени с тех пор, как она видела его в последний раз. Они уже плохо понимали друг друга. Лео был последним человеком в мире, которого она хотела бы увидеть в этот момент, особенно обиженного Лео. Он требовал больше внимания, чем маленький мальчик. Но у нее не было времени и раньше, не будет и потом. Она видела, что две девушки с ее стенда смотрели на них с большим любопытством.

— Да, звонил. Моя вина. Я не ожидала тебя прямо сейчас, вот и все. Зачем все эти

устройства?

— Я думал, тебе не помешают несколько приличных снимков твоего стенда.

Это было очень мило с его стороны, и Харриет почувствовала себя виноватой:

— Я, действительно, хотела бы несколько снимков, — ответила она мягко. — Что ты думаешь по этому поводу?

Он склонил голову набок, изучая стенд.

— Освещение немного резковато. Я поставлю фильтр.

Харриет улыбнулась, чувство вины испарилось. Она не ожидала такой реакции на свои достижения. Лео всегда рассматривает вещи через призму своих собственных глаз.

— Тогда устанавливай аппаратуру, — нейтрально сказала она.

Лео занялся извлечением своих фотоаппаратов. Харриет подчеркнуто не представила его двум своим помощницам, а Лео протянул несколько секунд, важно собирая объективы и фильтры, до того, как вскользь взглянуть на них. Мгновенно и так явно, что ей захотелось засмеяться, он стал другим Лео — тем Лео, в которого она когда-то влюбилась. Он даже воспроизвел кривую, едва заметную улыбку, которую Харриет когда-то находила неотразимой.

— Я — Лео Гоулд, — произнес он. — Мне хотелось бы, чтобы вы представились.

Обеим девушкам он, конечно, понравился. Он стал очень ярким впечатлением в этой унылой послеобеденной работе. Они запорхали и, казалось, очень заинтересовались фотографией, в то время как Лео заставлял их передвигать предметы и держать лампы. Один раз он подмигнул Харриет, как бы приглашая ее к заговору, но ей это не понравилось. Однако фотографирование вызвало еще один порыв интереса к стенду, и несколько поздних посетителей подошли поговорить с Харриет.

В надежде привлечь хоть нескольких потенциальных заказчиков Харриет не трогала стенда «Головоломки». Она собиралась начать разборку после шести часов, когда Ярмарка уже закроется. А многие другие экспоненты уже начали разбирать свои экспозиции.

Царила атмосфера послерождественского дня, когда проходы замусорены спутанными лентами, скомканная бумага начинает образовывать течения, а перевернутые игрушки ожидают, когда их сгребут в кучи и вывезут. Лео устанавливал Харриет и двух ее девушек перед солнечными лучами. Харриет ненавидела фотографироваться, особенно у Лео. Свет слепил ей глаза, и она понимала, что сердито смотрит в объектив.

— Долго еще? — спросила она, и вдруг увидела Робина Лендуита. Он пробирался через развалы. На выражение интереса на его лице накладывалось легкое удивление от того, что он оказался в столь непривлекательном месте. Среди торговцев с их стандартными костюмами его ручной выделки лоск казался вдвойне экзотичным.

— Я закончу пленку, — сказал Лео, и его голова снова склонилась над объективом.

Харриет казалась прикрепленной к своим солнечным лучам в костюме с пуговицами и так же одетыми девушками по обе стороны от нее в то время, как потрескивали и ярко горели лампы Лео. Робин остановился в стороне, в гостеприимной тени.

Харриет вытерпела это унижение еще минуту, а затем резко сказала:

— Достаточно, не так ли?

Она отошла от стенда. Лео выпрямился и с раздражением пожал плечами. Его глаза следили за ней. Харриет протянула руку, и Робин Лендуит пожал ее.

— Спасибо, что пришли.

Он посмотрел на стенд:

— Это впечатляюще.

По его тону Харриет поняла, что что-то не так. Посмотрев на стенд, она заметила, что шелк выглядел неряшливо, на нем были отпечатки рук и ног и даже дыры в нескольких местах, и казалось, что он свисает вниз маленькими мрачными гримасками.

— Он сильно истрепался за последние несколько дней, — защищалась она. — Толпы покупателей и зевак. Когда мы только сделали его, никто не мог пройти мимо.

Она ощущала присутствие девушек в таких же, как у нее, платьях, и Лео с его осветительными приборами и штативами. Вероятно, ей следует представить их.

— Это Натали и Кэролайн, они помогали мне при подготовке стенда и при продаже, а это — Лео Гоулд — фотограф.

— А также муж Харриет, — холодно добавил Лео.

Харриет не заметила, кто из их тесной группы сделал неловкий шаг в сторону в тесных границах стенда. Это мог быть даже Робин Лендуит. Она только поняла, что кто-то наступил на ненадежно закрепленные солнечные лучи. Они просуществовали четыре дня. И вдруг раздался слабый треск, а затем — сильный грохот. Толчок — и цветные платформы наклонились и беспрепятственно повалились вперед, как домино.

Доски «Головоломки» и коробки, установленные на полках, скатывались, подпрыгивали и валились на четверых людей, стоящих внизу. В течение нескольких секунд казалось, что все они могут быть похоронены под лавиной сверкающих черных конструкций, расписанных всеми цветами радуги коробок и фишек.

А потом наступила минута потрясенного молчания, когда они замерли среди обломков.

Было смешно, однако слишком катастрофично, чтобы кто-нибудь из них засмеялся. Натали и Кэролайн переглянулись и быстро отвели глаза. Харриет, бессознательно передвигаясь, подошла к разрушенным солнечным лучам и злобно пнула их. Полистирол и пластик затрещали под ее ногой. Небольшая толпа собралась перед стендом.

— Великолепный финал! — раздалось из толпы.

Она наклонилась и стала собирать в ладонь рассыпанные фишки. Ее глаза и лицо покраснели.

— Это так, — ответила она. — Знаменательный финиш.

Лео немедленно стал извлекать свои осветительные приборы и штативы. А Робин энергично принялся помогать Харриет, за чем последовал еще один многозначительный обмен взглядами между двумя девушками.

— В этом нет необходимости, — сказала Харриет, прижимая к груди блестящие черные доски, как щит, и стараясь погасить в себе чувство гнева и унижения. — Я не хочу, чтобы вы делали это. Пожалуйста.

— Почему? — спросил Робин, являя собой приятное благообразие.

Боковым зрением Харриет увидела, что небольшая толпа вновь разбилась на отдельные лица. Представление было закончено.

— Потому что Натали, Кэролайн и я можем сделать это. В любом случае, пришло время разобрать стенд.

И она показала рукой на пустые места в выставочном зале.

Позже, когда все было сделано и стенд превратился в пустое пространство, Робин повез Харриет обедать. Они были пыльными после чистки в гардеробе выставочного зала, но ресторан был небольшим и, к счастью, неярко освещенным.

— Спасибо за помощь, — поблагодарила Харриет.

— Почему вы не хотели, чтобы я тоже помогал вам?

— Я не хотела, чтобы кто-нибудь видел, что я стараюсь занять деньги у собирающего разбросанные обломки. Это же ясно.

— Если бы вас смущали обломки, то вы, наверное, не должны были бы пытаться занять деньги и в первый раз. Несчастье всегда возможно.

— Я должна. Я хочу, чтобы все получалось, а не разваливалось. Неудача должна быть тайной, а успех — для праздника. Я предпочитаю успех.

Робин смотрел на нее через искусственной свет свечи. Он видел лицо, которое было слишком заостренным, чтобы быть красивым, однако, казалось, что оно предлагает различные интересные возможности. Робину нравилось не только любить, но и обладать женщинами в отличие от отца, а сейчас ему нравилось то, что он видел в Харриет. Ее декларация о предпочтениях не произвела на него впечатления, потому что он слышал такие слова от всех, желающих стать предпринимателями.

— Я думаю, вас ждет успех, — сказал Робин. «Если я смогу повлиять на Мартина», — добавил он про себя. И он был почти убежден, что сможет.

Они больше не говорили о деньгах или о фирме «Пикокс» и ее перспективах. Робин заказал шампанское с такой этикеткой, какую она никогда не видела на бутылках и которая, казалось, была от руки расписана разбросанными цветами. Она была чувствительна к шампанскому. Пузырьки всегда доходили до ее головы, и сегодняшней вечер не был исключением. Она подумала, выбирая еду из меню с достаточно устрашающими ценами, что будет невозможно забыть волнение на Ярмарке игрушек и катастрофу в финале. Однако после двух бокалов шампанского и поданного на белом плоском блюде салата из артишоков и куропатки с орехами, прекрасного, как картинка, гнетущие мысли о прошедшем дне исчезли. Их заменили бесконечное чувство благополучия и прекрасный аппетит.

«Какого черта», — подумала Харриет.

Робин с одобрением посмотрел, как она набросилась на еду. После куропатки и артишоков снова пришла очередь шампанского. Харриет вздохнула и откинулась на спинку стула, высвободив пятки из туфель. Ее ноги, казалось, выросли после четырех дней стояния возле стенда. У нее также болели спина и плечи, однако пузырьки шампанского, пощипывающие горло, разгоняли боль.

— Вы были голодны, — прокомментировал Робин.

— У меня не было времени поесть. Бутерброды и мерзкий кофе — вот и все.

Робин, как гурман, автоматически содрогнулся. Он проявлял такой же, почти научный, академический интерес к пище и винам, как к движению денег на рынке. Были изучены и то, и другое, а также их преимущества, и всем этим следовало наслаждаться. Однако сегодня он сосредоточился на Харриет и поэтому едва замечал, что ел. Он видел, как она постепенно смягчалась, пока они разговаривали и пили. Но не больше. Ему хотелось понять, что она так усиленно скрывала в себе, и эти размышления волновали его. Он подвинулся в своем мягком кресле.

— Сколько времени вы были замужем? — спросил он.

Лео запаковал свою аппаратуру в серебристые металлические ящики и посмотрел на часы. Это были часы, которые Харриет подарила ему на Рождество в прошлом году. Они представляли собой смесь кнопок и сигналов, водонепроницаемые до глубины в двести метров, а Лео любил все виды механизмов и устройств. Часы Робина Лендуита,

появляющиеся из-за манжета бледно-голубой рубашки, были по сравнению с ними столь тонкими и тусклыми, что их вообще трудно было заметить. Лео посмотрел на часы, пробормотал что-то насчет опоздания на какое-то другое свидание и поцеловал Харриет в щеку. Она почувствовала облегчение, видя, что он уходит, а Натали и Кэролайн проводили его тоскующими взглядами.

— Я была замужем около четырех лет. Мы разошлись несколько месяцев назад. Такое решение удовлетворило нас обоих.

Робин догадывался об этом, однако его охватило некоторое чувство удовлетворения от того, что он получил подтверждение.

— Вы должны попробовать пудинги, — предложил он ей, — они здесь очень хороши.

Потому что он был так молод, его приказы насчет того, что ей следует есть, забавляли Харриет, однако она благодарно подчинилась.

— Что мне взять?

Он выбрал за нее и заказал вино для обоих. Принесенное вино было цвета темного золота и выглядело густым, но Харриет показалось, что у него вкус меда и цветов.

— Хорошее вино, — похвалила она.

— Да, это так, — улыбнулся Робин.

На десерт у нее было пять различных крошечных пудингов с лепестками из крапчатого малинового соуса между ними. То, что пища может быть такой же красивой, как и вкусной, было для Харриет новостью. Она прикрывала глаза, когда пробовала на вкус каждый из пудингов, и брала кончиком чайной ложечки красные и похожие на крем капельки лепестков. Ее поразила мысль о том, что удовольствие, которое она получает от такой еды, является чувственным, то есть таким удовольствием, которое создается изобретательной любовью.

Она подняла глаза и встретилась взглядом с Робинем. Она протянула ему ложку, чтобы и он попробовал. Он оценил оба блюда, а также ее удовольствие от них.

— Все было удивительно, — сказала она.

Робин наклонил голову:

— А теперь?

— Теперь мне надо идти домой. Завтра на работу.

Назад в запущенный «Степпинг» и к унылой перепроверке книги заказов на «Головоломку». Назад к необходимости решать, планировать и искать пути продажи большого количества игр. Повеяло холодом беспокойства, что было особенно неприятно в роскоши ресторана. Харриет отбросила эти мысли и вместо этого начала рассматривать лица за другими столиками, решив, что она может позволить себе сбежать от всего этого хотя бы на вечер.

— Как называется это место?

Робин ответил ей, и она подумала, что, должно быть, слышала о нем.

— Я не знала его.

— А теперь знаете. Я очень рад, что именно я привел вас сюда.

— Спасибо, — поблагодарила Харриет, понимая это.

Ей было приятно в его обществе. Он дал ей возможность выговориться, не подвергал перекрестному допросу и рассказал немного о себе. Немного, его стиль нельзя было назвать исповедальным. Он управлял этим вечером, начиная с его ничего хорошего не предвещавшего начала, с довольно милой искусностью.

— Я думаю, что мы с вами живем в достаточно разных мирах, — промолвила Харриет наполовину для себя.

Она все еще смотрела на выхоленных посетителей за другими столами. Слово «деньги» было написано здесь так ярко на своем доступном для зрения коде, как и в офисе Мориса Лендуита. Вместе с Лео они годами ели в шумных итальянских ресторанах вдоль греческой полосы на Шарлотт-стрит и в маленьких, пропахших чесноком французских ресторанах. Слишком поздно она осознала, что Робин может представить себе, что она предлагает ему благоприятную возможность пригласить себя еще в несколько мест из его жизни, которой можно позавидовать. Однако, если бы он и подумал о чем-нибудь таком, он был слишком тонким, чтобы показать это, не зная ответа заранее.

Он только сказал:

— Не пытался определять «миры» по ресторанам. Это соблазнительная мысль, но уж слишком поверхностная. Я посещаю различные места. Я уверен, что вы поступаете также.

— Да, любые, — согласилась она.

Он нравился ей все больше.

— Робин, я должна идти.

Проверив, он оплатил счет, который, по оценке Харриет, должен был быть гигантским. Затем он отодвинул ее кресло и повел ее по направлению к двери, держа под локоть так же, как и тогда, когда провожал ее из офиса отца. Его отличали прекрасные, слегка старомодные манеры.

На улице шел дождь, и от стояния на мокром тротуаре при холодном ветре после ресторанной интимности они почувствовали себя неуютно. Робин открыл большой черный зонт и держал его над их головами. Как и предполагала Харриет, через секунду такси с желтым огоньком обогнуло угол. Когда оно остановилось, Робин открыл перед ней дверь, спросил ее адрес и повторил его шоферу.

— Все в порядке?

— Конечно, я получила удовольствие от сегодняшнего вечера.

Харриет могла предвидеть, что произойдет вслед за этим, но в тот момент, когда это произошло, она была удивлена. Робин наклонил голову и поцеловал ее в губы, очень легко, а затем он запечатлел еще два поцелуя в уголки губ. Весь процесс занял не более трех секунд. Харриет вскочила в такси, он закрыл дверь, и шофер повез ее прочь. Она села на свое место и, затаив дыхание, попыталась понять, что же с ней случилось.

— На меня он свалил все сразу, — скептически сказала она Джейн при следующей встрече, — как подросток с предметом обожания из своего класса.

Правильное слово пришло в голову, когда такси блуждало в приблизительном направлении к Белсайз-парку. Этим словом было «нежный». Робин Лендуит обращался с ней с нежностью, и она отозвалась на нее.

Но когда через некоторое время она добралась до своей квартиры в подвале с полной раковиной невымытой посуды и голодными мяукающими кошками, она уже снова управляла собой.

«Не будь душой, — говорила она себе. — Он на несколько лет моложе тебя. Он еще почти мальчик. И он — тот инвестор в рискованные предприятия, у которого ты хочешь занять сто тысяч фунтов. Не позволяй трем поцелуям изменить твой взгляд на это, ладно?»

Через несколько дней после этих событий Мартин Лендуит позвонил Харриет. Она была в магазине и, отвернувшись от кассы, прижала трубку к уху.

— Харриет Пикок слушает.

Она слышала, как Мартин сказал, что «Лендуит Эссоушиэйтс» полагает, что они могут помочь ей. Если она имеет желание встретиться с ними еще раз, то они могут обсудить все возможности более детально.

Харриет такое желание имела. Когда она положила трубку, Карен спросила ее с другой стороны прилавка:

— Хорошие новости?

— Наилучшие из возможных. Все должно быть отлично.

Тревога, как камень, упала с ее сердца. С их поддержкой она сможет изготовить столько игр, сколько необходимо, чтобы удовлетворить уже полученные заявки. А с капиталом она сможет создать «Головоломке» такие условия продажи, что она принесет ей необходимые заказы. С помощью Лендуитов она сможет укрепить свой карточный домик.

Внутри нее ключом была энергия. Это произойдет, раз уж началось, уже необычайно скоро.

Потом была встреча в офисе Мартина. На этот раз, к облегчению Харриет, не было трескотни в якобы деловом стиле Робина даже тогда, когда Мартин сказал, что именно энтузиазм его сына в отношении ее проекта повлиял на его собственное решение, и благодаря этому энтузиазму фирма «Пикокс» в будущем будет особой заботой Робина. Харриет понимала, что это, возможно, испытание для Робина, его первая возможность заработать свой собственный кусок. Ей понравилась эта идея, так как она полагала, что с одним Робинотом будет легче иметь дело, чем с тем же Робинотом, тесно связанным со своим отцом.

Были еще обязательные требования. Как Харриет уже поняла, ей придется взять бухгалтера. Мартин предложил, чтобы она взяла самого хорошего бухгалтера и устроила ему встречу с Робинотом. Еще одним условием соглашения было то, что она также должна взять технического директора, который будет отвечать за производство и оставит Харриет свободной, для того чтобы она посвятила себя маркетингу, продаже и рекламной деятельности.

— Я могу делать и то и другое, — предложила Харриет.

Она не хотела, чтобы ее новое дитя обнимал человек со стороны.

— Я так не думаю, — не согласился Мартин.

Харриет бросила взгляд на Робина, а потом согласилась с этим условием. Она найдет кого-нибудь еще для работы с мистером Джепсоном и «Мидленд Пластикс». А затем, пододвинув к себе тонкую папочку, Мартин описал схему их будущего соглашения.

«Лендуит Эссоушиэйтс» согласна инвестировать сумму в сто двадцать тысяч фунтов стерлингов в фирму «Пикокс» для производства и продажи игры «Головоломка».

А в ответ...

Харриет сидела неподвижно, внимая каждой клеткой своего организма. За инвестирование «Лендуит Эссоушиэйтс» будет контролировать тридцать пять процентов компании, а Робин Лендуит получит место в совете. Харриет также будет иметь тридцать

пять процентов, а баланс будет делиться между ведущим персоналом и остальными директорами. Бухгалтер и технический эксперт также будут иметь места в совете, а пятого директора Харриет может назначить сама. Мартин поднял на нее глаза.

Она подумала о Саймоне, однако она понимала, что он просто отшатнется от такого предложения. Потом она вспомнила Кэт, незаметно наблюдавшую за работой на стенде «Головоломки».

— Моя мать, — тотчас предложила Харриет.

Мартин кивнул.

— Десять процентов для персонала, остальное для семейных инвестиций.

Его мягкая манера ублаживала ее. Харриет сдвинулась на край стула.

— Со дня выпуска акций в течение трех лет работа компании будет оцениваться на основе вашего бизнес-плана. Доля наших привилегированных акций по отношению к вашему собственному вкладу будет соответственно отрегулирована.

«Если я поняла правильно, — перевела про себя Харриет, — то я получу больший процент в компании. Если нет, то Лендуит получит больше». Не требовалось больших усилий для того, чтобы усвоить предложенные условия, но Харриет пододвинула к себе блокнот, казалось, для того, чтобы выдать им соответствующие соображения. Харриет не пугал размах всего дела. Он даже прибавлял ей уверенности. «Если Лендуиты доверяют мне до такой степени, — размышляла она, — то я могу доверять самой себе даже еще больше». Получив деньги, она создаст лицо «Пикокс».

— Это, по-видимому, вполне честно, — сказала она спокойно.

Она снова посмотрела на Робина. Его руки лежали на отцовском столе, и он улыбался ей. Ее содиректором будет Робин, а не его отец. Харриет ощущала невидимые нити, соединяющие ее с обоими мужчинами. Если бы ее внимание не было полностью поглощено связывающим их делом, то она могла бы увидеть, куда эти нити ведут и где они сильно натянутся, когда придет время.

Мартин перевернул страницу своих заметок. Конечно, там было еще много разных вопросов, но главные условия Харриет приняла. Кроме этих принятых ею условий больше никаких вопросов сегодня не будет.

В конце этой искусно проведенной встречи именно Мартин встал и пожал ей руку. Еще не было никаких подписей, документы и подписи будут сделаны позже. Но они ударили по рукам, они заключили соглашение. Робин собрал свои бумаги и прошел в свой кабинет. Харриет в этот момент показалось непостижимым, что он целовал ее, не говоря уж о том, что она была обезоружена его нежностью.

Мартин взглянул на сына, когда тот выходил из комнаты. Затем он проводил Харриет до лестничной площадки и остановился под мрачными, торжественными картинами.

— Нам хорошо будет работать вместе. Я возлагаю большие надежды на «Пикокс», — сказал Мартин Лендуит.

Эти слова были формальностью, но Харриет снова увидела его искоса скользнувший всезнающий взгляд. Он вновь оценивал ее привлекательность. Ее осмотрели и оценили.

Потом он сказал:

— Конечно, вы будете работать непосредственно с Робинсом. Это его проект, и он очень красноречиво отстаивал его. Но вы должны также знать, что ко мне всегда можно обратиться, если в этом возникнет необходимость.

И Харриет поняла, что ее передали из рук в руки. Не ее тело, так как Робин уже успел

заботиться, чтобы заполучить это себе, а ее знания, умение, ум. Ее будущее лицо. Харриет не сомневалась, что отец подарил ее сыну так же, как он дарил ему подарки и укорял за плохие поступки в течение всей жизни Робина.

Быстро и зло Харриет позволила себе представить это. Там, наверное, были игрушки и велосипеды, лошади и, наконец, автомобили, там, наверное, были угощения, путешествия и катание на лыжах, обучение теннису, крикету и дорожное образование. В ответ, потому что всегда все это было для Мартина аксиомой, Робин должен был упорно трудиться, хорошо себя вести и сиять, когда отец урезал его расходы. Приносить домой школьные награды, так как их от него ожидали, хотя награды были разными и, возможно, представляли собой то, что и она сама могла бы получить.

«Бедный Робин», — подумала она, и уголки ее рта дрогнули в легкой усмешке. Она высоко держала голову, глядя прямо на Мартина. Она была в достаточной степени реалисткой, чтобы не отрицать мысль о себе, как о предмете потребления, подаренном и принятом. Она не возражала также против умелого сексуального анализа, которому Мартин, видимо, подверг ее во время первого визита.

«Если это нужно сделать для «Головоломки», — подумала она, — то тогда я согласна». Но сейчас она увидела, что в этом не было необходимости. Эта возможность была отвергнута прямо или косвенно в пользу сына. И теперь, когда они пожимали друг другу руки, в темно-карих глазах Мартина не было призывного огня. Харриет ощутила легкую тень сожаления. Мартин Лендуит был чрезвычайно привлекателен. Кого бы она хотела узнать, так это миссис Лендуит, жену и мать.

— Спасибо, — сдержанно ответила Харриет, отгоняя прочь свои мысли. — Я уверена, что мы будем успешно сотрудничать.

Выйдя на улицу, Харриет снова, как бы в первый раз, так же остро ощутила переход от дорогого уединения к напряженной реальности, и ее поразила мысль о том, что следовало бы отпраздновать это событие.

Было пять часов, конец дня. Бледный, зеленоватый цвет неба показывал, что уют ранней зимней темноты скоро уступит место вторгающейся бледности весенних вечеров. Она представила себе Джейн в густом, дымном собрании коллег и Дженни в ее офисе, в тени груды рукописей и версток. Чарли сидит на телефоне с засученными рукавами. Карен проверяет кассу в магазине, готовится выключить свет и запереть двери на ночь. Харриет чувствовала, что сегодня ей не подходит ни одна из этих ярких картин. Только не сегодня вечером.

Она направилась взять свою машину, а потом повела ее через Лондон на Сазерленд-авеню. Как это обычно бывало, движение по запутанному лабиринту городских улиц успокоило ее. Она оставила пежо с работающим двигателем возле винного магазина на ближайшем к Сазерленд-авеню углу. Вбежала в магазин и взяла из холодильника две бутылки французского шампанского. Когда она подъехала к дому, она взяла их подмышку и пошла через голубые ворота к крыльцу. Свет зажегся над ее головой, как только она нажала на звонок.

— Харриет! Кен, дорогой, это Харриет. Харриет, у тебя все в порядке?

Харриет, неуклюжая из-за шампанского, смеясь и толкаясь, обняла мать.

— Все прекрасно. Все изумительно. Я приехала с новостями, которые я хочу отметить, и я хочу сделать предложение.

Харриет втощила их в кухню, где Кен, сидя в рабочем халате, читал газету.

— Я не могу пить шампанское в таком виде, — запротестовал он.

— Пей, невзирая ни на что, — приказала, разливая, Харриет.

Она ощущала эйфорию, временно сменившую тяжесть тревоги.

— У меня есть тост. Мама, Кен, выпьем за «Пикокс».

Она резко подняла руку вверх, и серебристая пена побежала из бокала по ее пальцам.

— За «Пикокс», — повторили они.

— Так ты сделала это? — спросил Кен. — Получила деньги?

— Да.

Харриет готова была обнять и кухню — сосну, блестящие поверхности, кружки с цветами, и айлант за окном, и весь мир.

Кен выпил, незаинтересованно чмокнув губами, а Кэт только подержала бокал в руке. Ее взгляд был направлен на Харриет.

— Это большая ответственность для тебя. Особенно с такой игрой, как эта.

— Не только одна игра. Будут и другие, как только мы успешно запустим эту. Все будет расширяться, создавая целую империю. «Мы ограничены только небесами», — сказали они.

— Расскажи нам всю историю, — попросил Кен с проницательным выражением лица, означающим, что он сам стоит во главе дела и разбирается в таких вещах.

Харриет рассказала о предложениях Лендуитов.

— Они дают сто двадцать тысяч фунтов и получают первоначальные тридцать пять процентов в компании. Я имею равную долю на вложенные двадцать тысяч фунтов.

Это было одно из окончательных условий Мартина Лендуита. Это было знаком доверия, скорее всего символическим, который предложил Мартин.

На показ «Головоломки» на Ярмарке игрушек Харриет истратила почти все свои деньги до последнего пенни и смело смотрела в глаза Мартину Лендуиту. «Прекрасно, — сказала она ему. — Я справлюсь».

— Я собираюсь продать «Степпинг», — сообщила она сейчас Кэт и Кену. — Это наилучший способ получить свои деньги. И я смогу возратить тебе твою ссуду, Кен.

Они оба пришли в ужас. Кэт с трудом выдохнула:

— Ты не можешь. Не раньше, чем пойдут твои дела. У тебя же ничего не будет.

Харриет подготовилась и к такой реакции. Она ободряюще улыбнулась:

— Я могу. Я должна вернуть деньги Кену до того, как я вступлю в новые обязанности. Я вложу оставшиеся деньги в «Пикокс» и оставлю немного на жизнь до тех пор, пока новый бизнес не начнет давать прибыль. «Степпинг» сейчас чего-то стоит, но я не смогу с ним и дальше как следует работать, если начну новый бизнес. Все будет очень хорошо, я обещаю это.

Она повторялась, пытаясь убедить Кэт, которая только отрицательно покачала головой. Харриет понимала, что затейливые названия и длительные разговоры об участии в акционерном капитале — это одно, в реальные покупатели — это другое, и, по мнению Кэт, значительно лучше.

— У тебя нет приличного дома, а теперь не будет и приличной работы.

«И мужа, чтобы ухаживать за тобой», — вложила в ее уста Харриет. Сама Кэт была защищена Кеном и его идеальным домом. Она настрадалась без этого достаточно долго, и было совершенно естественно, что она хотела такой же безопасности и для своей дочери.

Харриет нежно погладила плечо матери, глядя на серебряные волосы на ее голове. Она помнила лицо молодой девушки, которое видела проступающим через черты уже немолодой

Кэт.

Она не испытывала страхов Кэт. Она знала, что судьба забросила ее вверх к головокружительно крутым вершинам, расходящимся во все стороны от нее, но она чувствовала под ногами твердую почву и была уверена, что сможет шагать без опаски по этому пути. Уверенность опьяняла ее. Чтобы ни говорила Кэт, у нее впереди будет настоящая работа. Ей не нужны ни дом, ни муж.

— Послушайте, — сказала она, — я еще не закончила рассказывать. Я хочу расплатиться с Кеном по приятной причине. Восемьдесят процентов новой компании будут принадлежать мне, персоналу и инвестирующей фирме. Таким образом, остается двадцать процентов для других инвесторов. Если вы, Кен и мама, захотите инвестировать меня снова, то мне это будет очень приятно. И если ты согласна, мама, то я хотела бы, чтобы ты вошла в совет. Ты была бы одним из пяти директоров.

Кэт покраснела.

— Я — директор компании?

А Кен только наклонился вперед, положив ладони на стол, заставленный бокалами с шампанским, про которое уже забыли.

— Я не знаю, дорогая, — неуверенно сказал он. — Кирпичи и цемент нужны всегда. Какая-то игра и куча процентов из воздуха — это нечто другое.

Кэт быстро взглянула на него.

— Кен, — взмолилась она.

— Все в порядке, — вставила Харриет.

— Теперь подождите обе. Харриет хорошо работала в своем маленьком магазине, я доволен доходом от этого капиталовложения. Она не подвела меня, но я знаю бизнес, и меня не привлекает новая идея. О каком количестве денег ты говоришь, Харриет?

— Десять тысяч фунтов.

Мартин Лендуит предполагал, что это будет приемлемое капиталовложение от семейных акционеров.

У Кена опустились уголки рта, и он отрицательно покачал головой.

— Слишком много для вложения в сумасшедшую идею.

— «Лендуит Эссоузиэйтс» готовится вложить в двадцать раз больше, — сухо заметила Харриет.

Прямой отказ Кена вызвал у нее раздражение, хотя она уже заранее была готова легко принять любое его решение.

— Ну и пожалуйста. Но я ведь не овца, чтобы следовать за ними.

— Кен, позволь мне сказать.

Румянец на щеках Кэт сконцентрировался в два пятна, проступивших на скулах.

— Я сама помогу ей. Если Харриет верит в свое новое дело и хочет, чтобы я участвовала в нем, тогда и я хочу этого. — Она повернулась к Харриет. — У меня есть деньги, чтобы вложить в дело. Это то, что оставила мне твоя тетя Дороти. Я их никогда не использовала и кое-что прибавила к ним за эти годы. Я дам тебе твои десять тысяч.

Она посмотрела в сторону, на Кена. Это было так редко, чтобы Кэт противоречила ему, но она всегда бывала такой решительной, когда дело касалось Харриет. Харриет вспомнила о предложении Джейн. Она подумала, несколько сомневаясь, что она хочет рискнуть деньгами своей матери там, где откажутся ее друзья. Однако у Кэт был муж, заботящийся о ней, а Джейн была одна.

К явному облегчению Кэт, Кен только хлопнул руками по столу.

— Это твои деньги. Я не собираюсь спорить с тобой. Кэт, если ты хочешь спустить их в канализацию, то это твое собственное дело.

А потом он подмигнул Харриет. «Он принял решение, — подумала Харриет, — и теперь он готов быть великодушным». Она знала также, что десять тысяч фунтов не такая уж большая сумма для ее процветающего отчима.

— Вы не спустите их в канализацию, — сказала она звонко. — Я обещаю это. Это хорошее капиталовложение. Спасибо, мама. Спасибо за доверие.

Тихо, как будто несколько пораженная тем, что она обещала, Кэт сказала:

— Кроме того, я хотела бы сделать это и ради Саймона тоже. А как насчет Саймона, Харриет?

— Сейчас он не получит ничего. Пока еще нечего получать. Когда придет время, он получит справедливую долю.

— Я знаю, ты сделаешь все правильно, — произнесла Кэт.

— Итак, я предлагаю десять процентов тебе, мама, и по пять процентов Кену и Лизе. Конечно, если ты хочешь включить их.

Кэт была довольна:

— Конечно, мне это нравится.

Харриет протянула руку:

— По рукам.

Все трое ударили по рукам.

— Выпейте ваше шампанское, — приказала Харриет. — Думаю, что это следует отметить.

Они оставили вторую бутылку шампанского до возвращения Лизы. Она пришла немного позже, раздраженная дневными делами и часом пик, надутая и хорошенькая в своей теплой ярко-красной куртке. Ее глаза устремились на бутылку и бокалы.

— Что происходит, мама? Вы выиграли в почтовый тотализатор?

— Харриет получила большой заем для нового дела.

Выражение лица Кэт представляло собой смесь различных чувств.

Она гордилась Харриет и тревожилась за нее, но она всегда признавала существование старого соперничества между ее дочерьми и никогда не перехваливала одну перед другой. Она также страстно желала, чтобы все было хорошо, как она всегда неуверенно говорила себе. Не должно быть ссор сегодня вечером, да и, вообще, никогда, если только это возможно. Когда Харриет наблюдала за этим маленьким сражением внутри матери, она возмущалась, но и любила ее за это еще больше.

— Это повод для того, чтобы выпить. — Лиза поставила бокал, чтобы его наполнили.

— Мы собираемся стать акционерами. Разве это не прекрасно?

Лиза подняла на сестру брови, и Харриет разъяснила ей договоренность.

— Мне? — радостно воскликнула Лиза. — Наконец-то и я стану отвратительным капиталистом.

— Благодаря маме. Но теперь ты больше не сможешь покупать себе одежду по себестоимости в «Степпинг».

Лиза взглянула на нее:

— Успехов, успехов всем нам. Приготовить мне парадный обед? Ты останешься?

Харриет унаследовала от Кэт не слишком большую любовь к кухне. А Кен и Лиза были

кулинарами.

— Только на этот вечер. — Никаких покушений на территорию Лизы. — Мне бы хотелось пообедать.

Лиза весело трещала и напевала над плитой, а Харриет накрывала круглый стол в столовой. Кэт нашла в шкафу новые розовые свечи и вставила их в стеклянные подсвечники, а Кэн спустился вниз в свежей рубашке и зеленом кардигане с обтянутыми кожей пуговицами.

Свет свечей дрожал и создавал уют, а они, когда сели обедать, почувствовали, что они — семья, сидящая вокруг стола.

После того, как поели, Кэт протянула руку, чтобы сказать что-то важное. Остальные трое после веселых протестов послушно успокоились.

— Я просто хочу сказать, Харриет, что бы ни случилось, не перебивайте меня, что бы ни случилось, а я не столь прозорлива, как ты, и поэтому не могу предсказать, что произойдет, что бы ни было, я хочу, чтобы ты знала, что мы все на твоей стороне. Мы все с тобой. Кен, Лиза, это так? Если что-то произойдет, мы сможем помочь тебе, дорогая, тебе надо только попросить.

И Кен поднял бокал, наполненный теперь праздничным шампанским из его собственного подвала, и прокричал:

— Все так, дорогая. Я полностью за то, что сказала Кэт.

— И я, — глаза Лизы сверкали, и ее красная губная помада очень подходила к качающимся красным пластиковым шарикам в ее серьгах.

Они пили вместе, Тротты и Пикок.

— Спасибо вам, — просто сказала Харриет.

Она подумала о том, что она счастлива. У нее есть друзья и семья, и ей больше ничего не нужно.

Пришла весна. Сырая и холодная, но она должна была бы быть субтропической, чтобы Харриет заметила ее.

Она продала свою долю в «Степпинг», вернула долг Кену и положила двадцать тысяч фунтов на счет «Пикокс». На тот же счет были переведены деньги «Лендуит Эссоушиэйтс» и Кэт. Харриет и Робин официально стали деловыми партнерами.

Она назначила в совет фирмы высококвалифицированного бухгалтера по персональной рекомендации Мартина, а также приняла технического эксперта, работающего в производстве игрушек, на неполный рабочий день. Эксперт, которого звали Грэм Чандлер, вступил в бой с мистером Джепсоном и легко выиграл. Технологический процесс был согласован, и «Головоломка» пошла в производство. Капитал Лендуитов пошел на счет «Пикокс», как кровь из крупной артерии.

«Головоломка» продавалась, но это еще не было настоящей продажей.

Розничные торговцы заказывали ее десятками и двадцатками вместо того, чтобы заказывать сотнями. Харриет превратилась в машину, просто автомат, она звонила людям, которых никогда не видела, номера, имена и бестелесные голоса следовали один за другим. Она говорила с ними нежным голосом, вкладывая в голос улыбку.

Она общалась со всеми, кто мог бы упомянуть «Головоломку»: с журналистами со своими изданиями, диск-жокеями с их программами, редакторами, их помощниками, помощниками помощников, и так, вплоть до школьников выпускных классов,

подрабатывающих завариванием чая. Она беседовала с любимым, если существовал хоть малейший шанс, что этот человек может помочь ей получить известность.

Она могла покупать рекламную площадь и тратила на это так много денег, как только могла, но было значительно труднее получить беглое упоминание между делом, среди новостей, совершенно независимо, если не считать ее усилий по обеспечению этого. Просматривая заявки, Харриет начала понимать то, о чем раньше только догадывалась.

Только выработав правильную политику рекламы, она сможет создать настоящую известность «Головоломке». Это было трудно еще и потому, что она могла определить эту известность не иначе, как колебания эфира, которые должны окутывать людей в магазинах, заставляя покупать игру.

Шел апрель, а «Головоломка» должна быть запущена в августе. Сейчас требовалась предварительная реклама, шорох в воздухе, который мог бы стимулировать закупщиков, просто привлечь их внимание. Без этого «Головоломка» утонет в массе других рождественских игр. Харриет нахмурилась и потянула к себе телефон. Ее ухо заболело от прижатой телефонной трубки. Она набрала один номер из своего списка и назвала имя.

— Синди слушает.

Харриет разговаривала с Синди и раньше. Она работала исследователем в коммерческой радиоконпании на севере Англии.

— Привет, Синди, как дела? — улыбка в голосе должна быть обязательно. — Это Харриет Пикок. Вы помните? Я разговаривала с вами по поводу «Головоломки».

— Да, конечно, привет, — звук призрачной дружбы. — Я говорила Джону, и он заинтересовался.

Джон был составителем и ведущим периодических музыкальных и разговорных программ. Харриет пыталась уговорить Синди, чтобы та убедила Джона сыграть в «Головоломку» в своей программе, пригласив, возможно, некоторых местных знаменитостей, медсестер из больницы или победителей телевикторины. Кого угодно, для того чтобы делать что угодно, но только с «Головоломкой».

— Очень хорошо. Когда он сможет заняться этим?

— Это надо делать вовремя. Джон считает, что пока еще рановато.

Харриет тоже начинала понимать, что нет разницы между слишком рано, слишком поздно, а также не вовремя. Слушая, она машинально рисовала рожицу в своем блокноте, а потом резко начертила стрелу, пронзающую голову.

— Он считает, что было бы лучше сделать это в районе дня выпуска. Вы знаете, когда игра действительно будет в магазинах? Какого числа?

— В августе. Я пришлю вам еще одну подборку для печати. Там много интересного, Синди. Пресса — это то же, что и радио. Дайте это на радио, и вы будете первыми, от кого это услышат. Я знаю, что Джон любит быть первым.

Это был деликатный намек на то, что, если он почему-либо потерпит неудачу, то это произойдет по вине Синди.

— Да, конечно, я понимаю. Послушайте, пришлите сюда игру, хорошо? Мы разберемся в ней и составим программу в ближайшее время.

— Это будет чудесно. Я приеду к вам. — Она признавала пока свое поражение.

— Да, кстати, Харриет, тут есть один момент, о котором я хочу спросить, и я уверена, что Джон спросит о том же.

— Что такое, Синди?

— Ну, это просто. Существует ли история игры? Это великая игра, верно, но мне бы хотелось знать что-нибудь еще о ней. Где она вам пришла в голову? Как вы ее изобрели? Пришла ли вам эта идея в ванной, где вы воскликнули: «Эврика!»?

«Черт побери!» — подумала Харриет. Однако Синди была права. Харриет чувствовала, что она упустила что-то на Ярмарке игрушек. Чистый фон и коробки всех цветов радуги были яркими, но они также были невыразительными. Смутная мысль, засевшая в ее голове, снова будоражила ее, и она с силой выталкивала ее из себя. Синди продолжала трещать без умолку. Она, должно быть, одинока в своем маленьком, без окон кабинете в современном здании в виде коробки в обдуваемой ветрами промышленной зоне.

— Не могли бы вы продать себя подороже? Может быть, вы парашютист, бывшая монахиня или кто-нибудь еще? Это было бы здорово для нас.

Харриет засмеялась:

— Я должна сделать пресс-релиз. Я назову это: «Все о себе».

Она уже начала говорить, как эти люди, с грустью подумала она, но это не помогает ей в продаже. Это начинает больше походить не на продажу, а на нищенство.

— Спасибо за идею, Синди. Было очень приятно поговорить. До свидания.

Харриет сделала еще два звонка и получила еще два предварительных обещания, что все будет в порядке, не волнуйтесь, время придет. Наконец, она в отчаянии отшвырнула стул и поднялась, чтобы размять онемевшие ноги. В офисе в две с половиной комнаты, который она получила для «Пикокс» в грязных «Бейстуотерских конюшнях», стояла тишина. В этот день не было на работе Грэма Чандлера, а секретарь-машинистка, видимо, мечтала за своим коммутатором в небольшой комнатке.

Харриет почувствовала себя одинокой и подавленной. Ее голова была полна телефонных голосов, но не с кем было поговорить...

«Стоп», — скомандовала себе Харриет. Нет никаких причин быть подавленной. Сейчас ее окружают только некоторые препятствия, неудач нет. Одиночество атакует ее всегда, когда она не работает. Вряд ли это будет вечно.

Она подошла к пыльному окну и посмотрела вниз на конюшни. Она увидела несколько припаркованных автомобилей, проходящих мимо людей и смешную цепочку голубей на уступе окна. Харриет вернулась к бумагам на столе, но затем раздраженно их отбросила и вышла из кабинета. Как она и предполагала, машинистка сидела, тупо глядя перед собой, ее руки не касались клавиш. Она начала работать через несколько секунд. Харриет не слишком приветливо спросила, есть ли у нее работа, и прошла в тесный туалет, не дождавшись ответа.

Кухня офиса занимала угол туалета и состояла из электрочайника и крана с холодной водой. Харриет залила водой пакет с чаем в кружке, так как ей не хотелось ждать, пока вскипит чайник. Она перенесла получившийся тепловатый напиток в кабинет и выпила, морщась от вкуса танина.

Когда она снова подошла к окну, то увидела Робина Лендуита, выходящего из автомобиля. Они договорились, что встретятся в четыре сорок пять, и, посмотрев на часы, она увидела, что он точен до секунды. И еще она увидела, что он приехал на белом порше.

«Ну, — сказала она себе, — так и должно было быть, не правда ли?» Робин на мгновение остановился возле вывески с одной стороны входной двери. На ней строгими буквами было написано «Пикокс». Рядом с названием был выгравирован павлиний хвост из перьев в форме веера, который Харриет выбрала в качестве эмблемы своей компании. Робин кивнул, как быв знак одобрения. У Харриет были свой стиль и хороший вкус, а другие ее

таланты еще нуждались в доказательствах.

Он быстро взлетел по пологим коричневым ступенькам и обнаружил машинистку, стучащую с такой силой, как будто она хотела побить рекорд скорости. Девушка улыбнулась ему из-под ресниц, прекратила печатать и позвонила Харриет.

— Здесь мистер Лендуит.

Объявление было формальностью, которая развлекала их обоих, так как кабинет Харриет был отделен только тонкой и кривой дверью, оставляющей сверху и снизу зазоры шириной в дюйм. Входя к ней, Робин улыбнулся.

Она подняла глаза, и ее лицо стало каким-то более жестким. Она не улыбнулась ему в ответ.

— Садитесь. Боюсь, что здесь не очень удобно.

Робин взял второй стул, слишком большой для маленького помещения. Он осмотрел все вокруг — висящие на стекле графики, груды бумаг на столе Харриет, готовые распечатки данных по продажам. Коробки и доски «Головоломки» были единственными яркими пятнами в этой комнате.

Робин также заметил мешки и темные круги под опухшими глазами Харриет. С тех пор, как Лендуиты включили ее в свой бизнес, они встречались вдвоем лишь однажды, очень коротко и формально. И говорили, наверное, раз десять по телефону.

— Вы выглядите уже вполне устроенными, — заметил он.

Харриет даже не пыталась как-то отреагировать на его вежливые слова. Офис был ужасающим, и она понимала это, потому что сознательно выбрала самый дешевый. Но на первое время и этот сгодится.

— Спасибо, что пришли, — ответила она.

— Не благодарите меня, Харриет. Я тоже работаю на компанию. Посмотрим на цифры?

Харриет протянула ему распечатки и короткий отчет. Она безучастно глядела в окно, пока Робин просматривал бумаги. Закончив чтение, он задал необходимые вопросы, на которые она дала краткие ответы.

Наступила минутная пауза, а потом Робин сказал:

— Неважно.

— Да, неважно, — как эхо повторила она.

Робин не тратил времени на сожаления.

— Что вы намерены делать?

— У меня есть две возможности: я могу либо продолжать давать объявления по радио, что я сейчас и делаю, и надеяться, что дела пойдут в гору сразу перед и после того, как игра действительно появится на рынке, либо я могу все остановить и произвести радикальные изменения.

Он пристально взглянул на нее:

— Ну и которую?..

Харриет почувствовала легкую тошноту. Тайная идея росла внутри нее, подкормленная Синди. Она не хотела признавать этого, но в то же время это было очень привлекательно.

— Мне требуется еще немного времени, чтобы обдумать решение.

Оттягивание может привести к другой, более простой идее. Или «Головоломка» вдруг станет продаваться такой, какой она существует сейчас.

— Хорошо.

К удивлению Харриет, Робин больше не нажимал на нее. С заметным облегчением он

собрал распечатки вместе, снова положил их на стол и спрятал во внутренний карман ручку с золотым пером. С делом было покончено. Он откинулся назад, положил лодыжку одной ноги на колено другой, показав дорогой шелковый носок, и сжал ладони за головой. Он являл собой картину хорошего расслабленного настроения. Харриет ощущала усталое подергивание в углу глаза.

— И что теперь? — спросил Робин.

Она смогла ясно увидеть черты его отца, только чуть более смягченные в сыне.

— Сейчас? Вы имеете в виду данный момент? — Харриет указала на заваленный стол и пожала плечами.

— Вы выглядите несчастной.

— Большое спасибо.

— Дайте мне еще попробовать. Я...

— Робин, вы больше не хотите обсуждать дела «Пикокс»?

— Нет, не сейчас. Все это в ваших руках, а я уверен, что вы сделаете все, что нужно.

— Спасибо за вашу уверенность.

«Если бы только все это оправдалось», — подумала Харриет.

— А если мне потребуется дополнительное финансирование?

А оно ей, конечно, потребуется, если она будет делать то, чего сейчас боится.

— Просите.

Он раскинул руки так, как будто это была самая простая вещь в мире. Харриет медленно кивнула. Недостаток денег не может быть оправданием. Она чувствовала, что невидимая сеть как бы опутывает ее, накрепко прикручивая к жесткому стулу.

Робин сложил пальцы вместе. Он слегка постукивал сложенными указательными пальцами по кончику носа, рассматривая ее поверх кончиков пальцев. «Для почти мальчишки он дьявольски напыщен», — раздраженно подумала Харриет.

— Кончайте работу на сегодня! — приказал Робин. — Позвольте мне отвезти вас пообедать.

— Спасибо, нет.

Через дверь было слышно, как секретарша надевает пальто и собирает свои пластиковые пакеты для магазина. Она знала, что сейчас, должно быть, половина шестого. «Я должна как можно быстрее взять другую секретаршу», — решила она.

— Пожалуйста, мне бы так хотелось этого.

Харриет на долю секунды забыла, о чем он ее просит. Она очень устала. На мгновение у нее, видимо, стало отсутствующее выражение лица, потому что Робин перестал постукивать свой нос и пристально взглянул на нее.

— Робин, извините меня. Не подумайте, что я сознательно стараюсь быть невежливой.

— Я знаю, что это не так. Я бы очень хотел, чтобы вы мне позволили отвезти вас пообедать.

В повторном приглашении не было насмешливых ноток, и оно прозвучало мягче, чем раньше. Харриет сразу увидела, что он стремится к ее обществу и что она интересуется его.

Она ощутила приступ мучительной жалости к самой себе. Ей легче было бы иметь дело с обвинением, нападением или чем-нибудь еще, имеющим отношение к бизнесу. Но явное сочувствие — это уж слишком. Ее глаза наполнились слезами.

— Харриет.

Робин встал и достал из кармана сложенный носовой платок. Он положил его на угол

стола и, повернувшись к ней спиной, стал смотреть в окно. Харриет ожесточенно высморкалась. Парень был самоуверен, однако тактичен.

Все еще отвернувшись, Робин сказал:

— Если я вскоре не выведу своей машины, то хозяин этой стоянки уйдет домой и оставит передо мной закрытые ворота.

Харриет увидела себя опускающейся на черные кожаные сиденья белого порша. Она представила себе, как удобно разрешить на целый вечер кому-нибудь другому принимать решения. Ей показалась привлекательной картина, в перспективе которой была возможность пообедать и при этом избежать визита в поздно работающий супермаркет в Белсайз-парке и не задумываться о том, что еще осталось в морозильнике. Она фыркнула и снова сложила испачканный носовой платок.

— Спасибо, я поеду.

— Хорошо.

Как только Робин получил желаемое, он снова стал оживленным.

— Тогда пошли.

И он увлек Харриет из невзрачного офиса вниз в бывшие конюшни.

Машина приняла ее в свои кожаные объятия именно так, как она себе и представляла. Было приятно прокатиться по Парк-лейн мимо клумб холодных нарциссов в Гайд-парке. Они пролетали между автобусами и такси. Робин был несколько рискованным водителем, как и сама Харриет. Настроение Харриет стало улучшаться. Лондон выглядел пестрым и оживленным, заполненным спешащими куда-то людьми. Ей хотелось забыть о том моменте слабости.

— В последнее время было много тяжелой работы.

Почти объяснение. Она не хотела, чтобы он понял, что она чувствительна к его доброте.

— Не следует перерабатывать, — ответил Робин.

«Счастливчик, что тебе не приходится делать этого», — подумала Харриет.

— Не хотите ли сначала заехать домой выпить, а позже мы сможем поехать поесть.

— Это звучит приятно.

«Решения, по крайней мере административные, сегодня вечером будет принимать он», — подумала Харриет, откинувшись на спинку сидения и восхищаясь работой порша.

Если бы она представила себе, где он живет, то нарисовала бы картину душной квартиры, набитой коврами, вероятно, в большом особняке на одной из угрюмых улиц за Слоун-сквер. Однако Робин направлялся через реку, туда, куда вела вереница огней от темных деревьев Баттерси-парка.

Он остановил машину на уютной улице с рядами цветущих вишневых деревьев.

— Так это ваш дом?

— А какой вы ожидали?

Харриет засмеялась:

— Я не знаю. Какой-нибудь другой, не такой.

Две нижние комнаты были соединены вместе, как у Джейн. Но на этом сходство заканчивалось. Остальное здесь было значительно лучше и гораздо разумнее. Здесь были большие светло-серые диваны, мраморные каминные полки, красивая блестящая каминная решетка, блестящий паркет и один крупный предмет мебели рядом с французским окном в конце комнаты. Это был бидермейеровский письменный стол с двумя дюжинами крошечных выдвижных ящиков с ручками из слоновой кости.

Харриет непроизвольно направилась к нему и погладила ладонью теплую и гладкую березовую поверхность. Она заметила, что здесь не было даже тончайшего слоя пыли. Все в комнате было очень аккуратным и чистым. Без сомнения, все это поддерживалось в порядке какой-нибудь преданной служанкой. Она представила ее преданность к работе: «Мой молодой мистер Лендуит — очаровательный мальчик», — и чуть не рассмеялась.

— Превосходный, — сказала она о столе, чтобы скрыть свое веселье.

Робину это было приятно.

— Я увидел его в каталоге, поехал и сделал надбавку от себя, для того чтобы не упустить шанс и не потерять его. Остальное сделали специалисты по интерьеру.

Он махнул рукой, и Харриет увидела, что этот дом для Робина был просто тем местом, где он жил, обязательно таким же внешне превосходным, как и покрой его костюма, и требующим примерно таких же эмоциональных затрат. Робин просто выбрал хорошего специалиста по интерьеру. Он, вероятно, полагал, что чем больше энергии он затратит на устройство дома, тем меньше ее останется на то, чтобы делать деньги.

Она почувствовала, что обладает большим, чем он, опытом. Она уже построила свой собственный дом, а потом разобрала его в ящики, в которых слоями лежали ножи, керамическая посуда, кофейники и свадебный фарфор. «Что лучше, — подумала она, — сделать много или не делать ничего?»

А сейчас в Белсайз-парке не хватало времени для устройства домашних дел. В коробках, оставшихся нераспакованными, находятся парадные украшения ее замужества. Но она не старается сделать деньги ради денег, определила для себя Харриет. Она добивается успеха для «Головоломки» и, следовательно, успеха для себя и Саймона.

Дневные заботы опять нахлынули на нее, но она отмахнулась от них. Она опустилась на один из серых диванов. Она увидела, что здесь были даже свежие цветы, которые стояли в вазе возле негорящего очага. Конечно, от огня грязь, и за ним надо следить.

— Я провожу здесь не слишком много времени, — сказал Робин, очевидно следуя за ее мыслями.

— Я тоже сейчас уделяю мало внимания своему дому, — улыбнулась ему Харриет.

— А возможно ли работать без перегрузки?

— Не на том месте, где я нахожусь сейчас. Возможно, в будущем году будет по-другому. Он вложил стакан с выпивкой ей в руку, и они без слов умиротворенно подняли стаканы друг за друга.

Они выпили один раз, а потом еще. А когда закончили, Робин сказал, что он хочет принять душ перед тем, как ехать обедать, и вежливо спросил, не хочет ли Харриет тоже.

Она задумалась. Она чувствовала себя усталой и нечистой, и идея принять горячий душ была привлекательна. Однако она снова может стать уязвимой, снимая с себя одежду в доме Робина Лендуита, который хоть и не враг, но еще и не друг.

Харриет решила, что она ведет себя глупо. Если ей нужен душ, то надо его принять.

— Спасибо, — быстро ответила она.

Он проводил ее на второй этаж. Картины, висящие наверху, напомнили Харриет офис «Лендуит Эссоушиэйтс». Или, возможно, они были куплены для того, чтобы висеть в нескольких местах? Спальня Робина с большой ванной комнатой, двойная дверь в которую располагалась с другой стороны, была обставлена по-мужски. Здесь было много массивного красного дерева и солидные портьеры, а также фотографии в рамках, которые, в основном, представляли спортивные команды с перекрещенными крикетными битами и мячами для

регби в середине.

Все было безупречного вкуса, однако Харриет испытывала раздражение от выставленного напоказ незаработанного процветания. Робин Лендуит должен был бы занимать тонушую в беспорядке квартиру с политическими плакатами или звездами рока на стенах и запахом давно не опустошаемого мусорного ведра, распространяющемся в тяжелом кухонном воздухе. Лео жил как раз в такой квартире, когда она впервые встретила его. Она начала с принятия гигиенических мер в кухне, когда они вместе переехали в свою собственную квартиру.

«И почему, — удивилась Харриет, — сегодня вечером я так часто вспоминаю Лео?»

Робин прошел за ней в ванную и дал толстые, чистые, белые полотенца. Затем он вышел, закрыв за собой двойные двери.

Харриет, рассматривая, обошла все вокруг. И здесь было много красного дерева, серо-белого мрамора и тяжелой, старомодной белой керамической арматуры. Здесь были щетки для волос с инициалами и неизвестная парфюмерия в различных флаконах. Она подошла к окну и посмотрела вниз, ее раздражение улетучивалось и приходил умиротворяющий покой. За домом было еще достаточно светло, чтобы увидеть маленький квадрат сада, вымощенного кирпичом и выглядящего летним благодаря высоким решеткам с вьющимися растениями. Она представила его при дневном свете с молодыми зелеными листьями на тонких стебельках, появляющимися на вьющихся растениях.

— Прекрасно, — снова сказала она.

Опустив белую штору, Харриет продолжила свои исследования. Ей потребовалось несколько минут, для того чтобы найти душ, но потом она обнаружила его за дверью с непрозрачными стеклянными витражами. Она разделась и в беспорядке бросила одежду на стул. Она критически осмотрела себя в удобном зеркале. Возможно, она была слишком худой. Конечно, ее ребра явно просматривались под бледной кожей и тазовые кости остро выступали с обеих сторон вогнутой части тела. Однако ее талия была достаточно стройной, у нее были хорошие ноги и грудь была аккуратной и твердой, хотя, считалось, что она маловата.

Лео часто говорил, что без одежды она выглядит значительно лучше в отличие от большинства женщин. Ну, а она полагала, что уж Лео-то понимает. Харриет включила душ на полный напор и шагнула в сверкающий поток воды. Одним из недостатков квартиры в Белсайз-парке была совершенно непредсказуемая система нагрева. Она еще не уяснила закономерностей, с помощью которых можно было бы определить, когда в полуразмерном баке достаточно горячей воды для того, чтобы она могла позволить себе получить удовольствие в полуразмерной ванной. Вода была горячей, и при таком ее явном избытке следовало насладиться ею сполна.

Пар, напор воды и непрозрачные стекла были эффективной изоляцией от внешнего мира. Намыливаясь мылом Робина, она тихонько напевала и развлекала себя, размышляя о том, что она должна будет сделать, если, выйдя голой из душа, обнаружит Робина, сидящего на стуле в ванной и ожидающего ее.

Она решила, что будет изящной и величественной. Не спеша она возьмет одно из больших белых полотенец и обмотается им. Одним углом она смахнет серебристые капли воды с шеи и рук, а он будет виновато наблюдать за ней. Она ничего не скажет, но Робин сразу поймет, что совершил серьезную ошибку. Он встанет пораженный и выскользнет, бормоча извинения. Позже, когда она спустится вниз, никто из них не упомянет об этом

инциденте.

«Замечательно», — решила Харриет, смывая мыло.

Она повернула регулятор на холод и несколько секунд простояла, дрожа под ледяными струями. Потом она снова открыла дверь, чувствуя, что ее кожа раскалена.

Ванная была пуста, за исключением ее одежды, лежащей именно там, куда она ее и бросила, и выглядевшей, к сожалению, измятой. Харриет снова бросила взгляд на себя в зеркало, только теперь она была разгоряченной, с лицом свекольного цвета, с волосами, прилипшими к голове, и выглядела так, как будто только что закончила соревнование по плаванию. На ее лице появилось задумчивое выражение. Так много тщеславия и фантазии. Никто не собирался прятаться в ванной, для того чтобы бросить мимолетный взгляд на капитана спортивной команды с лицом кирпичного цвета. Харриет схватила полотенце и яростно растерлась.

Вряд ли ей было бы приятно узнать, что та фантастическая роль, которую она выбрала для себя, была очень близка к настоящей реакции модели, подружки Лео, когда она сама ворвалась к ним в студию. Лео и Харриет разделили между собой роль Робина.

— Проклятье, — громко воскликнула Харриет, — и опять этот чертов Лео.

Она нашла вешалку, повесила на нее свою одежду и перенесла ее в душевую кабину, чтобы пар мог расправить складки. Она умывала лицо холодной водой до тех пор, пока к нему не вернулся почти нормальный цвет, а затем вытерла полотенцем волосы, потому что решила, что у Робина слишком короткие волосы, чтобы приобретать такую дорогостоящую вещь, как сушилка для волос. И, наконец, она наложила косметику и оделась. Окончательный результат был довольно приемлем. «Тщеславие, тщеславие», — напомнила она себе.

Харриет распахнула двойные двери. В спальне тоже было пусто. Она прошла через нее, специально остановившись, чтобы рассмотреть фотографии. В различных командах она увидела более молодого и более энергичного на вид Робина. Конечно, он должен был быть спортсменом. Мартин, естественно, рассчитывал, что он будет не менее, чем в числе первых одиннадцати. Она вновь прониклась симпатией к сыну, даже несмотря на то, что он нанес удар по ее фантазиям.

На письменном столе в овальной серебряной рамке стояла фотография женщины. Харриет взяла ее и повернула к свету, чтобы лучше разглядеть. Она увидела лицо в форме сердечка с приятным задумчивым выражением, длинную, тонкую шею и пышные темные волосы. Мать Робина, жена Мартина. Вероятно, не менее пятидесяти, но еще хороша.

Харриет заметила, что она почему-то краснеет. Она поставила серебряную рамку на свое место и на цыпочках вышла из спальни.

Она нашла Робина сидящим на одном из серых диванов и читающим «Спектейтор». Он был одет в другой костюм, на нем были другой галстук и свежая рубашка. Он, должно быть, воспользовался душем в ванной комнате для гостей или внизу возле туалета, предоставив ей собственную ванную.

Его официальный, респектабельный в стиле «Спектейтора» вид так отличался от страждущего сатира, которого она себе представила наверху, что ей стало смешно, и уголки ее рта приподнялись.

Робин отложил журнал в сторону и встал.

— Очень часто вы выглядите так, — заметил он без раздражения, — как будто посмеиваетесь над какой-то своей невысказанной шуткой. Это реакция вообще на мир или

только на меня?

Ей было стыдно, и она честно ответила:

— Я не могу вас воспринимать вполне серьезно, потому что вы так молоды. И еще бизнес, автомобиль и все это — она кивнула на комнату.

— Мне двадцать шесть лет.

Он выглядел несколько моложе.

— Всего на четыре года моложе вас.

Харриет было тридцать. Она не устраивала праздника по поводу этой знаменательной даты. И не анализировала пройденного. Ее внимание было направлено в будущее.

Робин пересек комнату и остановился перед ней. Он смотрел сверху вниз, пользуясь превосходством в росте. Харриет сознавала необходимость оставаться на своих позициях и кое-что еще. Внимательное изучение и оценка были похожи на те, которые делал Мартин. Она смотрела в ответ, составляя свое собственное мнение.

— Вы должны принимать меня всерьез, — мягко сказал он.

Он склонился и поцеловал ее в щеку. Харриет стояла спокойно, ожидая того, что последует за этим и помня свои фантазии в ванной. Однако это было все. Она почувствовала себя несколько глупо, как будто она закрыла глаза и сжала губы, хотя она ничего такого не сделала. После непродолжительного молчания она сказала:

— Я буду делать это с настоящего момента, хорошо? Я обещаю.

Она с легкостью пообещала это, а затем отвернулась, взяла со стола книгу и с большим интересом стала изучать фотографию автора на обложке.

— Вы хотите еще выпить или поедем прямо обедать?

— Я думаю, обедать. Пожалуйста.

Было уже темно. Они ехали назад через реку, в которой мерцали огни. Харриет к своему удовольствию обнаружила, что она заранее радуется наступающему вечеру. Ресторан был японским. Очевидно, Робин бывал здесь регулярно, потому что официанты приветствовали его, как знакомого.

Харриет никогда раньше не ела японских блюд и восторженно вскрикнула, когда перед ней оказались прекрасные крошечные блюда и пакеты. Она весело ела, наслаждаясь приятными запахами. Робин был доволен. Ему нравилось показывать, как разворачивать, резать и пробовать. Он заказал больше блюд, чем можно было съесть, получая удовольствие от их демонстрации.

Они пили сакэ. Робин разливал, а Харриет смеялась и захлебывалась, когда пробовала.

— Хорошо?

— Интересно. Это, наверное, улучшает отношения, как и многие другие вещи.

— Я надеюсь на это.

Они беседовали о всяких пустяках, о книгах и фильмах, а затем о дружбе. Харриет не могла потом вспомнить, на какой стадии обеда она поняла, что ее, определенно, привлекает Робин Лендуит. Ее интерес, казалось, необыкновенно плавно переместился сам по себе с отца на сына. Симптомы были приятными. Они повышали значимость их легкой беседы, накладывали розовый румянец на бледный декор ресторана и заставили Харриет вспомнить на мгновение о мужчине в синей рубашке на вечеринке у Джейн.

Это была приятная перемена после работы, волнений и угнетающего пейзажа вокруг офиса «Пикокс». Харриет удовлетворенно вздохнула и выпила еще немного сакэ. Этому притяжению не следовало бы возникать, потому что оно ни к чему не приведет, так как она

этого не допустит. Было очень забавно снова сидеть в ресторане, рассматривая объект своего интереса по другую сторону белоснежной накрахмаленной скатерти и представляя себе, что случится, если он ее поцелует.

Робин был хорош собой и очень выдержан, и она была уверена, что он не представляет для нее опасности.

— Это ваша мать на фотографии в серебряной рамке в вашей спальне? — поинтересовалась она, сплетая по нитке историю его жизни.

— Да. Считается, что мы очень похожи.

— Она очень красива. Чем она занимается?

Робин удивленно посмотрел:

— Занимается?

— Да, что она делает? Она тоже предприниматель? Или врач, певица, физик?

Робин рассмеялся:

— Никто из перечисленного. Она ничем не занимается. Она ухаживает за моим отцом, а когда-то ухаживала и за мной. И продолжала бы ухаживать, если бы я это разрешил.

Харриет кивнула. Робин считал, что этого вполне достаточно для миссис Лендуит — быть женой и матерью для Лендуитов-мужчин. «Не такая женщина, как я», — подумала Харриет. Скорее, как Кэт, только Кэт сначала боролась за себя. Она заслужила свое сегодняшнее благополучие.

Харриет интересовала миссис Лендуит с пышными темными волосами и невинным приятным выражением лица. У них, наверное, большой дом где-нибудь в деревне, за которым нужно следить. Надо также ухаживать за мужем и сыном.

Харриет осмотрелась. Сакэ и удовольствие, казалось, придали свету в ресторане более теплый оттенок. Казалось, что вокруг головы Робина возник золотой нимб. Она смотрела на него с расположением, даже с некоторым трепетом от очарования привилегированности.

Она, конечно, вполне отчетливо понимала, как он пришел к тому, чтобы стать такой привлекательной личностью, какой он был. Это произошло, как она себе представила, несколько недель назад в офисе Лендуитов, как при разведении породистых животных. Теперь он бежал прекрасно и окупал капиталовложения. Ей хотелось перегнуться через стол и поцеловать его в губы. Она хотела его, она простила бы ему все в приятном воспоминании о теплой рисовой водке.

Робин крутил свой стаканчик величиной с наперсток по скатерти, как бы рисуя тяжелым доньшком связанные окружности.

— Я думаю, что нам нужно еще немного поговорить о «Головоломке», — спокойно предложил он.

Глаза Харриет расширились, и она слегка тряхнула головой, чтобы пропал золотой свет и образ большого дома в зеленых садах.

— Почему бы и нет? — И, чувствуя, что ответ был слишком легкомысленным, добавила: — Что конкретно?

— О важном вопросе, о продаже, — Харриет наблюдала за его губами, когда он говорил. — У меня в машине есть игра. Вы меня извините, если я на минуту выйду и возьму ее?

— Конечно.

Она наблюдала, как он проходил через ресторан все еще с нимбом вокруг головы. «Прекрасные плечи, — подумала она, — прекрасная длинная спина и узкие бедра. О, Боже,

Харриет».

Конечно, ничего не будет. Непрофессионально спать с деловым партнером. Наверное, непрофессионально даже представлять себе это.

Робин вернулся со знакомой коробкой подмышкой. Он сдвинул сакэ на одну сторону, положил коробку на стол, а затем обвел глазами ресторан. Еда отняла у них много времени, и в зале остались только несколько посетителей. Официанты начали собираться в углу, однако двое из них поспешили по вызову Робина, который был с ними в дружеских отношениях. Он сказал что-то, и все трое засмеялись, затем один из официантов ответил на вопрос, а остальные вмешивались, поправляя его. Харриет ничего не слышала. Она посмотрела на профиль Робина, а затем перевела взгляд на коробку с «Головоломкой», лежащую на столе между ними. Пальцы Робина оставались на коробке.

Харриет оцепенела.

Она снова посмотрела на его лицо. Он все еще непринужденно болтал с официантами, однако взгляд его был напряженным. Он наблюдал, ожидая чего-то, а его пальцы нетерпеливо постукивали по расцветченной всеми цветами радуги коробке.

«Что ты собираешься делать?» — подумала Харриет, но она знала, что этот вопрос она ставила себе.

— Кстати, что вы по этому поводу думаете? — как бы между прочим спросил Робин.

Его пальцы теперь отбивали мелкую элегантную дробь по коробке Харриет.

Официанты посмотрели и пожали плечами. Никто из них до этого не обратил внимания на коробку, а теперь они стали ее вежливо осматривать.

Харриет поняла, каковы намерения Робина.

Он открыл коробку, снял обертку и извлек блестящую черную доску. Он установил ее и потряс в кулаке цветными шариками и фишками.

Официанты наклонились поближе, их интерес разгорался. Тот, который был помоложе, перестал поглядывать через плечо за тем, не приглашает ли его кто-нибудь из посетителей. Робин бросил фишки и, нахмутив брови, размышлял над тем, как установить воротца. Харриет, как и ожидала, услышала очень знакомые звуки — пощелкивание и шуршание. На лицах официантов расплылись одинаковые сияющие улыбки.

— Ловко, — похвалил старший.

Он сказал только «ловко». Затем он протянул руку и, как обычно, когда люди собираются сыграть сами, собрал фишки.

Харриет похолодела. Официанты были дружелюбны и внимательны. Ресторан был элегантен, прохладен и тих со своими бумажными ширмами и наводящими покой картинками, на которых были изображены цветы. Она просидела здесь весь вечер, ела суши, пила сакэ и восхищалась золотым парнем, который за все это платил. Сейчас она смотрела на японские надписи в меню и вспоминала растрескавшуюся доску от упаковочного ящика, стоящую на каминной полке в ее квартире в Белсайз-парке. Официанты смеялись, а Робин наблюдал, прищутив глаза, как будто ему все стало понятно.

Саймон был в Шамшуйпо и чуть не погиб там. Он создал «Головоломку» — «Название неподходящее, абсолютно неподходящее» — для того, чтобы спасти себя.

«Я не могу сделать этого», — подумала Харриет. И как только она решила, что не может использовать то, из-за чего страдал Саймон, она увидела выражение лица Робина Лендуита и поняла, что она это сделает. Она сделает, потому что это вызовет сильные чувства, а Шамшуйпо был сорок лет назад.

— Хорошая игра. Очень хорошая игра, — хором повторили официанты. — Она ваша, мистер Лендуит?

— Кое-что мы сделали с вами сегодня вместе, — неодобрительно пробормотал он, а затем добавил. — Я надеюсь, что не оторвал вас от того, что вы должны делать?

Официанты опомнились и отошли от стола, кланяясь и улыбаясь.

Робин повернулся к Харриет и поднял брови. Харриет была готова защищаться. Необходимость защищаться злила ее, а то, что она чувствовала привязанность к Робину, только усиливало эту злость. Она сидела молча, не желая отдавать ни пяди земли.

— Итак? — нажал он на нее.

Его голос прозвучал почти как неудачная пародия на одного из официантов.

— Что итак, простите?

Демонстрируя свое терпение, Робин ответил:

— Я наблюдал за тем, что происходило. А вы разве нет? Ни один из этих парней не выказал ни малейшего интереса к коробке, которая лежала на столе. Они ожили только тогда, когда перед ними была положена сама игра. Открыть коробку им не захотелось. Они даже не вытянули шеи, чтобы прочитать, что же на ней написано.

— Да, не вытянули. — Губы Харриет едва шевелились.

Робин слегка пристукнул по скатерти.

— Итак, это означает, что ваша упаковка ни к черту не годится.

И это несмотря на то, что сказал его собственный отец.

— Месяцы работы ушли на это. Месяцы исследований. Цвета, эмблемы и все такое. Она настолько хороша, эта проклятая упаковка, насколько возможно.

Харриет повысила голос. Запоздалые посетители исподтишка поглядывали на них. Харриет защищала свою работу яростно и бессмысленно. Она понимала, что это неправильно, и поняла это еще на Ярмарке игрушек. Но ее приводило в ярость то, что Робин продемонстрировал эти недостатки столь элегантно.

— Два японских официанта вряд ли являются показательным примером.

— Дайте любые другие примеры, которые вам больше нравятся.

Вдруг они заметили, что смотрят друг на друга враждебно, как ссорящиеся дети. Харриет билась с ним, потому что она боялась того, что ей придется сделать, так как признавала, что он прав.

— Сегодня вечером в офисе вы сказали, что все это дело находится в моих руках и что вы уверены, что я сделаю все, что необходимо будет сделать, — Харриет улыбнулась, стараясь вновь обрести равновесие.

— Я это сказал, но мне бы хотелось знать, что и когда.

— Мне потребуются еще деньги. — Ей не понравилось, как нетерпеливо это прозвучало.

Но Робин на это спокойно ответил:

— Я понимаю, что они вам понадобятся.

Он поднял руку, чтобы принесли счет.

«Помоги мне», — молча простила Харриет. Они прошли мимо ширм, картинок, японских надписей и кланяющихся, улыбающихся официантов.

Когда они подошли к сверкающей белой машине, Робин открыл перед Харриет дверь.

— Я отвезу вас домой.

— Спасибо, но в этом нет необходимости. Я возьму такси.

Он только открыл дверь пошире. Харриет села в машину со смешанными чувствами и позволила ему отвезти себя в Белсайз-парк. Путешествие проходило, в основном, в молчании. Харриет думала.

— Здесь, — сказала она, нарушая молчание, когда они приехали на ее улицу.

Было бы, наверное, невежливо не пригласить его выпить. Робин согласился, и они спустились по лязгающим чугунным ступенькам к входной двери подвального этажа. Кошки сразу же появились, закрутившись вокруг их ног и разбросанных пустых молочных бутылок.

— Заходите, — пригласила Харриет, делая иронический жест рукой.

Даже на ее привычный взгляд эта квартира не в лучшую сторону отличалась от дома Робина. Стулья были завалены книгами и непочитанными газетами, а на столе и на окне были свалены груды чашек, тарелок, бумаг и писем.

Харриет показалось, что Робин остановился, оглядываясь вокруг, примерно так же, как она в кухне Саймона Арчера. Она заметила, что воздух в ее комнате был холодным, но все равно затхлым, и явно ощущался запах кошек.

— Они принадлежат хозяйке этой квартиры, — объяснила Харриет, с удивлением обнаружив, что она смущена запущенностью квартиры. — Они являются частью арендной платы. Хотите виски?

«Как и у Саймона, — подумала она, — где-то должна быть початая бутылка». Непроизвольно ее глаза перебежали на оригинал игры, стоящий прислоненным к каминной полке.

— Только кофе, — сказал Робин.

Он тоже смотрел на игру.

Харриет вышла на кухню. Робин последовал за ней и прислонился к наличнику двери, осматривая продолжение хаоса. В последнее время Харриет почти не имела времени для приготовления еды и совсем не имела его для уборки. Здесь стоял запах прокисшего молока, возможно кошачьего, который напоминал Харриет кухню в старой квартире Лео. Черт бы побрал этого Лео. Она схватила кошачьи миски и вымыла их, взяла в холодильнике полбанки консервов и положила еду. Кошки взвизгнули и шумно зажевали. Харриет поставила чайник.

— Вы предпочитаете жить так? — спросил Робин из проема двери.

— В настоящий момент я ничего не предпочитаю, за исключением того, что я делаю для «Пикокс», — раздраженно ответила Харриет.

— Что случилось в другой вашей жизни?

Харриет знала, что он имеет в виду, но сознательно отказывалась понимать.

— У меня была вполне удовлетворительная жизнь.

Ее холодность положила конец всем его вопросы.

Они пили кофе в гостиной. Харриет освободила стул для Робина, но он подошел к камину и остановился, глядя на доску от упаковочного ящика. Он прикоснулся к надписи и продолжал стоять.

Через некоторое время он очень тихо произнес:

— Это вызывает у меня дрожь.

— Да.

Конечно, это было так. Они оба знали это, хотя никто из них этого не говорил.

Робин сел на стул, который Харриет освободила для него. Он пил кофе, а одна из кошек запрыгнула ему на колени и стала тереться об него. Все было, как на дешевой картинке из

семейной жизни. Они немного поговорили об игре и Саймоне. Робин, конечно, слышал эту историю. Фирма «Лендуит» была достаточно осмотрительной, чтобы выяснить все это в самом начале. Без особого желания Харриет рассказала о Шамшуйпо и о том, как выжил Саймон.

Робин кивал, как бы подтверждая услышанное. Потом, выпив кофе, он встал. Он без сожаления согнал кошку, подошел к Харриет и положил руки ей на плечи:

— Итак, что вы намерены делать?

Харриет не понимала, угрожает он или просит. Перед тем, как ответить, она закрыла глаза.

— Я намерена все переделать. Дать игре новое название. Заменить упаковку и заново запустить в производство.

Объем работы угрожал раздавить ее. Она открыла глаза и посмотрела на каминную полку.

— Умница, — прошептал Робин.

— А как насчет денег?

— Деньги будут, как я вам и обещал. Мы должны получить следующую часть капитала, то есть четырнадцать процентов. И просто, как формальность, начислить на активы компании.

Он еще раз взглянул на кусок упаковочного ящика.

— Включая и саму игру.

Харриет медленно кивнула. Она не ожидала, что ей дадут дополнительное финансирование даром. Сколько это будет стоить, сколько же она должна будет за это заплатить. Робин наклонился к ней и крепко поцеловал. Его губы оказались перед ее лицом. Это был почти укус. Когда его руки упали с ее плеч, Харриет поднесла пальцы к губам, как будто хотела стереть с них его отпечаток. Ее тянуло к нему тревожно и беспокойно, однако она чувствовала, как что-то и отталкивало. Была и обратная сторона у золотого мальчика.

— Спокойной ночи, — сказал Робин так, как будто ничего не произошло. — Мне надо ехать.

До нее донеслись звуки его шагов по чугунным ступенькам.

Убедившись в том, что Робин ушел, она пересекла комнату и сняла игру Саймона с того места, на котором она стояла. Она изучала знакомые надписи, пытаясь увидеть их заново.

«Это вызывает у меня дрожь», — сказал Робин.

Именно история Саймона будет продавать игру для «Пикокс». Синди и ее компания свяжут британского офицера, борящегося за выживание, с его игрой в настоящем аду Шамшуйпо. Харриет уже могла представить себе, что Синди будет говорить и писать.

Яркая, бросающаяся в глаза упаковка «Головоломки» должна будет уйти в прошлое. Вместо этого коробка будет мрачной копией того, что Харриет держала в руках. Даже искусное и игривое название придется изменить. У игры должно быть японское название. Возможно, что эти неразборчивые символы, которые она так часто рассматривает, и дадут новое имя. Тонкая нить возбуждения как бы дрожала внутри Харриет. Сейчас, когда решение было принято и она сообщила об этом Робину, она ощутила значение того, что она может сделать.

Ей было жалко, что он ушел, ей хотелось поделиться с ним своими увлекательными планами. Она еще раз внимательно посмотрела на деревянный прямоугольник и поставила его на место.

Потом она прошептала, обращаясь к безжизненному дереву:

— Прости.

Саймон был болен, это была, как всегда, его грудная клетка, а в течение нескольких дней он был просто не в состоянии встать с кровати. Однако ему приходилось ненадолго выходить в кухню, чтобы приготовить себе хоть какую-нибудь еду, которой ему не хотелось, а зачастую он был не в состоянии съесть и ее. Но когда он проснулся сегодня утром, он почувствовал себя лучше и ощутил прилив сил, и поэтому встал, надел нижнюю рубашку, теплые брюки и поверх всего халат.

Был конец июня, и хотя из окна спальни Саймон мог видеть солнечный свет и цветы в садиках своих соседей, его собственный дом, казалось, все еще хранил зимний холод.

Однако еще более вероятно, подумал он, что просто холод был у него внутри. А, вообще-то, это не имело значения.

Он спустился вниз и приготовил себе чашку чая, а затем сел в кухонное кресло и рассеянно слушал, как тикают в прихожей дедовские часы. Он так сжился с молчанием своего дома, что оно стало как бы спутником его изменяющегося настроения. Сегодня было доброе настроение, и потому услышанный им стук в парадную дверь был нежеланным вдвойне.

Саймон замер в ожидании, что стук прекратится. Иногда к его дверям действительно подходили люди, которых он считал назойливыми благодетелями. Они обычно быстро прекращали стучать и уходили. Но этот стук был более настойчивым, чем обычно, более громким и энергичным. Наконец, с некоторой долей надежды, что это, может быть, Харриет, Саймон с трудом поднялся с кресла и пошел, еле волоча ноги, по коридору к парадной двери.

На ступеньках стоял молодой человек, которого он никогда раньше не видел. У него была короткая стрижка, и от этого он выглядел агрессивным; на нем были джинсы и куртка с какой-то эмблемой или надписью на груди и рукавах. Саймону показалось нелепым, что у него в левой руке был портфель. Он резко протянул Саймону свою правую руку, и когда Саймон не взял ее, она повисла между ними, словно обвиняя.

— Привет!

У молодого человека была широкая, дружелюбная улыбка. Саймон подумал, что он, возможно, агент по продаже движимого и недвижимого имущества или представитель фирмы, занимающейся постройкой частных домов. Он должен избавиться от этого человека как можно быстрее.

— Барри Бакан.

Только когда молодой человек увидел, что его имя ничего не говорит Саймону, он уточнил — из газеты «Мэйл». «Мидлэнд Мэйл» была популярной местной газетой, которая обслуживала целый городской район. Саймон, по крайней мере, слышал об этой газете, хотя никогда не читал ее.

— Боюсь, что вы ошиблись домом. — Он начал закрывать дверь, но бедро и плечо Бакана мешали.

— Я так не думаю. — Незванный гость все еще улыбался. — Ведь вы — мистер Саймон Арчер, не так ли? Лейтенант Арчер, который служил в Королевской артиллерии?

Удивление пробило оборону Саймона. Он отступил от двери, и через секунду Барри был внутри его дома. Он потер ладонью плоскую макушку своей головы, а затем стряхнул

невидимую пыль с рукавов своей куртки, словно хотел найти какое-нибудь полезное занятие своей непожатой руке перед тем, как положить ее туда, где ей и надлежало быть, — в карман джинсов.

— Прекрасно. Большое спасибо. Простите, что появился неожиданно-негаданно, без предупреждения, но вашего имени нет в телефонном справочнике, не так ли?

— Что вам угодно? — только и смог проговорить Саймон.

— Да просто поболтать о том о сем, выяснить кое-какие биографические данные, получить некоторые объяснения, ну и все такое прочее. Видите ли, эта великолепная история. Получится большая газетная статья. Это будет сенсация для местных жителей. Не пройти ли нам туда, Саймон? — Барри кивнул на проход в кухню, где было немного светлее.

Саймон потуже запахнул халат на груди, сердце его колотилось. Он испугался этого хоряка, который что-то разнюхивал в его норе. Он знал, что есть такие люди на свете, как этот тип, конечно же, они есть, но не здесь, где он был защищен.

— Поболтать? О чем? Это, должно быть, ошибка. Никакой истории здесь быть не может. — Это прозвучало неубедительно и глупо, и он сам почувствовал это.

Барри выглядел изумленным:

— Конечно, есть. Это «Мейзу». Это не обычная пустая болтовня для сенсации. Это настоящая человеческая история, не так ли?

— Я ничего не знаю о «Мейзу». Я никогда не слышал об этом. Это ошибка.

Но как только он произнес это слово, возникло смутное воспоминание, которое смешалось с мрачным предчувствием и опасением. Не он, а этот парень, этот хореk, был прав. Это могло быть историей. И он испугался, что частью этой истории была невидимая связь между этим посетителем и голодной дочерью Кэт Пикок.

Репортер подтолкнул Саймона в его собственную кухню, усадил на стул и вынул записную книжку и бумаги из своего портфеля. Из пачки бумаг он выбрал несколько плотных страниц желтоватого цвета и передал их Саймону.

— Вот, пожалуйста, «Мейзу». Самое модное увлечение этого года, если верить сообщению для прессы. Теперь поправьте меня, когда я буду не прав. Ведь вы тот самый военнопленный, не так ли?

Саймон стал читать. Его предчувствия полностью подтвердились. Опубликованный материал содержал сообщение о японских палачах и британском офицере, который не сошел с ума только благодаря числовой игре.

Там также сообщалось, что игра находилась в забвении в течение сорока лет и была вновь открыта фирмой «Пикокс». О последнем было упомянуто вскользь, как о чем-то незначительном. Заканчивалось все словами, что игра была спасена и запущена в производство, и, таким образом, все могут насладиться ее загадочностью и простотой. Доска была точной копией оригинала, сделанного в лагере военнопленных, как бы отдавая этим дань смелости и мастерству английского офицера. Ниже были приведены фотографии игры. Сходство с доской от упаковочного ящика, которую подарил Саймон, было достаточно полным.

Харриет Пикок сделала хорошее дело. Но вот только не совсем хорошее, недостаточно хорошее. Она изменила имя офицера, однако либо из-за невольной оплошности, либо, что более вероятно, сознательно, сохранила настоящее звание офицера и его полк настолько точно, насколько это было возможно.

Только горсточка офицеров, сослуживцев Саймона, осталась в живых после лагеря и

всех последующих лет. Харриет едва ли понимала, как мало их осталось.

Хватило всего нескольких часов работы в архиве с документами полка, чтобы удалось выявить всех этих людей. Для энергичного журналиста, для такого пронизательного молодого человека не составило большого труда найти именно того человека. Не важно, кто сделал это, — сам Барри Бакан или один из его знакомых местных жителей, который продал информацию.

Это не имело значения. Он уже был здесь, у Саймона, в самом его убежище. Саймон изучал последние слова на толстой желтоватой бумаге.

— Это правдивая история. «Мейзу» — японское слово, означающее путаницу или лабиринт.

Саймон аккуратно сложил бумагу по старым сгибам и швырнул ее через стол Барри Бакану.

— Все верно?

— Интересно, — подумал Саймон, — что хорьки делают со своей добычей, когда схватят ее?

В любом случае он может не отвечать. Барри кивнул в знак того, что он удовлетворен.

— Вас ждет осада лихих ребят-репортеров, — сказал он с явным знанием мира этих лихих ребят. Он открыл блокнот.

Губы и язык Саймона пересохли, но он заставил себя холодно ответить:

— Это вполне законно. Больше сказать нечего, кроме того, что вы уже узнали.

Это Барри Бакану было безразлично. Более того, для него это был газетный материал — чем скандальнее, тем лучше. Саймону вдруг пришло в голову, что, возможно, Харриет слишком уж хорошо выполнила работу. Вероятно, она сделала завесу столь тонкой для того, чтобы молодые люди вроде этого могли разыскать его и можно было бы продать побольше «Мейзу».

Саймон поднялся:

— Я хотел бы, чтобы вы сейчас же ушли. Я не приглашал вас в свой дом и не давал вам разрешения заходить сюда. Если вы не уйдете, то мне придется вызвать полицию.

— Спокойно, — Барри все еще ухмылялся. — Я понял, что это потрясло вас, и сожалею об этом. Может быть, мне поставить для вас чайник или сделать что-нибудь еще?

Саймон сжал спинку стула.

— Сейчас же убирайтесь!

Барри начал собирать свои бумаги.

Саймон указал на сообщение для печати Харриет:

— Захватите и это с собой.

К его великому облегчению, репортер действительно уходил. Его массивная фигура удалялась по коридору, а затем уже от парадной двери послышался его глухой голос, в котором прозвучали веселые нотки:

— Все, что я только смогу сделать для вас, Саймон... Ну, вы знаете, где меня найти.

Раздался грохот, и, наконец, дверь с шумом захлопнулась.

Барри шел по тропинке, чувствуя облегчение от того, что вышел на свет, и снова наслаждался июньским солнцем и свежим воздухом. «Ну и местечко», — подумал он. Ему было жалко бедного старого чудака в его грязном халате. Не важно, что он мало сказал. Это был тот человек, который и был нужен, а Барри был тот человек, который его нашел. Этого было достаточно.

Он может написать хороший рассказ о том, как он сидит один-одинешенек в своей кухне, в то время как «Мейзу» катится из магазина в магазин, делая какого-то жирного кота еще жирнее. Немножко пафоса, чуть-чуть беспокойства о стариках и хорошая история о войне. Это заставило бы Благотворительный центр Страстной пятницы развернуться.

Барри не волновала ни судьба «Мейзу», ни название игры. Ему понравилась сама история. Он был уверен, что «Экспресс» тоже проявит интерес к этой истории. Он сам им позвонит. Он насвистывал, садясь в свой «гольф» и уже позабыв о минутном сочувствии к этому бедному старому чудаку. Стоило потратить усилия, чтобы выследить его.

А Саймон все еще сидел за кухонным столом. Руки и ноги у него дрожали, а шея казалась слишком хрупкой, чтобы выдержать вес его головы. Он продолжал смотреть на то место, где лежали желтоватые страницы. Там лежал лист бумаги, запачканный маслом, значит на последнем листе, положенном в портфель Барри, будет полупрозрачное жирное пятно. Конечно, это были не единственные листы. Саймон мог представить себе, как, вообще, работает пресса. Слова будут размножать, снимут копии, сделают дубликаты; описание его жизни, умело сделанное Харриет, разошлют тысячам разных людей.

Саймон мог представить себе хрустящие плотные пачки желтоватых страниц и вскрываемые кремовые конверты. Он встал, задев за стул. Он подхватил со стола промасленную бумагу, скатал ее в шарик, а затем отодвинул с глаз долой все, к чему могли прикоснуться страницы Харриет. Но тогда пространство в середине загроможденного стола уставилось на него, как будто пронизательный глаз. Охваченный паническим ужасом от этого пристального взгляда Саймон выбежал в коридор. А там другой глаз наблюдал за ним — циферблат дедушкиных часов. И теперь повсюду вокруг него были, казалось, всезнающие глаза: в темных углах, за дверью и даже в самих стенах.

Саймон запер верхние и нижние засовы на парадной двери, хотя и понимал, что это было слишком поздно. Он поднялся вверх, будучи как бы сосредоточением всех глаз. В спальне он задернул шторы от солнца, лег на кровать, натянул на себя одеяло и заскрежетал при этом зубами.

— Грэм, — сказала Харриет, — я полагаю, что мы собираемся сделать это.

Грэм Чандлер сидел за столом в своем уютном офисе. Он только что закончил разговор с Джемсоном из «Мидленд Пластикс». Джемсон мог доставить «Мейзу» вовремя, так, чтобы первая партия товара пошла в магазины.

Он был готов запустить в производство еще партию, как только это понадобится. Это была трудная работа — изготовить заново всю упаковку в течение нескольких недель, чтобы уложиться в крайний срок, установленный Харриет, но это было вполне осуществимо. Были новое оформление, новая пленка, новые коробки и новая доска для игры, которая выглядела настолько похожей на потрескавшуюся доску от упаковочного ящика, насколько это могла обеспечить современная технология. «Головоломка» стала «Мейзу», и это понравилось на рынке.

Грэм взглянул на Харриет. Ее глаза сияли. Грэм почувствовал, что он слегка покраснел, как это всегда бывало, когда он общался с Харриет наедине.

— Я надеюсь, что это так. В результате всей работы, — добавил он в своей застенчивой и робкой манере.

Харриет подошла и присела на краешек его стола. На ней были кожаные брюки, а ее куртка, казалось, состояла из одних молний. Грэм сидел совершенно неподвижно и

пристально смотрел на грудку бумаг, которые высыпались из рук Харриет. Там были распечатки заказов, ведомости продаж и фотокопии газетных и журнальных статей.

— Взгляните, — сказала она, — посмотрите на передовицы всех изданий, которые мы получаем: «Дейли Мейл», «Козмо», «Вуменс оун», «Уикенд», «Гуд хаузкипинг», и это только на этой неделе. Послушайте вот это, — она прочитала ему: «Войдите в лабиринт» — вот что значит «Мейзу», и если уж вы сыграли в эту увлекательную игру, то узнали, что это такое. Но «Мейзу» — это не просто еще одна игра для рождественского рынка. За ней стоит трогательная история. Эта игра была придумана английским офицером в японском лагере военнопленных, именно она помогла ему выжить в суровых испытаниях. Сорок лет спустя эту игру обнаружила деловая женщина Харриет Пикок, которая перехватила права. Теперь «Мейзу» идет нарасхват, но личность офицера все еще держится в секрете. Интересно, что изобрел мой старый дедушка, когда служил в войсках ПВО?

Харриет рассмеялась.

— Ужасно, не правда ли? Но это как раз то, что нам нужно.

«Игра поступит в магазины в августе. Но если вы не можете ждать до тех пор, включайтесь в наш семейный конкурс и вы сможете выиграть собственную «Мейзу». Мы подарим двадцать игр».

— Грэм, я так старалась создать такого рода шумиху раньше, но это никого не интересовало. А теперь мы не можем удержать их.

Карен просунула голову в дверь.

— Телефон. Радио, Брайтон.

Карен почувствовала себя несчастной в «Степпинг» после того, как Харриет продала его. Она пришла в «Пикокс» с просьбой о работе, и Харриет охотно приняла ее на место уволенной секретарши, которая формально относилась к работе. Карен за два с половиной дня сама научилась печатать на компьютере.

— Иду, — Харриет встала. Прикоснувшись к плечу Грэма, она серьезно сказала: — Спасибо за все, что ты сделал.

— Для того я здесь и нахожусь, — пробормотал он. Но, конечно же, ему это было приятно. Он почувствовал, что охотно снова прошел бы через это суматоху последних недель.

Харриет умела внушать доверие.

Карен отдавала свои вечера «Пикокс», и даже Джереми Крайтон, строгий, сухой бухгалтер, работал на Харриет, не щадя сил.

— Джереми будет доволен нами; — сказал Грэм. — Вы с ним разговаривали?

— Да. Даже дважды.

Пессимизм Джереми был любимой шуткой в компании. Любимым занятием Джереми было определение стоимости.

— А с Робинем?

Харриет приостановилась в дверях.

— Еще нет. Я пока приберегаю это.

Она подмигнула Грэму и пошла к телефону. Он неохотно вернулся к своей работе. Радио Брайтона приглашало Харриет на утреннее шоу. Она собиралась играть в «Мейзу» с медсестрами и врачами детской больницы; это была доля ее участия в работе по добыванию денег на этой неделе. Это была ее собственная идея, которую приняли с энтузиазмом. И теперь составитель программ хотел узнать, не согласится ли она на интервью, чтобы

рассказать об открытии и продаже игры.

— Конечно, — сказала Харриет, — я буду рада. Все, что вам угодно.

Она говорила бы о чем угодно на свете, говорила бы с кем угодно, кто только захотел бы этого, и говорила бы до тех пор, пока не создала бы известности для своей игры.

— А как насчет самого этого человека? Он придет с вами? Я, конечно, понимаю, что, вероятно, обычно он не занимается рекламой, но...

И раньше было много других предложений от телевизионных компаний и общенациональных газет. И в тысячный раз Харриет подумала: «Если бы только Саймон пришел».

— Боюсь, что нет.

— Так он в самом деле ваш отец? — настаивала девушка, как будто это было уже признано всеми.

Харриет повела себя очень твердо:

— Нет, он мне не отец, и больше мне нечего сказать. В какое время вы хотите, чтобы я приехала?

Она договорилась о необходимых условиях и затем повесила трубку.

Харриет снова на минутку присела, покусывая губу, затем дотянулась до груды газетных вырезок, которые она взяла, чтобы показать Грэму, а потом взглянула на диаграмму продаж на противоположной стене. Не было необходимости, чтобы она висела там, так как вся информация о продажах была в компьютере, однако выявление тенденций было единственным нерациональным занятием, на которое Харриет позволяла себе тратить время. Казалось, что эта диаграмма излучала оптимизм. Темный офис, который так угнетал ее в дни «Головоломки», теперь казался только временным неудобством.

Харриет спрыгнула с письменного стола и сделала три-четыре шага к окну. Когда она повернула обратно, она снова прошла мимо новых досок «Мейзу» и коробок, сложенных наверху старого потрепанного шкафа для хранения документов.

Казалось, что они заполняли это пространство гораздо эффективнее, чем старые, радужные коробки.

Харриет задумчиво подняла доску. Она повернула ее, восхищаясь правдоподобием, которого достигли Грэм и мистер Джемсон.

«Мейзу».

Она подумала о Саймоне. Скверный это был поступок — лишить его уединения. Она достаточно ясно осознавала это. Однако она оправдывала себя тем, что это хороший поступок. Как она уже говорила Грэму, фирма «Пикокс» собиралась сделать это. Было уже достаточное количество заказов, чтобы компания приносила устойчивый доход. И заказы снова будут сделаны еще до того, как игра официально появится на рынке, еще задолго до Рождества.

Первое препятствие было успешно преодолено. Если бы она могла определить равновесие прямо сейчас, чтобы не производить слишком много игр, которые невозможно будет продать, и чтобы не производить их в недостаточном количестве, так как при этом невозможно обеспечить быструю поставку их в магазин для удовлетворения спроса.

Харриет шагала туда и обратно, сжимая в карманах кулаки.

Она украли историю Саймона, превратив его трагедию в рыночный товар. Но она защищала самого Саймона. Она не гордилась тем, что она сделала, но она была практичным человеком. «Мейзу» продавалась лучше и быстрее, чем она когда-либо рассчитывала.

Харриет хмурилась, но шаги ее были упругими. Она чувствовала себя заряженной энергией, которая исходила от нее и зажигала все, к чему она прикасалась. Это чувство подходило ей. Она была сильной. Она чувствовала себя более счастливой и была более оживленной, чем когда-либо раньше в жизни.

«Итак, — подумала Харриет, — возможно, уже пора прекратить быть осторожной, практичной и деловой». Она вернулась к своему письменному столу, забыв о Саймоне и о необходимости сбалансировать спрос и предложение. «Хотя бы на один вечер или что-нибудь в таком роде», — сказала она себе.

Она не видела Робина Лендуита довольно давно. «Лендуит Эссоушиэйтс» ссудила необходимый капитал для переделки и нового запуска в производство «Головоломки», а затем оставила ее заканчивать работу. По-видимому, Джереми Крайтон докладывал им обо всем.

Харриет села, скрестив ноги в мягкой черной коже, и набрала номер Лендуитов. Она перестала хмуриться и вместо этого озорно улыбнулась.

— Робин? Это Харриет. Я думаю, наступила моя очередь угостить вас обедом, не так ли?

— Какая прекрасная мысль! — Ей нравился его голос даже по телефону, она это ясно поняла. — Я сейчас загляну в свой календарь.

Улыбка Харриет стала еще шире.

— Я говорю о сегодняшнем вечере, Робин.

В его голосе прозвучало удивление:

— Сегодня вечером? Ну, я боюсь, что я не...

Она ждала. Она почти слышала, как он думает. А затем, через минуту:

— А почему бы и нет? Куда бы вы хотели пойти?

— Сегодня я приглашаю. Помните? — ответила Харриет.

Она назвала французское бистро, часто посещаемое журналистами и издателями, и одно из наиболее любимых ею. Она была уверена, что Робин никогда не слышал о нем.

— Буду ждать с нетерпением, — сказал Робин.

Харриет удовлетворенно повесила трубку. «Чувствовать себя сильной, — подумала она, — это значит и быть сильной».

Сначала Харриет договорилась встретиться с Лизой, чтобы что-нибудь выпить. Они назначили свидание неделю назад, и винный бар, который они выбрали, был довольно близко от французского бистро. Харриет попрощалась с Карен и Грэмом и впервые покинула офис «Пикокс» первой, а не последней.

Войдя в конюшни, она посмотрела на шапки высоких деревьев, видневшиеся над крышами, и решила, что не будет ждать автобуса, а пойдет пешком.

Был светлый, теплый вечер, как раз такой, как ей нравилось, когда лето еще только наступило и все было свежим и зеленым, а город был заполнен жителями Лондона, которые радовались хорошей погоде.

Харриет миновала высокие обваливающиеся террасы ближайших окрестностей, куда свет солнца выманил жителей сомнительного вида из зашторенных комнат, которые более открыто появились на парадных ступеньках между облупленными оштукатуренными колоннами и где полицейские парами, в одних рубашках, без мундиров, прогуливались вверх и вниз. Она перебежала через главную дорогу между мелькающими красными автобусами, слегка ощущая неприятный запах теплого гудрона, который ясно напомнил ей об одной

детской игре на улицах, похожих на те, по которым она только что прошла.

Впереди нее, за оградой, был парк. Тень деревьев, когда она достигла ее, манила прохладой. Харриет сняла свою куртку на молниях и пошла дальше в белой футболке, держа на одном пальце переброшенную через плечо куртку.

Трава была сочной после сырой весны, но попадались маленькие голые пыльные участки под большими деревьями. Хищные городские белки охотились в пыли, а затем очень плавно взлетали по стволам деревьев вертикально вверх, что делало стволы похожими на лепные колонны. Их не беспокоили любители бега трусцой, пробегающие мимо и разгоняющие горячий воздух на своем пути. Харриет улыбнулась и пошла дальше тем же шагом, а в голове у нее не было никаких мыслей.

Было приятно идти без тяжелого портфеля сбоку, не думая о работе, которую нужно было немедленно сделать. Она чувствовала себя так, как будто у нее был маленький праздник. Вечер в перспективе был многообещающим, даже встреча с Лизой казалась приятной. Они не часто виделись без посторонних, вдали от красивых интерьеров на Сандерленд-авеню.

Когда Харриет достигла противоположной стороны парка, она заметила группу людей, которые собрались у высоких ворот в том месте, где гораздо более узкая тропа уходила в сторону через плотный кустарник. Когда Харриет подошла поближе, она увидела, что это были, главным образом, возвращающиеся домой служащие офисов, которые, как и она, выбрали кратчайший путь. Они стояли кольцом вокруг пожилой женщины, которая плакала. Слезы катились по ее лицу, и она не делала никаких попыток остановить их. Женщина-полицейский держала ее за руку, а мужчина-полицейский слушал человека в костюме, который описывал, что он увидел. Когда Харриет поровнялась с ними, полицейская машина развернулась и уехала через ворота парка, мелькнув синими огнями.

На женщину напали, вероятно, сзади, схватив за горло под прикрытием густых кустов. Харриет прошла мимо, подчеркнуто глядя в другую сторону, чтобы женщина не подумала, что ее разглядывают. Большого сделать было невозможно.

Такое зрелище, увиденное ею, изменило восприятие этого вечера. Она поняла, что мокрое от слез лицо женщины будет стоять у нее перед глазами. Двойные ряды деревьев парка были такими же опасными, как сонная, покрытая копотью другая сторона улицы. «И все же, — подумала Харриет, — это было тем самым больным местом, которое обострило ее стремление к восхитительной привлекательности светской части города».

Снова откуда-то из-за деревьев послышался шум уличного движения. Она продолжила свой путь менее окрыленной, чувства ее обострились, и она даже ощутила, как проникает через ее тонкие туфли тепло от тротуара. Теперь она проходила мимо больших магазинов, из роскошных витрин которых смотрели поверх ее головы представляющие собой живописную картину манекены в летних нарядах.

Когда Харриет подошла к винному бару, она увидела, что столики растянулись уже до мостовой. Каждый стул около столиков был занят, слышался гул голосов и смех посетителей, ведущих себя так, как будто бы Лондон был средиземноморским городом. Харриет протискивалась между столиками, но Лизы нигде не было видно. Она вошла через открытые двери и стала всматриваться в темную глубину бара. Там она и увидела Лизу, сидевшую на высоком табурете, придвинутом к стойке бара. Она разговаривала с каким-то мужчиной, и прошло не менее двух секунд, прежде чем Харриет с тревожным чувством поняла, что этим мужчиной был Лео.

Лиза увидела ее, помахала рукой и, когда Харриет подошла к ним, подставила свою щеку ей для поцелуя.

— Я случайно столкнулась с Лео при выходе из метро.

— Правда?

Лиза любила маленькие розыгрыши, но Харриет склонна была поверить, что это была действительно случайная встреча. Не было никакого смысла приводить Лео для неожиданной очной ставки в качестве сюрприза, ведь из этого все равно ничего бы не вышло: их супружеская жизнь просто закончилась, к тому же настолько окончательно, что Харриет даже трудно было представить себе, что она когда-либо существовала.

Она взглянула на Лео, когда он встал и наклонился, чтобы поцеловать ее. Они слегка прикоснулись друг к другу щеками, холодными и сухими. Она испытывала чувство, что знает этого человека не лучше, чем того, который рядом с ними пил коктейль с молчаливой блондинкой, или австралийца-бармена, или любого из тех, кто находился в переполненном помещении.

Было неприятно вспоминать о тех годах, которые они провели вместе, о годах, которые, казалось, испарились бесследно, что позволяло поставить Лео на место тех мужчин в костюмах, а ее — на место молчаливой блондинки. Двое чужих людей, выпивающих вместе. Рассматривая лицо мужа, Харриет решила, что это испытываемое им такое же холодное чувство потери придавало Лео расстроенный, раздраженный вид всегда, когда бы они не встречались. Ее собственная реакция — это крепко ухватиться за свою работу, а ее задача — добиться успеха фирмы «Пикокс». Вот это, по крайней мере, не испарится, не исчезнет.

Ей захотелось поднять руку, коснуться лица Лео и сказать: «Я понимаю...», — но она не сделала этого. Она улыбнулась ему и сказала:

— Я рада, что ты здесь.

Они нашли для нее в баре табуретку, и она уселась на нее, приняв стакан с вином.

Лео спросил:

— Итак, каков предприниматель?

Вопрос был сделан несколько саркастически, в раздражающей ее манере Лео, но Харриет приняла это правильно.

— Деятельный и довольно оптимистичный.

— Когда вы сделаете ваш миллион? — осведомилась Лиза.

— Вероятно, не раньше, чем «Пикокс» станет всем известен.

Харриет заметила, что Лиза повзрослела, хотя осталась такой же хорошенькой. Чуть-чуть зрелости было ей очень к лицу. Лиза почувствовала ее испытующий взгляд и протянула руку, чтобы коснуться складок мягких кожаных брюк Харриет, предпочтя проигнорировать тот факт, что ее сводная сестра станет богатой.

— Тебе в них не жарко?

Харриет рассмеялась:

— Немножко. Я не очень внимательно посмотрела сегодня на небо.

Между ними всегда возникали такие разногласия, вызываемые столь незначительными мелочами, что их нельзя было назвать ревностью, негодованием или возмущением. Иногда между ними устанавливалось перемирие, и Харриет думала: «Наконец-то мы стали взрослыми». Однако потом трения начинались снова. Казалось, что сегодня вечером присутствие Лео усиливало их разногласия. Харриет пожалела, что он не оказался где-нибудь в другом месте.

— Как мама? — спокойно спросила она.

Лиза рассказала ей, передавая обрывки разговоров и сплетни Сандерленд-авеню.

Затем, освободившись от обязанности уделять внимание, прежде всего, делам Харриет, она добавила:

— Мама считает ужасным то, что ты сделала.

— Что?

— То, что ты использовала историю мистера Арчера, сделав из нее приманку для продажи.

— Это не приманка, — резко ответила Харриет. — Это история, которая заслуживает того, чтобы ее рассказали.

Лиза пожала плечами.

— А вот мама так не считает. Она понимает, что он должен почувствовать, когда его жизнь раскроется перед всеми.

— Никто не узнает, что это его жизнь. Его имя останется под секретом.

— Но он-то знает, разве не так? Мама так расстроена из-за этого. Она сказала, что должна вернуть тебе свои акции и отказаться от должности директора. А я сказала, что заберу их у нее.

Харриет внимательно посмотрела на Лизу. Она давно не видела Кэт, потому что повторный запуск в производство «Мейзу» требовал всего ее внимания.

— Мама никогда мне ничего такого не говорила.

— Ну, ты же знаешь, какая она. Все, что угодно, кроме ссоры или скандала.

Конечно, Лиза была права. Харриет вертела свой стакан. Она должна поехать и встретиться с Кэт, а также объяснить ей, что она сделала только то, что необходимо было сделать. И она должна также съездить к Саймону и рассказать ему все настолько деликатно, насколько это возможно. Она не выполнила своего морального долга из-за какого-то чувства, которое она потом подавила, а потом она была слишком занята, а затем уже было слишком поздно. Она утешала себя, уверяя в том, что Саймон, в любом случае, не сможет ничего услышать о «Мейзу» из-за изолированного образа жизни.

К удивлению Харриет, Лео защитил ее:

— С коммерческой точки зрения это решение является совершенно правильным.

Лиза осуждающе взглянула на него, выказывая некоторое сочувствие. Харриет захотелось узнать, о чем они говорили по дороге от станции метро и сидя за вином, пока ожидали ее прихода.

— Я съезжу встретиться с Кэт, — пробормотала Харриет. — Она поймет, если у меня будет возможность поговорить с ней.

И одобрение матери, и ее поддержка были важны для Харриет. Ее встревожило то, что появление «Мейзу» расстроило ее мать.

Лиза, казалось, уже потеряла интерес к этой теме.

— Кстати, — весело сказала она, — я переезжаю. Наконец-то я уезжаю из дома. Я купила квартиру в Блэкхив, Кен уже сделал взнос.

— Это хорошо, — одобрила Харриет, довольная сменой темы. — Очень хорошо. Тебе давно пора стать самостоятельной.

«Это будет хорошо для Лизы — научиться заботиться о себе самой», — подумала Харриет.

— Не будет больше кофе и торта с грецкими орехами для всех, кто приходит.

Лео рассмеялся, как прежний Лео с его воспоминаниями о гостеприимстве Кэт.

— А как же с большой любовью? — продолжала Харриет.

Лиза отбросила назад занавес из волос. Мужчина с блондинкой мельком бросил на нее взгляд, а затем стал заинтересованно и оценивающе разглядывать.

— Я больше с ним не встречаюсь, — равнодушно ответила она.

Харриет встретила глазами с Лео. Как похоже, как похоже на нас. Она вновь почувствовала, что сожалеет об утраченном, однако она понимала, что это было неизбежно. Ничего больше не было, но ни один из них не упоминал о разводе. Она считала, что это придет в свое время. Она где-то слышала, возможно, от Генри Орда, что Лео уже с кем-то встречается. Она не интересовалась, кто это. У нее просто не было времени для чего-либо подобного.

Харриет собралась уходить первой. Она ощутила, как сложный клубок семейных дел опутывает всех троих, а потом она вспомнила, что ее ждет напряженный и соблазнительно независимый от всех этих людей вечер с Робинот Лендуитом. И это притягивало ее с удивительной силой.

Лео, Лиза и Харриет закончили бутылку вина. Они обсудили планировку новой квартиры Лизы и варианты ее обстановки, а Лео с Харриет согласились с тем, что часть их бытовой техники из старой квартиры можно распаковать и отдать Лизе, которой это нужно. Потом они поговорили о работе, которую делал Лео, и о его планах на конец года.

Людей в баре стало меньше, и места за столиками освободились. Харриет посмотрела на часы. Было около восьми часов, и пора было отправляться на встречу с Робинот.

— Давайте пообедаем, — предложил Лео. — Куда бы вы хотели пойти?

Краем глаза Харриет заметила, что Лиза нахмурила брови.

Харриет сказала:

— Сегодня вечером я не могу. Сегодня я уже договорилась о встрече. Фактически, мне уже пора уходить, иначе я опоздаю.

Они ничего не сказали, но обе пары глаз потребовали: «Кто?»

— С мужчиной из фирмы, занимающейся инвестициями, одним из тех, кто вложил деньги, — это, конечно, было слишком подробно. — С Робинот, — закончила она. — Мне действительно надо идти.

Она поставила стакан и взяла куртку и сумку.

Харриет понимала, что она отделяется от них. Они были обижены тем, что у нее был бизнес где-то в другом месте, и ее разговорами о деньгах. Ей было не по себе в их узком кругу, но она была права, отдаляясь от них.

— Спокойной ночи. — Харриет поцеловала их обоих и освободилась.

Когда она в последний раз посмотрела на них через витрину винного бара, они провожали ее глазами.

На улице похолодало. Харриет накинула куртку и застегнула молнию. Она была рада освободиться от этих проблем на сегодняшний вечер и сознательно взяла их решение на себя. Просто сегодня вечером у нее праздник.

Она шла быстро, почти бежала. Она вдыхала городские запахи уличной пыли и выхлопных газов, смешанные с запахом земли и листьев из парка. «Хорошо быть свободной», — тихо мурлыкала она себе под нос в такт собственным шагам. Хорошо самой решать свою собственную судьбу. Она поздно пришла к этому, но сейчас она сделает максимум возможного. Думая о месяцах после развода с Лео, она сознавала, что была

холодной и слишком озабоченной делами. Что ей нужно было сегодня, чего она хотела — так это немного развлечений, немного любви и отдыха. Или если не отдыха, то хотя бы какой-нибудь замены всепоглощающей работе.

Когда она пришла, Робин был уже в ресторане. Когда она подошла к столу, он встал, и она увидела в его глазах удовольствие и восхищение.

Она запыхалась:

— Извините, что я опоздала. Я немного выпила со своей сестрой.

— Это стоит того, чтобы подождать, — просто ответил Робин.

Они сели друг против друга, втиснутые в узкое пространство под рекламой фирмы «Лотрек» и вставленным в раму коллажем из этикеток красного вина. Робин был одет менее официально, чем обычно, не было даже галстука. По внешнему виду он мог быть одним из приятелей Чарли. Он выглядел, как дома, и тогда, когда они обедали вместе в первый раз, среди чопорных скатертей в том роскошном ресторане.

Харриет подумала, что она, пожалуй, недооценивала Робина Лендуита.

Он разлил вино, и они чокнулись. Одновременно соприкоснулись и их пальцы.

— Как дела в «Пикокс»?

Харриет рассказала ему. Робин улыбнулся, показав свои великолепные зубы.

— Я знал, что вам это удастся.

— Я надеюсь, что нам это удастся.

Свободной рукой он накрыл ее руку, лежащую на скатерти. На пальцах Харриет ничего не было. Она давно уже сняла свое обручальное кольцо.

Впоследствии у Харриет почти не осталось воспоминаний об этом обеде. Они много говорили о себе и ничего о деле, и почти также много смеялись. Они уходили из ресторана последними, когда французы-официанты стали уже открыто выражать свое нетерпение.

Улица перед рестораном была пустынной. Харриет подняла глаза, чтобы посмотреть на звезды, которые были едва видны через оранжевую завесу уличного освещения. Она чувствовала себя слегка опьяневшей, возбужденной, но с ясной головой.

Робин обнял ее за талию.

— Вы бы предпочли, чтобы я поехал к вам, — спросил он, — или лучше поехать ко мне домой?

«Неудобный и пахнущий кошками Белсайз-парк или хорошо убранный и богатый Баттерси-парк», — размышляла Харриет.

— Ни то, ни другое, — ответила она. — Я думаю, что предпочла бы отель.

— Маленький и интимный или большой и анонимный?

— Побольше и по возможности безликий, так будет лучше.

Харриет любила отели. Все принадлежности для ванной и чистки обуви, неожиданные удовольствия из небольших холодильников и ощущение маленького, но отгороженного мира, временно образовавшегося за дверью с номером.

— Ну, тогда поехали в «Хилтон», — сказал Робин, как будто не могло быть ничего более вероятного.

Харриет вдруг рассмеялась.

— Но мы ведь не можем ехать туда без багажа, не так ли?

— Я сегодня вернулся из Милана. В багажнике моей машины вполне солидный багаж.

— Вы должны дать мне взаймы рубашку и зубную щетку.

— С удовольствием.

— Робин, уже больше двенадцати часов.

— Меня не волнует, который час. Если ты хочешь в отель, то будет отель.

Харриет предоставила ему возможность руководить. Она с удивлением отметила, что портье и работники отеля спешат выполнять все, что он просит. Она уже не считала, что Робин напыщенный и самодовольный. Было удобно находиться в созданных специально для нее условиях, приятно и лестно быть объектом внимания такого красивого молодого человека. Через несколько минут они оказались хозяевами комнаты с двумя гигантским королевским кроватями, покрытой кафелем ванной, минибаром с половинными бутылками шампанского и окном, открывающим вид на Гайд-парк и длинную дорогу вниз. Швейцар, принесший чемодан Робина, откланявшись, ушел. Робин умел давать чаевые.

Харриет подошла к окну и подняла тяжелые портьеры. Далеко внизу она увидела яркий свет красных и золотых огней автомобилей, преодолевающих площадь Гайд-парк-корнер, и открывающийся перед ней черный занавес самого парка с другой стороны Парк-лейн. Она смотрела на знакомые ориентиры с незнакомого места через огни Найтсбриджских казарм и севернее на Марбл-Арч.

Робин подошел к ней сзади и поцеловал ее в шею.

— Сейчас, — сказал он. — Пожалуйста.

Харриет опустила шторы.

Он расстегнул ее замысловатую куртку и узкие кожаные брюки. Харриет выскользнула из них и аккуратно сложила на стуле. Она рассматривала каждый ярлычок на брюках, не зная, то ли раздеться сразу, то ли продлить ожидание. Робин наблюдал, пока она снимала с себя остальную одежду. К своему удивлению, она обнаружила, что дрожит. Она выпрямилась перед ним, протянув руки легким движением.

— Я некрасивая. Но хотелось бы быть...

Он схватил ее за руку.

— Красивая — это мало. Ты гораздо, гораздо лучше.

Его лицо изменилось. Глаза расширились, стали тревожными и в них появилось что-то похожее на испуг. Он вдруг стал значительно моложе. Харриет была растрогана и еще более глубоко взволнована. Она сейчас очень хотела его.

Вместе, неловкие от поспешности, они сбросила с него одежду, уже ничего не складывая. Они на секунду прижались друг к другу, а потом Робин толкнул ее на широкую, ровную кровать. Он целовал ее в губы, а потом ее кожу, стараясь покрыть поцелуями каждый дюйм, как будто хотел поглотить ее.

— Робин... — пыталась прошептать Харриет.

Она собиралась предъявить свои представления о свободе и показать собственный опыт, получить некоторую возможность управлять и сказать, что она предпочитает быть сверху. Однако вместо этого Харриет закрыла глаза на блеклые стены и пустой квадрат телевизора и сдалась.

В течение долгих месяцев она была рассудительной и усердной. А сейчас с Робинем она вспомнила все замысловатые удовольствия и развлечения, которые приводили к всепоглощающей цели. Она с огромным удовольствием позволила нести себя к этому, не пытаясь даже остановиться у вежливых вех: «Теперь ты» или «Тебе это нравится?»

Это было изумительное ощущение.

Она кончила быстро, даже слишком быстро. Харриет, которая никогда не кричала, занимаясь любовью, откинула голову назад и громко, бездумно стонала, не думая о спящих

постояльцах отеля в других пронумерованных комнатах по обе стороны от их отдельного владения.

Робин был тише, когда пришла его очередь. Однако спазм продолжался долго, как у мальчика. Харриет обнимала его руками, и они молча лежали. Ресницы Робина были черными и влажными.

Наконец он тихо прошептал:

— Это было восхитительно.

Она улыбнулась, готовая расплакаться.

— Да.

Все было прекрасно, но кричать все-таки не следовало.

До Харриет доносились звуки уличного движения. Они были приглушенными, и их легко можно было принять за плеск морских волн или шум деревьев от ветра. Через некоторое время, почувствовав себя притиснутой, она чуть-чуть отодвинулась, хотя он и не отпускал ее, приподнялась на одном локте и посмотрела на него. Она увидела хорошо развитые плечи, плоский живот и редкий треугольник темных волос, распространяющихся по его груди в сторону живота.

— Ты выглядишь так, как будто опять веселишься над какой-то своей шуткой. Я считаю, что это несвоевременно.

— Нет, — смеясь, защищалась она.

Было прекрасно смеяться в постели.

— Я просто подумала, какой ты совершенный образец.

Она дразнила его, самоуверенная благодаря тому уважению, которым он платил ей. Она была необыкновенно счастлива.

— Есть ли что-нибудь такое, чего ты не можешь?

Робин сделал вид, что задумался:

— Давай подумаем... Гм. Ну, я не умею петь.

— О, в этом случае!.. — Харриет сделала вид, что хочет выбраться из постели, но он притянул ее назад и поцеловал.

— Если ты собираешься куда-то идти, то ты можешь на обратном пути захватить шампанское из холодильника.

Они сидели на кровати, пили шампанское и ели предусмотренные администрацией отеля фрукты, как будто были голодными, как волки.

— Который час?

— Поздно, поздно.

— Ты завтра не работаешь?

— Конечно, работаю. И ты, вероятно, тоже. Но еще слишком рано отправляться спать, как ты думаешь?

— Возможно. Или нет, невозможно. Точно. Робин...

На этот раз у Харриет была масса возможностей высказаться и показать свой опыт. Она оседлала его, а он смотрел на нее снизу вверх, раскинув руки, вновь с юным лицом, так, чтобы она перевернулась вместе с ним, держа его лицо между своими ладонями.

Это было очень хорошо.

В конце концов, они заснули, крепко обнявшись.

В середине ночи или, возможно, ближе к раннему утру, потому что тусклый серый свет проникал через окно, Харриет снова проснулась с лежащей на ней рукой Робина. Она

повернулась к нему, приблизилась, и он снова вошел в нее без слов и подготовки.

В этот час даже отдаленный шум уличного движения не был слышен. Харриет вновь вскрикнула в полной тишине.

— Я люблю тебя, — сказал Робин.

Она прикрыла ему рот пальцами.

— Нет, ты не любишь. Мы устроили с тобой маленький праздник — вот что это было.

Она помнила свое твердое решение отпустить для себя поводья только на один вечер.

— А если будет еще, то это не по-деловому, не так ли?

— К черту дела, — сказал Робин. — Имеет значение только то, что я люблю тебя.

Они снова заснули.

Когда уже совсем рассвело, Робин раздернул шторы так, чтобы они могли увидеть деревья. Он заказал завтрак в номер и пошел в ванную принять душ. Когда он вернулся назад в белом махровом халате с мокрыми стоящими дыбом волосами, он выглядел как пятнадцатилетний. Потом он надел чистую рубашку и галстук из чемодана и снова превратился в бизнесмена. Харриет счастливо наблюдала за ним из постели.

Когда принесли завтрак, Робин передал ей поднос. Она села, обернувшись простынями, пила кофе и слизывала языком капли меда со своих пальцев.

— Хорошо? — спросил он ее.

Она ответила:

— Очень хорошо.

Он насвистывал, наливая себе еще кофе. Харриет помнила слова из середины ночи и свои возражения. Сейчас в этой утренней интимности она думала о том, что она окончательно забыла роскошь быть любимой. Ей хотелось знать, что произойдет, если она позволит себе эту роскошь снова. Что предпочтительнее?

— Что ты сегодня делаешь? — спросил он.

— Сначала еду встретиться с матерью, — это стало важным после того, что Лиза рассказала ей, — а потом возвращаюсь в «Пикокс».

— В какое время я смогу увидеть тебя сегодня вечером?

Харриет встревожилась:

— Сегодня вечером?

— Конечно. Я не намерен позволять тебе находиться вне моего поля зрения минутой больше, чем это необходимо.

Роскошь и ответственность.

Она могла выбрать между тем, чтобы ехать одной домой, в Белсайз-парк, к кошкам и папке с работой, или остаться с Робинем. По правде говоря, выбора не было, потому что она знала, чего она хочет. «Черт с ним, — подумала Харриет. — Мы оба взрослые люди. Мы можем справиться с чем угодно, что бы ни случилось, если что-то и произойдет». Роскошь захватила ее, и она сдалась ей.

— В семь часов.

— Хорошо. И тебе так хочется анонимности в отеле?

Харриет оглянулась на одну нетронутую постель и одну смятую, крошки и мед на подносе рядом с ней, сброшенный белый халат Робина.

— Одной ночи достаточно для того, чтобы запомнить.

— Первой ночи, — поправил он.

«Он был очень самоуверенным во всем. За исключением сексуальных моментов», —

вспомнила Харриет. Возможно, он ей и нравился за это. Только немножко, чуть-чуть.

— Совершенный образец, — поддразнила она его.

Он поцеловал ее и ушел.

Харриет задумчиво оделась и направилась против утреннего потока пассажиров с Парк-лейн на Сандерленд-авеню.

— Ты выглядишь вполне хорошо, — сказала Кэт.

Она вышла встречать Харриет почти к светло-голубым парадным воротам.

— У меня все в порядке, — успокаивающе ответила Харриет.

Кэт пристально посмотрела на нее.

— Давай войдем в дом, выпьем кофе, мама. Мне надо с тобой поговорить.

Кэт суетилась среди своего безупречного хозяйства. Харриет ждала, глядя через двери внутреннего дворика на розы в летнем саду. Она знала, что ее мать не станет ничего слушать до тех пор, пока Харриет вдоволь не наестся пирожными и печеньем лучших сортов, заполнявшими поднос в определенном порядке.

Они вышли в сад. Харриет несла поднос. Они сели в шезлонги на те же места, что и тогда, когда Кэт в первый раз рассказала Харриет о Саймоне Арчере. «Если бы он действительно был моим отцом, — подумала Харриет, — поступила бы я как-нибудь по-другому?» «Мейзу» был так близок ее сердцу, и ее надежды, связанные с ним, были столь велики, что она подумала, что нет.

Она размышляла, делает ли ее такое отношение хорошей деловой женщиной и плохой дочерью. Робин был хорошим бизнесменом и хорошим сыном. Для Мартина, в любом случае, эти два слова были синонимами.

— Лиза сказала, что ты расстроилась, когда узнала, что я рассказала историю Саймона.

Кэт, как обычно, не хотела никаких сцен. Ее нежное лицо покраснело, и она стала беспокойно осматриваться вокруг, как бы для того, чтобы предотвратить то, что может произойти. Однако обе чашки кофе были полны, кувшин с молоком был накрыт от возможных мух, а шоколадное печенье было надежно спрятано в тени.

— Я не хочу, чтобы ты расстраивалась, — подсказала Харриет.

— Я знаю, что он страдал, — сказала Кэт, задыхаясь. — Ты не должна была использовать это ради денег. Ты заставила меня чувствовать себя тоже вовлеченной во все это из-за тех акций и из-за того, что я нахожусь в вашем совете директоров. Если я директор, то ведь имею я право высказать свое мнение, Харриет? Я должна сказать «нет». Я не хочу участвовать в делах такого рода.

Харриет вновь почувствовала себя нашкодившим ребенком. Она очень не любила злить Кэт, и ей еще больше не нравилось, когда мать бывала несчастна. Она поднялась со своего шезлонга и встала на колени на траве перед Кэт.

— Я руковожу компанией. Решение было мое, и я должна осуществить его, и я скажу тебе, почему.

Кэт выслушала объяснения Харриет. Румянец сошел с ее щек и шеи, но выражение лица было все еще тревожным, полная нижняя губа выступила вперед. Кэт хотела поверить тому, что ей говорили. Она гордилась своей дочерью.

— Это не может повредить Саймону. Я не упоминала его имени. В рекламных материалах нет ни одного вопроса, касающегося его. Можно подумать, что это обобщенная дань всем военнопленным, их воле к жизни.

— Так же, как и твоему решению сделать на этом деньги, не так ли?

Харриет передернуло.

— Еще нет никаких денег. Только отрицательная сумма, гигантская сумма, которую я взяла в долг в «Лендуит Эссоушиэйтс».

Это имя, как ни странно, заставило Харриет, в свою очередь, покраснеть, и она быстро продолжила:

— Без изменения направления я даже не могла надеяться вернуть эти деньги. У меня не было выбора, Я должна была идти вперед и делать либо то, что я делала, либо разориться. Саймон поймет меня, когда я поговорю с ним об этом.

— Когда ты собираешься поехать?

— Гм. Не раньше конца недели. — Были интервью в прессе, на радио и, возможно, на телевидении. — В понедельник, — добавила она, принимая решение. — А когда я заработаю деньги, я смогу сделать что-нибудь полезное. Это же лучше, чем если бы «Мейзу» не существовало вообще.

Кэт вздохнула, но ее лицо прояснилось. Обстановка была выяснена без какого-либо серьезного ущерба. Она наклонилась к Харриет и положила руку ей на плечо.

— Ты хорошая девочка, Харриет. Ты всегда была такой, ты знаешь.

Харриет была довольна и тронута.

— Я была такой? Сохрани свои акции и свое членство в совете директоров, хорошо? Это важно для меня.

Она положила свои руки на руки матери, чувствуя подаренные Кеном обручальное кольцо и кольцо невесты под своей ладонью.

— Если ты так хочешь. Если это сделает тебя счастливой. Ты счастлива, Харриет?

— Конечно, да.

Более, чем вчера. Поразительно, но это так. Когда Харриет подумала о безликой спальне в отеле и небезликих сценах, свидетелями которых были пастельные стены, она вдруг почувствовала себя такой голодной, что позволила Кэт отрезать ей кусок шоколадного торта к огромному удовольствию своей матери, перед тем как она должна будет вернуться к заботам о «Пикокс».

— Хорошая девочка, — сказала Кэт. — Ты выглядишь тоненькой, как спичка.

— Харриет уже здесь?

Понедельник был одним из тех дней, когда Грэм Чандлер присутствовал в офисе «Пикокс», а он приходил рано. Однако Карен уже была здесь первой и распечатывала на первом столе утреннюю почту.

— Нет. Она звонила вчера и сказала, что она уезжает, чтобы встретиться с Саймоном Арчером. Она будет на «Мидлендс Радио» и сделает еще пару таких же дел.

У Грэма подмышкой была зажата газета, одна из ежедневных национальных газет. Он развернул ее перед Карен.

— Как ты думаешь, она это видела?

Карен прочитала абзац, на который указывал его палец. Потом она подняла глаза на Грэма. Они округлились, и в них застыл ужас.

— Как они могли сделать это? Они не должны были этого делать.

— Но они это сделали, — сказал он. — И я думаю, что это не все. Как мы можем найти Харриет или самого мистера Арчера?

Карен отрицательно покачала головой.

— Мы никак не можем. Харриет едет на машине, она выехала уже давно. А у мистера Арчера нет телефона.

Харриет выехала из дома очень рано. Дорога была знакома. В дороге она улыбалась, думая о конце недели, который она провела с Роббином. Она также тщательно отрепетировала, как будет объяснять Саймону замену «Головоломки» на «Мейзу». На заднем сидении машины лежала в коробке, на которой были поблекшие японские иероглифы с оригинала, копия доски.

Когда Харриет подъехала к дому Саймона, она увидела, что занавески, ставшие от старости бесцветными, опущены на всех окнах. Тревога внезапно сжала ей горло. Дом выглядел хуже, чем слепым, он казался мертвым. Она спотыкаясь вышла из автомобиля, так как ноги онемели после длительной поездки, и побежала вдоль разросшейся живой изгороди к парадной двери. От страха она даже не стучала, а колотила по двери. Ее плотно сжатые кулаки наносили сильные удары по лопнувшей краске.

Ответа не было, ничего не было, кроме тишины, в которую вторгся уличный шум из-за живой изгороди, как тоненький ручеек из другого мира.

— Саймон!

Харриет откинула голову назад и, внимательно глядя вверх, пыталась увидеть, нет ли какого-нибудь движения за спущенными занавесками на втором этаже. Но ничего не было. И даже тогда, когда она прижала лицо к мрачным, покрытым слоем грязи окнам первого этажа, она не смогла найти даже щели между опущенными занавесками.

— Саймон!

Ее удары отбили маленькие чешуйки краски от старых дверей, но изнутри не исходило ни одного звука. Она стала на колени перед железным почтовым ящиком, открыла его и посмотрела через щель. Ее сердце сжалось от страха увидеть его лежащим в тусклом коридоре, но она обнаружила, что не может вообще ничего увидеть.

Какая-то толстая, темная ткань, пахнувшая пылью, была повешена на расположенную внутри проволочную корзину для писем. «Он, вероятно, боялся, — догадалась она, — что какие-то глаза будут следить за ним так, как сейчас смотрели ее глаза». Она отпустила дверцу почтового ящика и, все еще стоя на коленях, била кулаком по двери и кричала:

— Саймон! Это Харриет. Что случилось? Пожалуйста, откройте дверь. Дайте мне только посмотреть, что с вами все в порядке. Пожалуйста, Саймон.

Ничего. Харриет почувствовала, что за ней наблюдают. Она посмотрела назад через плечо и увидела двух женщин, смотрящих на нее от ворот.

— Он не откроет, — произнесла одна из них. — Много всяких людей стучали здесь, но он никому из них не открыл.

— Много всяких людей? Каких людей?

Женщина обиделась:

— Я не знаю. Это не мое дело. Я человек посторонний.

— Вы из муниципального совета? — спросила другая женщина.

— Нет, — поспешно сказала Харриет, — ничего такого. Я его старая знакомая. Я волнуюсь за него.

— Я старалась присматривать за ним, — сдержанно сказала первая, — за несколько медных монет. Но нельзя же навязываться людям, когда они сами этого не хотят.

— Он здесь, — произнесла ее приятельница, — и, главное, что у него все в порядке.

— Откуда вы знаете?

— У него горит камин, видите?

Харриет отошла к воротам, и все трое подняли головы вверх. Тонкая струйка дымка, поднимавшаяся из трубы, была такой бледной, что только слегка искажала цвет голубого неба за ним.

— Топить камин в такое время года? — удивилась другая женщина.

— Старые кости. Такие же, как наши, Долл.

— Спасибо, — Харриет прервала их смех, — спасибо, но я все-таки останусь и буду стучать до тех пор, пока он не отзовется.

Как только женщины ушли, она снова встала коленями на ступеньку и прижалась губами к почтовому ящику.

— Саймон, это Харриет. Я знаю, что вы слышите меня. Извините меня. Я очень, очень сожалею. — Потому что Харриет понимала, что бы ни было, что бы ни случилось с Саймоном за этими задернутыми занавесками, все это произошло по ее вине.

Она сделала это и должна была точно знать, что произошло. «Пожалуйста». Она прижала ладони к дереву.

— Пожалуйста, позвольте мне войти.

Наконец, послышался звук, которого она ждала. Это было слабое, медленное шарканье и грохот дверной цепочки, за которыми последовали трудно определяемые звуки падения и скрип. Харриет ждала, встав с коленей.

Наконец, дверь приоткрылась, образуя узкую щель.

Харриет инстинктивно рванулась вперед и вклинила свое плечо в эту щель на случай, если ее попытаются закрыть снова, но сейчас же остановила себя. Вместо этого она даже немного отступила назад.

Тихим голосом она сказала:

— Можно мне войти? Я ненадолго.

Через некоторое время она услышала, что цепочку сняли. Дверь открылась достаточно широко, чтобы она смогла увидеть Саймона, стоящего в коридоре. Она почти вскрикнула.

Он был похож на зверя, пойманного в капкан в своей берлоге. И еще он выглядел очень больным. Его лицо ввалилось под грубой маской седой щетины. Его щеки и глазницы казались пустыми, а тусклые глаза внимательно посмотрели на Харриет из мешков кожи табачного цвета. Харриет охватило смятение, и ей стало страшно. В первый момент ей показалось, что он не узнал ее, но потом она увидела в его глазах, что он помнит ее и, более того, ждал ее.

Она заставила себя сказать спокойным голосом:

— Саймон, могу я войти? Мне трудно разговаривать на улице, на виду у соседей, которые...

Этого было достаточно. Он бросил злобный взгляд в сторону ворот и кивком головы пригласил Харриет войти внутрь. Сразу за дверью она увидела то, что создавало звуки ударов и скрип. Перед дверями были свалены старая ножная швейная машина, сломанное кресло и длинная деревянная балка. Саймон старался забаррикадироваться от захватчиков.

В кухне стоял удушливый запах. На окна были наклеены газеты. Харриет медленно обошла стол, заваленный какими-то обломками, и подошла к Саймону.

— В чем дело? — спросила она спокойно, понимая, что произошло что-то непоправимое. — Что случилось? Скажите мне, и тогда я смогу помочь.

Звериные глаза рассматривали ее. В них был страх, от которого ей стало стыдно, и была угроза, которая, как и животный страх, могла привести к дикому прыжку вперед.

— Что я должна сделать?

Саймон сделал резкое движение плечом. Харриет уклонилась, но осталась на своем месте.

— Вы можете бросить что-нибудь в огонь. — Это были его первые слова.

Она поняла, что своим жестом он указывал на старую кухонную плиту, расположенную в другом конце кухни. Она никогда раньше не видела ее зажженной, а сейчас в ней горело маленькое, слабое пламя. Она подошла и пошарила в хламе возле плиты, нашла желтый пластиковый пакет, совершенно пустой, если не считать горстки черного песка. Здесь больше не было ничего, что можно было использовать как топливо. Однако разумность требований вселила в нее надежду.

— Весь уголь кончился. Еще есть? — Ответа не последовало. — Если вы замерзли, Саймон, может быть, я сделаю вам горячее питье?

Он выглядел так, как будто у него был жар. Она подошла к раковине и почувствовала кислый вкус у себя во рту от того, что лежало в ней.

— У вас нет никакой свежей пищи? Может быть, молока? Вы выходили из дома, чтобы купить себе что-нибудь?

Вдруг, при словах «из дома», Саймон бросился вперед и со стуком захлопнул дверь, ведущую в коридор.

— Я не выйду из дома. Все они оттуда наблюдают, чтобы что-то узнать, все они. Задача состоит в том, чтобы не пускать их сюда. Они думают, что могут смотреть свободно и бесплатно, смотреть на то, на что они хотят и в любое время. Шпионят за мной. Но я заперся от них, не так ли, и прекратил их подглядывания. — Он подошел к маленькому окну и провел рукой по бумаге, приглаживая ее и почти нашептывая над ней. — Я сделал хорошее дело. Удалил их подсматривающие глаза. — Потом он покачнулся, и его голова упала на плечо. — Большинство из их глаз. Некоторые влезают. Я не знаю как. Даже наверх.

Он нахмурил брови и отвернулся от окна. И другим голосом, как будто незакрытое окно быстро открылось до нормального состояния, добавил:

— Я только тебе дал войти, потому что... потому что ты дочь Кэт Пикок, так?

— Да, — мягко ответила Харриет, — это верно. Я дочь Кэт Пикок. Харриет. В честь Харриет Вейн, вы помните?

— Если бы ты была мальчиком, ты бы была Питером.

Спокойно, чтобы не испугать его, она взяла Саймона за руку и повела его к стулу возле последних отблесков огня. Она взяла другой стул для себя, опустилась на него, и тишина воцарилась вокруг них в то время, когда она обдумывала, что можно сделать.

Саймон был чудаком и раньше, затворником со странными идеями даже тогда, когда встретил Кэт, но он был в здравом уме. Сейчас случилось что-то, что опрокинуло, по-видимому, довольно неустойчивое равновесие. Харриет подумала о наблюдающих глазах, которых он, кажется, так боялся. Он свалился в паранойю, в манию преследования. Харриет вспомнила цветные обложки журналов, в содержании которых, она знала это, ей все было непонятно.

— Это из-за тебя? — его глаза остановились на ней.

Харриет затаила дыхание.

— Боюсь, что, может быть, из-за меня. Можете вы мне рассказать, что случилось? И

тогда я, вероятно, смогу что-нибудь сделать.

Саймон рассмеялся, и его смех встревожил ее еще больше, чем его взгляд.

— Я все сделал, — он указал на газеты на окнах. — Я закрыл их, не так ли?

— Расскажите мне, Саймон.

— Первый пришел и начал стучать в дверь, вошел сюда до того, как я смог остановить его, с вопросом: был ли я военнопленным. Что он знает? Что некоторые из них знают?

Он громко кричал, но не на Харриет, а на журналистов, которых она не могла видеть.

— Вы не любите вопросов, Он должен был знать это, — успокаивала его Харриет.

Саймон полностью повернулся к ней и с очевидной разумностью сказал:

— У него был твой листок обо мне и о моей игре. «Вы лейтенант Арчер, не так ли?» — вот что он сказал. Как шпион.

Харриет поняла, что произошло. Какой-то умный журналист взял след.

— Что он написал?

Саймон встал и неустойчиво прошаркал через комнату. Он вернулся с измятой, порванной газетой. Харриет взяла ее, отметив, что это была популярная местная бульварная газета, и, думая о том, кто из соседей мог дать ее посмотреть Саймону.

Она нашла статью и прочитала ее.

Статья была озаглавлена: «Награда за героизм».

«В ужасах Шамшуйпо проявилось замечательное мужество и появилась игра, которая является буквально игрой жизни. Сейчас та же самая игра обещает побить все рекорды продаж. А пока плывут монеты, тот храбрый офицер сидит в одиночестве в своей заброшенной комнате».

Журналист назвал город и улицу, на которой жил Саймон, его настоящее имя. Харриет отложила газету в сторону. Она теперь ясно осознала, что она сделала. Это знание ощущалось, как тяжелый груз, лежащий на сердце.

— Это просто газетная история. Отвратительная навязчивая история, но они печатают подобные вещи каждый день. Это пройдет. В это завернут чипсы и забудут. Я сожалею, Саймон. Я думала, что я сделала достаточно, чтобы защитить вас.

— Они идут один за другим. Один приходит, а за ним другие, как крысы, чтобы выискать еще что-то. Они стучат в мою дверь и заглядывают в мои окна.

Значит, после этой истории здесь были и другие журналисты. Харриет понимала, что это было отражением в грязной воде ее собственного энергичного домогательства известности.

— Я прекращу эти визиты.

Саймон начал плакать. Слезы катились по его лицу, и он даже не пытался стирать их. Харриет вспомнила заплаканное лицо женщины, на которую напали в зеленой аллее парка. Она подошла к Саймону, наклонилась над его стулом и обняла его за плечи. Даже через толстый слой одежды она почувствовала, что у него сухая и очень горячая кожа.

— Саймон, послушайте меня. Я думаю, что вы, вероятно, больны, наверное, какой-то вид лихорадки. Если я позову доктора, вы встретитесь с ним? Вы позволите дать вам хоть какое-то лекарство.

Реакция оказалась такой бурной, какой она и боялась.

— Есть ли кто-нибудь из соседей, кому вы доверяете? Кто бы мог ходить для вас за покупками?

— Я не хочу, чтобы кто-то смотрел за мной, подглядывал.

Он повторял слова механически, как будто они постоянно звучали внутри него.

Харриет встала на колени так, чтобы видеть его лицо. Было невозможно сказать, где проходит разделительная черта между ясным умом и затемнением рассудка, и как ее провести. Когда она была рядом с ним, она боялась за его физическое состояние. У него от рук остались одни кости, и она слышала хрипы при его дыхании. А за ее спиной была запущенная гниющая кухня.

Главным было — оказать помощь, однако на нее накладывало ответственность то, что придется впустить в этот ненадежный храм новых незваных людей. Нетрудно было представить себе белые халаты, проворных профессионалов и беспомощность Саймона в их руках.

«Я уже достаточно ему навредила», — подумала Харриет.

Но она должна что-то сделать.

Все еще стоя на коленях спиной к комнате, Харриет вдруг представила себе картину чистой кухни своей матери. Все заточено, вычищено и пропитано запахом очищенной и отполированной сосны. Вместе с этим образом к ней пришла мысль о своей матери, как о ее собственном храме, столь же непобедимом, как ей казалось в раннем детстве. Харриет страстно пожелала, чтобы сейчас здесь оказалась Кэт.

Вместе с Кэт она сможет противостоять разложению внутри дома Саймона. Вместе они смогут найти правильный способ помочь ему. С помощью матери, только с Кэт она сможет попытаться исправить то, что она сделала.

Харриет схватилась за эту идею, как за плавающую доску при кораблекрушении.

Она осторожно спросила:

— Вы бы хотели увидеть Кэт? Вы бы позволили ей войти в дом?

Наступило молчание, и Харриет испугалась, что он забыл Кэт, окруженный вражескими глазами, реальными или почудившимися.

Но, в конце концов, Саймон пробормотал:

— Она хорошенькая девушка, Кэт Пикок. И хорошая девушка тоже, что бы она не думала о себе. Мне всегда хочется видеть Кэт.

Харриет сомневалась, представлял ли он себе после стольких прошедших лет девушку с мягкими чертами лица. Но она коснулась его руки и сказала:

— Я выйду и позвоню Кэт. Она тоже будет рада увидеть вас. Заодно я куплю угля и что-нибудь из продуктов. Вы меня впустите, когда я вернусь? Я только один раз стукну, очень тихо.

Саймон смотрел прямо на нее. Его слезы высохли.

— Только один раз, — повторил он. — Очень тихо.

Из телефонной будки в конце ряда магазинов в двух кварталах от дома Саймона Харриет первым делом набрала номер «Пикокс». Она не была уверена, что вернется сегодня в офис. Карен должна была оставаться на посту.

— «Пикокс», — ответил приятный голос Карен после двух гудков.

Мысли об офисе, объединяющие вместе доски «Мейзу», заказы и материалы для прессы, сильно контрастировали с тем, что Харриет только что испытала. Голос Карен звучал тревожно на том конце провода.

— Вы видели сегодняшней «Экспресс»? — спросила она.

— Прочти, — велела Харриет.

Это была та же история. Лейтенант Арчер — герой из реальной жизни. Жизнь и смерть,

«Мейзу» и деньги. Было даже еще кое-что — фотография Харриет, очень симпатичный портрет, и новая коробка «Мейзу». И другое, о доме Саймона со всеми зашторенными окнами, то есть о том, что она покинула пять минут назад.

Значит здесь был фотограф, направлявший свой объектив на окна Саймона.

— Скрытый смысл всего этого в том, что мы обдираем его, Харриет, — сказала Карен. — Но ведь мы же этого не делаем?

— Единственные, кого мы сильно обдираем, — это «Лендуит Эссоушиэйтс», — резко ответила Харриет. — Но они могут постоять за себя. Если кто-нибудь будет звонить по этим делам, Карен, то я в отъезде, а у тебя нет никаких данных.

— Хорошо. Звонил Робин Лендуит, спрашивал ваш контактный телефон.

— Ладно. Я вернусь, когда смогу, Карен. — Харриет повесила трубку.

«Больше здесь ничего не сделаешь, — сказала она про себя, — лишь бы «Мейзу» выжила».

Она получила то, что хотела. Известность распространяет известность, и ее не волновало, что другие газеты могут, в свою очередь, дать свои собственные версии. Она понимала, что это не принесет вреда «Мейзу». Она могла даже слышать свой собственный голос, весело повторяющий трюизм на какой-то праздничной выпивке о том, что любая известность — это хорошая известность.

Все, что она сможет сделать сегодня — это попытаться защитить Саймона от «хорошей» известности. Но того, что уже было сделано, не изменишь.

Харриет снова взяла трубку и набрала номер своей матери.

1983 год

В теплом воздухе рождественская елка распространяла аромат предвкушения и торжества. Харриет остановилась, чтобы вдохнуть его, восхищаясь морозным сверканием украшений.

— Как из дома моделей, не хуже.

Огоньки были крошечными белыми точками, шары были сделаны из полупрозрачного стекла, а на посеребренные ветки были надеты банты из белых лент. Здесь не было красных и зеленых блесток, пластиковых фонариков и таких ватных шариков, какие Кэт каждый год покупала для елки, стоящей под неудобным углом к лестнице на Сандерленд-авеню. Харриет заказала рождественскую елку для «Пикокс» по телефону, и этот заказ материализовался сегодня утром из фургона с надписью «Оформление интерьеров на все случаи жизни». Харриет радовалась, когда видела, что хорошие люди хорошо делают работу. «Если бы я давала большой прием, — размышляла Харриет, — действительно большой праздник фирмы, то я пригласила бы «Оформление интерьеров на все случаи жизни» для его организации».

— Она такая красивая, — сказала Карен.

Ее стол располагался с противоположной стороны приемной. Она сидела под прямым углом к бледной светлой деревянной поверхности с гигантским изображением эмблемы «Пикокс», украшенной веером из перьев, которая висела на стене позади нее. С одного конца ее стола располагалась рождественская композиция из плюща, остролиста и рождественских роз, поставленная той же фирмой, что и елка. Харриет подошла проверить ее, прикоснулась к воцеленным завиткам листьев остролиста и шишечкам тычинок, окруженных лепестками цвета слоновой кости и оставляющих следы на кончиках пальцев.

— Это так, — согласилась Харриет.

— Я люблю Рождество, — сказала Карен, — я говорю себе: ты уже взрослая, чтобы так радоваться, но все равно каждый год это бывает.

Она бросила быстрый взгляд на Харриет перед тем, как начать беседу. Обычно Харриет была слишком занята для непринужденных бесед, а когда это бывало, ей не нравилось, что у других есть свободное время. Карен не осуждала ее за это, она понимала, что Харриет работает, не жалея себя, и это заставляло Карен относиться к ней с большой предупредительностью.

«В любом случае, она босс», — говорила Карен Саре, секретарю Харриет, когда они обсуждали эту тему.

Сейчас Харриет улыбнулась Карен.

— Я знаю, я тоже.

Она оглядела все вокруг — от острых линий веера из перьев на бледной стене до аккуратного рабочего места Карен возле коммутатора и дальше до поблескивающей елки. Она вздохнула:

— Этот офис — подарок мне к Рождеству. Я еще не верю, что мы здесь.

Они уже находились в новом офисе в течение месяца. Харриет была горда. Хотя помещение не было сверхроскошным, оно было заново отремонтировано и располагалось в Сохо. Весь пол закрывал подходящий по цвету новый ковер, тяжелые двери были плотно

подогнаны, и, таким образом, разговоры, которые велись за дверью были не слышны, и еще тут было достаточно места для восьми сотрудников, работающих полный рабочий день. «Пикокс» все еще расширялась.

— Это был неплохой год, — тихо сказала Карен.

Она чувствовала себя иногда так, как будто ее омывает стремительный поток. В течение шестнадцати месяцев с момента запуска в производство «Мейзу» обогнала по количеству продаж все игры на рынке. О ней столько писали, столько говорили, их столько было куплено, подарено и принято в подарок, что, казалось, в каждой семье в стране должна быть такая игра. «Мейзу» стали производить и в Америке, а в это Рождество ее продают по лицензии в тринадцати других странах.

«Чтобы добиться этого, — думала Карен, — Харриет превратила себя в торговый автомат». Было время, прошлым летом, когда, казалось, она не отказывалась ни от чего ради создания известности, лишь бы только внимание концентрировалось на ней и ни на ком другом. Бульварные газеты называли ее «Девушка Мейзу».

Карен бросила быстрый взгляд на коммутатор. Две линии были заняты. Грэм Чандлер все еще разговаривал о выполнении печатных работ в Италии. Никто такого не ожидал, и это было прекрасно. Нельзя было допустить, что бы тот, кто звонил, прождал более двух гудков, когда Харриет стояла рядом. Даже если казалось, что праздничное настроение смягчило ее.

— Неплохой год, — повторила Харриет, — но что вы ждете в следующем, Карен, мы ведь еще только начали.

«Прежде всего рождественский отпуск, — подумала Карен. — Мне нужно отдохнуть».

— А что вы делаете на Рождество? — спросила она Харриет.

— Какое-то время с родителями. Хочу встретиться с некоторыми друзьями, если они еще помнят, кто я такая. А вы?

— То же самое.

Они улыбнулись друг другу, признавая неразумность чувств, вызываемых такими планами. Однако запах рождественской елки, гирлянды плюща и остролиста действовали на них обеих. Харриет бросила последний взгляд на белое и серебристое мерцание елки, взяла дневную почту, которую Карен подготовила для нее, и с меньшим рвением, чем обычно, понесла ее в свой кабинет.

Комната была еще пуста. Не было времени собрать картины или предметы интерьера. Единственным украшением на фоне бледных стен были коробки с «Мейзу». На это Рождество для продажи вместе с первоначальным вариантом, принесшим в прошлом году быстрый успех, Харриет запустила в производство новый вариант оформления. Доска была черной с белыми воротцами, а шарики, фишки и коробки были яркого первоначального цвета.

Харриет улыбалась, глядя на коробки с радугой. Они были почти такими же, как первые коробки «Головоломки». Это будет очень приятное для нее подтверждение правильности первоначального решения, если вариант с радугой в этом году обгонит доску Шамшуйпо.

Шамшуйпо.

Настроение Харриет изменилось. Она села за стол и начала работать с почтой. Это были, в основном, рождественские открытки от поставщиков и оптовиков. Она расставила яркие прямоугольники на шкафу и задумалась о том, что она дальше должна сделать. Самым легким делом была работа. Она открыла папку и погрузилась в предложения изобретателя игр, который предлагал «Пикокс» использовать его идею и пустить в производство.

Послеобеденное время прошло, как обычно, в телефонных звонках и разговорах с Грэмом, теперь уже производственным директором с полным рабочим днем, и Фионой, которая теперь занималась рекламной деятельностью. Харриет обычно была слишком занята, чтобы думать о мире вне «Пикокс».

Она удивилась, как она и всегда удивлялась, когда Сара просунула голову в дверь, чтобы попрощаться.

— Уже время?

— Да. И я должна идти, Харриет. У меня свидание.

— Всего хорошего, — попрощалась Харриет.

Она неторопливо готовилась к уходу с работы, вынимая охапку документов из стола и укладывая их к себе в портфель, читая последнюю подборку цифр, а затем проверяя раскрытый дневник на столе на предмет назначенных на завтра встреч. Ланч с Джейн в час пятнадцать, прочла она, слегка нахмутив брови. Это надо будет сделать быстро. У нее в три встреча с изобретателем игр.

В приемной она еще раз полюбовалась елкой и выключила свет. Она уходила с некоторой неохотой и улыбалась сама себе. Не было никаких неприятностей. Было очень хорошо чувствовать себя неразрывно связанной со своим делом. И они вместе будут процветать. Харриет взяла свою тяжелую сумку и закрыла за собой дверь.

Она поехала на север по Уорддор-стрит и под висячими звездочками пересекла украшенную ими Оксфорд-стрит. Безлюдные и темные улицы в северном направлении казались загадочными после залитого светом Сохо в его рождественском оформлении, однако Харриет уверенно выбирала маршрут, позволяя себе расслабиться после рабочего дня. Это был хороший день. Ей нравилась новая идея игры, и было ясно, что она сможет продать ее. «Что я ищу, — писал ей изобретатель, — так это ваше искусство маркетинга. Я слышал, что вы можете сделать это лучше, чем кто-либо другой». Харриет напрягла руки, повернула руль и сделала правый поворот в основной поток машин, движущихся домой. «Вот так «Пикокс» должна развиваться», — подумала она. Действовать вместе с разработчиками игр, совершенствовать идеи, изготавливать и продавать.

Никогда не будет другой «Мейзу», ничто снова не будет работать так, как эта игра. В своем новом автомобиле, несколько более быстрой модели, чем она в действительности нуждалась, что было привилегией, которую она оправдывала своей любовью к вождению машины, Харриет влетела на холм, ведущий к дому. Она проехала мимо поворота, который вел к ее старой квартире в Белсайз-парке, потому что теперь она повысила свой уровень и поднялась на холм, в Хэмпстед. Кошки были возвращены заботам их настоящей хозяйки без сожаления с обеих сторон, а Харриет купила себе квартиру.

Тут на тихой боковой улице располагался когда-то огромный семейный дом из обтесанного или, как настаивал ее агент по недвижимости, резного камня. Харриет принадлежал здесь первый этаж с садом, включающий, собственно, только три комнаты, но они были очень большие, с высокими потолками, красивыми карнизами, мраморными каминами и высокими, прочными филленчатыми дверями.

После дома-коробки, в котором жили они с Лео после ее замужества, и тесноты снимаемой квартиры ее новый дом воспринимался как дворец. Харриет его очень любила за все принадлежащее только ей огромное пространство с чувством тайного и почти неприличного триумфа. Запрашиваемая цена была, казалось, немислимой. Однако Джереми Крайтон охарактеризовал такую покупку, как разумное капиталовложение, а Робин

согласился с ним.

— Живи в любом приличном месте, — убеждал он ее из комфорта своего прекрасно организованного дома, — если ты не хочешь жить со мной здесь.

Это приглашение он повторял тогда почти так же часто, как встречался с ней.

Харриет отрицательно покачала головой:

— Я куплю квартиру в Хэмпстеде, — спокойно говорила она.

Она всегда с большой неохотой покидала свой элегантный офис, а теперь, приехав домой, она испытывала такое же удовольствие. Она поднялась по широким ступеням, открыла парадную дверь и забрала ожидающую ее почту. Это были, в основном, рождественские открытки, пачка была значительно тоньше, чем в «Пикокс».

Харриет открыла замок второй двери, ведущей в ее собственную квартиру. Она включила свет и почувствовала прилив простого и откровенного удовольствия. Здесь были тепло, свет и пространство — все ее собственное. Она медленно выполняла короткий и доставляющий удовольствие ритуал прибывания домой. Она сбросила туфли и оставила их возле двери. Ощущая под ногами тепло и гладкость полированного паркета, она неслышно прошла в кухню, любуясь бликами света и блеском мраморных поверхностей.

Она открыла холодильник (оснащенный всеми последними немецкими усовершенствованиями, о которых так много говорил агент по недвижимости), взяла бутылку белого вина и налила себе стакан. Поглаживая стекло, она постояла несколько секунд возле огромного окна, глядя на черное пространство своего сада, а затем опустила белые шторы.

Снизу, из ее спальни открывался такой же вид, но только под более прямым углом. Там была ванная комната, облицованная черными и белыми плитками с огромной старомодной ванной, похожей на ту, что была у Робина.

Харриет с удовлетворением вздохнула. Иногда она вспоминала последовательность событий, которая принесла ей все это с неопровержимой логикой, а иногда, как сейчас, казалось, что все слишком хорошо, чтобы быть правдой, как будто она выиграла в лотерею или скоро проснется сидящей в оцепенении в арендуемой квартире под холмом с бизнес-планом перед собой и голодными кошками, мяукающими возле ее ног.

Харриет остановилась, наслаждаясь моментом. Она сознавала, что из-за своей занятости она никогда не находила времени помечтать о том, что будет.

«Я здесь, — говорила она себе, — это то, во что я верила». И, как всегда, она слышала ответ: «За счет кого...»

«Возможно, — думала она, — наилучшим выходом было бы вообще не думать об этом, двигаясь вперед тем путем, который она себе выбрала».

Она прошла через двойные двери в гостиную, неся тяжелую сумку, как щит, села и разложила работу на подушках рядом с собой. Сейчас она будет работать, а если позже захочется есть, то она что-нибудь себе приготовит. Она, конечно, сможет вновь испытать то же удовольствие, которое у нее возникло, когда она вошла в свою прекрасную квартиру.

Харриет работала в течение двух часов, забыв обо всем. Была половина десятого, по ее расчетам, когда она закрыла последнюю папку и собиралась идти в кухню, сделать себе бутерброд, а потом посмотреть по телевизору десятичасовые новости.

Однако в самом низу стопки лежала еще одна папка, синяя, без наклейки наверху. Харриет резко открыла папку и увидела аккуратную подборку газетных вырезок. Сейчас она вспомнила, что Сара что-то искала в подшивке вырезок. Она положила эту папку на стол

Харриет вместо того, чтобы поставить ее на свое место в шкафу, и Харриет прихватила ее вместе с остальной работой.

Здесь была история и, хотя она знала каждый листок в этой папке, она все еще переворачивала их, и ее глаза пробежали по столбцам и строчкам газетной бумаги с вставленными в них окнами полупрозрачных фотографий. Ее собственное лицо со слишком широкой улыбкой, растрескавшаяся доска от ящика и слепые глаза дома Саймона. Это был небольшой кусок прошлого, все восемнадцатимесячной давности, когда пирамиды «Мейзу» появились в каждом магазине и когда Саймона отвезли в больницу.

Харриет позвонила Кэт из телефонной будки в двух кварталах от дома Саймона. Ее голос был резок от волнения.

— Пожалуйста, приезжай. Он болен, он в замешательстве, и он не хочет видеть ни доктора, ни кого бы то ни было другого, кто мог бы помочь ему, кроме тебя. Он думает, что люди шпионят за ним.

— Какие люди?

— Приезжали несколько репортеров. По поводу игры.

— О, Харриет, — прошептала Кэт, — что ты наделала.

Кэт приехала на машине Кена, которая казалась слишком большой для нее. Харриет наблюдала за ней через узкую щель между занавесками. Она видела, как ее мать вышла из большой машины, немного онемевшая от долгого сидения за рулем, и посмотрела вверх и вниз по старой улице. Здесь не было видимой связи со светловолосой девочкой, велосипед которой налетел на фонарный столб. Харриет побежала открывать дверь. Она должна сдержать страстное желание с облегчением броситься в объятия матери.

— Спасибо, что ты приехала, — прошептала она по-детски. — Я не знаю, что мне делать.

Лицо Кэт было мрачным.

— Где он?

Харриет повела ее в кухню.

Саймон все еще сидел на своем стуле. Серый свет проникал через завешенные газетами окна. Огонь в старой кухонной плите был похож на красный лепесток на куче серой золы. Кэт даже не заметила беспорядка в комнате. Она пересекла кухню, подошла к Саймону, легко положила свою руку на его плечо.

— Саймон. Это Кэт. — И когда ответа не последовало, повторила: — Это Кэт. Посмотри на меня, Саймон.

Он послушно посмотрел в лицо Кэт. Наблюдая за ним, Харриет увидела, как рассеивается безразличие. Она поняла по его глазам, что он узнает, узнает с примесью испуга, а затем на его лице появилось выражение опустошенности и бесконечной грусти. В беспорядке своего вывихнутого мира Саймон, должно быть, ожидал увидеть прелестную, свежую, не битую жизнью восемнадцатилетнюю девушку, которая только однажды мелькнула перед глазами Харриет. У Кэт были поблекшие волосы, морщины на лице и округлившееся тело.

— Постарела? — просто спросила Кэт.

— Я всегда рад видеть тебя, Кэт, — ответил Саймон. — И никого больше.

Харриет наклонила голову, молча приняв укор.

— Ты не заботишься о себе, Саймон. У тебя жар. Разреши мне вызвать врача только для того, чтобы он осмотрел тебя и дал лекарство.

Саймон схватил Кэт за руку. Харриет почувствовала силу его хватки на себе.

— Только ты, Кэт. Никто из тех, кто там. Они следят за мной, как будто хотят меня съесть.

Харриет еще помнит тот взгляд, который тогда подарила ей Кэт. Привыкшая к любви матери, ее поддержке и восхищению, она тогда захотела убежать и где-нибудь спрятаться.

— Тогда ты должен меня выслушать и сделать то, что я тебе скажу, — настаивала Кэт.

Саймон покорно кивнул головой.

Вдвоем они привели его наверх в спальню. Они постелили ему чистое белье и устроили его поудобнее в кровати, положив между подушками грелки с горячей водой. Глаза Саймона не отрывались от Кэт, пока она ходила вокруг него.

Она подошла к окну и, подняв занавески, сказала:

— На улице светит солнце. Было бы очень хорошо впустить его лучи в комнату, не правда ли?

Он съезжился в постели, и Харриет увидела страх и замешательство, написанные у него на лице. Она должна была что-нибудь сделать, чтобы уменьшить их, но понимание того, что она ничего не может сделать, хлестало ее, как плеть.

— Все в порядке, — спокойно сказала Кэт. — Потом мы снова опустим занавески.

Она села на край постели. Очень неуверенно, как будто пытаюсь проверить, действительно ли она здесь, Саймон прикоснулся к ее руке.

Харриет оставила их. Спеша, она почти скатилась вниз по ступенькам. В кухне она засучила рукава, вскипятила воду и из груды мусора в шкафу под лестницей взяла ведро и швабру, которые она использовала в свой первый визит. Она начала мыть, работая быстро и дыша ртом, чтобы не подпустить к себе коктейль из кислых запахов. Она думала о своем первом приезде сюда, тогда она очистила и вымыла стол. Того Саймона было еще нелегко испугать. Сейчас он весь состоял из страха.

Если бы она могла вернуться ко времени своего первого визита, испытывала себя Харриет, смогла бы она отдать ему назад «Мейзу» для того, чтобы еще раз запрятать ее среди куч старого хлама в соседней комнате.

Однако еще до того, как она закончила задавать себе этот вопрос, она уже знала, что не смогла бы. Если она и могла бы сделать что-нибудь по-другому, так это изменить историю настолько, чтобы ни один даже самый ловкий журналист никогда не нашел бы Саймона. А в реальной ситуации она не могла ничего сделать, что имело бы для него какое-то значение.

Харриет ненавидела осознаваемое ею чувство бессилия. Она работала с яростной энергией, чистила и мыла.

Наконец вниз спустилась Кэт.

— Он заснул, — сказала она.

Две женщины смотрели друг другу в лицо. Харриет знала, что ее мать ждет от нее объяснений или оправданий. Она вновь почувствовала, что мать гордится ею, а сама она нуждается в материнском одобрении.

— Мне следовало быть более осторожной, — сказала она наконец. — Необходимо было сделать так, чтобы «Мейзу» никак не касалась Саймона, и ничто не было с ним связано. Это моя вина, что люди пришли сюда подглядывать за его жизнью.

— Тебе, вообще, не следовало рассказывать его историю. Ты могла продать свою игру и другим способом.

Харриет сказала тихо:

— Я не думаю, что могла. Даже сейчас я еще не могу.

Потом наступило молчание. Когда Кэт заговорила снова, чувствовалось, что больше говорить не о чем.

— Ему нужен врач, мы обязаны сделать это для него. Возможно, больница. Они, конечно, не захотят оставить его здесь, а мы не можем оставаться здесь вечно, не так ли?

Харриет представила себе их вторжение, что это будет значить для Саймона.

— Дай мне закончить то, что я могу сделать здесь. Если я смогу сделать так, чтобы здесь было чище, заготовлю пищу, уголь и все остальное, что ему нужно, возможно, врач разрешит ему остаться здесь. Можно нанять сиделку и домашнюю работницу, если Саймон согласится на это. Денег достаточно, для того чтобы пригласить частную сиделку. «Пикокс» должна ему деньги от продажи «Мейзу», мы посылали ему чеки, но он никогда не ходил в банк. Я открыла на его имя счет. Там хватит денег на все, что бы ему ни понадобилось, на все, в чем он нуждается...

Говоря это очень быстро, Харриет слышала себя. Слушая, она понимала, что деньги не компенсируют всего.

— Я уверена, что это поможет, дорогая, — сказала Кэт без особой уверенности. — Давай сделаем то, что мы можем сделать для него в первую очередь, сейчас.

Кэт и Харриет пробыли там двадцать четыре часа. Кэт спала ночью в пыльной задней спальне, в которой однажды ночевала и Харриет, снявшая в этот раз комнату поблизости с кроватью и завтраком. Хозяйка в шарфе поверх светлых, торчащих завитков волос, готовая к какому-то торжеству, узнала Харриет по журнальной статье о «Мейзу». Пачки старых журналов были сложены на табуретке в рабочем кабинете в задней части дома.

Она пригласила Харриет в дом, заставила ждать, пока она перебирала свои журналы, нашла нужную статью и попросила Харриет дать автограф. Она поинтересовалась тем, что Харриет здесь делает. Харриет уклончиво ответила, что навещала друзей, живущих поблизости.

Харриет боялась, что женщина могла увидеть заметку о Саймоне в местной газете, но, видимо, этого не произошло. Она заплатила за ночь, даже не заглянув в комнату, и ушла очень рано утром, чтобы продолжить работу в доме Саймона.

Настолько, насколько они могли, Кэт к Харриет вместе убрали дом и сделали его на вид более ухоженным. Пока они работали, Саймон спал за задернутыми занавесками. Он принимал горячее питье, которое они ему приносили, но почти ничего не ел.

Они нашли врача, который согласился прийти домой. Он появился вечером на следующий день. Кэт проводила его наверх, а Харриет ждала на кухне. Предсказания Кэт оказались верными. Врач, молодой человек с лицом, покрытым преждевременными морщинами, настаивал на том, что бы отправить Саймона в больницу. Он установил у него бронхопневмонию, обезвоживание и, вероятно, недоедание.

— Имеет место также некоторая спутанность сознания, — добавил врач.

Он был явно переутомлен, но полон сочувствия. Кэт и Харриет ждали.

— Пока его не начали лечить, можно сказать только это. Вы все делаете правильно, — добавил он ободряюще.

Кэт снова поднялась наверх, для того чтобы упаковать сумку для Саймона. Харриет сходила в ближайшую аптеку и купила новую зубную щетку, мыло, салфетки для вытирания лица и одноразовые лезвия, упаковала свои покупки в пластиковый мешок с молнией, раскрашенный разноцветными полосками. Туалетные принадлежности выглядели слишком

новыми и слишком дешевыми одновременно, как будто Саймон был многолетним обитателем приюта или заключенным, который был поспешно освобожден, так как стал неудобен.

Харриет взяла в руку мешок и медленно пошла назад по туманным улицам, переполненным ребятами, катающимися на роликовых досках мимо прогуливающихся парами девочек-подростков.

Кэт сидела на кровати Саймона, его пальцы лежали на ее руке. Харриет ожидала вместе с ними, пока не послышался звук остановившейся внизу на улице машины скорой помощи. Глаза Саймона забегали.

— Я не хочу ехать с ними, — сказал он.

Кэт наклонилась вперед.

— Ты должен ехать, чтобы тебе стало лучше. Потом ты сможешь снова вернуться домой. Это ненадолго, Саймон. Я обещаю.

Неожиданно, к удивлению Харриет, он улыбнулся.

— Ты хорошая девочка, Кэт. Я помню.

Кэт вспомнила его руку на своей талии, когда ее талия была тонкой и гибкой:

— Я помню, — ответила она ему.

Санитары скорой помощи в синих форменных рубашках поднялись на второй этаж. Они помогли Саймону спуститься, усадили его в кресло-качалку и обернули красным шерстяным одеялом его колени. Один из них вытолкнул кресло через парадную дверь, а затем и через разросшуюся живую изгородь. Маленькая группа соседей наблюдала, стоя на противоположном тротуаре, а три маленьких мальчика, один из которых, возможно, был тем, кто катался на роликовых коньках и предупредил Харриет о сумасшествии Саймона, с любопытством заглядывали в машину скорой помощи. Саймон посмотрел на всех. Здесь не было занавесок или газет, чтобы закрыть глаза. Он наклонил голову и поднял руку, чтобы заслонить лицо.

Один из санитаров ловко завел кресло в машину, закрепил его в нужном положении и пошел вперед закрывать двери. Его коллега обошел вокруг машины к водительской двери. Харриет и Кэт, наблюдая, стояли рядом. Они ободряюще улыбались, а Кэт подняла руку, чтобы помахать ему вслед.

— У него все будет в порядке, — сказал санитар, идя вперед. — Не правда ли?

Саймон сидел неподвижно. Двери закрылись, оставив его внутри с симпатичными внимательными глазами, и большая белая машина скорой помощи укатила прочь.

Харриет и Кэт медленно вернулись в дом и заперли его. Они вышли из дома, не оглядываясь, и стояли между двумя своими припаркованными автомобилями.

— Я буду звонить в больницу каждый день, — сказала Харриет, — и буду навещать его так часто, как только смогу.

Она была уверена в том, что ему лучше было бы видеть Кэт, но у Кэт были Кен и Сандерленд-авеню, а Кену не нравилось, когда жены не было дома, то есть там, где ей положено быть. Тут уж ничего, казалось, нельзя было сделать. Обе женщины поцеловали друг друга и сели в свои автомобили.

Когда они поехали, Харриет хотела не потерять из виду машины своей матери, но она упустила ее почти сразу же в клубке уличного движения в центре ее бывшего родного города.

В своем собственном доме Харриет перелистывала твердые пластиковые листы в папке с газетными вырезками. Она знала содержание следующей подборки вырезок, как будто она сама их писала. Зарабатывать эти недолговечные абзацы было тяжелее, чем почти все, что ей приходилось делать. Она читала заголовки. «Игра жизни и смерти», «В лабиринте», «Эта азартная игра», «Головоломка под другим именем». Были тут и печатные восхваления, к которым она стремилась, концентрирующие внимание на игре, на ее собственном азартном решении опубликовать это, на решении изменить название.

Она сделала все, что только она могла придумать, для создания известности, — воссоздание с фотографом ее автобусных маршрутов по Оксфорд-стрит, переименование на один день городского шахматного сада в «Мейзу-Мейз», приглашение математиков, спортсменов и актеров мыльных опер, чтобы выбрать лучшего игрока в «Мейзу».

Она будет делать все, чтобы о «Мейзу» говорили или чтобы говорили о ней, потому что в то же самое время это будет означать, что забыли о Саймоне. В конце концов, ее решение создать о себе легенду тоже стало историей, и, таким образом, родилась «Девушка Мейзу». А для того, чтобы стать «Девушкой Мейзу», Харриет разработала свое второе я — человека без духовных интересов, с яркой улыбкой и быстрой речью — «якобы Харриет», которой в действительности не существовало, но которая обладала очень толстой кожей и в то же самое время давала выход для огромного количества энергии, неприятно бурлящей в подлинной Харриет.

Вторая Харриет стала лучшим другом болтливых репортеров и авторов текстов для радиопередач. Информация, состоящая из мелких эпизодов, рекламирующих «Мейзу», рисовала Харриет как женщину-бизнесмена новой волны, как героя заканчивающейся успехом острой истории, как делающую карьеру девушку, ставящую дело выше личной жизни.

Ради «Пикокс» Харриет рассказала о своем неудачном замужестве приятной девушке из одного женского журнала. Рассказ вышел под заголовком «Почему бизнес значит для меня больше, чем замужество».

Лео холодно выразил неудовольствие тем, что он, по его мнению, был изображен как самая неудачная строка в ее жизни, которую надо стереть во что бы то ни стало.

— Ты же знаешь, что я так не считаю, — ответила реальная Харриет.

Были тут и другие материалы, но они не были посвящены нынешней жизни Харриет, потому что «Пикокс» победила.

«Я люблю, когда меня приглашают на обед, да, я люблю ходить в оперу с какой-нибудь знаменитостью, — цитировала ее пресса, — но любовь требует времени, а у меня его не так уж много, чтобы расходовать на это».

— Это правда? — спросил ее Робин однажды ночью, когда они лежали в темноте.

— Я была сдержанна, — ответила Харриет, хотя они оба знали, что это не было ответом на вопрос.

Теория Харриет состояла в том, что любая известность — это хорошая известность, любая известность, не касающаяся Саймона. И она верила, перелистывая покрытые пластиком листы, что она была права. «Мейзу», «Пикокс» и сама Харриет стали центром внимания прессы, и, соответственно, уменьшился интерес к Саймону. Было очень мало фотографий пустого дома и рассказов о настоящем офицере, которые в любом случае вели в никуда, зато Харриет была всегда доступна, заметна и бесконечно находчива.

Саймон провел несколько недель в больнице, а когда вернулся, то обнаружил, что его

дом отремонтирован. Харриет и Кэт не один раз посещали его отдельно друг от друга. Он был спокоен, по-новому пассивен, но чувствовал себя, по-видимому, снова хорошо. Он мог уже ухаживать за собой, как всегда это делал. Он не проявлял никакого интереса к деньгам «Пикокс», которые собирались на его счете, как бы Харриет не старалась убедить его использовать эти деньги.

За последние двенадцать месяцев темпы роста производства «Пикокс» составили почти четыреста процентов. Компания приобрела новые офисы, приняла на работу управляющего по обслуживанию покупателей и скоро, наверное, понадобится коммерческий директор, чтобы снять часть нагрузки с Харриет.

Мартин и Робин Лендуиты были довольны прогрессом их капиталовложений.

Харриет с задумчивым видом закрыла синюю папку и опустила ее к остальным в свой портфель.

Когда на столе рядом с Харриет зазвонил телефон, она подняла трубку и обнаружила, что это Робин, как будто он понял, что она думала о нем.

— Что ты делаешь? — спросил он.

Харриет улыбнулась.

— Думаю о возможности создания «Мейзу» для путешественников в блистерной упаковке, думаю о точке, через которую можно было бы проводить сверхбыструю продажу. Я думаю об этом почти все время, пока не прихожу домой, а сейчас я намерена остановиться.

Это было почти правдой. Она не скажет ему, что подвергла себя суду газетных вырезок и признала себя виновной.

— А что сейчас?

— Я думаю, в постель.

После непродолжительного молчания Робин спросил:

— Можно я приеду и присоединюсь к тебе?

Это была необычная просьба. По молчаливой договоренности, которая, казалось, устраивала их обоих, Робин и Харриет проводили вместе один-два вечера в неделю по рабочим дням в театре или опере или просто обедали. Иногда они ходили на вечеринки или в ночные клубы, обычно по приглашению кого-нибудь из друзей Робина или партнеров по бизнесу, но Харриет предпочитала более раннее время, потому что утром ей требовалась ясная голова. Весь вечер и часть уик-энда они проводили вместе в зависимости от их личных планов. Робин часто бывал за границей, а в последнее время и Харриет тоже стала путешествовать.

После их вечерних выходов они возвращались либо в дом Робина, либо в новую квартиру Харриет. Она все еще удивлялась тому, как много радости она получает от пребывания в постели с Робинот Лендуитом. Иногда, когда она неосмотрительно вспомнит об этом, о том, как он в последний раз прикоснулся к ней и что он сказал, ее мышцы сжимаются и перехватывает дыхание.

Это случилось и сейчас, как только она подумала, двадцать минут от Баттерси...

Но уступить сегодня означает поставить себя перед риском дальнейших уступок собственным желаниям и потребностям Робина. «У нас есть прекрасные договоренности, — подумала она, — и они хорошо работают». С самого начала она больше всего боялась ответственности и зависимости, а если договоренности между ними начнут изменяться, то к чему это может привести?

Таким образом, вопреки своему желанию она сказала:

— Нет. Не сегодня, Робин. У меня завтра серьезный день.

И тотчас она подумала: «Чего я боюсь? Робин независим, и мне нет никакой нужды чувствовать ответственность перед ним. Это моя собственная слабость. Страх, что я могу поддаться и признать, что нуждаюсь в нем...»

— Жаль, — ответил Робин.

Голос его прозвучал хрипло, почти неразборчиво. Харриет на мгновение подумала, не выпил ли он, пока не поняла, что то, что она слышит, — это нежность. Ей вспомнилось начало.

— Мы завтра встретимся на ланче? — спросил он.

Харриет прикусила уголок губы.

— Мне бы очень хотелось, но я не могу. У меня завтра ланч с Джейн, и я уже один раз его откладывала.

Она услышала, как на другом конце провода Робин засмеялся. Это был тихий, теплый смех, который снова заставил ее вспомнить, как хорошо, когда он лежит рядом с ней и скользит своей рукой по ее бедру к складкам между ногами.

Харриет неожиданно встала и пошла с телефоном в руке. Она подошла к зеркалу в позолоченной раме, расположенному над каминной полкой, и с антипатией внимательно посмотрела на свое собственное отражение.

— В таком случае, — сказал Робин, — я вынужден сделать это по телефону. Я еще не представляю как, но я должен сделать это. Ты должна принять соответствующую позу, ты знаешь какую, даже если бы мне пришлось стоять на голове.

— Робин, о чем ты говоришь? Может быть, ты немножко пьян.

— Нет, дорогая. Более трезвым быть нельзя. Харриет, ты выйдешь за меня замуж?

Она увидела, как дрогнули глаза у ее отражения. Она заметила также и кое-что еще — свет и тепло на своем лице, от чего она похорошела и стирались морщинки в углах рта. Пальцы стали влажными. Харриет почувствовала, что она на полпути между смехом и слезами.

— Я уже замужем, — прошептала она.

— Это не серьезное препятствие, как ты сама должна знать.

Харриет было жаль, что она не сказала: «Да, приезжай сегодня». Было бы легче сказать все прямо ему, а не его требовательному бестелесному голосу.

— Нет, Робин. Ты слышишь меня? — она сказала это чересчур резко, но она не могла взять назад свои слова. — Я не могу. Я чувствую, что «Пикокс» забирает сейчас всю меня. У меня не останется сил, чтобы бросить это и выйти замуж. Я очень счастлива с тобой, Робин. Мне нравится то, что мы с тобой делаем, все, что мы делаем вместе. Я не могу снова выйти замуж. Ты слышишь меня?

— Я слышу. Я встаю с колен.

— Ты действительно стоял на коленях?

— Теперь ты никогда не узнаешь.

— Черт, — она уже кричала.

Она увидела пару крупных капель, появившихся в углах глаз, мгновенно накапливающихся и покотившихся вниз с обеих сторон носа.

— Я люблю тебя, Харриет.

Она слушала тишину, слушала его дыхание в двадцати минутах езды от нее на белом

порше. Свободной рукой она вытерла слезы. Ей хотелось высморкаться, ей хотелось еще плакать.

— Скажи это, — потребовал он.

— Я люблю тебя тоже.

Это была половина правды, достаточно правды для того, чтобы удовлетворить, как и со многими другими правдами, с которыми она имела дело в последнее время.

Робин тихо сказал:

— Хорошо. Желаю тебе приятного ланча. Увижу тебя в пятницу. — И повесил трубку.

Харриет швырнула телефон на место, медленно спустилась по ступенькам в свою большую роскошную ванную комнату, сбросила одежду и стояла под горячим душем, под которым не имело значения, что слезы бежали у нее по лицу. Она плакала, так до конца и не понимая, зачем ей нужно плакать, а когда слезы закончились, она вытерлась и наложила крем на свои распухшие щеки.

А затем она направилась в постель, говоря себе, что надо быть счастливой, и в конце концов заснула.

Джейн приехала первой. Она сидела за угловым столом в ресторане со сложенной на столе перед ней «Гардиан», изучая раздел, посвященный образованию. Она видела, как Харриет пробирается между Столами в ее направлении.

— Я всегда опаздываю, — сказала Харриет, — извини.

— Это не имеет значения. Ты хорошо выглядишь, Харриет.

«Я тоже хорошо выгляжу», — подумала Джейн. Не было ничего примечательного, за исключением того, что, казалось, у Харриет было здесь свое общество. Два-три человека за соседними столами повернулись, чтобы посмотреть на нее, и как будто узнали ее.

«Девушка Мейзу», — вспомнила Джейн. Нелепость такого титула заставила ее улыбнуться, не разжимая губ. Харриет заметила выражение ее лица и дернула за баску свой ярко-красный жакет, думая, что Джейн, вероятно, имеет в виду ее одежду. Джейн была одета в один из своих стандартных костюмов, который по стилю, однако, меньше, чем обычно, напоминал военный лагерь, потому что были школьные каникулы. Их одежда была в высшей степени контрастна.

Харриет объяснила:

— У меня сегодня день встреч. Я таким образом пытаюсь выглядеть значительнее.

— Очень успешно.

Харриет быстро села.

— Что будем есть?

Ресторан был полон, с шумными рождественскими застольями коллег по офисам, которые уже становились бурными. Харриет начала беспокоиться о своей встрече в три часа.

— Я бы просто ограничилась салатом-моззарелла, — сказала она, не глядя в меню.

— Я голодна. Я взяла бы лапшу.

Они сделали заказ и откинулись на спинки кресел, глядя друг на друга. Прошло больше двух недель с тех пор, как они встречались в последний раз. Харриет попыталась вспомнить, какими новостями они обменялись тогда. Джейн ставила школьный рождественский спектакль, и Харриет получила представление о закулисных драмах, рассказав, в свою очередь, о пике рождественских распродаж и о повторном выпуске коробок с радугой.

— Помнишь ночь перед Ярмаркой игрушек? — спросила Джейн, и они обе рассмеялись.

И в том случае, когда они попросились в конце вечера, Харриет уходила с чувством, что они что-то еще не обсудили. Сейчас она незаметно посмотрела на часы. Времени, оставшегося от их часа на ланч, уже не хватало ни на что.

— Прошло много времени, — отреагировала Джейн в ответ на мысли Харриет. — Что-нибудь произошло?

«Прошлой ночью предприниматель, инвестирующий средства в рискованные предприятия, к которому вы все относитесь неодобрительно, предложил мне выйти за него замуж». Харриет знала, что она не будет упоминать об этом, и понимание этого заставило ее почувствовать ту пропасть, которая образовалась между Джейн и ею. В последнее время и Джейн не говорила много о своих собственных любовных делах или об их отсутствии.

Харриет пообещала себе, что в следующий раз, когда они встретятся, именно в следующий раз, когда бы это ни произошло, они поговорят по-настоящему.

— Только работа. В следующем году мы собираемся сделать «Мейзу» для путешественников. И изыскиваем возможности для выпуска некоторых новых игр. Две идеи выглядят вполне многообещающими, сегодня днем я встречаюсь с изобретателем.

Джейн кивнула.

— А как дела у тебя?

Джейн на несколько секунд задумалась, как будто о том, что хотела сказать, но в это время между ними оказались тарелки с едой, и когда официант оставил их одних, она только сказала:

— Только работа, как и у тебя. А мы стареем и тупеем? Я обедала у Дженни и Чарли.

Она перечислила Харриет, кто был там еще. Они были старыми друзьями со времен Крита. Харриет было задумалась, почему ее тоже не пригласили, но потом вспомнила, что, в любом случае, в этот вечер она была в Германии.

— Как они живут?

— Хорошо. Гарри уже ходит.

— Уже? Сколько времени прошло с тех пор, как мы ходили посмотреть на него?

Второму сыну Дженни было больше года. Харриет и Джейн снова ездили вместе в больницу, однако они были уже в другой палате, почти такой же, как и первая, в которой они тогда со страхом нашли Дженни, замкнутую в себе.

На этот раз Дженни уютно расположилась в середине ряда кроватей с детской больничной кроваткой рядом с собой, в которой спал Гарри. Изнеможение и облегчение одновременно сделали незащищенным ее лицо, на котором теперь отражались все ее чувства.

— Я не могу поверить в это, — прошептала им она, — я все еще сомневаюсь, я все еще боюсь, что он умрет. Но у него все в порядке, не правда ли? Посмотрите на него, он просто совершенство. Он весит восемь с половиной фунтов.

Джейн наклонилась над кроваткой, чтобы потрогать теплую, голую, персикового цвета головку.

Харриет улыбнулась своим воспоминаниям. Голова Джейн склонилась над тарелкой, хотя она и не ела.

— Как Дженни? — спросила Харриет.

Дженни была беременна в третий раз. Чарли теперь уже мог шутить по поводу ее плодовитости.

— Прекрасно. Как спелый фрукт.

Беспокойство Харриет, связанное с отсутствием времени и предстоящими послеобеденными встречами, вступило в конфликт с беспокойством за Джейн. Она чувствовала себя виноватой, так как надеялась, что встреча не потребует слишком много времени.

Харриет спросила настолько мягко, насколько она могла:

— Что случилось?

— Да, фактически, ничего особенного. Меня увольняют из школы. Это, во-видимому, из-за последней бесполезной борьбы с безразличием и недостаточным финансированием.

Харриет вздохнула.

— Найди работу в школе поприличнее.

Джейн легонько пристукнула по газете рядом с собой.

— Я ищу. Однако все осложняется из-за того, что я хочу ребенка.

Харриет внимательно посмотрела в лицо Джейн. Оно потемнело, а в углах рта появились маленькие ямочки.

— Ты хочешь ребенка сейчас?

— Часы-то тикают.

— Тебе только тридцать два.

Джейн наклонилась вперед.

— Харриет, я ужасно хочу ребенка. Все вокруг спрашивают почему, а я не могу ответить. Я просто хочу. Я таскаю ребенка Дженни на руках, я заглядываю на улице во все коляски, то, что я чувствую, похоже на боль. У тебя такого нет?

Харриет удивленно покачала головой:

— Нет, никогда ничего подобного. Ни с Лео, ни после. Но если ты так хочешь, то почему сейчас не сделаешь все для того, чтобы он появился?

— Самостоятельно? Просто дать оплодотворить себя кому-нибудь, кто будет поблизости, ты это имеешь в виду? Я бы предпочла ребенка, имеющего отца.

Она замолчала, крутя полоски лапши на своей тарелке, а потом положила вилку.

— Был тут кое-кто.

— Ты никогда мне ничего не говорила.

— Нет. Ну, это так ни к чему и не привело.

Раньше Харриет вытянула бы из нее полный рассказ, а затем посочувствовала бы или утешила. Сейчас же она просто смотрела с сожалением, сознавая существование тех препятствий, которых никогда раньше не было.

Джейн не обратила внимания на ее молчание.

— Если я сама решусь сделать это, то следует учесть некоторые практические соображения. Я бы хотела продолжать работать, а это значит, что мне нужно будет найти кого-нибудь, кто будет за ним ухаживать. Я должна сменить жилье, так как я не хочу привозить ребенка в свой район.

Харриет вспомнила улицы, либо устрашающе переполненные жизнью, либо зловеще пустынные. Она почувствовала прилив раздражения, как в начале зубной боли, и сопротивлялась необходимости посмотреть на часы.

— Так поищи себе новый дом. Есть очень много домов.

Джейн вздернула голову. Ее шея и щеки густо покраснели.

— Ты видела, что произошло с ценами на недвижимость?

— Да. Я сама недавно купила себе квартиру, ты помнишь? Не такие уж они высокие,

чтоб тебе так расстраиваться. На тебя не похоже, чтобы ты приходила в отчаяние.

— Возможно. Я просто устала от борьбы. А вот ты-то такая удачливая, не правда ли? — Джейн злилась. — У тебя ведь все в порядке, Харриет?

Харриет промолчала, испытывая горечь. Она могла потребовать ответа: «Почему у меня все в порядке? Какая разница между тобой и мной?» Она догадывалась, что Джейн имела в виду деньги. А правда заключалась в том, что у нее было очень мало денег, потому что она почти ничего не получала от своего бизнеса.

Ее автомобиль и сегодняшняя одежда были необходимыми тратами, как и ее прекрасная квартира, купленная по рекомендации Джереми Крайтона. Но так как «Пикокс» действовала успешно, Джейн могла сделать вывод, что она стала богатой и потому изменилась.

— Извини, — сказала она наконец, чувствуя себя виноватой.

Лицо Джейн начало бледнеть. Они посмотрели друг на друга и рассмеялись. Джейн протянула руку и положила ее на руку Харриет.

— Я думаю, что стала немного сумасшедшей. Это, вероятно, невостребованные материнские гормоны.

— Действительно, что ты будешь делать?

Джейн пожала плечами и перебросила косу назад через плечо.

— Возможно, продолжу жить так же, как и живу. Давай выпьем кофе, если хочешь.

Пока они пили кофе, они старались говорить о другом.

— Ты придешь ко мне на вечеринку?

По традиции Джейн устраивала ланч двадцать седьмого декабря.

— Конечно, приду.

Харриет еще не решила, попросит ли она Робина пойти с ней.

Была половина третьего. Веселые застолья коллег по офисам перешли на вторую половину дня, а Харриет уже больше не могла притворяться, что она никуда не спешит. Она попросила счет и оплатила его, настаивая, даже излишне активно, и они вышли на холодный тротуар. Они снова расцеловались, и Джейн продолжила свой путь.

— Счастливого Рождества, — крикнула ей вслед Харриет.

Она повернулась и пошла в противоположном направлении, назад в «Пикокс», надеясь, что зимний воздух выдует возбуждение из ее головы. Ланч не был особенно ободряющим. После Рождества, решила она, надо будет собрать всех в Хэмпстеде на ужин. Джейн, Дженни, Чарли и других, и у них будет такой же вечер, как в старые времена, и она будет уверена, что все так же, как было всегда. Когда она пришла в офис и села за работу, она забыла об этом.

Робин раздвинул шторы спальни и посмотрел на сад Харриет. Клумбы были покрыты толстым слоем опавших листьев, а на краях каждого листа лежал тонкий слой инея. Небо было чистым, безоблачным. Была суббота и был сочельник. Обернувшись назад в комнату, он увидел, что Харриет еще спит, ее тонкое, длинное тело калачиком свернулось под покрывалом. Они поздно вернулись домой.

Вечеринку устраивала старая приятельница Робина, с которой они были знакомы еще тогда, когда были маленькими детьми. День рождения Розали Феллоуз был его первой вечеринкой, а он был ее первым партнером при первом выходе в свет, который произошел в доме ее деда в Глостершире. И хотя они так давно были знакомы, Робин никогда не испытывал настоящей любви к Розали.

Во время одной вечеринки на уик-энд, когда Робину было семнадцать лет, он зашел так далеко, что снял ее белые кружевные трусики с фруктового дерева, когда взошло солнце. Казалось, что было бы кровосмесительством — попытаться продвинуться еще вперед, и они в результате к концу вечеринки вернулись назад, причем его рука лежала на талии Розали, а ее голова покоилась на его плече.

Сейчас Розали уже больше года была замужем за старшим сыном банкирской династии. Они жили в роскошном доме на реке в Чисуике, и вчерашняя вечеринка была их празднованием Рождества. Там были, наверное, согни две гостей, и, по крайней мере, половина из них была знакома Робину по школе. Оксфорду или Сити. В оранжерее располагалась дискотека с цветомузыкой, в длинной столовой стояли маленькие круглые обеденные столы, а в обшитом панелями коридоре, который парил наверху над галереей лестничной площадки, возвышалась сияющая рождественская елка.

Робин был рад присутствовать на приеме вместе с Харриет. Они проходили через связанные друг с другом кружки людей, разговаривали и смеялись, и ему было приятно смотреть на нее снова и снова, восхищаясь ею. Среди незнакомых людей она была оживленной и привлекательной, но в то же время сохраняла некоторую холодность. И это сочетание он находил необыкновенно привлекательным. Ему также нравилось то, что она все осматривала с удовольствием, как будто накапливала информацию и впечатления. Во время обеда их разделили, и через всю комнату он наблюдал, как она разговаривала и внимательно слушала. Он знал, что она запомнит все, что было сказано.

Робин не сомневался, что Харриет ждет исключительный предпринимательский успех. Он не стал бы убеждать своего отца вложить капитал Лендуитов только потому, что лично ее считал привлекательной. Но сегодня Робин хотел большего, чем просто успеха Харриет, он уже хотел саму Харриет, и сила этого желания его очень мощно стимулировала. Обычно Робин получал то, что он хотел, но он также понимал, какую большую работу необходимо выполнить для того, чтобы достичь своих целей, и получал от нее удовольствие.

Харриет однажды отвергла его предложение, но он был убежден, что она примет его в свое время к их взаимному удовольствию и удовлетворению.

После того, как маленькие столы вынесли, партнер Харриет по обеду собрался ее монополизировать. Они вышли вместе танцевать, а Робин танцевал с Розали, а потом с девушкой, с которой у него была короткая любовь в Оксфорде и которая потом вышла замуж за брокера. «Все женаты», — подумал он. Они достигли этого возраста. Он вдруг почувствовал раздражение, видя Харриет на расстоянии. Он подошел пригласить ее, и они закружились под полосами света. Их руки соприкасались.

На лице Харриет было выражение тайной радости.

— Что ты видишь сейчас? — спросил он.

Она любовалась английской прелестью Розали, завидуя ей и думая, что та выглядела бы лучше в величественном бальном платье, чем в черном с потоком блесков на спине. Харриет подняла брови на Робина.

— Все это. Английское общество. Высший свет.

Она была заинтригована мельканием знакомых лиц среди незнакомых, на которых тем или иным образом отпечатываются полученные по наследству деньги и власть. А всем этим командует бело-розовая девушка еще моложе, чем она.

— У Розали есть несколько хороших связей, а также и у ее мужа, — пожал плечами Робин.

— Почему ты не женился на Розали? — глаза Харриет зло блеснули.

Он встряхнул ее перед собой, откинул назад, его губы оказались возле ее уха.

— Потому что она не подпускала меня к себе слишком близко в течение двух лет, вот почему.

Харриет на шаг отодвинулась от него и снова спокойно продолжила танец.

— Я понимаю. Должно быть, это было проблемой.

От ее холодности его бросило в жар. Вечеринка становилась неприятной. Он быстро подумал о находящихся наверху спальнях с розовыми ситцевыми занавесками, но потом отбросил эту идею. Он не хотел поспешной близости на вечеринке. Он хотел потратить много времени на любовь с Харриет, делая это медленно и долго.

— Ты получаешь удовольствие от вечера? — безразлично поинтересовался он.

— И это все? — сейчас она открыто улыбалась ему. — Да, спасибо. Это достаточно потрясающее событие для меня, вышедшей с Сандерленд-авеню.

Он крепче сжал ее руку, и более плавно повел перед собой. Он смог почувствовать ее соски через тонкую ткань платья. Харриет крутила бедрами, чувствуя его возбуждение и дразня его. Он поцеловал ее в губы, прижимая ее язык к своему. Он слышал легкое шуршание ее затрудненного дыхания.

— Меня не волнует, откуда ты пришла, поскольку ты здесь, но я хорошо знаю, куда мы направляемся.

— Сейчас?

— Боже мой, Харриет. Сию же секунду.

Они попрощались и выбежали в темноту ночи. Они нашли порш, запаркованный прислугой, в полукруге БМВ и мерседесов. Вечерние туфли Харриет скрипели по гравию. За ней слышались тяжелые шаги Робина.

В машине он спросил ее:

— Куда?

— Хэмпстед, — ответила она, а он подумал: «Слишком далеко».

По дороге она положила свою плотно затянутую руку отдохнуть на его бедро, ее пальцы поглаживали его. Он резко повернул голову в сторону, бросив взгляд на ее полупрофиль, который спокойно отвернулся от него. Он знал, что никогда не желал девушки так сильно, как он хотел Харриет сегодня вечером.

Было уже поздно, и он радовался пустынной дороге. В Хаммерсмите не было никакого движения, а освещенная гирляндами оранжевых огней западная магистраль была пуста. Робин с треском проскочил через все передачи, и порш с воем пролетел через тоннель из огней. Он все увеличивал скорость, пока Харриет не почувствовала себя прижатой к сиденью так, что у нее раздвинулись губы.

Когда они приехали домой и встали друг против друга, тишина была такой плотной, что, казалось, к ней можно было прикоснуться.

Желание Робина было сильным, однако нетерпение пропало в урагане езды. Сейчас у него был ясный ум, и он был нетороплив в своих намерениях. Он погладил ее щеки кончиками пальцев, а она смотрела ему прямо в глаза, как будто заглядывала в глубь его головы.

Он прошел по линии ее шеи до плеч, думая о том, что ему хотелось бы положить бриллианты вокруг ее обнаженной шеи. Потом, когда придет время и они поженятся, он купит ей драгоценности. А сейчас он повернул ее кругом, расстегнул молнию, и платье

упало у ее ног. Он по очереди поцеловал каждую грудь.

Робин снял с себя одежду, галстук-бабочку, плиссированную рубашку, шелковый пояс и аккуратно их сложил. Потом, когда они оба были раздеты, он положил свои руки на ее бедра и поднял ее перед собой. Ее ноги обвили его талию, а голова упала вперед, крылья ее волос, как перья, покрыли его кожу.

Но теперь холоден был Робин. Он жаждал ее и наслаждался высокой степенью своего самообладания. Он изогнул ее спину, ее голова упала вниз, подставляя шею для его губ. Он слоями снимал показанное ею на вечеринке хладнокровие до тех пор, пока не завладел ею сам, а она покорно не зашептала:

— Пожалуйста, пожалуйста.

Это очень возбуждало. И Робин, когда кончил, тоже, в свою очередь, сдался.

— Я люблю тебя, — закричал он. — Я люблю тебя, я люблю тебя.

Харриет положила свои руки на его уши, баюкая его голову, и он слышал слова, спрятанные, как в капкане, внутри его головы.

После этого они тихо лежали, касаясь друг друга щеками.

— Хорошо? — прошептал Робин.

Все ее мышцы были расслаблены, она улыбалась, забавляясь его мальчишеством после работы взрослого мужчины. Она ощущала необыкновенное тепло, желание заснуть и комфорт.

— Ты ждешь комплиментов?

Он смутился.

— Конечно, нет.

— Тогда не хорошо. Удивительно.

Он был похож на маленького мальчика, выигравшего приз. Они заснули сразу, обнимая друг друга руками.

Когда он проснулся, в углах комнаты становилось все светлее. Робин лежал, прижавшись губами к голому плечу Харриет, и размышлял о своем счастье. Он и раньше достигал своих целей, но сейчас он чувствовал, что это был его наивысший успех. Ему было несвойственно испытывать последующие приступы страха, и, когда он наступил сейчас, он был сильным до тошноты. Если бы он не смог обладать ею... Робин сел, спустив ноги с постели. Потом подошел к окну и отдернул шторы, чтобы посмотреть на иней в саду.

Когда он снова повернулся к комнате и увидел, что Харриет все еще спит под своим покрывалом, он еще более укрепился в своей уверенности.

Робин поднялся наверх и, тихо насвистывая на кухне, вскипятил чайник. Потом поставил чайный поднос. Через сад между черными ветками кустов он видел огни рождественской елки, мерцающей в чьем-то окне. Он приготовил чай, получая удовольствие от тишины на кухне, а потом отнес поднос вниз к Харриет.

— Просыпайся. Сегодня сочельник.

Она была сонной, сжимала и разжимала пальцы.

— Который час?

— Поздно, — он протянул ей чашку. — Попей чаю, и мы пойдем по магазинам.

— Что мы будем покупать?

— Я бы хотел купить тебе все. Меха, драгоценности, шелка. Картины, фарфор и золото.

Харриет рассмеялась.

— Ты сделаешь меня содержанкой. Наложницей.

— Моей наложницей.

Он дотронулся кончиком пальца до теплой ямки в начале ее шеи.

— Для начала я собираюсь купить тебе что-нибудь на это место.

Харриет взглянула на маленькие часы возле кровати, потом подняла руку и обняла его за шею.

— У нас еще масса времени, — прошептала она, — по крайней мере, шесть часов хождения по магазинам до наступления Рождества.

В угасающей свете короткого дня, когда последние покупатели уже спешили из магазинов со своими сделанными в последнюю минуту покупками, Робин вез Харриет в своем белом порше вниз по сверкающей Бонд-стрит. Он бросил свою машину в надежде на рождественскую доброту дорожной полиции и повел Харриет в «Ас-приз»^[3].

И там, среди огня и льда, выставленного для их восхищения на черном бархате, он выбрал бриллиант, ограненный как слеза. Он застегнул кольцо, надев его на шею, и камень лег в ямку. Харриет выглядела пораженной.

— Тебе нравится?

— Это прекрасно.

Он поцеловал ее.

— Это только начало. Счастливого Рождества.

— Робин, я...

Она не знала, как она собирается протестовать, но он ее остановил.

— Не надо. Я просто хотел купить тебе подарок.

Казалось, было бы низко пробормотать: «Я не могу принять этого, я не должна». Бриллиант согревал ее кожу.

— Спасибо, — прошептала она.

Робин заплатил, наверное, немислимую сумму без видимых усилий. Продавец взял один из своих пластиковых прямоугольников, вышел с ним, улыбаясь, и Харриет получила бриллиант.

Они вышли из магазина на сине-серый свет, а Харриет держала руку на шее, как бы защищая себя. Роскошные витрины магазинов еще посылали свои соблазнительные приглашения, однако день уже почти закончился.

Улицы скоро опустеют, и все люди закроют за собой двери, приступая к рождественским ритуалам. Через три дня дремота закончится внезапным пиком покупательской активности. Харриет была взволнована своим счастьем и не хотела отпускать Робина домой к старшим Лендуитам. А сама она собиралась на Сандерленд-авеню. В это время Кэт, наверное, раскраснелась в пылу приготовлений. Харриет взяла Робина под руку.

— Давай прогуляемся, хоть полчаса.

Они прошли вниз по Бонд-стрит, пересекли Пикадилли и вошли в Грин-парк. Было холодно, из-за влажного воздуха вокруг уличных фонарей образовалось зеленоватое сияние. Темнота деревьев создавала впечатление их плоскостности, делала их менее материальными, чем клубы пара, которые, гуляя, выдыхали Робин и Харриет. Харриет чувствовала теплоту тела Робина через ткань его тяжелого пальто. Он держал ее руку в своем кармане, подстраивая длину своего шага к ее шагам.

— Харриет, ты переедешь, чтобы жить со мной?

— О, Робин. Это за бриллиант?

— Нет. Бриллиант — это просто подарок.

— Я не могу. Я жила с Лео очень долго. Я больше не хочу жить ни с кем. — И через секунду она добавила: — Даже с тобой.

Он сжал ее пальцы.

— И на том спасибо. Но не надейся, что я прекращу просить тебя об этом.

«Это замечательно — быть любимой, — подумала Харриет, — быть настолько любимой и уговариваемой с помощью бриллиантов». Не делает ли она ошибки, решив отвергнуть это.

— Мои родители дают ланч в деревне для некоторых соседей тридцать первого декабря. Не хочешь ли ты поехать?

Харриет моментально представила себе один из редких семейных ланчей, устраиваемых ее матерью, с замечательными овощными блюдами, выставленными подогретыми на тележках. Ей было интересно встретиться с матерью Робина и посмотреть на дом, в котором он вырос. Она плохо себе представляла, как это будет выглядеть, за исключением того, что это не будет иметь ничего общего с Сандерленд-авеню.

— В качестве кого я буду там присутствовать? — спросила она, полушутя.

— Как мой друг, — терпеливо ответил Робин.

— Спасибо. Я с удовольствием приеду.

Они повернули и пошли назад по той же дороге. Они не заметили ни одного человека, парк был пустым и почти совсем темным. Вдали перед ними виднелось коричнево-желтое зарево Пиккадилли.

— А за это ты пойдешь со мной к Джейн?

Робин вздохнул:

— Я не думаю, что Джейн так уж сильно меня любит.

— Джейн не одобряет некоторых сфер деятельности, которые ты представляешь. Но это не означает, что ты ей не нравишься. Мне будет очень жалко, если ты не придешь.

Подобных вечеринок было много. Харриет была достаточно честным человеком, чтобы признать это даже для себя, но она боялась, что без общества Робина день будет не очень интересным. Она простила себя, потому что у нее мало свободных дней и они драгоценны, и поэтому она будет не права, если позволит им пройти по-старому.

— Конечно, я приду, — пообещал Робин.

Он остановился, извлек из кармана их сцепленные руки и поцеловал костяшки ее пальцев.

— Я люблю тебя.

Потом он вновь взял ее под руку, и они пошли в сторону пустующих улиц.

Рождество на Сандерленд-авеню проходило традиционным образом, с теми же подробностями, вплоть до присутствия на обеде Лео.

— Вы пригласили Лео? — Харриет в изумлении уставилась на Кэт, когда мать между делом сообщила об этом в сочельник.

— А почему бы нет? Эйврил и Харолд уехали в Эйлат. Лео, когда позвонил, сказал, что всегда получал удовольствие, отмечая Рождество здесь вместе с нами, и поэтому я пригласила его и в этом году.

— Он получал удовольствие? Вы смеетесь надо мной, — проворчала Харриет.

Настолько, насколько она могла вспомнить, Лео постоянно жаловался на кухню Кэт, на неуклюжий юмор Кена, на то, что они упорно смотрят и слушают речь королевы, и его неизменную привычку засыпать на диване от утомительной скуки.

— Лео и я развелись два с половиной года назад. С чего бы ему хотеть присутствовать сейчас на семейном Рождестве?

— Я не знаю, дорогая. Он позвонил пожелать нам счастливого Рождества, я пригласила его, и он согласился. Лиза считает, что это хорошо.

— Это имеет какое-нибудь отношение к Лизе?

Кэт вздохнула:

— Харриет, не создавай себе, как обычно, проблем по этому поводу. Сейчас Рождество. Порежь это для меня.

Харриет послушно резала овощи и размышляла о том, что ее мать делает бесполезную попытку вновь соединить ее и Лео. Харриет знала: Кэт беспокоило, что она была одна. «Ты знаешь, о чем они говорят, Харриет. Только работа...» Она улыбнулась и попыталась представить себе, что делает Робин в доме своих родителей. Она должна найти нужный момент и рассказать Кэт, что она не одна, однако в ее планы не входит снова выходить замуж. Харриет думала, что единственной причиной, по которой она никогда не упоминала матери о своих отношениях с Робинем, было ее нежелание, чтобы Кэт строила тщательно продуманные планы их совместного будущего. Однако теперь стоило пойти на риск, если это остановит ее от попыток примирения с Лео.

— Я была так занята, — сказала она, — я не виделась с Лео месяцами.

Кэт крепко сжала губы:

— Я знаю, что ты занята. Не позволяй, чтобы работа заслоняла от тебя личную жизнь.

Харриет засмеялась и крепко обняла ее.

— Нет, я этого не допускаю.

На Рождественское утро пришел Лео со свойственным ему хорошим настроением и подарками, которыми угодил всем. Он слушал шутки Кена и вставлял свои, хвалил Кэт, носил тарелки и блюда, по-братски относился к Лизе и дружески к Харриет, в общем, вел себя, как примерный зять. Его присутствие сделало день более веселым. Даже Харриет была рада, что он пришел.

После продолжительного обряда принятия пищи Лео и Харриет настояли на том, что они будут мыть посуду. Лиза, которая похудела и выглядела почти бесплотной в белом вязаном платье, деликатно зевнула и сказала:

— Хорошо. Тогда я смогу посмотреть фильм.

В кухне Харриет вытирала посуду, которую вымыл Лео. Она сказала:

— Лео, что ты думаешь по поводу того, чтобы мы сейчас официально оформили нашу договоренность?

— Получить развод? Конечно, мы разошлись более двух лет тому назад. Это ведь только формальность, почему же нет?

И все. Харриет была удивлена, хотя для этого и не было особых причин.

Когда Лео размахивал в жирной воде щеткой Кэт для мытья посуды, он размышлял о том, как сильно изменилась Харриет. Она всегда была твердой, но сегодня она казалась стальной. Она всегда была энергичной, но сегодня казалось, что она находится в каком-то непрерывном движении. Однажды он полюбил ее за настойчивость и почувствовал себя ограбленным, когда она ушла от него. Но то, что он потом увидел в Харриет, избавило его от желания иметь что-либо общее с «Пикокс» или с этой чертовой «Мейзу». «Любой мужик, — подумал Лео, — подошедший к его бывшей жене на двадцать ярдов, подвергается жесточайшему риску утратить свое мужское достоинство». Он предпочитал, чтобы женщины были мягкими и податливыми или, в частности, одна женщина.

Щетка удовлетворенно болталась в воде. Ситуация была слишком мудреной для Лео, однако он был уверен, что в лучшие времена все образуется само собой.

Харриет вернулась домой в Хэмпстед утром на второй день Рождества двадцать шестого декабря. Кен отнес ее ночную сумку в машину и раскрыл свои голубые ворота так, как будто они скрывали за собой акры парка. Харриет ощутила прилив простой привязанности к нему.

— Кен, — вдруг вырвалось у нее, — вы счастливы, ты и Кэт?

— Конечно, мы счастливы, — ответил он уверенно. — Мы имеем все, что мы хотим, разве не так?

Харриет не была уверена, что это и означает быть счастливыми, но она не стала нажимать на него.

— А ты? — потребовал он ответа, пристально глядя на нее.

— Мне интересно. Я живу напряженной жизнью, — но это не был ответ на вопрос.

Она торопливо продолжила:

— Да, я счастлива. У меня все идет хорошо.

— Будь осторожна, — загадочно посоветовал Кен.

— Буду. Спасибо за приятное Рождество.

Кэт помахала ей с крыльца, Кен — от ворот, а Лиза еще не встала с постели.

На следующий день Харриет и Робин поехали к Джейн.

Маленький дом был заполнен толпой на двух уровнях. На верхнем уровне люди разговаривали, смеялись и пили, их рты открывались и закрывались для стакана вина, отломанного куска батона или печеной картошки. А на нижнем уровне дети шатались и ковыляли между взрослыми ногами или спокойно сидели на полу там, где их оставили, и заталкивали кусочки еды в щели между сосновыми досками жирными, липкими пальцами. Эта компания учителей, работников сферы социальных услуг, журналистов и преподавателей университетов была, по-видимому, всю ночь смешана с детишками, которые учились ходить.

Харриет заметила среди них и четырнадцатимесячного сына Дженни. Он был увлечен движением игрушечного грузовика вдоль доски пола, но поворачивался каждые несколько секунд для того, чтобы убедиться, что лодыжки его матери все еще не исчезли из вида.

Дженни стояла поблизости, оперевшись о пианино. Она снова была беременна, огромная выпуклость выглядела так, как будто не являлась частью остального тела. На ней было платье из тонкого индийского хлопка, и ее вывернутый пупок образовывал маленькую вторичную шишку на вершине первой.

Харриет поцеловала ее и похлопала по трофею.

— Еще долго?

Волосы Дженни были расчесаны на прямой пробор и спадали, как занавесы, вдоль ее щек. Один занавес она отбросила за ухо, и лицо у нее стало усталым.

— В следующем месяце. Я думаю, что не смогу ходить, если он станет еще больше.

Харриет посмотрела вниз на пару кудрявых головок со спутанными волосами, толкающихся на высоте коленей.

— Здесь их очень много, все это так неожиданно.

Дженни улыбнулась своей новой успокаивающей, материнской улыбкой.

— Они нашего возраста.

Чтобы поддержать беседу, Харриет спросила:

— А где Джейн?

— Я думаю, на кухне.

— Ты помнишь Робина, не правда ли?

Они уже виделись на подобном сборище.

— Конечно, помню.

Ее улыбка осталась такой же теплой. Робин осторожно пробирался рядом с Харриет. Худой и высокий в сизо-сером кашемировом свитере он выглядел неуместно рядом с такой естественной плодовитостью. Джейн сбежала к ним, угрожающе размахивая бутылкой.

— Вы еще ничего не выпили. Харриет, ты выглядишь изумительно.

Харриет надела свой бриллиант, так как знала, что этого хочет Робин. Джейн заметила его, ее глаза слегка расширились, но она только сказала:

— Разве это дело — одеваться в шелк. Теперь вам надо стараться не подпускать к себе детей.

Харриет оделась так, чтобы доставить удовольствие Робину. Он подошел сзади и застегнул бюстгальтер, а потом посмотрел через ее плечо в зеркало.

Харриет прислонилась головой к его плечу, его руки лежали на ее груди. Ей снова захотелось раздеться, но они заговорщически улыбнулись друг другу, и он снял с вешалки ее рубашку. Он с сожалением застегнул пуговицы. Сейчас Харриет понимала, что ей нужно выбрать один из двух вариантов ответа: «Нет, я хотела бы обнять их всех» или «Да, я не люблю пятен от пальцев на моем «Сен-Лоране». Она твердо ответила:

— Это всего лишь одежда.

— Привет, Робин.

Робин и Джейн обменялись наихолоднейшими поцелуями, а Харриет вновь поразились их несоответствию. «Однако вряд ли это вина Робина, — подумала она, — если он далек от этих бород, вельветовых штанов и джемперов от «Маркса и Спенсера».

Это была ее ошибка — пытаться смешивать несмешиваемое. Она больше не будет стараться этого делать.

— Здесь Чарли, — с облегчением сказал Робин.

Робин и Чарли Тимбелл нравились друг другу.

— Он немножко задница, — сказал Чарли, — но умный парень. Харриет, вы слегка

вскружили друг другу головы?

Харриет рассмеялась.

— Не очень-то изысканное выражение, Чарли. Но я думаю, что это действительно так.

Он мне нравится, и мне приятно его общество.

— А почему бы и нет? — охотно согласился Чарли.

Двое мужчин немедленно начали разговор о шумной предрождественской компании, на которой они оба были. Харриет оставила их и пошла за Джейн в сторону кухни. В конце коридора, в нише под лестницей, они нашли уголок, свободный от гостей обеих уровней.

Джейн потянула туда Харриет.

— Хэтти, я виновата.

Она называла Харриет Хетти только в самые нежные минуты. Харриет вздрогнула.

— В чем?

— Я не очень любезна с этим мальчиком, твоим любовником. Я не могу себя заставить.

Он все время выглядит таким высокомерным, чопорным и безукоризненным, черт побери.

— Он не такой. Он приятный человек. Он просто не очень любит... — Харриет сделала жест.

— Нас?

— Нас, если тебе так хочется.

Харриет было интересно, а на кого сейчас она сама больше похожа.

— Но он занимательный, яркий и достаточно умный.

— И, кроме того, щедрый, — Джейн прикоснулась к бриллианту, и Харриет почувствовала, что краснеет.

— Да.

Джейн с сомнением посмотрела на нее.

— Так дело в этом?

— Конечно, нет. Я не хочу защищать его или это перед тобой.

Теперь настала очередь Джейн вздрогнуть.

— Я не ожидала этого от тебя.

Харриет знала, что у нее не было оснований злиться на Джейн. В отличие от Харриет, Джейн считала делом чести говорить то, что думает. Они, к тому же, были очень старыми друзьями. Харриет сделала глубокий выдох.

— Мы обедаем и ходим в оперу вместе, и в постели мы тоже вместе. Он совсем не напыщенный, и я не замечала, чтобы он вел себя высокомерно.

Потом она рассмеялась, почти захихикала.

— Во всяком случае, в постели. Если ты хочешь знать, в постели он изумителен.

— Ха-ха, — рассмеялась Джейн тоже, напоминая Харриет обо всех их совместных тайнах, — в этом я разбираюсь лучше, чем в поршах, бриллиантах или тэтчеризме.

— Мы не разговариваем о политике. Сознательно.

— Слишком заняты, да? А что, конкретно, он делает так изумительно?

— Гм. Он делает не так уж много, важно то, как он это делает. С большой уверенностью и исключительным вниманием к деталям.

Джейн вздохнула:

— Я это понимаю. Я внимательно наблюдаю за тобой. Ты выглядишь так, как будто проходишь гормональное лечение, это безошибочный симптом. Я завидую тебе, Боже мой, я завидую тебе. Я мечтаю об уверенности и внимании к деталям там, где это имеет значение.

Я могу даже не обращать внимания на обладание золотой карточкой «Американ Экспресс».

— А не будет ли это слишком большим компромиссом?

Они вышли из своей ниши, утешившись тем, что у них появились основания для смеха, и пошли на кухню.

Человек десять сидели за кухонным столом. Харриет и Джейн медленно пробирались за ними в поисках свободных стульев, а потом втиснулись в эту группу. Когда Харриет осмотрела лица сидящих вокруг людей, ее глаза остановилась на незнакомой женщине, сидящей рядом с Джейн.

Женщина кормила грудью ребенка. Ребенок сосал, и линия его щеки была зеркальным отражением белой с венозными прожилками линии груди. Женщина незаинтересованно ковыряла вилкой в своей еде и разговаривала через стол. В уголке рта ребенка появился беловатый, блестящий пузырек молока.

Харриет почувствовала, что внутри у нее что-то сжалось, как будто какая-то струна завязалась узлом между яичниками, прошла туго натянутой через матку, в потом резко дернулась.

Рядом с ней Джейн, казалось, застыла. Харриет собиралась прошептать ей что-то, но Джейн остановила ее.

— Не говори ничего, — прошептала она, — пожалуйста, не говори ничего.

В растерянности Харриет повернула голову в другую сторону и взглянула прямо в лицо, которое знала, но забыла.

Это было лицо боксера-профессионала, заметное и, к тому же, красивое, из той категории лиц, которые выделяются в толпе. Харриет вспомнила мужчину в синей рубашке, который старался поцеловать ее на одной из вечеринок у Джейн и от которого она спряталась в ванной. Его звали Дэвид.

— Я читал о вас в газетах, — сказал он со своим северным акцентом, как будто их последняя беседа закончилась полчаса назад.

— Не многое из того, что вы читали, правда. Просто реклама.

— Почему вы стремитесь к известности? — у него был резкий тон.

— Потому что я могу тратить деньги на рекламу моей продукции в прессе и на телевидении или на рекламные проспекты по всей стране, но я получаю вдвое лучший результат от материалов, которые создают независимые редакторы. Я только должна подумать о правильной подаче материалов и заталкивать в них все, что для меня полезно.

Он покачал головой, изображая удивление.

— И вы думаете, что все это стоит того?

— Да, — коротко ответила Харриет, — расскажите, как дела в строительном бизнесе?

Он широко улыбнулся ей:

— Бум. На юго-востоке. Я работаю сейчас над интересным проектом. Хотите сходить и посмотреть? Это недалеко отсюда.

Харриет бросила взгляд в сторону. Женщина закончила кормить ребенка. Она плотно держала его на согнутой руке и поправляла бюстгальтер. Ее грудь с темно-коричневыми сосками выглядела огромной и раздутой. Боль Харриет прошла. Харриет было интересно, испытывает ли Джейн такую же боль постоянно и не из-за этого ли омрачается ее лицо, когда она заглядывает в детские коляски других женщин.

— Я... я очень занята, — ответила она Дэвиду.

Она вновь обернулась и увидела, что Джейн продолжает неподвижно сидеть возле нее.

Джейн, не поднимая глаз, чтобы не встретиться с ней взглядом, тихо произнесла:

— Я намерена попытаться занять ребенка. Выкину я этот чертов колпак и выращу ребенка, а вдвоем с тобой мы справимся.

— Да, — поддержала Харриет, — да, если ты так сильно этого хочешь, ты должна сделать это. Я говорила тебе, что я никогда не испытывала этого. Но потом я испытала. Как натянутая струна.

— Это никогда не проходит, — объяснила Джейн.

Харриет хотела было спросить: «Почему же я не знаю? Мы просто никогда не говорили об этом». Но потом она увидела в дверях Робина, казалось, слишком высокого для низкого потолка в кухне.

— Почему вы так заняты? — упорствовал Дэвид, как будто он хотел отвлечь ее внимание от Робина.

— Потому что делаю бизнес.

Дэвид спокойно изучал ее лицо. Она помнила, как спряталась от него, а потом, когда он ушел, у нее было искушение побежать за ним. Она даже представляла себе, как все будет происходить, когда они придут домой вместе, но потом отвергла свое влечение к нему, как опасную слабость.

Сейчас эти воспоминания вызвали у нее раздражение. Она решила тогда, что она не может позволить себе обременительных любовных развлечений, и была уверена, что поступила правильно. В то же время она отдавала себе отчет в том, что, чем бы она не занималась с Робинем, это вовсе не означало, что она в него влюблена.

— Я думала, что вы не знакомы с Джейн. Но вы уже на второй ее вечеринке.

Джейн внезапно встала. Она собрала грязные тарелки и стаканы с не сильным, но и с не обязательным грохотом. Дэвид посмотрел на нее, а потом спросил:

— Могу я вам помочь?

— Нет, спасибо, — ответила Джейн, — вы разговариваете с Харриет.

Она покинула свое место и вышла с полными руками посуды.

— Я не знал Джейн раньше, но знаю теперь, — сказал Дэвид. — Я переехал в Лондон, недалеко отсюда. У меня хороший дом в грегорианском стиле. Вы должны приехать и посмотреть на него, — Харриет открыла рот, — ... но вы слишком заняты, — помог он ей.

Подошел Робин и легко опустил руку на плечо Харриет. Этим он как бы сигнализировал о своем присутствии.

— Принести тебе что-нибудь поесть?

— Нет, спасибо, — поблагодарила она немножко резковато, — я сама схожу и возьму.

Когда Робин снова отошел, Дэвид поднял брови:

— Кто это был?

— Мой любовник, — ответила Харриет.

Она заметила складки смущения, углубившиеся возле его рта, и предположила, что он произвел быструю оценку выполненных по заказу тувель Робина и его сорокафунтовой стрижки. Он уже внимательно осмотрел ее бриллиантовую слезинку. Однако он проигнорировал ее прямое заявление и посмотрел на свои часы.

— Мне тоже надо спешить по делам. И как вам удастся справляться с такими длинными, как этот, ланчами? — И прежде, чем Харриет смогла ответить: «Это же Рождественские праздники», он с видимым удовольствием добавил: — Я должен идти. Я вам позвоню. Возможно, деловая нагрузка несколько ослабнет. В один из ближайших дней.

Харриет встала.

— Извините меня, — пробормотала она.

Робин стоял возле стойки, на которой была разложена еда, и тыкал вилкой в миску с салатом-латуком. Они вместе наблюдали за тем, как уходил Дэвид, неуклюже пробираясь в заполненной квартире.

— Кто это был?

— Приятель Джейн. Я встречалась с ним здесь раньше один раз. Он строитель или кто-то в этом роде.

— Строитель? Хотелось бы знать, хороший ли? Может быть, он согласится прийти и посмотреть кладку моего дымохода?

Харриет рассмеялась:

— Я не думаю.

В машине по дороге домой Робин спросил ее:

— Что случилось сегодня?

Она вздохнула и закрыла глаза.

— Я сегодня злая, вот и все. Я очень сожалею, если ты не получил удовольствия.

— Я получил удовольствие, — ответил он мягко.

«Беда была в том, — подумала Харриет, — что Робин Лендуит не совмещался с Джейн, Дженни, Чарли и всеми другими ее старыми друзьями. Ни сегодня, ни когда-либо в будущем». Наблюдая за ним сегодня в доме Джейн, она убедилась в этом. Она должна держать обе половины своей жизни отдельно, хотя это и не доставляет ей удовольствия. Ей когда-то нравилась мысль о друзьях, как об отдельных индивидуальностях, тесно связанных узами общего жизненного опыта и взаимопонимания. Но ее жизнь изменилась. Отныне в одной части будет Робин и «Пикокс», а в другой — ее старые друзья и ее семья.

Она также уловила момент острой потребности в материнстве, которую она разделила с Джейн, во второй части. Это не будет и не сможет стать столь значительным, чтобы затронуть первую часть. Они остановились возле высокого дома в Хэмстеде, свежевыкрашенного белой краской, с недавно отремонтированными кирпичом и камнем.

— Дома, — с удовлетворением произнес Робин.

Завтра им обоим идти на работу. Из-за различия их планов они встретятся друг с другом только в канун Нового года. В этот день у них будет визит к старшим Лендуитам.

Отец и мать Робина жили в деревне на лондонской стороне Оксфорда, менее чем в часе езды от Хэмпстеда. Было холодное, ясное утро, и когда Робин вел машину, у нее рябило в глазах от чистых коричневых полей и черных клочков мрачного леса. Она была городской девочкой и думала о сельской местности, как о слегка загадочной окружающей среде, которая существовала для других людей и не имела отношения к ее собственной жизни.

— Ты всегда жил в одном и том же месте? — спросила она.

— В Литтл-Шелли?

— Да, если это то место, куда мы едем.

Для Харриет цивилизация в западном направлении не распространялась дальше Хаммерсмита.

Робин улыбнулся.

— Нет. Этот дом они купили десять лет назад. Он самый отдаленный от города из всех, которые у них были. До этого был дом рядом с Хенли, а до него в Мейденхед. Когда я родился, они жили в Суррее.

— Почему они все время перемещаются?

— А как ты думаешь, почему? Мартин интересуется собственностью, а моя мать любит приводить в порядок дома.

— Я пытаюсь представить себе, на что это может быть похоже, но не могу. Я могу представить массу подробностей, но общей картины не вырисовывается.

— Ты увидишь достаточно скоро, — успокоил Робин.

Дорога пробежала в низине между холмами и выскочила на широкую, холодную и бесцветную равнину. Свет был резким и ярким, и Харриет прикрыла глаза. Несмотря на движение по дороге рядом с ними, окружавший их мир казался пустынным.

Робин махнул рукой, как бы разделяя пространство посередине.

— Здесь Литтл-Шелли, уже недалеко.

Проехав некоторое расстояние, они ушли с автомагистрали на более узкую дорогу, а затем повернули на совсем узкую. Стаи птиц поднялись с голых деревьев и описывали круги над акрами вспаханных полей. Робин притормозил, чтобы объехать одетого в костюм оливкового цвета всадника на большом белом коне. Когда они проезжали мимо, его ботинок в блестящем стремени оказался на уровне глаз Харриет. Она увидела молочный пар, вылетающий из ноздрей коня, когда они проезжали дорожный знак, сообщающий о прибытии в Литтл-Шелли.

Здесь стояла церковь с серой квадратной башней и красивыми воротами. Ряд машин был припаркован за парой внушительных каменных воротных столбов.

— Они сейчас не могут быть в церкви?

— Это старый дом священника. Сейчас здесь ресторан, и довольно большой. Люди обедают, а не молятся.

Это дало Харриет ключ к Литтл-Шелли. По мере того, как они проезжали деревню, она осознавала, что здесь не будет деревенской зелени с рядом магазинов и живописным пабом. Литтл-Шелли, казалось, скорее представлял собой очень высокие и очень хорошо сохранившиеся стены, за которыми она могла заметить мелькание величественных деревьев и высоких дымовых труб. Через каждые несколько сотен метров в стенах появлялись высокие ворота с переговорными устройствами и кнопками дистанционного управления, установленными в воротных столбах. Поворачивая голову, когда они проезжали мимо ворот, она иногда замечала короткую дорогу к красивому дому. Каждый дом по мере того, как они проезжали мимо, казался больше предыдущего.

Харриет поняла, что они приехали в богатую деревню.

— А где же магазины?

— В Оксфорде.

— А где живет домработница твоей матери? — настаивала она.

— Я думаю, в одном из новых поместий в Грейт-Шелли, а что?

— Просто интересно.

Они достигли, кажется, последних великолепных ворот. Дорога поворачивала в сторону от деревни и снова уходила в аккуратный деревенский ландшафт.

Кованые железные ворота со сложным причудливым узором были открыты. Порш въехал в них, и гравий заскрипел под толстыми шинами. Вдоль дороги выстроились в ряд, как зелено-черные часовые, тщательно подстриженные хвойные деревья. За ними были лужайки с одиноко стоящими более высокими деревьями, голые ветви которых опускались до мокрой травы.

Дорога расширялась и переходила в полукруглую площадку. Здесь было припарковано много больших, сверкающих автомобилей и оставалось достаточно места еще для десяти или даже больше. Харриет посмотрела на дом.

Он был построен из камня, сегодня серого, а при солнечном свете, возможно, золотого. У него были три ряда окон, застекленных маленькими стеклами, а над ними, под крышей с крутыми скатами, еще один ряд мансардных окон. Здесь же были ряды дымовых труб, которые возвышались над другими стенами. Кроме основного фасада у дома были еще короткие выступающие крылья, создающие впечатление, что он строился удобно, но, по человеческим масштабам, беспорядочно.

«Тут, видимо, не меньше пятнадцати спален», — подумала Харриет. Дом был огромен, но одновременно выглядел интимным. Он был пышным, но в то же время он хорошо вписывался в окружающую его богатую деревню.

Она не могла отказать Мартину Лендуиту во вкусе. Некоторые части этого дома относились к шестнадцатому веку, это был, безусловно, драгоценный камень в выдающейся коллекции драгоценностей, которую представляло собой ожерелье Литтл-Шелли. Мартин, должно быть, проводил работы с исключительным старанием, чтобы достичь этого.

Автомобиль Робина проскользнул на свое место рядом с роллс-ройсом бронзового цвета.

— Раньше это был помещичий дом, — заметил он, — одно время им владел лорд Наффилд, а раньше это было поместье графов Оксфордских. Остальная деревня выросла вокруг него.

Он обошел машину и открыл Харриет дверь. Очень любезно он помог ей выйти. На мгновение ей пришлось опереться о его руку. Она увидела картину настоящего богатства, от которой у нее закружилась голова.

— Это весьма впечатляюще, — сказала она, что до известной степени так и было.

Лужайки и площадка для автомобилей были отделены от дома мощеной террасой. На террасе, охраняя парадную дверь, сидела пара львов, видимо, в натуральную величину. Камень от возраста покрылся щербинами и был тронут лишайниками. Харриет и Робин прошли под испытующим взглядом львов и вошли в дом.

Харриет успела получить только мимолетное впечатление от высокого коридора с покрытым каменными плитами полом и пары резных сундуков из темного дуба, пока Робин не провел ее через двойные двери в длинную гостиную.

На первый взгляд, впечатление скромного, но чрезвычайного богатства создавалось в равной степени и комнатой, и людьми, собравшимися в ней. Одна женщина отделилась от группы и по французскому гобелену шестнадцатого века направилась приветствовать их.

— Робин, дорогой.

Харриет сразу узнала ее по фотографии в серебряной рамке в спальне Робина. Облако темных волос выглядело небрежным благодаря искусству дорогого парикмахера, лицо в форме сердечка выглядело поразительно красивым, однако выражение невинности было менее заметным, чем на фотографии. В ее глазах было спокойное одобрение, готовность осудить и отпустить. Робин поцеловал ее, а она быстро потрепала его по щекам своими длинными пальцами с накрашенными ногтями.

— Харриет, это моя мама. Мама, это Харриет Пикок.

Мать Робина протянула руку, и Харриет пожала ее.

— Здравствуйтесь, миссис Лендуит.

— Привет, Харриет. Называйте меня Аннунзиата.

«Я постараюсь, — подумала Харриет с легким замешательством, — интересно, как Мартин называет тебя в постели, наверняка не так. Ненси?»

Аннунзиата Лендуит внимательно изучала ее. Харриет не знала наверняка, как ей следует одеться в этом случае, что ей, вообще-то, было несвойственно. В конце концов, она выбрала желтую блузку и черные леггинсы, надеясь, что если это покажется слишком неофициальным, то будет выглядеть, по крайней мере, молодо и эксцентрично. Однако было очевидно, что ее костюм Ненси не приняла. «Даже больше, чем я сама», — подумала Харриет. Возможно, мать Робина не одобряет всех его знакомых девушек, чьи семьи и финансовая родословная не известны ей.

В свою очередь, Харриет заметила, что мать Робина одета в шанель — костюм с длинным жакетом из шерсти серо-бежевого цвета с позолоченными пуговицами, и, кроме того, на ней тяжелая нитка жемчуга. В любом случае с этим соревноваться было невозможно.

Харриет последовала за хозяйкой через комнату для представления ее гостям. Последующие впечатления от гостиной подтвердили первое. Эффект роскоши достигался выделением каждой поверхности не один раз, а два.

Тут были глубокие диваны с валиками и со старинными вышитыми подушками. Тяжелые занавесы с кистями и глубокими фалдами были задрапированы, а боковые столы под шелковыми скатертями были задрапированы еще раз сверху серебряно-синими и зелеными. Поверх толстого ковра лежал огромный старинный ковер, на котором нежно-розовые вышитые розы скручивались по спирали на туманном сине-зеленом фоне. Здесь стояли лампы с абажурами из плиссированного шелка и даже рамки для фотографий, разбросанных по всей комнате, были наложены на бархат с вышивкой.

По мере того, как вся эта изысканность и богатство поднимались, чтобы поглотить ее, Харриет вдруг в какой-то момент почувствовала сильную, глубокую и ясно осознаваемую привязанность к дому Джейн Хантер в Хакни.

«Что мне нравится? — спросила она себя с бешенством. — И частью чего я являюсь? Только не этого. Чего угодно, но только не этого».

Здесь были, наверное, еще человек двенадцать, стоящих плотным полукругом с бокалами в руках перед горящими в камине дровами. Все они были старше Робина и Харриет, мужчины с серебряными волосами и все еще тренированными фигурами и женщины со стройными талиями и пышными прическами, чьи наряды отражали сияние денег.

Здесь у Харриет не было никаких оснований думать о своем бриллианте. Когда она пожимала руки с кремовыми полированными ногтями, она видела проросшие ряды бриллиантов и серьги с неограниченными камнями величиной с мяч для гольфа, а изумрудная булавка в воротнике блузки одной дамы заставила ее вспомнить дом драгоценностей во дворце Топкапи, через который она, Чарли и остальные прошли с рюкзаками за плечами больше десяти лет назад.

— Приятельница Робина, Харриет. Все вы, конечно, знаете Робина, не так ли?

Робин проходил между ними элегантный и спокойный за ширмой своих изысканных манер. Харриет подумала: «О чем я могу говорить с этими людьми?» Здесь не было Мартина, на которого, вероятно, можно было бы рассчитывать, как на союзника.

Потом она увидела, что одна гостья не участвовала в представлении. Она сидела с одной

стороны комнаты в кресле в поворот к окну, открывающемуся в сад. Ее худые ноги в клетчатых брюках были вытянуты, а ботинки, возможно непроизвольно, касались обивки медового цвета. На вид ей было лет десять, и у нее на лице было выражение мятежной скуки.

Мужчина в темной куртке и полосатых брюках, неся серебряный поднос, прошел между Харриет и ребенком. Харриет взяла предложенную им высокую тонкую рюмку шампанского и наблюдала за тем, как он, слегка согнувшись, предложил стакан обычного апельсинового сока ребенку. Она взяла стакан, не взглянув на него, а выражение ее лица не изменилось.

«Ребенок кого-то из этих людей, без сомнения», — определила Харриет. Ей было интересно, какая из этих шелково-серебряных пар была ее родителями.

Харриет пригубила шампанское и отошла в сторону от ведущей оживленную беседу группы. Здесь стоял пуфик с кистями на позолоченных звериных лапах, похожий на детский стул, и Харриет присела на него, переместив свои глаза на нужный уровень.

— Извините, нас не представили, — сказала она. — Меня зовут Харриет.

Ребенок посмотрел на нее, но ничего не сказал.

— Как тебя зовут? — подсказала Харриет.

Девочка насупилась.

— Я только ребенок, вы же понимаете, — подчеркнула она звонким голосом с явным американским акцентом.

Это прозвучало неожиданно в комнате, наполненной протяжным и несколько лающим английским языком.

— Дети должны быть видны, но не слышны.

Харриет усмехнулась.

— Это ты так считаешь?

— Как ребенок, я не могу считать или не считать, не так ли? Это делают взрослые. Вы тоже так считаете?

Харриет вспомнила вечеринку Джейн на двух уровнях, давая правильный ответ на вопрос девочки.

— Дети тоже люди. Они заслуживают того, чтобы их было слышно так же, как и любого другого. Но не больше, как некоторые, кажется, предполагают, но, конечно же, и не меньше.

Теперь дошла и до девочки очередь поразмышлять.

— Там, откуда я приехала, дети должны время от времени высказываться и показываться. В хорошей одежде на праздниках или верховой езде или еще на чем-нибудь подобном. Потом они разъезжаются до следующего раза.

— Понимаю. А откуда ты приехала?

Девочка пожала плечами:

— Иногда я живу в Литтл-Шелли, иногда в Лос-Анджелесе. В Бел-Эйр, — добавила она.

Харриет было интересно, кто из этих людей занимался кинобизнесом и имел дело с миллионами, расходуемыми на постановку фильмов. Любой, а вполне возможно, что и все.

— Понятно. Так ты собираешься назвать мне свое имя?

— Меня зовут Линда.

Харриет протянула руку:

— Здравствуй, Линда.

Девочка пожала руку, а потом вздохнула:

— Все в порядке, вы сделали свое дело.

— Что ты имеешь в виду?

— Вы были ласковы со мной. Теперь вы можете вернуться в свою компанию.

Харриет скорее забавляла ее невоспитанность, чем ей хотелось давать отпор, на что, возможно, Линда и надеялась.

— Мне кажется, что я не хочу.

Девочка уставилась на нее. У нее было бледное, остренькое личико и бесцветные волосы, ровно подстриженные, с квадратной челкой, а глаза у нее были большие, карие и красивые.

— Вы можете пойти со мной погулять в сад. Там есть качели. Не много, конечно, но все равно лучше, чем здесь.

Харриет бросила взгляд на комнату. К ней была повернута прямая спина Аннунзиаты, а Робин сидел на дальнем диване между двумя прическами.

— А вам разрешат? — с вызовом спросила Линда.

— Мне разрешено делать все, что не будет беспокоить или причинять неудобства другим людям, — важно ответила Харриет. — Так принято у взрослых, и это стоит запомнить. Я не вижу никаких причин, почему бы мне не погулять с тобой в саду.

Они встали вместе. Линда вертелась в своих клетчатых штанах и жакете из шетлендской шерсти. Когда они проходили мимо дивана, на котором сидел Робин, она наклонилась между соперничающими ароматами «Джой» и «Арпеджил» и прошептала:

— Я выйду на десять минут в сад погулять с Линдой. Она очень приятный ребенок.

Какая-то из этих женщин могла быть ее матерью.

— Аннунзиата не будет возражать?

— Конечно, нет, — пришлось ответить Робину.

Однако Харриет не сомневалась, что ее поведение выглядит эксцентричным. С легкой улыбкой она повела Линду через двойные двери назад в коридор, где мужчина в черной куртке вскочил, чтобы открыть им парадную дверь, и дальше — на ослепительный солнечный свет.

Линда побежала по большому кругу, размахивая руками, как колесо водяной мельницы. Она была похожа на большую собаку, вырвавшуюся из своры. Она прыгнула на покатую спину одного из львов, уселась как обезьянка и стала процарапывать длинные полосы по мягкому лишайнику своими старомодными закрытыми ботинками.

— Лучше было бы не делать этого, — заметила Харриет, — по крайней мере, не на виду у всего дома.

Линда в первый раз улыбнулась, и ее лицо вдруг просияло. Она слезла с льва и подбежала к Харриет.

— Хорошо. Тогда пойдем и будем играть подальше, чтобы нас не видели.

Линда побежала, а Харриет сначала медленно пошла за ней, а потом побежала, чтобы догнать ее. Ее ноги оставляли скользкие следы на мокрой траве. Было холодно, однако от бега в Харриет звенела кровь. Чистый воздух освежал после душной гостиной, и она почувствовала Линде, которая протестовала всем своим видом против сидения в помещении.

Они достигли дальнего угла сада, где оказались обещанные качели. Металлическая рама покрылась ржавчиной, но конструкция выглядела вполне надежной.

— Толкните меня, — скомандовала Линда.

— Ты не можешь раскачаться сама?

— Мне больше нравится, когда меня толкают.

— Для начала я дам тебе пять сильных толчков.

Линда раскачивалась, вытягивая промокшие носки ботинок все выше и выше, а Харриет осматривала сад. Здесь были большие цветочные клумбы с геометрически точными краями, голая земля была хорошо вскопана, а тонкие ветки кустарника ровно подстрижены. Здесь, вероятно, был садовник, для которого эти клумбы были предметом гордости и радости.

Линда описывала все более широкие дуги.

— Посмотрите на меня! Я уже выше перекладыны?

— Будь осторожна. — Харриет попыталась представить себе Робина, качающегося, как маленький мальчик, грязный и дерзкий, но не смогла этого сделать.

— Ты играла здесь раньше, Линда?

— Пару раз. Их бассейн больше нашего.

Харриет прошла в разрыв живой изгороди и обнаружила плавательный бассейн, как будто ограниченный ее обрезанными стенами. При бассейне был домик, построенный в стиле маленького классического замка. Трамплин был снят, а его кронштейны сложены. Харриет всматривалась в пустой голубой ромб и вдруг почувствовала, что ее угнетает пустота сада. Она вернулась к Линде. Увидев ее, девочка выставила ногу, чтобы затормозить раскачивание, и соскочила на землю.

— А что теперь мы будем делать?

— Я думаю, что нам лучше вернуться к твоей маме.

Девочка уставилась на нее с пренебрежением.

— Моей маме? Моя мама в Факете. Она не любит Рождества. Или Англии.

— Тогда к твоему папе, — Харриет не знала, где расположен этот Факет.

Выражение, следовавшее в ответ, было мрачным:

— Хорошо. Но он не волнуется.

Они пошли назад, Линда била носками ботинок по земле лужайки, как будто хотела вскопать ее. Харриет мучило любопытство, и ей очень хотелось задать несколько вопросов о усадьбе Лендуитов, об их отношениях с ее папой, но ей показалось, что будет не слишком красиво извлекать из ребенка полезную информацию.

Она удовлетворилась вопросом:

— Ты живешь недалеко отсюда?

Линда без особого восторга кивнула головой.

— Вон там.

Один из больших домов, спрятанных за стенами, богатые убежища. Харриет решила больше ничего не спрашивать. Они почти дошли до дома, когда Линда нарушила молчание.

— Мне действительно нравится ваша одежда, — сказала она.

— Нравится? Большое тебе спасибо.

— Да. Она красивая. Я ненавижу свою.

— Ты выглядишь прекрасно.

Она выглядела, правда, несколько старомодно, как ребенок с иллюстрированных книжек пятидесятих годов. Она тоже вполне сознательно имела намерение одеться излишне скромно на элегантную вечеринку Лендуитов.

— Моему папе нравится, когда я ношу такую одежду. Он считает, что это лучше всего, как из его детства. Моя мама любит причудливые вещи. У меня есть два таких гардероба, и я оба ненавижу.

— Что бы тебе хотелось носить?

— Джинсы, свитеры и все такое. Брюки, как у вас.

Они прошли мимо львов и вошли в коридор.

— Скоро ты будешь достаточно взрослой, чтобы самой выбирать себе одежду.

— Да, — вздохнула Линда так, как будто Харриет сказала ей, что она скоро будет достаточно взрослой, чтобы совершить экскурсию на луну. Из своего детства Харриет помнила заманчивые и недостижимые перспективы взрослой свободы.

— Тебе сейчас не верится, но это будет.

Они снова оказались в гостиной. После прохлады на улице здесь было, как в оранжерее, и, к тому же, необыкновенно ароматно. Прибыли еще гости, и большая группа раскололась на маленькие, стало значительно более шумно.

Линда нахмурилась.

— Спасибо, — пробормотала она, не глядя на Харриет, — еще увидимся.

Смотря прямо перед собой, она пересекла комнату и вновь уселась в свое кресло. Она снова вытянула ноги, и на этот раз ее грязные ботинки с вызовом касались покрывала Аннунзиаты. Харриет отвернулась, подавляя улыбку. Она ясно почувствовала, что ее ноги промокли и щеки горят от свежего воздуха.

Робин материализовался возле ее локтя.

— А вот и ты. Подойди и поздоровайся с Томом Сейчсом. Он управляет фирмой «Ти-Кей-Эс» и может быть полезен тебе.

Харриет позволила подвести себя к одному из серебряноголовых мужчин. Том Сейчс пожал ей руку, пожелал счастливого нового года, и они начали разговор о «Пикокс», о влиянии средств массовой информации на объем продаж, особо отмечая компанию Тома Сейчса. Харриет приняла следующий бокал шампанского от дворецкого и канаве с подноса, предложенное женщиной с бесстрастным лицом, которая, наверно, была домоправительницей. Она съела крошечный кусочек целиком и слушала Тома Сейчса с таким вниманием, какое она только могла продемонстрировать.

— Ваша телевизионная передача, конечно, должна иметь прямое отношение к существующему рыночному сознанию.

Харриет почувствовала, что какой-то новый гость вошел в гостиную за ее спиной.

Глаза Тома метнулись к двери, а затем вернулись к Харриет. В общей беседе наступило минутное затишье, но затем она немедленно возобновилась, еще громче, чем до этого, как будто для того, чтобы подтвердить отсутствие всякого перерыва.

Харриет сопротивлялась желанию повернуться и посмотреть.

Минутой позже Мартин Лендуит появился в поле ее зрения. Он был такой же красивый и обходительный, как всегда, но на фоне своего спутника он казался меньше и тусклее.

Первой мыслью Харриет было то, что она была знакома с этим мужчиной, который шел вместе с Мартином, в течение многих лет. Она даже сделала движение, чтобы поприветствовать его. Потом она со стыдом поняла, что, конечно, никогда не встречала его. Она никогда не встречала никого, кто держался бы и двигался так, как будто он неизбежно является центром внимания и находится в фокусе всех остальных глаз.

Это было известное лицо, знакомое по кино и телевизионным экранам.

Аннунзиата поспешила ему навстречу, вся ее холодность, которую чувствовала Харриет, полностью испарилась.

— Каспар, вы не выпили. Мартин, ты не заботишься о нем.

Она почти щелкнула своими пальцами, подзывая дворецкого. Тотчас же возле локтя

мужчины появилось шампанское. Как показалось Харриет, он сделал уже, по-видимому, многое из того, что хотел сделать, но значительно больше он еще не сделал. Это был Каспар Дженсен.

Харриет вспомнила его последний фильм, который она видела. Это была «Грозовая туча» — не очень хороший фильм, и Каспар Дженсен играл только эпизодическую роль, хотя его лицо присутствовало на всех рекламных плакатах. Он давал огромное количество интервью, в большинстве глянцевых и цветных рекламных материалов присутствовали черты лица Дженсена.

Харриет почувствовала, вероятно, вместе с большинством людей в комнате, что она знает историю его жизни, начиная со скромных истоков в Дареме через Оксфорд, сцену, две неудачные женитьбы, положение звезды в серии фильмов, имевших большой успех, и кончая менее удачными фильмами. Харриет не могла вспомнить, когда она в последний раз слышала о том, что он появился на сцене, хотя это был такой классический актер, который сам создал себе имя. Ходили слухи и о других проблемах, косвенным образом отрицаемых в жизнерадостных интервью.

— Ничего подобного, Аннунзиата. Я выпил достаточно много, — услышала она его провозглашающий голос, как будто он произносил первые строки «Двенадцатой ночи». Его голос был также знаком, как и его лицо. Он выходил из его груди и звучал так, как будто проходил через мед и дым.

Каспар Дженсен нес свой бокал шампанского к креслу, на котором сидела Линда. Он пригладил свои волосы, а потом сделал шаг назад, как будто следовал режиссерской расстановке актеров.

— Как дела, детка? Все хорошо?

Харриет поняла. Она гуляла в саду с Линдой Дженсен. Линда была младшим ребенком Каспара и его единственной дочерью. Она была задумана Клэр Меллен, актрисой, блистающей красотой, но с ограниченным, по общему мнению, интеллектом, с которой Каспар играл главную роль сразу после того, как распался после двадцати лет его первый брак. Каспар и Клэр затем поженились, и, что удивительно, этот брак просуществовал девять лет. Он закончился в последние двенадцать месяцев.

У него было еще два сына от первого брака, старший из которых начинал делать свое имя киноактера.

Поняв, кем является бледный, надутый ребенок, Харриет больше не удивлялась, что ей сходит с рук укладывание грязных ног на покрывала Аннунзиаты.

Том Сейчс все еще говорил, а Харриет давала соответствующие ответы. Сейчас они обменялись мимолетными взглядами, которые говорили: «Мы видели, кто пришел, и это производит впечатление на нас, но мы продолжаем вести себя так, как будто мы общаемся с такими людьми каждый день». Цивилизованная беседа возобновилась в ровном гуле вокруг них.

Харриет справилась с желанием засмеяться и сконцентрировалась на технических вопросах успешного использования средств массовой информации для увеличения продаж. Каспар Дженсен был поглощен группой в середине комнаты, а Линда сидела на своем стуле, и ее пристальный взгляд был направлен в окно.

Аннунзиата и помогающий ей теперь Мартин разыгрывали свой прием с большим искусством. Группы гостей собирались и расходились, и Харриет была среди них. Она близко приближалась к Каспару, но ни разу не достигла такого положения, чтобы быть

представленной ему. Наблюдая за ним, она отметила, что он ниже и коренастей, чем кажется на экране, держится прямо и передвигается с изяществом, а также обладает физическим магнетизмом, который представляется скорее природным, чем созданным его известностью. Она поняла, что ей хочется смотреть на него и даже подойти поближе, чтобы быть на расстоянии, при котором можно прикоснуться к нему.

Харриет заговорила с одной из стройных женщин, на которой было больше золотого загара, чем на остальных, или, скорее, слушала ее. Она расхваливала радости сиднейского лета по сравнению с английской зимой.

— Ужасное путешествие, но то, что вы получите взамен — это рай. Безусловно, рай.

— Я уверена, что это так, — вежливо согласилась Харриет.

Женщина неожиданно прервала рассказ и подо двинулась поближе.

— Он все-таки необычный, не правда ли? Я встречалась с множеством звезд, конечно, благодаря делам Дика, но ни один из них не похож на Каспара.

— Вы его хорошо знаете?

— Я его вообще не знаю, а видела только потому, что у него есть этот дом в деревне. Не так уж много времени он проводит здесь. Я думаю, он просто затворник.

Так тактично, что механизм был незаметен, Аннунзиата разводила некоторых своих гостей и располагала в определенном порядке других. Харриет заметила, что некоторые пары уехали, а те, которые остались, все время были под контролем, чтобы их можно было переместить в какое-нибудь другое место. Общество, вероятно, должно было перейти в другое помещение. Она обнаружила Робина возле себя.

— Очаровательная компания, — прошептала она, наблюдая за тем, как Аннунзиата сопровождает Каспара, легко положив кончик пальца на его локоть.

Брови Робина удивленно приподнялись.

— Ты надумала влюбиться в него, как и все остальные?

Харриет рассмеялась:

— Все? Я так не думаю. Ты знал, что он будет?

— Конечно, нет. Если бы у меня был выбор, я бы не рискнул привозить тебя на расстояние, меньшее пятидесяти миль от него. А не приступить ли нам к ланчу?

Харриет послушно последовала за ним.

Столовая была длинной комнатой с противоположной стороны коридора. Французские окна, завешенные еще более тяжелыми шторами, смотрели в пустой сад, на который уже спустилась темнота. Здесь стоял большой овальный стол, накрытый на двенадцать персон с миниатюрными батальонами ножей и вилок и зарослями хрустальных бокалов. Харриет увидела, что на каждом месте лежала карточка и про себя вздохнула.

— Вот она, — сказала, показывая, Линда Дженсен, — эта дама.

Линда держала отца за руку. Они вошли в столовую немного позже остальных вместе с Мартином. Линда указывала на Харриет. Каспар пошел прямо через комнату рядом с дочерью. Улыбаясь, он протянул руку, и Харриет увидела цвет его глаз. Синие, но не такие яркие, экранно-синие, как она ожидала. Белки были красными.

— Я Каспар Дженсен.

Харриет кивнула головой.

— Я знаю. Меня зовут Харриет Пикок.

— Линда сказала, что вы замечательная.

Здесь в слове «замечательная» прозвучала американская интонация, несовместимая с

звучным шекспировским голосом.

— Мы ходили гулять в сад. Мне это тоже было приятно.

Каспар обхватил ее плечи своими руками и обнял крепко, как медведь.

— Ну, вы хорошая девушка. Выпивка и разговоры — это развлечение для нас, но они неинтересны детям. Вот, посмотрите, мы здесь все себя показываем. Пойдемте сядем рядом. Я хочу узнать, во что моя дочь влюбилась.

Он выдвинул для нее обеденный стул и сел рядом. Быстро, как угорь, Линда проскользнула на место с другой стороны от Харриет. Краем глаза Харриет заметила выражение лица Аннунзиаты. Секундой позже Аннунзиата обошла вокруг стола и сгребла все карточки.

— Давайте неофициально, — предложила она. — Садитесь, где вам нравится, при условии, что мужья и жены садятся отдельно.

Еще через секунду она уже управляла рассаживанием из-за стула рядом с Каспаром. Когда все остальные нашли себе место, она окинула всех изумленным взглядом, как бы поражаясь тому, что ей досталось ее место. Мартин и Робин сидели друг против друга на разных концах стола.

Дворецкий и домоправительница перемещались за стульями, ставя тарелки перед каждый из гостей. Харриет посмотрела на свою порцию. Там лежала искусно свернутая креветка, веер из листьев кариандра и несколько холмиков и лужиц мусса и соуса. Одновременно первый из ее бокалов был наполнен бледным золотым вином.

Рядом шипела Линда:

— Я не могу это есть. Я люблю картофель по-французски.

Самым суровым шепотом, который она смогла воспроизвести, Харриет прошипела в ответ:

— Линда, сколько тебе лет?

— Почти одиннадцать.

— Ты достаточно взрослая, чтобы знать, что ты можешь съесть почти все, если это действительно необходимо. Кроме того, это, наверное, восхитительное блюдо. Я думаю, ты сможешь съесть картофель по-французски, когда вернешься домой.

Линда вздохнула и ткнула ложкой в холмики на тарелке.

— Он тоже не любит такой еды. Он любит бифштекс и пирог с почками.

— Но он это съест.

— Я не уверена, — мрачно проворчала Линда.

Каспар беседовал с хозяйкой. Потом, демонстративно развернувшись, от чего зашатался его стул, он повернулся к Харриет. Он опустил одну руку за спинку своего стула, а свободной рукой поднес ко рту бокал золотого вина и опустил его уже пустым.

— Ну, а теперь расскажите мне все.

Харриет обратила внимание на то, чего она раньше не заметила, возможно потому, что он искусно это скрывал. Каспар Дженсен был почти совсем пьян.

— Все? Я думаю, это может оказаться довольно скучный список.

Его смех согрел Харриет. Он был большим, богатым и шумным, больше этой изящно обставленной комнаты с серебром и фарфором и значительно громче, чем окружающие разговоры. Харриет скорее почувствовала, чем услышала, что разговоры прекратились, и все пары глаз повернулись к Каспару.

— Ради Бога, давайте не надоедать друг другу.

Его рука достаточно фамильярно накрыла ее руку. Харриет замерла, не желая, чтобы он почувствовал, что ему следует убрать ее. Каспар изучал ее лицо. Он напряженно вглядывался, и от этого углубились морщины между его бровями.

— Это новый большой грех, вы так считаете? Более смертный, чем семь предыдущих? Что вы обо всем этом думаете?

Он убрал руку с руки Харриет и сделал приглашающий жест всему остальному столу принять участие в разговоре. Он почти поднес ко рту свой пустой бокал, но вовремя заметил это и протянул его дворецкому, чтобы наполнить вновь. Харриет взяла нож и вилку и наклонилась над своей тарелкой.

— Ну так грех или нет?

— Конечно, это не грех, быть скучным, — отважилась женщина, сидящая рядом с Мартином. — Этого же не может быть?

Каспар наклонился вперед, ткнув вилкой в ее направлении.

— Как этого не может быть? Я знаю нескольких зануд олимпийского класса. Мужчины, которые могут повернуть в противоположную сторону поток лавы с помощью одной единственной речи. Женщины, Бог мой, женщины, которые могут погасить солнце на небе. Навязчивый интерес к самому себе — вот грех. Это подавляет все остальное, всю радость, перекрывает все потоки. Зануды — истинные злодеи нашего времени. Дай мне, Бог, приятной лени или обжорства. А страсть лучше всего.

Харриет пожалела, что она не может увидеть Аннунзиаты, так как ее профиль был закрыт огромной массой Каспара. В комнате, казалось, установилась неестественная тишина, когда замолк его грохочущий голос.

— Я думаю, что я тоже включил бы это в перечень грехов, — мягко произнес Мартин. — Правда, они будут относиться к довольно низкому разряду.

— А как насчет глупости? — растягивая слова, спросил Том Сейчс.

— Глупость — это несчастье, а не грех, — ответила женщина, которая защищала зануд.

— Занудами не всегда бывают глупые люди, а глупые — не всегда зануды. Но, из моего опыта, эти два качества тесно связаны. Победоносно. Великолепно.

Харриет подумала, что сейчас Каспар переходит черту, за которой он будет полностью пьяным. Она понимала, что ей надо сказать ему что-нибудь успокаивающее, стремясь ограничить его внимание к ней и, таким образом, уменьшить вред, наносимый приему Аннунзиаты. Для себя самой она решила: что бы ни сказал Каспар и что бы он ни сделал, будучи пьяным, это не повлияет на ее хорошее отношение к нему, которое она уже почувствовала. Она ощущала, что здесь присутствует кто-то большой, к кому нельзя подходить с обычными мерками, потому что они всегда могут рухнуть, да и кто еще обладает такой же способностью очаровывать, как и разрушать. Она почувствовала себя неловкой и злилась на себя, потому что не знала, что сказать или сделать для того, чтобы изменить его поведение.

Харриет еще раз окинула взглядом стол. Мартин, внешне спокойный, улыбался. Робин улыбался тоже, но в его темных глазах мелькнула досада. Харриет знала, что Робин не любит ничего неожиданного и неуправляемого. Линда предпринимала похвальные усилия съесть свою креветку. Сейчас она ломала хлеб и расставляла кусочки маленькими кучками возле своей тарелки.

Однако Харриет недооценила самоконтроля Каспара и его способности доминировать в комнате. Когда он заговорил снова, показалось, что он избавился от влияния выпитого.

— Говоря о занудах, мы, кажется, должны..., — он оборвал фразу и мутными глазами вновь уставился на Харриет. — Вы скажете мне, дорогая, если я сам начну грешить, хорошо? — А затем снова всей компании. — Я расскажу вам о том времени, которое я провел в Токио вместе с Джоном, снимая «Близнецов».

Анекдот об известном кинорежиссере был смешным, но он стал еще более смешным благодаря умению Каспара рассказывать. Все облегченно рассмеялись. Он рассказал еще пару историй, пока все остальные за столом ели лимонный суп с плавающими в нем крошечными цветочками из овощей. Гости с облегчением вздохнули, и вновь начались отдельные разговоры.

Харриет заметила, что Робин смотрит на нее. Выражение его лица не изменилось, но она почувствовала, что, глядя ему в глаза, она может проникнуть в его мысли. Она ясно понимала, что он любит ее и что он гордится ею и тянется к ней. Вместо счастья понимание этого вызвало у нее страх, за которым последовало чувство вины. Она улыбнулась ему через стол, зная, что эта улыбка была предательской.

Слуги собирали бульонные чашки. Каспар попробовал только одну ложку. Главное блюдо было приготовлено на двух гигантских серебряных блюдах, стоящих на откидном столе. Слушая Каспара, Харриет не сразу увидела, что положили перед ней.

Только вздох потрясения и отвращения, который издала Линда, предупредил ее об опасности.

На каждой тарелке в правильных овалах пропитанных соусом тостов лежала пара целых, крошечных птиц. Их глаза были закрыты маленькими темными листочками, а длинные прямые клювы спрятаны на груди, как бы изображая сон.

— Что это такое? — в ужасе спросила Линда.

— Я точно не знаю. Бекас или вальдшнеп. Что-то в этом роде.

— Бедные, маленькие птички, — прошептала Линда, — им бы летать над лесом. Они выглядят такими мертвыми.

Ее лицо побледнело, а глаза покраснели. Харриет почувствовала, что она близка к тому, чтобы расплакаться. Она испытывала холодную злость к Аннунзиате за то, что ребенку подали такое блюдо. Крошечные, покрытые пленкой, невинные глаза птиц вызывали у нее тошноту, а насколько хуже чувствует себя, наверное, Линда. Она испытывала глубокую неприязнь к мягкому, сделанному со вкусом и стильному виду этого дома и к матери Робина, которая осуществила все это. Она знала, что больше не придет сюда.

— Не волнуйся, — сказала Харриет Линде.

Она подняла руку, подзывая дворецкого, и прошептала ему:

— Уберите, пожалуйста, тарелку Линды. Ей лучше дать овощей.

Замена была сделана быстро и аккуратно. Если кто-то и заметил, что случилось, то все равно никто ничего не сказал. Цвет лица Линды медленно восстанавливался, и она стала разбирать на тарелке брюссельскую капусту, морковь и пастернак размером с ноготок.

Харриет попробовала от одной из своих птиц. Конечно, это было великолепно.

Еда продолжалась бесконечно. Подали замечательное бургундское, вызвавшее длительную дискуссию среди мужчин. Каспар мало добавил от себя, но свою долю выпил.

Наконец, тарелки с мелкими расчлененными останками были убраны.

— Спасибо, — жалко прошептала Линда Харриет.

— Ты получишь удовольствие от пудингов, — попыталась успокоить ее Харриет, — а потом все кончится.

Харриет подумала, что Каспар полностью поглощен своими собственными действиями, и, в любом случае, слишком далеко зашел и не замечает происходящего с другой стороны от Харриет. Она испугалась, когда он полностью переключил свое внимание на нее.

— Вы поступили правильно, — тихо сказал он, — вы поступили совершенно правильно. Я вам благодарен.

Но когда она попыталась высказать предположение, что Линда уже устала и было бы хорошо отправить ее поскорей домой, его пристально смотрящие глаза остекленели. У нее сложилось впечатление, что Каспар забыл, кто она, если он, действительно, это когда-нибудь знал. Он поблагодарил ее в соответствии с каким-то смутным стереотипом, который упорно удерживался в нем с трезвых часов, а потом сразу пропал. Она поняла, насколько он был пьян, и поразилась его способности оставаться за столом и продолжать разговоры.

Линда немножечко ожила. Пудинги были столь же искусно сделаны, как и остальные блюда, и один из них с приличным количеством шоколада заинтересовал ее. Она раскапывала свою порцию с энтузиазмом, сделав только одну остановку для того, чтобы спросить Харриет, будет ли вторая порция. На улице было совершенно темно.

Плетеные завязки, поддерживающие портьеры, были отпущены, и тяжелые складки закрыли окно. Зажгли свечи в серебряных канделябрах, и стало ясно, как быстро зимний день переходит в ночь. Застолье, казалось, длилось несколько часов. В это время принесли еще одно вино, тягучее, глубокого соломенно-золотого цвета в маленьких, как наперстки, рюмках. «Возможно, «Шато д'Икэм», — мрачно подумала Харриет.

Наступил переломный момент. Оглядываясь назад, она поняла, что он пришел очень быстро. Компания заговорила о деньгах. Тема развивалась от специфического обсуждения некоторых сторон инвестиций в рискованный бизнес к более общей дискуссии о монетаризме, а потом, смазанная соломенно-золотым вином, подошла к нравственности богатства. Харриет слушала, зачарованная. Сидеть среди этих людей и слушать их разговоры о деньгах было похоже на присутствие среди горностаев и герцогских реалий по случаю прославления прав аристократии.

— Только деньги заставляют Землю крутиться, — сказала одна из женщин.

Она опустила свой подбородок на руку, однако он соскользнул, и она резко дернулась, чтобы выпрямиться. Харриет готова была простить ее глупость, ведь было выпито слишком много вина, но тут она услышала рядом с собой вздох Каспара. Создалось впечатление, что его терпению, дипломатичности или самоконтролю окончательно приходит конец. Он встал, с трудом сохраняя равновесие и упираясь большими пальцами в скатерть.

— Чтобы ответить на вашу избитую фразу и все другие, я скажу, что деньги — это источник всего зла в мире. Я сделал этих чертовых денег больше, чем любой из вас, и выкинул большую часть из них вместо того, чтобы вкладывать, покупать, продавать и считать их. Это, по крайней мере, весело, пока они не кончатся, но я могу сказать вам сейчас бесплатно, я видел, что это такое. Я видел гниение и мусор. У меня сейчас, слава Богу, нет денег. Выкиньте их, — вот вам мой совет. — Он сделал великолепный жест, такой размашистый полупоклон: — Деньги — это зловоние. Вы ощущаете его?

Это было потрясение, наступила зловещая тишина. Линда сидела неподвижно, держа шоколадную ложечку. Она ничем не показала, что что-то слышала, за исключением того, что ее уши стали темно-малинового цвета. Мартин был уже на ногах, Робин тоже встал. Очевидно, намереваясь выйти из-за стола до того, как они подойдут к нему, Каспар оттолкнул свой стул назад. Он бы упал, если бы Аннунзиата не поймала его. Его качнуло, он

попытался опереться о стол, чтобы сохранить равновесие, но вместо этого ударил по краю пудинговой тарелки Харриет. Тарелка и ее содержимое свалились к ней на колени.

Каспар посмотрел вниз. С непредсказуемой, преувеличенной вежливостью очень пьяного человека он сказал:

— Я прошу прощения. Я искренне прошу прощения.

Мартин взял его за руку и очень спокойно произнес:

— Пойдем, старина. Я думаю, достаточно.

Робин занял место с противоположной стороны. Каспар дал им себя увести. Когда они дошли до двери, он повернулся и посмотрел рез плечо на тихую комнату.

— Осужденного уводят из зала суда, — произнес он речитативом.

Харриет поставила тарелку на стол. Колени ее выглядели отвратительно, как будто ее вырвало. Рядом с ней, согнувшись в коленях, Линда внимательно осматривала ее ноги.

— Все в порядке, — пробормотала Харриет.

Женщины столпились возле нее. Тихим гулом выражались смутение и сочувствие. Размазанная еда была стерта, и Харриет была молниеносно похищена наверх, в спальню Аннунзиаты. Здесь была кровать с пологом на четырех столбах, ковры цвета цельного молока и фотографии в серебряных рамках Робина в различные периоды его жизни, с которыми она уже была знакома более близко. Аннунзиата положила некоторые из своих вещей, в которые Харриет могла переодеться, а домоправительница унесла испачканные.

— Я очень сожалею, — сказала Аннунзиата. — Кто же мог предположить, что он так себя поведет.

— Все в порядке. Он мне понравился.

Харриет он несомненно очень понравился, особенно за его мрачную шутку, когда Мартин выталкивал его. Она будет защищать его от любого из этих людей, за исключением Робина, однако трудно простить его за то, что он вовлек в эту историю Линду. Спустившись вниз, она обнаружила, что некоторые гости уехали, а оставшиеся в гостиной сидели или стояли вокруг ребенка. Когда Линда увидела входящую Харриет, ее лицо выразило явное облегчение.

— Мне бы действительно хотелось пойти домой.

Ее колени были подняты, а сцепленные ладони засунуты между ними. Она выглядела маленькой и тоненькой и тряслась как от холода. Мартин Лендуит похлопывал ее по плечу, как будто он не знал, что еще можно сделать.

Харриет посмотрела на него.

— А где...

— Спит, — сказал он сухо.

Харриет подошла и встала перед Линдой на колени так, что их лица оказались на одном уровне.

— Дома кто-нибудь есть?

— Ронни.

— Мы можем позвонить ему?

— Ей. Она присматривает за мной, — почти неслышно прошептала Линда.

Харриет подумала, что, по крайней мере, хоть кто-то будет рядом с ней.

Рядом с Харриет появился Робин и предложил:

— Я отвезу ее, здесь всего несколько сот метров.

— Поедемте и вы тоже, — попросила Линда.

— Конечно, — ответила Харриет.

В комнате почувствовалось облегчение от перспективы решения хотя бы половины проблемы. Очень быстро они вышли на улицу. Воздух был холодным и приятным.

— Машина там, — сказал Робин.

— А могли бы мы... могли бы мы пойти пешком? — попросила Линда.

— Да, если тебе этого хочется. — Харриет понимала ее потребность побыть во всепоглощающей темноте.

А Робин выглядел так, как будто ничего не могло быть хуже этого.

— Я доведу ее, я уверена, что Линда может сама показать дорогу, — добавила она.

— Я не могу допустить, чтобы вы самостоятельно бродили по этим дорогам в темноте.

Харриет про себя улыбнулась от мысли о легионах разбойников, притаившихся на ухоженных дорожках Литтл-Шелли в семь часов вечера зимой. Она ничего не сказала, и они пошли вместе. Они молча прошли небольшое расстояние. Под высокими стенами и густыми живыми изгородями раздавались только звуки их неравномерных шагов. Примерно на полпути рука Линды скользнула в руку Харриет. Они дошли до нужных ворот. Робин нажал на звонок и сообщил о том, что ему нужно, в переговорное устройство. Ворота тихо раскрылись.

Перед ними лежала громада другого большого дома. Огонь горел только в двух маленьких окнах наверху. Однако, когда они пересекли какой-то секретный луч поперек дороги, моментально включились прожекторы, осветившие весь фасад здания. Харриет заморгала, стараясь загородить лицо рукой. Парадная дверь открылась, как только они подошли к ней.

Средних лет женщина в твидовой юбке стояла в ярком свете. Она больше походила на секретаря или помощника, чем на такую домашнюю няньку, какой ее представила себе Харриет. За ней то, что было видно внутри дома, выглядело так, как будто обитатели дома находились в процессе въезда или выезда. Повсюду были беспорядочно разбросанные упаковочные ящики с книгами.

— Спасибо, что вы привели ее, — любезно сказала женщина. — Меня, кстати, зовут Вероника Пейдж.

— Папа спит, — сказала ей Линда.

Мисс Пейдж кивнула, ее рот был вытянут в ниточку. Это был явно обычный случай.

— Заходи.

Линда отпустила руку Харриет, вошла и встала рядом с Ронни без всякого энтузиазма.

— Спасибо, — механически сказала она Робину.

А когда она посмотрела на Харриет, ее лицо стало умоляющим и наполнилось тревогой.

— Вы еще придете ко мне, правда? Вы еще придете ко мне в школу?

Харриет подошла и крепко обняла ее, прижав ее голову к своей. Она почувствовала под пальцами ее светлые, шелковые, тонкие волосы.

— Я уверена, что мы еще встретимся.

Они отпустили девочку с мисс Пейдж и направились к воротам. Вслед за ними вновь включился сигнальный свет.

В темноте на дорожке Харриет спросила Робина:

— Как все это было, когда ты был маленьким, в возрасте Линды?

После секундного раздумья он ответил:

— Беззаботность. Удобство.

— Ты общался с другими маленькими мальчиками?

— Мало. Здесь был только я. Я проводил массу времени со взрослыми.

— Да, — произнесла Харриет.

Сейчас Робин казался старше своих лет, был ли необходим такой контроль для него, когда он был ребенком. Харриет огорчилась за него, но еще больше — за Линду Дженсен.

Робин и Харриет отказались от приглашения Аннунзиаты остаться на обед и вместе встретить Новый год.

— Каким отвратительным был этот день для вас, — сказала она скорее Робину, чем Харриет, — но всегда есть что-то хорошее, что можно ожидать в следующий раз.

Потом она повернулась к Харриет.

— У нас не было времени поговорить. Вы ведь приедете еще, не так ли?

— Обязательно, — солгала Харриет.

Мартин проводил их до порша. Он сказал Харриет:

— Я очень рад, что вы и Робин испытываете что-то друг к другу.

Харриет вспомнила свое ощущение, когда ее изучили, а затем отвергли в пользу сына. Она до сих пор не знала, Мартин просто оценивает женщин в своей холеной голове или продолжает свои исследования глубже. Однако встретив его жену, она не смогла бы упрекнуть его, если бы он провел все возможные исследования.

Порш пролетел по узкой дороге, потом повернул на более широкую, а затем вышел на автомагистраль. Настроение у Харриет поднималось, как воздушный шар.

— Я сожалею, если ты не получила удовольствия, — сказал Робин.

Харриет было интересно, сознательно ли он повторил ее собственные слова, сказанные ему, когда они возвращались от Джейн.

— Я получила удовольствие, — ответила она.

В известном смысле, это была правда. День прошел не зря, в этом она была уверена.

Через секунду она добавила:

— У нас не будет больших успехов, не правда ли, в объединении наших отдельных миров?

Реакция Робина была экспансивной:

— Меня не волнуют никакие миры. Меня интересуют только ты и я, — он снял руку с руля и положил ей на ногу. — Счастливого нового года, — сказал он потеплевшим голосом.

Харриет повторила за ним те же слова. Его прикосновение на этот раз не оказало такого сильного воздействия, как обычно.

Это было все, за исключением того, что через два дня большая продолговатая коробка была доставлена Харриет в «Пикокс». Внутри развернутой бумаги она обнаружила целлофановую коробку, а внутри целлофана лежал букет орхидей. Лепестки высокомерных цветов были синевато-пурпурными, ярко-зелеными и бархатно-коричневыми, покрытыми крапинками и пятнышками, пушистыми, как маленькие экзотические животные. Харриет подняла цветы. Они еще были влажными, как будто только что прилетели с востока или откуда-нибудь еще, где в январе цветут орхидеи.

На карточке, вложенной в цветы, было написано: «Искренние, от всей души, извинения. Возможно, я смогу исправиться, когда вернусь в Англию. Спасибо вам за заботу о моей дочери. Каспар Дженсен».

Харриет было интересно, как он нашел адрес ее офиса. Возможно, что, в конце концов, он выяснил, кто она такая.

Она не взяла цветы в Хэмпстед, где Робин мог их увидеть, а держала на своем рабочем столе. Когда же в конце концов они завяли, лепестки стали опадать и ложиться на ее бумаги, как кусочки кожи, она вынула их из вазы и выбросила в мусорную корзину.

Она больше не думала о них, да и не намного больше о том, кто их послал.

Харриет села за большой овальный стол. Рядом с экземпляром проекта объявления о выпуске акций фирмы «Пикокс», который также лежал перед каждым, она положила чистый блокнот и ручку с золотым пером, которую Кэт подарила ей на Рождество.

Харриет была единственной женщиной в комнате. Шесть мужчин занимали свои места справа и слева от нее, раскладывали свои бумаги и блокноты в деловой тишине. Харриет сложила руки на коленях и ждала. Под столом, вне поля зрения шести мужчин, она вдавила ноги в ковер зала заседаний совета директоров. Она нажала еще сильнее, пока не почувствовала судороги в подъеме ноги, но не могла унять дрожь в ногах.

После почти шести месяцев подготовки, досконального осмотра компании и работы бухгалтеров, банкиров, брокеров и юристов на этой встрече должны были быть подведены все итоги. Юрист Харриет, Пирс Мейхью, сидел слева от нее, а Джереми Крайтон, бухгалтер, — справа. Они обратились в фирму «Аллардайс», являющуюся коммерческим банком, чтобы получить оценку деятельности ее компании и сумму, на которую, как они полагают, в течение первых шести дней должны выйти на рынок акции «Пикокс».

Харриет пришла услышать, какую цену они дают за ее детище. После многомесячной работы «Пикокс» была готова к выпуску акций. Харриет предстояло стать главой официально котирующейся компании.

День этой встречи был назначен много недель назад. Все необходимые процедуры были завершены согласно правилам Сити, но теперь, когда пришел час встречи, Харриет не могла унять дрожь. Она боялась, однако, была увлечена и чувствовала себя на такой высоте, как будто ее вены были наполнены героином.

Она украдкой взглянула вправо. Полное, как луна, лицо Пирса Мейхью было бесстрастным под тяжелой оправой очков. Его белые руки были совершенно спокойны, когда он доставал документы из портфеля. По другую сторону Харриет видела, что скульптурные черты лица Джереми искажались только непроизвольным подергиванием угла рта. Харриет взглянула на одни из часов, висящих на стене напротив нее, на те, на которых было написано Лондон. «Скорей же, пожалуйста, скорей», — умоляла она про себя, в то время, как черная тонкая секундная стрелка приближалась по циферблату к трем часам.

— Господа, — значительно произнес Джеймс Хэмилтон, старший член правления банка.

Мгновенно все собравшиеся преисполнились внимания.

Хэмилтон начал свою подготовленную речь. Харриет и ее помощники подались вперед в своих креслах, чтобы лучше расслышать. Харриет была слишком увлечена, чтобы заметить это, но ее ноги перестали дрожать. Она сама выбрала этих людей. «А.Р. Аллардайс» и «Маговерн Коупер», брокеры, которые вместе с ними работали. Несколько месяцев назад Харриет и Пирс встречались с коммерческими банками, которые были готовы выступить в качестве эмиссионного дома для выхода ее компании на фондовую биржу. Особенно ей было приятно посетить банк Мортон, хотя она и не увидела на встрече трех умных обезьян. Процесс проверки интересующихся ими банков был похож на конкурс красоты, и в результате этого конкурса Харриет и Пирс выбрали банк «Аллардайс» за его энтузиазм и высокую оценку «Пикокс».

И, наконец, пришло время выяснить, действительно ли энтузиазм и выбор Харриет

были обоюдно верными. В глубине души Харриет знала, что не было причин для беспокойства. Она сделала все, что можно было сделать, и она верила в «Пикокс» каждой частичкой своего тела.

После шести месяцев исследований «Аллардайс» также мог верить.

Джеймс Хэмилтон плавно подходил к существу дела. В комнате было достаточно тихо, только звуки уличного движения на Корнхилле, далеко внизу, доносились через двойные стекла.

«Для того чтобы высказать наше предварительное мнение о потенциале фирмы «Пикокс» в ее секторе рынка, мы внимательно изучили достижения конкурентов и ваш бухгалтерский отчет...» — Джеймс Хэмилтон постучал перед собой по объявлению о выпуске акций.

Харриет даже не взглянула на него. После многих недель, потраченных на помощь в составлении прогнозов, которые содержались в докладе, она знала цифры наизусть.

— ... В результате многих часов обсуждений и окончательного анализа, выполненного главой финансовой службы корпорации, мы пришли к убеждению, что «Пикокс», как динамично развивающаяся компания с перспективами лидерства в своей отрасли, имеет рыночную стоимость...»

Харриет видела, что лица были бесстрастны. «Аллардайс», возможно, помогал двадцати фирмам в год выйти на рынок. Это была привычная работа для Хэмилтона и других работников фирмы. Харриет интересовало, насколько ее лицо выдавало ее чувства во время этого кульминационного момента трех лет напряженной работы.

— ... Шестнадцать миллионов фунтов и дает или получает небольшую прибыль — около половины миллиона фунтов.

В комнате все еще стояла тишина. Харриет была удивлена, что комната не была заполнена биением ее сердца. Ей казалось, что оно может вырваться из ее груди.

— Ваша нынешняя торговая прибыль с учетом налогов составляет один миллион триста тысяч фунтов стерлингов, — произнес нараспев Хэмилтон, — полученные прибыли и предсказываемые их величины показывают, что отношение цен и заработка составляет 16. Поэтому мы считаем, что соответствующая стоимость акции такой значительной компании поставит ее на высокой рыночный уровень...

Он обменялся кивками с двумя брокерами, а затем посмотрел прямо на Харриет через оправу своих очков. Она ждала. Банкиры и брокеры установят цену акций чуть ниже оценки их реальной стоимости, чтобы обеспечить их подъем, как только начнется продажа. Но если бы цена их была слишком низкой, она могла бы вполне оправданно обвинить их в том, что они не дали ей более высокой стоимости.

— ...составляет один фунт двадцать пять пенсов. Поэтому мы предлагаем выпустить акции по этой цене в следующий ударный день, во вторник.

Харриет вздохнула. Это было то, на что она и надеялась. И даже немного лучше. Цифры стали раскручиваться в ее голове, они закружились все быстрее и быстрее, как леска удочки, на крючок которой однажды попала большая рыба.

— Мисс Пикок?

Харриет взяла блокнот и быстро записала. Пирс и Джереми постепенно пододвигали свои стулья поближе к ней. Пользуясь их советами, Харриет должна была решить: принять ей предложение банка или нет.

Шепотом они быстро переговорили друг с другом. Ожидая, банкиры и брокеры вежливо

беседовали между собой.

Харриет подняла голову:

— Два или три вопроса, — сказала она.

— С какими другими компаниями вы сравнивали «Пикокс»? И почему вы считаете, что соотношение цен и заработка ниже, чем у «Дайнемик», у которой оно составляет семнадцать?

Она внимательно выслушала гладкие ответы Хэмилтона. Наконец, она кивнула.

— У мистера Мейхью тоже есть несколько вопросов. — А затем, когда Пирс был удовлетворен, Харриет посмотрела на Джереми, чтобы услышать его одобрение. Только после этого она позволила себе улыбнуться. — Спасибо, мистер Хэмилтон, — сдержанно поблагодарила она, — ваше предложение принято. Мы будем счастливы выпустить акции во вторник по одному фунту двадцати пяти пенсов.

Они встали и все шестеро пожали друг другу руки.

— Очень хорошо, — ответил Хэмилтон. — Если все будет нормально, то мы выпустим акции на рынок в десять часов утра в следующий вторник.

Ударный день. Харриет научилась называть его так.

Вторник, двадцатое июня. Этот день был назначен банком Англии еще три месяца назад, но долгая подготовка только усиливала возбуждение Харриет. Цифры продолжали танцевать у нее голове. Продажа пяти процентов ее собственных акций принесет ей несколько сот тысяч фунтов, а оставшиеся будут иметь стоимость в ценных бумагах более четырех миллионов фунтов стерлингов. Только дивиденды по ее акциям будут приносить более восьмидесяти тысяч фунтов в год дополнительно к ее зарплате генерального директора.

Голова у нее кружилась, но она все еще улыбалась. Она оценивала все это, конечно, тысячу раз, но теперь, когда банкиры подтвердили это, у нее было чувство, как будто деньги были у нее в руках.

— Я богатая, — говорила про себя Харриет, распевая слова, как будто они были стихами. — Вдруг я неожиданно стала богатой.

Она вспомнила Крит и полушутку, которая только что стала настоящей правдой.

Она также с удовольствием вспоминала инвестиции Кэт, которые так же принесли богатство Троттам. Пока еще богатство только в ценных бумагах благодаря большому количеству акций, потому что Робин убедил семью, что им стоит придержать акции до их подорожания на бирже.

Затем неожиданно среди лиц ее друзей и членов ее семьи она ясно увидела лицо Саймона. Он был в каком-то мрачном месте, которое могло бы быть его кухней или это было ужасное воспоминание о лагере военнопленных, но черты его лица были четкими. Он смотрел мимо нее через ее плечо, словно ожидая увидеть кого-то другого.

«Для Саймона тоже будут деньги», — подумала она. Но пустота следующего вопроса: «А что это ему даст?» — привела ее в смущение. Медленно, не торопясь, Харриет снова успокоилась. Еще была работа, которую нужно было сделать. Именно это было важно сейчас.

Помощник Джеймса Хэмилтона держал в руках проект объявления. Харриет кивнула ему в знак одобрения. Цифры, которые они всемером обсуждали на встрече, только что были согласованы, и теперь будут вписаны в документ, а сам документ будет немедленно унесен, чтобы на его основании приступить к печатанию ценных бумаг.

Окончательный вариант объявления будет напечатан, и утром в ударный день «Маговерн Коупер» разошлет его их клиентам и потенциальным подписчикам.

Месяцы работы, планирования и расчетов будут оценены интересом рынка к появлению акций во вторник утром.

Была также и другая работа, на которую следовало сразу же обратить внимание. Доклад о встрече должен быть передан фирме, осуществляющей связи компании «Пикокс» с общественностью, которая выпустит материал для деловой и финансовой прессы. Будут статьи на страницах «Сити» об ожидаемом выпуске акций, люди из средств массовой информации обеспечат это. Джеймс Хэмилтон описал «Пикокс» как быстро развивающуюся компанию с реальными перспективами на лидерство в своем секторе. Материал, опубликованный прессой, повторит эти фразы, Харриет проследит за этим, а журналисты будут пересказывать их и добавлять свою собственную интерпретацию выхода «Пикокс» на рынок. Статьи попадутся на глаза инвесторам, большинство из которых видели где-нибудь «Мейзу», возможно, играли в нее или читали о «Девушке Мейзу».

Харриет верила, что сегодня полностью оправдали себя все истории из синей папки с вырезками. Сегодняшняя итоговая встреча оправдала и перерождение в «Мейзу», и «Девушку Мейзу», и даже историю британского военнопленного.

Вся работа, предприимчивость, желание понравится, изучение рынка привели к этому. Джеймс Хэмилтон из фирмы «А.Р. Аллардайс», смотря на нее поверх очков, объявил, что ее компания заработала шестнадцать миллионов фунтов стерлингов.

Харриет ощущала радость победы, которая проходила через нее, как электрический ток. Она могла принести цифры Мартину и Робину, Кэт и Кену и сказать: «Вы видите?» Это сделано. Она может даже поехать к Саймону и положить перед ним все, что бы он ни захотел, в чем бы он ни нуждался, взамен на «Мейзу».

И Харриет решила, что она так поступит.

Сразу же после выпуска акций, как только она сможет, она возьмет документы и доброжелательные, объективные выписки из деловых газет и покажет их Саймону. Прошло много времени с тех пор, как она в последний раз с ним виделась. Она была уверена, что деньги продолжают собираться на банковском счете, который она для него открыла. Но теперь она могла повидать его и сказать ему, что, хотя она и использовала его историю, взяла его страдания, она превратила их в успех.

Что еще там было?

Встреча закончилась. Харриет собрала свои бумаги и положила их в портфель. Джеймс Хэмилтон и его помощники пожали ей руку, а за ними еще двое мужчин из фирмы «Маговерн Коупер».

— До утра во вторник, — пробормотал Хэмилтон, — до завтра в восемь утра.

— Конечно, — улыбнулась ему Харриет. — Я с нетерпением жду этого дня.

Харриет спустилась на лифте через «кишечный тракт» банка вместе с Пирсом и Джереми. При свете дня она увидела, что круглое лицо Пирса светилось от возбуждения и что даже обычно каменное лицо бухгалтера слегка окрасилось.

— Удачно? — потребовала Харриет, готовая танцевать от счастья на городском тротуаре.

— Пока да, а вторник скажет нам об этом наверняка, — ответили они с профессиональной осторожностью.

Джереми остановил такси.

— Вы возвращаетесь в офис?

Харриет отрицательно покачала головой.

— Сначала я еду к Лендуитам. Затем сделаю сообщение для прессы. Я буду в офисе в шесть тридцать, если я буду вам нужна.

В последнее время Харриет мало бывала дома. Она обрела способность работать интенсивнее и дольше, чем когда-либо раньше. Но она делала это с удовольствием и находила, что работа повышает ее желание работать до тех пор, пока даже очень энергичный Робин не начинал жаловаться.

Она взяла такси до «Лендуит Эссоушиэйтс». Робин работал за столом в своей бело-голубой рубашке, но он надевал свой пиджак, когда секретарь докладывал о приходе Харриет.

Робин обошел стол, чтобы поприветствовать ее. Это было частью их соглашения, их ненаписанный контракт. Эта официальность сохранялась между ними во всем, что было связано с бизнесом.

Харриет села и после одного взгляда на ее лицо Робин приказал:

— Подожди. Мартин тоже захочет это услышать.

Харриет сложила руки на коленях. Пока они ждали, Робин попросил, чтобы им принесли чай.

Мартин вошел, его обычная обходительность скрывала желание услышать новости. Харриет посмотрела на них. Отец и сын с худыми, смуглыми, умными лицами ожидали, что же она принесла в их дом. Слово «дом» вызвало другую мысль. Она поняла, что, возможно, впервые она почувствовала себя здесь, как дома. Она пересекла какую-то черту и приземлилась на той стороне, где Робин и его отец.

Секретарша принесла чай и накрыла низкий столик. Харриет сложила ноги крест-накрест, пока ждала, а затем заметила, что оба мужчины смотрели на них. Они как бы улыбались про себя.

О шоке на приеме в комнате для совещаний в банке «Аллардайс» было забыто. Теперь ее тело было достаточно сильным, чтобы сдерживать ее бурное возбуждение, и она держалась так спокойно. Так же спокойно, как и Мартин, в то время, как чайные чашки из тонкого стекла издавали тихий, элегантный, воспитанный звон.

Секретарша опять вышла, и Робин разлил чай из серебряного чайника в белые с золотом чашки. Харриет была слишком напряжена, чтобы думать о еде, об этих красиво оформленных кусочках хлеба или булочках с взбитым белком, но, томимая жаждой, пила китайский чай.

— А ваши друзья из банка «Аллардайс» отдали должное фирме «Пикокс»? — протяжно произнес Мартин.

Харриет медленно опустила чашку, наслаждаясь моментом.

— Я думаю, да, — сказала она. — Я надеюсь, вы будете согласны.

Она вынула из портфеля свои бумаги и разложила их по порядку.

А затем, не сверяясь с ними, она рассказала своим партнерам, что она для них сделала.

Лендуиты предложили на продажу четырнадцать процентов своих акций и получили обратно свои первоначальные тридцать пять процентов.

Харриет не нужно было объяснять, что принесет им выпуск акций во вторник и сколько будут стоить оставшиеся у них акции после закрытия биржи.

Их инвестиции в «Пикокс» были рискованными. Теперь они с триумфом возвращались,

летя на золотых крыльях.

Она заметила, как в то время, когда она говорила, в их глазах загорелся огонек. Они не улыбались, ни один из них, они также не потирали рук, но она видела, как воспарили их души. Тогда это была их общая и личная причуда. Их волновали не деньги, потому что им не нужно было больше денег. Это было просто слушанье цифр и подсчет власти и славы, которую дает прибавление денег.

Наблюдая за ними, Харриет размышляла, действительно ли они ей нравятся. Но она также знала, что нравятся они ей или нет, она с ними связана. Она перешла на их сторону, и она тоже чувствовала ответственность. Она чувствовала ее и пальцами на руках и ногах, и тем, что у нее внутри.

— Ну вот, — удовлетворенно закончила Харриет. — Робин, можно еще чашку чая?

Мартин взял чашку и снова наполнил ее. Когда он подошел к ней и протянул ей руку, Харриет пожала ее.

— Мои поздравления, — сказал Мартин. — Я убежден, вы знали, что я был менее уверен в вашем предложении, чем Робин. Я не сомневаюсь, вторник докажет, что я был неправ, и я этому рад. Отлично сделано, Харриет.

— Вторник докажет, заслужила ли я поздравления, — ответила Харриет.

Она понимала, что будут еще и другие моменты, о которых не было сказано. По тому, как он смотрел на нее, и по прикосновению его руки Харриет поняла, что он хотел ее. В прошлом она могла только делать предположения, теперь же она знала наверняка. Она также осознавала, что его желание было таким же определенным и соизмеренным, как курс на момент закрытия биржи, и одновременно было ясно, что завтра появятся новые актуальные проблемы, которые вытеснят ее.

Она приняла дань и посмотрела мимо него на Робина.

Мартин весело сказал:

— Аннунзиата ждет, чтобы я взял ее послушать Паваротти сегодня вечером. Я лучше сменю обстановку. Спокойной ночи вам обоим.

И он закрыл за собой дверь.

Робин сразу же встал и подошел к Харриет. Она заметила удовлетворение на его лице, вызванное тем, что она была с ним и что Мартин ушел не только для «Пикокс», но и для самой Харриет. Она тоже это приняла.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Робин.

Харриет улыбнулась, встретившись с ним глазами, а затем наклонилась вперед, упершись в него лбом.

— Горячо, — прошептала она.

Робин прижал ее ближе.

— Горячо, как это?

Одной рукой он расстегнул пуговицы на ее льняном жакете и бросил его на пол возле ее ног. Он расстегнул маленькие жемчужные пуговицы на ее блузке и распахнул ее. Его рука коснулась груди.

— Прохладнее?

Харриет отрицательно покачала головой.

— Нет. Даже наоборот. Но это офис, Робин. Это бизнес.

— Ты думаешь слишком много об этом чертовом бизнесе.

Его лицо потемнело. Она увидела, что он не может больше притворяться.

— Сними это сейчас же, — он рванул ее шелковую блузку, и она услышала слабый звук разрываемой ткани.

Харриет огляделась — стол и экраны с котировками на час закрытия биржи, ряд телефонных аппаратов, ожидающих звонка.

— Здесь, — прошептала она.

— Здесь и сейчас, — скомандовал Робин. Он нажал на кнопку. — Никаких звонков. Не прерывать.

Потом он быстро подошел к двери и запер ее.

Харриет могла бы засмеяться, но она была возбуждена. Она сбросила блузку и спустила юбку в следующую кучу. Затем под взглядом Робина она сбросила с себя белье. Затем обнаженная она медленно повернулась на пятках, вытягиваясь и чувствуя холодный воздух на своей коже. Это было так эротично — ощутить себя стоящей здесь голыми ногами на прекрасных коврах под хорошими картинами в то время, когда котировки на час закрытия лондонской биржи мелькали на экранах Робина у нее перед глазами.

— Подойди, — тихо сказал Робин.

Он гладил ее руки, бедра и обвил руками ее талию. Когда он притронулся к ней, она почувствовала, что горит. Она ослабила узел его галстука и расстегнула пуговицы на рубашке, чувствуя свежий хлопок под своими пальцами. Ее рука опустилась, нашла молнию на его брюках и ловко расстегнула ее. Ведомая неожиданным императивом, Харриет опустилась на колени и взяла его орган в рот. Ее язык двигался вдоль него, а губы были сжаты над гладкой головкой.

По мере того, как она двигалась, поднимая и опуская свою наклоненную голову, Харриет стало совершенно ясно, чего же она хочет. Она хочет иметь и Робина, и Мартина, и «Лендуит Эссоушэйтс» — всех вместе, получив их себе и используя для своего собственного удовольствия, как награду за свою энергию и свой успех. Она была полна энергии, и она управляла ею значительно глубже, чем Робин это когда-либо делал. Робин чувствовал ее рот и ее горло, она хотела проглотить его, уничтожить его. Он промычал над ней:

— Я кончаю, Харриет.

Она подняла голову и встала. Робин отклонился назад на угол своего стола. Его глаза были устремлены на нее жадно, с желанием, соответствующим ее собственному. Одним движением Харриет приподнялась и с изящной сосредоточенностью обхватила его за шею. Она обвила ногами его талию, и он вошел в нее, наполняя ее волнами тепла и света, которые распространялись вверх в ее сердце и голову.

Неистово Харриет получала то, что хотела, не просто Робина, а все то, что он символизировал. Это сильно, глубоко возбуждало.

Она хотела погрузить свои зубы в горло Робина, глубоко зарыть свои пальцы в мышцы его спины. Они оба были сильными, но они были также отвлеченными и изменчивыми, практика и теория сошлись вместе. Она закрыла глаза на стены и картины, а вместо них увидела уравнения, запутанные формулы, связывающие секс, энергию и деньги. Она подумала в это мгновение, что она ясно видит мир и читает его секреты. Она также была слепа и беспомощна, сбитый с толку свидетель своего собственного страстного желания. Голова Харриет откинулась назад.

Она не вспомнила почти такой же сцены из другой эпохи — дверь в студию Лео. Но здесь не было жены, которая неожиданно появилась в тишине, и разоблачения через

открытую дверь. Дверь была заперта, а секретарша Робина охраняла их, ничего не подозревая. Харриет была забывчива. Они никогда так полностью не отдавались своим чувствам, никогда не получала того, в чем так жестоко нуждалась. Это было похоже на то, что человека разбудили и оставили одного. Она прошептала:

— Робин.

Но это была значительно больше, чем Робин, то, что она в действительности звала. Ее рот открылся в долгом беззвучном крике.

Позже они прильнули друг к другу, дыша одинаковыми короткими вздохами. Голова Харриет лежала на плече Робина. Она видела рядом со своими глазами красные пятна, которые оставили ее пальцы.

Робин приподнял ее, а потом опустил в кресло. Она чувствовала себя такой же мягкой и бессловесной, как тряпичная кукла. Робин открыл шкаф и взял рубашку в шуршащей упаковке прачечной. Он разорвал бумагу и расстегнул пуговицы. Потом он протянул ей рубашку. Харриет завернулась в нее, вновь осмотрев комнату. Она удивилась, что снова владеет собой, и почувствовала себя несколько неловко.

Робин зашел в ванную, которая располагалась рядом с его кабинетом, а затем вышел одетым с гладко причесанными волосами. Харриет поплотнее запахнула на себе холодную хлопковую рубашку и поджала под себя ноги. Робин приблизился, а потом, глядя ей в лицо, встал перед ней на колени. Харриет посмотрела ему в глаза. Она знала, что волосы ее взъерошены и что ее губы покрыты синяками.

— Харриет? — сказал Робин, — посмотри, это я, тогда тоже был я. Ты здесь, Харриет?

Она с трудом выговорила слова:

— Я знаю, что это был ты. Я здесь.

— Ты выйдешь за меня замуж?

Она изучала его лицо, знакомое ей и далекое от нее. Она не знала, Робин ли зажег в ней это пламя или она сама сделала это. Но чувство, что они здесь перешагнули через какую-то границу, которая их разделяла, осталось с ней. Она протянула руку, чтобы коснуться кончиком пальца угла его рта.

— Спроси меня после вторника, — попросила она.

Робин улыбнулся.

— Ну как, ты чувствуешь себя миллионершей?

— Пока только на бумаге.

Он наклонил голову к ее округлому бедру и поцеловал его.

— Плоть и кровь, — возразил он ей.

— Это приятно, — и Харриет запустила пальцы в его темные волосы и снова их спутала. — Робин, я должна сейчас уйти, чтобы встретиться с представителями прессы.

Он поднял голову.

— Тогда давай, ведьма.

В его ванной Харриет увидела себя в зеркале. Она не изменилась после того, как стала богатой. Она снова надела свою одежду — льняной костюм и шелковую блузку, и привела в порядок лицо. И снова появился руководящий работник корпорации. Робин уселся за свой стол. Но было еще чувство соучастия, которое заставило ее захотеть задержаться еще немного.

— До свидания, мистер Лендуит, — сказала она твердо.

— До свидания, мисс Пикок.

Харриет закрыла за собой дверь, кивнула секретарше в смежном кабинете и, счастливая, пошла на встречу со своим агентом по связям с прессой. До вторника надо было сделать еще массу работы.

Пять дней до выпуска акций, затем четыре, затем три.

Харриет проснулась, уже смотря на электронный циферблат у кровати. Она вставала в шесть утра, чтобы быть в офисе к семи тридцати. Приготовления к выпуску акций на биржу отнимали у нее столько времени, что рутинная работа была отложена в долгий ящик. Теперь она должна была наверстать упущенное.

Красные цифры сообщили ей, что было восемь часов. Сконфуженная, она потянулась за своими часами, и тогда вспомнила, что это суббота. Она специально накануне вечером не завела будильник, чтобы позволить себе подольше поспать. Теперь она, свернувшись, лежала спокойно и наслаждалась чувством, что она проснулась в особый день, как ребенок за неделю до Рождества. Это происходило с ней со времени той встречи, на которой были подведены итоги ее работы.

Брокеры «Маговерн Коупер» собирали будущих инвесторов по телефону и сообщали о большом энтузиазме. Сообщения прессы были обнадеживающими. Харриет с нетерпением ждала ударного дня, с уверенностью, приятно приправленной неопределенностью.

Но так как она совершенно проснулась, она не могла больше спокойно лежать в кровати. Ей никогда не доставляло удовольствия нежиться в постели. Сейчас она встала, надела халат и пошла наверх.

Ей действительно нравилось без дела бродить по кухне. Казалось, что прошло много времени с тех пор, как у нее было такое субботнее утро, как это.

Она взяла горсточку кофейных зерен из жестяной банки и смолола их, наслаждаясь богатым ароматом. Пока варился кофе, она поджарила хлеб в тостере до коричневого цвета и намазала его медом, а затем встала у окна и ела его, глядя вниз на розовые кусты в саду, которые, несмотря на отсутствие ухода с ее стороны, выжили и расцвели. Светило солнце.

Харриет раздумывала, пойти ли ей в «Шик» в Хэмпстед-виллидж подобрать что-нибудь грандиозное, подходящее для спонсорского завтрака во вторник, или просто провести утро, сидя в саду с газетами. С некоторым удивлением она вдруг поняла, что второй вариант сейчас был бы для нее более приятным.

Не то, чтобы ей не нравилось иметь деньги, чтобы, конечно, тратить их, однако роскошью было ходить в дорогие магазины и критически осматривать развешанные шелестящие шелка, хрустящее полотно и мягкие твиды, выбирая или отвергая фирменные знаки модельеров. Она еще не забыла то время, когда она могла ими только восхищаться, а потом ей приходилось искать что-нибудь подобное, но подешевле. А теперь перспектива нескольких часов безделья была гораздо приятнее, чем беганье по магазинам в поисках самых роскошных нарядов в мире.

Харриет услышала, как щелкнула крышка почтового ящика у парадной двери. Она вышла из дверей своей квартиры, чтобы взять утреннюю почту.

Большая часть ее почты приходила в офис «Пикокс». Сегодня утром пришли только счет, рекламные проспекты и ярко-желтый конверт, на котором адрес был написан детским почерком. Харриет взяла маленькую пачку с собой на кухню и налила чашку кофе. Затем она села за стол и аккуратно открыла желтый конверт столовым ножом.

В верхнем левом углу единственного листочка желтой бумаги был нарисован

танцующий Снуппи. Справа был адрес школы близ Эскота, о которой она никогда не слышала. Нахмурившись, она перевернула лист, чтобы взглянуть на подпись. Там было написано: «С любовью, Линда».

Харриет отпила большой глоток кофе, а затем стала читать с начала.

«Дорогая Харриет,

— Линда Дженсен писала так себе, ее правописание и почерк были как у семилетней девочки.

— Вы так и не приехали ко мне, верно? А говорили, что приедете. Это нехорошо с вашей стороны. Я в этой школе как заключенная, я ненавижу все это, ненавижу, и девчонки, и учителя, все такие глупые и скучные. Папа и мама говорили, что мне здесь понравится, но они ошиблись!

Я нашла ваш адрес, что было для меня непросто, и даже позвонила вам. И все, что я получила, так это ваш автоответчик, но я ненавижу их и поэтому я повесила трубку.

Теперь-то вы приедете повидать меня? Пожалуйста! Я думаю, что вы, Харриет, должны быть верной своим друзьям, и я бы навестила вас, если бы вы были в тюрьме.

Ронни говорит, что я должна быть вместе со всеми и подружиться, а кто же захочет дружить с этими тупицами. Мама по делам в Лос-Анджелесе, а папа, как обычно, за границей снимается в фильме, так что я рассчитываю на вас, Харриет, чтобы вы помогли мне.

С любовью, Линда».

Харриет дважды с некоторым затруднением прочитала письмо. Эти повелительные и жалкие просьбы тронули ее. Она даже почувствовала себя немного виноватой. Ей следовало сделать какое-то усилие, чтобы поддерживать контакт с ребенком.

— Бедная Линда, — произнесла она.

Она смутно помнила, что она где-то читала, что Клэр Меллен завела бурный роман с новым актером, который был моложе ее. Она не знала, что делал Каспар Дженсен, но могла догадаться. А Линду поместили в — Харриет взглянула на адрес рядом с рисунком — хорошую, традиционную английскую начальную школу. Харриет предполагала, что обязанностью Ронни стало приезжать из Литтл-Шелли на уик-энд, брать ее на чай или что-либо в этом роде, что позволял устав школы.

— Бедная Линда, — повторила Харриет.

Она подошла к письменному столу в соседней комнате и, подумав немного, написала ответ на просьбу Линды.

«Дорогая Линда.

Ты совершенно права, мне следовало приехать навестить тебя, и я обещаю, что обязательно это сделаю. Я не буду извиняться за то, что не сделала этого раньше, потому что я собираюсь извиниться за другое, а одного извинения за один раз вполне достаточно.

Я не могу приехать в Сент-Бриджид на этой неделе, потому что это будет

самая занятая и самая важная неделя в моей жизни. Я объясню почему и скажу тебе все об этом, когда увижу тебя. Если все будет хорошо и если в школе и Ронни разрешат мне, я обязательно приеду ровно через две недели и возьму тебя на чай.

— Харриет не могла свериться со своей записной книжкой, потому что она была в офисе. Но если бы было хоть что-нибудь, она отменила бы это ради Линды.

— В данный момент, я знаю, что ты не хочешь этого слышать, но я уверена, что Ронни права. Если бы ты присоединилась к компании и подружилась, то ты бы поняла, что в школе веселее, когда ты ни на кого не злишься. Мне, конечно, легко так говорить, потому что мне больше не надо ходить в школу, но я помню, как это было. Ты также должна верить тому, что тебе говорят друзья, если ты, конечно, считаешь меня своим другом, а мне бы хотелось, чтобы ты и считала меня своим другом. Мы можем еще поговорить об этом при встрече.

Мне жаль, что ты несчастлива. Я сделаю все, что я смогу, чтобы помочь тебе.

С любовью, Харриет.

P.S. Можешь сказать мне поточнее, что делает их тупицами? А уж если ты стала употреблять такие слова, то тебе следует научиться правильно их писать. Не звучит у меня, как у учителя?

Х.»

Она запечатала письмо и написала адрес.

Харриет решила, что она попросит Робина узнать у своей матери номер телефона того неудобного дома, который принадлежал Каспару Дженсену в Литтл-Шелли, для того чтобы она могла позвонить Ронни и обсудить с ней эту проблему. Харриет вздохнула. Она понимала, что этой женщине не понравится ее вмешательство, но ничего не поделаешь.

А затем, сделав все, что можно в данный момент, Харриет отложила письмо Линды в сторону. В конце концов, она не пошла в магазин, а только лишь просмотрела деловые страницы газет. Она открыла портфель, вынула свои бумаги и полностью погрузилась в них. Она работала, пока рядом с ней не зазвонил телефон.

Звонила Дженни Тимбелл, которая напомнила Харриет, что она обещала прийти на семейный чай, до того как пойдет в театр с Робинотом.

— Я буду в четыре часа, — отрывисто пообещала Харриет. — Я не забыла.

Днем Харриет поехала в дом Тимбеллов в Айлингтон. Дженни и Чарли жили в высоком, узком георгианском доме, в котором, казалось, было больше лестниц, чем горизонтальных поверхностей. Казалось также, что дом был в состоянии постоянной реконструкции, так как стены передвигались, штукатурка была обнажена, а с жалюзи сползала синяя краска десятилетней давности. Пока Харриет звонила, она попыталась определить, сколько же времени велись реставрационные работы, а затем бросила это бесполезное занятие.

Чарли открыл дверь. На нем был комбинезон, и он размахивал кистью.

— У выдающегося финансового журналиста кризис со шкафами, — провозгласил он. — Маляр не появлялся целую неделю, так как же довести кухню до следующей стадии? Ты

угадала. Чарли делает это. — Он наклонился вперед, держа кисть как можно дальше от нее, и поцеловал Харриет. — Бог мой, какой же стройной ты выглядишь. Как ты смогла прийти сюда? Но все равно входи. Дженни и малыши в саду. Я выкрашу еще один шкаф, пока не мешает Гарри, и на этом закончу.

Улыбаясь, Харриет пробиралась по коридору в заднюю часть дома. Доски пола ничем не были покрыты, а на таких же голых ступеньках были кучи детского белья в корзинах для прачечной; игрушки, книги и туфли были свалены в кучу в ожидании, чтобы их отнес наверх кто-нибудь, кто решится подняться по крутым ступенькам.

Дверь в конце коридора открывалась на маленький, полукруглый железный балкон, с которого в сад спускалась узкая железная винтовая лестница.

Дженни сидела внизу на коврикe, расстеленном на траве. Рядом с ней малышка толкала ее босыми ножками, а Гарри ковырял деревянной лопаткой в песочнице.

Солнце освещало голову Дженни с гладкими светлыми волосами.

— Какая идиллия! — воскликнула Харриет.

Дженни удивленно подняла глаза.

— Харриет! Я не слышала, как открылась дверь. Спускайся сюда.

Харриет приподняла свою узкую юбку и переступила через загородку внизу лестницы. Гарри бросился к ней, размахивая лопаткой и разбрасывая вокруг себя песок. Харриет подхватила его и покачала.

— Ну, как мой крестник?

Он улыбнулся ей, показывая маленькие зубки во рту, перепачканном песком и землей. От него исходил запах сахара, горячей кожи и пеленок.

— Осторожно, Харриет, он грязный.

— Ничего, — ответила Харриет. — Как же он вырос, какой он большой. Они, что, все так растут?

— Я думаю, да, — радостно сказала Дженни.

— Как Элис? — Харриет склонилась над свертком, лежащим на ковре. Малышка уставилась на нее серьезным взглядом. Харриет представила себе, какой она должна казаться ей — огромной темной луной, закрывающей свет. И она быстро откинулась назад.

— С Элис все в порядке. Она спит лучше, чем Гарри. У нас теперь уже только одно кормление ночью.

— А это хорошо?

— Да. Кажется, что жизнь начинается снова, — Дженни сдвинула брови. — Я не хочу, чтобы это прозвучало, как жалоба, да я и не жалуясь. Только ты и Джейн знаете, как я хотела их.

Затем она потянулась к Гарри, как если бы невидимая рука хотела похитить его, и держала его до тех пор, пока он не издал жалобного вопля. Дженни рассмеялась над самой собой.

— Сон стал просто роскошью.

— Сочувствую, — ответила Харриет. — Расскажи мне, что ты делала.

Дженни жестом указала на маленький, обнесенный стеной сад, тенистый, засаженный плющом, манжеткой и гвоздикой, с небольшим участком земли в центре, освещенным солнцем, и на высокий дом за ее спиной. Харриет посмотрела вверх на его окна и на те окна, которые простирались в обе стороны от него и на другие здания в ряду домов, в которых, вероятно, жили такие же семьи, как семья Дженни, — мужья, жены и растущие дети.

Она внезапно почувствовала, что ее вид режет глаз, когда она сидит на уголке клетчатого коврика в своем театральном наряде.

— Ну, вообще так, — сказала Дженни. — Клуб в час дня, чай с другими матерями, парк, магазины и детская поликлиника. Это не производит особого впечатления по сравнению с тем, что делаешь ты.

Харриет не смотрела на нее. Она срывала травинки на лужайке и укладывала их в две аккуратные параллельные полосы на коврике.

— Можно поспорить, что ты делаешь гораздо более важную работу, чем я.

Это был не тот спор, который Харриет хотела бы продолжить. Она знала, что они могут бесконечно нахваливать друг друга и что эта похвала никоим образом не изменит оценки, даваемой каждой из них. Она обрадовалась, когда Элис начала капризничать, а потом заплакала по-настоящему. Дженни подняла ее, расстегнула спереди платье и поднесла ребенка к груди. Тут показался Гарри, размахивающий лопаткой, но Дженни осторожно его отогнала.

— Что ты чувствуешь? — спросила Харриет, наблюдая за жадным посасыванием.

— Удовольствие, — ответила Дженни. — Утешает то, что я могу дать ей все, в чем она нуждается. — Затем она добавила: — Сейчас.

Харриет вздохнула.

— Я думаю, что я слишком эгоистична, чтобы быть матерью, — проговорила она как бы про себя.

— Нет, это не так. Ты, может быть, эгоистична во всем, кроме отношения к детям. Ты видела Джейн? — вдруг спросила она.

Харриет отрицательно покачала головой.

— Нет. Я никого не видела. Ты ведь знаешь, я была так занята приготовлениями к приему. — Это прозвучало так скучно и озабоченно, что она добавила: — Я видела Робина. Он хочет, чтобы я вышла за него замуж.

Дженни изучала ее, склонив голову:

— А ты?

Харриет неожиданно усмехнулась:

— Возможно, но я не уверена. Я попросила его спросить снова после вторника.

— По крайней мере, он смог бы купить тебе дом, для которого не требовались бы бетономешалки, цемент и строительный камень, как для этого.

— Я бы предпочла купить свой собственный дом, — сказала Харриет, а потом пожалела, что сказала это так надменно.

Французские двери, ведущие из кухни в полуподвал, качнувшись, раскрылись, и Чарли, снявший свой рабочий комбинезон, появился с полным чайным подносом в руках. Гарри увидел его и, ковыляя, кинулся по траве, размахивая кулачками.

— Биски! — кричал он. — Биски!

— Это замечательно, когда единственная попытка вашего сыночка добиться успеха в языке сводится к слову «бисквиты», — пожаловался Чарли.

— Он же говорит и другие слова, — спокойно возразила Дженни.

— В два раза реже, чем он говорит «бисквиты». Разливай чай, Джен, ладно?

Они сидели кружком на траве, пили чай и ели клубничный торт.

— Здесь очень мило, — похвалила Харриет, но она отметила зависть в непрерывном калейдоскопе своих впечатлений от этого спокойного дня. — Действительно, мило.

Она посмеялась над несоответствием своих слов, но Чарли и Дженни не почувствовали этого. Они стали жаловаться, рассказывая о тянущих время строителях и их быстро растущих счетах, которые приходится оплачивать, но смотрели друг на друга с любовью. И снова Харриет почувствовала свое одиночество, которое бросалось в глаза.

Она подумала, что если бы она вышла замуж за Робина Лендуита, то у них могли бы быть и дети, и сад с подстриженной лужайкой, и их собственный забавный дуэт.

Она упорно пыталась представить себе, как бы это выглядело, но так и не смогла.

Чарли наклонился над ней и похлопал ее по бедру.

— Так что же, вторник — важный день? Я слышал, выпуском акций ужасно спекулируют.

— Похоже, что это многообещающе, — настороженно ответила Харриет.

— Продолжай. Ты знаешь, Дженнифер, сколько будет стоить Харриет после вторника? Можешь догадаться? Нет. Что-то около четырех миллионов. Это верно?

От изумления лицо ее округлилось и стало похоже на лицо Гарри.

— Четыре миллиона? О, я понимаю. Теперь я понимаю, что ты имела в виду, говоря о покупке собственного дома. Ты ведь можешь купить что угодно, правда? Ты богата. — Это прозвучало так же, как «ты заразная».

— Харриет будет главой компании, акции которой свободно обращаются на фондовом рынке, Джен. Высшая лига. Настоящий, серьезный бизнес.

— Я знаю, что это значит, — огрызнулась Дженни, — я не идиотка.

Наступило неловкое молчание. Чтобы прервать его, Харриет попыталась рассмеяться.

— На самом деле, это ничего не значит, это только на бумаге. Я бы получила деньги, если бы продала свои акции компании, а я этого не сделаю.

Но Дженни не отвечала. Харриет увидела, что она пристально смотрит на нее и что Чарли тоже на нее поглядывает.

— Это ничего не меняет... — начала Харриет.

Но было очевидно, что это многое изменило. Она почувствовала расстояние между ними, которое образовалось после этой новости. В одну минуту из старого преданного друга она превратилась в объект пристального внимания и стала примером женщины, которая добилась всего сама. Она уж и не знала, как извиниться за свои деньги и стереть их влияние, но потом подумала: «Нет. Я сделала это, я работала для этого, я горжусь этим». Извинение было бы лицемерием.

— Что ты будешь делать, Харриет? — спросила Дженни.

Она сразу же ответила:

— Ничего. Буду продолжать работать в «Пикокс», продавать «Мейзу» и новые игры. Если бы я продала игру, у меня были бы деньги, а также время потратить их, как я полагаю. Но теперь все это означает, что будет новое вливание средств в компанию. Моя компания будет расширяться, можно будет подумать о своей собственной фабрике.

Она продолжала краткий рассказ о сложностях изменения структуры капитала до тех пор, пока удивление на лице Дженни не сменилось вежливой скукой.

Дженни извинилась. Она наклонилась над Элис, которая спала на коврике, и положила свою руку на руку Харриет.

— Прости, я не поняла, как это важно. Я действительно горжусь тобой.

Опять наступила краткая пауза, и тогда Чарли начал лениво, но подробно излагать сплетни Сити. Тот неприятный момент закончился, но Харриет поняла, что он не будет

забыт.

Солнце сдвинулось с центрального пятка на лужайке, оно осветило окна над головой, сделав их похожими на блестящие металлические пластины. Харриет с трудом встала и подбежала к песочнице, где был Гарри.

— Пошли, Гарри. Давай построим большой замок из песка, а ты его развалишь и попрыгаешь на нем.

Немного погодя, они пошли на кухню. Харриет села за стол рядом с Гарри, который устроился на своем высоком стуле. Он сгребал яйца и кусочки тостов с блюда, раздавливал все это пальцами, а затем запихивал это в рот. Элис в ползунках сидела на полу в центре кухни и наблюдала, как кошка Дженни крутится вокруг взрослых.

Под ногами валялись игрушки, стояла корзинка с бельем для глажения, к стенам были приколоты детские фотографии. Чарли, посвистывая, очищал свои кисти, а Дженни нарезала овощи ломтиками. Харриет подумала о своей собственной квартире — чистой, элегантной и тихой. Здесь, во всей этой семейной неразберихе, было теплее и ярче.

Она выпила джин с тоником, который принес ей Чарли, а затем поймала взгляд Дженни над краем стакана, и они обе рассмеялись.

— Я не понимаю, что происходит со всеми нами, — выдохнула Харриет. — Почему мы не можем удовлетвориться тем, что имеем?

Чарли оторвал глаза от своих кистей.

— Я могу, — сказал он.

— Да, ты можешь, — ответила ему Дженни, — поэтому я и люблю тебя.

Харриет допила свой напиток.

— Я, пожалуй, пойду, — сказала она наконец.

Чарли и Дженни проводили ее по пыльному коридору.

— Не пропадай надолго, приходи повидать нас поскорее, а то Гарри забудет, как ты выглядишь. Желаем удачи во вторник. — Чарли остановил ее на последней ступеньке. — Я горжусь тобой, Харриет.

Она улыбнулась ему:

— Спасибо, Чарли.

Она оставила Айлингтон позади и поехала на запад по направлению Шафтсбери-авеню, где Робин будет ждать ее в театре, в баре партера. Во время езды Харриет разглядывала машины, дома и витрины.

«Ты могла бы все купить, не так ли?» — выпалила изумленная Дженни. Уже давно в офисе Лендуитов Харриет разгадала сложные уравнения, связывающие деньги плюс власть и деньги плюс секс, хотя для себя она так и не приблизилась к их решению. Однако она никогда, насколько она себя помнила, не определяла свое возможное богатство просто количеством вещей, которые она могла бы купить.

«Что это — наивно, занимательно или превосходно с моральной точки зрения?» — думала она.

Она пожалела, что с ней не было Дженни или Джейн, чтобы поделиться с ними этой шуткой.

Я могла бы купить это. Или то, или полдюжины вон тех. К моменту, когда она достигла Уэст-Энда, она оценила и отвергла половину центрального Лондона. К ней приходили такие нелепые мысли, что она почувствовала себя легкомысленной, и к тому моменту, когда она нашла Робина, она уже хихикала. Он строго взглянул на нее, а затем спросил, сколько точно

рюмок она выпила с Тимбеллами в Айлингтоне.

Два дня, а потом только один.

В ночь перед выпуском акций Харриет рано легла спать, но она обнаружила, что не может заснуть. Она опять встала, натянула теплый тренировочный костюм и вышла через парадную дверь. На улице большие дома, скрытые за липами и каштанами, были темными и молчаливыми. Издалека доносились еле слышные звуки позднего транспорта. Харриет глубоко вздохнула. На свежем воздухе она почувствовала себя лучше. Испытываемое ею напряжение, которое заставляло ее беспокойно ворочаться в постели, начало потихоньку ослабевать.

Она шагала по улице, как темная тень под деревьями, глядя на слепые окна. Уголком глаза она заметила какое-то движение и отпрыгнула. И тогда увидела, что это была кошка, проскользнувшая под изгородь. Эта ночь была для них.

Харриет дошла до конца улицы и заколебалась. Молчаливой сетью улиц с жилыми домами, расходившейся веером перед ней, владел сон живущих здесь людей. Она понимала, что ей следует вернуться, но благоухающий воздух и тишина влекли ее дальше.

Она пересекла дорогу и пошла быстрее, правда, без какой-либо цели. Она выпрямила спину и ускорила шаги, и когда она взмахнула руками, тыльная сторона руки слегка задела живую изгородь сада. Издали донеслось усиливающееся завывание полицейской сирены. Сознание того, что где-то недалеко совершается насилие или кому-то грозит опасность, заставило ее глубже уйти в тень, но шаги ее не замедлились.

Длинная дорога уходила вправо. Она пошла по ней, мимо нее проехала только одна машина. Она отвернулась от желтого луча фар, имеющего форму клина. У подножия холма она подошла к краю лесопарка Хэмпстед-Хит.

Вокруг нее была крошечная тьма. Она на минуту остановилась и замерла, глядя на дорогу. Невидимое воздушное пространство притягивало ее, но она понимала, что было бы безумием пройти через него. Поэтому она повернула и пошла вверх по холму, параллельно ему, и подальше от пучка лучей, создаваемых старомодными уличными фонарями.

Холм здесь становился круче, и она задыхалась при подъеме. Она снова изменила направление и пошла влево, подальше от открытого пространства, заросшего вереском, по более пустынным улицам.

Харриет оживилась. Спокойствие города делало его незнакомым местом, но в то же время она чувствовала, что он принадлежит ей, так как она проснулась и пошла по нему. Она шла, ни о чем не думая. Харриет успокаивал ритм ее шагов, ум ее был опустошен.

Вдруг ей показалось, что она слышит шаги за спиной. Она отступила в ворота и оглянулась назад, на дорогу, по которой она шла, но там никого не было. Когда она пошла дальше, то слышала только мягкий шаг своих собственных ног.

Наконец, не понимая, в каком она шла направлении, она дошла до угла и посмотрела в сторону своего собственного дома. Свет, который она оставила в прихожей, показался ей очень ярким, и она подумала, что это, вероятно, был единственный свет, который она увидела за часовую прогулку. Харриет почувствовала, что теперь она заснет.

Она опять вошла в квартиру, сбросила свою одежду в кучу и забралась в кровать.

В восемь часов утра следующего дня, пятнадцатого июня, во вторник, Харриет отправилась на такси в офис фирмы «А.Р. Аллардайс». В конце концов, Харриет не купила ничего нового из одежды для спонсорского завтрака. Вместо этого она вынула свой темно-

синий костюм шанель от Карла Лагерфилда. На пуговицах приталенного жакета были выполнены пересекающиеся буквы «С», а лацканы были отделаны шнуром.

Под плечи почти ничего не было подложено, узкая юбка достигала середины колена. Из всех ее деловых костюмов этот был наименее вызывающим, но это был костюм, который почти безмолвно говорил о деньгах и выглядел весьма элегантно.

Харриет улыбнулась, когда надела его. Он напомнил ей шанель Аннунзиаты, который произвел на нее огромное впечатление на ланче по случаю нового года, и старую подружку Робина, Розали Феллоуз, в платье с блестками от Лагерфилда на рождественской вечеринке.

«Теперь и я такая», — сказала про себя Харриет. Она пригладила талию жакета, которая полностью совпадала с ее собственной. Он сидел как влитой. Харриет взяла сумочку, а не свой обычный портфель, потому что сегодня все бумаги были в других руках. Сегодня она была звездой. У нее через плечо висела маленькая стеганая сумочка под цвет ее костюма.

Около банка Харриет вышла из такси, пересекла полосу солнечного света, которая лежала на тротуаре, и без колебаний прошла через большие двери.

Джеймс Хэмилтон и его помощники ждали ее. Они образовали фалангу вокруг нее и ринулись сопровождать ее до директорской столовой на верхнем этаже банка. Когда наяву двери бесшумно открывались перед ней и закрывались, Харриет почувствовала себя так, как будто бы она была королевой.

Последняя пара двойных дверей, ведущих в святая святых, была открыта дворецким, таким же, как в реальной жизни, в сельском доме. На нем были черный пиджак и полосатые брюки. Харриет осмотрела, сощурившись, комнату, полную людей, которые собрались вокруг стола, накрытого белой скатертью. Они уступили ей место, улыбаясь и приветствуя ее, и усадили ее в центре стола по правую руку Джеймса Хэмилтона.

Харриет рассматривала лица вокруг себя. Собрание было расширенной итоговой встречей, а также результатом всех остальных встреч, которые проходили в течение шести месяцев подготовки.

Здесь присутствовали члены команды банка «Аллардайс» и люди из фирмы «Маговерн Коупер», юристы банка и представители их финансовых служб, руководители служб по связям с общественностью, работающие на «Пикокс», Джереми Крайтон и двое его помощников, Пирс Мейхью и Грем Чандлер, а прямо напротив нее Робин и Мартин Лендуиты. Мартин вежливо кивнул в знак приветствия, а Робин, как показалось Харриет, незаметно подмигнул.

Это была церемония встречи, доведенная до апофеоза, как празднование самих себя, за официальным английским завтраком.

Комната была обшита дубовыми панелями, как в сельском доме. Стены были увешены английскими пейзажами, менее впечатляющими, чем картины Мартина Лендуита, но они создавали нужную атмосферу, полную достоинства. Ковер был очень пушистый и новый, с эмблемой банка, искусно вытканой по краям.

Это непроизвольно создавало связь между всей этой роскошью и великолепней и техникой, гудящей за двойными дверями.

Харриет улыбнулась и развернула свою огромную накрахмаленную салфетку.

— Как вы себя чувствуете в это утро? — осведомился Джеймс Хэмилтон.

— Нервничаю, но чувствую себя королевой.

— Это важный день, — пробормотал он. — Ну а как насчет завтрака?

На буфете, простиравшемся во всю длину обшитой панелями стены, было с десяток больших серебряных блюд, за которыми следили банковские дворецкие. Под серебряными крышками лежали копченая пикша и лосось, почки и индийское блюдо из риса, яиц и лука, яйца, копченая грудинка и жареные на решетке грибы с помидорами.

Харриет почувствовала, как она голодна.

Она ела яйца и копченую грудинку, пила отличный горячий кофе. Она слушала городские новости и думала, что эти люди пришли сюда ради нее, благодаря тому, чего она достигла. На какое-то мгновение она почувствовала настоящее эгоцентрическое торжество.

В серебряных ведерках со льдом было шампанское, но когда ей предложили, Харриет отказалась. Вместо шампанского она выпила кофе — это был тайный тост за «Мейзу» и Саймона Арчера. Затем она подняла глаза и увидела, что Робин наблюдает за ней. Их глаза встретились, и тогда Харриет отвернулась, и, наклонив голову, стала слушать, что говорит Джеймс Хэмилтон.

Ровно в восемь сорок пять в комнату незаметно вошел человек из банка «Маговерн Коупер». Все двадцать голов, сидящих за столом, повернулись к нему. Он пришел, чтобы доложить о положении дел на финансовых рынках после ночи. Харриет слушала, как он сообщал, что это была спокойная ночь, без больших перемен. Токио в предыдущий день закрылось на несколько пунктов выше.

Брокеры спокойно кивнули. Харриет поняла, что на рынке не было шока, который мог бы повлиять на эмиссию фирмы «Пикокс». Ее компания пойдет на рынке так, как и планировалось. Она намазала тост густым апельсиновым джемом и продолжала есть. Ей казалось, что еда успокаивает нервы.

В девять пятнадцать зазвонил телефон. Джеймс Хэмилтон поднялся, извинившись перед ней, задвинул на место стул и пошел поговорить по телефону.

Он вернулся через минуту. Он поклонился ей, Это был церемонный официальный поклон, а затем объявил:

— Леди и джентельмены, мы нанесли удар.

Харриет не могла даже предположить, что произойдет после этого.

Раздался спонтанный взрыв бурных аплодисментов. Отодвинулось множество стульев, и мужчины в темных костюмах столпились вокруг нее, чтобы пожать ей руку и поцеловать в щеку. Пирс и Джереми обнимали, а Мартин Лендуит поцеловал почти в рот. Вот теперь с лицом, раскрасневшимся от возбуждения, смеющаяся, Харриет почувствовала себя скорее кинозвездой, чем королевой.

Робин обхватил ее руками. Он прошептал:

— Моя девочка.

«Моя?» — ничего не соображая, подумала Харриет. Голова у нее кружилась. Когда гул голосов от поздравлений немного затих, юристы и бухгалтеры собрались в отдельную группу и незаметно вышли из комнаты. Они должны были заняться менее эффектным, но жизненно более важным опечатыванием и обменом окончательных документов. Харриет понимала, что когда все будет сделано, копия объявления о продаже акций будет отправлена с курьером на мотоцикле на Лондонскую фондовую биржу.

Она взглянула на часы. Было девять сорок. Начиная с десяти часов брокеры по продаже акций фирмы «Маговерн Коупер» будут размещать акции ее компании по своим клиентам.

В момент приступа страха она подумала: «А что, если все они однажды окажутся неправы? Что будет, если никто не купит?» Не имело никакого значения, что выпуск акций

был подписан. В этот момент она больше, чем когда-либо, почувствовала, что «Пикокс» — ее дитя с самых ранних дней, когда она сжалась над потрескавшейся доской Саймона в квартире в Белсайз-парке.

Пробежали минуты. Большинство завтракающих незаметно скрылись, чтобы заняться своей обычной работой, но небольшая группа осталась, собравшись в том конце стола, где сидела Харриет. Мартин Лендуит углубился в разговор с одним из брокеров. Робин спокойно сидел рядом с Харриет и маленькими глотками пил шампанское.

В десять тридцать пять вошел глава команды. Он склонился к плечу Харриет и произнес:

— На все наши акции подписались.

Все изданные акции были выкуплены. На лице Харриет появилась улыбка.

— Отлично сделано, — сказала она, — всеми вами отлично сделано.

Брокер небрежно отмахнулся.

— Мы бы могли подписать в шесть или семь раз больше, — сказал он ей.

«Это, — подумала Харриет, — момент моего наивысшего головокружительного торжества. Это был день моментов торжества, но «в шесть или семь раз больше» — это было то, что она запомнила лучше всего.

Следующим важным делом для Харриет был ланч для группы наиболее влиятельных журналистов. К своему удивлению, она оказалась в странном положении, когда, произнося речь, превозносящую прошлое и будущее «Пикокс», увидела среди других Чарли Тимбелла. Харриет вспомнила Кретан Бич. Лицо Чарли было бесстрастным, когда он делал от руки короткие заметки.

— Дай обо мне хороший отчет в газету, Чарли, — попросила она после того, как закончился ланч.

— Я не знаю, — усмехнулся он в ответ. — Я должен быть профессионально беспристрастным.

Харриет вернулась в «Пикокс», чтобы дать еще несколько интервью. Некоторые из них были серьезными, некоторые — типа «Девушка Мейзу» делает хорошо». Она весело рекламировала себя.

Ее секретарша входила и выходила с кипами поздравлений. Было доставлено такое огромное количество цветов, что приемная как бы превратилась в благоухающую оранжерею.

Харриет была слишком занята, чтобы отвечать на звонки, но она поговорила по телефону с Кэт.

— Спасибо тебе, что ты верила в меня, мама. Ты знаешь, сколько сейчас стоят твои вложения в «Пикокс»?

— Да, дорогая. Харриет, правильно ли ты поступаешь?

— Выходя на публику?

— Я скорее имела в виду, правильно ли, что ты жертвуешь всю свою молодую жизнь на это? Харриет, ты слышишь?

Харриет вздохнула. Казалось, что беспокойство Кэт становится постоянным.

— Никакая это не жертва. Сегодня самый волнующий день в моей трудовой жизни. Дай мне насладиться этим и раздели это удовольствие со мной.

Кэт быстро и виновато ответила:

— Ну конечно же. Я твоя мать, Харриет. Я только хочу, чтобы ты была счастлива.

— Но я счастлива.

Вошла Сара и принесла еще цветы. Харриет стала читать визитку и увидела, что цветы от мистера Джемсона и от всех из «Мидленд Пластикс».

В шесть часов Харриет давала прием для сотрудников «Пикокс». Они собрались в ее офисе, пили шампанское и провозглашали тосты друг за друга и за успех компании. Харриет почувствовала, что она плывет по течению. Она пробралась к низкому столику, чтобы произнести благодарственную речь.

Она сказала им, что «Пикокс» никогда бы не продвинулся так далеко и не развивался бы дальше без их помощи, она напомнила им о долгих часах их работы и о ценности совместных усилий команды. Харриет была совершенно искренна, но даже в тот момент, когда она это говорила, она была убеждена, что «Пикокс» — это ее детище. Она смотрела на лица, повернутые к ней, лица Карен, Сары и Фионы, Грэма и Джереми и других. Она чувствовала их поддержку, любовь и верность, но ее гордость обладанием фирмой «Пикокс» была безраздельна.

Позже, когда прием закончился, Грэм Чандлер завел ее в тихий уголок.

— Я хотел бы узнать, — спросил он со своей обычной застенчивостью, — не позволите ли вы пригласить вас на обед сегодня вечером. Конечно, после того, как вы сделаете все, что должны здесь сделать.

— Я искренне сожалею, Грэм. Но сегодня я встречаюсь с Робинот. Действительно, — она посмотрела на часы, — он сейчас будет здесь. Мы же можем сделать это как-нибудь в другой раз?

— Конечно, можем, — его лицо слегка покраснело.

Через несколько минут пришел Робин, и служащие «Пикокс» исчезли. Он повез Харриет на машине в ресторан, где они в первый раз обедали вместе, а в конце обеда он протянул ей маленький сверток в обертке «Асприз».

— Это, чтобы отпраздновать успешный выпуск акций и успешное профессиональное партнерство. Это также для того, чтобы отметить тот факт, что я люблю тебя.

Харриет открыла маленькую бархатную коробочку. Внутри была пара бриллиантовых сережек. Холодные сверкающие слезинки, которые полностью гармонировали с ее рождественским колье.

Она подняла глаза к лицу Робина:

— Они прекрасны. Они потрясающе красивы.

Робин перешел к другой стороне стола и снял с нее клипсы. Вместо них он вдел бриллиантовые капельки.

— Совсем как ты, — сказал он ей.

Харриет знала, что она не была красивой, но в этот вечер ей хотелось поверить, что она может быть красивой.

Была полночь, когда машина Робина — порш последней модели — подъехала к дому Харриет. Она посмотрела на часы и тихо рассмеялась.

— А не исчезнет ли все это, когда часы пробьют двенадцать?

Он наклонился и поцеловал ее.

— А разве это возможно? Ты же прекрасная добрая волшебница, а не Золушка.

Когда они подошли к ступенькам, ведущим к парадной двери, Харриет увидела, как из

тенистого сада перед домом выступила более темная тень. Это ей смутно напомнило вчерашнюю ночную прогулку, которая казалась теперь отдаленной от этого момента гораздо больше, чем одним днем. Затем тень выступила вперед и приняла четкие очертания.

Это оказалась маленькая фигурка в бесформенном платье из клетчатого ситца, джемпере с треугольным вырезом и белых носках. Харриет узнала школьную форму еще до того, как увидела самого ребенка.

А затем она медленно, с удивлением сказала:

— Линда? Линда, что ты здесь делаешь?

— Я убежала, — ответила Линда Дженсен. — Я получила ваше письмо и захотела вас повидать. Я прождала здесь уже много часов.

— О, Боже, — воскликнула Харриет.

Она протянула руку к Робину за поддержкой.

— Ради Бога, Линда, — она вдруг почувствовала, как она устала. Но тут вдруг она заметила, что Линда дрожит, и устало добавила: — Пошли, нам лучше войти в дом.

В теплой светлой кухне Линда пристально и холодно взглянула на Робина.

— А что он здесь делает?

— Это я пригласила его, — многозначительно сказала Харриет. — Садись на ту табуретку, Линда. Сейчас я приготовлю тебе горячий шоколад. Ничего не говори, я ничего не хочу слышать об этом, пока ты его не выпьешь. Затем мы попытаемся разобраться.

— Можно мне еще и тост? — спросила Линда. — Я, действительно, голодная.

Закончив есть, она перестала дрожать. Но глаза ее казались огромными на худеньком личике, а плечики в темно-бордовом джерси выглядели очень узкими.

Харриет понимала, какая же она маленькая, хотя она и пыталась вести себя, как взрослая. Она могла также представить себе, через что пришлось Линде пройти, чтобы вообще добраться до Хэмпстеда, и она почувствовала сожаление, что так резко встретила ее. Она подвинула другую табуретку поближе к Линде.

— Ну, так о чем ты хочешь рассказать мне?

Линда слегка пожала плечами.

— Я уже рассказала вам. Я хотела вас видеть.

— Я собиралась взять тебя на чай. — Харриет собиралась позвонить Ронни. Только еще не позвонила.

— Через сколько недель? Я не могу оставаться в этом месте. Оно ужасное, безобразное, то, что они заставляют нас делать, отвратительно.

Поверх головы Линды Харриет поймала взгляд Робина и должна была подавить улыбку.

— Видишь ли, почти все школы такие же.

— Неужели? Ну, с этой-то покончено. Я вам расскажу, что я сделала. Я просто перелезла через изгородь и отправилась пешком через город к вокзалу. Вы же знаете, есть приходящие ученицы, не живущие при школе, так что на меня никто не обратил внимания, когда я шла. Это было перед чаем, когда все счастливики идут домой к тем людям, которые заботятся о них.

Глаза Харриет снова встретились с глазами Робина. Она протянула руку к темно-бордовым плечикам Линды.

— И о тебе заботятся люди, ты же знаешь это. Ну, продолжай.

— Я купила билет до вокзала Паддингтон и села в поезд. В купе какая-то женщина, от которой побежали мурашки, спросила меня, что я делаю одна, а я сказала ей, что я еду на

назначенный прием у стоматолога-ортодонта на Харли-стрит и что шофер моего отца встретит меня, когда я сойду с поезда, — Линда улыбнулась, вспомнив это. — И она заткнулась. В Паддингтоне, когда я убедилась, что ее уже не видно, я села в такси, которое и привезло меня сюда. Путь был долгий, на это ушли все мои деньги. Но, по правде сказать, это были не мои деньги. У Арабеллы Мейкпис их целая пачка в ее противной сумке, и я взяла у нее немножко займы, на время. Вы отдадите Арабелле деньги за меня? — Лицо Линды выглядело застывшим. — Я не хочу, чтобы я оставалась ей должна. Интересно, она обнаружит, что у нее что-то пропало?

— Линда, когда ты ушла из школы?

— Я уже говорила. Перед чаем.

— А сейчас половина первого ночи. Ты подумала хотя бы о том, как волнуются сейчас в школе? А Ронни? Я сейчас же позвоню всем и сообщу, что ты в безопасности.

Она снова пожала плечами.

— Звоните, кому хотите. Но я останусь здесь, с вами, Харриет. Пожалуйста, позвольте мне остаться.

Голос Линды дрожал. Ее беззащитность тронула Харриет. Она обняла Линду:

— Где твоя мама?

— Дома, в Лос-Анджелесе. Жаль, что я не там. Позвольте мне остаться, Харриет.

Харриет старалась сдержать ее.

— Ты можешь остаться, по крайней мере, сегодня вечером, — успокаивала она. — Робин, ты можешь позвонить в школу? Сент-Бриджид. Эскот. В деревне, наверное, сейчас половина полиции разыскивает ее.

— Было бы лучше, если бы это сделала ты, — пробормотал Робин. — Они еще могут подумать, что я ее похитил или что-нибудь в этом роде. Хотя, на мой взгляд, ничего не может быть глупее.

Однако он прошел в соседнюю комнату, и они услышали, как он получил требуемый номер, а затем разговаривал своим ровным голосом.

— Линда, а где твой папа? Не думаешь ли ты, что нам следует позвонить ему и рассказать обо всем этом? — спросила Харриет.

— Нет.

Ребенок сделал длинный, испуганный вздох. А затем вдруг пропали и последние следы ее бравады. Лицо сжалось, как у младенца, и она разрыдалась.

— Не говорите Каспару. Я сделаю все, что угодно, если вы не скажете Каспару. Вы не представляете, каким он бывает в гневе. Вы ничего не знаете.

Линда бросилась вперед и продолжала рыдать на руках Харриет.

Харриет гладила ее по голове. В волосах застряло несколько маленьких веточек, оставшихся после тех долгих часов, в течение которых она пряталась в живой изгороди.

Харриет вдруг почувствовала, что она сама близка к тому, чтобы расплакаться.

Она могла представить себе ярость Каспара Дженсена так же ясно, как помнила его обаяние.

— Все в порядке, — прошептала она Линде, — все в порядке. Мы сами что-нибудь придумаем.

Всю дорогу назад в Эскот в машине Харриет Линда просидела молча, глядя в окно без всякого интереса. Харриет время от времени бросала на нее быстрый взгляд, но ничего не говорила.

Когда прошлой ночью Харриет позвонила директорисе Линды, то облегчение миссис Харпер от того, что Линда в безопасности, очень быстро переросло в сдержанный гнев. Харриет не могла до конца обвинять ее, так как предполагала, что если бы она была ответственна за Линду Дженсен, то ее реакция могла бы быть такой же. Она вежливо выслушала все то, что высказала директориса.

«Конечно, была вызвана полиция, мисс Пикок, вы ведь это понимает? Няня Линды приехала прямо в школу и до сих пор пытается дозвониться до мистера Дженсена за океан, вы понимаете? — Харриет сжала губы, понимая, что она не должна показывать даже намеков на веселье. Линда внимательно наблюдала за ней. — Не подтолкнула ли как-нибудь мисс Пикок Линду к побегу?»

— Конечно, нет, — запротестовала Харриет, — но она сказала мне, что она очень несчастна в Сент-Бриджиде.

Карие глаза Линды остановились на лице Харриет.

После непродолжительной паузы миссис Харпер ответила:

— Да. Это не очень простая ситуация. Вы знаете, мы стараемся сделать все, что можем, чтобы помочь ей.

Харриет представила себе ее. Опытная и, наверное, добрая женщина, замученная ежедневными заботами. Она вызывала симпатию.

— Я понимаю это.

Поговорили и еще немного. Вероника Пейдж хотела ехать прямо в Хэмпстед, чтобы забрать Линду. Харриет сказала ей, находясь под пристальным взглядом Линды, что в этом нет необходимости, что ее можно рассматривать, как друга семьи, и поэтому она с удовольствием присмотрит за Линдой ночью и привезет ее назад в Сент-Бриджид на следующий день.

Мисс Пейдж, вероятно, сможет встретить их в школе. Так и договорились. Линда подошла к телефону и пробормотала несколько слов Ронни для подтверждения того, что она действительно находится в безопасности. Харриет приняла благодарности миссис Харпер и мисс Пейдж и повесила трубку. Как только трубка вернулась на свое место, Линда набросилась на Харриет.

— Я не поеду. Вы не сможете меня заставить. Все это отвратительно, вы ведь не знаете.

Слова вылетали с дрожью, яростью и слезами. Она резко повернулась, пытаясь стукнуть Харриет кулаком, но Харриет перехватила ее руку, и все кончилось слезами. Линда стояла, и ее узенькие плечи сотрясались от громких рыданий. Харриет удерживала ее и смотрела поверх ее головы на Робина.

Робин был раздражен, обеспокоен и рассержен. Между ними был рыдающий ребенок. Харриет вздохнула.

— Что ты собираешься делать? — спросил он.

В его устах «Линда» прозвучало как деловое решение, которое следовало быстро принять перед тем, как перейти к следующему пункту повестки дня. Харриет почувствовала,

что она смотрит на него почти с неприязнью. Она подняла руку, чтобы прикоснуться к тонким прямым волосам Линды и вынула крошечную веточку, которая запуталась в них.

— Я собираюсь уложить ее спать, а утром посмотреть, захочет ли она говорить. Потом я отвезу ее назад в школу.

Линда отскочила от нее. Она замешкалась, пытаясь сообразить, куда бежать, а затем стремительно бросилась мимо Робина по направлению к двери. Робин поймал ее не слишком нежно, и Линда выбросила ногу в школьном ботинке с круглым носком и ударила его в голень. Робин выругался.

— Ты не можешь убежать отсюда, Линда. Где ты остановишься, если ты это сделаешь? — спросила Харриет.

— И ты также не должна бить людей, которые стараются тебе помочь, — сказал сквозь зубы Робин.

— Это вы-то? — спросила Линда. — А я и не заметила.

— Робин, — быстро сказала Харриет, — почему ты не едешь домой? Я позвоню тебе завтра.

Робин помедлил, не желая уступать. Он строил другие планы на остаток ночи. Но он понял, что альтернативы здесь не было, и отступил достаточно деликатно. Он пересек комнату и, подойдя к тому месту, где стояла Харриет, поцеловал ее. Харриет оставалась неподвижной.

— Я ухожу, — сказал Робин.

Когда они остались одни, Линда опустила голову, чтобы не встречаться глазами с Харриет.

— Извините, — пробормотала она, — вы хотели лечь с ним спать и не смогли из-за того, что я осталась здесь?

Харриет не стала отвечать, независимо от того, был это вызов или прямой вопрос. Она проигнорировала его и снова обняла ее за плечи.

— Линда, что ты на самом деле хочешь?

Сначала она молчала. А затем тронувшим Харриет голосом, наполненным гневом и бравадой, Линда призналась:

— Я хочу вернуться в Лос-Анджелес к своей маме.

— Когда ты это сможешь?

— В летние каникулы.

— До них не очень долго.

— Это недели, — это прозвучало, как крик отчаяния, — и я должна буду вернуться назад, когда они закончатся. Вернуться в проклятый Сент-Бриджид и Литтл-Шелли к Ронни. Мой папа хочет, чтобы я выросла англичанкой. Чтобы я имела английское образование.

— Твой папа британец. И он любит тебя, ты это знаешь.

— Да уж. Если бы не любил, он бы, конечно, не интересовался, где я и какая я. К тому же, маму устраивает, что я здесь. Она занята, и все такое.

Харриет не слишком понравилось, как она сказала о матери. Она еще подумала, что Линда Дженсен, хотя она и пишет письма, создающие впечатление, что она едва умеет писать и читать, совсем неглупая девочка. Она приподняла голову ребенка так, чтобы та могла смотреть на нее. Лицо Линды было белым под слоем пыли от живой изгороди и грязными подтеками от слез.

— Разве тебе не нравится Ронни? И Литтл-Шелли?

— С Ронни все в порядке. А вы ведь видели Литтл-Шелли, не так ли?

— Да, видела, — и они обе рассмеялись.

— Сейчас пора ложиться спать, Линда.

Харриет оставила ее и пошла взять постельное белье. Она разложила диван-кровать в гостиной и начала быстро стелить постель. Линда наблюдала за ней.

— А где ваша спальня?

— Ниже этой комнаты.

— А не могу ли я лечь спать вместе с вами? — Линда вдруг стала значительно младше своих лет.

Харриет улыбнулась ей.

— Там только одна кровать. И я лягаюсь.

— Я думаю, что его вы не лягаете.

— Это не твое дело.

Харриет стало интересно, все ли дети меняются с такой калейдоскопической быстротой.

— Я знаю, как это бывает.

— Я уверена, что ты знаешь, Линда, но есть разница между знать и понимать.

— А какую паршивую шуточку выдал мой папа?

— Мне нравится твой папа.

«Нравится». Харриет вспомнила орхидеи, которые сбрасывали свои лепестки, похожие на кусочки высохшей кожи, ей на стол. И она понимала, что любить Каспара Дженсена — это почти то же самое, что и любить королеву Елизавету Вторую. Это уйдет, какими бы ни были ее чувства.

— Пошли, Линда. Я найду тебе зубную щетку и рубашку, в которой ты будешь спать.

В постели, среди больших подушек, Линда выглядела совсем маленькой.

— Я не смогу заснуть, — заявила она.

— Если я понадоблюсь тебе ночью, ты можешь позвать меня, и я приду, — пообещала Харриет, которая ненавидела, когда перебивают ее сон.

Она с новой стороны посмотрела на Дженни и ее детей.

Однако когда Харриет заглянула в комнату после того, как сама подготовилась ко сну, Линда уже спала, лежа в том же положении, как и тогда, когда Харриет оставила ее. Харриет стояла и смотрела на видимую половину ее гладкого лица. Она могла бы наклониться и поцеловать ее в щеку, что она и решила про себя, но потом подумала, что это бодрствующей Линде требуется любовь, а делать такой жест при спящей Линде, которая не является ее ребенком, будет слишком уж сентиментально. Харриет тихо закрыла дверь и пошла в свою спальню. Ночью ее никто не потревожил.

Утром, когда Линда ела завтрак, а Харриет делала необходимые телефонные звонки для того, чтобы перестроить свое утро, они почти не разговаривали. Линда выглядела упрямой, а Харриет не обращала на нее внимания. И только тогда, когда Харриет взяла жакет и сумку и протянула Линде ее темно-бордовый вязаный джемпер, чтобы она надела его, Линда поняла, что, действительно, отсрочки приговора не будет.

— Пожалуйста, Харриет, — умоляла она, — можно я останусь здесь, с вами? Я буду хорошей. Я могу быть хорошей, вы же знаете.

Харриет обвела рукой вокруг себя.

— Посмотри. Разве ты не видишь? У меня даже нет приличной комнаты для гостей.

Здесь все только для взрослых. Я ничего не знаю о детях.

«Если бы я была как Дженни или хотя бы как Джейн», — подумала она. Тогда могло бы быть по-другому. Да и то не могло бы, потому что Линда — дочь Каспара Дженсена и Клэр Меллен, а не их.

— И еще у меня есть работа, Линда. Работа эта важна для меня и требует очень много времени.

— Сейчас вы заговорили, как Клэр. Только она притворяется, что отсутствие у нее времени отражается на моем образовании и поведении. Вы, по крайней мере, говорите честно.

Харриет выслушала упрек.

— Я не то имела в виду, что у меня совсем нет времени для тебя.

— С этим все в порядке.

В машине стояло молчание, продолжавшееся до тех пор, пока они не подъехали к школе.

Харриет предпринимала несколько попыток заговорить, но потом сдалась.

Они подъехали к открытым школьным воротам по дороге, обсаженной с обеих сторон конскими каштанами. Харриет читала отдельные буквы вывески по мере того, как они проезжали мимо них: НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА-ИНТЕРНАТ ДЛЯ ДЕВОЧЕК СЕМИ — ОДИННАДЦАТИ ЛЕТ. Семь лет казалось очень мало как для интерната, так и для начальной школы.

Линда сгорбилась. Машина завернула за угол, и перед ними предстал большой дом из серого камня. За ним были видны навесы для велосипедов, современные учебные здания и теннисные корты.

— Вы просто такая же, как все остальные, — безнадежно проговорила Линда, — а я думала, вы другая.

Харриет приняла отставку:

— Я знаю, что ты так подумала.

Парадная дверь между каменными колоннами выглядела внушительно, однако внутри стоял непреходящий запах столовой и мастики для натирки полов. Почувствовав его, Харриет ощутила, как ее собственное сердце упало. Она попыталась взять Линду за руку, однако та упорно отводила свою руку в сторону.

Секретарь школы провела их наверх по нескольким ступенькам и по скрипучим коридорам. Они прошли мимо нескольких групп тихих маленьких девочек в унылой форме. Они тарасили глаза на Линду, а потом толкали друг друга локтями.

Директриса сидела за столом за дверью, на которой была табличка «Директриса». Она встала, приветствуя их. На ней были юбка с каймой и блузка с бантом, как и представляла себе Харриет. За ее стулом стоял стеклянный шкаф с рядом маленьких серебряных чашечек.

Харриет пожала руку, принимая благодарность директрисы за заботу о Линде и ее приглашение на чашку кофе. Харриет выслушала в подробном изложении рассказ миссис Харпер о тех тревогах и волнениях, которые были вызваны побегом. Харриет и Линда узнали, что мисс Пейдж находится на пути в школу и будет здесь с минуты на минуту, что мистеру Дженсену сообщили и что миссис... Дженсен, видимо, позвонит из Калифорнии сегодня вечером. Они и будут между собой решать, что лучше всего для Линды.

— Потому что мы все на твоей стороне, дорогая. Мы только хотим, чтобы ты была счастлива и тебе было удобно, Линда. Но ты должна помочь нам, понимаешь?

Линда кивнула. Казалось, что сказать больше нечего.

Кофе и Вероника Пейдж прибыли вместе. И снова были рукопожатия, благодарности и последующие разъяснения Линде, что все будет хорошо. Три женщины пили кофе, а Линда изучала верх книжного шкафа.

Наконец, поставив пустую чашку на поднос, наклонившись и изучив грязные белые носки Линды, миссис Харпер сказала:

— Я думаю, что сейчас ты, Линда, могла бы вернуться в свою спальню переодеться, а затем, я думаю, тебе следует включиться в утренние занятия.

— Пожалуйста, можно будет Харриет пойти со мной? Тогда я смогу показать ей свою спальню.

— Мне бы хотелось посмотреть, — быстро сказала Харриет.

— Пожалуйста.

Закрыв за собой дверь, Харриет почувствовала себя точно так же, как и тогда, когда покидала гостиную Аннунзиаты Лендуит в канун Нового Года. Ей хотелось побежать по коридору и скатиться вниз по перилам.

— Вы поняли? — требовательно спросила Линда.

— Я подумала, что миссис Харпер выглядит доброй и разумной, — однако на сей раз Линда не вырвала своей руки. Они поднимались по лестницам, ступеньки которых становились все более узкими и крутыми, на самый верх дома. Через открытые двери Харриет видела ряды аккуратных кроватей и умывальников. Линда распахнула одну из дверей, и они вошли в расположенную в мансарде комнату с кремовыми стенами, шестью железными кроватями, выкрашенными в такой же цвет, и шестью тумбочками. На кроватях лежали игрушечные медведи, а на окнах висели кремово-розовые занавески.

— Вот так. Разве это не отвратительно? — Линда рывком раскрыла шкаф и вынула чистую, сложенную одежду.

— Здесь очень уютно, — Харриет посмотрела на другие пять кроватей, интересуясь их хозяевами. — Сколько денег ты заняла из противной сумочки Арабеллы Мейкпис?

Линда засмеялась.

— У вас великолепная память. Десять фунтов.

— Действительно, у меня есть некоторые способности, держи.

Харриет дала ей деньги. Линда рывком открыла другую тумбочку, достала маленькую кожаную сумочку и запихнула в нее деньги.

— Скорее всего, она никогда и не заметит. Спасибо, Харриет.

Пока Линда раздевалась, Харриет обошла комнату. На тумбочке Линды, как и на других, стояли семейные фотографии. Харриет взяла одну и стала рассматривать. Она увидела большую, красивую голову Каспара и яркую, светловолосую Клэр. Они выглядели так, как будто отправлялись на какую-нибудь голливудскую вечеринку. На Клэр было платье из светлого, блестящего материала с широким и глубоким вырезом. На заднем плане фотографии стоял лимузин, и, казалось, что фотография сделана с использованием лампы-вспышки.

Харриет поставила фотографию на место. Она не стала смотреть на фотографии других девочек, но она могла представить себе картинки «Пони-клуба», сентиментальных мам, собак, пап в военной форме или без нее и братьев на пикнике по случаю Четвертого июня^[4]. Она остро почувствовала, что Линда чужая среди этих людей, и сочувствие пересилило решение быть разумной. Она резко повернулась и сказала:

— Ты, наверное, думаешь, что я тебя предала?

Линда пожала плечами.

Харриет продолжала:

— Я не хочу тебя предавать, но я не могу забрать тебя отсюда или сделать что-нибудь в этом роде, потому что твои отец, мать и Ронни так решили. Но кое-что я могу сделать. Я могу брать тебя на день, не так ли? Ты можешь приезжать на уик-энд и жить у меня в Лондоне всегда, когда тебе этого захочется и когда они разрешат. Мы можем звонить друг другу и разговаривать, ты можешь рассказывать мне об Арабелле Мейкпис и миссис Харпер, а я буду рассказывать тебе о том, что я делаю. Так все-таки легче. Легче быть друзьями тогда, когда не имеешь никаких обязательств друг перед другом, например, когда не предоставляешь возможности получить английское образование и когда не нужно стойко переносить это несчастье.

Улыбка Линды была ответом на опасения Харриет, что она взяла на себя слишком большие обязательства, и одновременно наградой для нее. Улыбка расплылась по всему лицу ребенка, изменяя его форму и делая его красивым.

— Правда? — спросила Линда. — Вы это действительно?

— Да, действительно. Столько, сколько ты захочешь.

За улыбкой последовали неловкие объятия. Харриет была ошеломлена таким напором страсти.

— Правда? На уик-энды?

— Когда бы ты не захотела.

Харриет подумала о Робине и еще сохраняющемся расписании, которое они установили. Почему-то мысль о его нарушении из-за Линды Дженсен заставила ее улыбнуться.

— Сначала ты должна спросить у папы и Ронни и получить их разрешение.

— Они мне разрешат, Харриет. Я не думаю так, как сказала раньше. Вы — другая. Вы даже лучше, чем другая. Вы... любите меня.

— Большое спасибо, — улыбаясь ей, сказала Харриет.

Харриет нужно было уходить. Удовлетворенная полученным обещанием, Линда отпустила ее без протестов. Она помахала ей на прощание и отправилась в класс с явной покорностью. Ронни Пейдж подошла вместе с Харриет к ее автомобилю. Она откашлялась, прежде чем начать говорить, и это заставило Харриет подумать о том, что ей неловко от того, что она хочет сказать.

— Я очень сожалею, что это вам причинило беспокойство.

Харриет бросила на нее быстрый взгляд. Ронни была корректной и аккуратной, но какой-то бесцветной. Она была умелой в своей работе, но, видимо, не была одарена богатым воображением. Его было явно недостаточно для Линды при отсутствии родителей. Харриет вновь почувствовала прилив симпатии.

— Я думаю, что мне, наверное, тоже нужно извиниться. Я дала Линде обещание, — пояснила она.

Ронни слушала и кивала, и только едва заметный румянец проступил на ее щеках.

— Конечно, лично у меня нет никаких возражений, но следует поговорить и с мистером Дженсенем.

— Да. Как я могу с ним связаться?

Поведение Ронни резко изменилось.

— Это может быть трудно из-за его указаний.

Она была хорошим личным помощником, защищающим известного работодателя от вторжения посторонних. Харриет едва заметно улыбнулась и вспомнила, как великий человек опрокинул свою тарелку с пудингом на ее колени.

— Я, конечно, сообщу ему все, что случилось. И я знаю, что он будет очень благодарен за все, что вы сделали для Линды.

— Спасибо, — сказала Харриет.

Она повела свою машину к воротам с облегчением, что ей не нужно больше заставлять себя находиться в Сент-Бриджиде. Понимание этого настроило ее более решительно действовать, если это понадобится Линде Дженсен.

Харриет вернулась в офис «Пикокс». Казалось, что это было не прошлым вечером, а очень давно, когда они отмечали успешный выпуск акций, хотя в углах еще стояли оставленные ею бутылки из-под шампанского и забытые стаканы.

Харриет закрыла дверь в комнату Карен и сгребла в кучу цветы в приемной. Сара положила на стол перед ней список телефонных звонков и сообщений для нее, и Харриет увидела в нем имя Робина. Сама Сара сидела перед горой почты и аккуратно разбирала ее, отмечая для Харриет первые сообщения в деловой прессе о выпуске акций «Пикокс». Харриет села и посмотрела на работу, разложенную перед ней, на имена людей, ожидающих ее решения, комментариев или подтверждения.

Оглядывая все это, Харриет почувствовала себя встревоженной и подавленной. Это было то чувство, которое не покидало ее в течение всех последних дней.

Шесть месяцев было затрачено на подготовку выпуска акций на биржу. Харриет была занята ежечасно и ежедневно, а когда у нее оставалось время на размышления о чем-то, что не требовало сиюминутного решения, она вспоминала о своей мечте — сделать «Пикокс» компанией, признанной на фондовой бирже. Эта работа приносила удовольствие, что было мощнейшим стимулом.

Необходимость такой работы также означала, что Харриет была вынуждена забросить другие дела, а некоторые из таких повседневных проблем накопились и ожидали ее сейчас. Она должна обратить внимание на новые предложенные игры, на решение вопросов инвестирования в ее собственное производство, на расширение ее команды и десятки более мелких, связанных с этим вопросов.

Харриет усердно принялась за работу. Однако она испытывала недостаток возбуждения, которое помогало ей в прошлом. Она посмотрела, что цена акций «Пикокс» вполне удовлетворительно двигалась вверх, и прочитала благоприятные комментарии в печати. Хотя ее компания существовала сравнительно недолго, всего в течение шести месяцев, она уже находилась в фокусе детального и приятного внимания юристов, банкиров и брокеров. Сначала они стали просто еще одной новой фирмой с положением, которое они могли удерживать в сложном секторе рынка, а теперь они заняли такое место, что стали горячей темой дня.

Харриет, скрипя зубами, продолжала разбираться с тем, что она еще должна была сделать. Карен и Грэм Чандлер осторожно обходили ее.

Она отменила вечернее посещение театра с Робинсом, хотя шла пьеса, которую она мечтала увидеть, заявив, что у нее слишком много срочной работы. Она провела вечер в офисе, но былая способность сконцентрироваться покинула ее. Она потратила больше часа, сидя с одной из старых досок «Шамшуйпо Мейзу» на столе и наблюдая, как цветные шарики неумолимо катятся на встречу с лежащими в пазах фишками. Харриет теперь умела играть в

эту игру. Она знала все маршруты — кружные и прямые. И ей в голову пришла только мысль о том, что прошло уже много времени с тех пор, как она в последний раз видела Саймона Арчера.

В течение этого времени она дважды поговорила по телефону с Линдой, которая теперь ни на что не жаловалась. Это было удивительно. Как будто бы только знание того, что Харриет здесь, обеспечивало ей безопасность или столь нужную ей подстраховку. В одном из разговоров Линда сообщила, что она вошла в команду своего дома по раундерз ^[5]. «Это тупая игра, не похожая на американские игры, но я неплохо играю в нее», а в другом разговоре она описывала юбку, которую обязательно должны носить все большие девочки и которая, по словам Ронни, не отличалась от уже имеющейся у Линды летней юбки. Харриет внимательно выслушала ее описания, а потом во время ланча пошла в магазин и купила похожую самого маленького размера. Она запаковала ее и отправила, а потом получила восторженную благодарность от Линды: «Харриет — вы ЧУДО».

Наступили последние июньские дни. Харриет внушала себе, что она должна почаще встречаться с Джейн и Дженни после того, как драма на ланче отошла в историю. Однако она должна решить свои производственные проблемы до того, как переключит внимание на свою общественную жизнь. По той же самой причине она отказалась от приглашения Робина посетить Глайнборнский фестиваль, и она знала, что он возьмет Аннунзиату на ее место.

А в начале июля, когда деревья в Гайд-парке уже потеряли свою яркую свежесть раннего лета, а на Оксфорд-стрит и Пикадилли заметно увеличились толпы туристов, Харриет почувствовала, что спад вместо того, чтобы прекратиться, стал еще глубже. Дни стояли солнечные, но холодные. Это была бодрящая погода, которая беспокоила ее, потому что она не могла нормально реагировать на нее.

Однажды утром она слушала планы Карен на отпуск, который она собиралась провести со своим приятелем на греческом острове Кос в Эгейском море. Харриет подумала, что, возможно, и она сама нуждается в отпуске. Почему бы ей не захотеть пройтись по галерее Уффици или полежать на песке у Адриатического моря («Ты можешь поехать, куда угодно, — слышались ей слова Джейн, — ты богатая»). Как будто заразная.)

Она могла бы поехать на Крит и остановиться в одном из новых роскошных курортных отелей вдалеке от всех забот, что раньше, в первый визит, ей было не по карману. Ей было интересно, сможет ли она уговорить Джейн составить ей компанию. Она чувствовала, что ей не хочется ехать в отпуск с Робинсом. Время, которое они проводят вместе, размышляла она, стало слишком сверхорганизованным. Трудно было представить, как бы они преодолевали трудности, связанные с отпуском.

Харриет раздраженно тряхнула головой. Она притянула к себе папку, содержащую информацию о нескольких небольших промышленных объектах, которые могли бы подойти ей для производственных целей. Она читала данные по первому объекту, когда позвонила Карен.

— Харриет, тут кто-то хочет видеть вас, — ее голос звучал необычно, как будто бы она проглотила что-то слишком горячее.

Харриет нахмурилась, глядя в свой дневник.

— Кто? Я никого не жду.

— Здесь мистер Дженсен, — ответила Карен.

Харриет только наполовину привсталала, когда дверь резко распахнулась будто бы от

порыва сильного ветра, и появился Каспар.

— Вы будете еще проверять все это? Почему вы не сказали мне, что вы «Девушка Мейзу»?

— Насколько я помню, мне не предоставилось такой возможности.

Он выдал взрыв здорового смеха.

— Вы помните больше, чем я. Это был не лучший мой день, а потом это и не был особенно памятный случай, не так ли? Но вас я запомнил.

Он подошел через комнату к ее столу. Харриет, выпрямившись, встала. Она снова увидела синие глаза и светлый загар, который не мог полностью скрыть тоненькие прожилки, распространяющиеся по скулам. Он принес с собой запах одеколona, дорогой одежды и темного, прокуренного бара. Каспар протянул руку, и Харриет пожалала ее. В первый раз его голос заставил ее подумать о меде и дыме. Сейчас, когда он был трезвым, она почувствовала, что его голос был значительно более сложным, модуляции его были сдержанными и связанными друг с другом, как годичные кольца у дерева. Он обладал даром делать обычные звуки значительными, он заставлял ее слушать его, чтобы он ни сказал.

— Я никогда не благодарил вас по-настоящему.

— Вы прислали мне изумительные цветы. Я люблю орхидеи.

Каспар отпустил ее руку, все еще глядя на нее. Харриет медленно отошла. Она была ошеломлена от материализации его знакомого лица, его более чем реального присутствия в ее кабинете. Но она была рада, что он здесь. Она отдавала себе в этом отчет.

— Теперь я еще более вам благодарен.

— Мне было очень приятно, что Линда пришла ко мне. Она осталась у меня на ночь, а утром я отвезла ее назад. Вот и все. Мы разговаривали пару раз по телефону. Я сказала ей, что она может иногда приезжать ко мне на уик-энд, если вы ей разрешите.

Каспар приложил край большого пальца к углу рта и задумчиво потер им, не спуская глаз с Харриет.

— Пойдемте позавтракаем.

У Харриет было такое чувство, что целые куски из диалога, который должен был бы возникнуть между ними, вырезали, даже целые сцены были изъяты. Это чувство не казалось неприятным, но она запротестовала:

— Сейчас десять минут двенадцатого.

— Утро приближается к времени ланча. И я думаю, что нам надо поговорить о моей дочери.

Я бы тоже хотела, — согласилась Харриет.

Потом она показала на свой заваленный письменный стол и на открытый дневник.

— Но сейчас я просто не могу. Не сегодня.

— Боже мой, почему? Поговорите со своим боссом.

Харриет распрямилась:

— Босс — это я.

— Вот именно. Так все дело заключается в том, что вы будете сидеть и ждать, пока вам не позвонят какие-нибудь дураки? Пойдемте завтракать.

Каспар Дженсен приглашал ее. «Нельзя ответить «нет» дважды», — подумала Харриет.

— Хорошо, — кратко сказала она, — пусть будет ланч.

Каспар повел ее с собой. Харриет помнила испуганное выражение лица Карен. Сара с полными руками компьютерных распечаток внезапно остановилась, еще два или три лица

внимательно наблюдали — ее штат был свидетелем их ухода.

— Я уйду с мистером Дженсенем, — как пророк произнесла Харриет, — если кто-нибудь захочет прийти, я приглашаю на вторую половину дня.

Она знала, что из-за двери будет прекрасно слышен взрывной смех Каспара. Она вышла за ним на улицу и увидела, что стоит замечательная погода. У края тротуара был припаркован автомобиль Каспара, черный ягуар. Харриет знала, что много голов повернулись, когда Каспар открывал для нее пассажирскую дверь. Он насвистывал, пока устраивался рядом с ней. Они двинулись вперед, оставляя за спиной «Пикокс».

Каспар повернулся, чтобы взглянуть на нее.

— Вот видите, это легко.

— Вы правы, — ответила Харриет.

Она вытянула ноги и откинулась назад, глядя на прохожих так, как будто они принадлежали к другому миру. Она совершила почти что бегство. Она ощущала веселье и безответственность.

— Что вы думаете о об «Уотерсайде»? — спросил Каспар.

Харриет знала, что «Уотерсайд» находится за городом, рядом с Темзой.

— Подходит.

Они направились на запад.

— Почему вы не сказали мне, кто вы? — спросил ее Каспар.

Он вынул сигарету и зажег ее одной рукой, затем затянулся ею и через дым скосил на нее глаза. Затем он вынул изо рта сигарету и предложил ей. Харриет курила очень редко, однако взяла ее и крутила между пальцами, глядя туда, где был его рот.

Потом она спросила:

— Разве это имело какое-нибудь значение? И разве это имеет какое-нибудь значение сейчас?

— Я думаю, да.

Он был вполне искренен. Она заметила, что он взглянул на ее бедра, выступившие из-под края приподнявшейся юбки, когда она откинулась назад на своем сидении. Она не старалась снова натянуть ее.

— Мне это нравится. Я люблю успех, — сказал ей Каспар и переключил свое внимание на дорогу.

Она смотрела, как сверкающее солнце отражается в проезжающих автомобилях, радовалась движению и тому, что они вместе ограждены затемненными окнами ягуара. Каспар тоже был доволен собой. Он начал напевать, а затем запел в полный голос:

*«Певец не веселится,
Осужденный отсюда в вечность».*

Это была старая любимая песня Кена. Харриет помнила ее с детства, когда она наблюдала, как он брился, снимая валки белой пены со своих щек, и пел. Сейчас она присоединилась, чего никогда не делала раньше, и ее голос тонко и сухо звучал в унисон с голосом Каспара:

«О Боже, будь милосерден к таким, как мы,

Каспар был в восторге. Он барабанил пальцами по рулевому колесу.

— Бис!

Они пропели большую часть пути к реке в Брей.

Пение заставило Харриет почувствовать себя, как на восхитительной загородной прогулке, такой старомодной прогулке, как поездка с воскресной школой. Вид реки, которой они к этому времени достигли, усилил эффект. По воде, покрытой солнечными пятнами, бежала рябь, а сильный ветер взвивал ветви плакучей ивы. Красивые лодки с развевающимися флагами проплывали мимо, а вдоль берега были развешены гирлянды маленьких флажков. Обрывки музыки доносились с лодок, а затем заглушались плеском их же волн.

Каспара тепло приветствовали.

— На двоих? Конечно, мистер Дженсен. Мы так рады видеть вас.

Каспар не заказывал стола, но Харриет подумала, что для него стол всегда найдется, причем всегда лучший стол. Импровизированность этого дня приятно волновала ее. Это было совсем не так, как бывало у них с Робинем. Они согласовывали свои дневники и сравнивали расписания, всегда заранее заказывали места в опере и театрах. Секретарь Робина заказывал столики и звонил секретарю Харриет для согласования времени.

Робин и Харриет тщательно планировали свое время, потому что они оставляли лично для себя очень малую часть его. Но в этом месте Харриет запнулась. Робин готов был проводить с ней больше времени, но вот только она ограничивала его. Она не была уверена в том, что будет к лучшему, если они смогут проводить друг с другом больше времени.

Каспар с удовлетворением отметил, что еще слишком рано для того, чтобы есть ланч. Они вышли посидеть в саду и понаблюдать за движением на реке. Он заказал Беллини, которое принесли в замороженных бокалах и которое, на взгляд Харриет, было слишком красивым, чтобы его пробовать. Каспар так не считал, и его бокал опустел сразу же, после чего был заказан следующий. Он откинулся на спинку своего белого стула и зажег сигарету.

— Линда, — начал он.

Харриет слушала его рассказ, воспринимая детали истории, о содержании которой она, в основном, догадывалась.

Линда тяжело перенесла развод родителей. Сначала она просто не допускала этой возможности. Потом, столкнувшись с тем, чего нельзя было отрицать, она начала отчаянно метаться от одного из родителей к другому: сначала она отказывалась навестить Каспара в снимаемом им доме на побережье, а затем настаивала на том, что она не может больше жить с Клэр в ее имении в Бел-Эйр.

— Обычная манера поведения ребенка, — сказал Каспар.

«Интересно было бы посмотреть на детей, для которых такое поведение было бы обычным», — подумала Харриет. Единственные дети, которых она знала, были Гарри и Элис, защищенные в Айлингтоне заботящимися о них Дженни и Чарли. В ней крепла симпатия к Линде.

Потом Каспару предложили короткий театральный сезон в Лондоне. Он в большой спешке купил дом в Литтл-Шелли, переехал в него, оставив Линду с матерью в Лос-Анджелесе. Линда была чрезвычайно трудным ребенком, а потом Клэр предложили

последовательно два сценария наверняка. Оба требовали длинных периодов натурных съемок. В первом фильме участвовал также Марко Рей, молодой актер и новая любовь Клэр Меллен.

Очевидным решением проблемы Линды была школа-интернат в Англии под непосредственным наблюдением Ронни Пейдж и более отдаленным наблюдением отца.

— Бедная Линда, — заметила Харриет.

— Она не узнает массы вещей в американской начальной школе. Я хотел, чтобы она получила английское образование.

— Она мне это говорила.

— Вы ей нравитесь. С первого дня, когда вы избавили ее от этих чертовых маленьких птичек в тарелке. А ее папочка был слишком пьян, чтобы сделать это.

— Она мне тоже очень нравится, — сдержанно сказала Харриет.

Каспар оценивал ее. Было что-то общее с тем, как это делал Мартин Лендуит, но Каспар был выше во всех отношениях и более блестящий, чем Мартин Лендуит. В памяти Харриет Лендуиты, казалось, рассеивались, как легкий туман под солнцем близости Каспара.

— Вы хотите быть ее другом из-за отсутствия ее матери, а также потому, что я таковым быть не могу?

— Я уже сказала об этом Линде. Мне требуется ваше разрешение. Возможно, Сент-Бриджид потребует его в письменном виде. В трех экземплярах.

Каспар проигнорировал это. Он вдруг подался вперед и коснулся руки Харриет.

— Спасибо, — сказал он.

— Я сделаю все, что смогу. Линда во многом нуждается, но я сомневаюсь, что хоть кто-нибудь сможет дать ей это, кроме вас и ее матери.

Каспар вновь уселся на свой стул. Он опустошил до дна свой второй бокал Беллини, когда Харриет закончила первый.

— Скажите, — произнес он. — Я был отвратителен в тот день, когда мы встретились?

Харриет задумалась. Затем она сказала правду:

— Ничуть. Я подумала тогда, что вы были единственным человеком в комнате, который показался мне действительно живым.

Правда доставила Каспару удовольствие. А Харриет и хотела этого. Она хотела сидеть на солнце, смотреть из сада на праздничную регату и слушать его голос.

Когда она его слушала, ей самой пришла в голову мысль о том, что она розовеет и оживает благодаря ему, как будто до его прихода она была бледна и безжизненна. Понимание того, что она влюбилась в Каспара Дженсена, пришло полностью сформировавшимся, не требующим исследования или оценки. Она действительно уже влюбилась в него, пока они сидели здесь в пределах слышимости музыки с симпатичных лодок и шума волн от них.

Если он захочет ее, решила она просто, то она пойдет с ним.

Сама по себе эта простота была притягательна. Она потратила в жизни так много времени на рассуждения, планирование и расчеты. Даже Робин, казалось, был другим человеком, требующим оценки и здравого рассуждения. Каспару не требовалось ничего подобного. Он притянул ее к себе, она закружилась в течении вокруг него, и этого было достаточно.

Размышляя об этом, Харриет продолжала разговаривать и смеяться, и это казалось ей вполне естественным. Что бы ни случилось сегодня или впоследствии, это уже произошло.

Флаги на деревьях и вдоль берега были развешены для нее.

Подошел официант и сообщил, что стол ждет их.

— Вы готовы? — спросил Каспар.

— Да, — ответила Харриет.

Признание заставило ее улыбнуться, а Каспар обнял ее за плечи, когда они пошли в ресторан, как бы ратифицируя договор.

Харриет помнила, как гости Лендуитов незаметно, но внимательно смотрели, когда Каспар шествовал среди них. Такими же взглядами провожали его и Харриет и сейчас, когда они проходили к своему столу.

Каспар, казалось, так же, как и тогда, не замечал их. Он отстранил метрдотеля и отодвинул к себе стул Харриет. Рядом со столом в ведерке со льдом ожидало белое вино, и как только они уселись друг против друга, он взял бутылку и разлил ее. Он поднял бокал, обхватив одной рукой спинку своего стула, и внимательно посмотрел поверх него на Харриет.

— За что будем пить?

Она, в свою очередь, изучала его, сравнивая с экранным образом. Фигура у него была тяжелее и крупнее и поэтому привлекательнее, а в синих глазах было меньше киношного блеска, но они казались более веселыми. Ей понравилось то, что она увидела.

— Давайте выпьем за прогул, — сказала Харриет.

— Очень хорошо. Я вечный прогульщик. А вы «Девушка Мейзу»? Вы прогуливаете от гладкого мальчика, который выглядит так, как будто вырос на диете, состоящей из сливок и доходов от прироста капитала?

— Я думаю, что стала прогуливать от Робина задолго от сегодняшнего дня.

— Хорошо.

Харриет ела, набивая полный рот и не пробуя, все, что было на тарелке, стоящей перед ней.

— Сейчас. Я думаю, что вы должны рассказать мне о себе. Детство, замужество и все такое, — он опустошил и вновь наполнил свой бокал.

— А мы не можем вместо этого поговорить о кинозвезде?

— Конечно, когда придет моя очередь. У нас еще многое впереди.

«Как в сценарии, — подумала Харриет, — до того как действие полностью развернется. Тем не менее, она расслабилась от его вопросов и наговорила о себе больше, чем когда-либо за долгое время. Снова принесли еду, без сомнения, прекрасную, и снова унесли тарелки. Каспар размеренно пил, и когда закончилась первая бутылка, он заказал вторую.

Каспар тоже разговорился. Он рассказал несколько остроумных историй, которые заставили ее рассмеяться, и несколько голливудских анекдотов, а также он рассказал о тайнсайдском воспитании и тех днях, когда он работал в провинциальном репертуарном театре. Этого было достаточно, чтобы она почувствовала, что он предложил ей кое-что такое, что скрыто за его всем известным лицом. Она забыла о тайных взглядах других посетителей ресторана.

Если бы это было даже представлением для окружающих их столиков, демонстрирующим, как выдающийся актер весело завтракает с деловой молодой женщиной, то и в этом случае Харриет не смогла бы осудить его.

С кофе Каспар пил кальвадос. Харриет выпила меньше половины того, что выпил он, а ее последний стакан вина остался нетронутым, но ей казалось, что стены комнаты

покрываются рябью и растворяются, а ковер колеблется у нее под ногами. Она не была вполне уверена, что сможет нормально встать, когда это потребуется, но она уже достигла такого счастливого расслабленного состояния, которое позволило ей не задумываться о том, что происходит со стенами и полом.

Такая же беззаботность заставила ее спросить Каспара:

— Почему вы так много пьете?

Так же, как и в Литтл-Шелли, не было заметно почти никаких признаков опьянения, но сейчас выражение его лица изменилось, и она вспомнила, как он выглядел, когда потерял самообладание от глупого замечания за столом. Она на секунду испугалась, но потом это прошло. Он наклонился к ней поближе:

— Вы боитесь, что я опять переверну вашу тарелку вам на колени? Или что я нападу на официанта? Или на вас?

— Нет, ничего подобного. Я думаю, что я боюсь гнева.

— Харриет, я не сержусь.

Это был первый раз, когда он назвал ее по имени.

— Я пью, потому что мне это нравится. Когда вы доживете до моих лет, — Харриет уже прикинула, что он на пятнадцать или даже двадцать лет старше ее, — то вы узнаете, что, кроме всего прочего, можно сосредоточиться на своих удовольствиях, диапазон которых становится все уже и уже. К тому же, Харриет, если вы знакомы с каким-нибудь пьяницей, то должны знать, что у них есть и хорошие, и плохие дни. Вы уже были свидетелем плохого дня. Сегодня — хороший день.

Харриет подняла голову.

— Для меня тоже, — сказала она ему.

Каспар, казалось, задумался. Затем он тихо сказал:

— Из-за Линды мы больше не будем встречаться, не так ли?

— Да.

Харриет опустила подбородок на руки. Каспар обхватил ее запястье своими пальцами:

— Я хочу вам сказать, что предлагаю сейчас поехать в Литтл-Шелли. Там я еще попотчую вас выпивкой, немножко Моцарта и попытка соблазнить вас.

Харриет дала возможность ему понаблюдать за тем, как она размышляет.

— Это обычная схема? С кинозвездочками и им подобным?

— Как известно из моего жизненного опыта, более или менее.

— Я должна сказать вам, что, из моего жизненного опыта, любая работа выполняется значительно лучше, если имеется взаимное согласие. Я бы хотела поехать с вами в Литтл-Шелли. И мне тоже нравится Моцарт. Но я не хочу быть соблазненной, Каспар, потому что я могу сама о себе позаботиться.

Синие глаза одарили ее долгим взглядом, а потом он кивнул:

— Я понял это два часа тому назад, — Каспар встал и протянул ей руку. — Полно, «Девушка Мейзу». Поехали домой.

Харриет уже была на ногах. Земля оставалась твердой.

— Этим именем меня называют только те, кто не знает меня.

Каспар ответил:

— Я вас еще не знаю, но намерен узнать.

На улице они зажмурились от яркого солнечного света после прохладного зала ресторана. Ягуар был припаркован швейцаром. Каспар обернулся, давая указания о том,

чтобы машина была доставлена, и, когда он положил свою руку на руку Харриет, какой-то человек выпрыгнул перед ними на дорогу. Харриет инстинктивно повернулась к Каспару, стараясь защитить его от нападающего. Слишком поздно.

В ее мозгу зафиксировалось черное оружие, которое мужчина направил ему в лицо, а затем она услышала щелчки и гудение моторчика перемотки. Мужчина был фотографом.

Каспар слегка похлопал ее по плечу, когда Харриет опустила руку от своего лица, все еще моргая от яркого света. Она увидела, что он обошел фотографа, стараясь столкнуть его прочь с дороги.

— Убирайся, приятель.

Он уже сделал свои снимки. Фотограф, кивая, отступил при приближении Каспара.

Черный нос ягуара обогнул угол и остановился прямо перед Харриет. Швейцар открыл для нее дверь, и она благодарно проскользнула внутрь на свое место. Каспар опустился рядом с ней, и машина рванулась вперед. Харриет вспомнила ведерко со льдом.

— Вы можете управлять машиной?

— А что, вы хотите сами?

Она чувствовала, что оставшиеся фотограф, швейцар и пара официантов смотрят им вслед.

— Я не могу.

— Тогда вы должны разрешить мне.

Они понеслись по дороге, удаляясь от берега реки, напоминающего о загородной прогулке с воскресной школой. Когда Харриет почувствовала, что они в безопасности, она спросила:

— Кто это был?

Каспар пожал плечами.

— Кто-то из людей Демпстера. Или кто-нибудь такой же.

— А как он узнал?

— Ему сообщил кто-то из официантов или посетителей. Вы никогда не узнаете.

«Такое, должно быть, случается с Каспаром Дженсенем постоянно», — решила Харриет.

— Вы лучше подготовьтесь прочитать все это. «Новая любовь Каспара. Светская жизнь деловой девушки Харриет». Они теперь вытащат все, что о вас уже знали.

Харриет следила за дорогой. Сюжет, казалось, раскручивался устойчиво, успокоительно, медленно. Она откинулась назад на сиденье, чувствуя, как сильно бьется сердце.

— Им нечего особенно вытаскивать. Моих людей по связям с общественностью, наверное, будут трясти. Но никакой шумихи, как они говорят.

«До тех пор, пока не дойдет до Саймона», — подумала она. Именно так, пока не дойдет до Саймона.

Каспар стал потихоньку насвистывать:

«Певец не веселится...»

До Литтл-Шелли было недалеко. Когда они уже почти приехали, Харриет спросила:

— Вы пьяны, Каспар?

В ответ послышался громкий смех.

— Трудно представить хоть какие-то свидетельства обратного.

Они проехали по обсаженной деревьями дороге, мимо домов, невидимых за деревьями,

и подъехали к дому Каспара. Харриет даже не попыталась представить, что произойдет, когда они окажутся здесь. Для нее было достаточным повиноваться просто побуждению следовать за Каспаром. Сейчас она смотрела на ничего не выражающие окна. Днем дом выглядел не намного гостеприимней, чем ночью.

В большой квадратной прихожей было довольно холодно. Возле стен стояли те же коробки и ящики, которые Харриет видела перед новым годом. Каспар повел ее в просторную кухню с огромным обеденным столом, слишком большим количеством пустых стульев и кухонной плитой «Ага», которая, когда Харриет приложила к ней руки, оказалась холодной. Это был семейный дом без семьи.

— А где мисс Пейдж? — спросила она, немного беспокоясь о том, что может подумать бедная дама, увидев ее здесь вместе с Каспаром.

Каспар проследил за ходом ее мыслей, вставив в эту последовательность несколько звеньев.

— В своей собственной квартире, позволю себе заявить. Это мой дом, как вы знаете.

«И что я здесь делаю — это мое дело», — добавила за него Харриет. Ей было интересно, что же, действительно, он делает.

— Вы хотите выпить?

Она отрицательно покачала головой. Затем подошла к высокому окну в конце комнаты и посмотрела на бесцветный сад. Послышалось тарахтенье кубиков льда. Она расстроилась, представив, как Линда бродит по этим пустынным комнатам. Прикосновение Каспара испугало ее.

— Пойдемте со мной.

Она последовала за ним через такое множество дверей, что даже не могла представить себе, для чего можно использовать такое количество комнат, а потом они пошли еще наверх по широкой лестнице к другим комнатам. Он открыл дверь в дальнем конце дома и ввел ее в комнату. Спальня Каспара была спартанской, почти монашеской, за исключением книг и рукописей, горами лежащих на всех поверхностях. Он сделал жест, выражающий извинение, и поставил свой стакан на пол возле кровати.

— Вы сказали, чтобы я не пытался соблазнить вас.

— Да.

— Ну тогда, вы ляжете со мной в постель?

— Да.

Харриет не чувствовала ни потребности, ни внутреннего сопротивления. Она просто считала, что поступать так — правильно. Каспар начал расстегивать ее пуговицы. Его пальцы были грубыми и неловкими. Харриет полуприкрыла глаза. Ей не хотелось думать о всех тех телах, которые Каспар, должно быть, исследовал, телах значительно более прекрасных, чем ее собственное, и о тех хорошеньких страстных лицах, которые он целовал, как он сейчас целовал ее лицо. Она даже не хотела вспоминать, что находится в спальне Каспара Дженсена и что это именно Каспар Дженсен снимает с нее одежду. Это могло привести только к тому, что она будет скована от смущения.

Вместо этого она сконцентрировалась на другом, теплом и обычном Каспаре, которого, как ей казалось, она знала, и ей захотелось любви.

Они лежали вместе в постели. Его манера заниматься любовью была прямой, без каких-либо впечатляющих тонкостей, как у Робина. Он быстро вошел в нее, и Харриет отдала ему управление, хотя с Робинем она научилась как подчиняться, так и управлять. Из его горла

доносился негромкий щелкающий звук по мере того, как он двигался вверх и вниз. Он кончил довольно быстро. Харриет видела, как его лицо скривилось, оргазм, казалось, причинял ему почти боль. Когда все закончилось, он лежал, уткнувшись лицом в ее шею, его теплые и мягкие губы согревали ее холодную кожу. Харриет тоже лежала спокойно, чувствуя, как смутное ощущение счастья проникало в глубины ее сознания. Через некоторое время Каспар зашевелился. Он приподнялся на одном локте и потер рукой лицо. Потом он прикоснулся к щеке. Харриет.

— Спасибо, — сказал он серьезно.

Он потянулся вниз к своему стакану виски. Он отпил из него, глядя, как Харриет наблюдает за ним, и еще раз ее поцеловал. У него из-за растворившегося льда был холодный язык.

— Вы спросили, почему я пью. Расскажите мне что-нибудь, Харриет. Вы чувствовали это в «Уотерсайде», когда мы сидели в ресторане с цветами, портьерами и серебряной посудой? Вы начали подозревать, что все это декорация и что мы играем сцену, которая включает вас и меня за ланчем, а где-то весело крутится камера? Что все вокруг нереально — еда, серебро и, более всего, мы сами?

— Да, немного.

Каспар рассмеялся более сухо, чем обычно.

— Я чувствую это все время. Иногда я останавливаюсь и очень настойчиво думаю, где я сегодня, черт возьми, нахожусь? В роли или нет? Вот почему я пью. Когда вы слишком пьяны, чтобы беспокоиться о чем-то другом, когда вы слишком пьяны, чтобы искать другой путь, приходит цель, которая находится на дне бутылки. Это приятное ощущение. Вот почему я пью, Харриет. Не расстраивайтесь из-за этого, потому что от этого не будет никакой пользы.

— Хорошо, — мягко согласилась Харриет.

Каспар вздохнул. Его стакан был пуст, и он опять откинулся на подушки.

— Ваша грудь очень хороша, — сказал он ей, — круглая и хорошенькая.

— Она слишком мала.

— Мне нравится такая. У Клэр она слишком велика, она перекачивается как море.

Харриет видела ее в достаточном количестве фильмов. Она внезапно почувствовала абсурдность момента. Обнаружить себя в постели с Каспаром, обсуждающим грудь Клэр Меллен. Она засмеялась, а потом увидела, что Каспар заснул. На груди у него были толстые седые волосы, и она положила на них ладонь. Она чувствовала, как под ней бьется сердце.

Пока Каспар спал, Харриет лежала удовлетворенная и наблюдала за заходящим солнцем. Это навело ее на мысль, что она забыла позвонить в офис, но эта оплошность показалась ей не слишком серьезной. В доме стояла абсолютная тишина. Лежа здесь, она думала, что связь между Каспаром и ею достаточно крепка и не нуждается в упрочнении с помощью виски.

Харриет остановила машину перед парадной дверью дома Джейн. Она вышла из машины, положила одну руку на ее сверкающий верх и достала с заднего сиденья букет цветов в фирменной упаковке цветочного магазина. С цветами в руке она прошла через крошечный садик. Джейн наблюдала за ее прибытием через окно, но Харриет рефлекторно нажала на кнопку, ожидая, когда зазвонит звонок, вместо того, чтобы пройти прямо в дверь.

Раздался короткий звонок, потом вышла Джейн. Харриет улыбалась, стоя на ступеньке

и протягивая цветы. Она выглядела элегантно и не вписывалась в обстановку, создаваемую неряшливыми домами.

Они не поцеловали друг друга, как обычно это делали. Джейн отступила назад, держа руки в карманах своих брюк цвета хаки и бормоча приглашение войти. В ограниченном пространстве коридора запах духов Харриет смешался с запахом принесенных цветов и стал очень сильным.

— Заходи в кухню, — пригласила Джейн. — Прекрасные цветы. Как дела?

На несколько большей площади кухни Джейн увидела, что не было необходимости спрашивать. Харриет, казалось, была отполирована до блеска, но не солнцем, хотя ее кожа светилась, а каким-то менее определенным и в равной степени мощным воздействием. В своем раздражении, на фоне блеска Харриет, Джейн заметила, что поверхности на кухне покрыты слоем жирной пыли, а ногти в керамическом кувшине на столе высохли, вероятно, неделю назад. Она выдернула их, капая зеленоватой водой, и засунула в уже полное мусорное ведро.

— Я поставлю их в воду? — предложила Харриет. — Где ваза?

«Живя здесь в свои предмиллионерские времена, — раздраженно подумала Джейн, — она могла прекрасно узнать, где искать вазу вместо того, чтобы бездействовать, ожидая, когда она появится».

— Я сделаю это, — сказала она, — садись и выпей.

Она взяла из холодильника уже открытую двухлитровую бутылку «Соуавэ» и налила два полных стакана. «Это может довести меня до тошноты, — подумала она, — но мне необходимо выпить достаточно много, чтобы отважиться на это».

— Ура! — воскликнула она, наблюдая, как Харриет быстро осмотрела сидение деревянного стула перед тем, как расположить на ней складки своей льняной юбки кукурузного цвета.

Она взяла из шкафа невзрачную вазу из зеленого стекла и воткнула туда цветы Харриет.

— Что случилось? — спросила Харриет.

«Ничего, — хотелось ответить Джейн, — ничего такого, как твоя прическа, духи и жакет от Ралфа Лорена, что можно было бы решить с помощью банковского счета в несколько сот тысяч фунтов».

Но вместо того, чтобы сказать это, она шлепнулась на стул напротив Харриет, ослабив ремень своих брюк, который жал ей посередине, и сделала вызывающий глоток вина. Харриет была ее другом, однако, как оказалось, у них было мало общего в этот момент. Она постаралась изобразить улыбку на своем лице.

— Как я начну? С чувством ревности, потому что ты так хорошо выглядишь?

Джейн в принципе осуждала ревность. Она не была конструктивной. Но она чувствовала ее сейчас, и это чувство не ослабевало от того, что она признавалась себе в нем.

«Это легко для Харриет», — поймала она себя на мысли, а потом ей стало интересно, не сошла ли она слегка с ума. Она всегда гордилась своей рациональностью.

— Ты не захочешь слушать все это, — быстро сказала она, — подбодри меня. Расскажи мне что-нибудь интересное. — Она вновь наполнила стаканы, хотя Харриет только чуть-чуть отхлебнула от своего.

— Можно я, — проговорила Харриет, — можно я расскажу тебе, что случилось. — Она выглядела почти ошеломленной своим благополучием.

— Давай.

Харриет не требовалось дальнейших приглашений. Она хранила в секрете Каспара в течение трех дней. После первого дня он позвонил ей, а потом позвонил ей снова и попросил ее поехать с ним в Брайтон на уик-энд. Он считал, что она должна быть свободной, и Харриет освободилась, хотя она договорилась о встрече с Робинотом.

— Брайтон, — говорил ей Каспар, — наилучшее место для любовных дел. Морской воздух и потрепанное великолепие — возбуждающее сочетание.

Харриет отметила для себя слова «для любовных дел». Она чувствовала, что счастье и возбуждение разгораются внутри нее, готовые вырваться при малейшем давлении. Ей нужно было поговорить, излить часть этого возбуждения, и поэтому она поехала к Джейн.

— Ты никогда не догадаешься. Это невероятно, — рассмеялась она.

— Не заставляй меня угадывать. Просто расскажи мне.

Харриет рассказала ей, что она влюбилась, а потом — в кого влюбилась и как.

Джейн слушала и, несмотря на свое настроение, увлеклась. Образы быстрых автомобилей и ресторанов на берегу реки, орхидей, убегающих детей и огромных пустых домов были достаточно яркими, а потом еще знакомое лицо Каспара Дженсена ожило между ними.

«Неужели это та самая Харриет, — подумала она, — которая варила суп с лапшой на этой кухне и занимала освободившуюся спальню наверху, потому что ей некуда было идти».

— Мне все равно, что произошло, ты понимаешь, — закончила Харриет, — я просто хочу быть с ним. Я не могу без него. Я никогда не чувствовала такого раньше.

Джейн кивнула, хотя она тоже никогда этого не чувствовала. «Интересно, — подумала она, — могла бы я такое почувствовать, я бы могла выглядеть так, как выглядит сейчас Харриет?» В той ситуации, в которой она пребывала сейчас, эти размышления показались ей нелепыми.

— Это, действительно, история, — произнесла она вслух, — не удивительно, что ты выглядишь так, как будто готова взорваться от этого секрета.

— Это не слишком большой секрет, — ответила Харриет менее задумчиво, чем могла бы, — особенно с сегодняшнего вечера.

Она достала из своей сумки свернутую газету и толкнула ее по столу, уверенная, что Джейн может увидеть только ее название «Гардиан».

— Я счастлива за тебя, если ты счастлива, — сказала Джейн, а затем развернула вечернюю газету.

Там были колонка светской хроники и фотография. Харриет повернулась к Каспару, защищая его, испуганная человеком, который выскочил перед ними, однако на неясной фотографии она выглядела нежно прижавшейся к его плечу так же робко, как любая молоденькая актриса.

Джейн прочитала короткую статью. Там было, в основном, о Каспаре и Клэр, а Харриет фигурировала, как «предприимчивая деловая женщина Харриет Пикок, более известная как «Девушка Мейзу». Сама «Мейзу» была описана, как «трагическая игра военнопленного, которая стала модной во всем мире», и статья заканчивалась неизбежным заключением: «В какую игру может сейчас играть Каспар?»

— Господи, — проговорила Джейн, опустив уголки рта, — как ты можешь переносить вещи такого сорта, написанные о тебе?»

— Бывало и хуже, как ты знаешь, — ответила Харриет. — Она внимательно посмотрела на Джейн, а потом спросила: — В чем дело? Ты стала очень бледной.

— Меня сейчас вырвет, — объявила Джейн, — вот в чем дело.

Она вышла на десять минут. Харриет попыталась проводить ее, но Джейн толкнула ее назад на стул, когда проносилась мимо. Харриет сидела неподвижно, стараясь все обдумать, но она не была способна нормально думать уже в течение трех дней. Она села за стол в своем кабинете для того, чтобы выяснить относительные преимущества различных производственных участков, а ее мысли возвращались к Каспару. Сейчас она сидела неподвижно, устремив невидящий взгляд на темный сад Джейн, отдавшись своим мечтам.

Когда Джейн вернулась, она обессиленно прислонилась к дверному косяку, однако пятна румянца снова начали появляться на ее щеках.

— Вечерняя тошнота, — сухо объяснила она. — Разве ты не видишь, что все идет по плану?

Харриет глупо уставилась на нее.

— Ты беременна? — наконец спросила она.

— Я беременна, — признала Джейн без энтузиазма в голосе.

— Это хорошо? Или плохо? — мягко спросила Харриет.

— О, черт! — ответила Джейн. — Я, действительно, не знаю.

Она чувствовала, что готова заплакать, но она не хотела, чтобы эта новая Харриет видела ее плачущей после этой истории о Каспаре Дженсене, Брайтоне и неожиданной, пугающей любви.

— Как беременна?

Джейн шмыгнула носом и вытерла его тыльной стороной руки.

— На сто процентов. Тут нельзя быть наполовину, как ты понимаешь.

— Я имела в виду, как давно?

— Десять, одиннадцать недель. Мне сказали, что рвота прекратится через две-три недели.

Харриет воспринимала новую информацию, укладывая ее в существующую ситуацию. Привлекать логику для решения возникающих проблем стало у нее привычкой. Через несколько секунд она сказала:

— Ты говорила мне на Рождество, как сильно ты хочешь ребенка. Ты помнишь? Ты говорила, что ты ощущаешь эту потребность, как боль.

— Да, я помню. — Джейн почувствовала, что ее собственная способность рассуждать покинула ее.

Знакомые точки зрения, казалось, сдвинулись, оставляя за собой что-то искаженное. Она хотела ребенка, Харриет права. Особенно сильно она хотела ребенка от Дэвида, причем вместе с Дэвидом, хотя Харриет ничего не знала об этом. Она достаточно старалась за них обоих в то короткое время, когда они были вместе, но составные части упрямо отказывались соединяться, и, в конце концов, получили по заслугам.

Дэвид вел себя так, как, по ее подозрению, он был вынужден себя вести. Но Джейн была слишком практичной, чтобы думать о разбитых сердцах. В этот период она встретила с Харриет на неудачном ланче перед Рождеством. Это было тогда, когда Харриет не удалось скрыть, что она слишком спешит, чтобы вести хоть о чем-то долгие разговоры.

— Я очень хотела ребенка.

Это было просто нелепостью, что после всех желаний и стремлений к Дэvidу этот ребенок появится в результате двух ночей, проведенных с учителем из Чатема, с которым она встретила на конференции по компьютеризированному обучению и по обоюдному

согласию не встречалась после этого. Боль, о которой она рассказывала Харриет, перешла в совсем другую боль, вызванную тревогой и неуверенностью, которые порождает одиночество.

— Тогда в чем же дело? — спросила Харриет тем же спокойным голосом.

— Я думаю, что мне хотелось бы этого в других условиях. С мужчиной.

— Но ведь мужчина должен был быть.

— Не то, что ты имеешь в виду. Не финансовый воротила и не кинозвезда, например.

Харриет услышала горечь и постаралась помочь.

— Что же ты хочешь, Джейни? Еще не поздно решить, иметь или не иметь его.

Джейн подняла голову и посмотрела прямо на нее.

— Да. Я хочу ребенка. Я хочу... — она по воздуху очертила рукой маленький круг, — ... его. Но я боюсь бытовых проблем. Где жить, как мне одной ухаживать за ним, как продолжать работу. Да и просто, как зарабатывать на жизнь для нас обоих?

— Будь практична. Отец поможет тебе?

Когда Джейн только посмотрела и ничего не ответила, Харриет продолжила:

— Хорошо. Переезжай в район получше. Подумай о смене работы. Подумай о приходящей няне, яслях. Это твоя сфера, Джейн, а не моя, — и с некоторым раздражением: — А что говорит Дженни?

— Что после трех месяцев начинаешь чувствовать себя лучше.

Джейн почувствовала, что вся ее сущность начала рассыпаться, разъезжаться и растекаться, как песок, в то время как Харриет покрыла свое сознание нержавеющей сталью, яркой, определенной и непреодолимой.

Джейн ревновала не только к внешности Харриет. Она ревновала к ее успеху, к ее независимости от мужчин, к тому, что она могла, по-видимому, влюбляться, не влюбляться или выбирать, в кого влюбляться, вдобавок к прочному положению, которое принесли ей деньги. Если бы у Харриет был ребенок, то она смогла бы нанять для ухода за ним одну няньку или даже двух.

Размышляя о разнице между ними, Джейн понимала, что именно деньги разделяют их. Деньги защищали и поддерживали, а Джейн сейчас очень нуждалась в утешении. Изменение видов на будущее, обеспечиваемое богатством Харриет, усилило ее чувство того, что старые ценности изменяются, уплывая от нее. Когда-то она была уверена, что только общественная польза имеет значение, а индивидуальные стремления в определенной степени нежелательны. В равной степени она верила в то, что богатство существует для распределения, а не для индивидуального накопления.

«Но я работала для собственного успеха, — слышались ей слова Харриет, и я заслужила его».

«Я тоже работала, — безмолвно ответила ей Джейн, — я делала более важную работу, чем ты. И что я заработала?»

— Я на тебя не похожа, — сказала Харриет.

— Я сама на себя не похожа.

Ревность вызвала в ней еще более тошнотворные ощущения, чем беременность. Она не хотела этого, но чувство возникало и разливалось, как желчь, у нее во рту. А Харриет сидела напротив нее спокойная, деловитая и здравомыслящая. И далекая, хотя когда-то они были близки.

«Я нуждаюсь в друге», — подумала Джейн. Если бы Харриет оставалась бедной, то она

поняла бы ее проблемы. Неожиданно ее чувство обиды перешло с Харриет на деньги, на этого ловкого соперника, вставшего между ними.

— Извини, — сказала Джейн, сама ясно не понимая, за что просит прощения.

Харриет сожалела о своем восторженном треске по поводу любви и Брайтона. Она взяла со стола вечернюю газету и запихнула ее в свою сумку. Она сожалела о том, что Джейн не рассказала ей своих новостей сразу же, как только она пришла, и что они не могут начать вечер снова, следуя другими путями. Ей хотелось бы, чтобы они отошли подальше назад к той самой точке, когда у них были похожие виды на будущее. А сейчас при том расстоянии, которое возникло между ними, она чувствовала, в основном, неосознанное раздражение.

Джейн получит своего ребенка, но только ли практические проблемы встали перед ней?

— Послушай, — сказала она мягко, — если с тобой все в порядке, если твой ребенок здоров, то нет ничего такого, что бы нельзя было устроить. Если тебе нужны деньги, то, ты знаешь, тебе надо только попросить.

Джейн, казалось, встрепенулась от поглощавших ее мыслей.

— Попросить что? Сколько времени ты собираешься обеспечивать нас? Шесть месяцев? Шесть лет? Пока он не вырастет?

По мере того, как она говорила, перед ней с ужасом открывалась перспектива будущей жизни ее ребенка. Она будет ответственна за существование другого человека, ответственна одна, когда она чувствовала, что едва ли может управлять своею собственной судьбой.

Неправильно поняв ее, Харриет сказала:

— Не проси, я буду просто посылать тебе чеки.

— Я не хочу твоих денег, — холодно отказалась Джейн.

— Я тоже буду с тобой.

— Конечно, ты будешь! Ты была у меня недавно, не так ли?

Харриет встала, ужаснувшись тому, что они ссорятся. Она подошла к Джейн, собираясь обнять ее, однако Джейн сжалась перед ней и, защищаясь, обхватила себя руками.

— Моя грудь стала, как футбольные мячи.

Они могли бы рассмеяться, как они сделали бы это раньше, но сейчас они не рассмеялись. Харриет задумалась, пытаясь вспомнить, когда и как открылась перед ними эта бездна.

— Есть что-нибудь, что я могла бы сделать? — прошептала она.

— Ты можешь поставить обед на плиту. Он в холодильнике. Блюдо, накрытое фольгой.

Это было все. Харриет сделала то, что ей сказали.

После этого их разговор пошел по кругу, и они обе притворялись, что все нормально. Они обсудили, что сказал доктор Джейн, отпуск по беременности, который она собиралась получить, дела «Пикокс» и планы Харриет, а также другие обычные вещи, составлявшие сущность их дружбы. Они немного посмеялись, были очень осторожны по отношению друг к другу и старались избегать опасных тем.

Разговор был вежливым, а кухня казалась холодной. Было еще довольно рано, когда Харриет сказала, что она должна уходить. Джейн проводила ее до парадной двери, как она обычно делала.

— Будем поддерживать связь, — сухо проговорила она.

Лампа на крыльце светила вниз на Харриет, выхватывая ее, как прожектором, на фоне темной улицы. Харриет снова поразила своему несоответствию всему окружающему, и это усилило все впечатления от сегодняшнего вечера.

— Я позвоню тебе после уик-энда, — пообещала Харриет, — отдохни. Ты почувствуешь себя лучше.

«Было бы очень хорошо, — подумала Джейн, запирая двери, — если бы все было так просто, как это кажется Харриет». Если бы отдых что-нибудь решал, если бы реальная жизнь сводилась только к правильному выбору жилого помещения и нужному телефонному звонку в нужный момент вместо того, чтобы быть грязной, мрачной и сложной от наших собственных недостойных интересов».

Харриет ехала назад в Хэмпстед. Она была расстроена осложнениями в их дружбе, но верила, что это были только временные неприятности. И она была убеждена, что Джейн сама успешно выйдет из этого положения. Сегодня она была в некотором замешательстве, но она всегда была сильной. Она примет необходимые решения и будет действовать в соответствии с ними. У нее будут свой ребенок и своя жизнь. Она достойна выиграть обе гонки.

В автоответчике Харриет ожидали два звонка от Робина. Было без десяти одиннадцать, и она решила, что не будет отвечать на звонки сегодня вечером. Было поздно, и она не знала, что сказать ему. Она включила автоответчик и пошла спать, думая о Каспаре и Брайтоне.

В воскресенье вечером Кэт и Кен были дома на Сандерленд-авеню. С тех пор, как Лиза покинула дом, заведенный в доме порядок превратился в неизменный ритуал. В воскресенье вечером у них был холодный ужин, остаток дневного ростбифа, который любил Кен. Ему нравилось проводить вечера за газетами, внимательно рассматривая их спортивные страницы и покачивая головой над результатами игр. Вечерами в будние дни он часто удалялся в свой маленький кабинет поработать с деловыми бумагами, но в воскресенье, как он обычно подчеркивал, был день его отдыха.

Кэт, как правило, сидела напротив него в кресле, читая свою книгу. Сегодня вечером это был П.Д. Джеймс, которого она очень любила. Стоял тихий, сырой день. Они ели, сидя за белым, отделанным металлом столом во внутреннем дворике. Затем Кэт собрала посуду и запустила посудомоечную машину. Было приятно войти в прохладную гостиную, включить свет и взять свою книгу с гарнитурного столика возле своего стула.

Единственными звуками в комнате были шуршание газеты Кена и едва слышное жужжание посудомоечной машины на кухне.

Кэт уже собралась спросить: «Не хочешь ли чашки чая, дорогой?» — зная, что Кен ответит: «Посиди, я сам поставлю чайник», — как послышался какой-то звук у парадной двери. Сначала она услышала шаги, а потом и стук в дверь. Шаги были медленными и шаркающими.

Книга, которую она читала, вызывала в ней сильные чувства, вплоть до мурашек на коже. Кэт подняла голову, однако человек был уже возле двери, вне видимости через широкий эркер, выходящий на дорогу.

Кен услышал только стук. Он нетерпеливо отложил газету.

— Кто это? Беспокоить людей ночью, в такое время.

Было еще только начало девятого. Однако гости в воскресный вечер, появляющиеся без предупреждения, были редкостью на Сандерленд-авеню.

— Я иду, — пробормотал Кен, поднимаясь на ноги, хотя прозвучал пока еще только один стук, и не было звуков и просьб открыть.

Кэт слышала, как он открыл парадную дверь. Был слышен шум голосов: резкие и четкие

звуки голоса Кена и звуки другого голоса, который отличался только тем, что был более мягким. Однако звук этого голоса показался знакомым, и это вызвало в ней тревогу.

Она уже встала, когда Кен раздраженно позвал:

— Кэт!

Она выбежала в коридор. Под стеклянным навесом крыльца среди бегоний и пеларгоний Кэт увидела Саймона Арчера. Он наклонился вперед, с одной стороны поддерживаемый Кеном. На нем была грязная одежда, у него была давно небритая пятнистая седая щетина и спутанные нестриженные волосы.

Кен в замешательстве посмотрел на нее:

— Я думал, это старый бродяга, промышляющий попрошайничеством, но он спросил тебя.

Саймон выпрямился, опираясь на Кена. Он посмотрел на Кэт через рамку из ее цветов и сказал своим четким дикторским голосом:

— Кэт, лучше бы нам зайти в дом и закрыть двери и окна. Они прямо за моей спиной.

— Саймон, Саймон.

Она вышла к нему и перекинула его висящую руку через свое плечо. Поддерживая его между собой, Кэт и Кен повели Саймона, минуя ярко освещенную гостиную, на чистый белый свет кухни в задней части дома. Они опустили его на стул. Кэт непроизвольно поднесла руку к лицу, когда посмотрела на него. И тотчас снова опустила ее, когда почувствовала запах, исходящий от того места, которым она прикасалась к нему.

— Кто это?

— Саймон Арчер. Я знала его, когда была девочкой. Я рассказывала тебе.

— Саймон Арчер. Приятель Харриет?

Саймон повернулся на своем стуле, всматриваясь в них.

— Харриет Пикок, — сказал он, — в честь Харриет Вейн.

Затем он отвернулся, и его глаза закрылись. Кожа обтягивала его лицо, подчеркивая глаза навывкате. В щетине вокруг рта запутались кусочки пищи или каких-то растений.

— Все в порядке, — ответила Кэт, — вы правы. Кен, не сделаешь ли ты ему чего-нибудь выпить? И принеси мне салфетку, полотенце или что-нибудь, чтобы вытереть ему лицо.

Кен принес немного виски. Саймон понюхал, а потом выпил. Он задрожал.

Кэт очень мягко сказала:

— Саймон, вы слышите меня? Как вы добрались сюда?

Он открыл глаза. В этом взгляде сконцентрировалась необычайная, ярко выраженная хитрость. Кэт сразу поняла, что Саймоном управляет какая-то сила, находящаяся вне пределов их досягаемости.

— Ха. Это было не просто. У меня был длинный тайный маршрут, вы же знаете. Но я сделал это. Я должен был сделать это, не так ли?

Они вернулись, когда я подумал, что они ушли. Они были возле моих дверей, эти глаза, смотрящие через окна. Снова повсюду наблюдают за мной.

— Кто наблюдает за вами? — спросил Кен.

— Кто это? — обратился Саймон к Кэт.

— Мой муж, Кен. Он тоже хочет помочь вам.

Это замечание Саймон проигнорировал.

— Так что же мне было делать? — он засмеялся надтреснутым смехом. — Я оставил их. Я оставил им пустой дом для их голосов, их внимательных глаз и их вопросов. Я приехал к

тебе, Кэт. Я знаю, что ты будешь держать свои двери и окна запертыми. Но они могут быть уже здесь, — его вытаращенные глаза уставились на двери во внутренний дворик. — Задерни занавески, Кэт. Иначе они будут заглядывать сюда.

— Там никого нет, — запротестовал Кен, — это наш сад.

— Задерни их, Кен, — спокойно попросила Кэт.

Когда это было сделано, Саймон, казалось, почувствовал облегчение. Его голова снова упала. Кэт видела, что он был в изнеможении.

— Сидите спокойно, — приказала она ему, — вам необходимо поесть, принять ванную и отдохнуть. Я дам вам плед, потому что вы замерзли.

Он кивнул, как ребенок.

Кен вышел с Кэт в коридор.

— Что ты собираешься с ним делать? Бедный старый чудак, у него не все дома, не так ли?

Кэт взяла его за руку.

— Мы собираемся покормить его горячей едой, предложить ванну, дать чистую одежду и уложить в постель. Утром мы вызовем врача. — Ее полная нижняя губа выступила больше, чем тогда, когда она бывала сильно расстроена. — Это наша вина, что он стал таким. Ты понимаешь, это из-за нас, из-за Харриет и меня. — Ее слова прозвучали почти как вопль. — Этого не должно было случиться.

В Брайтоне у Каспара и Харриет был длинный, поздний ланч, после которого они отправились в постель. После занятий любовью Каспар заснул. Харриет лежала, наблюдая за ним и слушая море.

Был ранний вечер, когда он проснулся и поднял голову. От сна на его щеках образовались красные складки, и он потер их ладонями, сдвигая подбородок в одну сторону, как человек, просыпающийся перед кинокамерой.

Он увидел рядом с собой бодрствующую Харриет с характерной для нее настороженностью на лице с острыми чертами. Она выглядела мягкой и приятной, и он привлек ее к себе.

— Все в порядке? — пробормотал Каспар.

Она рассмеялась над ним и вытянулась так, чтобы ее ноги под простынями касались его ног.

— Ты считаешь, что должен выполнять сексуальную работу так же хорошо, как и все, что ты делаешь?

Он удивился:

— Это не работа. Я получаю удовольствие.

Он наклонился вперед и прижался губами к ее обнаженной груди.

— Харриет, дорогая, есть где-нибудь хоть немного виски?

Она налила, но прикрыла стакан рукой.

— Ты будешь еще пить?

Он откинулся назад, созерцая ее грудь так, как будто писал ее и накладывал последний мазок на холст.

— Да, конечно, — сказал Каспар, протягивая руку к стакану.

Однако, когда он сделал полный глоток виски, он указал на окно с таким выражением лица, как будто делал уступку.

— Посмотри на улицу. Давай погуляем по пляжу.

Харриет встала и без всякого смущения подошла к окну. Пляж выглядел как радужная лента с точками и пятнами людей и собак. Море казалось плоским, с равномерными складками мелких волн на высокой линии прилива.

— Хорошо. Давай погуляем, — рассеянно согласилась Харриет, осматривая панораму.

Однако бодрость Каспара удивляла ее. Он спрыгнул с кровати и в течение нескольких минут принял душ и оделся, ожидая, пока оденется она. Они быстро спустились вниз и через вращающиеся двери вышли в вечерние сумерки.

— Потише, — попросила Харриет.

— Лови момент, — ответил он, — всегда. Сама хватай его.

«Да, — подумала Харриет, — ты прав, делая так». Ей нравились его непосредственность и вкус к жизни, что особенно ощущалось по контрасту с ее собственной осмотрительностью.

Они преодолели загруженную машинами дорогу, идущую вдоль берега моря, пробежали между киосками и клумбами по направлению к перилам прогулочной дорожки. Каспар встал на нижний поручень, для сохранения равновесия раскинул руки вдоль верхнего, перегнулся через него и посмотрел на лежащую внизу гальку.

— Понюхай это, — ревел он, вдыхая столь неистово, что его ноздри сжались друг с другом, — уникальная смесь морских водорослей, мочи и жареных чипсов. Разве этот запах не напоминает тебе поездки к морю, когда ты была ребенком?

Побережье не играло существенной роли в воспоминаниях Харриет о жизни в южном Лондоне. Ей было интересно, насколько значительными они могли быть в предвоенном детстве Каспара в Тайнсайде и чем были его рассказы о собственной жизни — правдой или частью непрерывного спектакля.

— Нет, — ответила она.

— Стыдно, — пожурил он ее.

Две пожилые дамы остановились, внимательно посмотрели на него, а потом, узнав, начали восхищенно подталкивать друг друга локтями. Каспар отвесил им полупоклон, а затем взял Харриет за руку и повел ее вниз к замусоренной гальке.

— Пойдем дальше, — предложил он, — пока они не попросили у меня автограф, а затем не продемонстрировали своего разочарования, так как перепутали меня с Питером О'Тулом.

Близость моря вдруг стала ощутимей, галька зашуршала у них под ногами, когда они повернули на запад и начали прогулку рука об руку. Каспар мурлыкал свою любимую песню: «Певец не веселится, осужденный отсюда в вечность...» Харриет с удовольствием вздохнула, вдыхая соленый воздух, который не напоминал ей ничего особенного. Было хорошо бездельничать. А особенно было хорошо ощущать, что не нужно демонстрировать самообладание, «Пикокс» или что-нибудь еще. С Каспаром самообладание не было предметом обсуждения. Казалось, что он поступает всегда точно так, как чувствует, с эгоцентризмом звезды. Полная привязанности и расположения, Харриет во время прогулки подтянула его руку поближе и взяла его за руку. Его взгляды на жизнь раздвинули более узкие границы ее мира. Он был замечательным спутником.

— Ты знаешь, что это? — спросил он, указывая свободной рукой на ветхие и грандиозные фасады и причудливые балконы, расположенные вдоль линии моря. — Ты знаешь, я сожалею, что я не родился во времена короля Эдуарда VII. Актером-менеджером,

как Ирвинг. Даря своего короля Лира своей обожаемой публике. Пить и есть перед этим стало пороком. Заниматься любовью в большом, тщательно ухоженном деревенском имении. Король в моей собственной компании. Элегантный и распутный, как это место.

— Это эпоха Регентства, а не времени Эдуарда VII, — педантично заявила Харриет, и они оба рассмеялись.

— А как ты, моя Харриет? Когда бы ты хотела родиться?

Она так надолго задумалась, что почувствовала его нетерпение. Потом она призналась:

— Я счастлива сейчас. Я ведь женщина. Какое другое время дало бы мне такие возможности, которые у меня сейчас есть?

Каспар простонал:

— О, Боже. Женщина нашего времени.

— А почему бы и нет? — спросила Харриет. — Почему? Я горжусь тем, что я сделала.

«Большой частью этого», — добавила она про себя. Потом она подумала о тех временах, когда она незаметно заходила в магазины просто для того, чтобы посмотреть на выставленные «Мейзу», оценить их своими глазами и понаблюдать за тем, как люди выбирают ее игру. А потом была свидетелем момента принятия решения, когда они поворачивались по направлению к кассе, удовлетворенные тем, что увидели, и готовые заплатить. Этот момент всегда вызывал у нее возбуждение. Иногда на какой-нибудь вечеринке она видела группу сосредоточенно опущенных голов, а затем понимала, что это люди, играющие в «Мейзу». После этого кто-нибудь, вероятно хозяйка, говорила: «Это Харриет. Она — «Девушка Мейзу». Разве вы не знали?» Все изменилось, когда щит анонимности исчез, но она всегда испытывала удовольствие, наблюдая, как играют в ее игру, что и планировалось ею. Она знала из цифр продажи, что инстинкт ее не обманул, и все доходы не приносили ей такого огромного удовлетворения, как наблюдение за одной продажей или одним поглощенным игрой человеком.

«Да, — подумала Харриет, — я горжусь этим, — и снова, — а почему бы и нет?»

Каспар крутил головой сбоку от нее. Его внимание уже переключилось. Каспар оставался Каспаром, и он не был особенно заинтересован, за пределами требований хорошего тона, ни ее миром, ни ее деловой жизнью.

«Это было то, — думала она, — что делало общение с ним легким». Он не задавал вопросов и не заставлял ее чувствовать смутную вину за свой успех. Его собственный успех был куда больших масштабов.

— Мне нравится здесь, — сказала Харриет.

Каспар услышал счастье в ее голосе.

— Я же говорил тебе, что Брайтон — наилучшее место для любовных дел, не так ли?

— Брайтон — это исключительно. Мне нравится быть с тобой, — сказала ему Харриет.

Он остановился и повернулся к ней лицом. Затем он очень медленно наклонился вперед и поцеловал в губы.

— Спасибо, — сказал Каспар.

Они далеко ушли за эту прогулку. Солнце село, и пляж опустел еще до того, как они повернули назад. У Харриет заболели икры ног от хождения по гальке. В отелях и жилых домах вдоль моря начали зажигаться огни, а небо над морем стало зеленого цвета и слилось с ним.

— Ты устала? — спросил Каспар, и Харриет кивнула. — Тогда давай поскорее вернемся и выпьем бутылочку шампанского перед обедом.

Он шел так упруго, как будто они только что вышли на прогулку, таща Харриет к более низкому уровню пляжа, открытому отступившим приливом.

— Раз, два. Раз, два, — терпеливо командовал он.

Харриет подумала, что она могла бы представить, как он вел себя с детьми, когда они были маленькими в счастливые времена.

Более пологий уклон пляжа приблизил их к кромке воды. Они шли сейчас в том месте, где пена проходит через гальку, когда седьмая волна стремительно пробегает в сумерках и разбивается, а Харриет и Каспар карабкались и спотыкались, убегая от нее значительно медленнее. Пока они, пошатываясь, шли, море кружило веселые водовороты вокруг ее икр. Они цеплялись друг за друга, когда отлив засасывал их ноги, а затем оставляли стекающую с них воду на простых отполированных камнях.

Каспар изобретательно ругался. Он промок до коленей, а туфли Харриет были полны воды.

— Проклятье, дьявольщина! Боже мой! — ревел Каспар, пока Харриет не напоминала ему:

— Брайтон — это наилучшее место.

Волна смеха, такая же неотвратимая, как и морская волна, накрыла их. Они вместе ввалились в отель, прошли через элегантное фойе, оставляя за собой мокрые полосы, все еще улыбаясь и не замечая сопровождавших их внимательных взглядов.

В лифте, когда они поднимались вверх, Каспар взял Харриет на руки. Она удовлетворенно прижалась к нему, думая о шампанском, обеде, постели и забыв обо всем остальном.

Во вторник утром Харриет встала рано. Она вернулась в Лондон вместе с Каспаром вчера во второй половине дня и провела нервный, беспокойный вечер дома в одиночестве со своими бумагами. Она включила автоответчик и не услышала ни одного звонка. Она хотела работать, но было слишком много дел, требующих ее внимания, а она не была способна сосредоточиться ни на одном из них.

Каспар улетел в Лос-Анджелес. Он звонил ей из аэропорта перед отлетом. Он называл ее деткой, и Харриет было интересно, было ли это ее впечатление или он действительно изменился, принадлежа уже неизвестному ей Голливуду, но уж, в любом случае, не ей. Он сказал ей, что должен скоро вернуться и попросил ее поддерживать Линду до его возвращения.

— Ты же знаешь, что я буду это делать, — пообещала Харриет.

Сейчас, когда он улетел, она решила, что Вновь соберет в свои руки все нити и натянет их. Она рано окажется за своим рабочим столом, раньше, чем приедет какой-либо из ее служащих, и она реконструирует свою империю. Это намерение принесло ей удовлетворение.

Ранним утром она натянула защиту из тонких, темных чулок на свои бледные ноги и застегнула свою одежду так, как будто это была броня. Она выглянула в окно и увидела пустынную улицу, а потом ее глаза уловили медленное движение тележки для развозки молока, катящейся под липами.

Когда она посмотрела в окно еще раз, рядом с домом стояла машина Робина. Она сделала быстрый шаг в сторону, чтобы укрыться за шторами. «Не прячься», — подумала она. Но ее сердце билось с неприятной настойчивостью. Она сделала два-три глубоких вдоха, пытаясь успокоить себя, а затем покинула свое убежище, чтобы ответить на стук Робина в парадную дверь.

Как только Харриет увидела его, она поняла, что, несмотря на всю кажущуюся нелепость этого, была права, когда боялась сегодня Робина. Черты его лица казались более твердыми и заостренными, все углы его лица были направлены на нее. Она знала его рост и темную, чопорную благопристойность его одежды, отличающуюся от мятых курток Каспара. Ее пальцы крутились вокруг дверной ручки, как будто она еще могла с силой закрыть дверь.

Но она только сказала:

— Робин? Ты очень рано.

Он вошел за ней в дом. Харриет бросила короткий взгляд на свой портфель, уже упакованный и ожидающий, когда его возьмут в машину. Подушки на ее диванах были пухлыми, в вазе на низком столике стояли цветы, рядом лежали деловые страницы из вечерних газет, ее жизнь была тщательно организована. Не было ничего, что могло бы ее выдать, и как только к ней пришла такая мысль, появилось и следствие: «Я не должна беспокоиться о том, что меня может что-то выдать. Я не принадлежу ни Робину, ни кому бы то ни было другому».

Она повернулась к нему лицом.

— Ты пришел позавтракать? Кофе? — Она посмотрела на часы. — Я должна быть на работе довольно рано...

Очень мягко Робин спросил ее:

— Где ты была, Харриет?

Холодный палец прикоснулся к ее позвоночнику. Он стоял слишком близко к ней.

— Работала. Почему? Вчера я посмотрела прототип «Тревоги». Ты знаешь, я думаю, что цена одного комплекта на двенадцать или пятнадцать процентов завышена...

Она злилась на себя за малодушие, и гнев боролся с ее физическим страхом перед ним.

— Не вчера. Я знаю, где ты была вчера. На уик-энде, на прошлой неделе.

— Я ездила в Брайтон, — Харриет повернулась к нему лицом.

Неприязнь, которую она начала испытывать перед последней неделей, гнев и страх соединились внутри нее.

Робин опустил руку в свой внутренний карман. Ее глаза следили за этим движением. Он достал листок бумаги, развернул его, и Харриет увидела фотографию из вечерней газеты. Конечно, она была потрясена своей собственной глупостью, полагая, что каким-то образом это не привлечет внимания Робина. Возможно, Робин все видел и все знает. Это была неприятная мысль.

— С Каспаром Дженсенем?

— Да.

— Я звонил тебе, ты знаешь. Я оставил сообщение. Только ты была в Брайтоне, — он слегка встряхнул вырезку, как кошка птичку.

— Я должна рассказать тебе, — начала Харриет. Она проглотила тяжелый комок в горле. — Я не знаю, почему я этого не сделала. Мы, казалось, жили вместе только в одном измерении, и сказать: «Робин, я влюбилась в другого», — было слишком трудно. Я полагаю, я думала, что мы сможем продолжать наше единственное направление. Ходить в оперу, обедать вместе два раза в неделю. Я знаю, что это не очень умно, но я даже не подумала об этом. Но это правда.

Она подняла голову, почувствовав облегчение от высказанного в той же мере и для себя.

Робин схватил ее за запястья. Она могла бы закричать, но не сделала этого. Он был большим и холодным. Мысли о нападении или насилии пронеслись последовательно в ее голове. Она с тоской посмотрела на телефон, стоящий на низком столике в другом конце комнаты.

Красная цифра горела на передней панели автоответчика рядом с ним, несколько записанных сообщений ждали ее. Она не видела на таком расстоянии, какое это было число — шесть или девять? Она понимала, что дает звонкам накапливаться, даже не перематывая пленки назад, потому что она избегала даже звука голоса Робина. «Господи, — подумала Харриет, — я похожа на глупую девчонку». Она обязана быть честной перед Робиним.

— Пожалуйста, отпусти, — спокойно попросила она, — ты делаешь мне больно. Отпусти. Потом мы сможем поговорить.

Вместо этого он еще ближе подтянул ее к себе. Они стояли, касаясь друг друга и пародируя объятия.

— Ты действительно? — спросил Робин.

Так или иначе, но она понимала, что он имел в виду: «Ты действительно влюбилась в другого?»

Она ответила ему:

— Да. Я действительно. Я не собиралась.

— Но я люблю тебя, — сказал Робин.

Потом она увидела, что он обижен. Холодность и ярость в нем были вызваны обидой.

Харриет, не привыкшая к зрелищу его слабости, покачала головой.

— Я очень сожалею. Я не могу сделать с этим ничего разумного. Я встретила Каспара, и это все, так или иначе.

Она старалась вывернуть свои запястья из хватки Робина, но он не отпускал ее.

— Ты стала видаться с ним из-за ребенка?

— Линда.

Она помнила безразличие Робина, его отношение к ней, просто как к неприятности. «Мы оба выглядим не очень красиво», — подумала она.

— Да. Он пришел поблагодарить меня. Он повез меня на ланч в тот день, когда была сделана эта фотография.

Мы, возможно, не заслуживаем друг друга, а заслуживаем кого-то лучше. Потом мы, возможно, улучшимся.

— А потом?

— Это не имеет значения, за исключением того, что случилось.

— Я хочу жениться на тебе.

— Я не могу выйти за тебя замуж, Робин. Я старалась быть честной в этом вопросе. Я не могла выйти за тебя замуж даже до этого.

Она посмотрела ему в лицо. В наступившей после этого тишине Харриет представила себе игрушки, любимых домашних животных и другие удовольствия, которые щедро высыпались на маленького Робина, и данные ему обещания, которые всегда выполнялись, и автомобили, и деловые сделки, и доходы, которые выросший мальчик хотел и получал.

В результате причудливого стечения обстоятельств она стала одной из целей Робина Лендуита, и, к сожалению, это было очевидно, первым отказом, который он когда-либо получал. Она не могла определить по его лицу, то ли он близок к тому, чтобы разрыдаться, то ли к тому, чтобы сломать ее пополам.

В Харриет начала брать верх злость. Она знала это тело, его форму и вес, как свое собственное. В нем было достаточно силы, чтобы она почувствовала угрозу. Ее покорность закончилась.

— Отпусти меня, Робин.

В ответ он рывком откинул ее голову назад и начал целовать. Его поцелуи были больше похожи на укусы зубами, царапающими ее кожу. Харриет часто задышала, отвернув голову, и боролась так, как будто она тонула. Бессвязные образы нападения вернулись к ней, но она больше не боялась. Она подняла ногу в замшевой туфле, с краями, оформленными как маленькие крылышки, что наводило ее на мысль о сандалиях Меркурия. У туфли была высокая, тонкая пятка. Она бросила эту пятку со всей своей силой вниз, на черный ботинок Робина. Линда, как ей вспомнилось, стукнула Робина своей прочной школьной туфлей.

Он задохнулся и отклонился назад, но Харриет не оказалась достаточно проворной. Робин вновь подошел с ней с широко откинутой открытой ладонью, которой ударил ее по подбородку. Ее голова откинулась назад, а зубы клацнули. Она чуть не упала возле открытых дверей, более ошеломленная звонким звуком удара, чем самой пощечиной. Дверь поддержала ее, и она вновь наполнилась яростью. Она больше не отступит. Харриет решительно выпрямилась перед ним.

— Что это? Это что — один из семейных секретов? Мартин избивает Аннунзиату среди подушек в Литтл-Шелли? — Она задохнулась, вытерла рот тыльной стороной руки. — Каков отец, таков и сын, не так ли? Ты хочешь быть похожим на него, да? Ты боишься, что не

сможешь достигнуть его уровня?

— Харриет. — Выражение его лица изменилось. Лицо выглядело опухшим, глаза сосредоточенно смотрели на нее. — Харриет...

— Не надо снова меня бить. Не прикасайся ко мне. Ты... — Она искала слово, но ей в голову приходило только, как и для однокашников Линды, слово «жалкий», да он и был жалким, наблюдая за ней, — ... как маленький мальчик. Избалованный маленький мальчик, превратившийся в классного хулигана.

Только теперь она заметила что-то новое. Робин снова подходил к ней, только теперь он был возбужден, сила возбудила его. Его рот был приоткрыт, и она услышала его дыхание.

— Я не хотел причинить тебе боль.

Его руки ощупывали ее. Она была зажата возле двери, бежать было некуда. Он удерживал ее одной рукой, а другой потянул за блузку, разрывая петли. Он резко рванул, и обнажилась ее грудь. Он прижался к ней лицом, кусая и целуя.

Харриет видела сверху его макушку. Ей были очень знакомы волосы, переходящие в темные завитки. Она охотно смотрела так в иные времена, когда он доставлял ей удовольствие. Гнев уступил место глубокой, удушающей усталости.

Очень спокойно она сказала:

— Я не хочу, чтобы ты делал это. Ты выглядишь отвратительным. Пожалуйста, Робин.

Он прекратил и, казалось, застыл. Наконец он очень медленно поднял свою голову, однако его глаза не встретились с ее глазами. Его пальцы ощупывали, грубо стягивали одежду с ее покрасневшей кожи.

— Я хочу тебя, — потребовал он.

— Я не порш, не какое-то другое имущество и не «горячая» акция, Робин.

Она подумала, что он может ударить ее еще раз и ожидала этого, но удара не последовало. Харриет опустила руку, которую она непроизвольно подняла для защиты.

— Да, это так, — согласился он, и мягкость его тона удивила ее.

Она уловила проблеск старого, уверенного в себе Робина. Упоминание хорошо знакомых святынь, должно быть, привело его в сознание.

— Мой отец никогда не тронул моей матери. Или меня.

— Интересно, где ты приобрел вкус к этому?

Повторное появление другого Робина не дало ничего для уменьшения ее неприязни к хмурому мужчине.

Теперь он смотрел на нее спокойнее, казалось, оценивая ее, как это сделал его отец в самом начале, взвешивая каждое из ее качеств на точных весах.

— Не делай из меня врага, Харриет.

Его голос был ровным. Трудно было понять, то ли он пугает, то ли дает совет.

Харриет улыбнулась:

— Я не могу сделать из тебя врага. Только ты и твое поведение могут сделать это. Мне бы хотелось, чтобы мы остались друзьями.

— Мы могли быть любовниками, но я не думаю, что мы можем быть друзьями.

— В таком случае, я очень сожалею, — холодно ответила Харриет.

Робин вновь управлял собой. Он отошел от нее и так, как будто находился дома, в своей спальне, проверил галстук и поправил манжеты своей рубашки. Харриет вспомнила все, что она знала о нем. Рубашка от «Тернбулла и Ассера» сшита по заказу, а под темным костюмом он носит боксерские трусы из другого магазина на Джермин-стрит.

Он любит Верди, шоколад и беседы в ванной. Он может усвоить таблицу цифр быстрее, чем кто-либо другой, кого она встречала в своей жизни, и последний маленький кусочек в эту мозаику — он сексуально возбуждается при соприкосновении с силой. Такой короткий и, казалось, незначительный перечень данных накопился за все время их знакомства. Харриет почувствовала себя глубоко подавленной, когда подумала об этом. А Каспар, напротив, казался бесконечно загадочным и открытым.

Ей захотелось узнать, что он делает сейчас, в этот момент, пока Робин Лендуит причесывает свои волосы перед позолоченным зеркалом, висящим над мраморным камином.

Было очевидно, что говорить больше не о чем. Робин выглянул в окно, проверяя наличие своей машины. Харриет резко отвернулась от него и вышла в кухню. Она слышала, как он вышел, закрыла за ним дверь, а через несколько минут до нее донеслось гудение отъезжающего автомобиля.

Она почувствовала, что ее трясет. Руки неуправляемо дрожали. Сделав над собой усилие, она поставила кофейную чашку на разделочный стол и налила в нее кофе из кофейника.

Она выпила его, стоя у окна, смотря в сад и стараясь ни о чем не думать. Через несколько секунд ее перестало трясти. Она поставила пустую чашку в раковину, сменила блузку, взяла портфель и вышла к машине. Она даже не взглянула на пространство перед ней, которое занимала машина Робина. Она направилась в сторону офиса «Пикокс», используя невыразительный шум утреннего радио для подавления гнетущей тишины.

Тем же утром во вторник, пока улицы были еще пусты от машин и до наступления часа пик на станции, Саймон выскользнул из дома на Сандерленд-авеню. Он спустился по дороге к голубым воротам Кена Тротта, вышел через них и аккуратно закрыл их за собой. Затем он спустился с холма мимо каменных или деревянных табличек, сообщающих названия отдельных домов за цветущими живыми изгородями. Он не только не бросил прощального взгляда на дом Троттов, но, казалось, не смотрел и вперед, туда, куда он шел. Он шел медленно, но упорно, смотря в землю.

Саймон прошел большое расстояние, не сбивая шага и не оглядываясь по сторонам, чтобы определить направление своего движения. Он шел целеустремленно, но наобум. Один раз, сделав несколько поворотов направо, он прошел приблизительно по квадрату и возвратился в то место, которое он уже проходил двенадцатью минутами раньше. Он не подавал никакого признака того, что узнал перекресток улиц, а просто продолжал идти, смотря в землю прямо перед собой.

Улицы стали многолюдными, появились автомобили, тротуары заполнились спешащими людьми. Саймон, казалось, не замечал потоков машин и автобусов, проходящих в нескольких сантиметрах от него, но когда большой спешащий мужчина в одежде строителя, проходя, толкнул его и весело сказал: «Извини, приятель», — Саймон в замешательстве огляделся, а потом съезжился возле расположенной справа от него стены, в которой не было ниши, чтобы спрятаться.

Он спокойно постоял несколько секунд, а потом вновь начал двигаться, но значительно медленнее. Видно было, что он сильно устал от длинного пути. Несколько раз он прикладывал свою руку к стене, поддерживая и успокаивая себя перед тем, как снова устало двинуться вперед. Какая-то девушка прошла мимо него, а затем повернулась и внимательно посмотрела на него, как бы решая про себя, нуждается он в ее помощи или нет.

Саймон почувствовал на себе ее взгляд. Его рука, тянувшаяся вдоль стены, вдруг попала в пустоту. Он дошел до угла переулка, ведущего вниз. Он завернул за угол и пошел, спотыкаясь, вниз между высокими кирпичными стенами. Девушка посмотрела в начало переулка, ожидая, не появится ли он вновь. Когда же он не появился, она немного поколебалась, а потом пожала плечами и продолжила свой путь.

Переулок проходил между двумя высокими стенами закопченных фабрик. Он был завален мусором, ободранными картонными коробками и блоками из полистирола, из которых высыпались белые шарики, похожие на градины.

Саймон продолжал свое неуверенное движение между горами мусора. Он всего один раз поднял голову, чтобы посмотреть, что находится в конце переулка. За стенами фабрик был небольшой кусочек неиспользованной земли, на которой среди роскошных зеленых сорняков торчали ржавые, бесформенные панели. Дальний край этого кусочка, казалось, резко уходил вниз, а потом снова поднимался вверх к стенам других фабрик на другой стороне глубокого оврага.

Этот клочок земли был отгорожен провисающими петлями колючей проволоки. Саймон, казалось, нашел резерв прочности, когда прикоснулся к проволоке. Один из ее кусков захватил рукав куртки Кена, которую Кэт дала ему вчера и которая была слишком велика. Рукав оторвался почти полностью, как бы освобождая себя. Он пробирался вперед через сорняки, аккуратно придерживая оторванный материал на своем месте другой рукой.

Прямо перед ним был металлический пешеходный мостик. Он также был огорожен мотками проволоки. Это был старый прямой путь из переулка через мостик на другую сторону, очевидно, в настоящее время не используемый. Саймон оттащил проволоку в сторону, царапая руки, но не замечая крови, брызжущей из проколотой кожи. Рукав куртки вновь упал, и он приладил его на место, бросив быстрый взгляд и нахмутив брови от вида незнакомой одежды.

Он шел по мосту. С обеих сторон от него тянулись сине-серые парапеты, их широкие, плоские поверхности на высоте груди были усыпаны большими круглыми болтами. Саймон пробежал рукой по головкам болтов, как бы восхищаясь прочностью викторианских сооружений.

Потом он услышал какой-то звук позади себя. Он на секунду прислушался, а затем наклонился вперед, уцепившись руками за парапет. Его ноги скребли по металлу, когда он карабкался вверх, а окончательное усилие позволило ему перенести ноги вслед за туловищем на плоскую поверхность рейки парапета. Он лежал спокойно, с трудом хватая воздух, а потом встал на ноги, сохраняя ненадежное равновесие.

Наконец он встал прямо, его рука ощупала оторванный рукав и приладила его на место. Потом он посмотрел вниз на бегущие рельсы.

Он подождал, пока звук за его спиной не перешел в грохот, и тогда прыгнул.

Машинист поезда, шедшего к вокзалу Лондон-бридж, не успел даже прикоснуться к тормозам.

Грэм Чандлер вошел в кабинет Харриет. Она говорила по телефону, но подняла глаза, улыбнулась ему и показала на стул, стоящий перед столом.

— Очень хорошо, мистер Филд, я могу сделать это для вас. Но нам нужна некоторая особая поддержка, когда осенью мы будем запускать нашу новую игру «Тревогу». Да. Да, я знаю. Вы говорили мне, — Харриет смеялась, но тотчас же прекратила смеяться, как только положила трубку и подняла брови на Грэма. — Обещания, обещания.

— Харриет, нам необходимо принять решение относительно недвижимости. У нас есть достаточно мощностей для «Мейзу» и около пятидесяти процентов по прогнозу для «Тревоги». Если это начнется, то нам придется обращаться за границу, а если мы будем производить здесь...

Харриет протянула руку, предупреждая его.

— Я знаю. Я знаю, что нам требуется. — Она наклонилась над компьютером, нажала на несколько клавиш и сказала, глядя на экран. — Давайте примем решение. Я думаю, что нам следует взять Уинвудские помещения. Это недалеко, обеспечивает более удобный доступ и значительно лучшие условия.

Уинвуд представлял собой небольшое промышленное здание на автомагистрали к западу от Лондона. Это было одно из трех предприятий, возможность приобретения которых рассматривалась компанией.

— Но и наиболее дорогое.

— Не без оснований. Один только выигрыш в транспортных расходах перевесит при достаточно продолжительной эксплуатации. Уинвуд — мой выбор. Вы будете его поддерживать?

Харриет нравилось принимать решения по главным обсуждаемым вопросам. Это позволяло ей чувствовать себя снова сосредоточенной.

Грэм изучал ее. Он был менее убежден, чем хотелось бы Харриет, однако из своего опыта он знал, что ее решения были надежными и, кроме того, она добьется того, чего хочет, благодаря решительности. Он кивнул.

— Я думаю, Джереми тоже должен согласиться с этим. Вы сможете получить поддержку Робина?

— Да, конечно, — ответила Харриет. Значит, Уинвуд. Наша собственная производственная организация.

Грэм ушел успокоенный. Харриет подумала и решила, что она переждет день-другой до обсуждения с Робинем вопроса о приобретении Уинвуда. Должен пройти период времени, который позволит им обоим отступить и надеть доспехи беспристрастности для продолжения деловых взаимоотношений. Она не сомневалась, что после этого они будут работать вместе вполне гладко. Это будет одним из соглашений между ними, которое они внесут в деловые отношения.

После принятия главного производственного решения другие проблемы, беспокоящие Харриет, казалось, встали на свои места. «Тревога» должна быть дешевле за счет исключения накидки фирмы-исполнителя, а противодействие розничным ценам, которое раньше волновало ее, перестанет быть проблемой, потому что она сможет установить более низкую цену и все же поддерживать свой уровень дохода.

Прибыли должны будут покрываться большим займом на развитие, который необходимо будет обслуживать, однако Харриет знала, что заем будет охотно предоставлен банком компании, а послеобеденная работа над цифрами убедила ее в том, что доходы легко перевесят возросший уровень займа.

Этим днем она была удовлетворена.

В конце дня Карен сказала ей по внутренней связи:

— Харриет, с вами хочет поговорить ваша мать.

Харриет посмотрела на часы.

— Гм. Вы не можете сказать ей, что в эту минуту я очень занята и перезвоню ей в семь?

Она была погружена в свою работу и не любила прерывать ход своих мыслей. Болтовня с Кэт подождет до конца дня.

— Похоже, что она очень расстроена.

— Мама, у тебя все в порядке?

Как только Кэт заговорила, Харриет поняла, что все плохо.

— Харриет, слава Богу, что ты на месте.

— Я здесь. У меня все в порядке. Скажи, что случилось?

— Саймон. Саймон умер.

«Мейзу». Старая «Мейзу» из Шамшуйпо. «Мейзу», которая была основой всего здания «Пикокс», лежала на столе в кабинете Харриет. Ее глаза остановились на серебрястом, растрескавшемся дереве.

— Я сожалею. Я так сожалею. Мама, ты знаешь, он... — Она хотела сказать, что он был болен и одинок, но Кэт оборвала ее.

Кэт плакала, задыхаясь между словами:

— Еще хуже. Его раздавил поезд.

— Где? Как?

— Я должна была остановить его, — рыдала Кэт. — Он был здесь, в Лондоне. В моем доме в воскресенье вечером, как старый бродяга, он был грязный и вся его одежда... Я дала ему одежду Кена. Он сказал, что люди снова наблюдают за ним, следят за ним, и он сбежал от них и приехал к нам. Он заставил нас опустить шторы и запереть двери в восемь часов вечера в воскресенье.

— Почему ты не сообщила мне, что он здесь? Я бы сразу приехала.

— Я пыталась. Я оставила сообщение. Вчера вечером твой секретарь сказал, что ты уехала.

Харриет подумала о красной цифре на ее автоответчике, мигающей ей. Телефонная трубка выскальзывала из ее руки. Ладонь была холодной и влажной.

— Вчера он казался лучше. Мы вызвали врача, и он дал ему пилюли. Он сказал, что найдет ему место в психиатрической клинике, а я сказала, что смогу ухаживать за ним дома, пока он позволяет. Только я не смогла. Сегодня утром он встал и ушел. Я ждала весь день, а потом позвонила в полицию. Они спросили у меня, во что он был одет, когда ушел. Я сразу ответила. Они сказали мне, что неопознанный мужчина попал под поезд, он был одет в старую куртку Кена. Он спрыгнул с моста, Харриет. В нескольких милях отсюда. У него не было с собой ни фартинга, он должен был идти пешком.

Харриет слушала плач своей матери. Она представила себе хождение Саймона по улицам южного Лондона по направлению к железнодорожной линии.

— Полиция попросила Кена опознать тело. Сейчас он там. Но это Саймон, мы знаем это.

— Я еду домой, мама. Оставайся там, я скоро буду.

— Куда я могу уйти? Я чувствую, что это моя вина, Харриет. Я дала ему уйти. Я не представляла, как он плох...

— Ничья это не вина. Ты не могла знать.

Харриет направилась на Сандерленд-авеню. Когда она ехала, она думала о том, как Саймон ответил на ее вопрос о том, не может ли он быть ее отцом, когда они встретились в первый раз. Он тогда сказал: «Я не ваш отец, но я сожалею, что это так». Она хотела услышать эти слова, Саймон хотел бы быть ее отцом, но он никогда не говорил этого.

Возможно, часть ее честолюбивых стремлений, связанных с «Пикокс» и ее успехом, были обязаны ее желанию, чтобы Саймон гордился ею. Однако он даже не захотел получить денег, которые она накапливала для него, греховных денег, как она поняла сейчас. Насколько она знала, он не прикоснулся ни к одному пенни из них. Все, чего хотел Саймон, — это чтобы его оставили одного в покое.

Она никогда не услышит его слов: «Я хотел бы, чтобы вы были моей дочерью».

Подъехав на Сандерленд-авеню, Харриет увидела на дороге машину Кена. Он вышел встретить ее, и без всякой надежды Харриет спросила:

— Ну что?

Кен покачал головой. Его широкое лицо выглядело серым и вялым от шока после того, что он увидел.

— Это был он. Я понял это больше по моей куртке, чем по тому, что от него осталось.

Харриет быстро закрыла глаза, а потом снова их открыла. Перед нею были бегонии Кэт и гибридные камелии, но видела она только Саймона, мост и поезд.

— Мама в доме.

Кэт и Лиза сидели рядом на диване. Кэт все еще тихо плакала, а Лиза обнимала ее рукой за плечи.

— Лиза? — глупо спросила Харриет. — Что ты здесь делаешь?

Сестра ответила:

— Естественно, забочусь о маме.

В этих язвительных словах была смесь осуждения, лицемерия и почтительности к родителям на словах, а ее лицо напомнило Харриет разногласия их детства. Она хотела огрызнуться: «Я тоже делаю это», — однако Лиза сжала руку матери и пробормотала:

— Сиди здесь, дорогая. Я приготовлю чашку чая.

Кэт подняла опухшее лицо.

— Мы виноваты, Харриет. Мы виноваты.

— Не плачь так много, — ответила Харриет, — это ничему не поможет, если ты доведешь себя до болезни.

Эти слова прозвучали резче, чем ей хотелось бы, и Кен нахмурил брови, стоя за спиной Кэт.

— Я посмотрю за чаем, — сказала она и пошла за Лизой в кухню.

Лиза открывала шкафы и передвигала кружки с цветами.

— Где заварка? Она все переставила.

Харриет стояла, глядя в сад, и не делала никаких усилий, чтобы найти поднос или чайные чашки. Заварка была обнаружена, и Лиза гремела чайником.

— Лео сказал, что он умер мгновенно. Он ничего не почувствовал после того, как прыгнул.

Харриет перевела глаза:

— Лео сказал?

Лиза споткнулась с молочным кувшином в руке. Ее щеки покраснели, но она четко произнесла:

— Да. Как ты думаешь, он прав?

— Мы должны надеяться.

Потрясший день, казалось, демонстрировал мельчайшие детали, как при замедленных кинокадрах. Харриет ясно поняла то, что она не проверила раньше, не найдя для этого

времени. Ее сестра и бывший муж связаны.

Единица информации, как сказала бы Лиза, считая, что это отлично звучит.

— Как удобно, — произнесла Харриет.

Она вспомнила о том, что было до Рождества. Лиза и Лео были вместе в винном баре. Когда же это было?

В тот вечер, когда она поехала с Робинот в «Хилтон». Тогда она подумала, что это не имеет значения. Саймон имеет значение, она знала это, однако это было затруднительно, а сейчас он ушел.

— Более того, — запротестовала Лиза, но Харриет отвернулась.

— Я возьму чай.

Они сели в гостиной. Четверо пили чай. Они почти не разговаривали. Харриет чувствовала бессмысленность этой семейной встречи. «Все они нуждаются в завершении картины, — размышляла она, — был ли Лео послушным двойным зятем?» Искренние и обильные слезы Кэт начали раздражать ее. Лиза сидела печальная, похлопывая мать по руке.

Кен встал. Он сделал приглашающий жест Харриет, чтобы она последовала за ним, и она с благодарностью вышла, предоставив Кэт заботам Лизы. Кен и Харриет вместе медленно прогуливались по саду в тени айланта. Кен положил руку на плечо Харриет.

— Я думаю, он обязательно сделал бы это, рано или поздно. Без сомнения, он был очень взволнован. Его прямые, доброжелательные слова пробили оборону Харриет. Она сжала губы, однако слезы уже показались, и через секунду она перестала сдерживаться. Ее плечи задрожали.

— Моя дорогая, ты не такая уж сильная, какой хотела бы казаться всему миру, не так ли?

— Конечно. О, Кен, бедный Саймон. Какую ужасную смерть он выбрал.

После минутного молчания Кен сказал:

— Я не хотел бы, чтобы твоя мама видела это. В полиции мне отдали содержимое его карманов, запечатанное в полиэтиленовый мешок, как вещественное доказательство. Там было немного. Пара моих вещей, которые я забыл в куртке. Однако там было и это.

Он передал ей.

Это была та же вырезка, что и у Робина, из колонки светских новостей вечерней газеты. Она как бы продолжала представлять собой свидетельство преступления, которое она пыталась скрыть. Харриет посмотрела на ослепленное, испуганное и нетрезвое выражение своего собственного лица, прижавшегося к плечу Каспара.

В рту появился неприятный привкус, настолько усилившийся, что ей пришлось сглотнуть, как при тошноте. Теперь она точно знала, что произошло, что, в конечном счете, привело Саймона к железнодорожному мостику и приближающему поезду.

Какой-то энергичный журналист тоже увидел это, и очарованный светом, излучаемым Каспаром Дженсенот, побежал к «трагическому военнопленному» спросить, что он сейчас думает о «Девушке Мейзу». Он, должно быть, приехал к запечатанному дому Саймона и очень сильно стучался в запертую дверь. Потом он раздраженно всматривался в окна, пытаясь увидеть что-нибудь в щелях между наклеенными газетами.

Он, вероятно, посчитал себя счастливым, когда Саймон, наконец, подполз к дверям. Он просунул ему фотографию Харриет. Она была уверена, что это произошло именно так, а Саймон моргал в уединении, улыбаясь ужасной фотографии.

«Я хотел бы, чтобы вы были моей дочерью». Тогда он уже не хотел.

После этого, прочитал он вырезку или нет, Саймон почувствовал присутствие незваных гостей, приближающихся к его дому, прижавшихся к кирпичам и хрупкому стеклу. В конце концов, они выжили его, похожего на старого бродягу, как сказала Кэт, из дома и направили на Сандерленд-авеню. И потом от Сандерленд-авеню — к железнодорожному мосту.

Харриет складывала кусочек газеты, делая его все меньше и меньше, а потом сжала его в своем кулаке.

— Спасибо, что ты не показал это маме.

«Если бы это можно было скрыть от Саймона, — подумала она, — то, возможно, он был бы еще жив. Она была так убеждена в своей вине, как будто сама толкнула его. Она стояла с газетным шариком в кулаке, чувствуя, как вся ее гордость и удовлетворение блекнут перед лицом случившегося.

Кен прикоснулся к ее руке.

— Мама и я не видели этой газеты.

Он, казалось, объяснял их упущение, как будто они могли нарушить нормальное развитие жизни Харриет.

— Он, должно быть, гордился тобой, если хранил это в кармане.

— Нет. Я не думаю, что он гордился мною, — ответила Харриет.

У нее было гнетущее чувство окончательного конца, того, что была совершена огромная ошибка, которая никогда не сможет быть исправлена.

— Ты знакома с ним? — спросил Кен с некоторой заинтересованностью?

— С Каспаром Дженсенем? Да. Я встретила с ним благодаря его дочери, с которой я знакома. Он пригласил меня на ланч. А тут этот фотограф.

Кен покачал головой:

— Должно быть, трудно таким людям, как он. Ты можешь понять, почему они такие сложные? Некоторые из них? Люди всегда рассматривают и фотографируют их.

Конечно, уступка была сделана только для Каспара.

Саймон страдал от вторжения и не получил ничего, за исключением неуместных денег, которые она старалась всучить ему.

Харриет молчала.

— С тобой все в порядке? — спросил Кен. — Это был удар для тебя.

Ее слезы высохли. А глаза, напротив, горели, но Кен не видел этого.

Стоял серый день, пахнувший травой и прогорклой городской землей. Воздух был влажным. Харриет подняла глаза на заднюю часть дома, самодовольно возвышающегося над лужайкой. Ей хотелось уйти и побыть одной.

— Со мной все в порядке. Не вернуться ли нам в дом?

К раннему вечеру Кэт, наконец, успокоилась. Она была рада видеть дочерей рядом с собой. Харриет осталась, потому что она знала, что этого хочет Кэт, хотя сам дом, чрезмерная доброта Кена и Лизино хождение на цыпочках угнетали и раздражали ее в равной степени.

Кэт достаточно пришла в себя, чтобы пойти на кухню и приготовить салат с ветчиной, крутыми яйцами, нарезанными длинными ломтиками, и майонезом.

— Давай, я сделаю это, — одновременно сказали Кен и Лиза.

— Мы с Кэт это сделаем, — твердо возразила Харриет. — Я хочу поговорить с ней.

На кухне она сняла скорлупу с яиц, вымыла и высушила салат, а в это время Кэт раскладывала холодное мясо по тарелкам.

— Ты не должна говорить о своей вине или упущении, — сказала ей Харриет. — Ты была ему хорошим другом. Ты сделала все, что могла.

Кэт подняла свои заметно опухшие глаза. Харриет чувствовала, что сейчас они производят обмен, который всегда происходит между матерью и дочерью. Она стала защитником, тем, кто говорит неправду, которая, как она надеется, безопасна и отгораживает от чувства вины и страха того, кого она защищает. Кэт стала ребенком, нуждающимся в утешении, хотя и была матерью. Харриет было интересно, почему ей никогда не приходило в голову, что такой обмен неизбежен, действительно, почему она никогда даже не размышляла об этом. «Если ребенком Джейн будет девочка, — подумала она, — то перестановка произойдет и у них тоже.

— Ты так думаешь? Я присоединилась к «Пикокс» вполне удачно. Я была рада заработать деньги для себя и Кена на игре Саймона. На его мучениях в этом проклятом лагере. Ведь я видела, на что он стал похож после этих репортеров тогда, когда ты вызвала меня. Я должна была лучше подумать, Харриет, до того, как я согласилась войти во все это дело.

Ребенок в таком состоянии нуждался в уговорах или утешении.

— Ты поступила правильно. Если бы была какая-нибудь вина, а я верю, что ее нет, то я обязана была бы признать ее. Я увидела возможности «Мейзу» и реализовала их. Никто из нас не мог предположить, поступая так, что это может так повлиять на Саймона. Если это делать открыто.

Это была защита, и неправда никому не могла причинить вреда, потому что Саймон был мертв. Кэт выглядела утешенной. Она начала резать батон хлеба.

— Доктор сказал, что он был серьезно болен.

— Мы обе знали это.

— Если бы ты видела его, Харриет. Когда он пришел сюда. Такой грязный и испуганный, как... беглец.

Она произнесла это непривычное для нее слово с печальным жестом. Харриет поставила тарелку, которую держала в руках, и подошла к ней. Руками она ощутила, что мать маленькая и легкая, как ребенок.

— Мне очень жалко, что я не увидела его, — сказала она больше для себя, чем для Кэт, — в последний раз.

Сейчас осталось только то, что видел Кен.

Кэт выпрямилась, погладила руку Харриет, как будто это она принесла утешение, и теперь, видимо, решила, что настало время переключить внимание на потребности продолжающейся жизни.

— Давай разложим все на эти подносы. Твой папа скоро захочет что-нибудь поесть.

Было еще кое-что, о чем Харриет хотела бы поговорить. Когда они сосчитали ножи и тарелки, она спросила:

— Давно Лиза и Лео встречаются друг с другом?

— Лиза сказала тебе?

— Она скорее проговорила, чем сказала.

На лицо Кэт вернулось привычное и встревоженное выражение. Харриет была рада видеть это, как знак восстановления матери после шока.

— Я не знаю, как долго. Это Лиза пригласила его к нам на Рождество. Он, кажется, делает ее счастливой, Харриет. Ты возражаешь против этого?

— Он всегда вам нравился, не правда ли? Мы с Лео разведены. Мы не имеем претензий друг к другу. Я просто хочу знать, а не пребывать в неведении столько времени. Это все.

Она подумала, что если Лиза — это действительно то, что нужно Лео, то неудивительно, что ее брак разрушился.

— Я не знаю, почему они не сказали тебе. Я подозреваю, что у них есть свои причины. Люди могут бояться тебя, Харриет, ты ведь знаешь.

— Но только не моя сестра и муж.

Кэт внимательно посмотрела на нее.

— Иногда и я.

— Ну, хорошо, — вздохнула Харриет. — Я виновата. Я этого не хотела.

Она почувствовала свое одиночество и на мгновение огорчилась из-за этого. Она взяла выглаженные, сложенные салфетки из шкафа и положила их на верх стопки тарелок. Каспар был очень далеко, но даже если бы он был близко, — она была достаточно проницательна, чтобы понять это, — он не был и никогда не будет надежной опорой для нее. Она также поняла, что ей хотелось бы, чтобы здесь был Робин или, по крайней мере, чтобы у нее был шанс поговорить с ним. Робин никогда не боялся ее.

Робин, бывший Робин ушел. Те представления о нем объединились с образами сегодняшнего утра. Неужели это было только сегодня утром? В будущем она будет говорить с ним только о Уинвуде и вещах, подобных Уинвуду, а достаточно скоро она услышит, что он нашел кого-то другого, на ком он хочет жениться и кто не будет избегать его.

Она подняла тяжелый поднос и улыбнулась матери.

— Уже поздно. Давайте все что-нибудь поедим.

Лежа ночью в своей старой кровати, слушая хорошо знакомые звуки дома, Харриет поняла, что она не сможет заснуть. Она пыталась войти в состояние дремоты, но в результате только увеличила ощущение тревоги. В конце концов она встала, оделась и тихо спустилась вниз. Она постаралась бесшумно войти в умиротворяющую темноту.

Ей вдруг стало легче дышать. Она почувствовала, что в темноте она может видеть дальше и яснее. У нее появилась привычка гулять по ночам. Когда дневная активность заканчивалась, она зачастую ощущала себя обеспокоенной, охваченной какой-то беспричинной тревогой, которую она никак не могла объяснить, а прогулка помогала сдерживать ее. Иногда она проходила большое расстояние, снова и снова повторяя свой путь, а в других случаях не более десяти минут в безликой темноте было достаточно для того, чтобы успокоить ее. Потом она возвращалась в постель, ощущая, что сможет мгновенно заснуть, или, определив причины беспокойства, начать развязывать их узлы. Она никогда не боялась темноты.

Этой ночью она долго гуляла, думая о том, как Саймон проделал свой путь ранним утром. Она представила, как он проходил по этим улицам пригорода мимо лавров и калин, направляясь к железнодорожной линии в глубоком овраге. Она старалась приблизиться к нему настолько, чтобы можно было понять, что двигало его к мосту. Снова и снова она возвращалась к этому вопросу. Он чувствовал, что за ним охотятся, и в его искаженном сознании охотники загнали его в угол. В конце концов, он повернулся к ним спиной и прыгнул.

Харриет остановилась, вытянула руку для того, чтобы устойчивее стоять на ногах, и почувствовала кирпичную крошку у себя под ладонью. Образы поезда, сверкающих рельсов и падающего Саймона перед тем, как его подбросит вновь, части его вместо целого — все это

было так ярко, как будто случилось у нее на глазах, заполняя пустую и безмолвную улицу шумом, порывистым ветром и ужасом. Харриет почувствовала, что ее собственное тело наклонилось вперед в пустоту, а потом полетело кувыркком вниз.

Она закрыла глаза, а затем с усилием открыла их снова. Перед ней была только улица, чередующиеся пятна света и тени под столбами освещения. Она оттолкнулась от стены, покачнулась и обрела равновесие, несмотря на овладевшее ею головокружение. Она заставляла себя идти в полосе света от одного фонаря к другому.

Сейчас она была близка к Саймону.

Как раз в тот момент, когда она поняла это, она споткнулась, замедлила свои шаги, а потом ускорила их, потому что услышала звуки шагов за своей спиной. Сначала они были легкими, почти эхом ее собственных, но, казалось, что они приближаются. Харриет дошла до угла и повернула, метнув взгляд в сторону, но никого не увидела. Новая дорога протянулась перед ней, в конце ее была более широкая главная улица, ведущая назад к Сандерленд-авеню. Она пошла быстрее, однако звук шагов за ней ускорился тоже, и при большей скорости они звучали громче. Она думала теперь, что этот звук создавался не одной парой ног, а, возможно, четырьмя или пятью. Отдельные удары ног сливались вместе в какую-то скороговорку, сначала тихую, а потом все более громкую и близкую, что пугало ее.

В конце дороги был виден свет проезжающих автомобилей. Харриет не хотелось бежать, потому что она не хотела, чтобы побежали преследователи, но она не могла остановить себя. Как только она побежала, шум других бегущих раздался почти у нее за спиной.

Она часто и тяжело дышала, когда достигла главной улицы. Ночной автобус, со свистом рассекая воздух, промчался мимо нее, когда она в нерешительности остановилась на углу, и Харриет поймала беглый взгляд светящихся голубым светом лиц внутри него. Мертвые, потерявшие цвет лица без интереса смотрели на нее.

Пронзительный крик ужаса рос внутри нее, но она прижала руку ко рту и наблюдала, как удалялся автобус, за которым тянулся хвост автомобилей. Она со страхом подумала, повернулись ли бело-голубые лица и смотрят ли они вслед ей, и она поняла страх Саймона с мгновенной и ужасающей ясностью.

Харриет больше не колебалась. Она затаила дыхание и побежала так быстро, как только могла, по направлению к дому своей матери.

Ей показалось, что она стала Саймоном. За ней следили и охотились, как и за ним. Каждый вдох отдавался рыданием в ее горле, и хотя она бежала в тишине, она продолжала бежать так, как если бы снова слышала топот преследующих ног. Только однажды фигура отошла от ворот на ее пути. Она в ужасе завывала, когда они чуть не столкнулись, а потом увидела, что это был испуганный пенсионер с большой собакой на поводке. Собака угрожающе зарычала, но старик крикнул ей:

— Эй! С вами все в порядке?

Она бросила ему бессвязное слово и продолжала бежать до тех пор, пока не достигла спуска к Сандерленд-авеню. Знакомая пригородная местность успокоила ее. Она перешла на шаг и с трудом взошла на холм с прижатой к боку рукой. Она обернулась назад, но там никого не было. Она бежала, как Саймон, хотя убежать было не от чего. Она подошла к дому, открыла и закрыла голубые ворота и вошла через застекленную террасу, где стоял влажный запах листьев. Страх, который владел ею раньше, испарился окончательно.

Наверху она все еще в темноте села на свою кровать, плотно зажав руки между

коленями. Дыхание медленно возвращалось в нормальное состояние.

Сейчас она понимала, что ночь сыграла с ней, в известной степени, обычную шутку. Она вполне ясно осознавала, что ни она, ни Кэт не смогли бы остановить Саймона, когда он уже бежал, и этот бег мог закончиться только прыжком, тогда как для нее это было возвращением, ровным дыханием и снова покоем. Потому что она была сильной и нормальной, а Саймон таким не был.

Она также была уверена, что если бы она оставила его в покое, если бы не было журналистов или кого-то еще, подходящего к его дверям, то, возможно, он вообще не побежал бы. Если бы она оставила «Мейзу», как кусок растрескавшейся доски из Шамшуйпо, или даже если бы она больше постаралась, достаточно внимательно продумала, как по-настоящему замаскировать его личность, то тогда, возможно, он и по сей день был бы в безопасности, в скорлупе своего дома. Но она ничего этого не сделала и неуклюже постаралась компенсировать свои промахи деньгами.

Это была ее вина, и с этим она должна будет жить, потому что Саймон умер.

— Я могу поймать тебя, — вопила Линда.

Преследуя Харриет, она бежала вниз по длинному склону, размахивая руками и перескакивая ногами в красных теннисных туфлях через клочки нестриженной травы. Харриет тоже бежала вниз по холму в направлении детской площадки, беговой дорожки и железнодорожной линии, которая кольцом окружала северный Лондон и по которой бегали маленькие поезда.

— Не можешь!

Харриет бежала так быстро, как только могла, но Линда бегала быстрее. До того, как она добежала до основания холма, Линда бросилась вперед, обвила руками талию Харриет и повисла на ней, чуть не опрокинув их обеих на землю.

— Хорошо, хорошо, — задыхаясь, кричала Харриет, — ты победила. Отпусти меня. Ты самый быстрый ребенок в Хемстед-Хит.

— Посмотри сюда.

Они повернулись, чтобы посмотреть на тот склон, по которому они спустились. На вершине Парламентского холма на фоне неба сверкали яркими квадратами и ромбами воздушные змеи, понаблюдать за которыми они забрались на холм. Линда и Харриет вместе подошли к другой стороне холма, расположенной ближе к дому Харриет, в respectable потоке прогуливающихся по парку в субботний день.

— Я не люблю гулять, — запротестовала Линда, когда Харриет предложила ей пойти в парк. — Мы бесконечно гуляем в школе, а сейчас каникулы.

— На этот раз тебе понравится.

Сначала она была надутая, но как только увидела над ними воздушных змеев, она забыла о своем недовольствии.

— Сначала посмотрим на этих птиц, — зашумела она, и они поднялись на холм, с которого открывался вид раскинувшегося вокруг города.

— Вы никогда не говорили, какой отсюда вид. Он такой бескрайний. Я думаю, он такой же бескрайний, как Лос-Анджелес, только здесь нет океана, — добавила она, забавляя Харриет преданностью своему городу. — А что это такое круглое? — спросила она, показывая пальцем.

— Это собор святого Павла. Неужели ты не узнала его?

Линда пожалала плечами.

— Наверное, нет. А что, должна?

— Подойди сюда.

Они подошли к металлическому щиту, на котором были нанесены главные ориентиры. Харриет была удивлена тем, как мало знает Линда, но ее тронул ее интерес к зелено-коричневой панораме города. Ее вопросы свидетельствовали о ее умственных способностях. Харриет охотно отвечала, они прислонились головами друг к другу, когда показывали и шурились, всматриваясь в серый воздух.

Линда повернулась и широко улыбнулась ей.

— Это очень здорово. Мне это нравится, потому что так много зеленого.

Тяжелые, куполообразные кроны деревьев спускались к краю железнодорожной линии и становились сплошной зеленой поверхностью, распространяющейся вдаль через Риджентс-парк, а затем разбивающейся на мозаику городских скверов.

— Деревья прекрасны, — согласилась Харриет.

Линда снова бросила на нее быстрый взгляд:

— Вы действительно любите этот город?

— Лондон? Да, люблю. Это мой дом, мне здесь удобно и безопасно. Это так важно — чувствовать, что ты принадлежишь какому-то месту, как ты — Лос-Анджелесу. Ты не задумывалась над этим?

— Мне жалко, что я не живу там все время вместо этого отвратительного Сент-Бриджида, — вздохнула Линда.

— Завтра ты оправаляешься домой, так что радуйся, — ободряюще сказала Харриет.

Она установила, что ободрение лучше влияет на Линду; чем сочувствие.

Каспар вернулся в Лондон. Пока Харриет и Линда гуляли в парке, он был на ланче с режиссером и несколькими денежными тузами. Они запланировали встретиться позже и отвести Линду поужинать в кафе «Хард-рок». Это была последняя радость сегодня вечером, а завтра Линда улетит на Западное побережье США, где проведет в Голливуде с матерью вторую половину своих летних каникул.

— Да, но я не могу ждать, — непреклонно сказала Линда, однако добавила: — Я буду скучать без вас.

— Я все еще буду здесь, когда ты вернешься.

— Спорим, что я быстрее добегу до подножия холма.

Харриет не стала ждать. Она побежала вниз, перепрыгивая через кочки, но Линда была слишком быстрой для нее. Они схватились друг за друга на ровной поверхности у подножия холма, тяжело дыша и смеясь.

— Мы можем пойти на детскую площадку?

— Ты слишком большая.

— А кто это сказал?

Линда бегала, качалась на качелях, карабкалась по металлическим лестницам среди гуляющих в это послеполуденное время в субботу, одетых в хлопчатобумажную саржу, футболки, расписанные рекламными надписями, с цветными лентами в волосах. Харриет села и наблюдала с борта песочницы вместе с отцами в свитерах и курящими и болтающими матерями, которые толкали взад-вперед коляски, для того чтобы успокоить самых маленьких детей.

Харриет была поражена жизнерадостностью всего этого. Она не могла вспомнить,

приходила ли она когда-нибудь раньше с ребенком на детскую площадку. Подумав об этом, она предположила, что Чарли и Дженни проводят в субботу, должно быть, послеобеденное время в таких же местах с другими семьями под громкие крики с качелей и плеск воды, доносящийся из «лягушатника», расположенного на отдельной территории.

Скоро подойдет очередь Джейн.

Наблюдая за самыми маленькими детьми со сморщенными сосредоточенными личиками, перемещающимися несколькими неуверенными шагами между падениями, Харриет захотелось обладать такими же. И быть обладаемой ими.

— Харриет, я хочу в воду.

Харриет пошла за Линдой в зону «лягушатника». Здесь было сероватое пространство мелкой воды в бетонном блюде, со стенок которого давным-давно облупилась голубая краска. Тут копошились толстые, белые, маленькие тела в сползающих мокрых штанишках среди разлетающихся водяных брызг. Линда стояла, как аист, расплескивая воду своими тонкими лодыжками в наполненном жидкостью корыте.

Маленький поезд прошумел, проходя рядом за изгородью. Линда проследила за ним, а потом зашлепала из бассейна.

— Здесь замечательно, здесь все такое маленькое, как игрушечный город или что-то в этом роде. Харриет понимала, что она имела в виду. Глядя на открывающуюся перед ней панораму, она думала, что это больше похоже на плакат в детской или классной комнате с яркими цветами, поездом, треугольником воздушных змеев, с самолетом в небе, возвращающимся домой.

Город был уютным и безопасным, как она уже сказала Линде на вершине холма, однако он заставлял ее вспоминать о Саймоне, для которого он не существовал. Харриет услышала, как поезд игрушечного города затормозил, въезжая на миниатюрную станцию по кривой, образованной железнодорожным путем.

— В чем дело? Ты думаешь о своем друге?

После расследования и похорон Саймона Харриет рассказала Линде, что у нее умер друг, а также немного о его жизни. Она внимательно выслушала историю «Мейзу».

— Это хорошо, что вы превратили ее в настоящую игру, — решила она. — Так много людей могут играть в нее и вспоминать о нем, не зная его.

Харриет взглянула на нее, пораженная ее пронизательностью. Она прошептала:

— Да. Я думаю о нем.

Саймон как бы сопровождал ее в течение всей прогулки. Она не так уж много времени думала о нем, когда работала, но она жила с непроходящим сознанием того, что случилось и что она бездумно совершила.

Она принимала неизбежность жизни, чувствуя свою вину день за днем, и само по себе ощущение вины обострялось, потому что не было возможности загладить ее. Реальный Саймон ушел из пределов ее досягаемости, замененный памятью о нем. Жалкая крепость его дома. Железнодорожный мостик. Старая куртка Кена и то, что Кен видел в последний раз.

Ничего Харриет не сможет сделать, ни одно из ее самых разумных действий не сможет ничего изменить. Она не сможет вернуть Саймона назад.

Линда спросила:

— Что теперь мы будем делать?

Сделав над собой усилие, Харриет прервала ход своих мыслей.

— Мы можем спуститься к «Морским льдам», если тебе хочется.

— Пошли.

Они вместе направились вниз, и мысли Харриет вновь пошли по старому кругу. Она никак не могла повлиять на то, что прошло, но сможет повлиять на то, что будет. Так же, как она всегда поступала в такой ситуации, она сказала себе: «Ты можешь быть уверена в будущем. Что бы ты не делала, с кем бы не имела дела, ты обязана исключить риск принести вред. Кто бы это ни был — Кэт или Лиза, Джереми Крайтон, Грэм, Робин, даже Робин. Ты должна быть осторожна».

Решение, повторяемое каждый день, теперь полностью относилось к Линде. Она сможет позаботиться о Линде, потому что Линда нуждается в ней.

Они подошли к магазину, торгующему мороженым. Харриет отбросила прочь все свои размышления и последовала за Линдой в магазин. Пятью минутами позже они стояли рядом на краю тротуара, лизали свои двойные порции и наблюдали за интенсивным уличным движением. Грузовики и такси, казалось, рассекали пелену загрязненной атмосферы.

— Здесь довольно грязно и неприятно, — сказала Линда то, что можно было бы и не говорить.

— Грязь — это только часть всего. Ты хочешь продолжить спуск к рынку?

— Рынок? — Предложение было принято с такой же подозрительностью, как и первоначальное о прогулке.

— Линда, сегодня большой субботний рынок. На прилавках под открытым небом продают пластинки, рубашки, сумки и другие хорошие вещи. Я куплю тебе подарок.

— Да, спасибо. Но мы уже много ходили. Как мы сумеем вовремя вернуться к папе?

Харриет собралась ответить: «На такси». Но почему-то изменила свое намерение.

— На автобусе 24.

Линда вытаращила на нее глаза.

— На настоящем красном лондонском автобусе с лестницей, ведущей наверх?

— На двухэтажном. Да, именно на таком.

Линда обхватила ее руками, мороженое повисло под опасным углом.

— Харриет, мне так понравилось гулять с вами, это замечательное развлечение.

«Для ребенка из Бел-Эйр, — предположила Харриет, — путешествие домой с рынка на автобусе, действительно, будет своего рода развлечением».

— А мне с тобой, — серьезно ответила она, когда они направились, держась за руки, в сторону пропахшего жареным луком воздуха в районе канала.

— Как провели время, леди? — спросил Каспар, когда они сидели в гамбургерском ресторане?

Линда сияла.

— Прекрасно. Ты знаешь, что мы делали?

Ей понравилось все, но самое большое удовольствие она получила от поездки на автобусе. Она рассказывала все подробности, а Каспар сидел, пил пиво и улыбался ей.

— Харриет такая замечательная, — заключила она.

— Я это знаю.

Харриет покраснела. «Слабость, — подумала она, — которую я уже переросла».

— Мы хорошо провели время. Как твоя встреча?

Это было странно, сидеть здесь, есть хрустящий картофель и повышать голос, чтобы можно было слышать себя при громкой музыке, как будто она член семьи. Линда болтала и

сосала свой молочный коктейль, а Каспар играл роль великодушного отца. Он был в хорошем настроении, слегка пьян после длинного ланча, но очень ласков.

— Ах, классический случай. Оптимистический разговор о том, как превратить прямо сейчас перспективный проект в работающий. «Каспар, мы должны сделать это дело, и мы хотим, чтобы вы были вместе с нами, потому что без вашего имени это вообще не кино», — шекспировские ноты в голосе Каспара сгладились и расширились, а глаза сузились, и он превратился в кинематографиста. — Верь мне, детка.

Харриет рассмеялась.

— Кто были эти люди?

— Продюсер. — Каспар раздул щеки и наклонился вперед, чтобы уронить тяжелую руку на ее руку.

— Режиссер. — Его щеки стали впалыми, и он запустил руку себе в волосы, по-мальчишески обаятельный.

— Пара юристов. — Острые глаза и широкая улыбка.

Через некоторое время он перешел к финансисту, скривив губы и начав писать колонки цифр на сложенной бумажной салфетке. Линда хихикала, а Харриет безудержно смеялась.

— Вот такими были люди, с которыми я имел дело, пока вы катались на автобусах.

У Каспара была необыкновенная мимика. Харриет вдруг оробела перед ним и почувствовала масштабы его таланта. И еще она испытывала раздражение, потому что он пил и разрушал его. Она видела два его последних фильма.

— Но это будет хороший фильм?

— Это будет мерзкий фильм, — медленно произнес Каспар, — но деньги будут хорошие. Дорогая! — Молодая официантка бросилась на его вызов. — Принеси мне еще хорошего холодного пива.

— Разве это достаточное основание для того, чтобы работать с ними? — строго даже на слух спросила Харриет.

Каспар задержал стакан на полпути ко рту.

— Если ты намерена говорить о честности или о моем короле Лире, то я советую тебе не делать этого. Голливуд — это то место, где это происходит. Это дерьмо, как ты правильно отметила, но для меня оно пахнет достаточно сладко.

Линда осторожно переводила взгляд с одного на другого.

— Как бы то ни было, — продолжал Каспар, — появился слабый луч света, под названием «Раскрытый секрет». Я рассказывал тебе, Линда, ты помнишь? Харриет одобрит это.

Он бросил ей вызов, разогретый выпивкой, он пробормотал о ее одобрении. Это было неуместно. Однако Харриет только спросила:

— «Раскрытый секрет»? Что это такое?

— Хорошее кино. Хотя роль и второго плана, но хорошая. Съемка закончилась в конце прошлого года, но из-за возникших после этого проблем фильм не может быть выпущен на экран до Рождества.

— Я мечтаю об этом, — сказала Харриет.

Неожиданно Каспар наклонился вперед и громко поцеловал ее в щеку. В конце застолья он снова стал радушным главой семьи, и все они выглядели, как обычная семья, отмечающая день рождения или каникулы. Харриет было радостно, и она думала, что Каспару тоже. В конце вечера они вышли на Олд-парк-лейн. Каспар осмотрелся.

— Репортеров нет?

— Нет, — мрачно подтвердила Харриет.

И даже если бы они были, это уже не имело значения. Поздно.

Каспар придерживался старомодных взглядов тогда, когда это касалось Линды. Он собирался отвезти ее ночевать в Литтл-Шелли, хотя было бы значительно удобнее для них обоих остановиться в Хэмпстеде у Харриет.

— Приезжайте в аэропорт проводить меня, — попросила Линда.

— Нет. Это сделают твой папа и Ронни. Пришли мне открытку с пальмами.

Линда крепко обняла ее. Стараясь сохранить равновесие вместе с нею, Харриет ощутила запах мыла и детской кожи и почувствовала ревность к Клэр. Она будет скучать по Линде все летние каникулы.

— Я позвоню тебе завтра вечером, — пообещал Каспар.

Харриет стояла, глядя, как они уезжают, а потом забралась в свою машину. Линда махала ей до тех пор, пока они не скрылись из вида.

Каспар сделал лучше, чем позвонил. Он явился собственной персоной прямо из Хитроу. Пока Харриет торопливо переодевалась, он вышагивал по квартире, брал и перекладывал ее бумаги, внимательно рассматривал коробки «Мейзу» и прототипы новых игр. Он прошел за ней вниз, сел на кровать, глядя на аккуратный ряд жакетов и блузок в полиэтиленовых мешках, висящих в ее шкафу. Ему, казалось, доставляло удовольствие открыто демонстрировать свою неосведомленность о ее мире.

— Ты — деловой руководитель.

Харриет красила губы помадой, не оборачиваясь к нему.

— Да. Но «Девушка Мейзу» звучит, по-моему, веселее, как ты считаешь? Руководитель — это любого разочарует.

— Тебе нравится жить здесь?

Он показал рукой на комнату и ступеньки, ведущие вверх. Она понимала, что Каспар имеет в виду. Она смотрела почти на все его глазами. Здесь все было так аккуратно выкрашено в белый цвет, обставлено мебелью с такой приятной и твердокаменной невыразительностью и с таким вкусом были развешены картины. С тех пор, как она переехала сюда, она не почувствовала себя полностью удовлетворенной.

— Тебе доставляет удовольствие твоя жизнь, мисс Пикок? Твоя квартира руководителя и твой офис?

— Я считаю, что это единственная подходящая мне жизнь, — ответила Харриет.

Каспар сиял. Он был большим и загорелым после поездки на Западное побережье Америки, и, казалось, переполнял жизнью ее аккуратную комнату.

— Следуй за мной, — скомандовал он.

Он отвез ее в такое место, которое, как она подозревала, называлось питейный клуб. Он был расположен в Челси, на той же улице, что и магазин, где она покупала свои серые замшевые сандалии Меркурия.

Она вспомнила, когда они проезжали мимо этого магазина, как она сломала высокий каблук, наступив на ногу Робина, и напомнила себе, что должна отнести туфли в ремонт. Это было не просто — перенести ее отношения с Робинем на исключительно деловую почву, но на сегодняшний вечер она отбросила беспокойство.

Харриет никогда не замечала скромной двери и даже самого здания, которое было

похоже на обычный частный дом.

Она послушно последовала за Каспаром в просторный холл с видом на зеленый сад за ним. С одной стороны здесь был бильярдный стол с несколькими краснолицыми мужчинами, собравшимися вокруг него. С другой стороны располагался переполненный бар, окруженный столами, заставленными стаканами.

Голубые облака дыма плыли над головами посетителей. Это выглядело и звучало как кульминация необычайно удачной вечеринки, которая уже, должно быть, продолжалась несколько часов. Посмотрев на часы, Харриет увидела, что еще только половина восьмого.

Пока они пробирались к бару, Каспара приветствовали как старого друга, а не как знаменитость. Он с удовольствием рокотал в ответ. Несколько человек бросили беглый взгляд на Харриет, как будто интересуясь, что она, а не он, может здесь делать. Они прошли мимо телевизионного комментатора новостей, держащего бильярдный кий как копьё. Его лицо было так же знакомо, как и Каспара, но его никто исподтишка не рассматривал.

— Что бы ты хотела, Харриет?

Она огляделась вокруг. По виду тут никто не пил белого вина с содовой. Здесь не было костюмов, галстуков и калькуляторов. Это был мир вельвета, мятого хлопка и незнакомых периодических изданий. «Возможно, даже русских романов, — подумала Харриет, — и самой последней художественной литературы».

— Джин, — ответила она.

Она заметила также, что отдельные люди в этой толпе чувствуют себя комфортно и получают удовольствие, развлекаясь сами по себе, хотя позже могли разразиться и острые конфликты. Каспар здесь совершенно расслабился. Он передал ей полстакана джина, минимально разбавленного тоником, и без льда.

— Что это за место?

Он удивленно посмотрел на нее.

— Мой клуб. Каждому джентельмену необходим клуб. Это не «Атенеум» ^[6], слава Богу, но это мой дом, — он поднял свой стакан виски. — Добро пожаловать домой.

«Каспар, возможно, и притворялся, демонстрируя свою неосведомленность о ее мире», — размышляла она. Но она, безусловно, была незнакома с его миром. Она задумчиво пила свой джин.

Это был длинный вечер.

На какой-то стадии они поели в клубной столовой за длинным столом, но Харриет запомнила только, что все, что они ели, имело цвет и форму бифштекса и пирога с почками, и член клуба, сидящий рядом с ней, ел все одной рукой, поскольку его вторая рука находилась на ее ноге.

Перед едой были питье, разговор и неожиданно много смеха, а после еды еще больше выпивки и более горячий разговор. В конце концов, возник и конфликт, который она предчувствовала и в центре которого оказался Каспар. В эту минуту он неустойчиво стоял на ногах, подпираемый своими сторонниками, и пытался с размаху ударить кулаком маленького, похожего на гнома мужчину в зеленом вельветовом пиджаке, также окруженного сторонниками. Было ужасно много шума. Харриет была очень удивлена, когда обнаружила, что шум создавала и она сама. Однако минутой позже Каспар и его противник сидели, соприкоснувшись головами, а маленький зеленый мужчина плакал в свою рюмку.

Было уже очень поздно, когда Харриет и Каспар оказались, наконец, на тротуаре Олд-Черч-стрит.

— Боюсь, что я не смогу вести машину, — признался Каспар с глуповатым выражением лица, которое Харриет нашла очень милым.

Она держалась за его руку не в силу привязанности, а просто по необходимости.

— Я тоже.

Они взяли такси, которое отвезло их в Хэмпстед.

Каспар, вероятно, не мог управлять машиной, но он был в полном порядке, чтобы заниматься любовью. Он делал это в своей обычной прямой манере, однако Харриет почувствовала себя тронутой, полной слез и неудовлетворенной.

Она обвила руками его шею и прошептала:

— Я люблю тебя.

Однако он не ответил на ее слова.

Она потом убеждала себя, что это говорил джин, и надеялась, что он забудет.

Утром она оставила его спокойно спать на своей кровати, а сама отправилась на работу с чувством тяжелого похмелья. Она призналась в этом Грэму Чандлеру, который прищелкнул языком при виде ее, однако его неодобрение только наполовину было юмором.

Так прошло вступление Харриет в тот мир, который Каспар любил больше всего.

Лондон, март 1985 года

Управляющим фабрики был большой, энергичный человек, белая нейлоновая рубашка которого распахивалась посередине, обнажая эллипсы мышц, обтянутые белой футболкой. Рукава рубашки, закатанные до локтей, демонстрировали мускулистые руки, которыми он упирался в бока, прокладывая себе путь через фабрику. Операторы станков внимательно смотрели на Грэма Чандлера и Харриет, которые следовали за их начальником. Особенно внимательно они разглядывали костюм Харриет цвета морской волны с широкими плечами и узкой юбкой, ее волосы, кольцо с бриллиантом и плоский черный дипломат, который она несла в руке.

Харриет не согласилась с их предложением встретиться в конторе фабрики. Она остановилась возле ближайшего станка — дорогой и сложной новой машины из Германии, производящей пластмассовые детали для «Тревоги», чтобы поздороваться с обслуживающим персоналом. Она уже знала двух из них и помнила их имена, поэтому она представилась третьему и пожала ему руку.

— Бесперебойно работает? — спросила она, кивая в сторону станка.

Мастер мрачно кивнул и отступил, чтобы вытереть лоб тыльной стороной запястья.

— Поэтому производственные показатели на двадцать процентов ниже, чем должны быть, — спокойно добавила она и стала ждать его реакции.

— Повреждение зубчатых колес. Штампы недостаточно точно установлены. Сегодня были отбракованы.

— Так я и говорила, — улыбнулась Харриет.

Грэм и Рей Даннетт, управляющий фабрики, ожидали ее в шести шагах.

Харриет сказала:

— Я знаю, что у вас были и другие проблемы. Сегодня мы их решим.

Она продолжала идти через фабрику в Уинвуде, обмениваясь короткими фразами с некоторыми из мужчин. Когда она проходила дальше, они оборачивались, чтобы посмотреть на ее ноги, а потом ухмылялись друг другу. Харриет чувствовала это пристальное разглядывание и считала, что это проявление любопытства, а не враждебности.

В Уинвуде были свои проблемы, большей частью технические, и ничего такого, чего нельзя было бы не разрешить. Проблемой были производственные показатели, а не ее ноги. Харриет совершенно хладнокровно рассматривала производственную ситуацию.

Они прошли до конца помещения, где располагался ряд кабинетов, занимаемых конторским персоналом. Последним был кабинет Рея Даннетта. Он открыл перед ней дверь. В конце технологической линии две женщины в халатах проверяли комплекты готовых деталей и временно упаковывали их в полиэтиленовые пакеты перед окончательной укладкой в коробки. Большие картонные ящики, наполненные такими пакетами, стояли на поддонах рядом с ними. Они смотрели на Харриет и Грэма до тех пор, пока за ними не закрылась дверь. Затем одна из женщин, опустив уголки губ, повернулась к другой.

— Она выглядит не слишком толстой или счастливой от всего этого.

— От чего, Бет? От него или от денег?

— Нет. Я не имела в виду шанс растолстеть от него. Принимай то, что приходит, — вот что я имела в виду.

— Того, кто приходит?

Обе женщины громко рассмеялись. Харриет и Каспар Дженсен стали общим достоянием фабрики после газетных статей о них. В Уинвуде было много грязных разговоров. Бет зажгла сигарету и откинулась на стопку полных ящиков.

— Рей занят, не так ли? — игриво спросила она.

Проходивший мимо мужчина остановился возле нее.

— Ну, тогда какие же у меня шансы, дорогая? Я не знаменитый, но у меня есть другие достоинства, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Проваливай, — ответила она игриво.

Харриет села напротив серого, металлического стола Рея Даннетта вдоль пары серых, металлических шкафов с кнопками. Кабинет ее руководителя производства очень напоминал ей кабинет мистера Дженсена из «Мидленд Пластикс».

Здесь была та же картинка с раскрашенным телом, такая же интенсивно используемая пепельница и, вероятно, совершенно такой же бумажный стаканчик, наполовину заполненный остывшим кофе. Но разница была в том, что Рей должен был начать выпускать лучшую продукцию, чем это делал мистер Дженсон. Харриет открыла свой чемодан.

— Давайте начнем с технологических вопросов, если не возражаете, Грэм!

Грэм и Рей обсуждали свои нового станка. Технические представители изготовителя посетили фабрику, и негодная деталь была заменена. Рей и его мастер наблюдали за станком и отлаживали его работу. Харриет слушала вопросы Грэма. Его квалификация не вызывала сомнений, он знал, о чем он говорит, однако то, что он говорил, никогда не звучало достаточно убедительно для Харриет.

Она почувствовала, что решает вопросы в пользу Рея Даннетта и преувеличивает важность нормальной работы станков. Ее раздражало, что она не может достаточно четко понять, почему они все же отказывают, но в то же время ей было совершенно ясно, что Грэм не использует инвестиции с необходимой энергией.

Она также поняла, что была не права, полагая, что сама сможет повысить эффективность работы любого другого человека. «Это было нехорошо, — думала она, — проявлять раздражительность со своими коллегами из-за осознания своей собственной ошибки». Она заставила себя спокойно все выслушать, а затем поблагодарила Грэма и Рея за разъяснение технических деталей. Но она видела, что Грэм все-таки остался недоволен.

— Давайте пойдем дальше, не возражаете? — предложила она.

— Я должен вызвать из цеха Мика, — объявил Рей.

Со следующей проблемой, как правильно подозревала Харриет, не удастся так легко разобраться. Мик вошел и сел. Он с необычайной сосредоточенностью покрутил тонкую сигарету и начал длинно объяснять, что его парней не устраивает соглашение о столовой. Харриет слушала и хмурила брови. Представитель профсоюза старался убедить ее, что ему нужна подача горячей пищи для рабочих.

— Здесь работают всего сорок два человека, включая конторских служащих, — начала объяснять Харриет. — Вряд ли будет целесообразно с экономической точки зрения оборудовать кухню и нанимать обслуживающий персонал для столовых при таком количестве людей, не правда ли? Столовая оборудована таким образом, чтобы люди ели то, что они приносят с собой, а кроме того, как вы знаете, имеется торговый автомат с горячим питьем. Это все, что мы можем сделать, пока Уинвуд остается своих сегодняшних размеров.

Мик, казалось, не слышал того, что она говорила.

— Или столовая с полным обслуживанием, — продолжал он, — или более продолжительный перерыв, чтобы они могли съездить домой и съесть горячий обед.

Уинвуд был изолированным промышленным производством. Потребовалось бы довольно много времени, чтобы доехать до ближайшего города и вернуться назад.

— О перерыве уже договорились, как вы знаете, — ответила ему Харриет. — Я не могу его увеличить.

Она с тоской вспомнила времена в «Степпинг», когда она, Карен и другие организовывали свое время без дискуссий, таким образом, чтобы было удобно и им, и другим. И в офисе «Пикокс» каждый сотрудник и сама Харриет работают до тех пор, пока необходимая работа не будет сделана. В противоположность этому вежливая глухота Мика раздражала. Он продолжал, вовлекая их всех в дискуссию о простоях, рабочей практике и разграничениях, которая угрожала затянуться на весь день. Харриет безуспешно боролась со скукой и злостью.

Наконец она оборвала дискуссию:

— У нас уже нет времени для обсуждения этого вопроса. Перерывы согласованы с вашим руководством в самом начале, а соглашения о столовой останутся такими, какие они есть.

Мик втянул щеки, но, в конце концов, встал. Грэм выразительно взглянул на Харриет, но она проигнорировала его взгляд.

— Я все это доложу членам профсоюза.

— Пожалуйста, — решительно ответила Харриет. Мик вышел из комнаты, излучая недовольство. — Что у нас дальше, Рей?

— Техника безопасности и производственная санитария.

Инспектор по технике безопасности посетил фабрику в Уинвуде и оставил свой отчет. Здесь был перечень моментов, которые ему не понравились, начиная с недостаточно хорошего ограждения станков и кончая полотенцами в женских уборных. Харриет вздохнула и потерла лоб.

— Ладно. Давайте начнем с самого начала. Где должны быть установлены защитные ограждения?

— Ну, я покажу вам, но если их установить, то оператор будет вынужден снимать их всякий раз, когда захочет добраться до ремня.

— И как часто ему приходится делать это?

— Два-три раза в день.

— Так каков же тогда ответ?

Рей пожал плечами.

— Терять время или проигнорировать требования безопасности.

— Кто-нибудь стоял перед таким выбором?

Он рассмеялся.

— Конечно.

«Не получаешь удовлетворения, занимаясь такими делами», — подумала Харриет. Она начала ощущать, что немеет от этого утомительного дня. Медленно, мучительно медленно они проходили по списку инспектора. Это заняло все послеобеденное время, и в конце его у Харриет даже не было чувство удовлетворения от того, что кое-что удалось сделать.

Перед отъездом в Лондон они пожали руку Рею Даннетту.

Они решили несколько второстепенных вопросов, связанных с техникой безопасности,

и смогли только договориться о том, что будут изыскивать возможности для решения остальных. Дело Мика и его требования, связанные со столовой, тоже дальше не продвинулись. Рей мрачно покачал головой. Харриет понимала, что он хочет услышать, как быть с этим вопросом. Она подумала, что должна назначить кого-то более энергичного управлять ее фабрикой.

— Делайте то, что вы считаете необходимым, — решительно сказала она, высвобождая свою руку. — Это то, что я хочу.

— Что вы хотите, — эхом отозвался он, как бы серьезно обдумывая идею, но с некоторой долей сарказма.

И опять Харриет захотелось лучше понимать технические загадки, которые были ясны для Грэма и Рея. Ей следует поучиться. Конечно, возможно, было бы лучше истратить еще неделю или месяц на Уинвуд, чтобы понаблюдать и последить за всем. Если бы она могла сберечь время для того, чтобы находиться вне офиса. Но, с другой стороны, время всегда можно найти тем или иным образом, и она уже научилась это делать.

Когда они вышли из офиса, Харриет увидела, что цех опустел. Было несколько минут шестого. Большой немецкий станок был уже выключен, старик в халате равнодушно подметал в дальнем углу.

Без работы станки казались еще больше, окутанные тайной своей дорогой загадки. «Здесь не перерабатывают», — Харриет осознала это. До настоящего времени у них было все в порядке с заказами на «Мейзу», «Тревогу» и другие более мелкие изделия.

Они оставили Рея на автостоянке машин сотрудников и направились по автомагистрали в Лондон.

— Мы должны заставить их работать, — сказала Харриет. — Это стоит сотни тысяч. — Грэм только кивнул.

— Я не деловой человек, Харриет, но я хорошо знаю, что ничего не добьешься конфронтацией с людьми или демонстрацией своего раздражения людям вроде Рея Даннетта.

— Я не раздражена, — отрезала Харриет.

Она с силой опустила свою ногу вниз, направляя свою машину кружиться в потоке быстрого уличного движения.

Следующий день был загружен. У Харриет была продолжительная встреча с ее руководителем по маркетингу и группой дизайнеров по упаковке, разрабатывающей новый материал для «Тревоги».

Они провели утро, окруженные макетами коробок, проверяя выполнение рекламных материалов. Это была та работа, которую Харриет любила больше всего и которая давала неповторимое ощущение готового изделия в собственных руках, и она знала, что эту работу она делает хорошо. Она принимала инстинктивные решения, но всегда могла объяснить их.

Она сказала:

— Мне бы хотелось, чтобы буквы были написаны на красно-вишневом фоне. Он теплее, чем синий, и текст лучше читается.

— Тогда красный, — сказал художник.

Специалисты по упаковке также энергично работали с Харриет, и в офисе стояла атмосфера веселья. Они послали за бутербродами и устроили завтрак во время работы, сидя среди цветных образцов и коробок «Тревоги».

После совещания Харриет была в прекрасном расположении духа. Когда офис уже опустел, в дверь просунул голову Джереми Крайтон. Харриет улыбнулась ему:

— Заходите, Джереми. Простите, но я все утро была занята.

Цифры, которые Джереми хотел обсудить, заняли у них полчаса. Когда перед уходом Джереми встал, он в нерешительности замялся, держа руки на спинке стула, и сказал, как бы высказывая запоздалую мысль:

— Робин приглашает меня пообедать с ним.

Харриет подняла округлившиеся глаза.

— Очень хорошо. Я надеюсь, вы пойдете.

— Да, я тоже так думаю.

Джереми не был общительным человеком, предпочитая возвращаться вечером домой к жене и саду, и не стремился к дружеским встречам с Робинот Лендуитом.

— Хорошо, — произнесла Харриет и на миллиметр подняла брови, как бы спрашивая: «Есть что-то еще?»

— Все, — пробормотал Джереми.

Он ушел, оставив ее наедине со своей работой, но Харриет уже не думала ни о чем другом. Это будет полезно, если Робин наладит дружеские связи с другими директорами «Пикокс», даже если их собственные прекратятся. Она не сомневалась, что Джереми сообщит ей все, что необходимо знать. Она снова склонила голову над столом, напоминая себе, что ей, между прочим, тоже следует поговорить с Робинот.

Прошло несколько дней, прежде чем она сделала это, хотя и не признавалась, что оттягивала звонок. Она только собиралась сказать ему, что будет отсутствовать в офисе в течение нескольких дней, и все. Она не имела никаких отношений с Робинот Лендуитом, за исключением деловых.

Наконец она позвонила, сама набрав номер вместо того, чтобы попросить секретаря соединить ее. Ожидая, она крутилась в кресле, оглядывая свой кабинет и представляя Робина в его кабинете. Когда он ответил, они минуту обменивались нейтральными фразами. Их отношения сейчас четко ограничились бизнесом.

Они не слишком часто разговаривали по телефону и встречались только на собраниях совета директоров. Робин, как всегда, был деловит. В этой области она не имела к нему претензий. Он был удивительно сговорчив по вопросам, связанным с Уинвудом, и был настолько полезен, насколько был знаком с возникшими проблемами. Но его манеры были сдержанными и скорее холодными, чем враждебными, и поэтому она не могла понять, что он думает.

— Харриет перешла к определению даты следующего собрания совета директоров.

— Робин, можем мы изменить дату собрания в этом месяце? Двадцать восьмого числа я буду отсутствовать.

— Конечно. Ты собираешься в приятное путешествие?

Харриет на секунду задумалась. Ей не хотелось врать и не было необходимости опускаться до этого. Ее личная жизнь не имела теперь никакого отношения к Робину, ей нечего было скрывать или раскрывать.

Она коротко рассказала ему о своих планах. Она связывала свои планы, полные счастливых ожиданий, с Каспаром, но она не назвала его имени и не упомянула о своих ожиданиях.

— Ты собираешься в Лос-Анджелес? Его голос изменился, он приобрел тот бархатный

тон, который не слишком нравился Харриет, однако в эти дни многое было в Робине, что не слишком нравилось ей. В эту минуту Харриет хотелось бы увидеть выражение его лица. Она подвинулась вперед в своем кресле, глядя через комнату на свой портрет, висящий на противоположной стене.

— Да. Всего на несколько дней.

— Дела или отпуск?

«Награда, — подумала Харриет. — Должны же быть и награды». Она позволяла себе очень немногое. Наверное, далеко не все, чего хотелось, но это было тем немногим, чему она научилась у Каспара. Он пил слишком много и он зря растрачивал время и свой звездный талант, но всегда, когда мог, он доставлял себе удовольствия. Каспар любил крайности, в то время как она боялась их.

— У меня будет несколько деловых встреч.

Различные виды «Мейзу» хорошо продавались в Штатах. Ее преемники, в том числе «Тревога», нуждались в поддержке. Но для этого нужно было лететь в Нью-Йорк, и Робин прекрасно понимал это.

— Удачное совпадение с награждениями Академии киноискусства, — медленно, растягивая слова, произнес Робин.

— Конечно, я хочу побывать там, — сказала Харриет.

Она не смогла скрыть гордости, прозвучавшей в ее голосе. Кандидатура Каспара была представлена за лучшее исполнение роли второго плана в фильме «Раскрытый секрет». Она хотела видеть его поднимающимся за своим Оскаром.

— Поздравь его от меня, хорошо? Ты никогда раньше не бывала на Западном побережье?

— Нет.

— Когда ты вылетаешь и когда вернешься назад?

Харриет ответила.

— Желаю получить удовольствие, — пробормотал Робин и повесил трубку.

— У нас будет по-семейному, — сказала Харриет Дженни и Чарли, открывая перед ними дверь своей квартиры в Хэмпстеде. — Мы и Джейн.

Прошло много времени, прежде чем она смогла найти время приготовить обед для своих друзей. Она решила сделать это до отъезда в Штаты.

— Как хорошо, — сказала Дженни. — Мы сможем расслабиться. Я думала, что тут одни брокеры и банкиры, и я опозорюсь, заснув. Я не могу бодрствовать в первые три месяца, как бы не старалась.

Дженни снова была беременна. Чарли проследовал за ней, передав две бутылки вина в руки Харриет. Он поцеловал Харриет в обе щеки в то время, как она с долей вины подумала о том, что было бы маловероятно, чтобы Дженни смогла столкнуться с кем-нибудь из других сфер ее жизни за обеденным столом в Хэмпстеде. Очень давно она усвоила урок, что разные сферы ее жизни лучше не смешивать.

— Джейн уже здесь?

— Нет. У нее, кажется, массу времени занимает бег туда-сюда.

— Я представляю, как это бывает, — вздохнула Дженни, — а одной это, наверное, еще тяжелее.

Дочери Джейн было три недели. Харриет видела ее только два раза, мельком. У нее

была копна темных волос и круглое красное лицо. Харриет поразило то, что она внешне так не похожа на мать. Джейн проявляла себя как мать точно так, как и представляла себе Харриет, с присущими ей умением и уверенностью. Но было заметно, что ребенок занимает все ее внимание. Она не проявляла излишнего беспокойства и даже не казалась по-настоящему счастливой, она была просто полностью поглощена ребенком по имени Имоджин.

Дженни, Чарли и Харриет прошли в кухню, где Харриет предложила выпить. Джейн отрицательно покачала головой и попросила апельсиновый сок, разглядывая шампанское, которое Харриет разливала себе и Чарли.

— Что мы отмечаем?

Харриет продуманно накрыла стол: с цветами, свечами и изысканными бокалами. Она получала удовольствие от таких приготовлений, если уж решила уделить этому время. Сегодня она выставила свои лучшие, белые с голубым тарелки на льняной скатерти, заполнила яркими весенними цветами стеклянные вазы для того, чтобы компенсировать цветом изящную нейтральность ее квартиры, которая так выглядела в глазах Каспара. Ее кулинарные способности не стали лучше, чем раньше, но она покупала лучшие продукты для блюд и готовила их, просто нарезаая и делая из них гарнир, украшавший тарелки.

Экзотически поданная простая пища понравилась Каспару в тех нескольких случаях, когда она готовила ему еду. Однажды в Литтл-Шелли он сам готовил и удивил ее своими познаниями в области лука, жиров и тушеного мяса. Это напомнило ей о том, что он был женат в течение пятнадцати лет до появления Клэр, и заставило ее подумать о семейной жизни, о которой она ничего не знала.

Странная ревность охватила ее, что зачастую случалось с ней после знакомства с Каспаром, но она внушала себе, что не имеет никаких оснований, чтобы обращать на это внимание.

При Робине она почти никогда не готовила. Они ели каждый раз в новом ресторане, придирчиво оценивая пищу. Сейчас казалось, что это было очень давно.

— Отмечаем Имоджин и Джейн, — ответила Харриет. — И всех нас, находящихся здесь.

Они потягивали свои напитки, а Дженни оглядывала блеклую, светлую, аккуратную кухню так, как будто она была здесь в первый раз.

— Здесь очень приятно, — пробормотала она, заставляя Харриет задуматься о том, не было ли в этих словах упрека за то, что это случается так редко.

— За твое путешествие, — добавил Чарли, опуская и протягивая свой бокал, чтобы наполнить снова.

— Твой приятель собирается выиграть Оскара?

— Я не знаю, — улыбнулась ему Харриет. — Я хотела бы посмотреть на него там, если это произойдет.

Через несколько минут приехала Джейн. Ей потребовалось несколько раз сходить к своему ситроену, прежде чем ребенок и все вещи, постоянно необходимые ему, не были водружены в центре гостиной. Харриет обзревала плетеную детскую кроватку, бутылку для кипяченой воды и ее держатель, раздутый резиновый мешок с пеленками, кремами, запасными одеялами, платками и веревку с яркими пластмассовыми игрушками, которую Джейн повесит над кроваткой для того, чтобы девочка разглядывала их и не беспокоилась, когда проснется. Имоджин выглядела очень маленькой среди всего этого.

— Наконец сделали все, — вздохнула Джейн и опустилась на диван.

Дженни встала на колени и внимательно посмотрела в корзину.

— Она такая хорошенькая. Как с кормлением? Аэрозоль помогла?

Имоджин была требовательным едоком, и Джейн начала страдать от растрескавшихся сосков. Исходя из своего опыта, Дженни могла порекомендовать лучшее лекарство.

— Если каждые два или три часа, то помогает. Но как у тебя? Все еще тошнит?

Харриет подняла одну из своих прекрасных французских тарелок и предложила свою экстравагантную закуску гостям. Дженни снова отрицательно покачала головой и вздохнула, а Джейн охотно взяла щедрую порцию.

— Я все время такая голодная. Я не собираюсь расставаться с этими камнями, которые я, кажется, приобрела. — Джейн, одетая в необъятный цветастый халат, размахивала одной рукой возле груди, которая в последнее время увеличилась вдвое и которую она называла передней кормушкой.

— Я тоже всегда бывала голодная, когда кормила грудью, — сказала Дженни.

Чарли снова протянул свой бокал за шампанским.

Затем последовали крошечные паровые овощи с сочной холодной уткой, которые мог приготовить только очень опытный кулинар, но тут проснулась Имоджин и немедленно потребовала кормления. Джейн перенесла ее на стол, хотя прекрасно понимала, что Харриет не хотелось бы, чтобы остывали в ожидании ее микроскопические морковки и фасоль. Она расстегнула свой халат и обнажила бело-голубую грудь, величиной, казалось, большей головы ребенка. В ответ на крик в полный голос Имоджин из соска брызнула тонкая струя полупрозрачного молока.

— Ой! — вскрикнула Джейн. — Ну, давай, малыш.

Ребенок схватил грудь, фыркая и глотая. Дженни нежно улыбнулась в первый раз с начала вечера.

Харриет вспоминала почти такую же сцену за столом Джейн в позапрошлом Рождество. Только тогда Джейн пристально вглядывалась в ребенка другой женщины, а Харриет чувствовала, что вся сжимается, как при спазме в кишечнике. Она ощущала подобное и сейчас, наблюдая, как Джейн кормит ребенка, но не стала обращать на это внимания.

— Как твой бизнес, Харриет? — спросил Чарли.

— Прекрасно, в самом деле, очень хорошо, — соврала она. — Отказы станка в Уинвуде, но ничего серьезного.

Они закончили шампанское. У Харриет было еще две бутылки белого вина, но Чарли сказал, что предпочитает красное. Поэтому она открыла бутылку бургунского и разлила вино по бокалам. Джейн сразу подняла свой.

— Если я выпью, то она спит, — объяснила она.

Вот таким был этот вечер. На какую бы тему не начали разговор Харриет или Чарли, беседа обязательно возвращалась к детям. Толстые брови Чарли сошлись в прямую линию, а в Харриет накапливалось раздражение. Это не означало, конечно, что она желала говорить о своей жизни, которая, в основном, сводилась к работе, или слушать признания того, как она значительна, так же значительна, как эти священные и исключительные обряды материнства. На самом деле, она мечтала о том, чтобы хоть на вечер забыть о «Пикокс» и насладиться каким-нибудь из старых разговоров.

Джейн была одной из тех, кто всегда был готов к дискуссии, спору на любую тему, перегнувшись через стол в полночь с глазами, светящимися убежденностью. Но Джейн

превратилась в цветочную гору, которая, казалось, способна была говорить только о родах и кормлении грудью. Ее первоначальное чувство раздвоенности, связанное с рождением ребенка, казалось, исчезло вместе с триумфальным появлением Имоджин. Она была прикована и загипнотизирована.

«Она поглупела», — подумала Харриет. И вдруг она заскучала по старой Джейн, чего с ней никогда не случалось раньше с тех пор, как она погрузилась в дела «Пикокс». После трех экзотических фруктовых шербетов Харриет усадила Джейн и Дженни рядом на диван напротив чайника с мятным чаем. Она закрыла дверь кухни и оставила их вместе с их секретным разговором. Она хотела крепкого кофе, и того же хотел Чарли, который прислонился к кухонной раковине и крутил бокал арманьяка между ладонями.

— Я сожалею, — сказал он.

— О чем? — притворилась Харриет.

— Этот материнский комплекс пройдет. Он имеет тенденцию усиливаться сразу после зачатия и сразу после родов. Ты убедишься в этом.

— Я не думаю, — ответила Харриет, осознавая истину.

Ее тело, все его клеточки и жилочки могли говорить одно, а ум утверждал обратное. Чарли только рассмеялся.

— Так что нового и интересного?

Харриет колебалась. Она находилась между желанием поговорить после вечера, на котором она почти исключительно слушала, и сознанием того, что Чарли был проницательным комментатором по финансовым вопросам, который не справлялся бы со своей работой, если бы не схватился за малейший намек на проблемы в «Пикокс».

Это противоречие всегда сопровождало ее в последнее время, когда она встречалась с Чарли, но обычно она не обращала на него внимания, потому что любила Чарли и доверяла ему. Сегодня она с легким сердцем пожала плечами.

— Ничего особенного. Мы получили новый немецкий чудо-станок, но он до сих пор дает меньше, чем больше...

— Ради Бога, — перебил ее Чарли, — неужели ты не думаешь ни о чем другом? После хорошего обеда? В постели? Когда ты засыпаешь?

Непроизвольно Харриет бросила взгляд на дверь, отделяющую их от Дженни и Джейн. Сравнение было очевидным. Ее собственный ребенок — «Пикокс»...

Она видела, что Чарли был уже довольно пьян. Он хмуро взглянул на нее из-под бровей, а она широко улыбнулась ему, полная искреннего расположения.

— Прости, — извинилась она в свою очередь.

Чарли покинул свою опору в виде раковины и приблизился к ней. Она наклонилась над белым столом, повернувшись в полоборота, чтобы следить за кофе в стеклянном кофейнике. Чарли подошел еще ближе. Его бедра прикоснулись к ее бедрам. Он положил руки ей на талию и повернул ее к себе.

— Мм-м, — промычал Чарли, — так лучше.

Его руки поднялись вверх, пробежали по ребрам грудной клетки и остановились на груди. У Чарли были большие руки, они проглотили все. Она была беспомощна, но чувствовала себя туго натянутой и напряженной после столь распространенного и обильного материнства.

— Хорошо, — промычал он, а потом спросил: — Хорошо?

Его пальцы двигались, слегка поглаживая. Харриет полусонно подумала, что хорошо.

Был уже один случай у Джейн, когда он довольно меланхолично запустил руку ей в блузку. Она подозревала, что оба они подумали об этом сейчас, хотя была уверена в том, что никто из них об этом раньше и не вспоминал. Она подумала, что это был тот вечер, на котором она встретила мужчину в синей рубашке. По каким-то причинам она вспоминала о нем один-два раза после их последней встречи.

Ласки Чарли становились все более настойчивыми. Это было не так, как будто они испытывали давнишнюю страсть друг к другу. Харриет была уверена в этом. Ее никогда по-настоящему не влекло в сексуальном плане к Чарли Тимбеллу. А сейчас она хотела только Каспара, прибыть к Каспару в Лос-Анджелес. Она чувствовала плоть Чарли, давящую на ее бедро. Его губы скользили от ее уха к шее, а нос упирался в ее подбородок.

Харриет глубоко вздохнула. Это было приятно, вызывающе и дерзко приятно после скучного вечера, однако только это и представляло какой-то интерес. Она подняла руку, отвела руку Чарли и дала ей возможность отклониться в сторону.

— А что ты, собственно, хочешь, Чарли? Быстренько на полу в кухне, пока Дженни и Джейн репетируют эпизиотомию, с которой уже знакомы.

Чарли выпрямился.

— Я ничего не хочу. Я вообще ничего не хочу.

Он дрожал, когда говорил, а потом запустил пальцы под ремень брюк и привел себя в порядок. Харриет рассмеялась все еще с симпатией.

— Ты сильно пьян, Чарли.

— Ты совершенно права.

Странно, но сейчас он напоминал ей Каспара. На определенной стадии опьянения они оба демонстрировали милое мужское распутство, качество, которое она объясняла себе, как ребячество. Она по опыту жизни с Каспаром знала, что эта стадия продолжается недолго, и пока размышляла, увидела, что лицо Чарли изменилось.

— Ты понимаешь, не легко перенести этот период бездействия, — объяснил он, — в начале, в конце и еще потом. И это всегда происходит тогда, когда Дженни выглядит очень мягкой и привлекательной.

«Так же, как, — с удовлетворением подумала Харриет, — как она, обтянутая кожей».

— Я не забыл, как это было, когда мы потеряли Джеймса, ты ведь понимаешь. Я никогда, никогда этого не забуду. Но сейчас я просто чувствую, понимаешь, дорогая Харриет, я чувствую себя так, как будто меня бомбардируют молочными младенцами. С молоком, мочой и детскими какашками. А в это время ты, дорогая, очаровательная Харриет, с твоей головой, заполненной финансовым рынком и твоим соотношением цены акции к доходу на одну акцию, закутываешься в шелк и пахнешь как Хлоя. У тебя небольшая твердая грудь, красивый плоский живот и длинные ноги, так что ты можешь осуждать меня, можешь осуждать любого мужчину за желание лечь рядом с тобой и завернуться во все это.

Харриет сухо сказала:

— Оставь это. В любом случае, я знаю, как и кого осуждать. Держи, Чарли. Пей свой кофе. Крепкий и черный.

«Интересно, — подумала она, — Каспар также считает в аналогичных ситуациях? Неужели она — собрание некоторых плоских элементов, в которые хорошо завернуться? Она была уверена в том, что Робин никогда так не думал. И Лео, даже в конце.

Чарли пил кофе. Он заметно его отрезвлял.

— Извини, — снова поморщился он.

— Давай кончим извинения, — она протянула руку, немного посмеиваясь над ним. —

Присоединимся к дамам?

Чарли рассмеялся:

— Ты молодец, Харриет. Не удивительно, что тебе сопутствует успех в бизнесе. Ты думаешь, как мужчина.

Харриет не беспокоило, что она внушила ему такое мнение.

— Все еще? — спросил Чарли, когда они вернулись в гостиную.

Дженни и Джейн виновато подняли глаза. Имоджин опять была возле груди матери. Однако Харриет заметила, что ее настроение изменилось. Харриет понимала, что, конечно, Джейн надо поговорить с Дженни и о питании, и о расписании, и о прибавке веса. Она была одинока, молодая мать, и ей не к кому было обратиться, кроме специалистов-профессионалов. Раскаиваясь, она прошла к ней через комнату и крепко обняла ее вместе с ребенком. От нее пахло молоком и тем, что срыгнул ребенок. Она также подумала, что немного понимает Чарли.

— Не слушайте его. Говорите хоть всю ночь, если хотите.

Дженни охватила зевота. Ее глаза были влажными, а под ними были желтоватые пятна.

— Я, кажется, уже не могу. Чарли, я не хочу тащить тебя слишком рано, но не следует ли нам подумать о том, что пора уходить?

— Хоть сейчас, моя дорогая, если ты хочешь.

Он протянул ей руку и покачнулся, когда помогал ей встать на ноги.

— Я поведу машину, — терпеливо сказала Дженни.

Джейн закутала ребенка и собрала его вещи. Они разделили поклажу на четверых и отнесли в ее машину.

Когда Дженни прощалась, ее лицо было бледным.

— Извини, если я испортила тебе такой замечательный обед, Харриет. Я просто неважно себя чувствую, в этом все дело. Значительно хуже, чем в предыдущих случаях. Пора остановится, я думаю. Чарли будет рад.

Харриет утешала ее:

— Не волнуйся, после тринадцати недель с тобой все будет в порядке и ты будешь полна энергии.

Дженни даже рассмеялась в ответ на это:

— Бедная Харриет. Обо всем этом ты слышала. Но ты еще многое узнаешь, когда придет твоя очередь. Чарли скромно поцеловал Харриет, и Дженни увезла их.

— Когда ты улетаешь? — спросила Джейн через открытое окно ситроена. Харриет ответила. — Счастливо тебе. Я бы отдала все, чтобы увидеть немножко светской жизни Лос-Анджелеса.

Однако в ее голосе не было и следа зависти. У Джейн были пятимесячный отпуск по беременности и родам, проблемы с поисками нового дома, няньки для ребенка, ожидающая ее трудная работа, которую, вероятно, придется менять, и еще у нее была Имоджин. Она не ревновала ее к тому, что было у Харриет, и Харриет ясно осознавала это.

— Счастливого пути, — крикнула Джейн.

— Я постараюсь, — тепло ответила Харриет.

Она посмотрела, как уезжала Джейн, а затем вернулась в дом и аккуратно загрузила тарелки в посудомоечную машину.

Робин был занят. Робин всегда был занят, однако в последнее время к работе его притягивала методичная, безжалостная сила. Все это происходило с связи с «Пикокс». Он собрал урожай от тех семян, которые посадил давно, еще в прошлое лето.

Харриет удивилась бы, узнав, каким основательным он был, но Харриет ничего не знала об урожае Робина. Ее внимание было занято другими вещами, и эта занятость привела к тому, что она забыла или просмотрела то, что она уж определенно хорошо знала о Робине Лендуите.

Робин начал прошлым летом, когда Харриет окунулась в головокружительный, экзотический процесс любви к Каспару, серией телефонных звонков нескольким избранным служащим «Пикокс». Харриет была, конечно, директором-распорядителем, но Робин был председателем совета директоров компании, и поэтому не было ничего необычного в том, что он захотел поговорить с некоторыми ключевыми сотрудниками. Немного более необычным было то, что они не были главными руководителями, а принадлежали ко второму уровню управления, и было важно, что звонки были приватными, в нерабочее время, по индивидуальным домашним телефонам.

Телефонные семена не всегда прорастали, но когда это происходило, за ними следовали сдержанные встречи подальше от офиса «Пикокс». Ту информацию, которую Робин собирал на этих встречах, он хранил в досье, которое находилось во всегда запертом ящике его большого письменного стола.

Позднее он посетил Уинвуд. Никто из рабочих не заинтересовался ногами Робина, когда он обходил цех фабрики вместе с Реем Даннеттом, хотя они и передразнивали его позу герцога Эдинбургского с руками за спиной. После этих инспекционных обходов Робин и Рей вернулись в кабинет Рея, и Робин делал небрежные заметки, когда двое мужчин беседовали под глазами девушек с календарей.

Затем Робин принялся за бухгалтера Джереми Крайтона. Робин выбрал время и тщательно подготовился, однако первая их встреча за хорошим обедом в одном из клубов Робина оказалась недостаточно удовлетворительной.

Джереми был необщителен и поначалу даже не понял, почему Робин Лендуит вдруг пригласил его в один из фешенебельных клубов просто для того, чтобы поболтать за бифштексом и бургундским. Но замкнутый бухгалтер был далеко не глупым человеком и достаточно быстро все понял. Он не доверял Робину, но он и вообще никому не доверял, и очень быстро определял, в какую сторону дует ветер.

Когда они встретились во второй раз, Робин на свои будто бы случайные вопросы получил более ясные ответы. В третий раз Робин взял досье с собой, и они просмотрели его вместе. Джереми выглядел встревоженным, но через некоторое время, когда Робин откинулся на спинку кресла, наслаждаясь портвейном и сигарой, беспокойство почти исчезло.

— Похоже, что у вас есть возможность, — осторожно сказал Джереми, — или она может появиться. Однако я согласен с теми финансовыми показателями, которые вы указали. Это неопровержимо.

Робин улыбнулся его подтверждению и вновь наполнил стаканы портвейном из графина, оставленного для них клубным официантом.

— Я не думаю, что будет трудно аргументировать данный стиль управления, но другого открытого для вас пути я не вижу. Суть дела состоит, конечно, в том, что вам не следует беспокоиться о вашей предыдущей роли, если держатели акций смогут быть убеждены в том,

что жесткое руководство делает все необходимое для обеспечения надежного положения компании в будущем, — объяснял Джереми.

Джереми не любил сигар. Он зажег свою сигарету и рассматривал Робина через дым.

— И вы сможете получить достаточную поддержку от организаций.

— Я думаю, что будет лучше, если это дело вы оставите мне, — ответил Робин.

Робин сделал последнюю подготовку к сбору урожая еще одной серией встреч. Эти последние встречи представляли собой странную смесь официальных и неофициальных, проходили, в основном, в соответствующих офисах больших финансовых организаций, но в разговорах мужчины в темных костюмах часто называли друг друга по имени и даже полушутливым «старина».

На этих встречах Робин провел множество комбинаций с помощью своего досье и информации, которую он получил от финансиста-контролера, руководителя производства, младшего руководителя маркетинговой службы и других из его коллекции проросших и уже цветущих семян. И после того, как были учтены эти маленькие ростки, он принялся за Рея Даннетта и Джереми Крайтона, самых ценных его экземпляров.

Ни одна из этих встреч при всем их внешнем дружелюбии не была для Робина легкой. И не один раз он, возвращаясь в свой кабинет, менял мокрую от пота рубашку на свежую из стопки целлофановых пакетов в ящике стола. Но он всегда точно знал, что он хочет, и, в любом случае, это было в природе Робина: получать удовольствие, привлекая на свою сторону этих людей — финансовых руководителей больших страховых компаний со всей их мощью и могуществом Комитета по защите инвестиций и стоящих за ним людей, восхищающихся финансовым талантом Харриет и соответствующим образом инвестирующих ее. И всех их он перетянул на свою сторону.

Не каждый раз он добивался своего. Иногда Джеймс или Кристофер или какой-нибудь другой финансист в какой-нибудь организации поднимал глаза от досье, подготовленного Робинем, и спрашивал, сузив глаза:

— А ты не преувеличиваешь все это, Робин? Мне кажется, что все не так уж плохо.

Тогда Робин с сожалением кивал и украшал свои доказательства еще несколькими гладкими преувеличениями. Некоторые из этих преувеличений, если бы они были достаточно разработаны, могли бы квалифицироваться как ложь, но Робин был очень, очень искусным лжецом.

Под конец он складывал свои бумаги и говорил:

— Это так, Крис. Мы все восхищаемся Харриет Пикок, и ее способности бесспорны. Но как председатель я несу ответственность перед держателями акций и будущим компании...

Кристофер, Джеймс и другие не видели темных пятен под рукавами рубашки Робина, потому что его отлично сшитый пиджак скрывал их. И они даже не подозревали о восхитительном адреналине, бегущем по его венам, когда он убеждал их. «Нервное возбуждение лучше, чем секс», — думал Робин. Даже лучше, чем тогда, когда он занимался любовью с Харриет в своем кабинете за неделю до выпуска на бирже акций «Пикокс».

Конечно, в конце концов, он получил то, что хотел, потому что он всегда это получал и всегда будет получать.

Численность индивидуальных владельцев акций «Пикокс» составляла от трех до четырех процентов. Он подсчитал, что ему необходимо переманить в свой лагерь всего четырех главных держателей акций. Четыре финансиста, представляемые Джеймсами и Кристоферами, давали ему необходимый пятьдесят один процент.

После последней встречи Робин вернулся в свой офис и запер досье в стол. Он на минуту присел и задумался. Наиболее деликатные переговоры были уже завершены, и ему придется иметь дело с менее знакомыми и предсказуемыми людьми, чем финансисты главных страховых компаний. Но по опыту он знал, что семьи представляют собой значительно более плодородную почву, чем финансовые организации, для посева его семян подозрений и разногласий.

Планы и потенциальный приз, если он хорошо сделал свою работу, интересовали его даже больше, чем все призы, которые он когда-либо в жизни получал. Это был вызов ему. Он знал, что простые люди не всегда выбирают простые цели.

Робин вышел из-за стола, подошел к низким полкам, на которых среди сувениров и всякой мелочи стоял, прислоненный к стене, самый первый вариант «Мейзу». Это была первая сверкающая черная пластиковая модель, которую Харриет окрестила «Головоломкой» и которая не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Ему нравилось смотреть на нее сейчас, потому что она напоминала ему, что Харриет тоже может проигрывать, чему бы не поверили ее сторонники.

Именно провал «Головоломки», а также ее перерождение в «Мейзу» дали в его руки самую сильную карту в его игре, в которую он играл с Харриет. Робин улыбнулся, когда подумал об этом. Кроме всего прочего, он любил выигрывать.

Он взял «Головоломку» и установил положение ворот перед тем, как выпустить шарики, которые гремели, катясь по дорожкам, ведущим к местам их назначения. Когда они остановились, он увидел, что просчитался, что желтый шарик проник перед синим не в ту прорезь.

Робин, все еще улыбаясь, поставил доску назад и вернулся к столу, оставив цветные шарики и блестящие фишки в неправильном положении. «Это было типично для Харриет, — подумал он, — и, возможно, для того старика, о котором она так неудачно побеспокоилась, представлять, что эта игра является в некотором роде метафорой жизни».

Робин не представлял своей жизни в виде какого-то лабиринта. Скорее, это был прямой и правильно выбранный путь, по которому он уверенно продвигался прямо к цели для своего собственного удовольствия. Если какие-то препятствия появлялись на его пути, то они могли быть отодвинуты в сторону, а если путь отклонялся, то его можно было, приложив определенные усилия, повернуть снова в нужном направлении.

Восстановление, в конце концов, своего прямого пути — вот в чем заключалась сейчас его задача. Харриет нарушила его равновесие, она отказала ему, и он не мог потерпеть этого.

В непонимании этого и заключалась ошибка Харриет.

У Харриет было все готово. Грэм, Джереми и другие были подготовлены к ее недельному отсутствию. Уинвуд, казалось, работает приемлемо, в сумку упаковано ее платье для вечера награждения. Она даже увиделась в Хитроу с Линдой, улетающей на пасхальные каникулы в имение Клэр в Бел-Эйр.

Линда демонстрировала хорошее знакомство опытного путешественника с терминалом дальних рейсов и со всем, связанным с полетом. Она сняла значок, объявляющий ее «несовершеннолетним без сопровождения», почти сразу же после того, как его приколоты ей на лацкан, и спрятала его в карман. Она подняла голову и посмотрела на табло отправлений.

— Смотрите. Еще даже посадку не объявили. Харриет, можно я куплю что-нибудь

почитать в полете? Магазин в конце зала.

— Я куплю тебе детскую книжку, — доброжелательно предложила Харриет.

Линда бросила на нее сердитый взгляд:

— Спасибо. Хорошо бы пару журналов.

Они вместе протиснулись через толпу. Магазин предлагал стену книг в мягком переплете с золотыми надписями, выставку чайных полотенец с изображением британского флага и пластмассовых лейб-гвардейцев. Линда схватила Харриет за рукав.

— Посмотрите! — закричала она.

Опытные глаза Харриет уже увидели это и тоже зафиксировали содержание витрины. Здесь был волчок в одном конце витрины, один из выпускаемых ею волчков, украшенный перьями «Пикокс», а полки были плотно заполнены ее играми. «Мейзу» в блестящей упаковке, создавшей производственные проблемы, «Мейзу» в черном с серебром роскошном исполнении и «Тревога» в старой, не удовлетворяющей ее упаковке.

Харриет сказала:

— Да, аэропорты — это хорошее место для торговли.

Линда уже спешила к волчку. Она наводила порядок на полках, передвигая игрушки на те места, которые были не заполнены. Японская пара стояла неподалеку, рассматривая «Мейзу» для путешественников.

— Это, действительно, очень хорошая вещь, — сказала Линда, встав прямо перед ними. — Вы должны купить ее.

Они отступили от нее, с трудом удерживая «Мейзу» в руках, занятых пачками песочного печенья в клетчатой упаковке.

— Линда! — возмущенно позвала Харриет.

— Ну и что? Это же торговля, так ведь? Разве вы не испытываете гордости, видя, как люди покупают ваши изделия? Я горжусь вами. Это все равно, что видеть папу в кино. Разве вы не можете гордиться своим делом?

— Да, я чувствую гордость. Конечно. Но я не говорю об этом.

«Так же, как и о том удовольствии, которое испытываю, услышав, что Линда связывает меня с Каспаром на одном восторженном дыхании», — подумала Харриет. Однако это не отрицало реальности такой ситуации. Она улыбнулась Линде.

— Я возьму тебя в свои торговые агенты.

Пришло время посадки на ее рейс. Харриет проверила, на месте ли ее паспорт, билет и посадочный талон.

— Это не настоящее прощание, — сказала Линда, — потому что вы скоро будете в Лос-Анджелесе. Это будет так замечательно — увидеть вас там.

— Это только на неделю, — предупредила Харриет. — Я не знаю, как часто мы сможем видеть друг друга. Ты будешь со своей мамой...

«А я подружка твоего папы», — деликатно не добавила она.

Линда отреагировала мудро:

— Клэр нравится то, что делает меня счастливой. Вы, кажется, делаете меня счастливой. Не волнуйтесь, это мы устроим.

Ее хорошее настроение, ее доверие и привязанность доставляли Харриет удовольствие. Линда, казалось, была уже не тем мятежным ребенком, которого она встретила у Лендуитов.

— Увидимся в Лос-Анджелесе.

Они крепко обнялись, не как мать и дочь, но и не так, как сестры. «Во всяком случае, не

так, как я с Лизой», — подумала Харриет. Она смотрела и махала рукой, пока Линда не скрылась из виду.

Пришел последний день перед ее собственным отлетом. На этот день было запланировано телевизионное интервью, после которого она отправится в аэропорт.

Вместе с телевизионной командой приехала Элисон Шоу, делающая программу «История успеха». Сидящая в своем кабинете под собственным портретом с пугающим титулом «Предприниматель года», только что присвоенным ей, Харриет явно продемонстрировала собой успех. Она могла вспомнить Саймона, протянуть руку и прикоснуться к растрескавшемуся куску древесины первой «Мейзу», но у нее не было необходимости подробно останавливаться на том, что случилось. Она могла быть уверена в том, что, когда она вернется после недельного отпуска — ее заслуженной награды, она сможет наладить работу в Уинвуде. Она всегда справлялась с любой работой, она — это история успеха.

Комментатор закончила интервью. Пока телевизионная команда снимала последние кадры, Харриет вышла из кабинета ответить на звонок Чарли Тимбелла. Чарли обрадовался, что застал ее. Когда он говорил, он машинально и энергично рисовал в своем блокноте, изображая замкнутые окружности, а затем заштриховывал их косыми линиями.

«Харриет, до меня дошел слух».

У него был ланч с агентом по связям с общественностью, жизнерадостной девушкой, которая с удовольствием пила вино и с которой он регулярно встречался на веселых и оживленных ланчах. Но после ланча Чарли нужно было писать статью, и поэтому он выпил только один стакан, а девушка закончила все оставшееся в бутылке.

«Вы приятель Харриет Пикок, не так ли, Чарли?»

Вопрос сопровождался многозначительным взглядом, предполагавшим, что за ним последует лакомый кусочек информации. Приятельница Чарли не работала в фирме, связанной с «Пикокс», но у нее были личные контакты. И хотя то, что она, наклонившись вперед через стол, выдохнула ему, содержало не слишком много информации, это очень встревожило Чарли. Кроме того, информация содержала такую историю из жизни Сити, которая отличалась от предлагаемых им своим читателям. Он заспешил в свой офис и сразу же позвонил Харриет.

«Харриет, ты знаешь, что творится у тебя за спиной? Не слишком ли далеко вы зашли?»

Ее смех был уверенным, но это не успокоило его.

«Я не скажу тебе, Чарли. Что для тебя важнее — я или хороший газетный материал?»

«Ты будешь далеко от дома».

Она беззаботно ответила ему, что направляется не в Амазонию. Она сможет вернуться в Лондон в течение двенадцати часов, если это потребуется. Чего не может быть.

И, таким образом, Чарли ничего не оставалось, как сказать: «Желаю тебе хорошо провести время».

Харриет повесила трубку. Карен сказала, что машина, которая должна отвезти ее в аэропорт, ждет внизу. Элисон Шоу вышла из кабинета Харриет, из-за тяжелых складок ее одежды и плаща, перекинутого через руку, она казалась более унылой на фоне элегантной Харриет.

Женщины пожали друг другу руки, и Элисон поблагодарила Харриет за интервью. Харриет сказала, что она получила от него удовольствие, что было неправдой, потому что она не любила давать интервью. Это было связано с поисками известности в прошлом,

любой известности, и, кроме того, с Саймоном.

Но она заметила, что сейчас, когда комментаторская работа была закончена, на лице Элисон засветились теплота и дружелюбие, а также стал явно виден острый интеллект. Это заставило Харриет подумать о том, что, если бы было время, то хорошо было бы завести нового друга. В ответ у нее появилось такое же теплое выражение лица.

«Счастливого путешествия», — одновременно пожелали Элисон и Карен.

В пять часов Харриет оторвалась от земли.

Сидя в своем кресле первого класса и держа бокал шампанского от «Бритиш эйрлайнс», Харриет позволила себе небольшой вздох удовлетворения, тронутого самым маленьким и самым приятным зудом неверия.

Она была преуспевающей деловой женщиной, по решению избирающего комитета она была не меньше, чем «Предпринимателем года».

У нее были деньги, настоящие деньги, свидетельством чего были шелк и шерстяной костюм с желанным ярлычком, туфли ручной работы и бриллиантовое кольцо, которое она с удовольствием подарила себе. А сейчас, что было лучше всего остального, что было лучше всего, она летела в Лос-Анджелес к Каспару Дженсену.

Харриет сделала глоток шампанского, улыбаясь и забыв о предостережениях Чарли. Ей предстоял дальний путь.

Лос-Анджелес появился вокруг Харриет, как фейерверк.

С первого взгляда на город поверх крыла Боинга-747 на серебряную и цвета слоновой кости мозаику внутри изгиба Тихого океана она была очарована.

Когда она вышла из аэропорта в бурлящую толпу и впервые ощутила перегретый, насыщенный воздух, она уже забыла об усталости от полета. Она увидела автомобиль, который Каспар прислал за нею — длинный черный лимузин со светонепроницаемыми черными окнами, зажатый такими же автомобилями, ожидающими, когда «истории успеха» спустятся с неба и завладеют ими, и она почувствовала такое количество адреналина в своей крови, какого никогда раньше не было.

Машина поглотила ее вместе с двумя чемоданами, а водитель прикоснулся к своей фирменной фуражке.

— Вы готовы, мэм?

— Готова.

Они проскочили через гудящие джунгли небольших торговых точек подачи быстрых блюд и рекламных щитов, окружающих аэропорт, и в процессе их продвижения Харриет заметила, что водители фордов, бьюиков и потрепанных фольксвагенов, движущихся в потоке по магистрали, поворачиваются и тщетно пытаются рассмотреть что-то за темными стеклами, как будто хотят прикоснуться поближе к какой-то знаменитости.

Она прочитала дорожный указатель — скоростная автострада Сан-Диего — и посмотрела вперед на тянущуюся ленту металла, стекла и резины, сверкающую в знойном воздухе. Уличное движение. Она могла скорее чувствовать, чем слышать, как окружающий воздух вибрировал вместе со звуковыми волнами тысяч радиостанций. Пальцы постукивали по баранкам рулевых колес и сверкающему металлу повсюду вокруг нее, насколько она могла видеть, в резонанс с каким-то настойчивым и неслышимым ритмом.

Впереди над дорогой на электронном табло снова и снова вспыхивали цифры 18:27. 87°. 18:27. 87°. 18:28. На улице было жарко, а Харриет было прохладно в ее покое с

кондиционером. Вместо того, чтобы откинуться назад на подушки и закрыть глаза, она подалась вперед, страстно желая, чтобы лимузин быстрее вез ее.

Бульвар Санта-Моника. Движение стало менее напряженным. Четыре ряда машин проходили мимо зиккуратов небоскребов с зелеными и черными окнами, мимо величественных сооружений кремового цвета, похожих на современные соборы, мимо множества рекламных щитов, сверкающих знаков, слов и цветов, привлекающих ее внимание сильнее, чем какой-либо другой ландшафт в ее жизни.

Она внимательно смотрела на все это, ее глаза готовы были выскочить вперед и бежать быстрее, чем мог двигаться автомобиль. Она повторила про себя: «Бульвар Санта-Моника». Какой-то автомобиль с надписью «Актриса», солнцезащитными очками и ярко-красными губами на колесе резко рванулся вперед и умчался в противоположном направлении.

Харриет громко рассмеялась, жаждущая увидеть раскинувшийся перед ней легендарный город и в то же время испытывающая благоговейный страх перед ним.

Лимузин вынырнул из потока машин. Теперь Харриет видела широкие, тихие улицы, более похожие на те, которые были ей знакомы, за исключением тех улиц, по сторонам которых, как часовые в четыре ряда, стояли шестидесятифутовые пальмы. Листья пальм, выходящие из гладких, перерезанных кольцами стволов, были настолько неподвижны в тяжелом воздухе, как будто они были отлиты из металла.

Здесь не было рекламных щитов и заправочных станций. Здесь были только машины, которые неслышно скользили под пальмами-часовыми мимо площадок с подстриженной травой. За этой травой, похожей на бархат, Харриет видела дома, белые, розовые, кремовые дома за валом цветов. Над цветами бесстрастно зияли окна, встречая ее пристальный взгляд.

Харриет наклонилась вперед и легонько щелкнула по стеклу, которое отделяло ее от водителя. Послушное стекло с жужжанием опустилась.

— Как называется это место? — спросила Харриет.

— Это? Беверли-Хиллс, мэм.

Да, конечно же, это Беверли-Хиллс.

— Вы в первый раз в Лос-Анджелесе?

— Да.

Водитель покачал головой:

— Такого места больше нигде нет. Сумасшедший город. Вы будете здесь одна?

— Нет.

Он кивнул:

— Это лучше всего. Приехали, посмотрели и назад домой.

Харриет рассмеялась:

— Это звучит, как предупреждение.

По мере того, как они все более углублялись в Беверли-Хиллс, исчезали даже дома. Теперь была видна только зеленая растительность, украшенная бугенвиллиями, гибискусом и цветущими апельсиновыми деревьями, и огороженные участки подстриженной травы. Тут и там были видны высокие ворота и изредка верхушки крыши над валами растительности. Харриет пришло в голову, что это гигантский субтропический вариант Литтл-Шелли.

Машина начала подниматься по извилистой дороге. Обернувшись и посмотрев назад, Харриет увидела под собой плотный ковер города, раскинувшегося в западном направлении до океана. Солнце садилось, укладывая оранжево-золотой лист на серебро воды. Вид был великолепный, но не было никого, чтобы получать от него удовольствие. Харриет вдруг

поняла, что им не подалось ни одной живой души, пока они поднимались по дороге вдоль глубокого ущелья. Через минуту длинный, черный автомобиль преодолел опасный поворот между островами пышной растительности.

Харриет взглянула на дорожный указатель и прочитала: «ЗОНА ПАТРУЛИРУЕТСЯ ЧАСТНОЙ ВООРУЖЕННОЙ ОХРАНОЙ ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ЧАСА В СУТКИ!»

Машина остановилась.

Она открыла дверь и вышла. Жара тут же окутала ее голову. Харриет увидела, что она в саду возле длинного, низкого дома с белыми стенами. Дом был отрезан от остального мира, но на этом сходство с Литтл-Шелли заканчивалось. В этом саду, в отличие от знакомых влажных английских кустов, росли кактусы, загадочные, мясистые, высокие белые эфиопские зантедешии и вьющийся плющ, а на ковре из розовых и пурпурных цветов виднелись черные точки кипарисов и пышно расцветшие апельсиновые деревья в керамических горшках. Сонная тишина нарушалась только раздающимся откуда-то поблизости лаем и хрипением сидящих на цепи сторожевых собак.

Харриет колебалась. Низкий белый фермерский дом, казалось, не имел парадного входа, а все окна, как ей показалось, были закрыты. Затем она заметила движение среди толстых, глянцевого зеленых листьев. Секундой позже она увидела направляющегося в ее сторону мужчину в оливково-зеленом рабочем халате; радуга возникла возле его руки, в которой он держал шланг для полива.

— Извините, скажите пожалуйста, как пройти к парадной двери.

Садовник повернулся и безучастно посмотрел на нее. Харриет повторила вопрос, и он лучезарно улыбнулся, показав серо-розовые десны, но все еще ничего не ответив. Она решила, что он либо совершенно глухой, либо ни слова не понимает по-английски. Взрыв громкой музыки, еще какого-то шума и смеха раздался где-то совсем рядом. Краем глаза Харриет увидела, что лимузин отъехал, оставив на дороге два ее чемодана.

Сияющий улыбкой садовник указывал в сторону дома, туда, откуда звучали музыка и смех.

— Си, си, — подбадривал он ее.

Харриет медленно пошла. Ей было жарко в лондонской одежде. Листва поглощала все шумы вокруг, она едва слышала звуки своих шагов. Свисающие усики и резко пахнущие цветы касались лица. Она долго обходила одно длинное крыло большого дома.

Завернув за два угла, она неожиданно оказалась на террасе с бассейном.

Терраса, выходящая на юго-запад, тянулась вдоль аллеи и поэтому вечером была хорошо освещена. Колеблющаяся вода в бассейне, имеющем форму ромба, отражала струи света и деревья. В бассейне плавали люди и очень толстый мужчина, похожий на розовую надувную игрушку. Вокруг бассейна сидели, стояли и лежали женщины, все одетые в очень открытые купальные костюмы и туфли на высоких каблуках. Ближайшая к Харриет девушка была одета в черный купальный костюм, а остальная поверхность ее тела была покрыта пятнами черного латекса, усеянного крупинками горного хрусталя.

Дворецкий перемещался среди одетых тел, предлагая ярко-красный напиток, в котором были кусочки фруктов. Полностью одетый, в своей белой куртке и галстук-бабочке, он выглядел, как на маскараде.

Каспар стоял на краю бассейна. В руке у него был полный стакан. Наклонив на бок голову, он, казалось, прислушивался то ли к голосам девушек, то ли к музыке, которая снова заиграла. Харриет в замешательстве не смогла понять, неуместно или вполне нормально то,

что звучало танго «Чай для двоих». Каспар выпрямил голову и посмотрел на нее.

Он шел не слишком уверенно, но через несколько секунд он уже был на ее стороне бассейна. Он обнял ее так, как она и предполагала. Харриет казалось, что никто еще не обратил ни малейшего внимания на ее появление.

— Детка, я так рад, что ты здесь. Я не ожидал тебя так рано.

Он получал удовольствие, глядя на нее. Он был тем Каспаром, каким он был всегда, большего масштаба, чем все остальные, и она моментально стала не «Девушкой Мейзу» и даже не «историей успеха», а просто Харриет. Она устала, но он разбудил ее, заставляя быть настороженной и готовой к любому сюрпризу. Она соскучилась по нему и была счастлива видеть его. Целуя его в губы, она ощутила вкус виски.

— Я рада, что я здесь, — музыка звучала у нее в ушах.

«Чай для двоих и двое для чая. Я для тебя и ты для меня».

— Каспар, — прошептала она, — что тут происходит? Кто эти люди?

Он ответил краем рта со свойственными ему модуляциями в голосе:

— Ты должна понять, детка. Это Голливуд.

Желание соединиться с ним охватило ее. Харриет уронила голову ему на плечо, минутное замешательство прошло. Ей показалось удивительным, что она засмеялась.

— Добро пожаловать в Лос-Анджелес. Хочешь танго?

«Я для тебя и ты для меня...»

Он был хорошим танцором. Его рука немного обрызгала ей спину, когда он удерживал ее перед собой. Другая его рука соединилась с ее рукой, их щеки соприкоснулись. Харриет сначала чувствовала себя скованно, но потом вошла в ритм абсурдного танца. Она улыбалась, ее глаза закрылись, когда она слушала, как подпевал Каспар. Она ощущала, какой он крепкий и теплый, и ей нравилось, как он держал ее.

Танго сменил вальс. И даже «Голубой Дунай». Харриет плыла покорно, как во сне. Каспар нежно шептал, его дыхание согревало ей ухо. «Хороший прием», — подумала она. Хорошее вступление.

Они танцевали до тех пор, пока Харриет не вспомнила, что она пролетела двенадцать часов и ее тело не сказала ей, что сейчас семь часов утра после бессонной ночи и рабочего дня. Она остановилась, и ее руки упали. Каспар вопросительно посмотрел на нее:

— Ты устала. Ты хочешь под душ и спать. Я ведь прав?

С благодарностью Харриет кивнула.

— Конечно, ты это сделаешь. Но Харриет, это Голливуд. Неделя присуждения Оскара. Перед тем, как заснуть, ты поучаствуешь. Пойдем познакомиться с мальчиками и девочками.

И Харриет покорно последовала за ним, пожимая руки, когда ее представляли, пытаясь запомнить разницу между очень похожими широкими безупречными улыбками, которыми приветствовали ее. Толстый мужчина был агентом, а красивые девушки со своими потрясающе тренированными фигурами были актрисами, редакторами и ассистентами. Здесь были также темноволосые мужчины, которых Харриет сначала не заметила. Мужчины были писателями, юристами и финансистами.

— Я — деловая женщина, — ответила Харриет. — Я предприниматель. Нет. Никакого отношения к кино.

Люди были дружелюбны, но она знала, что они моментально определили, что она чужой среди них человек. Странно чувствовать себя отвергнутой, даже сердечно, когда ты уже достигла того, что тебя обычно узнают.

Дворецкий Вернон был британцем.

— Добрый вечер, мадам. — Он приветствовал так, как будто все они находились в Белгрейвии. — Хотите выпить «мексиканский закат»?

Разница заключалась в том, что он подмигнул ей, когда она взяла стакан с его подноса.

Харриет пила, сидя и разговаривая с девушкой в розовом купальнике, восхищавшейся ее костюмом от Джаспера Конрана.

— А вам не жарко? — с участием спросила девушка?

— Удушающе, — ответила Харриет, — но мой багаж, я думаю, все еще стоит перед парадной дверью.

Доброжелательная девушка указала на домик возле бассейна.

— Там висит всякая одежда. Сходите туда.

Каспар перемещался среди гостей. Его голос был хорошо слышен, ясно выделяясь из остальных. Харриет несколько секунд внимательно наблюдала за ним, а потом последовала совету девушки. Она сняла свою одежду в домике у бассейна и смущенно появилась с белыми руками и ногами среди загорелых тел в пятнышках радужного латекса.

Харриет села на край бассейна, опустив ноги в бархатную воду. Было уже почти темно, и крошечные огоньки на деревьях светились, как светлячки. Прямо перед ней раскинулся Лос-Анджелес, сеть огней протянулась вдоль всей дороги к океану. От Лондона, казалось, отделяло больше, чем половина мира.

Каспар с кем-то танцевал. Он улыбался Харриет через плечо партнерши. Харриет понимала, что это был другой мир Каспара.

Когда вечеринка закончится, когда это произойдет, настанет их собственное время. Она чувствовала себя совершенно как дома. «Закат», два или три «заката» ударили ей в голову.

Она встала и протянула руки.

— Я собираюсь поплавать, — объявила она, ни к кому конкретно не обращаясь.

Она изогнула спину и нырнула. Она скользила в воде до тех пор, пока ее пальцы не коснулись дна бассейна. Тогда она повернулась и заскользила вверх, а пузырьки воздуха, как в шампанском, пенились вокруг ее головы.

Когда она снова окунулась в ароматную темноту, она перевернулась на спину и поплыла. Ее волосы расплывались, как водоросли. Она была недостижимой в оболочке воды. Впечатления от сегодняшних дня и ночи прокручивались за ее закрытыми веками, как галлюцинации.

После того, как случилось все, что должно было случиться, и у нее появилось время на воспоминания, да и вообще свободное время, Харриет нравилось вспоминать первые дни своей поездки в Голливуд.

В памяти она всегда возвращалась к этому месту, как к оскорблению всех ее чувств. Когда она думала об этом в полете, сидя в кресле в пяти милях над Гренландией, она могла представить запахи лилий и цветов апельсиновых деревьев, брызги воды на своей загорелой коже.

Потом ее воображение могло даже переключиться на еду: продуманно приготовленные изысканной простоты блюда, стоявшие перед ней в «Спаго», «Айви», «Быстро Гарденс» или в полной роскоши столовой в бледных, приглушенных тонах отеля «Бел-Эйр». Но она никогда не мечтала о тишине, нарушаемой только пением птиц, которая обволакивала на снимаемом Каспаром ранчо недалеко от дороги на Лома-Висту, которое потрясло Харриет в этом огромном городе, как значительно более роскошное, чем все эффекты, созданные художниками по интерьерам в Голливуде.

А потом, когда тишина была нарушена, она вспомнила разговоры. Голливудские разговоры, казалось, протекают быстрее и на другом уровне артистизма по сравнению с разговорами в Лондоне. Это не означает, что темы бесед были более глубокими или их тематика была более широкой, скорее эти беседы проходили по другим правилам. Здесь не было места воспоминаниям или даже каким-то ссылкам на определенные принципы искусства, истории или человеческого опыта. Все, что представляло интерес, было связано с будущим, и даже настоящее интересовало настолько, насколько оно может повлиять на то, что должно случиться.

Коллективный энтузиазм, текущий так же устрашающе, как лава, взбудоражил даже Харриет. Она почувствовала возбуждение, создаваемое близостью такого количества богатства, власти и энергии. Ей нравилось, что ответом на каждую просьбу, любую просьбу, казалось, всегда было «да». Она никогда не бывала ни в каком другом месте, где бы были такие широкие возможности, а потом она улыбалась, вспоминая свое злоупотребление ими. Невероятно. Даже невозможно, но абсолютно точно. После бизнеса в Лондоне, после осторожной оценки и глубокомысленного покачивания головой открыть Голливуд означало открыть свободу.

Харриет и не пыталась содействовать распространению здесь «Мейзу» или рекламировать «Пикокс». Это было не кино. На одном приеме, соблазненная едой, музыкой и новизной, Харриет рассказала историю Саймона одному молодому человеку, когда они сидели рядом перед сапфировым овалом освещенного бассейна.

— Это интересный рассказ, — сказал молодой человек. — Вы доработаете его, чтобы придать законченный вид? Кому вы его рассказывали?

Харриет откинула голову назад на подушки кресла. Ветви бамбука над ней переплелись в сеть на фоне темно-синего морского неба.

— Это не рассказ, — ответила она, — это правда.

— Не имеет значения, — ободряюще сказал он ей.

Харриет училась быстро, как и всегда это делала. Наблюдая и слушая, она начала понимать некоторые нюансы, управляющие этим поразительным обществом. Творческая

беседа при всей ее артистичности ничего не стоила.

— Дерьмо всегда было бесплатным, — заметил Каспар.

Как приятельница Каспара, Харриет была на виду, и ее роль была ясна. Ее видели многие, но вряд ли замечали, и она с хорошим юмором принимала свою временную роль в этом бесконечном пышном зрелище. Она только хотела в минуты размышлений, когда для этого было время, чтобы сам Каспар мог лучше понимать ее. Он сопровождал ее на приемы, а потом в постель, но она не была вполне уверена, какое положение она занимает в его поле зрения. Он много пил, но и все остальное делал с достаточным воодушевлением. Он без умолку разговаривал, рассказывал истории и создавал веселье везде, где бы они не находились.

Всю эту неделю он собирал изумительное общество для Харриет и для любого другого, кто попадал в его орбиту. Наблюдая за ним на приемах, она сдерживала в себе желание броситься и встать перед ним, чтобы не дать ему смотреть на всех остальных. Харриет говорила себе, что должна отдать ему это время.

Позже, после церемонии награждения, она сможет заявить ему о себе.

А сейчас она должна быть счастлива, видя, что он находится просто на вершине наслаждения. Она гордилась тем, что становится все более осведомленной в перевернутых законах, что позволяло ей определить высоту ее волны.

Они не слишком много времени проводили вдвоем. В нескольких случаях, когда они бывали на ранчо без его многочисленной свиты, он предпочитал проводить время, читая или засыпая возле бассейна в форме ромба. Он очень много читал, поглощая романы и повести с таким же аппетитом, с которым он делал все остальное.

Харриет не стояла перед ним и не требовала: «Посмотри на меня», — хотя иногда ей и хотелось этого. Она не спрашивала его, почему он хотел, чтобы она присутствовала на награждении, хотя это неоднократно приходило ей в голову. Вместо этого она давала ему возможность расслабиться со своими книгами, брала белую машину, предназначенную для нее, и отправлялась исследовать Лос-Анджелес.

Она не ожидала увидеть такую красоту. Его очарование ярко проявлялось в Бел-Эйр и Беверли-Хиллс и на маленьких улочках западного Голливуда, где миниатюрные замки и особняки полностью соответствовали экзотике необычных растений, цветущих и вьющихся повсюду. Но Харриет также заметила, что ее тянет на городские пустыри, где за щитами рекламы и бензозаправочными станциями вытянулись акры низких лачуг, где солнце съедает цвета яркой рекламы, оставляя дымный, монотонный пейзаж. Харриет объезжала все это в белом автомобиле с кондиционером, наблюдая за раскрывающимся перед ней городом. В ее душе бились волны возбуждения.

Она ездил до Анахема, затем через микроскопические королевства долины Сан-Фернандо и западнее к океану, в Санта-Монику. Она получила удовольствие, открыв, что немного дальше, за пляжными домиками Малибу, дорога поднималась в каньоны и в пределах получаса езды привела ее на безлюдную вершину, с которой открывался пейзаж, представляющий собой полупустыню, покрытую порослью кустарника. Изолированность этих мест была тем более удивительна, что, повернувшись в другую сторону, она увидела огромную мозаику города, раскинувшегося вокруг взлетающих с международного аэропорта Лос-Анджелеса самолетов.

Благодаря скоростным автомагистралям она успевала все. Через час после того, как она покинула вершину, она катилась по Родео-драйв, разглядывая драгоценности и маленькие

бежевые шелковые костюмы в витринах мастерских модельеров. Контрасты были настолько резкими, что от них порою захватывало дух, но, как это ни странно, она все же ощущала себя здесь, как дома. Эта энергия, казалось, соответствовала ее темпераменту.

Напевая про себя, она возвращалась к Каспару, который, смеясь и глядя рукой ее волосы, уводил ее в дом, чтобы заниматься любовью за закрытыми ставнями до тех пор, пока не придет время ехать на следующую вечеринку или прием.

На третий день Харриет взяла Линду на пляж. Она хотела увидеть ее на второй день после того, как выпалась, компенсировала разницу во времени и избавилась от связанного с «закатами» похмелья. Однако любые ее предложения требовали, как оказалось, удивительно продолжительных переговоров с секретарем Клэр Меллен. Наконец договорились, что Харриет должна взять Линду в доме ее матери в половине третьего и вернуть ее назад точно в шесть.

Когда подошло время, Харриет подъехала к традиционным чистым воротам в зеленой глубине Бел-Эйр и сообщила о себе в решетку переговорного устройства. Это заставило ее вновь подумать о Литтл-Шелли. После продолжительного ожидания ворота раскрылись. Харриет припарковала свою унылую машину возле роскошного мерседеса и автомобиля поменьше с открывающимся верхом. Секретарь вышла из дома скорее для того, чтобы проконтролировать ее, чем приветствовать, как предположила Харриет. Она выглядела даже менее доступной, чем Ронни Пейдж.

Харриет послушно ожидала в коридоре. Дом, казалось, был, в основном, отделан белым и бежевым мрамором, обставлен так экстравагантно украшенной оборками и рюшами мягкой мебелью, как Харриет еще никогда не видела. По сравнению с ним дом Аннунзиаты Лендуит выглядел таким же голым, как зал ожидания в автовокзале.

Через несколько секунд Клэр Меллен и Линда появились на верхних ступеньках бежевой мраморной лестницы, напоминающей по форме изгиб раковины, Клэр была на два-три года старше Харриет, однако лицо и фигура Клэр все еще были безупречны. Она была одета в розовое платье, которое плотно облегалo ее бедра и заканчивалось выше колен, демонстрируя ее ноги балерины. Ногти на ее руках и ногах были покрыты лаком розового цвета такого же оттенка. На шаг за нею находилась Линда, превратившаяся в того же сердитого ребенка, которого Харриет впервые увидела в гостиной Аннунзиаты.

Она была одета в платье из такого же розового материала, что и у матери, но с длинной юбкой и украшенного лентами. Ее ногти, конечно, не были покрыты лаком, но Клэр удалось найти кожаные туфельки точно такого же розового цвета. «Или, скорее всего, они были специально изготовлены», — подумала Харриет. Бедная Линда выглядела так, как будто она отправлялась на скучнейший детский утренник или, возможно, выступать в роли подружки невесты на не слишком хорошо подготовленной свадьбе.

Харриет почувствовала себя растрепанной и неуклюжей под внимательным осмотром Клэр. Со своей стороны, она хорошо понимала длительное страстное увлечение Каспара. Клэр была очень красива, и ей не хватало только намека на живость.

Харриет протянула руку, и Клэр прикоснулась к ней кончиками пальцев.

— Это очень мило с вашей стороны, — произнесла Клэр в соответствии с правилами хорошего тона.

Секретарь уже четко указала, что, фактически, это Клэр проявляла доброту, даря Линду на послеобеденное время.

— Поздоровайся как следует, Линда.

Линда что-то пробормотала. Она выглядела несчастной, но стояла близко к Клэр. Впервые Харриет заметила, что ее лицо было меньшей и не такой красивой копией лица матери, более тяжелой из-за выразительных черт Каспара.

Она расстроилась из-за своего очевидного замешательства и начала сожалеть, что вообще пришла. Клэр была ее матерью, даже если они сейчас и не представляли собой счастливой картинкой матери и дочери.

«Если бы она была моей, — подумала Харриет, — были бы мы похожи на Джейн и Имоджин?»

— Линда так хотела увидеть вас, — добавила Клэр.

— Мы хорошие друзья, не так ли, я думаю? — сказала Харриет непосредственно Линде.

Ей не нравилась такая манера разговора, когда беседа шла через голову ребенка. Однако Линда только кивнула, и все трое направились через акр мрамора по направлению к двери. Казалось немыслимым, чтобы кто-нибудь упомянул имя Каспара, однако Клэр весело сказала:

— Линде так свойственно воодушевляться. В этом она копия своего отца.

Харриет восхитилась точностью этого замечания, снижающего ее собственное значение в жизни их обоих, Каспара и Линды, до мимолетной причуды.

— Это очень привлекательное качество, — улыбнулась она в ответ.

В дверях Клэр спросила:

— Куда, девочки, направляетесь?

Харриет мудро не упомянула о пляже. Не было необходимости испрашивать разрешения для доступа к песку и морю. Клэр, без сомнения, считала это как грязным и опасным, так и вульгарным.

— Да просто покататься. Может быть, зайдём в магазины и попьем чая в каком-нибудь тихом месте.

Спокойная программа была оценена, как подходящее послеобеденное развлечение для Линды. Клэр кивнула и открыла парадную дверь. Она наклонилась поцеловать Линду в щеку, когда та проходила мимо.

— До свидания, дорогая. Желаю приятных развлечений. Жду в шесть часов. — Последние слова, сказанные другим тоном, означали срок увольнения Линды.

В машине даже тогда, когда ворота за ними закрылись, Линда сидела, отвернувшись в сторону. Она смотрела в окно на волны зеленой растительности, как будто никогда не видела их раньше. Харриет ждала. В конце концов Линда повернулась к ней и сказала:

— Я действительно люблю ее, вы же знаете.

Харриет испугалась. Она не хотела, чтобы Линда защищала свою мать перед ней. Ей было стыдно, что она столь явно продемонстрировала свою собственную оценку Клэр. Она только ответила, высказав удивление:

— Конечно, ты любишь. Ты должна любить.

Через несколько секунд Линда дернула за юбку своего собственного платья.

— Глупо, да? Я скажу вам, что я думаю. Вы скорее наряжаетесь, чем просто носите что-нибудь.

Атмосфера моментально разрядилась. Харриет рассмеялась и направила машину в сторону Санта-Моники.

Линда была в восторге от предложения поехать на пляж.

Стоял теплый ясный день, однако огромное пространство, покрытое светлым песком,

было почти безлюдным. Спасатель сидел в своем домике на сваях, наблюдая за десятком негритянских и мексиканских семей, разложивших свою одежду и полотенца вокруг пирамид из металлических банок с напитками. С океана дул легкий ветерок, и в ритме прибоя тонуло все, кроме буги-буги, раздающегося из их больших черных транзисторных приемников.

Линда сбежала по твердому поблескивающему песку к краю волн. Харриет прошла выше по склону, держа в руках ее розовые туфли и наблюдая за ее стремительными движениями от затухающих волн и снова к ним.

— Смотри, чтобы соль не попала тебе на юбку.

Лицо Линды сияло.

— Здесь внизу так чисто.

— Не говори мне, что никогда не была здесь раньше!

— Я много раз была в Малибу, там, где у знакомых есть пляжные домики. И еще я с Каспаром ездила по воскресеньям на венецианский пляж, потому что ему хочется, чтобы я смотрела на уродов, жуликов и всякую ерунду. Мне кажется, что я никогда не была здесь возле волнолома.

— А я в Лос-Анджелесе всего три дня и уже была здесь.

— Вам нравится здесь? — Линда казалась почти застенчивой.

— В Лос-Анджелесе? Я люблю его.

Линда засияла:

— Я же говорила. Но вы знаете, в этом есть что-то таинственное. Когда я здесь, непонятно почему, я начинаю скучать по Англии. По зелено-серой и мягкой Англии. Здесь все твердое и по-настоящему яркое. Вы понимаете, о чем я говорю? Или я сумасшедшая?

— Я совершенно точно знаю, о чем ты говоришь.

Харриет повернулась спиной к морю и посмотрела вдоль пляжа. Нелепо торчащие волноломы уходили в море, как впрочем и в любом другом месте. Если она полужакроет глаза, то сможет представить себя в Гастингсе. Или в Брайтоне. Брайтон навел ее на мысль о Каспаре, который проспал ланч в тени солнечного зонта с «Воспоминаниями пехотного офицера», лежащими на теплом камне рядом с ним.

Харриет широко раскрыла глаза. Пальмы вдоль Палисейдс никуда не годились по сравнению с Брайтоном и Гастингсом, и не было там ленивых негритянских семей. Как и Линда, она почувствовала ностальгию по маленьким, переполненным пляжам с песком и галькой и по родным зеленым пейзажам. Эта мысль заставила ее улыбнуться.

— Мы будем плавать?

— В море?

— Конечно.

— Я не взяла купальные принадлежности.

— Я взяла полотенца. Ты можешь плавать в своих трусиках.

Линда не нуждалась в дальнейших уговорах. Она стянула с себя платье, стоя в самодельной палатке из полотенец, что вновь вернуло Харриет к воспоминаниям об английском побережье. Кэт сооружала такие же палатки для нее и Лизы.

От совершенно излишней скромности, закрыв руками свою тощую грудь, Линда бегом бросилась вниз к воде. Харриет, извиваясь, сняла свою одежду и тоже побежала. Вода была ледяной, и они, задыхаясь, брызгаясь и шумя, подбадривали друг друга. Через пять минут они вернулись на пляж и теплыми полотенцами стали растирать руки и ноги, чтобы

согреться.

— Я так з-замерзла, — захлебываясь, говорила Линда.

— Не жалуйся. В Англии такая погода официально считается периодом сильной жары.

Эта мысль заставила их обоих рассмеяться.

— Я хочу есть. Можем мы сходить на волнолом и купить что-нибудь поесть.

— Почему же нет? Это будет отлично.

Линда посмотрела на нее поверх полотенец.

— В самом деле?

— Я же предложила.

— Вы действительно замечательная, Харриет, — сказала ей Линда. — Я не представляю себе никого, кто с удовольствием сходил бы на волнолом. Кто сделал бы это без страданий, чтобы доставить мне удовольствие.

— И Каспар?

— Здесь я, фактически, не принадлежу Каспару. Я принадлежу ему, когда я в Англии.

Так определили юристы.

Харриет взяла ее за руку. Она хотела обнять и прижать Линду, как будто могла этим что-то компенсировать, но она позволила себе только сцепить их пальцы и сжать их со всей теплотой, которая только была в ней.

— Ну, хорошо. Я хочу пойти на волнолом и хочу, чтобы ты пошла со мной и составила мне компанию.

Волнолом, как Харриет уже видела, был точно таким же, как и везде. Они съели по гамбургеру и наблюдали, как рыболовы горбились над своими удочками на дальнем конце волнолома, а потом их захватила механическая музыка, раздающаяся из забавной ниши, заполненной потным мужчиной с грудью, похожей на бочку, и незаметными молодыми людьми. Линда бегала между игровыми автоматами, почти подпрыгивая от восторга.

— Быстрее, Харриет, — командовала она. — Дайте мне несколько монет по четверти доллара.

Роль Харриет сводилась к поставке долларов, а Линда играла с автоматами, пока они предлагали ей игру с червяками. В этой игре плоские головки червяков быстро высовываются и исчезают в отверстиях в непредсказуемой последовательности. Вооруженный тяжелым деревянным молотком игрок должен загнать каждую головку обратно в отверстие до того, как появятся другие.

Линда неистово крутилась, однако Харриет не отступала. Она сплющивала каждого червяка, появляющегося из отверстия, и когда ее счет достиг тысячи, зазвонил колокол. Игроки у соседних автоматов повернулись к ней. Мигающие огоньки объявили, что Харриет набрала больше всех очков за день.

— Вот это да! Посмотрите, вам дают еще одну бесплатную игру! — пела Линда.

Харриет бросила свой молоток. Запыхавшись, она засмеялась.

— Это не очень отличается от работы предпринимателя. Просто всегда держись на один шаг впереди оппозиции. Пойдем отсюда. Я уже получила так много удовольствия, что начала волноваться за себя.

— Гроза червяков, — широко улыбнулась Линда.

Свет на улице стал белым и холодным. Они размахивали руками над просмоленной палубой.

— Я хотела бы, чтобы работало чертово колесо, — вздохнула Линда.

За загородкой с одной стороны волнолома располагался маленький парк аттракционов, однако качели все еще были укрыты поблекшим за зиму голубым брезентом. Но откуда-то неподалеку раздавалась музыка каруселей. Линда бросилась вперед.

— Посмотрите, Харриет!

С береговой стороны волнолома стояли защищенные своими стеклянными стенами и блестящим деревянным домиком ярмарочные карусели с резными, позолоченными и вставшими на дыбы лошадками. Пока они смотрели, карусели замедлили свое вращение и остановились. Ребята неохотно соскальзывали из раскрашенных седел. Скачки должны будут открыться в первый день летнего сезона. Харриет стояла и с восхищением смотрела на сверкающие лошадиные ноздри, стремительные золотые хвосты и на красивые изогнутые линии колесниц, которые они тянули.

— Я помню их, — с восторгом сказала Линда. — В начале фильма. Вы помните «Жало»? Там были эти замечательные карусели.

Харриет все еще восхищалась великолепной резьбой и цветом зеркальных поверхностей.

— Мне кажется, что я не видела этого фильма.

Линда взглянула на нее краем глаза.

— Харриет, вы ходите в кино?

— Не часто.

— Вы должны знать, что это действительно волшебное место.

— Я это уже чувствую.

Линда была коренным жителем, а она нет. Слабый холодный перст предостережения коснулся Харриет.

— Мы можем покататься?

— Попробуйся.

Она выбрали себе раскрашенных лошадок и крутились по великолепному кругу. Окружающие яркие краски танцевали в зеркалах, тени в деревянном домике и дневной свет, проникающий через стеклянные двери, создавали успокаивающие образы в полузакрытых глазах Харриет.

Когда настала их очередь соскальзывать с гладких седел, она забыла, о чем думала.

— Пора везти тебя домой. Твоя мама будет ждать.

— Мама не ждет. За нее ждут другие люди.

Харриет доставила Линду секретарю ровно в шесть часов. От Клэр и следа не осталось.

— Как она? — спросил Каспар, когда она нашла его на стуле возле бассейна.

Перед ним на столе стоял стакан виски с содовой, и он смотрел на нее одним полузакрытым глазом.

— Твоя дочь?

— Конечно.

— С ней все в порядке. Она получила удовольствие от волнолома в Санта-Монике. Каспар фыркнул от смеха:

— Это была хорошая мысль.

Харриет опустилась на колени, чтобы глаза их были на одном уровне. На спутанных волосах у него на груди повисли маленькие бусинки пота, а морщинки в уголках глаз углубились в бледной восковой коже. Однако во внимательных синих глазах просматривалась тревога. Она почувствовала смесь нежности и раздражения. Она протянула

палец, чтобы прикоснуться к липкому краю стакана.

— Почему ты пьешь так много?

— Я давно говорил тебе об этом.

Харриет на минуту задумалась. Тишина Голливуда окутала их. Казалось, что голубые и белые цветы переливаются в бледном свете.

— Что бы ты сделала, если бы я попросила тебя остановиться?

Каспар рассмеялся и одновременно взял ее за руку. Харриет почувствовала, что ее нежность возрастает. Она хотела положить голову ему на грудь, требуя его, но не сделала никаких движений.

— Я бы сказал, что это слишком поздно, Харриет. Даже ради тебя.

Такой фатализм расстроил ее. При ее неисчерпаемой энергии Харриет казалось, что никогда не бывает слишком поздно. Но она сконцентрировалась на словах «даже ради тебя», как будто в них содержалось обещание.

— Даже? Что это значит? Почему ты позвал, чтобы я приехала сюда? — Она не собиралась задавать таких вопросов, это получилось непроизвольно.

Каспар оценил ее. Сейчас она находилась в центре его поля зрения, чего она и хотела, но вдруг она встревожилась.

— Почему? — Он придавал слову всю его значительность, как бы продекламировал, а затем его голос смягчился. — Я позвал тебя, потому что ты независимая женщина. Ты живешь такой жизнью, которую я не понимаю, и за это я восхищаюсь тобой. Ты не хочешь жить за мой счет, ты не нуждаешься в том, чтобы жить за мой счет.

Наклонив голову и слушая его, Харриет ощущала расстояние между ними, и не только между собой и Каспаром, но и между собой и любым из тех, кого она знала. Она выросла и ушла от Кэт. Ее замужество закончилось разводом. Ее друзья остались на их старых потрепанных позициях.

Саймон умер. Более остро, чем когда-либо раньше, она захотела, чтобы между ними были родственные связи, хотя их никогда не существовало и они никогда не признавались между ними.

Харриет положила руку на один из камней, которыми была выстлана земля. Она почувствовала накопленное им за день тепло. Если бы она передвинула пальцы еще на несколько сантиметров, то они попали бы в воду бассейна. Она могла видеть, обонять и слышать все богатство сада. Она была частью этого пейзажа, всего этого уединения.

Каспар сказал:

— Я позвал тебя, потому что ты такая женщина, которая не потребует, чтобы я отказался от своих привычек.

— В этом ты ошибся, — Харриет повернулась к нему лицом, — но я прошу тебя не из-за каких-то высокопарных моральных принципов. Я прошу тебя, потому что я думаю, что ты великий актер, и потому что я вижу, что ты пропиваешь свой талант.

Голос Каспара был спокоен:

— Я думаю, что я являюсь лучшим судьей всему этому.

Харриет почувствовала, что закололо волосы на затылке.

Но через несколько секунд он сказал:

— Подойди сюда. — Он притянул ее поближе к себе, так, что она села рядом с ним, а ее голова лежала у него на плече. — Послушай, я заключу с тобой договор. Если я поднимусь завтра за той маленькой статуэткой, то я постараюсь бросить. Договорились?

Оскар. За всю свою продолжительную карьеру Каспар выдвигался на него до этого всего один раз.

— Это имеет такое значение? — прошептала Харриет.

— Да. Да, дорогая, это имеет значение.

— Ты получишь его, — ответила ему Харриет. — Это бесспорно.

Он приподнял ее подбородок и поцеловал. Когда она обнимала его, чувствуя узлы его мышц, уже начавших слабеть, Харриет подумала, что ударная энергия новой любви постепенно превращается в близость. Страсть станет другой, лучшей любовью.

— Договорились, — сказала она.

Обходя дом, Вернон включал свет.

— Давай поедим перед тем, как ехать к Марв, — сказал Каспар, — давай посмотреть и пускай смотрят на нас, давай потребуем лучший стол в комнате. Сегодня я щедрый, как король.

— А завтра, как император.

Они покинули мягкие сумерки и обнявшись вошли в дом.

Робин ехал домой через Блэкхит. Это была та часть Лондона, с которой он не был хорошо знаком, и ему приходилось задумываться, выбирая наилучший маршрут домой.

Но он был вполне доволен собой, чтобы тихо насвистывать, снова и снова повторяя, как фанфары победы, одну и ту же музыкальную фразу.

Кэт и Кен Тротты отреагировали точно так, как он и предполагал. Сидя в их парадной комнате среди витых стульев и чистых фарфоровых безделушек, он начал с такой осмотрительностью, что они сначала не поняли, о чем он говорит.

— У «Пикокс» неприятности? — Кэт положила руку себе на шею и скрутила свои бусы в узел.

Робин быстро успокоил:

— Конечно, нет. Это только вопрос управления, и все. Вы знаете, что много компаний под динамичным руководством похожих на Харриет предпринимателей испытывали небольшой спад именно в этой стадии. Поскольку все мы еще небольшая компания, почти как семья, я подумал, что было бы хорошо сообщить вам эту информацию, — и Робин показал на комнату в загородном доме и поднос с кофе на низком столике у их ног. — Вы одни из главных держателей акций и вы, конечно, семья Харриет. Для вас это имеет двойное значение.

— Так что вы выяснили, молодой человек? — Руки Кена были сложены, как бы демонстрируя враждебность.

Так как Кэт была директором «Пикокс», Робин неоднократно встречался с ней на собраниях совета директоров. Он давно оценил ее, как порядочную, но глупую женщину. Он был менее уверен в Кене, но он был уверен в том, что если он сумеет убедить Кэт, то Кен будет с нею заодно.

Робин вздохнул с хорошо отработанной комбинацией сожаления и беспокойства. Он открыл свой портфель и достал досье. Он начал говорить тихим приятным голосом, адресуя большую часть своих объяснений Кену, как бизнесмен бизнесмену, но бросая из-под длинных ресниц взгляды на Кэт, которые выглядели, почти как влюбленные. Слушая его, она даже приоткрыла рот.

Работа Робина с досье была к этому времени уже прекрасно отрепетирована, но сейчас

он говорил запинаясь, как будто ему мешало говорить его собственное беспокойство.

— Как мы можем наилучшим образом поступить в этой сложной ситуации... теряя управление... не самые разумные капиталовложения... Джереми Крайтон и я... главный интерес Харриет... гарантия прежде, чем что-то другое... и, конечно, для защиты ваших собственных капиталовложений...

В комнате было тихо, как будто слушатели были загипнотизированы тихим голосом, но потом Кэт вздернула голову. Ее шея порозовела, и на щеках тоже появился румянец.

— Меня не волнуют деньги, если это все, что вы выяснили. Мне ничего от этого не надо после того, как умер Саймон. Это плохие деньги, не так ли?

Рука Кена опустилась на ее плечо. Он наклонился вперед, сдерживая ее.

Робин только улыбнулся. Труднее всего иметь дело с семьями, но они также приносят и наибольшее удовлетворение благодаря маленьким дверцам, которые открываются даже после легчайшего нажатия в правильно выбранной точке. Эта дверца открылась для него сейчас.

— Я понимаю, что вы должны чувствовать сейчас. Это большая трагедия. Причем трагедия, которой можно было избежать.

Он говорил так мягко, как будто старался убедить ребенка. Здесь не было и намека на атаку, хотя он все еще атаковал.

— Не расстраивайся, Кэт, — сказал Кен.

Робин доброжелательно кивнул, наблюдая, как тихо открылась вторая дверца. Кен последует в нужном направлении, потому что, поступив по-другому, он расстроит жену.

Тогда Робин понял, что получит желаемое. Он много времени пробыл на Сандерленд-авеню, выпил еще одну чашку кофе, которого не хотел, а позже и стакан хереса, которого он никогда не пил, но с этого момента он понял, что тихо приоткрылись две маленькие дверцы, что он выиграл, и выиграл триумфально.

Когда он уезжал, все трое были друзьями, объединенными их общей заботой о Харриет. Это была козырная карта Робина. Этот их заговор будет, в конце в концов, на пользу Харриет. Стоя на крыльце под навесом на холодном мартовском ветре, Кэт провожала Робина.

— Я не хочу, чтобы она ушла и покончила со всем этим, — оправдывала она себя, — но я рада освободиться от всего этого, Кен.

— Это похоже на то, что он сказал. Есть предприниматели, которые живут идеями, а есть такие люди, которые знают, как вести уже созданный бизнес по рельсам. Два разных дела, не так ли? Я знаю, я это видел. Меня не удивило то, что он сказал. — Кен был, как всегда, хорошо осведомлен. — То, что он сделает для нее, будет хорошо, Кэт. Он сам был влюблен в нее, но она отказала ему.

Он фыркнул, дав собственную оценку выбору Харриет.

Кэт вернулась к тому, с чего они начали, ее руки нервно крутили бусы на шее.

— Я хотела бы, чтобы она успокоилась. Возможно, это даст ей шанс. Как ты думаешь?

— Возможно, — ответил Кен без особой уверенности. Он подозревал, что понимает Харриет лучше, чем ее мать.

После Кэт и Кена живущая в Блекхите Лиза не представляла для Робина проблемы.

— Харриет допустила несколько ляпов, не так ли? — фыркнула Лиза. — Ну, никто не застрахован от ошибок.

Дверца открылась перед Робинком мгновенно при первом же легчайшем нажатии.

«Ревность, — подумал он, — зачастую может служить ключом».

Он увидел, что Лиза, представляющая собой ухудшенный вариант своей сестры, — это язвительный маленький человечек без явной интеллигентности Харриет или присущего ей во всем хорошего вкуса, благодаря чему его сразу потянуло к ней. Он не забывал ее с того момента, как впервые увидел в кабинете своего отца, и понимание того, что он должен впредь жить без нее, укрепляло его в желании реализовать свой замысел. Он подарил Лизе свою самую очаровательную улыбку.

— Есть некоторое беспокойство. Я хотел бы поговорить с вами в информационном плане, как...

Лиза не нуждалась в особых убеждениях. Она не обратила внимания на доводы Робина.

— Это деньги моей мамы. Харриет только записала пять процентов на мое имя, а деньги дала мама. Я, конечно, сделаю то же, что и она.

Только маленькая победная улыбка сказала Робину, что она тоже будет очень рада сделать это. Коренастый фотограф, который был бывшим мужем Харриет, оказался не столь покладистым. Робин вспомнил, что Харриет говорила ему о том, что Лео сошелся с ее младшей сестрой.

Столкнувшись с ними лицом к лицу, Робин увидел, что тот выбрал себе менее требовательный вариант — разбавленную Харриет без ее остроты и искры. И сам мужчина был второго сорта. Робин с трудом смог подавить презрительную усмешку.

— Почему вы все это делаете за спиной Харриет? — спросил Лео.

Робин развел руками:

— Это вполне естественно, операции такого типа должны быть быстрыми и решительными. А отсутствие Харриет в такое время, как вы понимаете, само по себе показательно.

Его палец лег на досье, текст которого был легок, как воздух, однако вес скрытой в нем информации был тяжелее, чем Лео был способен понять.

— Это не твои проблемы, Лео, — сказала Лиза своим голосом полу-Харриет.

Этот визит был непродолжителен. Робин не получил удовольствия от этой квартиры, в которой жили эхо Харриет и мужчина, который женился на ней, чтобы оставить ему то, что ему больше не принадлежало.

Уходя, он прикоснулся губами к щеке Лизы. Она это вполне заслужила. Исходящее от Лео выражение ядовитой неприязни следовало за ним и подбадривало его, когда он о нем вспоминал. Робин насвистывал; пересекая Блэкхит по направлению к дому, его победные фанфары повторялись снова и снова. Не было необходимости продолжать тревожные расчеты. У него был его пятьдесят один процент и кое-что про запас. Семена, которые он посеял, созрели, и в результате получилось поле волнующегося золотого зерна. Настало время скосить его и поставить на рынок.

Потом Робин сосчитал, но не акции, а часы, число часов, отделяющих Лондон от Лос-Анджелеса.

Харриет качалась в ромбовидном бассейне. Была вторая половина дня, когда сильная дневная жара сконцентрировалась между белыми крыльями ранчо. Вода в бассейне от жары покрылась пленкой, а размытый дымкой диск солнца отражался от волнистой поверхности, как блики света, рассеивающегося на белых стенах.

Надувное кресло медленно плавало в углу бассейна, и Харриет касалась его ступенек

пальцем ноги. Она оттолкнулась и послала кресло по прямой, держа ногу поднятой и любуясь загорелой кожей подъема ноги и алыми кружками напедикюрных ногтей. Когда она пила, лед в стакане звенел, а потом она откинула голову назад, закрыла глаза, и медные солнечные диски отпечатались внутри ее век.

Она была готова к церемонии награждения. Ее платье от Брюса Оулдфилда, отглаженное до идеального состояния служанкой испанкой, висело в шкафу. Маникюрша и парикмахер сделали свое дело, и Харриет держала свою голову так, чтобы ни одна капля воды из бассейна не могла сдвинуть ни одного волоска.

Она даже слегка улыбнулась, вспоминая, что пришлось выполнять обязанности жены, наблюдая за тем, как гладился вечерний костюм Каспара. Она одобрила его великолепную британскую прическу и строгую простоту рубашки.

Каспар сел на свое обычное место в тени. Она учитывала, сколько он пьет. Если будет необходимо, она доставит его на место и пьяным, но полностью готовым произнести речь и необходимую добродушную шутку. Он сам себе будет судьей. Время приближалось. В соответствии с требованиями радио и телевидения, работающих в прямом эфире, они должны были занять свои места еще до начала вечера.

Харриет внутренне собралась. Ей необходимо попросить Вернона принести ей еще один стакан ледяного чая и следует вести Каспара в дом одеваться.

Харриет удовлетворенно вздохнула. Вернон как будто прочитал ее мысли. Он уже обходил бассейн, направляясь к ней. Она увидела, что он несет конверт.

— Это только что пришло для вас.

Харриет лениво протянула руку с идеально алыми ногтями.

Когда она брала это у Вернона, она увидела, что это был не конверт, а факс, аккуратно сложенный вдвое. Она взяла аккуратно сложенный листок бумаги и прочитала. Слова не уложились у нее в голове, и она прочла снова. Это было послание с эмблемой «Пикокс», подписанное Джереми Крайтоном, как секретарем компании.

Язык был неофициальным и таким невыразительным, что Харриет в замешательстве заморгала глазами, плавая в аромате апельсиновых цветов. Это было так неожиданно, так таинственно, что, казалось, было написано на иностранном языке.

Харриет прочла в третий раз, стараясь расшифровать послание, которое высасывало воздух из ее легких.

В соответствии со статьей 14b Устава акционерной компании настоящим вам дается трехдневное уведомление от даты настоящего письма о собрании Совета директоров, которое состоится в 11 часов 31 марта в зарегистрированном офисе компании.

В случае вашего неприбытия собрание приступает к делу в ваше отсутствие.

Ниже была изложена повестка дня.

- 1. Выполнение протокола предыдущего собрания.*
- 2. Возникшие проблемы.*
- 3. Назначение в совет.*
- 4. Другие дела.*

Подтверждением настоящего письма является телекс в соответствии с

Безобразные фразы скакали в одуревшей от солнца голове Харриет. Приступит к делу. Назначения в Совет. Статья 14b. Что за статья 14b? Не может быть дела без нее. Не может быть назначений в совет. Как они могут быть без ее представления?

Несколько секунд ей казалось, что это шутка. Это был тщательно разработанный розыгрыш, который она не поняла, потому что находилась так далеко от Лондона и расплавилась под жарким солнцем Калифорнии. Она закрыла глаза и уронила руку, держащую листок бумаги. Один его уголок коснулся голубой воды. Здесь были только вода, дневной свет и тепло, которые сейчас казались чужими.

Харриет снова поднесла к глазам письмо. Это была не шутка. Шутка не могла затянуть такой узел гнева и страха вокруг ее груди, который она ощущала сейчас.

Кресло успокаивающе покачивалось в центре бассейна. Харриет заработала руками и ногами, барахтаясь там, где до этого она элегантно покачивалась на воде. Сейчас она думала только о том, как добраться до телефона. Каспар отвергал голливудскую моду звонить из бассейна. Она должна была войти в дом. Вода, казалось, превратилась, в патоку.

Она добралась до ступенек и выкарабкалась из кресла. Каспар открыл глаза, когда она пробежала мимо него. Он мельком увидел ее лицо и крикнул ей:

— Что случилось?

— Мне необходимо позвонить в Лондон.

Вставая, она схватила трубку еще до того, как спросила саму себя: «Кому? Куда?»

Величественный в своей куртке дворецкого Вернон пересекал комнату за ее спиной.

— Вернон, который сейчас час в Лондоне?

— Приблизительно три часа ночи.

Кто мог отправить по телефаксу ей письмо в такое время и откуда? Харриет набрала номер «Пикокс». Раздалось два звонка, а затем она услышала голос Карен по автоответчику: «...Офис фирмы «Пикокс» закрыт до девяти утра. Пожалуйста, оставьте свое имя и номер вашего телефона...»

Она попробовала позвонить Робину, представляя белый телефон, звенящий на тумбочке возле кровати, той кровати, на которой она спала, красного дерева... Она подождала несколько дольше, однако его предложение оставить свое имя и номер не дало ей большей информации, чем в «Пикокс». Так где же он? Неужели Робин организовал эту атаку против нее? И хотя ее мысли все еще были перепутаны, она начинала понимать, что это было так. Робин с Джереми, чья подпись стояла на письме, которое она сжимала в руке, а кто еще?

— Кому позвонить? Грэму Чандлеру? Она посмотрит его номер в своей записной книжке на тумбочке у кровати Каспара. Или Чарли? В середине ночи, когда все дети спят?

«Что я делаю здесь, так далеко от Лондона? Чарли предупреждал ее еще тогда, когда она уезжала в аэропорт. «Я собираюсь не в Амазонию», — ответила она ему. Что же знал Чарли и не знала она? «Я не собираюсь в Амазонию, я смогу вернуться в течение двенадцати часов», — вот что она ответила. Почему у нее не хватило терпения выслушать его?

Она не позвонит никому. Она улетит следующим рейсом и уже тогда ворвется к ним. Это будет ее контрудар. Следующий рейс доставит ее домой.

Харриет начала набирать номер аэропорта еще до того, как вспомнила, почему она находится в Голливуде. Через два часа она должна отправиться на награждение вместе с Каспаром. Онемевшей рукой она положила трубку и разгладила смятый факс так, чтобы его

можно было более внимательно рассмотреть. Конечно, все было рассчитано по времени. Об этом говорило время передачи из Лондона.

Предполагалось, что письмо найдет ее, когда она будет готова выезжать в платье от Брюса Олдфилда под руку с кинозвездой, чтобы увидеть, как ее любовник принимает Оскара. Этот листок бумаги был тонким посланием расчетливого диверсанта. Он целился и в Каспара, и в нее в момент их публичной гордости, и это не мог быть никто другой, кроме Робина Лендуита.

Холодная ярость охватила Харриет. Она переливалась в ее животе и сердце и скрючивала ее пальцы в железные когти. Она скрутила послание в шарик и отшвырнула его от себя.

— Вернон.

— Да, мадам.

Ее мозги не работали. Она не могла ничего подсчитать или вспомнить, столь едким был ее гнев.

— Три часа прошлой ночи или сегодняшней?

— Лондонское время впереди лос-анджелеского. Следовательно, наступающей ночи, если вы это имеете в виду. Лично я считаю, что легче просто вычесть...

— Да, спасибо. Вернон, вы сделаете кое-что для меня? Вы можете зарезервировать для меня место на первый утренний рейс в Лондон? Любое место на первый рейс.

— Да, мадам.

Уведомление за три дня, как было сказано в письме. Харриет показалось, что она вспомнила, о чем говорится в статье 14b. Там было о том, что собрания директоров могут собираться с помощью писем или телексов, а в случае нахождения директора за границей считалось достаточным дать телекс или факс с уведомлением не менее, чем за три дня.

Таким образом, они дали ей три дня, то есть столько, сколько были обязаны, но из-за разницы во времени двенадцать часов уже похитили у нее. Тем не менее она поступит так, как решила. Все против нее, даже время. Она останется здесь на награждение и проигнорирует садистские расчеты Робина. Она останется на церемонию и последующий прием и попадет в Лондон через двадцать четыре часа после этого. Поступив так, она лишит Робина одного маленького удовольствия. Она не могла сейчас даже предположить, как еще она сможет противодействовать его планам, пока не узнает его намерения.

Они, видимо, были связаны с изменением баланса власти внутри «Пикокс» путем новых назначений в совет директоров и не в ее пользу, в чем она была уверена. Но обо всем этом она могла только гадать до возвращения в Лондон.

Харриет посмотрела на часы. Пора было одеваться.

Каспар открыл глаза еще раз, когда ее тень упала на него.

— Дозвонилась?

Когда он увидел лицо Харриет, он окончательно проснулся и вскочил.

— Господи, Харриет. Ты выглядишь так, как будто съела горсть гвоздей. Что случилось?

Харриет сжала кулаки.

— Будет еще хуже, чем съесть гвозди, завтра или через несколько дней. Мне или Робину Лендуиту. Каспар, он хочет уничтожить мою компанию, пока я отсутствую. Он хочет устроить какой-то грязный фокус, но я не могу понять какой. Но я его пойму. Я выверну все наизнанку вместе с Робинем.

Харриет почувствовала вкус ярости, страха и решимости на своем языке — горький и

мощный коктейль. Ее ноги и руки дергались под действием какого-то атактистического импульса к полету или погоне.

Тяжелая таблетка лекарства, которое Каспар должен был принимать для поддержания себя в форме и которым он, конечно же, пренебрегал, лежала на краю бассейна. Харриет выместила микроскопическую часть своего гнева, поддав ее ногой. Таблетка описала дугу и упала в воду, вытолкнув сверкающий сноп брызг. После удара у нее заболела нога.

Она встала на колени перед Каспаром и ухватилась за ручку кресла.

— Это ведь моя фирма, Каспар. Я сделала ее и испытала все связанные с этим страдания. Если он все испортит, я его убью.

Потом она подумала о Робине в его сидящих, как перчатки, костюмах, живущего своей упорядоченной, особой привилегированной жизнью вдали от ее борьбы, и которая нравится ей, потому что у него есть деньги, чтобы одаривать. В этот момент его власть казалась враждебной и вредоносной, как прикосновение какого-то средневекового короля, даровавшего за преданность болезни вместо здоровья.

«Королевское прикосновение», — подумала Харриет. Брать вместо того, чтобы давать. Она знала, что была неразумна. Но она также знала, что это она добилась успеха, а не Робин. Это сделали она и Саймон, который умер.

Она подняла голову и встретилась глазами с Каспаром. Ненависть к Робину, пересилившая ее гнев, пугала ее своей силой.

— Нет, — сказала она мягко, — я не убью его. Я кастрирую его и набью кусочками его льстивый рот.

— Харриет, — пораженно произнес Каспар.

Она улыбнулась, но недобро.

— Я возвращаюсь в Лондон. Завтра утром первым рейсом.

— Но ты переночуешь здесь?

Первой же мыслью Каспара была забота о его собственных интересах. Она знала, что это так, и всегда шла на это. Он никогда не проявлял никакого интереса к «Пикокс».

— Конечно, я останусь. Но я должна улететь, — повторила она, — завтра утром первым рейсом.

Каспар с усилием поднялся из кресла.

— Тогда вперед, детка. Давай покажем, что у нас есть.

Когда они вышли из лимузина, выстроившегося в ряд с другими такими же машинами, загрозившими Голливуд в вечер награждения Оскарами, и Харриет подняла глаза с начала ковра, устилающего весь путь до входа в театр, единственным, что она могла увидеть, были лица и объективы фотоаппаратов. Лица принадлежали зрителям, по-видимому, тысячам зрителей, выстроившихся обладателей дешевых мест, стоящих ярусами по другую сторону ковровой дорожки. Исходящий от них шум был похож на приглушенный шум моря.

Телевизионные команды, репортеры, фотокорреспонденты составляли более плотные группы, тесно сжимающиеся вокруг кандидатов по мере их прибытия. Огни ослепили Харриет, а гигантские микрофоны, казалось, вытягивали шею прямо ей в лицо. При виде всего этого ее первым побуждением было броситься назад под защиту автомобиля. Даже в дни «Девушки Мейзу» она не мечтала предстать перед таким внимательным изучением.

Но она не спряталась. Она выпрямилась и повернулась спиной своего длинного красного платья к бушующим ярусам зрителей. Она почувствовала руку Каспара у своего

локтя и повернулась к нему. Ничего не выражающий глаз камеры смотрел на них и передавал их невидимым зрителям, миллионам зрителей во всем мире. Харриет подумала о Робине, смотрящем информационное сообщение, посвященное награждению Оскарами, и ожидающем увидеть Каспара без нее...

Она подарила Каспару полную спокойствия улыбку, более сияющую, чем огни вокруг них.

— Успеха, — прошептала она.

Они пошли рука об руку к входу в театр. Веселый одобрительный шум сопровождал Каспара вдоль его пути в театр.

Внутри, несмотря на все это собрание красоты, богатства и власти, внимание Харриет отвлеклось. Подготовка была долгой и скучной. Ее мысли сконцентрировались на Лондоне. Улыбаясь, наклонив голову в сторону Каспара на случай, если они попадут в кадр, показывающий публику, который в течение нескольких часов может увидеть Робин, Харриет размышляла. Первым шагом, который она должна сделать, будет выяснение его намерений, вторым шагом — его остановка. До собрания. Это должно быть сделано до того, как они сядут за стол совещаний совета директоров.

Харриет аплодировала награждению польского мультипликатора. Даже несмотря на то, что она останется здесь на ночь, она рассчитывала, что сможет прибыть в Лондон в течение тех сорока часов, которые остаются до одиннадцати часов утра тридцать первого марта. Этого времени хватит. Этого времени должно хватить.

И наконец: «Лучший актер, исполнявший роль второго плана». Она услышала слова, как бы с очень большого расстояния, но затем ярусы кресел, звезды, режиссеры, технические работники снова резко вернулись в фокус. Она выдвинулась немного вперед в своем кресле и в это время почувствовала едва заметное напряжение рядом с собой — это был единственный знак, который подал Каспар.

Они повернули свои лица, чтобы посмотреть короткий клип с Каспаром, играющим роль старого опытного шпиона в фильме «Раскрытый секрет». Харриет видела каждый кадр с особой ясностью, зная его так, как будто она сама ставила эту картину, восхищаясь каждым нюансом игры Каспара.

«Награждение лучшего актера, исполнившего роль второго плана». Тяжелая пауза и банальная возня с конвертом. Декламация имени и взрыв восхищенных аплодисментов. Имя — не Каспара.

Потрясенная Харриет посмотрела на Каспара. «На первый взгляд, — подумала она, — он испытал удар». Одна сторона его лица от века к углу рта опала, как будто расплавилась, сделанная из воска. Когда Харриет коснулась его руки, он смотрел прямо перед собой. Она увидела, что опущенный угол его рта поднялся вверх, когда он заставил себя улыбнуться. Он аплодировал.

— Хлопай! — скомандовал он.

Харриет била ладонями друг об друга до тех пор, пока они не заболели.

Это казалось сейчас неправдоподобным, но она никогда не представляла себе, что произойдет, если он не выиграет Оскара. Спасения не было. Они были привязаны к своему разочарованию среди других разочарований.

Это продолжалось долго, но конец все-таки наступил. Как в тумане, Харриет увидела, как лорд Оливер представлял лучший фильм «Из Африки». Потом они повторили свой путь среди сочувствующих из театра в объятия темно-синего вечера.

Каспар сказал:

— Мне необходимо крепко выпить.

— Каспар, — Харриет собиралась сказать: «Я сожалею, ты заслужил победу», — и все другие бессмысленные штампы сочувствия, но она оборвала себя — договор есть договор.

Только сейчас она вспомнила об их договоре по поводу выпивки.

— Я знаю, тебе надо выпить, — ответила она, — и я тоже выпью с тобой разок.

Ее лондонский рейс был назначен на десять сорок утра. Регистрация была в восемь пятнадцать. Было время, чтобы выпить с Каспаром, упаковать чемоданы и даже немного поспать. Их машина выехала из полированного ряда машин.

— Ладно, — жестко сказал Каспар, — поехали на прием.

Они направились на великолепный ночной прием. Не на официальное застолье, а на ежегодное торжество, устраиваемое суперагентом, одним из самых могущественных и легендарных.

Как только они прибыли в толчею воркующих женщин и мужчин с теплыми рукопожатиями, Харриет поняла, что Каспар намерен сильно напиться. Все в нем, даже то, как он держит свое тело, как будто оно причиняет ему небольшое неудобство, напомнило ей новогодний прием у Лендуитов. Прием поглотил его. В такой момент он не мог позволить своему бокалу оставаться пустым. Харриет патрулировала по окраинам зала. Она помнила слова Линды возле каруселей в Санта-Монике и ее предостережения. Это было верно, что она не принадлежала этому месту. Ей надо было спешить домой.

Однажды через всю комнату она улыбнулась, стараясь передать Каспару свою уверенность. Он разговаривал и смеялся, создавая впечатление, что он очень доволен собой. Она не хотела, чтобы он чувствовал необходимость заботиться о ней, особенно сегодня вечером. Но она ощущала, что эти люди, случившееся событие и обильная выпивка разделяют их.

Ирония заключалась в том, что она думала об их любви после награждения и, забавно было видеть это сейчас, о спасении Каспара от бутылки. Все это подействовало на нее, ей стало тягостно и грустно. Что-то заканчивалось, но не удовольствием, а пустым эхом поражения.

В полночь Харриет отключилась от седьмой беседы с седьмым иностранцем и отправилась на поиски Каспара. Она нашла его за столом во внутренней комнате. Он вспотел, и его лицо покрылось морщинами. Харриет не узнала ни одного из его компаньонов.

Она тихо спросила:

— Каспар, скоро мы сможем поехать домой?

Он поднял на нее глаза. Его синие глаза были затуманенными и остекленевшими, как в первый день их встречи. Она не была уверена, что он вообще узнает ее.

— Поехать? — спросил Каспар. — А на черта? Еще рано.

— Тогда я могу уехать?

Он в замешательстве развел руками.

— Конечно.

Потом он сосредоточился. Как она отметила в Литтл-Шелли, он мог быть обаятельным даже при очень сильном опьянении.

— Харриет. Дорогая волнующаяся Харриет. Возьми машину. Скажи шоферу, просто возьми машину.

— Как ты доберешься до дома?

Он ухмыльнулся, его глаза снова заплыли.

— Как-нибудь. Это мой город. Или просто останусь здесь.

Она хотела сказать: «Но утром я уеду...»

Но остановила себя. Вместо этого она быстро наклонилась и поцеловала его в обе щеки. В углах его рта был белый налет, а дыхание наполнено виски.

— Спокойной ночи, — улыбнулась она ему.

Лимузин понес ее назад в ранчо мимо мелькающих улиц, обсаженных рядами пальм, под теплым бархатным небом в ее последнюю ночь в Голливуде. Вернон открыл ей дверь. Дом был темным и очень спокойным. Харриет запаковала свои вещи и положила сверху красное платье. Тишина была подавляющей и совсем не роскошной.

Она в нерешительности постояла у телефона, а затем взяла трубку и набрала номер газеты, в которой работал Чарли. К ее удивлению, он ответил. Она предполагала, что он, вероятно, отсутствует или на ланче.

— Харриет? Ты вернулась?

— Не совсем. Чарли, что ты имел в виду, когда звонил перед моим отъездом? Намек, ты сказал. Намек от кого? Что он означает?

— Ты спросила, что мне важнее — ты или хороший газетный материал?

— Поставь на первое место меня. Скажи мне, что ты слышал?

— У меня был ланч с агентом по связям с общественностью.

Харриет сосредоточенно слушала. Одна журналистка рассказала Чарли Тимбеллу во время пьяного ланча, что одному из финансистов страховой компании предложили использовать принадлежащие их компании акции «Пикокс» для поддержки перестройки управления компанией. Финансист отказался, заявив, что под руководством Харриет Пикок компания развивается по удовлетворительной кривой роста.

— Кто делал предложение, Чарли?

— Я не слышал разговора. Хотя и не требуется особенно напрягаться с догадками, не так ли?

— Особенно не требуется, — согласилась Харриет.

Это был один из слухов Сити, тысячи подобных разговоров циркулируют каждый день, и некоторым из них доверяют настолько, что они влияют на цены акций. Цена акций «Пикокс» стабильна, она не была чересчур самоуверенной, отмахнувшись от предупреждения Чарли перед отъездом. Только сегодняшний вызов наводил на размышления. Робин, наверное, действительно собрал себе поддержку.

«Для какой битвы?»

— Чарли, сделай мне одолжение. Порасспрашивай вокруг себя еще, но не распугивая лошадей.

— Хорошо. Я сделаю несколько звонков. А что случилось?

— Пока ничего не случилось. У меня есть просто подозрения.

— Когда ты возвращаешься?

— Завтра утром.

— Он победил?

— Нет.

— Черт. Он заслуживал.

— Я позвоню тебе завтра, Чарли. Спасибо.

Чарли откинулся на стуле. Что-то случилось, однако Харриет решила отрицать это. Он взял записную книжку, в которой хранил телефоны, которых не было у его секретаря. До того как набрать первый номер, он проверил цену акций «Пикокс». Они чуть-чуть упали в цене, до двух двадцати. Но Чарли продолжал ощущать хороший газетный материал, однако он знал, что бы ни произошло, это будет не слишком хорошо для Харриет. Она поступает правильно, возвращаясь в Лондон на большой скорости.

Харриет бродила по безмолвному дому, беря журнал и кладя его назад, выходила на улицу вдохнуть ночные запахи возле бассейна, а затем возвращалась в успокаивающую темноту. Вернон ушел в свой коттедж за садом.

Время тянулось очень медленно, пока Харриет ждала и слушала. Однако она не услышала ни одного звука автомобиля, что придало бы ей надежды. Тишина казалась абсолютной.

Через несколько минут после двух часов ночи она поняла, что ей надо ложиться в кровать, чтобы попытаться хотя бы немного поспать перед отлетом. Было очевидно, что Каспар не собирался возвращаться домой или, по крайней мере, не собирался провести последнюю ночь с ней. Это была последняя ночь, и Харриет понимала это.

Она разделась и легла в постель. Голова и руки были тяжелыми.

Казалось, что она проспала всего несколько минут до того, как ее разбудил телефонный звонок. Она соображала, кто мог позвонить, обрывки сна еще крепко цеплялись друг за друга. Ее первой мыслью было, что это, должно быть, Лондон, Чарли, а возможно, даже Робин, чтобы разъяснить ей ошибку.

И сняв трубку, она долго еще не могла понять, чей низкий лос-анджелесский голос на другом конце провода пытается говорить с нею. Она бросила взгляд на часы и увидела, что было пять пятнадцать утра.

— Я думаю, вы неправильно набрали номер.

Но по тому, как она говорила, Харриет поняла, что номер был набран правильно, это был правильный номер, и что из отделения скорой помощи какого-то госпиталя в Шерман-Оукс стараются объяснить ей, что мистер Дженсен было доставлен после дорожного происшествия на Малхолланд-драйв.

Сонливость моментально улетучилась, уступив место страху.

— Извините, я не поняла. Где он? Он ранен?

Малхолланд-драйв проходит под горами Санта-Моника, и с этой дороги открывается широкая перспектива на долину Сан-Фернандо. Харриет ездила по ней, когда изучала город. Что Каспар там делал?

Голос повторил адрес госпиталя, Харриет старалась записать его.

— Полиция занимается этим делом, мисс. Только мистер Дженсен видел...

— Спасибо, спасибо. Пожалуйста, скажите, в каком он состоянии?

— Он ранен, но в сознании.

— Я сейчас же приеду.

В течение нескольких секунд Харриет не знала, что делать. Она была одна в темном доме. Записав адрес госпиталя, она не представляла, как до него добраться. На стороне кровати Каспара покрывало было нетронуто. Она колебалась только секунду. Она надела одежду, приготовленную для полета домой, и выбежала из дома. Место на дорожке, на котором обычно стояла белая машина, было пустым. Она вспомнила, что Вернон ставил ее в гараж тогда, когда ею не пользовались. Она не знала, где гараж.

Харриет наклонила голову и побежала через сад, сквозь стену толстой, вьющейся растительности к коттеджу дворецкого. Ее стук в дверь не вызвал никакой реакции, и тогда она обежала домик вокруг и слегка постучала в окно. Наконец за закрытыми ставнями зажегся свет. Харриет снова обежала дом к передней двери и, когда она открылась, спотыкаясь, вошла в маленький коридор такой запыхавшейся, что почти не могла высказать то, что хотела.

Коттедж был крохотный. За плечами Вернона она увидела его спальню. Китайский мальчик сидел на кровати, смотря на нее немигающим взглядом.

Харриет отвернулась и умоляюще положила свою руку на руку Вернона.

— Извините. Я очень сожалею. Каспар попал в дорожное происшествие. Он в госпитале. Мне нужна машина, поторопитесь, Вернон.

Дворецкий отреагировал с впечатляющей скоростью, Через минуту она обнаружила, что находится в темном гараже, расположенном за коттеджем. Двигатель запустился, они выкатились из гаража и поехали вниз по дорожке.

— Где это? — спросил Вернон, когда они пролетели через ворота.

Харриет посмотрела на клочок бумаги в руках.

— Госпиталь «Мур-Парк», Шерман-Оукс.

— Не очень далеко.

— Вы знаете дорогу?

— Я найду.

Харриет была готова заплакать от благодарности, представляя, каково было бы ей вести машину одной.

Тишина ночи исчезла. С рассветом на дороге появились легковые машины и грузовики.

— Что он мог делать на Малхолланд-драйв?

Харриет говорила больше для себя, чем для Вернона, однако он ответил, не глядя на нее:

— Ночь вечеринок.

Госпиталь представлял собой куб из стекла и бетона, установленный в маленьком, зеленом парке. Они оставили машину и прошли через автоматические двери в отделение скорой помощи.

— Мистер Дженсен? — спросила Харриет у стойки.

Дежурный сказал, что им следует подождать. Возле стены за ними стоял ряд зеленых стульев. Они послушно сели и стали ждать. Стрелки часов над головой дежурного показывали шесть двадцать пять. Харриет понимала, что она не будет, не сможет быть в аэропорту ко времени отлета ее самолета. Узлы беспокойства за себя и за Каспара начали затягиваться в ее животе. Волнение сделало ее голос резче, когда она подошла большими шагами к стойке и потребовала, чтобы ей дали увидеть Каспара или доктора, или кого-нибудь еще, кто бы предоставил ей исчерпывающую информацию.

— Сейчас у него полиция, — ответили Харриет.

— Полиция?

— Конечно. Было происшествие.

Узлы затягивались еще туже. Она была чужеродной, недееспособной. Наконец, к ним вышел доктор. На нем был короткий голубой халат, он выглядел молодым и уставшим, как и все молодые врачи в госпитале. Он с сомнением посмотрел на нее.

— Вы миссис Дженсен?

— Нет, я его приятельница. А это сотрудник мистера Дженсена. Как он?

— С ним будет все в порядке. Он счастливчик.

Выражение лица доктора, казалось, не соответствовало тем новостям, которые он сообщил им.

— Мы можем увидеть...

— Очень сожалею, но я должен сказать, что его спутница мертва. Она была мертва, когда ее привезли.

Харриет посмотрела на него в упор:

— Его спутница? Этого не может быть. Он не мог управлять машиной. У него не было машины, я приехала на его машине меньше часа назад.

— Машина была зарегистрирована на имя мисс Гетц, но вел машину мистер Дженсен. Вы знаете ее?

Харриет отрицательно покачала головой.

— Нет, этою не может быть. Он не мог вести машину.

Однако она помнила тот день, когда они ездили в «Уотерсайд», когда они уезжали от подлого фотографа и веселой регаты на Темзе.

«Вы можете управлять машиной?» — спросил Каспар, и она ответила, что не может. «Тогда вы позволите мне», — сказал Каспар. Сказал ли он тоже самое мисс Гетц, кем бы она ни была, которая погибла в своей машине на Малхолланд-драйв?

— Полиция расскажет вам подробности, — сказал доктор.

Ему было неловко, и Харриет видела, что он хочет уйти от ее отрицаний и вернуться к своей работе. Она кивнула, чувствуя, как груз усталости спускается на нее.

Палата Каспара находилась всего в нескольких метрах от того места, где они ждали. Полиция все еще была у него, собираясь уходить, получив, вероятно, те показания, которые были необходимы. Это были мужчина и женщина с плоскими лицами, которые без всякого интереса посмотрели на Харриет и Вернона.

Харриет не хотелось их ни о чем спрашивать. Она стояла возле стены, когда они проходили мимо нее к двери. Когда они ушли и дверь закрылась, она подошла к кровати и посмотрела на Каспара. Глубокая рана с черными краями и свежий синяк исказили одну сторону его лица. Его, вероятно, тошнило, корка рвоты застыла в волосах на виске. Харриет прикрыла глаза и открыла их снова. Она подумала о Линде.

За ее спиной Вернон сказал:

— Я буду снаружи, мистер Дженсен.

Харриет видела, что Каспар все еще пьян. Она села и прикоснулась пальцем к его запястью. Он посмотрел на нее и повернул голову на подушке. Движение вызвало боль.

— Ну и как? — мягко спросила Харриет.

Он попытался пожать плечами.

— Более или менее выскочил. Пьяницам везет, как сказал доктор. Если бы я был трезвее, то, наверное, был бы мертвым.

Его веки прикрылись, но он с усилием поднял их вновь. Харриет могла только догадываться, что он не мог рассмотреть за ними.

— Девушка умерла. Они сказали тебе?

Она кивнула.

— Да.

— Я вел машину. Так сказали полицейские. Я не помню этого. Только то, что было

после.

Харриет ничего не сказала, потому что она не могла думать ни о чем. Она видела Линду, катающуюся на каруселях на волноломе, и этот образ стал как-то сливаться с мисс Гетц, когда маленькая девочка с лентами в волосах размахивала рукой с резной, позолоченной лошадки.

Каспар сказал:

— Мне жаль... — Но не закончил.

Харриет знала, что его жалость относится к бесконечному оптимизму яркого окружающего мира, но не имеет отношения к Каспару в госпитале. Она сидела, наклонив голову и бесполезно держа его руку.

Каспар, прервав молчание, сказал:

— Я не хотел бы, чтобы ты приезжала сюда среди ночи. Я дал им свой номер телефона. Это был единственный номер, который я мог вспомнить.

— Вернон привез меня. Я приехала бы все равно, хотел бы ты этого или нет.

— Ты поедешь к Линде?

— Да.

— Тебе нужно лететь в Лондон, но, если сможешь, встретиться до этого с Линдой.

Харриет поняла, что ей дают отставку. Она не чувствовала ответственности за Каспара за все месяцы, что они были вместе. Он не подпустил ее достаточно близко для того, чтобы она страдала вместе с ним, и в этот момент она отчетливо поняла, что он никогда бы этого и не сделал.

Их отношения были более голливудскими, чем она это себе представляла. Вершина волны должна была двигаться в орбите славы, а ее впадина должна быть отброшена, так как притворялись, что ее не существует.

Юристы Каспара, его агенты и все остальные сомкнули свои профессиональные шеренги вокруг него. Теперь Харриет здесь нечего было делать. В госпитальной палате не было окна, но Харриет знала, что на улице уже светло, как днем. Последняя ночь.

Лицо Каспара было цвета камня, за исключением лилово-синих пятен синяков.

— Встреться с Линдой до отъезда домой, — повторил он. — Сделай так, чтобы она не узнала, что я кого-то убил, понимаешь?

«Она узнает достаточно быстро», — подумала Харриет.

— Я скажу ей, что ты получил травму, но не сильную. Она захочет прийти и посмотреть на тебя. Что ей сказать?

Каспар поднял их соединенные руки, однако не смог справиться с их весом, и они упали вновь. Это означало: «Когда она посмотрит на меня, что она увидит?»

— Есть ли еще что-то, что я могла бы сделать, Каспар?

— Попроси Вернона зайти.

Харриет встала, наклонилась над ним, чтобы поцеловать неповрежденную сторону его лица. Она колебалась, потому что хотела дать больше, но Каспар смотрел в сторону, стараясь освободить ее даже от этой ничтожной обязанности. Она смогла только приложить свою щеку к его лбу.

— Если ты нуждаешься во мне, — прошептала она.

Каспар не ответил.

Харриет снова выпрямилась и пошла к двери. Каспар лежал среди подушек. Он уменьшился, стало меньше жизни. Она вспомнила, что когда она впервые увидела его в

Литтл-Шелли, на его фоне казался меньше Мартин Лендуит.

— Если ты нуждаешься во мне, — повторила Харриет, но сейчас это был уже рефрен.

Она вышла и кивнула Вернону, который стоял, прислонившись к противоположной стене коридора. Ожидая, она слышала инструкции Каспара по мобилизации юристов и агентов.

Харриет и Вернон повторили свой путь по коридору и затем через зал ожидания. Когда они подошли к стеклянной двери, которая открылась перед ними навстречу утреннему свету, Харриет заметила двух человек, идущих в ту же сторону, что и они.

Они шли очень медленно, и Харриет увидела, что это было из-за того, что женщина плакала, а мужчина поддерживал ее. Он был толстым, в спортивной рубашке, которая слишком плотно обтягивала его. Слезы женщины незаметно капали на ее розовую блузку. Хотя ей и незачем было выяснять, кто это, Харриет была уверена, что это мистер и миссис Гетц.

Автоматические двери раскрылись, и Харриет с Верноном вышли в яркий наступивший день.

— Линда сейчас спустится, — сообщила Харриет секретарь Клэр.

Харриет сидела среди плиссированных подушек в мраморной прохладе и ждала. Линда медленно спустилась по ступенькам. Ее глаза казались темными на бледном лице. Харриет подошла обнять ее, однако Линда только приняла объятия, не ответив на них.

— Давайте выйдем на улицу, — предложила Линда.

Было уже позднее утро, потому что Харриет пришлось провести длительные переговоры с секретарем, чтобы получить разрешение увидеть Линду.

Солнце пекло им головы, а они шли через безукоризненно чистую лужайку, мимо зеркального бассейна и цветочных газонов, оттененных темными колоннами кипарисов. Кто-то, то ли мать, то ли секретарь, уже сообщили Линде новости.

— Скажите, как он выглядит? — спросила она тихим монотонным голосом.

Харриет рассказала ей с тем оптимизмом, на который сейчас была способна. Линда пристально смотрела в сторону теннисного корта.

— Он не умрет?

Харриет остановилась, повернулась, встала перед ней и взяла ее руку.

— Нет. Я обещаю, что он не умрет.

Наконец, Линда, не мигая, посмотрела на нее.

— Он был пьяным в автомобиле?

Ложь и полуправда нейтрализовали друг друга у нее в голове, пока она не ответила:

— Да, был.

— Почему вас не было с ним?

— Я собиралась в Лондон сегодня утром. Я рано уехала домой. Наверное, я должна была остаться с ним.

— Другая девушка осталась, — сказала Линда тем же тихим голосом.

Клэр, должно быть, сказала ей. «Лучше бы она знала все», — подумала Харриет, — чем получала искаженную правду.

— Это была автомобильная катастрофа, Линда. Ужасный несчастный случай. Возможно, мы никогда точно не узнаем, что случилось.

— Возможно, — вежливо согласилась Линда.

Они пошли дальше под лучами солнца через пышный сад.

— Сегодня, после всего, вы уезжаете?

— Я должна.

Харриет заказала билет на вечерний рейс. Она прилетит в Лондон поздно, всего за несколько часов до собрания. Она сейчас старалась не думать об этом. Они были в дальнем конце сада, когда домоправительница-испанка вышла сказать Линде, что ее ланч готов.

Это была большая женщина, улыбающаяся Линде и называющая ее «душечка» со своим латинским акцентом. Линда и Харриет возвращались к дому, а Харриет снова вспомнила, как они прогуливали новогодний прием у Аннунзиаты.

Возле открытых дверей Линда замешкалась, ткнув носком туфли в камень дорожки.

— Я сначала подумала, что это вы, — сказала она, — в машине с Каспаром.

Харриет обняла ее, не заботясь о том, что Клэр может их увидеть.

— Это была не я. Я здесь с тобой. Я всегда буду с тобой, если тебе это будет нужно.

Такие же слова были адресованы и Каспару, но сейчас они не были стереотипом. Это была правда.

Линда кивнула. Почти неслышно она сказала:

— Я люблю вас.

Харриет улыбнулась, глядя вниз на макушку головы Линды. Неожиданное, но настоящее острое чувство счастья охватило ее.

— Я тоже тебя люблю.

— Харриет? Это плохо, радоваться, что умер кто-то другой, потому что это значит, что не вы?

Харриет сказала:

— Тебе нечего бояться или стыдиться, Линда. Запомни это, если можешь. Не бери на себя вину, которая не имеет к тебе отношения. В конце концов, ты получишь и свою долю.

Харриет старалась говорить как можно ласковее, однако Линда была непреклонна.

Она спросила:

— Тогда она имеет отношение к Каспару?

Харриет на секунду дольше задержала ее, пока обдумывала ответ, а потом отступила. Она не хотела делать этого, но все-таки отступила на шаг, держа Линду двумя руками.

— Я думаю, что Каспар — это единственный человек, который мог бы говорить с тобой об этом.

Она увидела слезы в глазах Линды, которые она с трудом пыталась сдерживать. Из дома послышался крик домоправительницы.

— Иди, — прошептала Харриет, — и помни о том, что я сказала тебе. До встречи в Лондоне.

— Помните и то, что сказала я, — твердо ответила Линда.

Она повернулась и побежала в дом.

Ровно в семь часов самолет Харриет начал взбираться вверх прямо на пламя лос-анджелесского заката. Затем, видимо решив, что зрелище зашло слишком далеко, он вошел в плавный поворот над дугою залива. Он снова выровнялся и взял направление на восток в сгущающуюся темноту, на Лондон.

Харриет попала домой в последний вечер в десять часов. Она оставила два чемодана в середине комнаты и подошла к телефону.

— Чарли? Что ты узнал?

Сидя в кресле, Чарли нажал на кнопку пульта дистанционного управления телевизором и выключил программу новостей. Дженни подняла брови, ее штопка упала на колени.

— Ничего.

— Как? Что-то должно быть.

— Точно. Тишина сама по себе зловеща. Но я не смог услышать даже шепота. Он замечает следы, где бы не проходил. Я поговорил еще раз с тем агентом по связям с общественностью. Все, что она знала, она уже рассказала мне. Послушай, Харриет, может быть, все это вполне невинно.

Харриет устало откинулась к мраморному камину. Ее глаза и рот пересохли в результате обезвоживания после длительного полета, а голова была тяжелой и тупой. Она нахмурила брови и, говоря, массировала переносицу.

— Я так не думаю.

— Тогда что ты подозреваешь?

Она замялась, а потом пожала плечами.

— Я не знаю. Он хочет как-то изменить структуру совета директоров, получив над ним контроль и посадив на мое место какое-то подставное лицо, и отстранить меня от руководства. Сможет ли он это сделать, зависит, конечно, от того, какую поддержку он собрал среди акционеров.

Он будет нуждаться в большом куске, чтобы противостоять ей и ее семье. Она держалась за это утешение.

— У тебя были проколы, Харриет? Чем он против тебя вооружен?

Она описала ему трудности с Уинвудом, плохую работу дорогостоящего оборудования, объемы продаж «Тревоги», новые линии производственных систем. Эти проблемы не были у нее в фокусе, поскольку она смотрела на них через искаженные линзы Лос-Анджелеса, и они представлялись не столь значительными на фоне беспокойства за Линду и грусти по Каспару. Она хотела бы, чтобы ее голова была ясной, но она все еще была уверена в том, что в «Пикокс» не было таких проблем, которые бы она не могла решить. Она коротко описала некоторые из них Чарли, испытывая потребность в друге и забывая, что он журналист.

— Он не сможет сбить меня этим. Но он может постараться, если захочет.

— Вот так, девушка, — Чарли почувствовал прилив восхищения, хотя ничего и не получил от очевидного доверия Харриет.

— Сейчас я иду спать, Чарли. Я не спала в самолете и только два часа удалось поспать прошлой ночью.

Она услышала громкий, короткий смех Чарли.

— Тогда давай, гуляка.

Харриет вспомнила потемневшее лицо Каспара, мистера и миссис Гетц. Она слишком устала, чтобы рассеивать иллюзии Чарли.

— Спокойной ночи, — монотонно произнесла она и повесила трубку.

Дженни вернулась к пуговицам на штанишках Гарри, но она бросила короткий взгляд

на Чарли, когда откусывала нитку.

— Она хорошо провела время?

— Похоже, что так.

Чарли помрачнел, когда снова устраивался в своем кресле. Он нажал кнопку и вернул к жизни программу новостей.

Харриет взглянула на часы. Было поздно звонить Кэт, которая соблюдала режим, но и не невозможно. Сама Харриет утратила ощущение времени.

Она знала, что устала, но ее тело не говорило ей о том, что сейчас — день или ночь. Казалось, что она вступила в серую зону вечного тревожного бодрствования.

На звонок ответил Кен. Казалось, прошло очень много времени, пока Кэт подходила к телефону.

Наконец Харриет услышала:

— Это ты, Харриет?

Она улыбнулась:

— Кто же еще?

— Значит, ты благополучно вернулась.

— Да, мама. Нам надо поговорить по поводу завтрашнего дня.

И тут вдруг Харриет услышала тишину. Она говорила в нее, объясняя Кэт, что ей нужна ее поддержка, учитывая акции ее, Кена и Лизы. Кэт ничего не ответила, и голос Харриет стал резче.

— Ты будешь там?

Кэт ответила:

— Да, я должна быть.

Харриет слушала, пытаясь упорядочить свои мысли и удивляясь тому, какие шутки сыграла с ней усталость. Но было невозможным, чтобы они сыграли так же с Кэт. Она почувствовала, что ее сердце бьется тяжелыми неприятными толчками, но она старалась говорить настолько мягко и спокойно, насколько ей хватало сил.

— Ты видела Робина?

— Он приезжал к нам. Так, поболтать, как он объяснил.

— Что он сказал?

— Харриет, ты же знаешь, что я ничего в этом не понимаю.

Ее неопределенность разжигала в Харриет раздражение, как пламя. Она оборвала ее:

— Почему? Разве ты не понимаешь, как важно все это?

Говоря это, она знала, что выбрала неподходящее время для разговора, так как была слишком усталой после всего того, что случилось.

— Не говори со мной так. — Голос Кэт стал тоньше. — Ты делаешь это слишком часто с тех пор, как начала свое дело. Не удивительно, конечно, ты такая самостоятельная, но, в конце концов, ты останешься в одиночестве, ты этого хочешь?

— Я хочу, — ответила Харриет, продуманно подбирая слова, — знать, что произошло в мое отсутствие в моей компании. Это-то я могу спросить?

— Я не знаю, что ты имеешь в виду, — пробормотала Кэт.

Здесь прозвучали знакомые, грустные ноты, которые Харриет давно знала. Кэт умела нагонять упрямый туман вокруг себя, когда хотела отгородиться от той области, которой боялась, отклоняя любые претензии с покорным смущением. Харриет ясно осознала, что сегодня она ничего не узнает.

— Ты знаешь, — сказала она мягко, но услышала в ответ только тишину. Страх и злость стучали у нее в груди. — Это я, Харриет, — старалась она.

— Я понимаю, — ответила Кэт, полная печали, однако Харриет была слишком далеко от равновесия, чтобы использовать свой шанс.

Она увидела, что уже почти одиннадцать часов и что до собрания совета осталось только двенадцать часов.

— Я пойду спать, — внезапно сказала она.

Теперь Кэт пришлось услышать тишину за телефонными гудками.

Харриет легла в постель, но не могла заснуть. Реактивные двигатели все еще вибрировали за ее спиной, а ее руки и ноги онемели, сохраняя форму самолетных кресел. Она перевернулась и легла на спину, пытаясь подавить обрывки мыслей, которые путались в ее голове со страхами, предположениями и утраченными надеждами.

Цифры и цены обрабатывались в ее голове, а она старалась включить их в рамки выступления на совете для ее акционеров, но они катились и крутились в неправильном направлении и обманывали ее.

Ее тело начало дрожать от страстного желания заснуть, а сон отступал еще дальше. Она могла думать только о собрании и о том, что же задумал Робин против нее. В темноте ер еще больше охватывал страх, а «Пикокс» начал казаться реальным ребенком, который держится за нее, но должен быть отобран. Образы стали смешиваться с Линдой, катающейся на каруселях, мисс Гетц и лентами Линды, кровью и расчленением.

Харриет села, чтобы отогнать ужасы. Она сдвинула в сторону одеяло и встала с постели. Она не могла заснуть, значит ей надо походить.

На улице было холодно. До лондонской весны были еще недели. Тротуары, идущие от дома Харриет, были черными и скользкими от мороза. Она засунула руки в карманы пальто, наклонила голову и быстро пошла, не выбирая направления. После мягкого благоухающего воздуха западного побережья Америки морозный лондонский туман покусывал ее легкие, вызывая кашель и затрудняя дыхание.

Ночная прогулка не помогла ей распутать мысли в голове, но морозный воздух охладил волнение, а ритм ее шагов перекрыл дрожь, которая не давала ей заснуть. Она ходила до тех пор, пока не согрелась и больше не ежилась в своем тяжелом пальто. Она откинула голову назад и повернула около дальнего угла там, где Хит вытягивался в темноте под нимбами уличных фонарей. Она вернулась к своему дому.

Потом она заснула.

Будильник разбудил ее в шесть, низвергнув из сна в беспорядочные попытки определить, где она. Сквозь туман она тут же увидела угрожающие контуры наступающего дня. Она сразу же встала, чтобы встретить лицом к лицу то, что должно было произойти.

Она надела костюм шанель темно-синего цвета, который она надевала в день выпуска акций. Он принес ей тогда успех. Она застегнула пуговицы с монограммами с неторопливой тщательностью и разгладила отделанные шнуром лацканы. Когда она остановилась, чтобы посмотреть на свое отражение в зеркале, она решила, что оно не изменилось. Она все еще выглядела тем, кем она была, — женщиной, завоевавшей успех, «Девушкой Мейзу».

Харриет первой приехала в офис «Пикокс». Скопившиеся за неделю бумаги аккуратно лежали на ее столе, рассортированные, как она любила, по категориям. Здесь был перечень менее срочных телефонных звонков, и среди прочих имен Харриет увидела имя Элисон Шоу.

Она посмотрела на свой портрет, обратив внимание на безоблачное выражение лица. Все вокруг было таким же, как всегда, и было трудно поверить, что Робин может напасть на все это. Харриет встала из-за стола и пошла в кухню Сделать себе чашку растворимого кофе. Она вернулась и стала просматривать корреспонденцию, обращая внимание на детали, чтобы не разволноваться.

В девять начали прибывать сотрудники. Харриет не сообщала о своем раннем прибытии, и их удивление казалось искренним. Но когда Харриет задала себе вопрос: «Кто знает?» — атмосфера, казалось, стала холоднее.

Она позвонила в кабинет Грэма Чандлера, но его секретарша сказала, что Грэма не будет до одиннадцати, то есть до начала собрания. Все знали о собрании, а когда Харриет открыла свой дневник, то увидела, что этот день у нее пуст.

Она больше не могла притворяться, что занята обычной работой. Она встала и стала медленно ходить по кабинету. Она начала понимать, что в ее короткое отсутствие Робин сделал ее подозреваемой в ее собственной цитадели.

В обычный день уже был бы поток людей, стремящихся попасть к ее кабинет поговорить и что-то предложить, страстно желающих рассказать, что произошло за время ее отсутствия. Дверь, которая оставалась закрытой, и молчащий телефон говорили ей яснее, чем любой сухой, официальный документ.

В половине десятого она позвонила в «Аллардайс» банкиру компании. Услышав, что уклонились от прямого ответа, Харриет стала настаивать, и, в конце концов, ее соединили с Джеймсом Хэмилтоном. Он выслушал то, что она хотела сказать, а Харриет все это время казалось, что она не может выразить своей тревоги достаточно убедительно. Нарушение суточного режима в связи с полетом запутало ее мысли.

Реакция Хэмилтона на бессвязную речь Харриет была безукоризненной, однако твердой и вежливой.

— «Аллардайс» не вел переговоров с кем-либо по этим вопросам, — ответил он. — Боюсь, что сейчас мы не более, чем вы, в курсе возможных перестановок в «Пикокс». Мы готовы помочь настолько, насколько это в наших силах, конечно, в любое время...

Харриет изо всех сил старалась расшифровать подтекст вежливых предложений. Он знал, конечно, он знал, но не сказал ей. Он деликатно бросил последнюю фразу в пустоту, не оставляя у нее сомнений, что их разговор был последним. Контраст с теплотой и лестью, которыми он обольщал ее в день выпуска акций, который, кажется, был вечность назад, был болезненно острым. Она, возможно, засмеялась бы, если бы не была так испугана.

— Спасибо, Джеймс, — прошептала она.

Она вышла из кабинета и прошла короткую дистанцию до кабинета Джереми Крайтона, обойдя его секретаря и перебив его телефонный разговор.

— Что ты делаешь, Джереми? Что это?

Он внимательно посмотрел на нее блеклыми глазами за стеклами очков без оправы.

— Я думаю, что правильнее было бы обсудить это на собрании. — Он посмотрел на часы. — Через пятьдесят пять минут.

Харриет вернулась в свой кабинет. Она знала, что была человеком самостоятельным. Масштаб того, что случилось, только начинал вырисовываться в ее голове, она проклинала себя за слепоту и упрямую самоуверенность. Все, по-видимому, было еще хуже, чем она боялась. «Сейчас так плохо, — подумала она, — как это только может быть».

Это была работа Робина. Только сейчас, через столько времени, она осознала, что так

он ей отомстил. Она поняла, что ее главной ошибкой, возможно, единственной настоящей ошибкой была недооценка умного мальчика, который всегда получал то, что хотел. Бесплезная злость и ненависть бурлили в ней. Она старалась подавить свои чувства, понимая, что они исказят ее зрение. Ей была необходима вся самая пронизательная логика, которую только она могла реализовать.

Харриет прождала эти бесконечные минуты в спокойной роскоши своего кабинета.

Ровно в одиннадцать часов она вошла в комнату заседаний совета директоров. Она шла с пустыми руками, не зная, что взять с собой. Она должна усилить свою оборону и контратаковать без подготовки.

Она заняла свое обычное место в конце стола. Карен раскладывала бумагу для заметок и расставляла стаканы для воды, однако, на взгляд Харриет, она выглядела испуганной и подавленной. Вошел Джереми и начал раскладывать карандаши и бумаги со свойственной ему педантичностью. Втиснулся на свое место и Грэм Чандлер. Харриет заметила, что ему неловко, и поспешно отвела от него взгляд.

Следующим был Робин. Его великолепный темный костюм контрастировал с одеждой из универмага Джереми и Грэма. Его волосы и кожа были настолько блестящими, что двое остальных мужчин выглядели грязными и покрытыми перхотью. Он занял место напротив Харриет и сдержанно кивнул ей. Она подумала о том, каким он выглядел красивым. С того времени, как они познакомились, Робин утратил свою последнюю мальчишескую мягкость. Он приобрел весь внешний лоск зрелости.

Когда он сел, все еще ожидая, Харриет вспомнила тот период, когда они вместе проводили время. Она вспоминала отдельные ночи и часы, когда они были близки, времена, когда он говорил, что любит ее. «Если бы я была другой, — размышляла Харриет, — если бы мы встретились в другое время своих жизней, мы могли бы создать команду». Ирония ее мыслей, здесь и сейчас, искривила ее губы в улыбку.

Она заметила искру сомнения в глазах Робина, который смотрел на нее. «Даже если он еще любит меня, — подумала Харриет, то все равно уже слишком поздно». И хотя он очень красивый, он, по-видимому, совершенно беспощадный, что она тоже поняла слишком поздно. Она ответила на его взгляд невыразительным пристальным взглядом и быстро отвернулась. Однако источник ее гнева улетучился из нее. Она просто почувствовала усталость и захотела, чтобы все это закончилось.

В сопровождении Карен вошла Кэт. Она быстро села, посмотрев на Робина для подтверждения того, что она находится на нужном месте в нужное время. Раньше, на других собраниях, этот немой вопрос всегда был обращен к Харриет. Она увидела, как мать облизала свои сухие губы кончиком языка. Это свидетельствовало о ее тревоге и неуверенности. Харриет сосредоточилась.

Робин начал очень спокойно, глядя через стол прямо на нее.

— Спасибо, что вы вернулись из своего отпуска в Лос-Анджелесе, чтобы присутствовать на этом собрании, Харриет. Я думаю, что вы должны понять, что директора не просили бы об этом, если бы не возникло жизненной необходимости.

Харриет наклонила голову. Ее руки были сложены перед ней. Она наблюдала за Джереми Крайтоном, ведущим протокол. Обычно один из секретарей присутствовал на собрании, но это было слишком важным. Она почувствовала, что ее трясет, и еще крепче сжала руки, чтобы скрыть дрожь.

Робин спросил:

— Перейдем к делу?

Протокол прошлого собрания прошли быстро, никаких проблем не возникло.

— Пункт три, — продолжал Робин, — назначение в совет директоров. — Мгновение тишины, а затем он продолжил: — Я думаю, нет оснований что-то скрывать в этом вопросе. Возникло серьезное беспокойство среди директоров, руководителей и некоторых акционеров относительно деятельности компании и ее финансового положения, достигшее пика в последние несколько дней во время отсутствия директора-распорядителя, находящегося в отпуске. Заботясь о долговременном процветании компании, большинство директоров пришло к решению назначить нового директора-распорядителя, под руководством которого «Пикокс» продолжит свое успешное развитие, временно прерванное.

— Вы не можете сделать этого, — решительно заявила Харриет.

Он только поднял руку, чтобы успокоить ее.

— Вы, конечно, захотите узнать, на основании чего. Но я хочу подчеркнуть, что решение уже принято.

На столе рядом с ним лежала папка. Он открыл ее и прокашлялся перед тем, как начать читать. Харриет презирала его за театральность жестов, но сидела настолько спокойно, насколько могла, и слушала.

Происходило то, что она и предполагала. Он использовал Уинвуд как острие своей атаки. Ее капиталовложения в удешевление производства в перспективе интерпретировались, как создание избыточных производственных мощностей, а недостатки несчастного нового станка, в особенности, были следствием ее ошибки, потому что она приобрела его после недостаточного изучения.

Харриет знала, что это правда. Она слишком спешила запустить Уинвуд и покрыть большие расходы на его приобретение.

Последующие обвинения сконцентрировались на перерасходе средств в некоторых областях, особенно в любимом Харриет отделе маркетинга. Робин легко указал на новую серию упаковок, создаваемых для увеличения продаж «Тревоги», веселый красный материал, который она выбрала на доставившем ей удовольствие совещании перед отлетом в Лос-Анджелес... Робин говорил со спокойным, продуманным сожалением, что перерасходы стали свойственны компании во всех сферах ее деятельности, а Харриет утратила контроль над ними. Еще одной ее ошибкой было то, что она попыталась внедрить слишком много новых товаров, которые пока еще не оправдали возлагавшихся на них ожиданий по объемам продаж.

«Как же «Пикокс» сможет нормально развиваться, — удивлялась Харриет, — если я не буду внедрять новых изделий?»

Слушая, Харриет увидела всю меру своей самоуверенности не в плане ее деловых качеств, потому что она была твердо убеждена в том, что обладает ими, а в том, что она считала, будто и другие люди осознают это. И, кроме того, в ее уверенности, что она достаточно хорошо знает Робина.

Когда Робин закончил, она подняла голову.

— Я могу защитить свои решения по каждому из ваших пунктов, — тихо сказала она.

Ей не требовались записи. У нее была ясная голова, за исключением слабого звона в ушах, отзвука ее собственного волнения. Она ответила Робину на все, пункт за пунктом. Уинвуд окупит себя, даже если оборот потребует года. Немецкий станок полностью соответствует той работе, для которой он предназначался, и покупка была сделана после

консультации и полного одобрения технического директора. Она посмотрела через стол на Грэма Чандлера. Он выглядел несчастным, и его глаза отражали всю степень его несчастья.

— Это верно. Отказы были неожиданными, и никто не мог предвидеть их. Сейчас станок работает нормально.

Харриет понимала, что Грэм на ее стороне, но он был слишком слаб, чтобы принимать его в расчет. Она посмотрела на сидящего за ним Джереми, который был виден только наполовину за дисками своих очков. Джереми не на ее стороне. Сидящая напротив них Кэт в синем костюме ни на кого не смотрела. Харриет подумала, что трудно поверить в то, что это ее мать. Так же трудно, как и в то, что все это может случиться.

Робин сказал:

— Может быть и так. Но в этот промежуток времени в результате простоев было потеряно двадцать два процента прогнозируемой продукции, что привело к недополучению доходов на сумму сто шестьдесят восемь тысяч фунтов стерлингов, перешедших в потерю прибыли...

Это были только цифры. Харриет знала, что если бы она приготовила свою собственную версию, она могла бы осветить проблему так ярко, как смог ее затуманить Робин. Но она не приготовила, а Робин работал, регулируя свет в своей полуправде и спрятав в тень свою аккуратную ложь.

Харриет продолжала, защищаясь словами, но она ясно понимала, что почва уходит у нее из-под ног. Робин был слишком умен. Она же только шумела и тонула.

Она увидела несколько образов, живущих в ее сознании и появляющихся на фоне внимательного лица Робина. Она видела себя в кухне Саймона, когда он доставал доску от упаковочного ящика и протягивал ей. Потом она увидела себя, сидящей на ступеньках в доме Джейн вместе с Чарли Тимбеллом, и квартиру в подвальном этаже в Белсайз-парке, в которой она устанавливала игру на каминную полку. Она как бы видела маленькую комнату, в которой она разрабатывала свой бизнес-план в пустые вечера.

Робин сидел напротив нее через стол, пока они продолжали двигаться по унылому списку ее возможных ошибок. Под конец они подошли к ее неорганизованности, приведя в качестве примера исчезновение в Лос-Анджелес.

Робин закрыл свою папку, своевременно вздохнув.

— А в отсутствие директора-распорядителя производственная деятельность в Уинвуде принесла дополнительные потери продукции, которые, в свою очередь, повлекли за собой...

— Какая производственная деятельность? Я впервые об этом слышу.

Робин развел руками, как бы говоря: «От вас же».

Грэм торопливо вмешался:

— Они вчера прекратили работу на два часа в знак протеста по поводу столовой и планируют приостановить работу и сегодня днем.

За этим стоял Робин. В этом Харриет была уверена так же, как и во всем остальном. Каким-то образом он договорился с Миком или, как там его имя. А может быть, и с Реем Даннеттом. Ему хотелось подловить ее на Уинвуде, ее ахиллесовой пяте, а его чувство симметрии подсказало ему соединить это дело с Лос-Анджелесом и Каспаром, вытеснившим его. Была во всем этом неизбежная, ироничная аккуратность. Харриет поняла всю степень его решимости покончить с ней.

Она повернулась к нему лицом и снова сложила руки.

— И что?

Образы все еще проносились перед ней. Две девочки, пришедшие в «Степпинг» с их танцующими сливами, играющие в «Головоломку». Кондуктор автобуса семьдесят третьего маршрута и ее черно-белый стенд на Ярмарке игрушек в «Эрлз-Корт», и тот момент, когда ее солнечная экспозиция рухнула, и перед Лео, двумя девушками, Робин и ей самой предстали коробки и обломки из полистирола.

Невольная улыбка растянула рот Харриет, и она закусила губу между зубами, потому что знала, что близка к тому, чтобы заплакать.

Робин сделал короткий жест, который она могла расценивать, как победный.

— И, таким образом, директора попросили меня засвидетельствовать их готовность принять вашу отставку из совета директоров компании «Пикокс».

— Понимаю. А если я откажусь подавать в отставку?

Кэт заерзала на стуле, но ничего не сказала.

Робин улыбнулся. Это был час его триумфа, и Харриет видела, что это было наслаждением для него. Он также иногда улыбался в постели. Когда он отвечал, его голос звучал почти нежно:

— Харриет, я хотел бы, чтобы между нами все было совершенно ясно. С теми, кто меня поддерживает, я контролирую пятьдесят два процента компании. Если вы не захотите сотрудничать, я просто созову собрание акционеров и уволю вас, что будет вам неприятно, а для меня будет не более, чем неудобством. Почему мы не можем повести себя, как друзья, которыми мы и являемся, и не заключить цивилизованного соглашения за этими закрытыми дверями?

Эвфемистическое «мы» и «директора» улетучилось, заметила Харриет. Теперь были «я» и «вы» — отвратительная личная сущность этой битвы.

— Это было бы разумно, — сказал Джереми Крайтон.

— Спасибо, Джереми, но мне не нужны ваши советы. Скажите, Робин, каким образом вы можете контролировать больше пятидесяти процентов? Я владею двадцатью восемью процентами, и моя семья имеет еще двадцать процентов против двадцати процентов Лендуитов. У Грэма пять процентов.

Харриет улыбнулась, когда назвала его имя, и почувствовала его облегчение. Грэм не может спасти ее, но он не должен хотеть ее утопить. Харриет знала, что Робин собирался сказать, но она все равно хотела сама заставить его сказать это. Она хотела показать им самим их вероломство, потому что это было все, что она имела. Ее глаза жалили, и она чувствовала, что ей трудно дышать. Она больше не старалась скрыть дрожь своих рук.

Теперь все образы, которые промелькнули перед ее глазами, были ликующими, смеющимися в лицо над ее поражением. Она вспомнила головокружительно растущие цифры продаж после того, как «Головоломка» стала «Мейзу», завтрак в день выпуска акций, когда она, как королева, величаво шла по коммерческому банку. Она была одета в тот же костюм шанель темно-синего цвета. Харриет посмотрела на свои колени и уронила на них руки, чтобы их не видели окружающие. Вспышка большого квадратного бриллианта ударила ей в глаза. Это был тот бриллиант, который она купила себе, как одну из наград за успех. Он напоминал ей бриллианты Робина, кольцо и серьги со слезинками, которые он ей подарил, и слова, которые он сказал.

Она недооценила Робина. Это ее грубейшая и самая ужасная ошибка.

— Двадцать процентов Лендуитов, как вы сказали, — Робин улыбнулся, — пять процентов Джереми и акции множества организаций, как указано здесь.

Он протянул ей бумаги. Как послушный курьер, Джереми подтолкнул их вдоль стола заседаний совета в сторону Харриет.

Харриет прочла список, он был удивительно коротким. По отсутствию в списке она определила тех акционеров, которые остались верными ей. На какое-то мгновение она почти воспряла духом, хотя она понимала, что должно последовать дальше.

— Но еще двенадцать. Вы еще далеки от контроля, Робин.

Наконец он улыбнулся, показав все зубы.

— Нет. Если вы учтете акции Троттов. Их голоса позволяют мне перейти отметку в пятьдесят процентов. У меня есть контроль, Харриет. Посмотрите правде в глаза.

Медленно, скованно Харриет повернула голову в сторону Кэт.

— Ты будешь голосовать за меня? — прошептала она. — Или с ним, против меня? Ты сделаешь это, мама?

Харриет обычно никак не называла Кэт на собраниях совета директоров. Она всегда обдуманно избегала любого упоминания об их взаимоотношениях. Но сейчас она придала этому слову его полный смысл. Как эхо, она повторила дешевый эффект Робина.

— Мама?

Кэт слегка покачала головой, и дряблая кожа на ее полных щеках задрожала, как молоко перед кипением. Густой румянец покрыл ее кожу, но подбородок она держала высоко поднятым.

— Мне никогда не нравилось это, Харриет. Мне никогда не нравилось, что ты делала, создавая этот бизнес. Ты делала это за счет Саймона. Ты направила его на тот мост, ты, вместе со своим бизнесом. Это как кровь на твоих руках.

Харриет парировала эти слова, расталкивая их по сторонам произвольными скользящими движениями рук, но при этом она локтем сбила на пол пачку чистой бумаги для заметок.

— Я жила этим. Нет необходимости напоминать мне. Но ты запуталась, мама. Не думаешь логично, потому что тебе никогда этого не требовалось. Ты прожила всю свою жизнь за Кеном, а до этого за своей решимостью соблюдать приличия. Ты должна четко представлять себе ситуацию, не так ли? Послушай меня. Ты ее не знаешь. И если ты говоришь мне, что хочешь голосовать за мою отставку из моего собственного совета, потому что ты думаешь, что на мне кровь Саймона, то я скажу тебе, что ты перепутала бизнес и чувства.

Харриет вздохнула. Она перевела взгляд с темно-красного лица матери на гладкое лицо Робина.

— Вы никогда не были виноваты в смешивании бизнеса и чувств, не так ли, Робин?

— Может быть, однажды, — доброжелательно ответил он.

Теперь перед ней предстала последняя картина. Это был день, когда на совещании определилась цена акций. После совещания она приехала в офис Робина, чтобы сообщить свои новости. Она чувствовала себя достаточно сильной, чтобы принять на себя весь мир, и они занимались любовью, согреваемые взаимным успехом. Харриет подавила эту картину, вжимая ее в черноту за своими глазами, и ее заменила злость, которая ринулась в нее горячее, чем любой эротический импульс, который она когда-либо испытывала.

Она резко повернулась к Кэт, которая, казалось, сжалась от страха перед ней.

Харриет зашипела на нее:

— Не поддерживай его. Неужели ты не понимаешь? Ты можешь понять, почему он

делает это? Какие веские для маленького мальчика причины стоят за всем этим?

Кэт крутила в пальцах карандаш. Это был фирменный карандаш «Пикокс», один из тех, которые фирма раздавала на ярмарках игрушек и торговых мероприятиях, украшенный маленьким павлиньим хвостом. Сейчас он затрещал в ее руках. Она аккуратно положила два обломка на стол рядом с бумагой для заметок и так резко подняла подбородок в сторону Робина, что ее дряблая кожа задрожала.

— Если ты думаешь, что это он обработал меня, повернул мою глупую голову или что-то в этом роде, то ты ошибаешься. Я достаточно долго терпела, Харриет, твои объяснения, разъяснения и разрешения, как будто я ребенок или дура. У тебя обычно добрые намерения. Но я могу составить и свое собственное мнение. И я его составила. Я буду голосовать вместе с ним. Фактически не с ним, а против тебя. Я делаю это из-за Саймона.

Харриет молча посмотрела на нее. Ей хотелось закричать: «Дура! Ты думаешь, что это поможет Саймону? Ты так думаешь?» Но она подавила этот импульс. Она знала, что решение Кэт окончательно, и никакие крики не могут изменить его.

Это было откровением — найти такую убежденность в ее мягкой, дрожащей и старающейся всех примирить матери. И даже осознав это, она чувствовала глубинную наследственную связь, удивительно прочную. И она знала, что в гневе из-за невежественного предательства Кэт она похожа на нее.

Не было необходимости спрашивать о Кене. Кен поддержит свою жену. Конечно, Кэт не должна расстраиваться. Харриет мрачно усмехнулась своей мысли.

— А Лиза? Что скажет маленькая Лиза?

Конечно, Лиза будет голосовать против Харриет. Она будет рада сделать это. Такой будет ее месть за все годы, когда Харриет была старше, умнее, быстрее и ближе к матери.

— Лиза тоже, — пробормотал Робин.

Харриет не обратила на него внимания. Она продолжала смотреть на Кэт, но ее так трясло от гнева, что сидящие волосы и синий костюм, казалось, утратили свои очертания перед ее глазами.

— Так, значит, Лизе недостаточно получить моего мужа. Она хочет все. С таким же успехом вы получите и мою компанию, — голос Харриет становился тише, но в эту минуту она почти кричала. В комнате наступила тишина. — Хватит ли только у нее мозгов, чтобы сделать это, если уж я оказалась такой дурой, чтобы отдать ей компанию вместе с неиспользованными акциями. Моя компания.

Кэт наклонилась вперед:

— Это только бизнес, Харриет. Это не весь мир. Это не жизнь, как таковая.

Харриет пронзительно закричала на нее:

— Откуда ты знаешь? Что ты знаешь? — Она должна была поднять трясущуюся руку, чтобы обтереть себе рот.

Из расплывшихся очертаний перед ней проявилось бледное лицо Джереми и смущенное, сочувствующее лицо Грэма. Понимание того, что она потеряла над собой контроль, стало еще одним дополнительным унижением. Она неуклюже откинулась на спинку стула, пытаясь успокоить дыхание.

Наконец она посмотрела на Робина. Его лицо приобрело четкие очертания, и на нем не было заметно следов замешательства. Он наблюдал за ней с некоторым интересом, в котором было что-то чувственное. Этот взгляд заставил ее потуже запахнуть на себе жакет, даже с каким-то вызовом.

— Что вы сделаете, если я откажусь уходить в отставку, — тихо произнесла она.

Он снова улыбнулся, демонстрируя безукоризненные зубы.

— Я могу созвать собрание акционеров, как я уже говорил. Есть и другой путь. Вы помните тот ланч, на котором мы обсуждали неудачу «Головоломки», и вы попросили у меня дополнительное финансирование, чтобы перевыпустить игру как «Мейзу»?

Его тон был легким, непринужденным, как будто он рассказывал забавную историю за обеденным столом. В ответ Харриет кивнула. Он продолжал:

— Конечно, вы помните. И вы также помните, что одним из условий было, что я получаю права кредитора на активы компании, включая саму игру мистера Арчера. Теперь я напомню вам пункт «безопасность от риска», имеющий отношение к упомянутому праву. Харриет, в этом пункте утверждается, что держатель долгового обязательства, то есть «Лендуит Эссоушиэйтс», может лишить должника права выкупа имущества, если активы, которые приобрел держатель, находятся под угрозой. — Робин положил один свой ухоженный палец на папку. — Эта информация дает мне основания поверить в то, что из-за вашего плохого управления и халатности мои активы находятся в очень большой опасности. Таким образом, в соответствии с нашим соглашением я могу лишить вас права собственности на игру. Я могу получить «Мейзу» и покинуть «Пикокс». Думаю, что нет необходимости объяснять вам, что это означает.

Он разденет компанию.

Харриет подняла глаза. По остальным трем лицам она видела, что они ничего не слышали об этом. Робин сохранил это для финала, для своего последнего трюка. Возможно, он использовал это для привлечения одного-двух своих друзей-финансистов к себе в папку. У нее не было сомнений, что он поступит в соответствии с соглашением. Он заберет «Мейзу» и оставит «Пикокс» голым.

Так, как она поступила с Саймоном.

Она была побеждена. Она была побеждена по всему фронту, а воспоминание о Саймоне разрушило остатки ее сопротивления. Она не могла бороться и наблюдать за тем, как Робин разрушает компанию, которую она создала, даже если она уже не являлась ее частью. Робин рассчитал и это так же, как он рассчитывал все.

— И что вы предлагаете? — спросила его Харриет.

Он взял другой лист бумаги. Она сидела неподвижно, пока он зачитывал условия передачи ее акций, ее компенсацию, формальности, связанные с уведомлением для биржи и смягченный текст сообщения для прессы.

— Я думаю, вы уходите в отставку, чтобы «уделять больше времени личной жизни?» — быстро проговорил Робин.

— Если вы так считаете, — ответила она.

— Я думаю, на этом можно закрыть собрание, — предложил он.

Харриет встала. Она взяла со стола два обломка карандаша и зажала их в кулаке. Когда она проходила за стулом Кэт, она коснулась плеча матери.

— Прости, что я кричала на тебя. Я сожалею, что так поступила.

После того, как за ней закрылась дверь, прошло некоторое время, и Кэт сказала:

— Я думаю, что мне надо пойти к ней.

Робин был резок:

— Не делайте этого. Сейчас она предпочитает уединение.

Кэт сказала с неприязнью:

— Вы думаете, что знаете ее?

Робин уложил бумаги и досье в портфель.

— Я знаю ее, — ответил он без всякого выражения.

Харриет села за свой стол. Она огляделась вокруг, ничего не видя. Через некоторое время, потому что она не могла думать о том, что случилось, она подняла телефонную трубку и позвонила Чарли Тимбеллу. При звуке ее голоса Чарли замахал руками одному из своих авторов, выставляя его из кабинета и предлагая закрыть за собой дверь.

— Что случилось?

Харриет рассказала ему все.

— Хитрый, грязный, маленький мерзавец, — выругался Чарли.

Это была необыкновенная история. В своем роде классическая. Он сделал несколько заметок на бумаге, которую держал наготове.

— Я должна была это предвидеть. Я должна была действовать жестче. Я не должна была уезжать в Лос-Анджелес.

— Я очень сожалею, Харриет. Ты не заслужила этого.

Он был расстроен, искренне расстроен, потому что ему нравилась Харриет и он восхищался ею.

— Ты не заслужила и того, что твоя семья так поступила с тобой.

— Ох, может быть и заслужила.

— Каковы условия? — Это, конечно, не означало, что он не мог вычислить их сам.

— Размещение моих акций. Двадцать восемь процентов — большой кусок, но агенты Робина убедят весь мир, что это дружественный раздел, и это удержит их цену. Я думаю, что «Пикокс» упадет до одного-девятисто или близко к этому, но это не означает, что они не смогут вернуться к двум-двадцати пяти на следующий день. Вместе с компенсацией, я полагаю, это составит около девяти миллионов. То есть от пяти до шести после выплаты налогов.

Чарли беззвучно присвиснул.

— Что ты собираешься делать? — спросил он.

Харриет устало ответила:

— Сделаю небольшой перерыв. Получу деньги. Что еще я могу сделать?

— Да, — Чарли не возражал бы сделать небольшой перерыв с лежащими перед ним шестью миллионами.

— Чарли. Знаешь что, я чувствую себя так, как будто меня снова отбросили в самое начало. К пляжу на Крите.

— Ты очень далеко от Крита, моя дорогая. Очень, очень далеко. Ты богата.

Харриет слушала слова, не понимая их. Страх и сопутствующий ему адреналин, который поддерживал в ней жизнь в течение собрания, всей дороги из Лос-Анджелеса, теперь отступил. Она начинала осознавать, что по-настоящему означала для нее потеря «Пикокс». Она не могла даже думать о том, что делать сейчас, или завтра, или в течение тех недель, которые будут следовать одна за другой.

— Ты не хочешь выпить со мной сегодня вечером? Или приходи домой, пообедаем вместе с Дженни.

— Нет, — ответила Харриет, — нет, спасибо, Чарли. Я думаю, мне лучше вечером побыть дома.

После того, как они попрощались, Чарли пододвинул свои заметки поближе. Он начал

быстро стучать по клавиатуре, кося глазами на слова по мере их появления на экране. Пока не появился успокаивающий вздор агентов Робина, он мог подсчитать все, зная реальное положение дел. Непосредственно из первоисточника. Чарли оправдывал себя мыслью, что, если бы они поменялись местами, Харриет сделала бы то же самое.

Когда Харриет закончила говорить с Чарли, в кабинет вошла Карен. Она несла чай в тонкой, красивой фарфоровой чашке. Она поставила ее на угол стола Харриет.

— Я действительно очень сожалею, — сказала она, — все мы.

Харриет посмотрела на нее. Все уже закончилось.

— Карен?

— Да.

— Пожалуйста, оставь меня на час одну.

Когда она ушла, Харриет разжала кулак и посмотрела на два обломка карандаша. Она сжимала их так сильно и так долго, что на ее ладони остались голубые следы. Сейчас она положила их на стол и попыталась соединить обломанные концы вместе. Она внимательно смотрела на них несколько секунд.

Потом она положила голову на стол и заплакала.

Позже Харриет приехала домой. Она оставалась дома, пока ее юристы и юристы компании согласовывали ее компенсацию и организовывалось размещение ее акций. Сообщалось, что ее решение оставить «Пикокс» было добровольным, что не было никаких разногласий и компания может только укрепиться под руководством нового директора-распорядителя, назначенного Робинем. Однако была и другая версия событий, сообщенная Чарли и с энтузиазмом подхваченная прессой.

В связи с тем, что публика узнала о битве в комнате заседаний совета директоров, цена на акции «Пикокс» упала. У Харриет не было иного выбора, кроме как принять, пониженную цену за свой пакет акций, но, в конце концов, в обмен на годы, которые она вложила в «Пикокс», она получила после вычитания налогов даже больше пяти миллионов фунтов. Она не упрекала Чарли за то, что он опубликовал эту историю. Как он правильно предположил, она знала, что на его месте поступила бы так же.

Популярная пресса тоже наслаждалась новостями, как и их коллеги в Сити. Было наводнение статей о миллионах «Девушки Мейзу» и осада телефонными звонками и визитами репортеров, которые отрезали Харриет в Хэмпстеде. Она подумала было спастись, возвратившись в Калифорнию, но Каспар не поддержал ее предложения, когда она сообщила его. Он вышел из госпиталя и сидел в кресле возле бассейна на своем ранчо.

— Я думаю, тебе лучше остаться там, детка, — сказал он ей.

Для Харриет стало ясно, что несмотря на все то, что было между ними раньше, все это ушло так же окончательно, как и ее жизнь в «Пикокс».

Каспар сказал, что для него существует вероятность попасть под суд за непреднамеренное убийство, но сейчас его люди заняты этим делом. Очевидно, что они также работали над тем, чтобы не допустить эту информацию в прессу. Было всего несколько упоминаний о случившемся в британских газетах. В коротких заметках говорилось только о том, что выдвигавшийся на Оскара Каспар Дженсен попал в автомобильную катастрофу, в которой один человек погиб. Больше говорилось о взаимоотношениях Каспара с «изгнанной «Девушкой Мейзу». Харриет пожалела, что у нее нет консультантов с таким же опытом защиты, как у Каспара.

В течение двух-трех дней казалось, что у нее нет возможности выйти из дома, не сопровождаемой назойливыми вопросами. Она так устала от отражения нападений словами «без комментариев» и «я вполне удовлетворена соглашениями с компанией», что оставалась дома, чтобы избавиться от вопросов.

Ее изящная квартира, ограниченная безучастными стенами, стала казаться ей полукрепостью, полутюрьмой. Она начала чувствовать, что находится в безопасности только до тех пор, пока одна остается за этими стенами, а попытка выйти наружу связана с риском столкновения с чем-то неопределенным, что уже пугало ее больше, чем несколько вопросов относительно ее планов на будущее. Ее высокие окна, казалось, вдруг стали пропускать слишком много света, что создавало возможности для шпионящих глаз. Она сопротивлялась побуждению задернуть шторы, но оно все равно пересиливало ее каждым поздним утром, когда она наконец вставала с постели.

Одна часть Харриет была слишком рациональной, чтобы не понимать, что рано или поздно, на следующий день или на следующей неделе разразится другой скандал и ее история будет забыта. Но была у нее и другая часть, та часть, которая держала двери закрытыми на два замка и страстно желала оставить шторы задернутыми, и эта часть понимала, как мог страдать Саймон. Она очень много думала о нем и вслух разговаривала с ним, как это делают люди, живущие в уединении.

Она больше не плакала после длинного приступа плача в своем кабинете, но жила с тяжелым грузом печали скорее за Саймона, чем за себя.

Она не думала о будущем, о своем богатстве или о том, что она могла бы делать. Когда же она пыталась задуматься, перед ней открывалась панорама такой пустоты, что она пугалась и заставляла себя снова засыпать или смотреть по телевизору мыльную оперу, которая озадачивала ее, потому что она не знала ни действующих лиц, ни причины их проблем.

Ее существование сузилось до рамок четырех комнат. Она спала, подогревала банки с супом, смотрела телевизор. Телефон оставался единственным звеном, соединяющим ее с миром. Он звонил постоянно, но в большинстве случаев она включала автоответчик, чтобы тактично отделяться от назойливых вопросов.

Одним из звонящих, кому удалось прорваться к ней, была Элисон Шоу, телевизионный репортер. Она хотела, если Харриет не возражает, снять эпилог к программе «История успеха». Она думала, что это будет уместным комментарием к существующим в Сити порядкам.

— Я не хочу больше ничего прибавлять, — ответила Харриет.

— Для нас будет трудно пустить программу без каких-либо дополнительных сведений после того, что случилось.

— Я ничем не могу вам помочь. Я уверена, что вы сами сможете при необходимости придумать эту информацию.

— Я не смогу убедить вас?

— Нет.

— Жаль. Я очень сожалею о том, что случилось, Харриет. — В голосе Элисон сквозило искреннее дружелюбие, если только дело не касалось бизнеса, как раньше заметила Харриет. — Будем поддерживать связь, не возражаете?

— Спасибо, — Харриет почувствовала сожаление, что Элисон повесила трубку.

Ей хотелось бы поговорить еще. Тишина в квартире тяготила ее. Харриет прошла по

комнатам. Она не представляла, что делать. Когда «Пикокс» была для нее всем, тогда для всего находились свои причины, но теперь они отпали.

Позвонила Джейн. Они немного поговорили о механике внезапного удара Робина. Джейн высказала свое сочувствие, которое имело оттенок некоторого удовлетворения, возможно, только показавшегося настроенным на тишину ушам Харриет. Джейн никогда особенно не любила и не доверяла Робину. Она задала неизбежный вопрос:

— Что теперь?

— Не знаю, — ответила Харриет.

— Ты можешь ничего не делать. Просто ничего. Покровительствуй искусству. Путешествуй. Вложи свои огромные деньги, сиди и считай проценты.

Харриет прочла зависть. Находясь в растерянности, она не знала, как с ней бороться.

— Деньги — это еще не все, — произнесла она.

— Так ли?

Джейн сидела на ковре в передней комнате. Она наблюдала за тем, как тонкий солнечный луч проходил между домами напротив и ложился полосой на светловатую шерсть. Этот луч заставил ее заметить, что окно следовало бы вымыть. Корзинка Имоджин возле нее была пуста, потому что ребенок спал в своей кроватке наверху. Когда вскоре она проснется, Джейн посадит ее в коляску и будет катать по кругу в Клиссолд-парке.

Говоря с Харриет, Джейн мечтала о том, что хорошо было бы провести вечер с друзьями, сходить в кино или, может быть, в ресторан, но она не могла, потому что в этот момент некому было остаться с Имоджин. А Харриет, Харриет может выйти из своей дорогой и тусклой квартиры и купить себе билет куда угодно.

Харриет слушала. Между ними зияла пропасть. Было невозможно сказать Джейн через это пространство, что она не может думать о поездке куда угодно, кроме возвращения за свой рабочий стол и в Уинвуд для того, чтобы победить Рея Даннетта и станок для изготовления пластмассовых деталей.

Она смотрела на свои стены, начиная ненавидеть их за возрастающую зависимость от их защиты.

Джейн и Харриет поговорили еще немного, пообещав вскоре увидеться. Когда беседа закончилась, они обе подумали: «Интересно, когда же эта встреча состоится».

Дженни, Чарли, Лео и другие друзья — все они звонили Харриет. Письма, как дротики, прокалывали ее уединение. Харриет не хотелось разговаривать, но она ощущала одиночество в промежутках между этими безмолвными беседами.

Она поговорила и с Кэт.

— Ты сердишься на меня? — спросила Кэт.

Ее голос был ласковым, почти нежным. Это был детский вопрос, наивно признающий право Харриет сердиться. Но, с другой стороны, это был вызов: «Сердись, но это никак не изменит того, что я сделала».

— Да, я сержусь.

Слова взрывались в ее голове, как горячие, маленькие шарики гнева. Мысль о Кэт на другом конце провода, в безопасном гнезде, созданном для нее Кеном и украшенном фарфоровыми безделушками и бархатными подушками, вызывала бурный приступ ярости, смывающей все внутри Харриет. Кэт была труслива, не была конкурентом, любила все украшать, уклонялась от действительности и была ее собственной матерью.

Харриет постаралась управлять своим голосом и чувствами.

— Да. Да, я сержусь. А ты что думаешь? Ты лишила меня моей компании. Это не то, чего ты не могла бы понять, но ты сделала это. Ты не так глупа, как притворяешься. Послушай, я создала эту компанию. День за днем, час за часом, наблюдая и планируя все. Я любила ее. Она была моей, можешь ты понять это? А потом пришел Робин Лендуит, врал вам, а вы слушали его и отобрали мою компанию из-за какой-то сентиментальной причуды, которая не вернет Саймона назад. Ничто не вернет Саймона. Он мертв.

— Не надо так говорить, Харриет, — сказала Кэт.

Харриет подумала, что все выглядит так, как будто она маленькая девочка, которая сказала: «Не буду, — или, — вот еще». Почему она не может понять, что она сделала?

Кэт заговорила своим доброжелательным голосом:

— Что же ты хочешь? Ты же сделала на этом кучу денег.

— Я не хочу денег, — закричала Харриет.

Ей казалось, что трубка под ее рукой сделана из воска. Она могла разбить или согнуть ее и разрушить все окружающие ее и подобранные с большим вкусом предметы.

— Мне не нужны эти чертовы деньги. Я хочу назад свою компанию.

Но она не могла получить ее назад. Она перешла в руки Робина, Джереми и других людей, до которых ей не добраться. И компания никогда уже не будет принадлежать ей.

Харриет задыхалась, по ее лицу ручьями потекли слезы.

Вновь раздавшийся голос Кэт вонзился в нее.

— Я не могу слушать, когда ты так говоришь. Я позвоню тебе попозже, Харриет. Ты расстраиваешь нас обеих.

Она положила трубку, и в ухе Харриет послышались гудки отбоя.

Она закричала на стены: «Расстраиваю! Боже упаси, чтобы кто-нибудь был расстроен».

Стены, шторы и ковер поглощали звуки ее голоса и возвращали тишину. Харриет бросила трубку. Она медленно сползала по стене, превращаясь в бесформенную грудку, ее голова опустилась на колени, а руки разошлись в стороны пустыми ладонями вверх.

Плача, она долго просидела в такой позе. Потом слезы высохли. Харриет открыла слипающиеся глаза и осмотрела комнату. Ничто не передвинулось, ничто не изменилось и ничто не могло измениться, как бы долго она не продолжала плакать. Она спокойно сидела, скорчившись, и думала.

Она знала, что позвонит Кэт и попросит прощения, а Кэт скажет: «Ты — моя девочка, мы забудем обо всем этом. Все это было сгоряча».

Так бывало между ними. Они успокоились и вошли в свои роли очень давно, не изменят они их и сейчас.

«Мы не похожи», — подумала Харриет. Мы совершенно разные. Есть что-то в том, чтобы быть благодарным.

Квартира была очень тихой. Она хотела бы услышать звуки голосов, телевизора или музыку из соседней квартиры или сверху, но их не было. Она чувствовала себя усталой, опустошенной и совершенно дезорганизованной.

Она неуклюже и оцепенело поднялась и поплелась на кухню. В шкафу не было ни одной банки, она никогда не накапливала много продуктов. Надо было идти в магазин. Эта мысль принесла идущую следом тревогу, которая усилилась до того, что у нее перехватило дыхание. Она боялась выходить из дома. Понимание этого ничего не облегчило, а только принесло еще более глубокое осознание того, что она сделала с Саймоном.

— Так вот на что это было похоже, — произнесла она вслух.

Только Харриет понимала, что она не боится репортеров, если кто-то из них и удосужился задержаться возле ее дома, или каких-нибудь иных физических проявлений внешнего мира за парадными дверями. Она не боялась ничего, кроме пустоты и бездействия после многих лет интенсивной работы.

Она могла бы не подпускать всего этого к себе путем отрицания внешнего мира, но это также скрывалось и внутри вместе с нею, невыразительное в нейтральных стенах, безусловное в пустых шкафах, красноречивое при отсутствии жизни внутри элегантного оформления.

Она никогда не чувствовала себя более бессильной и еще более беспомощной.

— Я сожалею, что не могу поговорить с вами, — сказала она Саймону.

Даже эта односторонняя беседа стала казаться неуместной и несообразной. Он никогда не повторил ей, что он хотел бы, чтобы она действительно была его дочерью.

С облегчением Харриет увидела, что на улице темнеет. Казалось, что нет никаких признаков весны. Зимой солнце днем стояло недолго, а сейчас оно было погашено вечерним холодом. Харриет дрожала. Ее кровь оставалась жидкой после щедрого тепла Западного побережья. Она говорила себе, что сейчас было бы прекрасно отдернуть шторы навстречу зеленоватым сумеркам, включить отопление и посмотреть телевизор.

Она взяла из шкафа банку «Мармайта» и намазала его на последние крекеры. Она приготовила чай, заливая водой пакетик с чаем на дне чашки, в которой до этого был кофе. Она вынула пакетик, бросила его в раковину и вдруг ясно представила тошнотворную грязь на дне раковины Саймона. Она схватила чайную ложку и протолкнула коричневый комочек в сливное отверстие раковины. Потом она повернула ручку мусоропровода и слушала работу механизма, перемалывающего и уносящего мусор.

Харриет решила. Позже, когда будет совершенно темно, после десятичасовых новостей, и это будет, наверное, наилучшее время, она выйдет на улицу и сделает необходимые покупки. Она спустится вниз с холма к работающему допоздна супермаркету в Белсайз-парке. Он открыт до полуночи, и редко можно встретить кого-нибудь в его узких проходах в последний час работы.

Харриет помнила это очень хорошо, потому что магазин находился как раз за углом недалеко от той самой квартиры, которую она снимала, когда боролась за создание «Пикокс». Она обычно заскакивала туда и покупала готовые блюда из морозильника, сгребая все, что там было, и не тратя времени на размышления. Она была слишком занята для того, чтобы готовить. Это было давно, хотя с тех пор она всегда была очень занята. До сих пор.

Ну а потом. Она спустится с холма и создаст запасы. Она купит массу продуктов, это будет хорошая возможность. Банки и пакеты с сухими продуктами, которые можно хранить, — вот что ей нужно. Не будет необходимости бегать за продуктами каждые пять минут. Будет значительно лучше иметь все, что необходимо, под рукой в кухонном шкафу.

Харриет кивнула с облегчением. Она посмотрит вечернюю мыльную оперу, потому что она уже начала понимать, кто есть кто, да и, в конце концов, почему она не может делать этого? Потом еще была пьеса, которую она хотела посмотреть, а после нее — новости. Затем она прогуляется. Эта будет одна из ее тихих, тайных ночных прогулок, которые успокаивали ее в прошлом, и она сделает еще один круг, направляясь к дому после позднего посещения магазина.

Приятно будет выйти на свежий воздух. Сколько прошло дней после того, как она

вернулась домой из «Пикокс»?

Харриет перенесла намазанные «Мармайтом» крекеры и чай в гостиную. Она села на угол дивана, обложив себя подушками. Она ела, не чувствуя вкуса, ее глаза сосредоточились на экране телевизора. Она посмотрела мыльную оперу, игровую программу, пьесу, а потом новости, в которых репортажи из Ливана, Китая и история с принцессой Дианой пришли, казалось, из одинаково удаленных миров.

В полдесятого она скованно встала, чувствуя, что ее ноги как бы покалывает булавками и иголками. Она долго провозилась в поисках шарфа, который она надела под пальто, и красного берета, который она не надевала несколько лет. Однако она была убеждена, что он был единственной вещью, которая бы не давала ушам замерзнуть. Потом она нашла кошелек, положила его в сумку, которую носила через плечо, и внимательно обошла по кругу квартиру, проверяя замки и задвижки на окнах и дверях.

Было почти одиннадцать часов, когда она вышла через парадную дверь.

Она в нерешительности остановилась на верхней ступеньке, вглядываясь в ночную тьму, однако были слышны только отдаленный шум уличного движения и музыка из соседнего окна. Конечно, не было никого, наблюдающего за ней или ожидающего ее, что она со своим рациональным умом понимала.

Она прогуляется, сделает покупки и снова вернется домой. Подходя к воротам, она подумала о том, что завтра поедет в «Пикокс». «Я заберу вещи из своего кабинета, поговорю с Грэмом, выпью чашку кофе с Карен. Завтра днем. Или, возможно, послезавтра утром».

Она начала прогулку. К ней пришли воспоминания о других ее ночных блужданиях. Снимать тревогу в темноте было ее старой привычкой. Она ходила по спящим улицам вокруг Сандерленд-авеню, когда умер Саймон, и она чувствовала преследующий ее страх так же, как она чувствовала, что он собирается ночью в углах и прижимается к оконным стеклам ее комнаты. Ее шаги ускорились. Крутой уклон холма нес ее быстрее по направлению к уличному движению, прочь от жилых улиц с живыми изгородями. Она не могла подчиниться страху. Она пойдет в «Пикокс» завтра, она шире раздвинет шторы.

Руки Харриет раскачивались в ритм ее шагов.

Она пересекла главную улицу, и незапланированный маршрут привел ее к жилым домам, где голубые телевизионные огни были видны через незашторенные окна, а музыка гремела вызывающими взрывами под кирпичными балконами. Большие собаки без ошейников сопели над рваными, черными пластиковыми мешками, разливающими свое жирное содержимое между мусорными ящиками. Харриет заспешила мимо рекламной мазни на углах домов и снова погрузилась в оранжевую пелену уличного освещения. Через некоторое время она подошла к тому месту, где бегала вместе с Линдой в тот счастливый день перед встречей с Каспаром на обеде с гамбургерами. Прошел уже почти год с того дня, когда она приехала домой с Робинотом и увидела Линду, скрывающуюся в живой изгороди.

Харриет пошла дальше вниз по пыльной улице, думая о Линде. Через несколько дней она вернется в Англию на летний семестр.

Линде не понравятся завешенные шторы, закрытые двери и неотвечающие телефоны.

«Давай, Харриет. Приведи себя в форму». Харриет даже улыбнулась от пыла своего самонаставления. Не было причин прятаться со своим поражением. Она не должна доставить Робину такого удовольствия. Надо было поворачивать, если она хотела попасть в магазин до полуночи.

Была четверть двенадцатого, когда она толкнула дверь. Усталый продавец в синем

халате кивнул ей от кассы, узнав ее по тем дням, когда она жила в Белсайз-парке. Харриет ходила туда-сюда по тесным проходам, бросая пакеты и банки в корзину. Она видела, что продавец, ожидая ее, спускает стальные жалюзи, готовясь к закрытию магазина на ночь.

Она поднесла свою нагруженную корзину к кассе. Она провожала взглядом банки с супом фирмы «Кэмпбелл» и банки с паштетом, которые продавец вносил в кассовый аппарат, и с удивлением подумала о том, зачем она накупила все это.

Сумма, которую продавец сосчитал ей, показалась ей гигантской. «Деревенский паштет» в маленьких стеклянных баночках, купленный в магазинах, открытых до полуночи, всегда был дорогим, напомнила себе Харриет.

Она раскрыла кошелек. В нем было много денег, больше, чем она ожидала. Харриет слишком широко усмехнулась. Она заметила, что продавец наблюдает за ней краем глаза, перекладывая ее покупки в два коричневых мешка. Харриет положила несколько банкнот на стойку, а он отодвинул две из них назад.

— Достаточно, достаточно, — пробормотал он.

— Большое спасибо, спокойной ночи, — приветливо сказала Харриет.

Продавец проводил ее до двери магазина и запер ее за ней с видимым облегчением. Он опустил вниз шторы, закрывающие стекло, и Харриет услышала, как щелкнули замки. Она подняла свои коричневые мешки и пошла домой.

Под главной дорогой проходил подземный переход. Днем Харриет всегда пользовалась им, потому что дорога была загружена. Поздно ночью здесь было меньше машин, но быстро бегущая цепочка из них должна была проскочить мимо, когда она подошла к краю тротуара, ко входу в туннель слева от нее. Она с облегчением подумала, что покупки сделаны, и мечтала о возвращении в уединение ее дома.

Ее ум был занят, сосредоточен на возвращении домой настолько быстро, насколько это было возможно, прочь от людей, автомобилей и уличного освещения. Ни о чем другом Харриет и не думала. Она начала спускаться по знакомым ступенькам, плотно прижимая мешки к груди.

Она не смотрела на нацарапанные надписи и кучи мусора возле грязных стен. Она увидела ноги двух мужчин, как только они появились, спускаясь по ступенькам, чтобы встретиться с нею в противоположном конце перехода. Она продолжала идти, не ускоряя шагов, все ее желания были сосредоточены на доме.

Под резким светом она увидела, что они молоды, белые, с длинными ногами и непропорционально широкими плечами из-за кожаных курток. Выражения их лиц были одинаковыми. Зная, что она не должна встретиться с ними глазами, Харриет отвернула голову в сторону безобразно размалеванных стен. В двух метрах от нее они остановились, преграждая ей путь, что она поняла уже по первому их взгляду. Она попыталась продолжить движение, намереваясь проскочить мимо них. Один из них схватил ее за руку.

— Отдай нам свою сумку.

Она висела у нее на плече на широком кожаном ремне. Обремененная мешками с продуктами, Харриет старалась прижать ее к боку локтем.

— Пропустите меня, пожалуйста. — Ее голос прозвучал тонко и смешно.

Захват на ее руке стал плотнее.

— Отдай нам... свою... чертову сумку!

Совершенно ясно Харриет разглядела кнопки на коже, косынку, завязанную вокруг одной шеи, и цепочки вокруг другой. Она ответила:

— Нет.

Она старалась прижать сумку поплотнее к себе.

— Что в ней? — нагло ухмыльнулся один.

Другой сорвал ремень с ее плеча:

— Давай сюда, сука.

Харриет вспомнилась одна картина. Она проходила через парк в жаркий вечер на встречу с Робинот. Голова ее была полна собственными делами. Она увидела небольшую группу, собравшуюся вокруг старой женщины, на которую напали или ограбили.

Она представила лицо женщины так ясно, как будто она стояла сейчас перед ней. Страх и растерянность. Тогда это было маленьким острым противоречием тому удовлетворению, которое она получала от прекрасного вечера. Лондон в своем летнем наряде. Она постояла несколько секунд, наблюдая, а потом, неспособная подействовать в чем-нибудь, пошла дальше. Она обнаружила Лизу и Лео вместе в винном баре.

Они сорвали с нее сумку. Один из них поднял руку и небрежно ударил ее в нижнюю челюсть.

Харриет была испугана. Однако потрясение от удара, казалось, убило ее страх.

На его место вместе с жгущей болью пришел поток гнева. Он превратил резкий подземный свет в малиновый и окрасил красным грязные белые стены. Он напряг ее руки и спину и сжал ее губы. Он захватил значительно больше, чем двух молодых людей в пустынном переходе. Он возник из-за того, что она потеряла, как потеряла и почему. Он был из-за тех дней затворничества в своем собственном доме и из-за женщины в парке, и из-за Саймона, мисс Гетц и Линды, так же, как и из-за себя.

Харриет выпустила свой собственный поток грязных слов.

Она смешно прижала к себе два бумажных пакета с продуктами. Она отбросила назад одну ногу и ударила вверх между пары двух длинных ног. Раздался пронзительный визг, и она услышала свой собственный крик, как в хоре:

— Отстаньте от меня! Черт вас побери! Не прикасайтесь ко мне!

— Проклятая корова!

Тот, которого она ударила, отошел, пошатываясь, к кривой стене, а затем, покачиваясь, выпрямился. И снова пошел на нее. Харриет почувствовала, что ее голова откинулась назад настолько сильно, что могла сломаться шея. Она отлетела к грязному кафелю и прижалась к нему. Два лица поплыли перед ней. Она обвисла, и один мешок с продуктами выскользнул из ее рук. Но гнев еще циркулировал в ней. Она втянула щеки и плюнула. Одна пара рук кружилась у нее на груди и била сверху ей между ног. Из одного рта прямо перед ней вырвался длинный свистящий звук:

— Как тебе этот грубиян, дорогая? Я могу дать тебе еще.

Последовал еще один удар. Она обхватила себя свободной рукой и почувствовала, что она связана с какой-то силой, которая заставляет звенеть ее кости. Хрюканье послышалось почти у нее в ухе. Руки отпустили ее ровно настолько, чтобы схватить вновь. Гнев рушился в волне ужаса.

Удар пришелся сбоку в голову и разбил ее о стену. Харриет сползла вниз, уже ослепнув, рот ее приоткрылся и оставил тонкий, яркий след, тянущийся вниз по кафельной плитке.

Кровь брызнула между зубами. Она осела грудой, ее голова лежала на сгорбленных плечах. Последовал еще град ударов, но она уже не чувствовала их. Наступила тишина.

Оба мужчины стояли, глядя на нее.

Один из них прошептал:

— Боже мой.

Другой нагнулся и вытащил ее сумку. Он обмотал грудь под полами кожаной куртки ремнем от сумки. Потом он выпрямился.

— Пошли.

Они побежали, их каблуки отбивали барабанную дробь вдоль подземного перехода и по ступенькам в его дальнем конце.

Харриет открыла глаза. Она смогла увидеть грязную белую трубу перед собой с сияющими, яркими, твердыми точками и черными ступенями, до которых она страстно желала добраться. Очень медленно, держа тыльную часть ладони у разбитого рта, она поднялась на ноги.

Посмотрев вниз, она увидела, что один из пакетов с продуктами остался целым. Она подняла его. Качаясь, как пьяная, издавая слабые стоны от боли и ужаса при дыхании, она пошла вдоль белой трубы. У ступенек она упала на колени и поползла вверх, волоча за собой мешок.

Когда она добралась до верха, ночной воздух ударил ей в лицо, она упала вперед и разбилась о верхнюю ступеньку. Мешок с продуктами раскрылся, банки и бутылки покатались, подпрыгивая, вниз, чтобы занять свое место в наваленных внизу кучах мусора.

— Так чего же ты ожидала? — спросил Чарли Тимбелл.

Больничная кровать Харриет утопала в цветах. На столе в ногах кровати стояла корзина лилий от Каспара, а за ней пирамида из роз с запиской просто «от Робина». Вазы и горшки с всевозможными цветами всех оттенков громоздились с другой стороны кровати. Они, казалось, пришли от всех на свете, кого она знала, даже от «всех нас в «Мидленд Пластикс».

— Ну просто, как кинозвезда, — говорила Айви с соседней койки.

— Я не знаю, чего я ожидала, — ответила ему Харриет, глядя на великолепие цветов.

На ее глазах снова появились слезы. Она много плакала. Один из врачей сказал, что это реакция.

— Я не ожидала, что буду избита по дороге домой из поздно закрывающегося магазина. Я не ожидала... — она показала на цветы, и слезы побежали по ее лицу.

Чарли заерзал на стуле, достал носовой платок и протянул ей.

— Доброта? Дружеские чувства? Продолжай.

Харриет высморкалась. От вибрации заболела сломанная челюсть, и она вздрогнула. Она знала, что Робину было легко достать кредитную карточку и позвонить в цветочный магазин, она знала, что было не более сложно сделать то же самое где угодно в Лос-Анджелесе. Были и другие цветы, которые тронули ее. Цветы и дружеские записки, в которых проявлялась заинтересованность, от Карен, Грэма, от команды передачи «История успеха», соседей Кэт и других, многих из которых она едва знала.

Санитарки, казалось, приносили хрустящие целофановые охалки каждый час. Харриет старалась остановить свои слезы, которые заставляли ее еще больше осознавать свою уязвимость. Она чувствовала себя слабой, подавленной и беспомощной, как моллюск, извлеченный из своей раковины.

Какой-то прохожий нашел ее лежащей на верху лестницы. Он остановился перед ней, и она увидела отвороты его брюк очень близко от своих глаз. Она пыталась что-то сказать ему, но слова не выходили из ее разбитого рта. Потом приехала скорая помощь и увезла ее.

В травматологическом отделении больницы краска на стенах полопалась, а на полу валялись пустые бумажные стаканчики под рядами стульев. Здесь ничто не походило на госпиталь «Мур Парк» в Шерман-Оукс, но она лежала на каталке в завешенном боксе, ожидая врача, и думала о Каспаре. Она без всякого смысла сожалела, что он не мог быть здесь вместе с ней и не мог держать ее за руку. Ее лицо и грудь болели.

Пришел молодой врач, выглядевший усталым, как и все врачи. Как и Каспар, Харриет была счастливымчиком. Ее челюсть срастется, швы в углах рта рассосутся и, наверное, не останется шрамов. Внутренние и наружные ушибы на теле заживут сами.

— Вы будете как новая, — сказал врач. — Вы хотите позвонить кому-нибудь? Родственникам? Другу?

— Утром, — ответила Харриет.

Она хотела лежать за задернутыми занавесками и хотела, чтобы ее оставили в покое. Ей хотелось плакать, но так, чтобы никто не видел этого.

Казалось, что как только она утром проснулась, приехали Кэт и Кен. Их забота и их измена переливались через нее. Все, что случилось, казалось, происходило только внутри нее. Сам по себе факт нападения был едва ли не самым незначительным. Харриет рассказала

все детали женщине-офицеру полиции и обрадовалась, когда та ушла.

Сразу же после нее пришла Джейн. Ей удалось пристроить где-то Имоджин. Харриет не видела Джейн без ребенка с того дня, как он родился. Она изучала лицо Харриет, наклоняясь так близко, что Харриет смогла разглядеть пушок на ее верхней губе. Джейн была очень сердита. Она все время повторяла:

— Почему? Что им было нужно?

— Они просто хотели получить мою сумку. Я потеряла самообладание. Это была ошибка — пытаться оказать сопротивление. Я могла отдать им сумку, и они бы ушли.

— Но ты не отдала, а они сделали такое. — Джейн тоже была почти в слезах. — Харриет, что ты делаешь? Почему ты ходила одна в середине ночи?

Все, конечно, спрашивали ее об этом и Кэт с Кеном, и женщина-полицейский. Харриет могла объяснить не более связно, чем это мог сделать Саймон, то, что она боится дневного света и деятельного внешнего мира. Не могла она также объяснить многообразия своего удовольствия от темноты, успокоения от прогулок в одиночестве и своей потребности в ночной анонимности.

— Мне нужно было кое-что купить. Магазин был открыт допоздна.

Она закрыла глаза, а затем снова их открыла, сознавая, что Джейн очень внимательно и заинтересованно изучает ее. Сильнее, чем ушибы, хуже, чем сломанная челюсть, было потрясение от самого факта нападения. Она думала, что это похоже на предательство друга.

Она прожила в Лондоне всю свою жизнь, и она воспринимала его толкотню и его разнообразие, как своих союзников. Она никогда не чувствовала себя потерянной или испуганной в этом городе, но угроза оказалась совсем близко, она пришла от людей, которые знали ее, а не от какой-то абстрактной массы жителей города. Однако сейчас эта масса извергла грабителей из темноты, которая, как она ошибочно считала, защищала ее.

Молодые люди без лиц, потому что она не смогла даже попробовать описать их женщине-полицейскому, похитили больше, чем ее сумку. Они заставили ее бояться своего собственного города. Харриет вздрогнула при мысли о поворотах улиц, о пустых платформах метро, о продуваемых открытых местах.

Джейн погладила ее по руке.

— Это потрясение, — сказала она. — Потрясения могут делать таинственные вещи. Ты переживешь это. Посмотри, везут чай. Я возьму нам по чашке.

Она снова стала прежней Джейн, умелой и проворной. Харриет знала, что она может положиться на нее, когда надо будет сделать что-нибудь, в чем она может помочь, что-нибудь полезное. Она знала, что Джейн будет приходить к ней каждый день, как бы неудобно это ни было для нее самой, что Джейн убедится в том, что в квартире в Хэмпстеде все в порядке и организует ее возвращение домой. Харриет послушно пила чай.

— Когда скажут, что ты можешь возвращаться домой, ты приедешь ко мне в Хакни, хорошо? — И потом: — Пожалуйста, не плачь, а то и я заплачу. Все будет в порядке. Тебе станет легче через пару дней.

— Я знаю. Я знаю, что поправлюсь, — решительно ответила Харриет.

Чарли ел шоколад, потому что для челюсти Харриет это было очень больно.

— Ты знаешь почему или нет? Почему все так бросились заботиться о тебе и насыпали кучу цветов на твою голову?

Как Джейн, Дженни, Кэт, Лео и Лиза, принесшие этот шоколад, с которым так деловито расправлялся Чарли, и даже Каспар и Робин со своего безопасного расстояния. Харриет

медленно кивнула.

— Точно. Ты была бы наивной, если бы не знала. Это позволяет им хорошо себя чувствовать. Тебе плохо, ты нуждаешься в них, они могут заботиться о тебе. Это не так просто — подумать о чем-то, что требуется сделать для мультимиллионерши, которая сама себя сделала.

— Я все еще мультимиллионерша.

— Да. Просто немного побитая.

Чарли положил еще одну шоколадку в рот и помахал Айви, которая делала вид, что не слушает их разговора.

— Харриет, тебе хорошо в этой палате? Она полна старух.

— Да, спасибо. Я люблю компанию.

Когда Чарли ушел, Айви встала с постели и зашаркала через палату к Харриет.

— Он выглядит приятно, этот молодой человек.

— Да. Он муж моей старой подруги. Они оба мои старые друзья. Мы обычно ездили вместе на каникулы, когда были молодыми и небогатыми. Однажды мы ездили на Крит.

— О, значит он вам не... — Айви была разочарована.

— Нет, не мой.

Айви походила взад-вперед по комнате, затем более плотно запахнула халат на своей груди, что было верным признаком решимости высказаться. Она резко вздернула подбородок возле ярусов цветов.

— А я знаю, кто вы. Женщина снизу с другой стороны сказала мне. Вы та самая «Девушка Мейзу».

— Я была, — сказала Харриет, — было такое время.

Наиболее неожиданным посетителем оказалась Элисон Шоу. Она вошла в палату в букетом тюльпанов в одной руке, а на другой висел плащ. Харриет была очень рада увидеть ее, даже удивительно, что так рада.

— Мне хотелось прийти.

— Я очень рада, что вы сделали это. Мне очень жаль, что так получилось с программой.

— Будут еще и другие программы.

Они улыбались друг другу.

Элисон села, и они начали разговаривать. Это была не серьезная беседа, но Харриет почувствовала, как приятно завязывать дружбу, что было для нее совершенно ново, и как хорошо не говорить о ее синяках или деньгах.

Они говорили о телевидении, статье в журнале, которую они обе прочитали, о проблемах в работе руководящих женщин, новом романе, которым обе восхищались. У Элисон были консервативные взгляды, она получила классическое образование и была очень эрудирована. Харриет чувствовала тягу к ней, сознавая бессистемность своего образования и обрывочность своих знаний.

Элисон пробыла у нее почти час. В конце этого времени запах тушеного мяса возвестил о прибытии ужина. У обеих женщин изменилось выражение лица. Элисон собралась уходить. Харриет хотелось, чтобы она осталась, потому что тогда она смогла бы и дальше получать удовольствие от беседы, которая не заставляла ее плакать или чувствовать себя виноватой, и чтобы подольше оставаться в покое.

— Что происходит? — спросила Элисон. — Вы собираетесь открыть цветочный магазин?

Они рассмеялись над цветами.

— Я уеду отсюда через день-два. Я не знаю, что я буду делать. Или где. Мне сейчас не очень хочется оставаться в Лондоне.

Это сдержанное высказывание скрывало страх Харриет перед переполненными улицами и холодным пространством.

Элисон кинула на нее быстрый взгляд.

— Тогда поезжайте в деревню. У меня есть дом в Кенте, мое убежище на уик-энд. Поезжайте и живите там, восстанавливайтесь. Там очень тихо.

— Это очень мило с вашей стороны. Я могу просто поймать вас на слове.

Это был вежливый ответ, Харриет не знала, насколько серьезным было приглашение. Элисон протянула руку. Харриет вспомнила ненакрашенные ногти и пальцы без колец. Большой квадратный бриллиант все еще украшал ее правую руку. Грабители его почему-то не заметили.

— Вы живете одна? — спросила Харриет.

— Да.

Они тепло пожали друг другу руки.

Когда Элисон ушла, Айви бросила через палату:

— Я видела ее по телевизору.

Через два дня Харриет вернулась домой. Там уже была Джейн, готовая ухаживать за ней, как Харриет и предполагала. Она носила Имоджин в холстяной сумке, привязанной у нее на груди.

— Ты не слишком здорово выглядишь, — прокомментировала Джейн со свойственной ей прямоотой.

Синяки на лице Харриет стали желтыми и красными, шея и нижняя челюсть оставались распухшими.

— Я поправлюсь.

Однако, по правде, Харриет чувствовала себя слабой и неуверенной. Стоило усилий приготовить кофе, который они пили на кухне. Находясь возле своей матери, Имоджин создавала довольно мало шума. Лицо Джейн было спокойным и решительным. «Современная мадонна», — подумала Харриет.

— Поехали со мной в Хакни.

— Мне хорошо здесь, ты же знаешь.

Это была другая неправда. Вид блеклых стен и невыразительные картины расстраивали ее. Пустота была слишком очевидной. Но Харриет не хотелось выходить даже отсюда. Она не могла забыть ботинки, которые били ее, искаженные лица и зловоние покрытого белым кафелем перехода.

— Давай я хотя бы выйду и куплю для тебя продукты. В шкафу ничего нет.

Последний поход в магазин закончился в грязи со сломанной челюстью и разорванными пакетами под лестницей. Харриет старалась подавить дрожь.

— На улице холодно? Если сможешь, купи только молока, хлеба и лекарств. Я выйду завтра и сделаю настоящие закупки. Если хочешь, оставь Имоджин здесь со мной.

Руки Джейн гладили маленькую темную головку.

— Я возьму ее с собой.

Она вернулась назад с горой продуктов и разложила их в шкафы Харриет. Они вместе

выпили по чашке чая, и у Джейн уже не было причин оставаться дольше.

После ее отъезда Харриет подошла к окну. Улица было спокойной, дома напротив, как всегда, богаты и безмолвны. Ей захотелось узнать, что скрывают за собой их фасады.

Затем она вдруг резко отвернулась от окна, пересекла комнату и включила телевизор. Она решила, что завтра пойдет в «Пикокс» и заберет свои личные вещи.

Однако на завтра необходимость в этом отпала. Приехали Грэм и Карен и привезли вещи Харриет в багажнике универсала Грэма. Он внес портрет Харриет кисти Эммы Сарджент и прислонил его к стене. Харриет взглянула на него с неприязнью. Сейчас она подумала, что выглядит на портрете самодовольной.

Карен принесла старую игру из доски упаковочного ящика и аккуратно положила ее на стол. Харриет приложила ладонь к растрескавшемуся дереву. Она была рада получить игру назад, однако остальные вещи — первая «Головоломка», рамки с фотографиями приемов и презентаций, напоминающие об успехе, выглядели, как бессмысленный хлам. Харриет тепло поблагодарила Грэма и Карен, усадила, дала выпить. Они неловко оглядели комнату. Харриет знала, что они осматривают ее штормы и подушки только из вежливости, чтобы не смотреть прямо на нее. Ее удовлетворенное лицо с портрета наблюдало за реальной жизнью в каминном зеркале с позолоченной рамой.

Этот взгляд вызвал у нее желание поднять руки, чтобы закрыть следы от ударов. Опухоль, швы, полузаплывший глаз и покрытая синяками кожа представлялись Харриет внешним проявлением ее поражения. Потеря «Пикокс» и избиение, которому она подвергалась, стали позорными и как бы связанными между собой.

Повернувшись спиной к зеркалу и портрету, она предложила Грэму и Карен выпить.

— Вы знаете, это выглядит значительно хуже, чем есть на самом деле, — бодро сказала она. — Расскажите, что нового в «Пикокс». Я жажду новостей.

Они ухватились за эту возможность. Рассказали о новом директоре-распорядителе, приведенном Робинем, о его методах, нововведениях и реорганизации в Уинвуде. Харриет жадно слушала, с трудом веря в то, что все это происходит без нее, что она больше не держит в своих руках «Пикокс».

— Ну и как он, этот новый человек? — спросила она.

— Видимо, вполне способный, — признал Грэм.

Конечно, он и должен быть таким — ведь Робин не дурак.

— Но он — это не вы, Харриет, — пожаловалась Карен. — Мы все так скучаем без вас.

— Я тоже скучаю. Но мы все никогда не подозревали об этом. Вполне возможно, что мы сможем когда-нибудь снова работать вместе.

Их лица моментально преобразились.

— Вы что-нибудь планируете?

— Еще слишком рано говорить о чем-то.

Харриет почувствовала свою ничтожность. Сейчас она чувствовалась сильнее, чем в любой другой момент после собрания. «Давай, приходи в себя, — убеждала она себя, — ради Бога, Харриет».

Когда они уходили, Карен нежно обняла ее. Грэм поцеловал ее в щеку. Она подумала, что никогда раньше он не делал этого.

— Ну, еще встретимся, — пообещали они друг другу.

Снова оставшись одна, Харриет отнесла портрет в коридор и поставила его подальше от глаз к задней стенке шкафа. Потом она вернулась в гостиную и взяла старую доску из

Шамшуйпо. Кончиком пальца она провела по пути шарика вдоль уклона, рассматривая каждые воротца и написанные возле них карандашом цифры. Очень аккуратно она установила фишки в нижние пазы и положила шарики вверху перед барьером. Она открывала и закрывала воротца в их последовательности по всей дороге вниз. Затем она отпустила шарики. Вращаясь и гремя, они покатались вниз. Держа доску и наблюдая за их гонкой по лабиринту, Харриет почувствовала, какой хрупкой стала старая доска от ящика.

Через ее середину проходила длинная трещина, и две едва соединенные половинки сдвинулись относительно друг друга, когда она сжала их рукой. Это смещение передвинуло искусно подогнанную Саймоном решетку, под которой виднелось дерево несколько иного цвета.

Харриет внимательно рассматривала японские иероглифы, которые даже за то время, что доска была у нее, казалось, выцвели почти до цвета серебристого дерева. Скоро их уже нельзя будет различать. Игра Саймона медленно разрушалась.

Она опустила доску, но все еще следила взглядом за воротцами и частоколом цифр.

Она вспомнила о нападении. Она была счастливчиком, как сказал ей врач. Безликие бандиты могли убить ее. Непостижимо, но ведь она могла умереть, когда упала на верхней ступеньке лестницы подземного перехода.

Она снова подумала о Саймоне, ее связи с ним благодаря его игре и ее матери, и о мисс Гетц, которой она никогда не знала.

«Мейзу» была метафорой, что Саймон всегда знал. Харриет прикоснулась к нижним пазам. Здесь шарики аккуратно лежали напротив каждой фишки в нужной последовательности. Решение было явно неизбежным, независимо от того, прямым или окольным путем оно пришло, и независимо от того, велик или мал счет, набранный в пути. Осознание этого успокоило ее.

Харриет подняла голову. Она больше не хотела тратить время в заточении в своей безмолвной комнате, оплакивая потерю компании и крушение ее любви к Каспару, нося свои синяки, как знаки утрат и поражений.

Она сняла трубку и набрала номер Би-Би-Си. Наконец, она нашла Элисон Шоу.

— Вы еще помните, что вы сказали о вашем доме в Кенте?

— Конечно. Я собираюсь туда сегодня вечером. Вы сможете собраться? Приехать и забрать вас?

— Сегодня пятница. Я буду готова, — ответила Харриет.

— Прекрасно. Я должна вернуться назад в воскресенье вечером, а вы можете оставаться там столько, сколько захотите.

Харриет собрала сумку. Было облегчением, что не нужно складывать в сумку ничего, кроме джинсов и джемперов. Никаких городских костюмов, шелковых блузок и туфель на высоких каблуках.

Она заколебалась около «Мейзу», и все-таки положила игру на полку в том же шкафу, что и ее портрет. «Если решение было действительно таким, — подумала она, — то маршрут может быть любым». Она не найдет выхода, скрываясь в своих четырех стенах. И если Лондон заставил ее чувствовать себя больной и испуганной, то тогда она попробует найти свой путь на некоторых деревенских дорогах.

Элисон готовила еду. Кухня занимала почти весь первый этаж ее коттеджа. Первоначально запланированные маленькие комнатки были соединены в одну большую, в

которой находились огромные диваны, старые сосновые шкафы, лоскутные коврики и глиняные кувшины. Еще одной и последней комнатой на первом этаже был маленький кабинет, в котором стояли телевизор и видеомаягнитофон. Дверь в кабинет была всегда плотно закрыта.

— Я не хочу, чтобы эти вещи были видны мне весь уик-энд, — объяснила она Харриет.

Один-два раза она заходила в кабинет посмотреть программу. Часть остального времени она проводила, работая на углу обеденного стола в центре кухни; книги, записи и диктофон валялись вокруг нее.

Наблюдая за ней с одного из диванов поверх газеты, Харриет вспоминала свои дни в Белсайз-парке, когда она жадно и всепоглощающе работала, чтобы запустить «Пикокс».

Поразительно было обнаружить, что она не работает и не имеет обязанностей. Время от времени она будет вздрагивать, как бы встряхивая себя от ленивых грез назад в полную сосредоточенность. Потом она вспомнит. Не было ничего, что требовало бы сосредоточенности. Она где-то прочитала, что человек, у которого ампутировали конечность, также убежден, что удаленный орган все еще остается его живой частью.

Сейчас, наблюдая, как Элисон готовит сложное блюдо из рыбы и овощей, она подумала о том, что Элисон обладает завидной способностью, выполняя свою работу, при необходимости отложить ее в сторону и полностью переключить свое внимание на что-нибудь другое. Она была увлечена, готовя им еду, ритмично резала, рубила и манипулировала медными сковородками.

Она провела послеобеденное время в саду, обрезая сухие ветки и освобождая молодые, зеленые, весенние побеги. Харриет прогуливалась вперед-назад по мшистым дорожкам, восхищаясь шафраном, золотом нарциссов и кустарниками, цветущими яркими желтыми цветами.

По дороге к компостной куче с тачкой мусора Элисон спросила:

— Вам скучно? Мы можем сходить в паб, если хотите. Или съездить в Кентерберри, или куда-нибудь еще.

Чувствуя себя неудобно на фоне организованности и очевидной удовлетворенности Элисон, Харриет ответила:

— Нет, мне не скучно. Я не хочу ничего делать, за исключением того, что мы делаем.

Она ничего и не делала, а только постоянно вспоминала об упорной боли ампутированной конечности.

«Если бы у меня был такой же широкий круг интересов и уверенность в себе, как у Элисон, — подумала она, — то я, наверное, смогла бы легче справиться с тревогами, витающими вокруг меня».

— Вы очень хорошо все делаете, — с искренним восхищением сказала ей Харриет. — Есть ли хоть что-нибудь, чего вы не умеете делать?

Элисон подняла взгляд от растительного желатина и зеленых перечных зерен. Она взмахом руки охватила кухню, заполненную находками из «лавки древностей», желтеющими растениями, картинками с полевыми цветами, кухонным буфетом, заполненным разнокалиберным фарфором и вставленными за стеклом почтовыми открытками.

— У меня, например, нет явного таланта делать деньги. У меня есть этот дом только потому, что он принадлежал моим родителям.

Харриет нахмурилась.

— Вероятно, вы счастливы, — заметила она ворчливо.

Элисон подняла брови.

— Что вы говорите? Вы хотите того, чего у вас нет?

После паузы Харриет ответила:

— Я предпочла бы иметь свою компанию. У вас есть ваша работа, сад и все это. И, как я представляю, множество других вещей. Стремление к богатству, хотя я и не признаю его, как таковое, исключает многие другие сферы человеческой жизни. Дружбу. Любовь. А также кулинарию, коллекционирование и разгадывание кроссвордов.

— У вас, кажется, было все в порядке и с любовью, и с дружбой, — голос Элисон был строгим, — и, по-моему, вы просто не интересуетесь редкими азиатскими растениями или анаграммами. Я думаю, вы будете драться как черт, если кто-нибудь попытается отобрать у вас удачу.

— Вы думаете богатство развращает?

Атмосфера сразу изменилась. Элисон рассмеялась, наклонившись к столу и вытирая углы глаз чайным полотенцем.

— Вы думаете, что вы развращены? Послушайте, вы интеллигентная женщина, подавленная виной. Вы усердно работали и разбогатели на бумаге, а потом она превратилась в настоящее богатство, потому что кое-кто обстригал ловкое дельце. Потом поздно ночью вы пошли купить чая и хрустящих хлебцев, подверглись нападению и были избиты. Таковы факты. Вы можете собрать их в любой сценарий для использования и возмездия, который лучше удовлетворит вашу потребность в самобичевании. Вы богаты. Ваши друзья и родственники поражены завистью, впрочем, вполне естественной. Вы должны научиться иметь с этим дело так же, как и они. Вы думаете, что если исчезнет каждый возможный случай зависти, кто-нибудь из нас станет счастливее? Вы думаете, что если все богатство исчезнет из нашей жизни, сразу исчезнет и развращенность? Или легче происходит разложение при нищете и безысходности? Придите в себя, Харриет.

— Я тоже так уговариваю себя, — заметила Харриет.

— Хорошо. Вы должны решить, как использовать ваши деньги и саму себя. Решайте, как использовать то, что у вас есть. Если вас волнуют такие немодные понятия, как доброта или мораль, то вы можете сказать себе, что, вероятно, богатому человеку легче быть хорошим, чем бедному. И после этого решайте практические вопросы.

— Это звучит слишком уж откровенно.

Они обе рассмеялись.

— Вы же знаете, что это можно сделать.

— Что это?

— То, что вы хотите. Вы целеустремленный человек. Вы не распылаете своей энергии, как большинство из нас. Когда я пришла брать интервью, вы отправлялись в Лос-Анджелес. Но вы сосредоточили все свое внимание на ответах на вопросы. Вы были тверды в вашей решимости сказать то, что вы хотели, наилучшим образом. На мой взгляд, получилось очень хорошее интервью. Если бы вы только дали нам возможность сделать эпилог...

— Никаких эпилогов.

— Ладно, — Элисон подняла руки, сдаваясь. — А я, я делаю программу, возможно, вполне приличную программу, потом я приезжаю сюда, обрабатываю кусты, которые я посадила прошлой весной, готовлю для всей компании завтрак и вовлекаюсь в дискуссию по поводу государственных расходов, одну из тех бесплодных дискуссий, которая начинается только тогда, когда все выпьют слишком много. Это не тот путь, который ведет прямо в

кресло генерального директора, не так ли? А вы, Харриет, вы серьезны и представительны.

— Спасибо, — сухо произнесла Харриет, — но вы счастливы на этом пути, даже если он и не ведет в нужное кресло?

Элисон на секунду задумалась и согласилась:

— Да.

— Я это вижу. В то время, как я даже не помню, с какого времени я не задумывалась о счастье.

— Полагаю, вы еще будете.

— Я уверена, что буду. У меня сейчас масса времени.

Харриет встала со своего места и подошла к Элисон, вокруг которой после приготовления еды остались очистки и отходы. Она уперлась локтями о спинку виндзорского кресла и внимательно посмотрела в лицо Элисон.

— Давая наши различные характеристики, просто определить, кто из нас приятнее.

Элисон возмущенно пожала плечами:

— Приятнее. Если вы намерены использовать такие ласковые понятия, как приятный, то я не думаю, что нас с вами можно ими оценивать. Мы не приятные, потому что мы занятые, жадные, озабоченные, любознательные и требовательные. И, в любом случае, почему вы должны оценивать, чего в одной из нас больше, чем в другой? Чтобы показать свою конкурентоспособность? Вы, вероятно, были ужасной сестрой.

— Бедная Лиза, — каясь, согласилась Харриет. — Я думаю, что да. Не удивительно, что она решила голосовать против меня.

Осознание этого опоздало, смягчив воспоминания. Харриет улыбалась. Она сейчас надеялась, что Лео, в конце концов, сделает ее сестру счастливой.

Элисон отставила приготовленное блюдо в белой фарфоровой миске, украшенное лавровым листом.

— Закончено. Теперь требуется немного постоять.

Она открыла дверцу холодильника, украшенную шестью игрушечными магнитами, и поставила в него блюдо.

— Тут есть еще большой кусок мяса, который просто просится в духовку. Мы можем сходить в паб, пока все это будет готовиться.

— Я не была в пабе много лет.

— Вы не много потеряли, — широко улыбнулась ей Элисон.

Они надели куртки и вместе пошли по темной дорожке.

Воздух пах холодной землей, животными и выдыхаемым ими воздухом, который бледными и хмурыми облаками висел перед ними. Харриет сосредоточила взгляд на единственном уличном фонаре, который находился в конце дорожки Элисон. Ореол холодного тумана обернул его, что напомнило Харриет свет на краю лесопарка Хэмпстед-Хит, в который она никогда не заходила в темноте. Нападение произошло при ярком освещении под полной машин главной дорогой. Она шла, чувствуя приятное скольжение слякоти под ботинками, и сообразила, что дрожь оставила ее. Она ночью шла под открытым небом, помнила о том, что случилось, и ничего не боялась.

Она подняла голову и пошла быстрее, так что Элисон пришлось прибавить шаг, чтобы держаться рядом. Она чувствовала себя лучше, как будто болезнь наконец отреагировала на лечение.

Они прошли под фонарем на углу мимо телефонной будки с двумя хихикающими

девочками-подростками и направились дальше по единственной улице деревни к пабу.

Яркие желтые огни, отражающиеся в бутылках, заставили их обеих заморгать. Здесь был камин с горящими углями, облицованный кафелем, мишень для игры в метание стрел в одном углу, две или три группы нелюбопытных людей и толстый мужчина, протирающий стаканы за стойкой бара.

Было очень уютно и обыденно. Запахи пива, побелки и карболки были знакомыми и успокаивающими. Хозяин паба весело приветствовал Элисон. Они сели недалеко от огня со своей выпивкой.

— Приятное место, — оглядываясь вокруг, похвалила Харриет.

Стрелы ударялись о мишень за их спинами.

— Опять приятное? — спросила Элисон.

Харриет отхлебнула виски.

— Да. Безопасно и удобно. Мне нравится здесь.

Из какого-то чужого места деревня вдруг превратилась в домашнюю. Казалось, что они были значительно дальше от Лондона, чем в двух часах, которые им понадобились, чтобы приехать сюда по загруженным дорогам в пятницу вечером. Они сидели со вторыми стаканами, когда один из метателей стрел прошел через комнату и наклонился над плечом Элисон.

— Вы играете сегодня, Элисон?

— Да, я дам вам игру.

Харриет с недоверием посмотрела на нее.

— Харриет, хотите сыграть?

— Я не играла в стрелы в пабе со студенческих времен.

— Дорогая, пойдете. Мы сыграем двое на двое.

Они пошли за молодым человеком через бар. У него были соломенные волосы и крупные руки.

— Ты не привезла свою толпу на этот уик-энд, Эл? — спросил кто-то.

— На этот — нет. А это Харриет, — ответила Элисон.

Харриет пожала руки Джеффу, Рону, Кенни и Лиз. Никто из них не пялил на нее глаз. Рон или, возможно, Джефф вложил свою стрелу в ее руку.

Харриет поставила носки ботинок к линии на резиновом коврике и сосредоточенно прицелилась.

— Предупреждаю вас, — тихо произнесла она.

Стрела вообще не попала в доску и повисла в углу пробкового щита.

— У вас не хватает практики, — сказала ей Элисон.

Они проиграли игру, хотя Харриет загорелась соревнованием и после этого сумела попасть в доску.

— Нам пора идти, — заметила Элисон. — Обед в духовке.

— Я только взялась за дело.

— Она тоже, — Джефф и Рон подбодрили ее. — Вам надо было попить чая перед тем, как идти сюда, Эл.

— Вы, наверное, правы.

Хор пожеланий спокойной ночи сопровождал их до дверей. Харриет улыбалась так широко, что снова начала болеть челюсть. Они возвращались по улице мимо одинокого магазина и навеса над автобусной остановкой. Сюда переместились девочки-подростки,

спасаясь от моросящего дождя.

— На прошлой неделе был Лос-Анджелес, награждения Оскаром, — сказала Харриет. — Лорд Оливер, Джек Николсон, Чер.

Она вспомнила о бассейне Каспара ромбовидной формы, пальмах и ковре из огней под Голливудскими холмами.

— Никакого сравнения с вечером со стрелами в пабе «Сноп пшеницы»? — спросила Элисон.

Они засмеялись и смеялись так безудержно, что толкались и спотыкались в темноте.

От смеха голова Харриет стала более легкой, чем от выпитого накануне виски.

— Мне очень понравился «Сноп пшеницы».

— Очень хорошо, когда есть с чем сравнивать, — важно произнесла Элисон. — Вы не полюбили бы «Сноп пшеницы» так сильно, если бы не видели ничего другого.

— Думаю, что я могла бы ошибаться в другую сторону.

Харриет размышляла о годах собраний, отелей, самолетов и нечастых отпусках, которые включали еще самолеты и другие отели.

— Хорошо, что вы позволили мне сразу включить вас в игру.

— Прекрасно! — Харриет была серьезна, несмотря на то, что Элисон была веселой. — Я очень благодарна. Я не представляю, что произошло бы, если бы я не приехала сюда с вами на этот уик-энд. Я думаю, я могла бы сойти... слегка сойти с рельсов.

— Да.

— Спасибо.

— Спасибо, что приехали.

Они посмотрели друг на друга. Элисон открыла дверь коттеджа, и их встретил запах жареного мяса. Когда они сели за обеденный стол, Харриет осмотрела этот стол и множество разнокалиберных стульев, стоящих вокруг него. Она вспомнила, что сказал мужчина в пабе.

— Обычно вы привозите сюда много народа на уик-энд? — Она непроизвольно почувствовала ревность.

— По-разному. Иногда да, если возникает стадное чувство, а в иных случаях я предпочитаю оставаться одна. Или только с одним человеком.

Харриет подавила свое любопытство.

— А все эти люди знают вас? Называют вас Эл?

— Я же говорила вам, что я здесь выросла. Я ходила в школу в Тентерден. Здесь мой дом. Большинство людей я знаю здесь с детства. А вы откуда родом? Это, наверное, есть в моих материалах, но я забыла.

Харриет рассказала ей о Сандерленд-авеню и о домах, которые предшествовали Сандерленд-авеню, вплоть до самого начала еще без Кена, о чем Кэт старалась не вспоминать.

— Фактически, я родом ниоткуда. Я всегда считала своим домом Лондон. Только сейчас я была изгнана.

Непроизвольно она поднесла руки к лицу. Образ моллюска в раковине снова пришел к ней на память, и она поняла, что почувствовала себя в безопасности лишь в тот момент, когда вошла в коттедж Элисон.

— На что это похоже, жить в доме, в котором ты выросла?

Элисон обхватила стакан руками. Ее лицо порозовело.

— Иногда раздражает. Но безопасно.

— Я завидую вам, — искренне призналась Харриет.

Они съели обед. Харриет стала мыть посуду, а Элисон пошла в кабинет посмотреть телевизионную программу. Когда она вернулась, они сели на диваны, стоящие напротив друг друга, чтобы прикончить бутылку вина. Элисон читала книгу, а Харриет слушала музыку, закинув сцепленные руки за голову.

— Гармоничная картина, — заметила, в конце концов, Элисон, закрывая книгу. Она зевнула. — Я думаю, пора ложиться спать.

Харриет овладело любопытство. У нее вдруг вырвался вопрос:

— Когда вы приезжаете сюда только с одним человеком, это мужчина?

— Когда я попыталась спросить вас о Каспаре Дженсене, я обледенела под вашим взглядом.

— Это было при камере. Сейчас мы с вами в четырех стенах. Я расскажу вам про Каспара, если вы хотите.

— Честный обмен. Или не очень честный, потому что моя история далеко не так интересна. — Она подобрала под себя ноги, усаживаясь поудобнее. — Да, иногда это бывает мужчина. Не обязательно один и тот же. Сейчас вообще никого нет. Я раньше волновалась, когда не было. Позже я начала понимать, что я чувствую себя просто удобнее, когда нахожусь в одиночестве. Мне нравится мое собственное общество, ну а когда не нравится, то всегда есть компания друзей. Я люблю свою работу, а она требует массы времени. Мне не нужен мужчина в качестве дополнения.

Подняв глаза, она встретилась взглядом с Харриет. И Харриет, которая в первую встречу решила, что она унылая и примитивная, сейчас осознала, что она незаурядная и даже, более того, замечательная, что вызывало зависть. Ей были интересны те принципы, на которых обосновывалась ее собственная оценка.

— Вы не хотите выйти замуж и иметь детей?

— Я так не думаю, — сдержанно ответила Элисон и в ответ не спросила об этом. Расскажите мне о Каспаре.

Харриет несколько секунд размышляла.

— Я надеялась, что смогу переделать его. Я думала, что смогу помочь ему покончить с пьянством. Любовь преданной женщины.

Она думала, что после награждения она могла бы потребовать этого от него. Наивный оптимизм этой мысли едва не вызвал у нее смех.

— Любая женщина, с которой он когда-либо имел дело, должна была верить в это. Каспар не хотел, чтобы ему помогли избавиться от пьянства. Каспар нравится себе таким, какой он есть. Представлять себе что-нибудь другое — это иллюзия.

Она вспомнила Малхолланд-драйв и девушку, погибшую в автомобиле. Гнев и досада, как занавес, закрыли от нее все. Она пристально разглядывала ворс бархатной подушки, чтобы сдержать неиссякающие слезы.

— Я любила его, а потом перестала любить. — Затем она добавила, что у него есть десятилетняя дочь. — Вы не знали этого? Ее зовут Линда.

Элисон слушала, а Харриет рассказывала ей о Линде Дженсен.

Когда она закончила, Элисон сказала:

— Вам бы хотелось иметь детей. — Это было утверждение, а не вопрос.

— Но только не без мужа.

Харриет вспомнила о Джейн и Имоджин. А потом о Дженни и Чарли.

— Я не уверена, что даже с мужем, с супругом. Если только я найду такого. Если я захочу такого.

Элисон медленно подняла свой наполовину пустой стакан. Они выпили друг за друга. Тост был ироничным, но они почувствовали связующие нити и начало настоящей дружбы.

— Я думаю, пора спать, — повторила Элисон.

Когда Харриет поднималась вверх по узким ступенькам, она знала, что есть многое, о чем ей стоит подумать. Она обложила себя подушками в простой спальне с белыми стенами, в которой кто-то когда-то, наверное, очень давно выкрасил всю деревянную мебель ярко-голубой, как колокольчики, краской. Харриет представила себе Элисон в школьные годы усердно красящей, прикусив язычок между зубами.

Она хотела подумать, однако вторую ночь подряд она засыпала, как только закрывала глаза.

Утром Элисон очень внимательно прочитала все воскресные газеты. Харриет выпила несколько чашек кофе и бродила по саду. Казалось, что воздух был мягким. Низкое серое небо потеплело, слышалось пение птиц на вязах, ограничивающих сад. Тонкое покрывало нежной зелени, казалось, за ночь спустилось на землю, пряча темные контуры окружающих участков Элисон кустов.

Харриет шла медленно, внимательно разглядывая мох, пятнами покрывающий камни, которыми была вымощена дорожка, клейкие узелки почек и появившиеся молодые побеги. Предчувствие дождя в спокойном воздухе, казалось, делало утро еще более благодатным.

Харриет слушала звуки с соседнего участка за живой изгородью из бука. Шум был похож на шум от катанья ребенка на трехколесном велосипеде по бетонной дорожке. Время от времени он кричал:

— Посмотри! — И женский голос издали хвалил и подбадривал его.

Запахи готовящейся еды смешивались с запахами земли, дыма и растений.

— Ваш сад очень красив, — похвалила Харриет, вернувшись в дом, — обработанный, но естественный. Мне жалко, что я не знаю половины растений в нем.

— Он сейчас не в лучшем виде, — вздохнула Элисон, не поднимая глаз от газеты. Мой вам совет — не увлекайтесь садоводством. В этом деле тирании столько же, сколько и удовольствия. Посмотрите, тут немного о «Пикокс».

Харриет склонилась над ее плечом.

Она прочитала, что ее компания медленно восстанавливается под руководством Дэвида Давентри после ухода Божьей милостью предпринимателя Харриет Пикок и что доверие Сити к высокоэффективной работе предприятия, производящего «Мейзу», очевидно, было непоколебимо.

— Кто этот Давентри? — спросила Элисон.

— Человек Робина. Способный администратор, я думаю. Довольно мрачный, насколько я помню.

Харриет отвечала автоматически. Когда она поняла то, что было написано, у нее перехватило дыхание, как будто кто-то ударил ее. «Пикокс» — больше не ее компания. Это фирма Робина и Дэвида Давентри. Эта конечность больше не дергалась, ее кровь больше не текла через нее. Она была отрезана.

Через несколько секунд она уклонилась от любознательности Элисон. Она полагала, что время от времени она будет забывать о том, что случилось, а воспоминания будут

сопровождаться такими же ударами. Она будет забывать все больше и больше, а удары будут слабее.

Она почувствовала, что в ее теле стучит адреналин. Она хотела бежать к телефону, броситься в атаку или в оборону, но было слишком поздно. Она стукнулась ногой об угол стола, от чего задребезжала стоявшая на нем посуда.

Элисон сказала:

— Нам нужно горчицы, если у нас будет холодное мясо на ланч. Вчера вечером закончилась банка. В магазине в деревне она есть, и он работает по утрам в воскресенье.

— Я мешаю?

Элисон развернула деловую часть газеты.

— Нет. Просто нам нужна горчица.

Харриет надела пальто. Она шла по дорожке очень быстро, при этом ее тело потребляло больше адреналина, что позволило сердцу успокоиться. Кольца дыма висели над крышами аккуратного двойного ряда домов. Женщины в коротких, зеленых, теплых куртках прогуливали собак вдоль садов, усыпанных ярко-красными тюльпанами с полосами гиацинтов. Одна из собак несла в пасти скрученную газету. Горчица в магазине была, и Харриет ждала в очереди с другими покупателями, которые здоровались друг с другом и болтали с продавщицей за прилавком. Продавщица обслуживала покупателей очень медленно, и Харриет стояла, переминаясь с ноги на ногу.

Когда, наконец, подошла очередь, ее не исключили из общего правила обмена шутками. Продавщица положила горчицу в бумажный пакет с аккуратно обрезанными зубчатыми краями и внимательно посмотрела в лицо Харриет, когда передавала ей пакет.

— О, дорогая. Это в дорожном происшествии?

— Да, на машине, — согласилась Харриет.

За покрытым нейлоном плечом женщины Харриет увидела маленький плакат, отпечатанный на мягкой розовой бумаге, прикрепленный к стене клейкой лентой между объявлениями окружного совета о предполагаемых строительных работах. На плакате была изображена рука ладонью вверх с написанным от руки текстом: **ОСТАНОВИТЕ БОТТРИЛЛА**. По какой-то причине фамилия вызвала слабую ассоциацию в голове Харриет.

Она кивнула в сторону розового плаката, в основном, для того, чтобы отвлечь внимание от своего лица.

— Что значит «Остановите Боттрилла»?

Женщина прищелкнула языком.

— Вы не местная?

— Нет. Приехала на несколько дней.

— Ну, он один из больших людей из Лондона. Скупил массу земли с одной стороны деревни. У него есть план построить спальный город или просто новый город, или как там они его называют. Множество небольших домов. Это плохо, так ведь? Не должно быть этого города около такой маленькой деревни, как наша.

Тогда Харриет поняла, откуда возникли у нее ассоциации. БОТТРИЛЛ — это, вероятно, Кит Боттрилл, строительный магнат и крупнейший землевладелец. По тому, что она читала о нем, она знала, что его методы не всегда заслуживали одобрения, но он всегда добивался хороших результатов.

— Кто организует оппозицию?

— Ассоциация жителей Эвердена. Местные.

— Понятно.

Очередь за Харриет пришла в движение. Она положила горчицу в карман и вышла на тихую улицу. По дороге через Уитшиф она заметила, что автомобильная стоянка заполнена до отказа.

В коттедже она застала Элисон накрывающей на стол. Если бы Харриет готовила быстрый холодный ланч, то она собрала бы его элементы совершенно случайно и ела его стоя или расхаживая вокруг стола, если ее вообще интересовала еда. Но для Элисон каждая еда была событием, даже если она сидела за столом одна. Она достала из буфета красивые тарелки и разложила на них еду, а в центре стола поставила стакан с мелкими нарциссами. Она взяла у Харриет горчицу, поблагодарила ее и бросила солидную порцию в маленькую солонку из голубого стекла.

— Вы не ходите в «Сноп пшеницы» в дневное время? — спросила Харриет, когда они сели.

— В воскресенье не хожу. Там собирается масса народа в вязаных свитерах, беседующих о рынке земли. Вы знаете, мы только в часе езды от вокзала Виктория.

— А кажется, что значительно дальше, — задумчиво сказала Харриет. — Вы много знаете о Ките Боттрилле? «Остановите Боттрилла».

— Не много. Никто даже не знает, действительно ли он владеет куском земли, где, как предполагают, будет построен этот новый город. Я думаю, что это безнадежное занятие — пытаться остановить его. Настоящие Давид и Голиаф.

— Ассоциация жителей Эвердена.

— Что-то в этом роде.

— Я видела плакат в магазине. Он похож на объявление в детской игре «приноси-и-покупай».

— Это, конечно, так. Что хотите — вина или пива?

Харриет протянула стакан. Она задумалась.

— Вы участвуете в этом деле?

Элисон глухо рассмеялась. Она помахала рукой над своими заметками, папками и диктофоном, лежащим наверху.

— У меня есть время влезать в драку, в которой никто, по сути дела, не знает, кто с кем дерется и за какой клочок земли? Кроме того, у нас маленькая страна. Людям надо где-то жить. Почему бы не в нашей деревне Эверден в графстве Кент?

— Любезностью Кита Боттрилла? Вы знаете, кто он такой?

Элисон снова рассмеялась, на сей раз искренне.

— Это может быть любезность кого угодно. Боттрилл или ему подобные собираются вместе с помощью ваших друзей Лендуитов или таких же, как они.

— Они мне не друзья.

— Извините, это было глупо, — Элисон, каясь, вытянула руку. — Если вам интересно, мы можем погулять после обеда и посмотреть на площадку, которую, как предполагается, он купил. Здесь вокруг очень красиво.

Харриет сказала:

— Да. Мне бы хотелось. Это хорошая мысль.

Она знала, что ей нужна эта экскурсия. Она все еще с тревогой чувствовала, что ей хотелось бы бежать и бороться.

Когда они уже закончили свой простой завтрак и очистили стол, начался дождь.

Темные пятнышки появились на каменной дорожке к воротам.

— Время непромокаемых вещей, — насмешливо сказала Элисон.

У Харриет, однако, было только светлое пальто. Элисон дала ей пару высоких сапог и длинную, потертую, с глубокими складками куртку.

— Я чувствую себя так, как будто собираюсь бежать кросс.

Элисон критично осмотрела ее.

— Нет, вы не очень похожи на такого человека. Вам надо постараться получить еще побольше синяков и сделать настоящий перманент.

Они прошли небольшое расстояние между двумя высокими живыми изгородями и вышли из деревни. Дождь и тусклый свет подчеркивали зелень молодых листьев боярышника. Они шли большей частью в приятной тишине, слыша только шлепки своих ног о дорогу. Около мили они карабкались по пологому склону, из-за живых изгородей виднелись поля и молодые рощицы. Дорога была темной и блестящей от дождя, с нависающих над ними веток капала вода. Всего одна машина проехала мимо них — летящий фольксваген «гольф». Они прижались к мокрому крутому склону, чтобы дать ему проехать в струе мелких брызг.

— На вечерний ланч в «Сноп пшеницы», — недовольно произнесла Элисон.

Харриет пожала плечами. Она думала об образе Англии, по которому Линда скучала в Санта-Монике. Это спокойная, зелено-серая страна, и здесь она именно такая. Линде понравился бы Эверден. Это настоящая деревня с окраинами и центром, а не собрание красивых домов, как в Литтл-Шелли.

Они вышли на вершину холма. По другую сторону простиралась равнина с пологими оврагами, по краям больших полей росли дубы, распаханная земля чередовалась с пастбищами. На небольшом расстоянии от них возвышался густо заросший лесом холм, окруженный защищенной низиной, слишком пологой, чтобы называться долиной.

Дождь усиливался. Красивые серые тучи плыли с севера. Эта картина то появлялись, то снова исчезала.

Элисон направила Харриет в ворота перед полем. Они перегнулись через жерди ворот, наблюдая за дождем и изменяющимся светом.

— Вы видите там, — Элисон встала на нижнюю жердь ворот и показала направление, — трубы дома прямо в полосе деревьев?

Харриет проследила за направлением ее пальца. Серые трубы виднелись над вершинами огромных старых деревьев. Молодая листва еще не скрывала беспорядочных куч грачиных гнезд на верхних ветках.

— Земля идет вместе с домом. Дом был пуст в течение пяти лет, возможно, немного больше. Когда я была маленькой, одна семья навсегда получила во владение это место. Но затем его продали один раз, а потом другой. Я не думаю, что кто-нибудь из последних хозяев жил в нем. Они, видимо, заключали свои сделки с целью освоения земли. Я думаю, что сейчас дом в плохом состоянии. Разве было в интересах хозяев объявлять, что он непригоден для жилья, не правда ли?

— Как он называется?

— «Бердвуд»^[7].

— А где будет новый город?

Элисон махнула рукой. Взмах покрыл вспаханные и зеленые поля, деревья и всю землю вокруг дома.

Харриет поняла. Здесь будет масса красных и желтых кирпичных домов с мансардными окнами, как бровями под новыми черепичными крышами, и маленькими подъездами, которые будут теснить друг друга. Здесь будут клочки садилов, повернувшиеся задней стороной к ограде, ротационные моечные машины и телевизионные антенны.

Здесь уже не будет настоящего, старого духа Эвердена, чтобы объединить новые дома, не будет магазина, прекрасного паба, центра. Жители нового города будут садиться в машины и ехать куда-нибудь еще, чтобы найти центр. Они будут просто занимать свои красные и желтые дома в середине спокойного серого ландшафта.

— Они не могут, — сказала Харриет, — неразумно создавать здесь новый город.

— У Боттрилла есть причина.

— Мы можем подойти поближе и посмотреть?

Пошел сильный дождь. Волосы Харриет прилипли к голове. На Элисон погода, казалось, не влияла, но она спросила:

— Вы уверены, что хотите пойти?

— Да, я хочу.

Они прошли вперед, вниз по пологому холму. По мере того, как они приближались, Харриет ощущала, что явная отдаленность дома в низине была только кажущейся. Они обогнули угол, и перед ними открылась другая деревня в виде группы домов вокруг церкви. С противоположной стороны дороги также был виден Эверден.

Для Харриет старые деревни выглядели, как удобные поселения, появившиеся вокруг двух этих церквей. Мысль о строительстве новых капитальных домов в третьей точке треугольника казалась еще более нелепой. «Бердвуд» был расположен дальше, чем казалось с вершины холма. Они совсем промокли, когда дошли до каменных столбов ворот дома.

Чугунные ворота были наполовину приоткрыты. Их провисший угол пропахал на дороге глубокую борозду. Единственные звуки здесь создавали падающие с веток капли воды.

Харриет оглядывалась по сторонам. Низина «Бердвуда» снова стала изолированной.

— Покажите мне дом, — попросила она Элисон.

Они пошли по дороге, касаясь друг друга плечами и стараясь шагать тихо, как захватчики. Из-за деревьев показался дом. Харриет увидела большой, квадратный, каменный фасад с асимметрично расположенными окнами, поддерживаемую колоннами галерею, скругленный в небольшую башенку дальний угол здания. Она пересекла засыпанную гравием площадку, которая уходила в чашу диких зарослей, и оказалась перед южной стороной дома.

Веранда сложной формы из кованого железа была наполовину скрыта за вьющимися растениями. Обернувшись в ту сторону, где стояла Элисон, Харриет заметила, что на забитых досками окнах первого этажа черной аэрозольной краской были нанесены надписи «КАЗ И ФРАН» и совершенно непонятные знаки во многих других местах.

Она непроизвольно вздрогнула и вспомнила надписи на стенах в подземном переходе, пустынные городские закоулки и почувствовала досаду из-за того, что ее лишили собственности в городе, который всегда был ее домом.

— О чем вы думаете? — Элисон стояла, откинув назад голову и держа руки в карманах плаща.

«Бердвуд» был малой частью полностью заброшенного замка, частью викторианско-готического безумия. Разбитые листы шифера, разбросанные среди кустарника, свидетельствовали о дырах на крыше. Харриет подумала, что внутри состояние дома может

оказаться еще хуже, чем снаружи.

— Грустно, — ответила она, — грустно смотреть на погибающий дом. Еще грустнее думать об отвратительных маленьких домиках, которые заменят его и покроют всю окружающую землю.

Сад представлял собой массу тяжелой, мокрой листвы. Здесь когда-то, вероятно, был настоящий строгий викторианский кустарник, а сейчас он превратился в переплетение вечнозеленых и голых тонких веток. Вокруг неровного овала лохматой травы было скопление кустов гортензии. Мертвые прошлогодние головки торчали, как устрашающие кулаки цвета хаки.

— Они не обязательно будут отвратительными, — доброжелательно возразила Элисон, — они могут быть очень приятными.

— Приятными?

— Ну хорошо, приличными. Прочные дома в прекрасной сельской местности для людей, которым надо где-то жить. Почему же нет?

— Неразумно. Я просто знаю, что неразумно. Я чувствую это.

— Все, что я могу чувствовать, это дождь, который сбегает вниз по моей шее. Мы можем идти домой?

Харриет заколебалась. Она бросила еще один долгий взгляд на закрытый фасад и отвела глаза от черных, небрежных надписей, обезображивающих слепые окна.

Наконец она сказала:

— Давайте пойдем. Здесь уже больше нечего делать.

Под проливным дождем они вернулись в Эверден.

Ранним вечером Элисон начала собирать свою работу и укладывать ее в портфель. Харриет сидела за длинным столом и наблюдала за ней.

— Я хочу попасть в город около восьми, — объяснила ей Элисон. — Что вы собираетесь делать? Вы можете оставаться здесь столько, сколько пожелаете.

— Спасибо, — ответила Харриет. Мне бы хотелось еще немного задержаться, если вы позволите.

Она не могла вернуться в Хэмпстед, в комнаты, которые казались раковиной по сравнению с гостеприимным коттеджем Элисон, и она не представляла, куда еще она может вернуться. Она с неожиданной завистью смотрела, как Элисон готовилась к новой рабочей неделе. У Элисон были заботы, приглашения на встречи, причины для того, чтобы уезжать, спешить и реализовать свои способности. Харриет казалось непостижимым, что у нее самой ничего этого нет, и в то же время она понимала, что должна заставить себя все осознать, потому что это правда.

Она выслушала инструкции Элисон относительно котла, системы подачи горячей воды и дверных запоров.

— Вам будет удобно здесь одной? — спросила Элисон, пройдя с портфелем полпути до парадной двери. Харриет свирепо посмотрела на него, как будто он был символом офиса, в котором ее ограбили.

— Конечно, поезжайте. Спасибо за все.

— Мне придется забрать машину.

Харриет приняла предложение Элисон, чтобы сбежать из Хэмпстеда.

— Если мне понадобится отправиться куда-нибудь, я могу пойти пешком, вызвать такси или поехать на поезде. Поезжайте.

— Вы будете здесь, когда я вернусь в пятницу?

— Если вы не возражаете против моего пребывания...

— Мне бы хотелось... Увидеть вас здесь. — Элисон улыбнулась ей и закрыла дверь.

Харриет услышала, как машина удалялась по дороге. Когда этот звук пропал, наступила тишина, которая казалась такой абсолютной, что ей моментально стало страшно, а потом ее охватило сознание потери и разочарования более мощное, чем она чувствовала когда-либо с момента победы Робина. Чтобы не упасть, она ухватила руками за спинку стула, а потом полусела, полуупала на него. Она опустила руки на стол и уронила на них голову.

Харриет заплакала, отдаваясь приступу плача, как извращенному удовольствию. Она плакала долго, но, в конце концов, подняла голову и оглядела кухню через щели между опухшими веками. У нее возникло неожиданное чувство отчужденности от самой себя, как будто бы она сидела на какой-то полке в старом буфете, осматривая себя среди тарелок и расписанных цветами фарфоровых чашек.

Она видела свою сгорбленную спину, искаженное лицо и мокрое пятно на столе, но ей не нравилось то, что она видела.

Харриет длинно и шумно вздохнула. Потом она медленно поднялась по лестнице в ванную. Она вымыла лицо ледяной водой, причесала волосы и чуть-чуть подкрасилась. Потом в голубой спальне передела свитер. Не взглянув больше на свое отражение, она сняла с крючка за кухонной дверью старый плащ Элисон, убедилась, что все окна закрыла так, как просила Элисон, надежно заперла за собой парадную дверь и пошла по дорожке по направлению к «Снопу пшеницы».

Горел огонь, хозяин, казалось, протирал все тот же стакан, но бар был почти пуст. Воскресный вечер, очевидно, был не таким популярным, как время ланча. Харриет взяла себе выпить и села на углу стойки.

Медленно, по одному, по двое стали подходить местные жители. Нерешительно, не зная порядков в этом деревенском пабе, Харриет кивала и улыбалась игрокам в стрелы, с которыми встречалась прошлым вечером.

За это она была вознаграждена вопросом:

— Эл вернулась в Лондон, а вас бросила здесь?

— Да. Я хочу остаться здесь еще на несколько дней.

— Для того, чтобы совершенствоваться в игре в стрелы?

Харриет снова улыбнулась в ответ на шутку.

Произошло то, на что она надеялась — беседа стала общей, и она была вовлечена в нее. Через несколько минут она уже могла задавать интересующие ее вопросы:

— Что думают люди о предполагаемых работах в «Бердвуде»? Многие ли участвуют в кампании «Остановите Боттрилла»?

После этого она только слушала и кивала головой.

Она узнала, что никто не поддерживает плана, однако никто и не знает того, что предполагается сделать, кто действительно владеет этим местом, на что было дано разрешение и что просили. Оппозиционная кампания была организована деревенским комитетом, включающим в себя приходского священника и председателя приходского совета.

Какой бы ясной ни была правда, она всегда искажается слухами, сплетнями и преувеличениями.

— Почему вас это интересует? — с явным подозрением спросил кто-то.

Харриет оказалась в фокусе всеобщего внимания.

— Просто интересно, — не задумываясь ответила она. — Элисон и я гуляли там сегодня днем. Очень красивая местность.

Девушка в хлопчатобумажной куртке, ничего не говорившая до этого, вдруг подняла голову. У нее было тонкое лицо, наполовину закрытое волнами бесцветных волос.

— Да. А они поставят красивые дома с причудливыми названиями вроде «Тюдор», «Девениш» или какие-нибудь еще в этом роде, с тремя-четырьмя спальнями, двумя ванными комнатами и встроенным гаражом.

Молодые руководители приедут и будут жить в них, каждое утро на поезде будут ездить в город, а их жены будут покупать все в Лондоне или Кентербери и парковать свои вольво здесь на улице. Ничего не останется в «Бердвуде» для местных жителей. Никаких домов для людей из округи, которые не имеют ни ста тысяч фунтов для «Тюдора», ни ста двадцати для коттеджей, которые купит какой-нибудь приезжий и соединит, чтобы сделать один большой дом из двух приличных маленьких, которые были построены для Мика и меня.

Ее приятель положил свою большую руку ей на колени. После этой длинной речи она демонстративно отпила большой глоток пива из своей полпинтовой кружки и отбросила назад водопад волос.

— Это не относится к Элисон, вы же знаете, — приветливо возразила Харриет. — Ей принадлежит дом, доставшийся от отца. Но то, что сказала Сьюзен, правда. Здесь в округе нет домов, которые могли бы приобрести молодые люди. Все только для богатых.

Харриет была спокойна. Она размышляла над тем фактом, что дома, которые, на ее взгляд, выглядели как безобразные маленькие коробки, уродующие красивый деревенский пейзаж, могут в то же время казаться Мику и его девушке недостижимой вершиной роскоши для руководителей.

«Я забыла, — подумала она, — я забыла, как жить небогато».

— Если вы интересуетесь всей политикой в нашей деревне, то вы всегда можете поговорить с приходским священником, — сказал ей один из игроков в стрелы — Ран или Джефер.

«Я не хочу забывать».

Харриет вспомнила пляж на Крите, где было точно установлено, что все люди равны.

— Или со старой мисс Боулли, — добавил кто-то из игроков.

— Кто это мисс Боулли?

Мисс Боулли, как узнала Харриет, была пожилой дамой, живущей в маленьком доме на клочке земли на краю «Бердвуда», и, кроме того, она была старейшим жителем этих мест. Было также известно, что два акра земли, принадлежавшей мисс Боулли, пересекали единственный возможный подъездной путь и без углового клочка земли мисс Боулли, как части всего проекта, любое строительство в «Бердвуде» было невозможно, что мисс Боулли предлагали миллионы, но она отказывалась даже думать о продаже и выставила совком пришедших к ней на переговоры. Харриет также пришла к заключению, что все это может быть просто слухом, как и почти все, связанное со схемой переустройства Кита Боттрилла. Возможно, Боттрилл и собирается сделать все именно так, и в один прекрасный день сюда приедут бульдозеры.

Харриет закончила второй стакан. Она соскользнула со своего углового стула, пожелала спокойной ночи своим новым знакомым и оставила дискуссию разгораться дальше, но уже без нее.

Утром Харриет рано встала. Она решила, что пока еще нет оснований наносить визит священнику. Вместо этого она прошлась по деревне и поднялась по пологому холму в ту точку, из которой «Бердвуд» был хорошо виден в обрамлении деревьев.

Дождь прекратился накануне вечером, небо было светлым, а с противоположной стороны холма — жемчужно-серым. Видимость была лучше, и Харриет смогла различить серый коттедж справа от большого дома. Она пошла по дороге дальше, вниз с холма мимо изрытой колеями дороги. Так она шла до тех пор, пока не подошла к коттеджу.

Перед ней была низкая стена, отделяющая дом от дороги, квадратный, захудалый садик под окнами, плотно затянутыми сероватой паутиной. Харриет прикоснулась пальцами к задвижке ворот. Тотчас же с поразительной быстротой открылась парадная дверь. Перед ней стояла маленькая, квадратная женщина.

— Мисс Боулли? — приветливо спросила Харриет.

Реакция была не дружелюбной и не ободряющей.

— Что вам надо?

— Я приятельница Элисон Шоу, — Харриет решила, что рекомендация от местных будет наилучшей.

— Никогда не слышала о такой, — резко оборвала мисс Боулли.

Дверь почти закрылась, а потом чуть-чуть приоткрылась.

— Нетти Шоу?

— Элисон ее дочь, — догадалась Харриет.

Дверь приоткрылась еще немного, а мисс Боулли потребовала:

— Ну?

— Мне бы хотелось зайти и поговорить с вами минут пять.

Ответ был непосредственным и резким:

— Я ничего не продаю и ничего не подписываю.

— Я очень рада, — ответила Харриет. — Вы, конечно, не должны ничего продавать и у меня нет ничего такого, что вы могли бы подписать.

Дверь еще приоткрылась.

— Вы можете зайти на пять минут, но это все.

Быстро, пока она не успела изменить своего решения, Харриет проскользнула в дверь.

— Сюда, — просопела мисс Боулли.

Харриет прошла за ней через короткий, темный коридор в расположенную в задней части дома кухню.

Что-то знакомое почувствовала Харриет в тот момент, когда подошла к воротам, а в кухне эта ассоциация вдруг стала для нее совершенно ясной. Она медленно осмотрелась вокруг себя. Пачки пожелтевших газет, картонные коробки из-под яиц, пустые пакеты из-под крупы и старые телефонные справочники, старые журналы, поломанная кухонная утварь, домашний мусор — все это на всех поверхностях в комнате было покрыто толстым слоем пыли. Дом мисс Боулли напомнил ей дом Саймона.

На секунду Харриет как бы вновь встретилась с ним за заклеенными газетами окнами. Здесь была такая же атмосфера осажденной крепости, такой же пыльный запах окопа. Она подумала, что если бы она действительно вернулась в старый дом, то, наверное, и поступила бы по-другому.

Мисс Боулли внимательно смотрела на нее. Харриет понимала, что отличие состоит в том, что Саймон не смог защитить себя от захватчиков, тогда как мисс Боулли, как она

подозревала, способна была выпроводить всех пришельцев. В тесном помещении она увидела, что мисс Боулли старше, чем показалось с первого взгляда, наверное, ей где-то в районе семидесяти лет. На ней были надеты высокие сапоги, твидовая юбка и коричневый, ручной вязки кардиган.

— Это, кажется, не то, что можно назвать прекрасным домом, — произнесла старуха, — а я не знаю никакой Нетти Шоу. Назвала первое имя, пришедшее мне в голову, чтобы проверить вашу реакцию. Все они лжецы, эти ваши люди с планами и схемами. — Довольная своим маленьким фокусом, она захихикала.

— Я действительно знаю эту Элисон Шоу, — скромно сказала Харриет. — Она живет в Эвердене. Я попросилась пожить несколько дней в ее коттедже. Ее мать умерла, и я не могла знать ее имя. Но она могла быть вашей приятельницей, так ведь?

— Не была. Что вы хотите? — И через несколько секунд, пока Харриет приводила в порядок свои мысли. — Я думаю, чай?

— Спасибо. Только если вы сами собирались его пить.

Чай, когда он был готов, был крепким, коричневым и более вкусным, чем у Саймона. Когда они пили чай, Харриет обнаружила, что это скорее она отвечает на вопросы, чем задает их сама, как планировала ранее.

— У нас тут нет таких вещей, которые были бы просто так интересны, — сказала ей под конец мисс Боулли. — Таких вещей вообще нет. Ну так что же вам нужно?

Харриет слегка пожала плечами, уходя от ответа.

— Расскажите, почему вы не хотите продавать дом мистеру Боттриллу?

— Никто даже не упоминал при мне имя мистера Боттрилла. Все делается от имени какой-то компании, но я видела его, высматривающего все вокруг в сопровождении молодых людей в красивых пальто. И никто из них даже не упоминал о продаже. Ничего. Они называли это выбором площадки. Два с половиной пенса сейчас и двадцать пять процентов от всего пирога на том свете, если они получают разрешение на строительство. Я сказала им, что я не подпишу никакого соглашения, а также не хочу их замечательного куска прибыли, когда придет ее время.

— Почему? — Харриет сделала небольшое движение вперед на своем рахитичном стуле.

Мисс Боулли выдала хихиканье.

— Потому что они мне не нравятся, просто поэтому. Какими они были приятными в начале, а потом, когда я не согласилась с тем, что они хотели, они начали ходить вокруг меня и пугать, говоря, что здесь день и ночь будут ходить грузовики, они перекопают все вокруг, чтобы построить дороги, здесь будет шумно, пыльно и опасно, а дом в любом случае ничего не будет стоить, потому что они будут тут строить, чтобы я ни делала, и поэтому почему бы мне не быть хорошей девочкой и не получить кое-что сейчас вместо ничего потом, и не переехать в красивое, современное бунгало, когда оно будет построено.

Мисс Боулли хлопнула ладонями по коленям, покачиваясь от удовольствия при мысли о собственном упрямстве.

— Я решила, что у них не будет никаких вариантов в отношении моей собственности, и я не продам ничего, даже если они предложат мне два миллиона фунтов. Которые они, как вы понимаете, не предложат, потому что они не любят связывать капитал.

Она прищурилась и скосила глаза на Харриет сквозь образовавшиеся шелки. Харриет поняла, что мисс Боулли ясно осознает то, что говорит.

— Таким образом, я собираюсь оставаться здесь, а «Кастория Дивелопментс» может прокладывать свои подъездные пути где-нибудь в другом месте, не правда ли?

Хихиканье переросло во взрывы хохота.

— Им это не нравится. Они используют различные трюки, но я всегда начеку с ними всеми. Вы, наверное, одна из них, что бы вы там не говорили.

— Нет, — спокойно сказала Харриет.

Она вылила остатки своего коричневого чая и освободила место, чтобы поставить чашку обратно.

— А не продадите ли вы другой группе, у которой будет лучший план? Который, например, будет учитывать потребности местного населения?

— Нет, — отрезала мисс Боулли.

Их взгляды встретились. Первой отвернулась Харриет. Она встала и пошла, осторожно обходя сваленные на полу коробки.

— Спасибо вам за чай.

— Запомните, что я вам сказала.

Она проводила Харриет до дверей и наблюдала за тем, как она закрыла за собой на задвижку ворота, и продолжала следить до тех пор, пока Харриет не взобралась на холм по направлению к Эвердену.

Харриет быстро шла с высоко поднятой головой. Она насвистывала какой-то мотив, и ее руки раскачивались в такт ему.

В коттедже, в телевизионном кабинете Элисон, Харриет взяла старомодный черный телефон и набрала номер Чарли Тимбелла.

— Чарли, — сказала она после того, как они поздоровались друг с другом, — ты у меня в долгу.

И Чарли, который опубликовал неопровержимую историю «Пикокс» и тем самым уменьшил стоимость акций Харриет при их продаже, мог только согласиться с этим.

— Я хочу получить долг назад, — сказала Харриет.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Я хочу получить некоторую информацию. Настолько много информации, насколько это возможно, о компании «Кастория Дивелопментс», Ките Боттрилле и о проекте строительства в «Бердвуде» возле деревни Эверден в Кенте.

— Это все? — сухо поинтересовался Чарли.

— Пока.

Чарли вздохнул и потянул к себе адресную книгу.

— Я посмотрю, что я смогу сделать.

— Позвони мне по этому номеру.

— Где ты?

— В Эвердене, конечно. Расскажу тебе завтра.

Положив трубку, Харриет улыбнулась. Она открыла местный телефонный справочник. Ей нужно такси, чтобы доехать до станции.

Она поедет в Лондон на один день, чтобы взять свою машину и провести свое собственное расследование.

Она не думала об этом деле, пока ждала прихода такси, но она больше не чувствовала ревности к работе Элисон.

«Там есть дом, — рассказывала Харриет Джейн, — викторианско-готическое безумие с башенкой и верандой из кованого железа, которая наполовину обвалилась. Он был построен в семидесятых годах прошлого века человеком по имени Фарроу, который сделал свои деньги, будучи производителем мыла. От его парка осталась только земля».

Джейн выглянула из своего окна. Прямо напротив греческая семья красила закопченные кирпичи своего дома в ярко-желтый цвет. Казалось, что этот ядовитый цвет испускает лучи прямо в гостиную Джейн, отражаясь от ее стен и просачиваясь в темные углы.

— Ты лучше выглядишь, — похвалила Джейн. — И мне кажется, что это благодаря деревенскому воздуху.

Когда Харриет в конце дня подъехала на машине к дому, находящемуся в Хакни, на ее щеках горел румянец. Под мышкой она держала папку с бумагами. Джейн перевела свой взгляд с желтого фасада на лицо Харриет.

— Продолжай. Расскажи мне. Итак, ты увидела развалившееся наполовину викторианское безумие производителя мыла где-то в глубине Кента. И оно тебе нужно?

— Да, я хочу этот дом. Но я хочу также и землю.

— Возделывать сад? Да ты никогда даже горшочка ноготков не вырастила.

— Причем всю землю. Весь участок для строительства.

— Но... — Джейн начала было говорить, но остановилась.

Они обе осознали, что между ними встали деньги Харриет, их незаметное, необъяснимое влияние. Джейн даже не могла представить себе, что на них можно купить.

— Но ты ведь не фирма-застройщик.

— Не такой, как Боттрилл, к счастью. Но у меня есть идея. Харриет открыла папку и выложила содержимое на коврик рядом с Имоджин в ее корзинке.

Там были экземпляры инструкций по проектированию, проспекты застройщиков и масса других материалов. У Харриет был беспокойный день.

Джейн взяла один из близлежащих проспектов и взглянула на пастельные картинки белых домиков с остроконечными крышами в обширных пышных садах. Она быстро снова положила их на место и посмотрела на затылок спящей Имоджин, где волосы ребенка завивались в маленькой ложбинке на шее. Затем она подняла глаза от Имоджин на Харриет.

Казалось, что лицо Харриет совершенно изменилось. Кости, которые после нападения, казалось, готовы были исчезнуть под опухшей в синяках и кровоподтеках плотью, снова стали твердыми. Постепенно возвращался естественный цвет лица, а опухоли были не в счет. Это была прежняя Харриет.

Затем Джейн с улыбкой спросила:

— Какая идея?

— Если мне удастся каким-нибудь образом приобрести землю, как инвестирование капитала, любую часть этой земли, на которую Боттрилл не имеет права, потому что он не хочет связывать свой капитал до тех пор, пока не будет уверен в получении разрешения на строительство, и если будет хотя бы один ключевой участок земли, который он не может получить, а, возможно, это будет не один участок, а больше, тогда я предложу свой собственный план; добьюсь поддержки местных жителей и заставлю Боттрилла понять, что он не сможет реализовать свои планы. Ему придется отступить и оставить мне, попросту

говоря, поле битвы.

— Но ты поступаешь точно так же, как и он.

— Нет, не так, — возразила Харриет. — Есть разница. Я не планирую возводить дома высшей категории, роскошные, с тремя-четырьмя спальнями, которые раскидают на живописный ландшафт для поспешной продажи их посторонним людям, которые взамен ничего не сделают для общины. Я бы хотела построить первые дома, прежде всего, для продажи местным супружеским парам, а часть из них предполагаю сдавать в наем. Они были бы выстроены в местном стиле, и не было бы оконных рам из мореного дерева. Будет естественная смесь разных домов так же, как и в любой другой настоящей деревне, — будут дома побольше, на углу будет магазин и, возможно, паб, а также общественное помещение и даже несколько мастерских.

Слова из нее лились потоком. Она обрисовывала руками в воздухе конек крыши, улицы и их перекрестки. Джейн с восхищением наблюдала за ней.

— Нужно только правильно все расположить — дома, которые могут дать приют, зеленую лужайку для игр и даже, если хочешь, пруд с утками. Я смогу достать для строительства денег в три раза больше, если только я приобрету землю и мне будет гарантировано разрешение на строительство. Будет, конечно, и довольно существенная прибыль на инвестиционный капитал, хотя и не такая большая, как была бы в случае строительства роскошного спального района.

Джейн подняла руку, останавливая этот поток.

— Почему ты хочешь делать все это?

Она имела в виду следующее: «Тебе вообще незачем работать. Ты можешь забавляться теми деньгами, которые уже имеешь, можешь получать удовольствие. Тебе ведь не нужно давать уроки и разбирать на них «Над пропастью во ржи» с тупыми учениками».

Харриет просто ответила:

— Потому что он есть там, потому что я видела этот дом.

— Точно так же, как было с «Мейзу», когда ты увидела ее?

Харриет вспомнила, как дрожь пробежала по ее спине, когда она впервые увидела игру Саймона. Она снова испытала ее, когда они с Элисон обходили вокруг промокшей громады «Бердвуда», мимо окон, обшитых досками с черными надписями. Только тогда по слабости она испуганно гнала это от себя. Но как только она осознала, что испытываемое ею чувство было не страхом, а интуицией, уверенность хлынула к ней потоком, словно свежая кровь в ее кровеносные сосуды.

— Да. Точно так, как было с «Мейзу».

Лаконичность и простота ее слов не могли скрыть момента торжества. Сидя так близко к ней, Джейн почувствовала, как мощная струя этого горючего, сдерживаемого Харриет, готова вспыхнуть.

Почувствовав это, она немного испугалась. Впервые она поняла, что совсем не деньги были движущей силой для Харриет; это была настоящая потребность, ее старое, жесткое единственное желание — победить, выиграть.

Не нападение в подземном переходе разбило кости Харриет, лишило ее энергии и живости, а ее поражение, потеря.

Харриет заговорила снова:

— Я бы хотела реставрировать дом. Возможно, пожить там самой, пока идут строительные работы. Не приедешь ли и ты с Имоджин? Можешь иметь для себя

собственную половину. Она кивнула через окно на ослепительно желтый дом. Ты могла бы бросить школу и уехать отсюда. В Эвердене есть школа, я видела ее. Это было бы прекрасным решением всех проблем.

В этом предложении проявлялось великодушие Харриет, и Джейн понимала это. Но она также знала, что было бессмысленно проявлять свою обиду или раздражение, потому что Харриет не понимала, что она никогда не захотела бы приспособливаться к чьему-либо, пусть великолепному, плану и стать придатком «Бердвуда». Просто это было особенностью Харриет — видеть смелые перспективы и в великолепии этого видения не замечать мелочей.

— Спасибо, что ты подумала об этом, — тихо ответила она. — Но у нас с Имоджин несколько другие планы.

А затем с ответной щедростью, только более глубокой и причиняющей ей боль, она сделала свое предложение, хотя и подозревала, что Харриет никогда не догадается, как великодушна она была.

— Если ты действительно серьезно относишься к этому, тебе следует поговорить с Дэвидом Хоукинзом.

— С кем? — спросила Харриет именно так, как Джейн и предполагала, что она спросит.

— С Дэвидом Хоукинзом. Он строитель, специализируется на проектах реконструкции общин. Однажды ты здесь с ним встречалась.

— Ах, да, — вспомнила Харриет. — Это было дважды. В первый раз на нем была синяя рубашка. — На одно мгновение она представила, как бы все сложилось, если бы она пошла с ним домой. Это была ее первая вечеринка после того, как она оставила Лео. Теперь казалось, что это случилось очень давно.

— Возможно, я и поговорю с ним.

— А как ты собираешься вообще сделать это? — заинтересованно спросила Джейн.

Харриет была откровенна:

— Я еще и сама не знаю, но я найду способ. Надеюсь, Чарли сможет помочь. Я сказала, что он может позвонить мне сюда сегодня вечером. Это ничего?

— Ну, конечно же.

Спустя несколько минут, когда Джейн кормила Имоджин перед тем, как уложить ее в кроватку, Харриет стоя у окна и бездумно глядя на улицу, вдруг увидела, как подъезжает Чарли в своем ситроене. На заднем сидении была Дженни.

— А вот и Чарли с Дженни.

Джейн подняла глаза, и на ее лице отразилась радость.

— Прекрасно.

Харриет впустила их. Оказывается, неожиданно к ним пришла удача — подвернулась няня, и они ухватились за эту приятную возможность.

Они намеревались немножко выпить вместе, а потом поехать куда-нибудь поужинать, не беспокоя Джейн и Харриет.

— Ну уж нет, вы никуда не поедете, — твердо сказал Джейн. Вы останетесь здесь и поедите с Харриет и со мной. Правда, Харриет?

Вечер был, как в добрые старые времена, и он был так не похож на те чопорные обеды, которые давала Харриет в своей квартире в Хэмпстеде. Имоджин уложили наверху в детскую кроватку, а Джейн готовила омлет и салат в то время, как Чарли открывал бутылки с вином и щедро разливал напитки.

Харриет отметила, что он выглядел удовлетворенным, но скрывал до определенного момента то, что принесло ему это удовлетворение. Она вступила в игру и не задавала никаких вопросов о его находках.

Они ели за кухонным столом, глядя на маленький садик, другие лоскутки садов и освещенные окна в домах напротив.

Харриет ощутила вновь вспыхнувшую привязанность к Лондону. Это успокаивало ее, и она не сожалела, что не убежала в «Бердвуд». Она собиралась поехать туда, потому что там нужно было кое-что сделать, она была уверена в этом.

Но вскоре она перестала думать об этом. Она ела, болтала и смеялась так, как не смеялась давным-давно.

Наконец Джейн сварила кофе и поставила кофейник в центре стола. Чарли наполнил стаканы с такой торжественной церемонностью, словно это была прелюдия к его важному выступлению, и это заставило Дженни рассмеяться. Ее последняя беременность была уже заметна под просторной рубашкой, но выглядела она гораздо лучше, чем в тот раз, когда она обедала у Харриет.

— Наихудшее позади, — объяснила она, а потом сказала: — Чарли очень похож на маленького Гарри, когда у него есть секрет. Ему не терпится рассказать о нем. Ну, давай, Чарли.

Чарли поднял брови и посмотрел по очереди на каждого из присутствующих.

— Давай, давай, Чарли, — вторила Харриет.

Ее внимание снова сосредоточилось и обострилось.

Чарли сказал:

— Я говорил с одним человеком, у которого есть хороший друг в компании «Кастория Дивелопмент».

Свет от лампы, свисающей низко над кухонным столом Джейн, собрал их в кружок, как заговорщиков. Харриет ощущала прилив возбуждения, словно от сильно действующего лекарства, и она знала, что страдает, когда его нет.

И этот человек раскрыл кое-какие интересные детали после некоторого нажима.

Харриет знала, что не в ее положении было допытываться, какими методами осуществлялся этот нажим. Ей лишь следует принять информацию и употребить ее как должное, как то, что ей причитается с Чарли.

Чарли рассказал ей, что Кит Боттрилл охотился за бердвудским участком земли почти пять лет. Он медленно и тщательно подписывал соглашения о подборе земли и как в детской игре-головоломке собирал по кусочкам, складывая вместе свои потенциальные приобретения, и, таким образом, собрал, вероятно, участок в сорок акров. Чарли не смог точно выяснить у своего информатора, на сколько земли он уже имел соглашение или, хотя бы, каковы точные размеры самой строительной площадки.

— Но я знаю, что он, вероятно, уже близок к достижению своей цели. Он представит свои планы в комитет по планированию через пять недель. И если у него хотя бы приблизительно намечается получение разрешения на строительство, то можно будет считать, что у него все в порядке.

Харриет медленно кивнула. Вряд ли ей будет достаточно пяти недель, чтобы приступить к оформлению своих собственных соглашений или даже покупать сразу любую землю, которую она сможет найти. Вряд ли у нее будет время, чтобы собрать команду архитекторов, не говоря уж о том, чтобы выработать свои собственные конкурирующие

планы.

Ее шансами были выступление против плана компании «Кастория» на стадии рассмотрения в комитете по планированию с использованием любых доводов, с которыми она могла появиться, и попытка добиться поддержки местным населением ее собственного незамысловатого предложения.

Она подумала об Эвердене и «Снопе пшеницы», о деревенском магазине и разрушающемся «Бердвуде» в его обманчивом уединении.

«Я могу сделать это, — подумала она. — По крайней мере, уж столько-то смогу».

— Существуют еще два момента, — добавил Чарли.

Он старался говорить небрежно, но Харриет понимала, что он придержит хорошую новость под конец.

Имеется еще один участок земли, который он хочет, но не может получить. Два акра, мешающих прокладке главного подъездного пути по естественному маршруту.

— Они принадлежат мисс Боулли, — дополнила его Харриет. — Я встречалась с ней, и она мне понравилась.

Чарли подавил короткую вспышку восхищения.

— В конце концов, это не будет иметь большого значения. Он может провести свою дорогу где-нибудь в другом месте во что бы то ни стало, и, без сомнения, сделать жизнь вашей мисс Боулли такой неудобной, как он уже угрожал.

— А какая вторая вещь?

— Ему не принадлежит ни старый дом, ни сад, а это еще пара акров, расположенных вблизи центра всего участка в целом.

Харриет терпеливо спросила:

— Кому же принадлежит этот участок?

Чарли снова посмотрел на каждого из них. А затем возвестил с видом фокусника, извлекающего из шляпы кролика:

— Приходскому совету Эвердена.

Харриет пристально посмотрела на него какое-то мгновение, а затем начала смеяться.

— Мне бы следовало сходить повидать приходского священника, как мне посоветовали в «Снопе пшеницы». Я должна была бы задать ему нужные вопросы и могла бы выяснить это за пять минут. Но знаете что? Это лучшая новость, которую я узнала за последние месяцы.

Она отодвинула свой стул и, обойдя вокруг стола, подошла к Чарли. Она обняла его за плечи и поцеловала в макушку головы.

— Спасибо, Чарли. Слушайте, давайте выпьем со мной, Джейн и Дженни. Выпьем за Бердвудский проект.

Они покорно подняли стаканы, глядя друг на друга, и повторили: «За Бердвудский проект!»

Харриет уже подсчитывала. Если Боттрилл не смог выкупить дом и землю у приходского совета, то, следовательно, некоторые или даже все члены совета должны были выступить против его планов. И если были противники одного плана, то с помощью оппозиции она смогла бы получить поддержку другого плана. Если бы это был тот план, который нужен, собственный план деревни. Если бы только ей удалось сделать так, чтобы ее планы стали их планами.

— Не хочешь ли ты услышать, как совет церковного прихода смог получить в собственность два акра лучшей земли для строительства и викторианский особняк?

— Расскажи.

Харриет могла бы разобраться в этом сама. Последняя владелица, старая дама с эксцентричными привычками в течение многих лет распродавала землю в пределах принадлежащего поместью парка, небольшими участками различным покупателям. Именно этих покупателей и их наследников усердно обрабатывал Кит Боттрилл в процессе набора участков для строительства.

Дом и уменьшившийся в размерах сад оставались в ее владении, а после ее смерти были завещаны деревне Эверден, для вечного использования общиной под контролем и управлением членов приходского совета.

— Вероятно, это большая обуза, — весело сказал Чарли.

— Все пришло в упадок, поэтому никто об этом и не упоминал. Боттрилл, вероятно, ожидает, когда это запустение приведет жителей к состоянию полной апатии. Тогда и священник, и все остальные будут просто вынуждены продать все ему. У них не будет никакой надежды сделать с этим что-нибудь полезное для блага деревни, потому что у них не будет денег.

— Деньги есть, — сказала Харриет.

За этими словами последовало короткое молчание, которое подтверждало силу ее богатства.

— Я думала, что ты хочешь жить в этом доме, — сказала наконец Джейн. — Ты же приглашала меня и Имоджин пожить там с тобой.

— Жаль, что ты не захотела. Ты сказала, что ты хочешь осуществить свои собственные планы. Я хочу восстановить этот дом, он такой красивый.

— А как насчет деревни?

— Есть какая-то альтернатива? Ведь лучше, если кто-нибудь восстановит дом, чтобы можно было в нем жить, чем будет стоять в стороне и смотреть, как его сносят, чтобы расчистить место для нового строительства, не так ли? Если я куплю дом в деревне Эверден, то взамен деревня получит новые строения на своих окраинах, что и требуется для местных нужд, включая административное здание, помещения для приходского совета и скаутской организации и всего того, в чем у них может быть необходимость. Это будет выгодно Эвердену. Всегда.

Джейн рассмеялась.

— А там будут детские ясли, центр, где могут проводить время пенсионеры? У тебя это звучит впечатляюще, но в то же время это скорее моя идея, чем твоя. Я не верю, что она может осуществиться, но я не могу неодобрительно относиться к ней на бумаге, ведь верно?

— Не осуждай. Это же только план, он предлагает что-то каждому.

— Конечно, включая предпринимателя?

— Конечно, — согласилась Харриет.

Чарли протянул руку за бутылкой.

— Закончим ее? — добродушно спросил он.

Они просидели вчетвером допоздна. А затем, после того, как уехали Чарли и Дженни, гостеприимная Джейн очень обрадовалась, что Харриет согласилась остаться переночевать в свободной спальне, которую она обычно занимала и раньше, а Харриет была счастлива остаться здесь, вместо того чтобы испытывать гнетущее чувство, вызванное необходимостью вернуться в свою унылую квартиру. Она легла спать более готовая проснуться снова, чем это бывало раньше.

Было начало мая.

Харриет припарковала свою машину под прикрытием высокого деревянного щита для наклейки объявлений и афиш и пошла своей дорогой через вход на строительный участок. Перед ней проехал вилочный погрузчик, неся перед собой поддон выдавших виды желтосерых лондонских кирпичей, старых, обветренных и почти обесцветившихся.

В конце ряда неожиданно появившихся перед ней домов еще были видны стропила крыш, но в домах поближе к Харриет были уже установлены на свои места застекленные окна и внутри сырых кирпичных комнат работали плотники.

Был слышен гул машин, усиленный ритмичным взбалтыванием бетономешалок. Земля перед Харриет представляла собой желтоватую трясину, через которую был проложен мост из досок. Харриет посмотрела на свои туфли-лодочки. По направлению к ней шел мальчик, толкая тачку, колесо которой проходило посередине мостков, выложенных из досок. Уже при первых лучах солнца он был раздет до пояса. Он задолго прекратил катить тачку и свистеть, чтобы внимательно рассмотреть Харриет.

— Я ищу Дэвида Хоукинза.

Мальчик указал на передвижной домик в противоположном конце строительного участка и покатил свою тачку дальше. Харриет переправлялась по доскам мимо плотников и бетономешалок. Ее преследовал свист. Она помнила, что в Уинвуде они не свистели, но тогда она была боссом. Несвоевременные в данную минуту мысли об Уинвуде не вызвали у нее нервного подергивания удаленных конечностей.

Подняв глаза, она увидела Дэвида, шагающего по грязи в рабочих ботинках. Его лицо борца казалось менее удивительным в этой обстановке.

— Вы не знали, что строительные площадки — грязные места?

— Первый урок на строительной площадке, — сдержанно ответила Харриет. — В следующий раз я надену комбинезон.

Они пожали друг другу руки. Они договорились по телефону об этой встрече и увиделись впервые после рождественской вечеринки у Джейн.

— Давайте зайдем в контору.

После солнечного света и свежего воздуха в маленькой кабинке было душно. В ней стояли металлические письменные столы, заваленные планами застройки и эскизами строений, и стулья для машинисток, а на стенах висели графики строительных работ. Это напомнило Харриет те дни, когда она беспощадно торговалась с мистером Джепсеном в его кабинете в «Мидленд Пластикс». Однако она надеялась, что ей не придется торговаться с Дэвидом Хоукинзом.

При одной мысли об этом Харриет охватило чувство, что это крайне срочно. Было слишком мало времени, а все, что было необходимо довести до конца, следовало делать медленно и тактично. Она уселась на край одного из металлических письменных столов, готовая сразу спрыгнуть. Девушка, щелкающая на электрической пишущей машинке, прекратила работу и взглянула на нее.

— Харриет, выпьете чаю или кофе? — спросил Дэвид.

— Я хочу приступить к делу, — могла бы ответить она, но вместо этого сказала:

— Пожалуйста, кофе с молоком, но без сахара.

Дэвид послал машинистку приготовить кофе.

— Я был огорчен, прочитав о «Пикокс», — сказал он.

Харриет чувствовала, что он пристально смотрит на нее. И ей захотелось переменить свою позу на краю письменного стола, но она сдержалась.

— Это дало мне возможность развить другие идеи. — Затем она подвинулась, потянулась за своим портфелем и встала на ноги.

— Что же случилось с вашим лицом?

Харриет потрогала челюсть рукой. Она просто забыла о ней.

— Так, просто несчастный случай.

Она размышляла о своих отношениях с Дэвидом Хоукинзом, которые развивались как-то странно. Он начал с того, что попытался поцеловать ее, а она сопротивлялась сильному желанию отвезти его к себе домой.

Они продолжили потом свои отношения беседой с легким оттенком насмешливости на той рождественской вечеринке. А теперь они официально и вежливо начали деловую встречу в его строительной конторе. Уголки рта Харриет произвольно приподнялись. Дэвид продолжал рассматривать ее.

Подали кофе, который еще бурлил в чашках. Коричневые глазки растворимого кофе кружились, как маленькие планеты. Харриет отпила глоток, прежде чем со щелчком открыть свой портфель.

— Расскажите мне о своем плане, — предложил Дэвид, устраиваясь на стуле, готовый слушать.

Харриет описывала «Бердвуд», обрисовывая его просторы в этом душном воздухе, она складывала руки в форме чаши, чтобы показать низину, в которой находится дом. У нее было много времени с тех пор, как она изложила свои первые идеи Джейн. За это время она провела свои исследования. Она принесла проекты и планы других вновь строящихся деревень, схемы, фотографии и газетные статьи.

Она описывала первые дома, предназначенные для местных супружеских пар, дома для сдачи в наем и новую защищенную общину с проложенными дорожками, аллеями и общественным центром, а также дома большего размера для семейных и территорию, на которой разместится строительный участок, не принося вреда окружающей сельской местности.

Дэвид прервал ее:

— Да, это знакомая местность.

— Там также могут быть устроены мастерские. Будет обеспечена работа для местного населения...

— Умельцы, вручную вырезающие из дерева игрушечного коня-качалку и делающие стеклянные террариумы.

— Возможно и это, — ответила Харриет.

— Ничего слишком грязного или промышленного.

— Это было бы несоответствующим окружающей деревенской среде, не правда ли?

— Если вы так считаете. Только я надеюсь, что вы сможете найти достаточное количество молодых пар, жаждущих получить дома, которые будут им по карману в деревне под названием «Утопия», которые к тому же будут в состоянии вырезать из дерева приличного коня-качалку или соорудить искусный террариум.

Через окно, которое выходило на строительный участок, Харриет наблюдала за работой каменщика на стене сада. Он двигался ритмично, скрепляя каждый кирпич строительным раствором, а затем укладывал его на нижний горизонтальный ряд кладки, устанавливал

резким постукиванием своего мастерка и, размахивая им, срезал излишек. Когда он дошел до конца нового ряда кладки, он отступил, чтобы проверить свою работу.

«Сделать все то, что я собиралась сделать, — размышляла Харриет, — было примерно то же, что выхватить кирпичи и строительный раствор из воздуха и сжать их одним движением, превратив в прочную кирпичную стенку».

Она отвернулась от окна.

— Означает ли это, что вас не заинтересовал мой план?

Дэвид улыбнулся.

— Нет, это совсем не так. Вы описали идеальную мечту предпринимателя, которая может растрогать сердце комитета по планированию. Но действительность может оказаться совсем другой. Строительство частного жилья — это не самый приятно пахнущий бизнес.

— Я знаю это, — согласилась Харриет.

Подумав, Дэвид сказал:

— Я уверен, что вы знаете. Откуда поступят деньги?

— Начнем с того, что от меня. Для составления планов первоначального приобретения земли, чтобы воздействовать на членов комитета и протолкнуть свой план и прочее. А затем деньги от вкладчиков. Я смогу добыть их.

— Хорошо. А как дела с приобретением участка? Сколько земли вы уже имеете?

Снаружи каменщик уложил первый кирпич нового ряда.

— Вообще не имею, — ответила Харриет.

— Итак, что же вы хотите от подрядчика-строителя?

— Мне нужен не он, а вы. И ваши сотрудники.

Дэвид уже объяснял Харриет, что он работает только вместе с группой архитекторов, которые проектируют то, что он хочет построить. Но по совету Джейн Харриет уже осмотрела некоторые из его удачных и имевших успех работ. То, что она увидела, произвело на нее большое впечатление.

Дэвид ждал. Харриет сделала широкий жест рукой в воздухе, только из которого она сейчас и могла извлечь кирпичи и раствор в их реальной форме.

— Это все как работа канатоходца или жонглера в цирке — достаточно долго хорошо выглядит и звучит, достаточно продолжительно для того, чтобы успеть остановить конкурента и выиграть самим. Я могу сделать одну жизненно важную вещь, но для остального мне необходимы вы. Я хочу, чтобы вы и ваш партнер пришли посмотреть на участок, хочу сделать несколько чертежей, а, возможно, и несколько макетов. Мне хотелось бы, чтобы вы были на моей стороне и поддерживали меня в деревне Эверден, когда я буду излагать свой план. Мы получим поддержку деревни, и если на нашей стороне будет местное население, мы сможем перейти к стадии планирования. Вместе с должным образом направленной местной оппозицией мы сможем разгромить предложения Боттрилла, и если я смогу получить участок земли, который мне нужен, я буду использовать его как средство воздействия против Боттрилла.

— Если нам удастся запустить достаточно яркий мыльный пузырь за достаточно короткое время, мы привлечем внимание и заслужим аплодисменты. И такая реакция против Боттрилла будет поддержкой для нас.

— Ваши слова звучат, как с рекламного плаката.

Глаза Харриет сверкали, лицо горело.

— Это не имеет значения. Не имеет значения, что наш пузырь не проживет долго, если

уж мы решили выдворить Боттрилла. После этого у вас будет время разработать планы как следует, даже если вы не верите в мою «Утопию».

Дэвид собрался было прервать ее, но она подняла руку, чтобы остановить его.

— Разве вы не понимаете, что это задача по маркетингу? Я могу купить или продать Бердвудский проект. Я могу дополнительно к существующей купить новую деревню. Я могу продать себя, и я могу купить вас.

Дэвид повторил:

— Мыльный пузырь.

Через минуту он встал и подошел к окну, чтобы взглянуть на работу, которая проводилась снаружи.

— Давайте пойдем и взглянем на работу, — сказал он немного спустя.

Харриет еле сдерживала свое нетерпение.

— С удовольствием, — сказала она ему.

Он вынул пару высоких сапог из-за письменного стола и подал их ей. Харриет надела сапоги и пробиралась по грязи вслед за ним при свете солнца.

Два коротких ряда маленьких новых домов выросли среди похожих старых улиц. Видавшие виды старые кирпичи употреблялись для отделки фасада, и, казалось, что незаконченные дома уже принадлежали к окружающей их викторианской среде. Около каждого дома, перед ним и позади него, были маленькие садики. Они были более уединенными, чем дома в обычном ряду, так как линия домов была ступенчатой.

Харриет увидела, что несмотря на небольшие масштабы строительства, достижением архитектора было создание ощущения интимности и не возникало впечатления тесноты.

— Плотность здесь — четырнадцать на акр, — сообщил Дэвид. — Довольно высокая, даже по городским стандартам.

Когда он говорил, что-то в выражении его лица подсказало Харриет, что он считает нелепым и смешным то, что он ходит с ней по строительному участку и говорит о плотности населения. У нее возникло побуждение сказать ему в ответ что-нибудь, не относящееся к делу, но она прогнала эту мысль.

— Мы работаем в ассоциации с общественным жилищным фондом, — спокойно продолжал он. — У нас имеется определенное время, которым мы можем распоряжаться, но есть и определенные ограничения.

— Все это выглядит весьма привлекательно, — сказала Харриет самым, что ни есть, деловым тоном.

Мимоходом они заглянули в открытый дверной проем. Дверная коробка была на месте, но парадной двери пока еще не было. Лестница, сделанная из нового светлого дерева, замусоренная плоскими витками древесной стружки, уходила вверх прямо перед ними. Дэвид жестом показал направо, и они вошли в гостиную. Стены были свежоштукатурены, а оконные переплеты были подготовлены для стекольщика.

Харриет мельком увидела, как он работает в доме рядом. Она вдыхала запахи сырой штукатурки, опилок, замазки и кирпичной пыли. Она получила удовлетворение, когда ощутила, что из груды плит и свалки сырья возникают маленькие крепкие домики.

Когда она оглядывала эту светлую комнату, рассеянно положив пальцы на холодную штукатурку, ей стало ясно, что этот дом напоминает ей дом Джейн.

Этот дом был отделен от другого сотней лет, но он был построен с той же простой, неприкрашенной логикой. И именно в гостиной Джейн она танцевала с Дэвидом много лет

тому назад, в самом начале «Мейзу».

Харриет подумала о разноцветных шариках, катящихся и гремящих, и снова вспомнила, что она утратила.

Тогда она боялась того, к чему могли бы привести поцелуи Дэвида Хоукинза, если бы она ему позволила, в присутствии полицейских и добропорядочных учителей. Теперь же она оказалась здесь в поисках совсем других вещей. Дэвид стоял, засунув руки в карманы своих испачканных краской джинсов. До нее вдруг дошло, что он потрясающе привлекателен. Она почувствовала, как кровь прилила к ее лицу, и разозлилась из-за своей чувствительности.

— Когда дома будут готовы к заселению?

— Вот эти первые дома — через два месяца. Остальные — после них, когда придет время.

— Я на минутку загляну наверх, ладно?

Голые доски скрипели под ее ногами. Наверху были две светлые квадратные спальни и ванная, арматура для которой все еще была в заводской упаковке. Пол в ванной был замусорен обрывками картонной упаковки. Харриет вспомнила, что когда-то в квартире Джейн именно в ванной она нашла себе убежище. Уже полностью овладев собой, она спустилась по лестнице.

— Спасибо, что показали мне все это, — бодро сказала она.

— Я провожу вас до машины. Оставайтесь в сапогах, пока не выберетесь из грязи.

Они еще раз пересекли участок, прошли мимо тачек, куч песка, бетономешалок и строителей, которые в присутствии Дэвида уже не стали свистеть вслед Харриет.

Когда она оглянулась на желтоватую жидкую грязь и на коробки ближайших домов, она с удивлением сравнила, как далек передвижной домик на стройке, в котором она только что побывала, от изысканных интерьеров «Лендуит Эссоушиэйтс», которые когда-то произвели на нее огромное впечатление.

Дэвид, вероятно, уловил ход ее мыслей, потому что спросил:

— А как ваш друг финансист?

— Ну, по-моему мнению, мы распрощались навсегда.

— В то же самое время, как вы расстались с вашей компанией?

— Да, примерно в то же время.

— Извините.

Они подошли к машине Харриет. Она дотронулась рукой до своей шляпы и почувствовала, как она нагрелась на солнце. И вдруг она широко и от души улыбнулась.

— Не извиняйтесь, — сказала она.

Дэвид взял у нее из рук ключи от машины и открыл для нее запертую дверь.

Харриет швырнула портфель на заднее сиденье и затем повернулась к нему.

— Ну? — спросила она.

Она ощутила твердую уверенность в том, что он не отвергнет ее проекта.

Дэвид сказал:

— Я поговорю об этом с Энтони. — Энтони был архитектором и его партнером. — И мы приедем и посмотрим на ваш строительный участок.

— Не сообщайте слишком много и не задерживайтесь надолго. Времени не так уж много.

— Мыльные пузыри ведь недолговечны, да?

Харриет уже сидела за рулем.

— Вы что же думаете, что я нечестная или сумасшедшая? Или и то и другое?

— Нет, но я думаю, что вы слишком впечатлительны.

Машина медленно двинулась вперед. Харриет все еще была в сапогах.

— Сапоги оставьте у себя, — крикнул он. — Они вам пригодятся.

— Да они же на четыре размера больше.

— Значит, можно расти дальше. — Он помахал рукой и повернул к входу на строительный участок.

Ведя машину, Харриет насвистывала. Она преодолела уличное движение в южной части Лондона и теперь направлялась к Эвердену. Она сказала Дэвиду не что иное, как правду: времени было маловато. Однако она была убеждена, что, как бы то ни было, ей этого времени будет достаточно.

— Опять вернулись? — произнесла мисс Боулли.

— Можно войти? — спросила Харриет.

— Мисс Боулли не ответила ни да, ни нет, но, казалось, что дверь приоткрылась пошире на несколько сантиметров.

— Я не понимаю, что заставляет вас постоянно приезжать сюда? — заметила она в своей отгороженной кухне. — Я полагаю, что не мой чай, ведь верно?

Харриет отпила глоток заваренного и настоянного чая из кружки с желтовато-коричневым налетом.

Я зашла спросить вас:

— Не хотите ли вы пойти со мной на прогулку. Сегодня прекрасный день.

— На прогулку?!

Как будто Харриет предлагала совершить преступление или акт эксгибиционизма. Мисс Боулли с подозрением внимательно рассматривала ее. Мешки под глазами старухи казались мясистыми по сравнению с ее костлявой фигурой. Из-за седых волос, свернутых жгутом вокруг лица, она походила на какое-то маленькое, но свирепое млекопитающее.

Харриет быстро прикинула, а затем предложила:

— Я думаю, что мы могли бы пройтись и взглянуть на «Бердвуд», а также на землю. Ведь никто не обвинит нас, что мы нарушим владения, не правда ли?

Мисс Боулли тоже что-то обдумывала. Какое-то мгновение они стояли молча, взвешивая за и против.

Наконец, она сказала:

— Я надену пальто.

Был еще один тихий, теплый день. Харриет прошла по Эвердену без куртки, ее внимание было приковано к дому в низине и земле вокруг него с холмами и оврагами. А мисс Боулли надела древнее коричневое твидовое пальто, достигающее до лодыжек, и покрыла волосы чем-то вроде вязаного берета желтовато-коричневого цвета. Они представляли собой нелепую пару, когда вышли на короткую прогулку к воротам «Бердвуда». Как обнаружила Харриет, мисс Боулли не была расположена к беседе.

Харриет была занята тем, что представляла себе, как в любой из машин, быстро проезжающих мимо них, может находиться один из агентов Боттрилла или даже сам Боттрилл, кружащий, как хищная птица над своей жертвой. Мысль о том, что она и мисс Боулли пробираются через их охрану, и их пропускают, как эксцентричную старую даму и ее дочь на регулярную прогулку, была приятна и волновала. Харриет понимала, что эта

выдумка не соответствовала действительности, но это было как бы неотъемлемой частью удовольствия.

И сам план был притянут за уши, но в этом были и его сила, и его слабость. Тем сильнее будет удивление и, следовательно, удар, когда наступит время.

Харриет улыбалась. Она шла быстро, но мисс Боулли без труда поспевала за ней. Живые изгороди по обе стороны были тяжелыми от кремовой пены майского цветения. Они достигли конца проезда и осторожно пролезли через ворота, не пытаясь раскрыть их пошире. Тень от высоких деревьев тотчас сомкнулась над ними.

— Вы знаете, я, бывало, заходила сюда, — отрывисто произнесла мисс Боулли. — На рождество, на деревенский праздник летом, который всегда проводился в саду, иногда на состязания в крикет, в которых участвовал мой отец.

— Расскажите мне об этом, — попросила Харриет.

— О, это было давным-давно.

«Знакомая история», — подумала Харриет.

— До войны в доме были слуги и садовники, а после войны наступил медленный спад и дошло до того, что один старик, который выжил, жил в беспорядке в забаррикадированных комнатах.

Они достигли дома.

— Просто стыдно видеть все это в таком состоянии, не так ли? — сказала мисс Боулли.

Они медленно прошли еще один круг. Послеполуденный свет солнца обещал лето, но дом все еще казался темным, холодным и унылым, утонувшим в буйно разросшемся кустарнике. Причудливая железная веранда провисла в тех местах, где обломилась детали цвета охры, и это нарушило симметрию филигранных завитков и переплетенных листьев аканта. Когда они проходили мимо деревянных щитов, небрежно приколоченных гвоздями к окнам, Харриет снова внимательно рассмотрела черные каракули.

Она была права, ничего зловещего в них не было. Наверное, дети поклялись в верности, набрызгав краску, которая, вероятно, переживет их самих. На продуманно украшенное крыльцо пошло еще больше тонкого железа. В разгар лета золотоцвет поднимет из камня свои пурпурные соцветия по обе стороны крыльца.

Груда принесенных ветром увядших листьев, пачек из-под сигарет и пустых банок из-под напитков высилась у тяжелых двойных дверей. Харриет хотела наклониться и разгрести ее, чтобы добраться до тяжелых каменных плит внизу, которыми была вымощена дорога к дверям. Тогда она смогла бы распахнуть их и войти в роскошный холл в викторианском стиле, выложенный изразцами. Вместо этого перед ней была массивная дверь, заколоченная досками в тех местах, где, вероятно, было витражное стекло.

И все же Харриет подумала, что ее первое инстинктивное чувство было верным. Это был великолепный дом. Он притягивал ее, как магнит. Он ее не пугал, а возбуждал.

Ее ноги по щиколотку погрузились в мусор, она стояла около двери.

— Как жаль, что я не могу войти внутрь, — прошептала она.

У мисс Боулли слух был такой же острый, как и зрение.

— У Тома Фроста есть ключи, — прошептала она. — Но с какой стати он вас пустит туда? Дом принадлежит Эвердену.

— Я хочу купить его.

Старуха рассмеялась:

— У вас есть деньги?

Харриет отвернулась от двери, запертой на висячий замок.

— Я достаточно богата, — сказала она.

Она не могла вспомнить, признавалась ли она в этом раньше так просто. Она не извинялась и не рекламировала, она просто утверждала сам факт.

Обладание деньгами «Пикокс» начинало приобретать особое значение, не связанное с «Пикокс» и поражением. Если это даст ей возможность спасти «Бердвуд», тогда все было бы прекрасно. А с ним, что было очень соблазнительно, было связано и новое строительство.

Мисс Боулли теперь по-другому смотрела на Харриет. Не с нескрываемым подозрением или недоверием, а искоса, как бы размышляя. Они пошли прочь от дома по краю кустарника под большими деревьями в дальнем конце. Зеленые ветви ежевики как бы ловили, цепляясь за их ноги, а под ногами трещали сухие ветки. Они подошли к покосившемуся забору из металлических реек, который отмечал границы сада. Оглянувшись, Харриет увидела, что дом скрыт весенней порослью.

Мисс Боулли ухватила руками за верхние перекладины забора, стоя одной ногой на нижней перекладине. Раскинувшиеся перед ними поля, зеленые вперемешку с коричневыми, были отгорожены друг от друга живой изгородью, воротами и узкими полосками деревьев. И снова, в который раз, Харриет отметила, что уединение этого дома обманчиво. Отсюда она могла видеть окраины двух из трех деревень в треугольнике и горсточку домов, разбросанных между ними. Она размышляла, сколько акров земли принадлежало кому-то из них и сколько землевладельцев подписали соблазнительные соглашения с Китом Боттриллом.

Свободные деньги сейчас и проценты с прибыли, когда высокодоходная сделка окончательно состоится. Хоть мисс Боулли не попала на эту удочку.

Осмотрев округу, Харриет спокойно сказала:

— Знаете, здесь будет новое строительство каких-нибудь домов. Я думаю, что теперь это неизбежно. В конце концов, кто-либо на что-нибудь получит разрешение. Только совсем не обязательно это должны быть коробки для жителей Лондона, которые каждый день будут ездить туда на работу, как рассчитывал Боттрилл.

Мисс Боулли повернулась спиной к пейзажу. Она только сказала:

— Я возвращаюсь домой сейчас же. Я не могу бродить здесь целый день.

Они пошли обратно, снова молча, так же, как пришли.

У своего дома мисс Боулли придержала парадную дверь открытой, явно ожидая, что Харриет не закончила то, ради чего она приходила. И Харриет, которая планировала вернуться прямо в Эверден и оставить мисс Боулли поразмышлять один-другой денек, воспользовалась этим случаем.

— Я хочу сделать вам предложение.

Она осмотрела темную кухню с грудой накопленных газет и картонных коробок, переполненных пустыми банками, старыми кастрюлями и жестянками.

Что-то знакомое почудилось ей, но она понимала, что мисс Боулли это не Саймон. Мисс Боулли была проницательна и подозрительна, и уж она-то была в состоянии сама позаботиться о себе.

— Я уже догадалась об этом, — сказала старуха, которая не мигая смотрела на Харриет. Ее сходство с маленьким недружелюбным млекопитающим усилилось.

— Я хочу купить вашу собственность.

— Я сказала вам сразу. Я не подписываю, не соглашаюсь, не продаю.

— Может вы сначала выслушаете, что я вам предлагаю, а затем решите?

— Если это не займет всю ночь.

И так, говоря спокойно, ничего не акцентируя и не подчеркивая, Харриет сделала предложение, которое она обдумывала несколько дней.

Она купит коттедж мисс Боулли и два акра сада сразу, без всяких предварительных соглашений. Харриет, пока говорила все это, внимательно наблюдала за лицом мисс Боулли, но она не смогла обнаружить ни малейшего признака интереса. Поэтому, подойдя к тому, чтобы назвать цену, она пересмотрела ее и увеличила на десять процентов.

Это была такая большая сумма денег, что она почти пожалела об этом тотчас же, как только сделала свое предложение. Это было чрезмерно, это было гораздо больше, чем необходимо, это было слишком. Харриет замолчала и ждала, названная цифра повисла в воздухе между ними.

Мисс Боулли и глазом не моргнула.

— К чему такая щедрость? — спросила она.

— Для этого есть две причины. Первая причина — это то, что мне нужна ваша земля, чтобы вбить клин во владения компании «Кастория». И я могу купить эту землю сразу же, так как я заработала деньги в другом месте и я не крупномасштабный застройщик, который все время имеет дело с дюжиной подобных сделок. Имеется также шанс, что, зная вас и услышав, что вы решили поддержать мой план, а не план соперника, другие местные землевладельцы и приходской совет решат вопрос в мою пользу. Я щедра, потому что мне необходимо быть щедрой.

Харриет была искренней, потому что, видимо, не имело смысла лицемерить.

— А вторая причина?

Стол, за которым они сидели, был заставлен пустыми стеклянными банками, которые, казалось, были главным предметом коллекционирования. Большинство из них было еще не вымыто. Харриет наблюдала, как муха ползла по краю банки, в которой когда-то был малиновый джем. Между банками были коробки с крупой и белый, нарезанный ломтиками хлеб в целлофановой упаковке. Казалось, что мисс Боулли жила, питаясь только «Уитабиксом»^[8] и бутербродами с джемом.

Харриет попыталась вообразить, как бы жилось мисс Боулли в другом месте, например, в одном из прочных современных коттеджей Дэвида, построенных по традиционным, тщательно проверенным планам, или в приюте для престарелых, где служитель заходил бы повидать ее каждый день и ворчал, поучая, что есть надо как следует, а вечерами она сидела бы в общей комнате за вечерним вистом.

Она понимала, что это было лишь отчасти актом щедрости с ее стороны — предложить мисс Боулли самой определять свое будущее. Условия были более чем щедрыми, но они основывались на собственной выгоде. Харриет понимала это, и она также знала, что ей придется научиться жить с такими и подобными самообвинениями, если ей надо будет продвигаться дальше границ сада мисс Боулли. Если она собирается надуть свой мыльный пузырь и пустить его по ветру над «Бердвудом».

Ее присутствие в кухне мисс Боулли было бесцеремонным вторжением. Она вспомнила, каким образом она вторгалась в жизнь Саймона, сознательно, не задумываясь, с легкомысленным неведением того, что творила, а в итоге — этот страшный глубокий овраг под мостом.

Она встретила с подозрительным взглядом мисс Боулли.

— Да, я брала что-то от кого-то другого, когда начинала свой бизнес. Я не платила ему так, как он этого заслуживал. И я не хочу делать этого снова. Я хочу быть уверена, что долгов не будет.

Мисс Боулли рассмеялась, и это прозвучало, как звериный лай.

— Пытаетесь искупить вину с моей помощью?

Смешно было вообразить, что если сделать что-то для мисс Боулли, то это могло бы послужить искуплением вины перед Саймоном. Посмотрев на нее, мисс Боулли не могла бы увидеть лицо юной Кэт, пристально вглядывающейся в нее. Мисс Боулли никогда бы не захотела, чтобы Харриет была ее дочерью.

Саймон был мертв.

В конце концов, к воротам снаружи подъедут бульдозеры, и не имеет значения, будет ли это из-за Харриет или из-за какого-то неизвестного строителя, который управляет всем на расстоянии из своего шикарного офиса.

Только от самой мисс Боулли зависело решение — принять или нет предложение Харриет.

— В этом случае я не могу загладить своей вины, — сказала Харриет. — Но вы спросили, почему я так щедра, и это вторая причина.

Мисс Боулли презрительно фыркнула. Одна ноздря у нее сплющилась, и она тяжело задышала.

— Мне надо будет подумать об этом, — призналась она.

Харриет понимала, что это максимум того, на что она сейчас может рассчитывать.

— Благодарю вас, — тепло поблагодарила она.

Она оставила мисс Боулли раздумывать дальше и возвратилась в Эверден.

Когда Элисон снова вернулась из Лондона на уик-энд, Харриет спросила ее:

— Вы не против, если я побуду здесь еще?

Она убрала с длинного кухонного стола кучу бумаг, аккуратно сложила их и унесла в голубую спальню. Она сделала длинный и добросовестный список десятков телефонных звонков, которые были в отсутствие Элисон. В коттедже было чисто и опрятно, так как Харриет почти не ходила по дому, и, что было совсем не похоже на нее, позаботилась о том, чтобы в холодильнике были продукты и охлажденное белое вино.

— Если вы возражаете, то, вероятно, здесь есть какой-нибудь отель или паб, где я могла бы остановиться, или я смогла бы где-нибудь арендовать коттедж.

Элисон опустила в глубокое кресло и пила из стакана, который Харриет вложила ей в руку.

— Я не возражаю против того, чтобы вы оставались здесь. Я же говорила вам, живите столько, сколько хотите.

— Я уже и так долго живу здесь. И вы, вероятно, не ожидали, что я буду использовать это место как офис.

— Это верно. Я-то думала, что вы приедете отдохнуть. Прочитать парочку романов, немного поработать в саду и, возможно, завязать с кем-нибудь интересное знакомство в «Снопе пшеницы».

— Для этого я недостаточно хорошо играю в стрелы.

— И это верно. Но что же я найду? За какие-нибудь пару недель империю по торговле недвижимостью. Вы собираетесь скупить половину деревни и разбить тематический парк

для сознательных членов сельской общины. Вы намерены померяться силами с одним из главных скверных мальчиков-застройщиков и добиться его поражения на его поле. — Элисон закрыла глаза, а затем с усилием открыла их снова. — Это утомительно. Мне надоело наблюдать за вашей энергией и вашим усердием.

Харриет доброжелательно ответила:

— Все это еще теоретически. Пока еще ничего не существует, за исключением нескольких планов архитектора, кучи плакатов, да еще нескольких приглашений посетить собрание в деревенском зале.

— Что и делает ваши энергию и энтузиазм еще более устрашающим зрелищем.

— Такова работа предпринимателя.

— Вы и есть предприниматель, Харриет. Вы, должно быть, родились им.

— Вы против того, что я делаю?

— Как я уже говорила, когда мы обсуждали это в самом начале, мы живем в маленькой стране, а людям надо же где-нибудь жить. Так почему бы не рядом с деревней Эверден в графстве Кент? И если какой-нибудь застройщик собирается прикарманить часть денег, так лучше пусть это будете вы со своими коттеджами для мастеровых, чем Кит Боттрилл и его дорогостоящие дома. Одна только вещь беспокоит меня.

— Какая?

Элисон подняла на нее глаза. Она подумала, что при всей теплоте в Харриет была какая-то неадекватность, когда дело касалось ее, Харриет, собственных чувств, что в сочетании с твердой решимостью делало ее, казалось, неприступной. Элисон тщательно подбирала слова.

— Когда мы были здесь вместе в первый уик-энд, вы мне сказали, что вы не думаете о счастье давным-давно, уже и не вспоминаете, с какого времени. И что теперь для этого у вас будет много времени.

Наступило молчание. Непроизвольно Харриет подняла руку к подбородку. Следы нападения почти исчезли, но она вспоминала, что прикоснуться к ним — это значит привлекать к ним внимание. Она снова опустила руку и, чтобы занять чем-нибудь пальцы, вертела бутылку с вином.

— Я чувствовала себя несчастной, когда мне нечего было делать, жалкой, прямо разваливающейся на части. Я ничего не думаю по поводу счастья. Я не знаю, что еще делать, если я не буду заниматься этим делом.

Элисон продолжала смотреть на нее. В выражении ее лица Харриет могла заметить только интерес, никакой жалости или сочувствия, ни тени неодобрения. Она подумала, что, хотя она и не могла извлечь никакой пользы из предупреждения Элисон, она была ей признательна за него.

Она понимала ценность новой дружбы, где ее принимали такой, какой она стала теперь, а не была в воспоминаниях о былых временах. Она встала и направилась к креслу Элисон. Неловко, потому что она не умела проявлять своих чувств, Харриет обняла ее и тут же отдернула руку.

Это Джейн сжимала в объятиях, гладила по голове, брала под руку и, подумав о ней, Харриет вспомнила иную дружбу, отличную от этой и имеющую свою ценность. И тогда предупреждение попало в цель.

— Спасибо, — Харриет улыбнулась ей. — Я счастлива, делая то, что я теперь делаю.

Она сунула руку в карман и вынула пару тяжелых, старых ключей.

— Взгляните. Том Фрост одолжил мне ключи от «Бердвуда».

Харриет должна была повидать председателя приходского совета. Она уже осторожно посетила священника и некоторых членов «Ассоциации Эвердена» и, по совету Элисон, всех тех местных жителей, которые, по всей вероятности, могли быть восприимчивы к ее идеям.

— Я ждала, когда вы приедете домой, чтобы мы пошли и посмотрели все вместе.

Элисон вздохнула, но встала с кресла. В середине мая было светло до девяти часов. Было достаточно времени, чтобы пойти с Харриет посмотреть на дом ее мечты и вернуться до темноты.

— Похоже на кошмар, — вздрогнула Элисон, когда со скрипом открылись тяжелые двери. К их ногам ветром нанесло сухие листья и мусор.

Харриет и Элисон вошли в коридор. Свет был тусклый, и Харриет включила большой фонарь, который принесла с собой. Там были точно такие изразцовые плитки, какими она себе их и представляла; замысловатый узор напоминал шотландский клетчатый плед, в котором перекрещивались цвета буйволового кожи, терракотовый, оливково-зеленый, каштановый, ярко-голубой, и все они уходили в глубь дома.

Луч фонаря переместился вверх. Он двигался по широкой лестнице, освещая тщательно отполированные массивные колонны, шары красного дерева, покрытые серой пылью, замысловатые столбики и балюстраду галереи на втором этаже.

Элисон снова поежилась, это было совсем уж показным, но Харриет медленно пошла вперед. Через высокие дверные проемы и готические арки они могли увидеть комнаты, уходящие внутрь, затемненные деревянными щитами, которые были прибиты гвоздями к окнам. Свет фонаря проникал глубже.

На голых досках пола выделялись нелакированные прямоугольники, которые когда-то покрывал замечательными турецкими коврами «мыльный» фабрикант. На мраморных каминных полках были выставлены восковые фрукты под стеклянными колпаками, цветное стекло и ничем не закрытые серебряные подсвечники под густым слоем пыли. На оштукатуренных потолках, украшенных гирляндами из листьев и фруктов, от сырости проступили коричневые пятна, а в тех местах, где обвалилась штукатурка, виднелась дранка.

В углах комнат валялись ненужные вещи: скомканные газеты, сломанные стулья, собранная в кучу штукатурка. В углу одной из комнат стояла метла, прислоненная к стене так, как будто подметающий вдруг почувствовал, что не в состоянии выполнить эту задачу, а в другой комнате точно так же были брошены старые садовые грабли.

Харриет и Элисон молча продолжали свой путь до тех пор, пока не дошли до самого конца и не оказались в кухне с каменным полом, в которой большие старые плоские раковины служили убежищем для колоний пауков, а под медными кранами засохли какие-то отбросы. На самой дальней стене висел кухонный шкаф для посуды, предназначенной для больших приемов, с сушилками и крючками, но в нем не было ничего, кроме паутины.

— Давайте заглянем наверх, — прошептала Харриет.

Они вернулись обратно и поднялись по лестнице на галерею. Элисон машинально положила пальцы на перила, но тут же отдернула их, испачканные пылью.

Окна спален, выходящие на галерею, не были заколочены досками, и вечерний свет, проникающий через темные стекла, казался ослепительным после темноты внизу. Харриет выключила фонарь.

Повернув головы, они увидели растрескавшийся потолок и карнизы с пятнами сырости, камин, заваленный мусором, и дверцы зияющих шкафов, провисающие на своих петлях и

обнажающие вспученные коричневые внутренние поверхности и полки, покрытые пожелтевшими листами газет. Стены спален, следующих друг за другом, представляли собой галерею обоев с увядшими розами, птичками в гирляндах из листьев и потертыми пастушками на драпировочных тканях.

Другая лестница, узкая и изгибающаяся под неудобным углом под скатом крыши, привела их на самый верхний этаж в спальни горничных. Здесь, наверху, маленькие черные каминные решетки были узкие, словно щели, и, казалось, что в них могут одновременно гореть лишь два уголька.

Полы из расколовшихся досок были местами покрыты безобразными скользкими лишайниками и зеленоватым мхом, а когда они взглянули наверх, то на этот раз они могли увидеть белеющее вечернее небо через прогнившие балки и разбитые шиферные листы. Над головой кружились птицы, готовясь устраиваться на ночлег на высоких деревьях. Харриет думала об их предшественниках, которые несколько поколений тому назад дали дому имя «Бердвуд».

И наконец, в самом высоком углу дома они подошли к маленькой полукруглой комнате на самом вершине башенки.

— Я хотела прийти сюда, — прошептала Харриет.

Крошечные окна с круглым верхом позволяли осмотреть близлежащую местность с углом охвата двести градусов. Харриет наклонилась, чтобы посмотреть в одно из этих окошек на дома, цветущие фермы и извилистые дороги, ограниченные двумя рядами изгороди из боярышника.

Комната в башенке была похожа на обсерваторию или на наблюдательный пункт, принадлежавший какому-нибудь более древнему зданию, крепости или замку.

— Замок мистера Фарроу, — произнесла она вслух. Почти прямо под ней в середине широкой аллеи виднелся коттедж мисс Боулли.

Элисон была сердита.

— Это преступление, — сказала она. — Допустить, чтобы все пришло в такой упадок.

— Вы не знали, что этот дом принадлежит Эвердену?

— Нет. Не знала до тех пор, пока вы мне не сказали. Я не удивляюсь, что никто не говорит об этом.

Предположение Чарли Тимбелла оказалось, конечно, правильным. Харриет во время своих осторожных визитов узнала, что Эверден отнюдь не гордится своим пренебрежительным отношением к «Бердвуду». Но, как вздыхая сказал ей священник, они оказались в почти безвыходном положении. Дом по завещанию навечно принадлежал деревне, но не было средств на его содержание. Хотя никто даже не намекнул, Харриет поняла, что они оставят дом постепенно разрушаться до тех пор, пока его будет даже невозможно спасти, и тогда они, опечаленные и полные раскаяния, тихо продадут его. Специальные рабочие, орудуя шаром на цепи, снесут этот дом, чтобы очистить место для новых доходных домов. Кит Боттрилл ждал.

— Можем ли мы теперь уйти? — спросила Элисон. — Все это угнетающе действует.

— И в равной степени бросает вызов, — ответила Харриет. — Да, давайте пойдем домой.

Они стали спускаться, и под звуки тяжелых шагов по старым доскам Харриет представила себе, что она слышит другие звуки: коварный шум падающих капель, треск балок, грохот падающей штукатурки — звуки разваливающегося «Бердвуда».

Она думала о своих деньгах, как о бетоне, который она могла бы влить, чтобы укрепить этот дом.

«Мой замок», — подумала она.

Расстался бы Эверден с этим домом в обмен на требующееся ему расширение деревни. Или они предпочли бы увидеть, как Кит Боттрилл его совершенно разрушит?

Харриет не верила в это. Тревога Элисон, вызванная всем тем, что она увидела, усиливала ее оптимизм. Снова заперев двойные двери, она подумала, что «Бердвуд» мог бы заинтересовать Дэвида Хоукинза.

Был мягкий пасмурный вечер, и скоро стемнело. Когда Элисон и Харриет возвращались по тропинке к коттеджу, им снова понадобился фонарь.

Когда Элисон распахнула парадную дверь, они увидели коричневый конверт, лежавший внутри дома на полочке для ног. Элисон подняла его и стала рассматривать. Когда она увидела имя адресата, она передала его Харриет.

— Это вам.

Внутри конверта находился только один сложенный листок дешевой почтовой бумаги. Харриет прочитала короткое послание. Оно было написано старомодным почерком с аккуратными поставленными точками над буквами «i» и с черточками, перечеркивающими буквы «t».

Дорогая мисс Пикок, я не намерена принимать ваше предложение. Деньгами нельзя купить все, как бы вы в это не верили. Я не продам своего дома и земли.

Искренне ваша Э.В. Боулли.

Чтобы удостовериться, она перечитала его снова. Харриет понимала, что без земли мисс Боулли у нее совсем нет никаких средств, чтобы пойти в атаку против Кита Боттрилла. Все идеи и планы архитекторов, объявления, плакаты — все это будет пустой болтовней, если она не будет управлять этим участком земли, вклинивающимся в строительную площадку.

«Если бы я предложила мисс Боулли меньше денег, — подумала Харриет. — Или если бы предложила их иначе или вручила более деликатно». Харриет чуть не вскрикнула от разочарования и крушения своих планов.

Элисон пристально взглянула на нее:

— Что случилось?

— Мисс Боулли не продаст.

Элисон выдохнула:

— О, Боже! Значит, это конец всему?

На этот вопрос у Харриет был немедленно готов ясный ответ. Конечно, это был не конец. Рано или поздно она получит так или иначе то, что хочет.

— Нет. Конечно, нет. Мы должны как-то обойти эту проблему, завоевать деревню и общественное мнение.

Она сложила послание мисс Боулли и засунула его в карман.

— Элисон, у вас есть шампанское?

— Где-то должна быть бутылка.

— Тогда давайте откроем ее и выпьем за строительный участок «Бердвуда», за стадию номер один, и к черту все остальное!

Элисон покачала головой, но Харриет улыбалась.

— Ладно. Если вы так сказали. Стадия номер один, благодаря ловкости рук.

Деревенский зал в Эвердене располагался в квадратном шлакобетонном здании, которое стояло немного в стороне от главной улицы, позади «Снопа пшеницы», на своем собственном огороженном забором участке, заросшем травой. На доске объявлений у ворот подробно сообщалось о летней ярмарке и расписании игр местной крикетной команды, а в самом центре доски объявлений было помещено квадратное объявление — черные буквы на неярком зеленом фоне.

Там было написано: **ДЕЙСТВИЯ В ЗАЩИТУ ЭВЕРДЕНА**. Под заголовком стояла дата, затем шли время и приглашение на собрание общественности, которое состоится в зале деревни Эверден. Объявление Харриет было сделано на высоком профессиональном уровне. Как же сильно оно отличалось от нежно-розового объявления, которое она впервые увидела в деревенском магазине и которое напомнило ей детскую игру «принеси и покупай».

Она не посмотрела на зеленое объявление, когда проходила мимо. Оно было знакомо ей, так как на каждом углу или в каждом оживленном месте по всей деревне можно было увидеть это объявление. Она выбрала кратчайший путь по пригорку, поросшему травой, ее внимание было приковано к двери зала. Но как только она оказалась внутри, она подвергла критическому осмотру и зал, и все его оформление.

Нагроможденные в зале стулья теперь были расставлены на нужном расстоянии друг от друга свободным полукругом вокруг сцены, расположенной в противоположном конце зала. Прямые линии казались бы формальными и отпугивали. Она же хотела, чтобы жители и налогоплательщики Эвердена почувствовали, что это не ее, а их собрание.

Затем она прошла на несколько шагов вперед и переставила стулья в последнем ряду на большее расстояние друг от друга. На случай, если придет мало народу, зал должен хотя бы выглядеть как можно более заполненным, а если явится прямо толпа, то можно будет вынести стулья из склада за сценой. Стульев было меньше, чем тех людей, которых, как она надеялась, привлечет это собрание; необходимость увеличить количество мест была ей приятна.

На стенах было много зеленых объявлений, а между ними были большие крупнозернистые фотографии. Слева висели фотографии строительных участков Боттрилла, а справа — несколько законченных планов Дэвида Хоукинза и наполовину законченного строительного участка, который посетила сама Харриет. Ей нравился контраст между ними. Над сценой висело большое полотнище с написанным в одну строку призывом, которым она тоже была довольна; это придавало празднику что-то домашнее, что и требовалось, по мнению Харриет. Слова призыва: «ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ БОТТРИЛЛУ — ЭТО ДЕЙСТВИЕ ЗА ЭВЕРДЕН», были написаны от руки. Она сама придумала этот призыв и не хотела отказываться от него только потому, что Дэвид Хоукинз слегка подшучивал над ней по этому поводу.

Сидя за Столом под полотнищем, Дэвид Хоукинз и Энтони Фелл, главный архитектор, пили из банок пиво и ждали ее. Ноги Дэвида лежали на столе в нескольких дюймах от масштабного макета строительного участка «Бердвуда». Только Харриет, Дэвид и команда архитекторов знали, что он наскоро собран по частям.

Дэвид подал ей знак рукой, указывая на свою банку пива.

— Вы удовлетворены?

— Извините за опоздание, — сказала Харриет.

Она нервничала, и позволяла себе это вместо того, чтобы попытаться подавить волнение, как могла делать это когда-то. Она опоздала, потому что после того, как она вышла из коттеджа Элисон, она снова вернулась туда, чтобы сменить свой официальный костюм с широкими плечами на что-нибудь другое, более женственное. Сейчас она взглянула на часы. Собрание должно было начаться через полчаса. Если она правильно оценивала любопытство деревенских жителей, то первые посетители могут появиться уже в любую минуту.

— Не хотите ли пива? — спросил Энтони Фелл, произнося слова с подчеркнутой медлительностью.

— Нет, спасибо.

Харриет подавила в себе острое желание сказать им, чтобы они сели, как полагается, и убрали пустые банки со стола. Но это был ее собственный стиль, а не их. Она принялась переставлять стулья, а затем заняла свое место на сцене между двумя мужчинами. Они ждали, а над их головами сквозняк через открытую дверь развеивал полотнище с призывом.

— А что, если никто не придет, — подумала Харриет. — Вообще никто? Что тогда?

Но они пришли почти в ту минуту, как ее охватило волнение. Они медленно входили парами и втроем, занимая сначала места подалеже от сцены и перешептываясь тихими голосами, словно они были в церкви, разглядывая всех троих на сцене. Как только первые прибывшие заняли свои места, Энтони и Дэвид приняли деловой вид, усаживаясь за своими макетами с домиками величиной со спичечный коробок и крохотными пушистыми зелеными деревьями, но ни один человек из Эвердена не осмелился подняться на сцену, чтобы рассмотреть макет. Потом, попозже, решила Харриет, она должна будет каждого из них уговорить и предложить подойти и посмотреть.

Не имело значения то, что размеры строительного участка были даны наугад, что на макете сельские улочки с маленькими коттеджами были спешно заимствованы с других строительных проектов, что весь план представлял собой лишь идею вместо реальности в миниатюре.

Харриет и хотела продать именно идею. Ей хотелось, чтобы жители Эвердена восхитились ее «мыльным пузырем». И если бы они восхищались им, то она смогла бы начать работу.

Прошло полчаса, и тихое бормотание превратилось в громкий гул голосов; ранее пришедшие приветственно махали руками опоздавшим; с грохотом сдвигались вместе стулья; сидевших на сцене бесцеремонно и открыто рассматривали. Спокойно оглядывая ряды лиц в то время, как Дэвид и его партнер разговаривали тихими голосами рядом с ней, Харриет сделала вывод, что ее аудитория состоит из самых разных людей. Молодые пары сидели рядом с бизнесменами в костюмах, женщинами в серьгах и старыми дамами с «перманентом», и все они ждали, чтобы услышать то, что она пришла им сказать.

Неизвестно почему Харриет вдруг вспомнилось собрание акционеров «Пикокс», хотя и не было ни малейшего сходства. И эта мысль принесла каплю чистого приятного адреналина ей в кровь.

За головами священника, Тома Фроста и других членов приходского совета, ее друзей из «Снопа пшеницы» и еще ряда лиц, которых она не знала, Харриет увидела Элисон, сидящую в конце зала. Это было в среду вечером, и Харриет не ожидала увидеть ее, но она была рада, что Элисон пришла.

Она вспоминала вопрос, который задала Элисон, и ее предупреждение. Но сейчас ее осенило, что, делая все это, она была счастлива. В данный момент она была счастлива. Она делала то, что ей хорошо удавалось, и этого было достаточно, чтобы почувствовать удовлетворение.

Элисон подняла руку, словно она прочитала мысли Харриет, в шутливом приветствии. Тяжело ступая, одна, вошла мисс Боулли и села в дальнем конце зала. Как-то особенно отчетливо стало заметно ее сходство с каким-то млекопитающим. Харриет улыбнулась, приветствуя ее и надеясь, что ее улыбка не была окрашена разочарованием или стеснительностью.

Харриет снова взглянула на свои часы. Точно в назначенное время она встала. Она нервничала, но ее волнение было частью пронизывающего всю ее душу состояния достижения вершины. Когда она поднялась на ноги, она почувствовала себя высокой и гибкой, словно она могла вытянуться и достать то, чего она когда-то не могла ухватить. Гудение и жужжание стихло, беседы закончились, наступила тишина.

Харриет просто сказала:

— Добрый вечер. Спасибо за то, что вы потрудились прийти сюда сегодня вечером. Я надеюсь, мы не задержим вас слишком долго, но я верю, что то, что вы сейчас услышите, будет важно для Эвердена и для новой общины, которая будет создана на строительном участке «Бердвуда».

Пока она говорила, она чувствовала, что они наблюдают за ее лицом. Она не улыбалась, но и не хмурилась, ее мускулы плавно и спокойно двигались под чистой зажившей кожей. Она подумала: «Они могут смотреть. Ничего страшного». Некоторые из них пришли посмотреть на «Девушку Мейзу»; это старое пошлое имя все еще тянулось за ней. Они смотрели на имя, которое было связано с Каспаром Дженсенем; мужчины в костюмах наверняка знали либо всю историю «Пикокс», либо часть ее.

Харриет почувствовала, что ей это безразлично. Если они пришли в этот зал, потому что они прочитали о ней или видели ее фотографию в газетах, если они пришли из любопытства, то, по крайней мере, ее имя что-то значит. Они останутся послушать, а она заставит их услышать.

Пальцы Харриет раздвинулись и вытянулись, как будто она подняла их, чтобы коснуться очертаний своего лица, но она удержала их, и ладони спокойно легли на поверхность стола, за которым она стояла на сцене. В углу подбородка у нее оставалась маленькая опухоль, видимо, в результате неправильно сросшейся кости, которую можно было обнаружить только наощупь.

На ее лице уже не было видно опухолей, и глаза появились из-под желтоватой плоти. Лицо стало прежним. На нее напали, но теперь она полностью восстановилась, с этим было покончено. Она забыла о своем поражении.

Это было ее «общественное» лицо, и она надела его сегодня вечером, чтобы скрыться за ним и действовать так, как ей было удобно. Если это поможет ей заполучить «Бердвуд», то она будет благодарна ему, и если она счастлива сейчас, то это было осознание того, что этот зал принес ей чувство удовлетворения.

— Позвольте мне изложить свою идею, — сказала Харриет своим слушателям.

Она начала с описания деревни, которая в миниатюре лежала перед ней. На этот раз она подняла пальцы, чтобы прикоснуться к крышам маленьких домиков и проследить направление узких улочек. Харриет говорила о «Бердвуде» так, словно он уже существует так

реально, как и сам Эверден, и она пригласила свою аудиторию совершить путешествие по нему.

— Здесь расположена зеленая деревня, — произнесла она, — а вот здесь — дома побольше для семей, а это — первые коттеджи для сдачи в аренду или для продажи.

Она ни разу не сказала:

— Здесь будет находиться...

Она описывала мастерские так, как будто там уже работают модельеры трикотажных изделий и гончары, как будто уже есть здание для проведения культурных и общественных мероприятий под крутой крышей и полным ходом осуществляется программа всей деятельности, а счастливые малыши, только начинающие ходить, играют в саду, который обнесен оградой.

Люди в зале внимали каждому ее слову.

Слушая ее, Элисон не могла не восхищаться. Необыкновенный, замечательный дар убеждения, которым обладала Харриет, был заразительным. Элисон до сих пор была в душе убеждена, что весь план «Бердвуда» был плодом фантазии Харриет, тщательно продуманным и искусно выполненным. Она не доверяла этой явной утопии так же, как и беспринципности Боттрилла, но она удержалась от комментариев.

Она предполагала, что эти планы были отдушиной для энергий Харриет после «Пикокс», она также допускала, что все это закончится ничем. Но сегодня вечером ей впервые пришло в голову, что строительный участок в «Бердвуде» может оказаться чем-то реальным, а не просто игрой воображения. Когда она впервые встретила Харриет, она была поражена ее прямотой, искренностью, целеустремленностью и преданностью своему делу, а также безусловной решимостью заявить о своих намерениях, и о том, как воплотить их, по ее мнению, наилучшим образом. Все это делало ее роль в том интервью трудной, но интересной.

Такая решимость сегодня вечером, как по волшебству, вызвала в воображении людей деревню «Бердвуд», которая уже не витала в воздухе, а прочно стояла, созданная из кирпича и камня. Это убедило и Энтони Фелла, архитектора общины, о котором Элисон читала где-то что-то весьма лестное, приехать сюда и сидеть на сцене перед любопытными и полными подозрения жителями Эвердена. Это уже было своего рода достижением.

Элисон скрестила руки и откинулась на сантиметр на стуле, ожидая, что же будет дальше. Она вспомнила, как Харриет говорила ей, что добиться желаемого результата можно лишь тогда, когда либо полным ходом идешь прямо к цели, либо тогда, когда туда выносит удача. При мысли о том, что Харриет могло бы куда-нибудь унести, Элисон улыбнулась.

Харриет говорила еще примерно около пяти минут. Она говорила бегло и так просто, как будто обращалась к единственному слушателю, а не к полной аудитории. Закончив свое путешествие по макету, она представила Энтони и Дэвида и жестом предложила Энтони вести собрание дальше. Когда она села, наступило короткое молчание, словно аудитория была этим огорчена.

Элисон подумала: «Это было удивительно удачно».

Собрание продолжалось. Архитектор объяснил свои теории и соображения относительно новых укрупненных общин, а Дэвид кратко изложил результаты их предшествующей совместной работы, указывая на большие фотографии, висевшие на стене справа.

Люди в зале беспокойно задвигались. Стулья заскрипели, послышалось, как люди

перешептывались и зевали. Но когда Харриет снова встала, наступило молчание. Мужчина, сидящий перед Элисон, наклонился вперед, чтобы лучше слышать.

Элисон была теперь уверена: «Она их покорила».

— Вы очень терпеливо выслушали наши предложения, — произнесла Харриет. — Как я уже сказала в самом начале, «Бердвуд» — это только идея. И он никогда не станет ничем иным без вашей поддержки, без вашей веры в него. Я надеюсь, что когда вы сегодня вечером придете домой, вы обсудите это. Но до того, как вы уйдете, вы должны узнать, что имеется альтернативный план. Большинство из вас уже знает об этом, потому что видели плакаты и слышали предложения и рассуждения местных жителей. Я могу сказать немножко больше о нем и его застройщике, который стоит за ним. Харриет протянула руку и указала на фотографии на противоположной стене, сверкнув при этом своим большим квадратным бриллиантом.

Элисон повернула голову вместе со всеми остальными. Она не могла сказать наверняка, но догадывалась, что Харриет нашла профессионального фотографа, очень умелого, который быстро выполнил нужную ей работу — заставил зрителей посмотреть на результаты работы фирмы «Кастория» с новой неожиданной точки зрения.

Глядя на эти фотографии, казалось, что глухие стены и шаткие заборы тесно прижаты друг к другу, а окна, которые казались слишком маленькими, чтобы пропускать свет, пристально разглядывают друг друга из-за угла через узкие полосы раскопанной, вздыбленной земли. На одной из фотографий были такие же дома с неприглядным крыльцом, похожим на гроб, и окнами, похожими на щели, протянувшиеся на всю глубину пространства, которую мог захватить объектив фотоаппарата. Казалось, что между ними не хватит места, чтобы пройти рядом двум людям.

Это был разительный контраст с пасторальной идиллией, которую предлагал Энтони Фелл.

Харриет тоже посмотрела на фотографии.

— Постройка домов с высокой плотностью для молодых богатых семей, — объявила она. — Максимальное количество подобных или почти подобных домов плотно упаковывается на строительной площадке для последующей быстрой продажи и получения максимальной прибыли на капиталовложения одинаковым или почти одинаковым семьям из среднего слоя руководящего персонала частных компаний, как правило, приезжим.

Фотограф был дорогим, но свою работу сделал отлично. Харриет прошла длинный путь от черного с белым парашютного шелка и стенда с солнечными лучами из полистирола на ее первой экспозиции на Ярмарке игрушек в Эрлз-Корт.

— Типовая застройка Кита Боттрилла. Его предложение относительно строительного участка в «Бердвуде», которое предстанет перед подкомиссией по планированию через несколько дней, будет, в сущности, таким же. Мистер Боттрилл является застройщиком. Он заинтересован исключительно в прибыли. Некоторые из вас познакомятся с его репутацией. Другим не придется.

Когда Харриет говорила, Элисон почувствовала, как у нее на затылке поднимаются волосы. Она осмотрела зал с восхищенной аудиторией, думая о том, сколько же мужчин в костюмах являются шпионами Боттрилла.

Вероятно, Харриет была осторожной, возможно, ни одно из ее заявлений не было явно клеветническим, почти наверняка большинство из них действительно были неголословны. «Ее приятель, журналист Чарли Тимбелл, должно быть, помог ей раскопать необходимые

факты», — подумала Элисон. Но это был потрясающий спектакль. Ее оценка методов и достижений Боттрилла была не иначе, как беспощадной.

Элисон пришло в голову, что, хотя она никогда в жизни не встречала финансиста Харриет, она может ясно себе представить, каким он должен быть. Оба они потрясающе подходили друг к другу. Жаль, что они не могли продолжать вместе. Наблюдая за ней сейчас, когда она овладела залом, Элисон была убеждена, что противодействовать Робину Лендуиту, вызвать его вражду, было одной из редких ошибок Харриет, как в личных, так и в профессиональных отношениях.

— Итак, я прошу вас, — спокойно заключила Харриет, — обдумать, позволите ли вы этому человеку построить свой вариант деревни на этой зеленой и прекрасной земле рядом с Эверденом? — Это был, пожалуй, ее единственный дешевый театральный жест, но Элисон подумала, что и он был продуманным и своевременным.

Снова наступила тишина, а потом раздалась бурные аплодисменты.

Именно Энтони Фелл поднял, наконец, руку.

— Если есть какие-либо особые вопросы, мы были бы рады ответить на них. Прямо сейчас или после собрания в индивидуальном порядке. И макет находится здесь для того, чтобы каждый, кому захочется, мог изучить его более внимательно.

Его рука очень выразительно задержалась над узкими дорожками между живыми изгородями, над садами и группами маленьких, покрытых корой искусственных деревьев.

Поднялся какой-то мужчина. Харриет узнала Рона, одного из метателей стрел из «Снопа пшеницы». Он почувствовал себя неловко, когда оказался на ногах перед таким большим количеством людей, и быстро заговорил.

— Весь вопрос заключается в том, что от нас ожидается и что мы должны делать? Фотографии, макеты, идеи — все это замечательно, и я не думаю, что найдется хоть одна душа в Эвердене, которая захочет выбрать вот тот другой проект, чтобы построить там свои дорогие дома. Я имею в виду нас, простых жителей деревни, а не членов совета или кого-то другого вроде них.

Он достаточно пришел в себя для того, чтобы бросить взгляд через зал в ту сторону, где сидело большинство членов приходского совета. Харриет могла лишь догадываться о неуловимых подводных течениях в деревенской политике и надеяться, что они пойдут скорее вместе с ней, чем против нее.

— Это не в наших руках, верно? Кто бы ни выиграл, нам следует принять это, как должное.

Харриет приветливо улыбнулась ему.

— Вы можете помочь нам выиграть, если вы решили, что предпочитаете этот вариант тому.

Бриллиант на ее правой руке снова коротко сверкнул, когда она указала на фотографии.

— Вы можете написать в комитет по планированию. Напишите вашему члену парламента. Включитесь в работу ассоциации жителей Эвердена. Распространяйте материалы «Действия в защиту Эвердена». Есть множество вещей, которые вы можете сделать, если вы действительно хотите помочь нам.

«Именно энтузиазм и несомненное дружелюбие голоса Харриет подействовали на них сильнее, чем то, что она сказала», — подумала Элисон. В зале снова послышался гул голосов, тихое жужжание исходило от рядов стульев, в нем звучали интерес и решимость.

Когда Рон сел, он выглядел самодовольным. Со своей удобной позиции Элисон могла

видеть затылки кивающих голов. Завтра письма к властям начнут опускаться в почтовый ящик на наружной стене деревенского магазина.

Последовал еще ряд вопросов, касающихся транспортных проблем и улучшения сферы обслуживания, а также того, будут ли местные жители иметь преимущества при покупке домов. Дэвид и Энтони отвечали им доброжелательно и терпеливо. Элисон заметила, что уровень интереса к специальным вопросам был невысок. Собрание усвоило в общих чертах план Харриет, и именно это занимало всех сейчас.

Затем поднялась женщина, которую Элисон не знала. Она была одета в темно-синий джемпер, несколько напоминающий морскую форму, и полосатую рубашку с отложным воротником. Элисон догадалась, что она была жительницей с окраины Эвердена, из одного из больших домов за пределами деревни с теннисными кортами в уединенных садах и новыми оранжереями, верхушки которых были едва заметны с узкой дороги между живыми изгородями. Ее муж, возможно, работал в Лондоне.

— Есть один само собой напрашивающийся вопрос, который никто не задал. — Ее голос подтвердил догадку Элисон.

Харриет любезно посмотрела ей в лицо.

— Как в каждом плане предполагается, если это вообще предполагается, поступить с самим бердвудским домом?

Харриет ожидала услышать такой вопрос и подготовилась к нему. Возможно, женщина в полосатой рубашке совершала прогулки мимо «Бердвуда» и рискнула, как и сама Харриет это сделала, подойти к дому по подъездной аллее, возможно, фантазировала, как можно было бы продать удобный старый дом приходского священника и восстановить эту полуразвалину, вернув ей викторианско-готическую славу, на зависть всем соседям. Может быть, она была настоящим консерватором, может быть, просто любопытной.

Харриет сглотнула. С тех пор, как она вошла внутрь облицованного изразцом холла вместе с Элисон и при свете электрического фонаря взглянула наверх, на богато украшенную галерею, «Бердвуд» стал предметом ее мечты. Она защищала его, хотя у нее было на это не больше прав, чем у женщины в полосатой рубашке.

— Я не могу вам сказать, что представляет собой план компании «Кастория». Они не присылают мне бесплатной информации... — Тотчас в зале раздался вежливый смешок. — Так что я могу только догадываться. Но если судить по их прошлым действиям, то я могу представить себе, что если бы они были в состоянии купить дом и землю, на которой он стоит... — Харриет не смотрела на членов совета. Вместо этого она глаз не спускала с той, которая задала вопрос, — они бы без колебаний и сомнений снесли бы это здание и втиснули бы на этот участок столько новых домов, сколько смогли бы. Это, конечно, только мои предположения.

— А как насчет вашего собственного плана?

Харриет снова почувствовала легкую пульсацию в подбородке, в том месте, где был перелом. Она подавила желание потерять это место.

— Дом был бы спасен. Он был бы полностью отреставрирован со всей тщательностью.

— Как частный дом?

— Он так и был задуман с самого начала. Мистер Ферроу построил его, как дом для своей семьи, которая и занимала его с тех пор, за исключением последних нескольких лет, когда он, к сожалению, пустовал.

— Но дом был завещан Эвердену, чтобы деревня его использовала, не так ли?

Муж этой женщины, полный мужчина в очках, сидел рядом с ней. Он поднял на нее глаза. Харриет не могла точно сказать, то ли он хотел подбодрить свою жену, то ли подать ей знак, чтобы она села и дала бы возможность кому-нибудь другому задавать каверзные вопросы.

— Это так. Но разрушающиеся старые дома дорого реставрировать, а затем содержать в исправном состоянии, как вы знаете, в чем я уверена. В завещании нет такого условия. Это сложный вопрос. Я думаю, что у меня нет права делать критические замечания по этому поводу.

Харриет позволила себе слегка отвести глаза в сторону.

Женщина упорствовала.

— Не намерены ли вы купить «Бердвуд» под прикрытием вашего плана нового строительства и реставрировать его, как частный дом для своего собственного использования или для перепродажи с целью получения прибыли?

Харриет уже сделала свое предложение совету церковного прихода. Это предложение было выражено в форме щедрой суммы наличных. Однако, сделав это, она дала понять с утонченной деликатностью, тактом и предельной сдержанностью, что дальнейшее развитие плана «Бердвуд» зависит от возможности приобретения ею дома и сада на правах свободного землевладельца. Она оставила их, чтобы они обдумали ее предложения.

И поэтому Харриет сейчас улыбнулась женщине. Элисон отметила, что эта улыбка была шедевром дружеского сожаления. Харриет сказала:

— Имеется единственный потенциальный покупатель «Бердвуда». Если дом будет продан, то он будет с любовью полностью тщательно отреставрирован и будут использованы все имеющиеся в распоряжении средства, а сам дом будет занимать, как это и всегда было, надежный, достойный доверия и ответственный владелец. Дом больше никогда не будет выставлен на продажу.

Собрание поддерживало Харриет. Послышались несколько возгласов одобрения, шум от нетерпеливо передвигаемых стульев и шарканье ног.

— Я думаю, что мне больше нечего сказать вам, — закончила Харриет с таким видом, что все решено.

Женщина села, но ее муж, сидевший рядом с ней, поднялся со своего места. Он водрузил на переносицу очки и осмотрел зал.

— Мы слышали о достоинствах одного проекта и о недостатках другого, — нараспев произнес он. — Мой вопрос очень простой. Не для людей, которые заняли сцену, а для тех, кто в зале, то есть для жителей и друзей Эвердена. Разве не потому мы живем в Эвердене, что любим его сельскую красоту? Участок «Бердвуд» — прекрасное место в нашей округе. Почему тут вообще кому-то надо что-то строить?

Послышались ропот, недовольные голоса.

С противоположной стороны комнаты еще один человек в костюме, который прослушал всю дискуссию, сидя со сложенными руками, встал и воскликнул, взмахнув руками:

— Я это полностью поддерживаю. Характерная деревенская особенность Эвердена должна быть сохранена любой ценой.

Как будто после того, как прозвучал какой-то секретный пароль, жители окрестностей Эвердена, разбросанные по залу, вдруг сразу показали себя. Один за другим хорошо поставленные голоса кричали и против Боттрилла, и против Харриет.

Рядом с собой Харриет мельком заметила, как Энтони Фелл прикрыл рукой нижнюю

половину своего лица, чтобы дать выход взрыву гнева.

Жители окраин закупили свои сельские идилии, свои большие дома, скрытые за густыми живыми изгородями, и они пришли, чтобы защитить свои спокойные уголки от всех, кто мог бы попытаться втиснуться в них. Они принимали меры против предложения Харриет, а теперь собирались уничтожить ее.

«Слишком уверенно, слишком скоро», — подумала Элисон. Перед ней вскочил мужчина. Она узнала Джеффа, родившегося в доме, который стоял на главной улице Эвердена и в котором он все еще жил. Его рев перекрыл громкие голоса:

— Наша деревня? Чья эта чертова деревня, как вы сказали?

Что вы делаете для этой деревни, кроме того, что в восемь утра вы выметаетесь из нее, а в восемь вечера тащитесь назад. Вы даже фунта сахара не купите в магазине, разве не так? И не говорите мне о дорогой и прекрасной общине, приятели.

Последовал еще один вал криков, но длинноволосая девушка из «Снопа пшеницы» выкрикнула громче всех:

— Нам нужны дома. Нам нужны дома, которые мы можем себе позволить, а не такие, как у вас. Нам нужна эта новая деревня, и мы получим ее. Это тот стимул, который нужен всем нам.

Еще большее количество людей вскочило на ноги. Деревенский зал превратился в море злых лиц и размахивающих рук. Элисон почувствовала нарастающий прилив скрытой враждебности между вновь приехавшими в деревню и местными. Настроение собрания в долю секунды качнулось от доброжелательного к воинственному, и Элисон тотчас увидела, что гнев не только захватил обе фракции, но и направился на Харриет, Дэвида и Энтони, сидевших на сцене. Она следила за Харриет, чтобы увидеть, как она поступит.

Харриет встала, опираясь о стол, стоявший перед ней, суставами пальцев сжатых кулаков. Одно мгновение она простояла молча, наблюдая за лицами и вслушиваясь. Внезапный взрыв глубинного возмущения пугал, но что-то в этой жестокости привлекало Харриет. До этой минуты собрание проходило слишком гладко, и не было в нем ничего такого, что хоть кто-нибудь мог запомнить. Теперь же все присутствующие будут вспоминать этот момент, и у каждого из них будет свое мнение. Харриет знала, что ей необходимо завоевать эти мнения.

Она подняла голову.

— Это хороший вопрос. Почему нужно вообще что-то строить? — Ее голос был отчетливо слышен и увлекал за собой. Лица обернулись к ней, и шум уменьшился.

«Скажи им, — убеждала сама себя Харриет. Если она и научилась чему-нибудь от «Мейзу» и «Пикокс», так это выходить из затруднительных положений и превращать невыгодное положение в благоприятное, вред и ущерб в преимущество, утрату в пользу. В ее голове послышались такие звуки, как будто скатываются и щелкают цветные шарики.

— Да послушайте же меня, и я скажу вам, почему, — выкрикнула Харриет.

Она не стала пытаться убеждать жителей окрестностей, что было бы социально выгодным для Эвердена приобрести всю общину с построенными в традиционном стиле домами, которые им по средствам.

Вместо этого, на языке Сити, привычном для нее и мужчин в костюмах, она дала понять, что если ни «Кастория», ни ее собственная компания не получат строительного участка, то, наверняка, его получит другой застройщик. Судьба «Бердвуда» предрешена и, в конце концов, он уступит место новому строительству.

— Больше не стоит вопрос: стоит ли строить, а встает другой: какой план застройки вы предпочли бы.

В поддержку этого разнесся гул, но он не заглушил голоса оппозиции.

— Вовсе нет, — выкрикнул мужчина в очках. — Новая застройка отнюдь не является неизбежной. Почему бы нам не спросить мисс Боулли? Мисс Боулли не хочет этого, не так ли?

Все собрание повернулось, все вытянули шеи вперед, чтобы лучше разглядеть ее. В ответ мисс Боулли нахмурилась и сердито посмотрела. Но затем, все еще хмурясь, она поднялась на ноги и, тяжело ступая, пошла вперед в своих вечных высоких сапогах. Она не поднялась по двум ступенькам на сцену, а остановилась перед ней, такая маленькая конусообразная фигурка.

Харриет пристально и холодно посмотрела на ее желтовато-коричневый вязаный берет. Теперь станет общеизвестным, что ей не удалось купить ключевого куска земли. Теперь Боттрилл услышит, что ее единственное оружие — это честолюбивая, пустая болтовня и привлекательные планы.

Ей казалось, что пульс в челюсти был, как кузнечный молот.

Мисс Боулли ткнула пальцем на большие фотографии.

— Некоторым людям, которые разглядывают эти вещи, это могло бы показаться пристрастным изображением. Вы могли бы подумать, что это нечестное представление человеческой работы, те из вас, которые любят размышлять, глядя на ловкие фотографии, которые искривляют и сжимают все вокруг так же, как и эти.

Харриет не осмеливалась взглянуть ни в одну сторону — ни на Дэвида или Энтони, ни на женщину в полосатой рубашке или на ряды лиц, которые теперь всматривались в мисс Боулли, а не в нее. Она остановила свой взгляд на макушке головы Элисон в конце зала и ждала, что произойдет.

— Ну, я могу сказать вам кое-что даром. Я встречала некоторых молодых людей, которые работали для него. — Ее палец снова ткнул на фотографии Боттрилла. — Мне они не понравились. Все были милые, пока им было кое-что нужно, а когда они поняли, что они этого не получают, то они сразу же стали отвратительными. Они даже не побоялись угрожать мне тем, что может случиться, если я не буду сговорчивой и не продам им своей собственности. Шум, большие грузовики, рабочие, а потом вообще никто не захочет купить мой дом.

Мисс Боулли многозначительно захихикала. Харриет сидела неподвижно, боясь пошевелиться.

— Я бы не продала таким и фунта ежевики из своей живой изгороди. — И она снова ткнула пальцем на фотографии.

Раздался приглушенный смех. Мисс Боулли даже не улыбнулась. Она обернулась и указала на Харриет, сидевшую позади нее.

— А потом пришла вот эта. Она не предлагала соглашения, написанного причудливыми словами. Она была готова выложить деньги; никаких условий, никаких обещаний купить когда-нибудь, если окажется, что это ей подойдет. Возможно, она была не лучше, чем все остальные, но она сделала мне честное предложение, а у меня есть нюх на такие вещи. Я бы сказала, что она честная, раз уж вы спрашиваете, что я думаю.

Мисс Боулли поискала глазами пару жителей окрестностей и остановила на них неодобрительный взгляд.

— И поскольку вы выбрали меня и мое мнение для публичного обсуждения, я скажу вам, что я слушала то, что говорилось сегодня вечером. И я скажу — она права. На том участке земли будут дома, хотите этого вы и ваши шикарные друзья или нет.

Раздался гром аплодисментов. Мисс Боулли шла по залу к выходной двери, а хлопки следовали за ней. Харриет хотелось уронить голову на руки. Но ее руки дрожали, и она прямо держала голову.

— Благодарю вас, мисс Боулли, — произнесла Харриет ей вслед.

Она не могла бы отрежиссировать этот момент лучше, даже если бы она спланировала и отрепетировала его. «Я не заслужила этого, — говорила про себя Харриет, — но я благодарна ей за это».

Тогда она подумала о Саймоне в его доме и об игре, которую она взяла.

Она почувствовала, как рука Дэвида Хоукинза сжала ее руку. Люди покинули свои стулья и устремились на сцену. Лица склонились над макетом.

— С вами все в порядке? — спросил ее Дэвид.

— Да. Да, со мной все в порядке. Я... не ожидала этого от мисс Боулли.

— У вас везде поклонники, — сухо заметил Дэвид.

Затем были вопросы, на которые нужно было ответить. Палец Энтони снова и снова обводил контуры деревни, и над макетом склонялись головы.

Молодые пары подходили к Харриет, они хотели записать свои имена в список первых домов.

— Это слишком рано, — объясняла им Харриет. — Еще нет никакого списка. Нет строительной площадки. Это только начало. — Она сделала жест, рисуя в воздухе кирпичи и раствор и стараясь соединить их. — Ничего не продвинется дальше, если мистер Боттрилл получит разрешение, если комитет по планированию графства откажется признать документы, представленные нами.

— Мы им напишем, — сказала девушка. — Мы сделаем все, что вы нам скажете. Пожалуйста, запишите куда-нибудь наши имена, хорошо? У меня и Кита нет другой возможности получить собственный дом здесь поблизости.

Харриет узнала их имена и записала на странице своей записной книжки. В толпе она увидела Элисон, которая, кажется, кивала в знак одобрения. Вопросы длились более часа. Наконец как-то вдруг выскользнули последние люди, и зал опустел. Осталась только Элисон, сидящая в первом ряду, вытянув перед собой ноги.

«Что же теперь? — подумала Харриет. — И что все это нам даст? Какую пользу мы извлечем из всего этого?»

Затем снова с шумом распахнулись двери, и снова, как злой дух, появилась мисс Боулли. Под взглядами всех четырех она пересекла зал и остановилась прямо перед Харриет.

Харриет взяла инициативу в свои руки и заговорила первая.

— Вы пришли, чтобы сказать мне, что вы готовы к продаже, мисс Боулли?

— Хорошо, — ответила мисс Боулли, милостивая до конца.

Это были короткие переговоры и обмен обещаниями. Когда Энтони вежливо проводил старую даму до дверей, Харриет, совершенно обессиленная, опустилась в кресло. А Дэвид хлопнул рукой по столу, стоявшему на сцене, и издал победный клич.

— Я думаю, что мисс Боулли вручила нам сделку, — сказал Энтони.

Харриет уютно устроилась в своем кресле. Она была приятно удивлена, увидев восхищенное выражение на трех лицах. Спектакль был окончен, адреналин постепенно

исчезал. Даже от мисс Боулли разве они не получили достаточно?

Они вернутся к нам? — спросила она. — Как вы думаете, вернутся?

Элисон ответила:

— Послушайте. Я поверила в «Бердвуд», словно он уже находится там. У меня было такое чувство, что я могу ходить по улицам и восхищаться домами, что я могу прикоснуться к этим прекрасным кирпичным стенам... — Она взглянула на Дэвида, и это был такой взгляд, что Харриет даже при всей своей усталости не могла не расценить его иначе, как кокетливый. — И даже рвать цветы в этих чертовых садах. И все в этой комнате верили в это тоже. Они представили себе это, и им понравилось. Вы могли бы собрать, по крайней мере, первый взнос на паре улиц, застроенных домами, если бы только попросили у них. Сама я, по-видимому, рассталась бы с деньгами, но я не нуждаюсь в коттедже с двумя спальнями в подлинно кентском стиле. У меня, как и у мисс Боулли, хорошее чутье на такие вещи. «Бердвуд» принесет вам богатство. Ваше второе богатство, конечно.

Харриет понимала, что Элисон шутит, но в том, что она сказала, была доля истины.

Она напомнила им:

— Впереди еще долгий путь.

Но она обнаружила, что ее настроение снова улучшается. Эйфория заразительна, и у нее есть мисс Боулли. Мисс Боулли — это то, что ей даже больше нужно, чем доброжелательность Эвердена.

Сегодня вечером мы далеко продвинулись, — сказал Энтони.

Все улыбнулись, с изумлением признавая это.

— Так давайте пойдем и выпьем за это. Вернемся в коттедж, — пригласила Элисон.

Они собрали плакаты, большие фотографии и полотнище с призывом «ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ БОТТРИЛЛУ — ЭТО ДЕЙСТВИЕ ЗА ЭВЕРДЕН», снова составили стулья, чтобы оставить зал подготовленным к следующему утру для группы детского сада, как и было договорено с комитетом. Последнюю работу в этот вечер выполнил Дэвид, который вытащил из-под сцены набор сложенных щитов, из которых снова собрал детский домик.

Затем они вернулись в коттедж Элисон и пили виски, и по мере того, как опустошалась бутылка, они становились все более шумными и все охотнее смеялись. Элисон заметила, что Дэвид Хоукинз точно оценивал степень ее привлекательности для него. Она также заметила, что он видел только Харриет. Немного погодя она встала, и когда она отвернулась от компании, уголки ее рта собрались, губы сжались, и от этого она стала выглядеть более старой и разочарованной. Тогда она открыла буфет и вынула вторую бутылку виски. Она налила себе еще порцию и, когда села, уже снова смеялась.

Незадолго до собрания комитета по планированию Линда вернулась из школы, чтобы остаться на уик-энд с Харриет. Чтобы это произошло, пришлось провести сложные телефонные переговоры четырех сторон — между Харриет, Ронни Пейдж, секретарем Клэр Меллен в Калифорнии и Каспаром.

— Ей так хочется приехать, — сказал Каспар.

Харриет слушала его замечательный голос. Его не заглушали те мили, которые пролегли между ними, но, казалось, что паузы между его осторожными словами были слишком длинными, чтобы их можно было объяснить только расстоянием.

— Я хотела бы повидать ее.

— Ты умеешь обращаться с детьми. Она всегда слушается, когда ты говоришь. И так было всегда, с самого первого, крайне неприятного для меня дня. — Каспар рассмеялся над этим воспоминанием без всякой самокритики.

Харриет попыталась прорваться через пьяную болтовню. Она могла представить его себе у широкого окна с видом через Лос-Анджелес на Тихий океан и плавательный бассейн в форме ромба, сверкающий снаружи. Она знала, какого уровня в бутылке он достиг, и уже не чувствовала к нему ни привязанности, ни сочувствия.

Она выслушает любого, кто бы с ней ни заговорил.

— С Линдой будет все в порядке. А как ты, Каспар?

— Хорошо. Я рассматриваю пару предложений.

— Я имела в виду тот несчастный случай.

Было еще более продолжительное молчание, пока он мягко не ответил:

— Все это уже отрегулировано.

Харриет могла представить себе адвокатов и агентов, звонки и договоренности, а также уши полицейских и заместителей прокуроров, которых квалифицированно обрабатывали. Деньги за благоразумие, рукопожатия и молчание.

— Тогда, значит, все в порядке, — невыразительно произнесла она.

— А как ты, Харриет?

Даже на расстоянии, даже осознавая, что она делает, ей казалось, что его тепло и очарование трогают ее. Она ответила более откровенно, чем намеревалась.

— У меня тоже новый проект. Дело, связанное с собственностью, новая застройка общины. Она рассказала ему о «Бердвуде» и тревожном ожидании новостей, связанных с решением комитета по планированию.

— Если Боттрилл получит разрешение на свой план, то это конец. Если же его предложение будет отвергнуто, то мы сможем представить на рассмотрение наш собственный план.

Каспар ответил:

— Всегда был бизнес, от которого ты зависела, не так ли, Харриет?

Она могла бы съязвить в ответ: «Не только бизнес, но и ты тоже, пока я не узнала тебя получше». Но она ничего не сказала. Пусть молчание говорит само за себя. В конце концов, уже не было никакой теплоты.

— Вы с Линдой будете рады, да?

— Я буду хорошо заботиться о ней. До свидания, Каспар.

Это было все.

Харриет забрала Линду из школы в пятницу вечером. Она должна будет доставить ее обратно в воскресенье после полудня, к чаю.

— Целых два дня, — напевала Линда. — Целых два дня свободы. Что мы будем делать?

Линда стала выше и тоньше. Ее форменное платье, которое отнюдь не украшало ее, было слишком коротким, а ее ключицы выступали из ворота темно-бордового свитера. Она носила волосы, как положено по инструкции, — два пучка, собранных над воротником, — но как только Харриет выехала из школьных ворот, Линда вытащила бордовые ленты из волос и пустила их по ветру из окна машины. Краем глаза Харриет заметила, как они развевались над живой изгородью.

— Ради Бога, Линда. Что нам придется теперь сделать, так это потратить два дня, чтобы разыскать у «Джона Льюиса» ленты точно такого же оттенка, чтобы заменить те, которые

ты только что растрепала об изгородь.

Линда рассмеялась.

— У Арабеллы Мейкпис есть около двадцати ярдов. Я отрежу ножницами маленький кусочек от конца ее ленты, и она никогда не заметит разницы.

— Бедная Арабелла Мейкпис. Все еще ничего не подозревающий поставщик, не так ли?

— Дурочка.

Линда также казалась старше из-за нового налета уверенности, приобретенной с ошеломляющей быстротой, которую Харриет считала нормальной для этого неустойчивого возраста. Казалось, что прошло гораздо больше времени, а не всего один год, с тех пор, как Линда вылезла из живой изгороди, дерзкая и жалкая, и стояла лицом к лицу перед нею и Робинотом. Харриет хотелось строго посмотреть на нее и на новые углы и тени на ее лице, но ее глаза были прикованы к дороге.

— Я по-настоящему не видела вас с того дня, когда мы ездили в Санта-Монику, — сказала Линда.

— Это был замечательный день, — подтвердила Харриет.

Это было проявлением новой зрелости Линды, которая сохранила в тайне все, что произошло в Лос-Анджелесе. Еще будет время вернуться к этому в подходящей обстановке, а не сейчас, в машине, катившейся по направлению к Хэмпстеду, навстречу напряженному движению конца недели. Когда они подъехали к дому Харриет, Линда, шаркая по дорожке, кивнула в сторону живой изгороди и захихикала. Харриет тоже засмеялась и обняла ее одной рукой за плечи. Они поднялись по ступенькам и вместе вошли в квартиру. Только этим утром Харриет приехала из Эвердена, и у нее было время лишь на то, чтобы загрузить холодильник и подготовить еще одну кровать. Ей самой ее собственные комнаты казались холодными и неудобными. Но Линда разглядывала блеклые стены и невыразительные картины, вздыхая от восторга.

— Как же мне нравится ваша квартира! — воскликнула она.

— Правда? — Харриет была поражена.

По сравнению с домом в Литтл-Шелли даже эта неухоженная квартира должна была казаться уютной.

— Меня здесь не было некоторое время. Я уезжала в деревню к одной из моих приятельниц. Но мне она нравится, когда ты здесь.

Харриет наметила развлечения на вечер. Они отправятся в кино, а затем у них будет китайский ужин. Линда говорила, что ей нравится китайская кухня. Когда они уже собирались уйти, зазвонил телефон. Это был Дэвид, ему нужно было поговорить о финансировании плана «Бердвуда». Харриет сразу же села за свой письменный стол и придвинула к себе бумаги.

За ее спиной, ожидая в молчании, стояла Линда. Через пару минут она пересекла комнату и стала пристально всматриваться в окно, прижимаясь лбом к стеклу.

Разговор длился не более восьми минут. Когда он закончился, Харриет бодро сказала:

— Извини. Теперь пойдём?

Затем она повернулась и посмотрела на Линду. Она встретила хмурый взгляд, который был точной копией того первого выражения, которое она увидела в гостинице Аннунзиаты Лендуит.

— Что с тобой, в чем дело?

— Я думала, что теперь вы больше не работаете в «Пикокс», что вы не будете все время

заниматься делами. Это наш уик-энд. Я, действительно, с нетерпением ждала его.

Харриет рассердилась:

— Я не работала для «Пикокс», я сделала эту фирму. Она была моя, и я потеряла ее, и это причиняет мне боль. Я не рассчитываю на то, что ты поймешь, что произошло, но ты достаточно взрослая, чтобы понять, что означает потеря. Теперь я расскажу тебе о том, как я пытаюсь приняться за новое дело. Да, это работа, но я делаю то, что я делаю, потому что это доставляет мне удовольствие, потому что каждому необходимо что-нибудь делать, потому что, если я не буду ничего делать, я — ничто. Как пустой бумажный мешок. Ты можешь понять это, Линда?

Она сделала паузу, а затем, осознав, что она кричит, удивилась своей бурной реакции. Она зажала рот тыльной стороной ладони, чтобы удержать ненужные резкие слова.

— Если тебе нравится бывать здесь, если ты меня любишь, то тебе бы лучше принять работу, как неотъемлемую часть меня самой. Без нее нет и меня. Тогда тебе придется проводить уик-энд с бумажным мешком. Попытка смягчить удар была запоздалой, неудачной и неубедительной.

Линда сжала кулаки.

— Именно для меня у вас никогда не будет времени.

Ее слова, полные страха и негодования, прозвучали как громкая жалоба. Харриет слышались в них возмущение и обида на то, что родители не заботятся о ней, что она заброшена.

— Ах, Линда!

Она подбежала к ней и попыталась удержать ее. Линда вырывалась, но Харриет погрузила свои пальцы в волосы девочки и повернула ее голову так, что ей пришлось посмотреть на Харриет.

— Вы меня обидели.

— Ну, послушай же.

Теперь Линда заплакала. Непрошенные слезы потекли по ее щекам.

— У меня было время для тебя, у меня оно есть и всегда будет, но и ты должна иметь время для меня. Это должно быть взаимным. Так относятся друг к другу взрослые люди.

Харриет подумала: «Какое же лицемерие. Словно я знаток, специалист в области человеческих отношений». Она подвела Линду к дивану и заставила ее сесть, не разжимая объятий.

— Я обещаю, у меня всегда будет время для тебя, обязательно, но если и у тебя будет время для меня. Иметь время для меня, это значит принимать работу, которую я делаю, как часть меня. Мы не можем выбирать друг в друге только то, что нас устраивает, и не обращать внимания на все остальное. Если бы это было возможно, я бы выбрала твое веселье, забавные шутки и выбросила бы сердитый взгляд и вытаскивание лент из волос. Но мы же не можем так поступать. И я вынуждена принимать вспышки твоего раздражения. Согласимся мы продолжать так и дальше?

Линда сердито фыркнула, но приняла носовой платок, который подала ей Харриет. Харриет многозначительно ждала.

Наконец Линда пробормотала:

— Это же наш уик-энд. Я мечтала о нем.

— Я тоже его ждала. Он и есть все еще наш уик-энд, если ты его не испортишь. Пошли. Помнишь хрустящую жареную утку?

— Я не ребенок. Не нужно подкупать меня вкусной едой. — Линда подняла голову и посмотрела прямо в глаза Харриет. — Он ваш самый последний приятель?

Харриет на мгновение смутилась.

— Кто?

— Он, Дэвид.

Конечно же, она сказала: «Привет, Дэвид».

— Это был частный разговор, Линда.

— Я стояла в двух метрах от вас, не так ли? Вы не попросили меня выйти из комнаты, верно?

— Да, я не сделала этого.

— Это он?

«Совсем наоборот», — подумала Харриет. Их отношения развивались в обратном направлении — от личных к профессиональным. А теперь все велось на совершенно бескровной деловой основе.

— Нет, это не он. В данный момент у меня никого нет, так уж получилось.

— Хм. — Линда вытерла глаза носовым платком и забавно сморщила нос перед тем, как тщательно высморкаться. — Такая проблема возможна. Женщине нужен мужчина. Это каждому известно.

— Если каждый придерживается старомодной и ошибочной точки зрения, — резко перебила ее Харриет. — Я удивляюсь тебе, Линда. Что ты вообще понимаешь в таких вещах? Ну, идем мы в кино или нет?

Чувство собственного достоинства вернулось к Линде. С поджатыми губами и скептическим выражением лица она отправилась взять свой джемпер.

— Как скажите, Харриет, — пробормотала она.

Харриет скрыла свои удивление и облегчение. Они отправились в кино, держась за руки. В субботу они сходили на рынок в Камден-Локк, который нравился Линде, и вернулись домой с охапками футболок и парой маленьких брюк.

— Ты уверена, что сейчас это носят? — с сомнением спросила Харриет.

— Конечно, я уверена. Знаете, Харриет, вы замечательная. Ронни покупает мне только эти дурацкие сандалии с дырочками в форме солнечных лучей. Как в каком-нибудь глупом школьном рассказе пятидесятих годов. Но вы-то понимаете.

— Кое-что, да.

Харриет вспомнила свои собственные баталии с Кет по поводу мини-юбок и накрашенных ресниц. Это воспоминание заставило ее рассмеяться.

— В самом деле, — серьезно сказала Линда, — вы многое понимаете. Знаете, я сожалею о том, что произошло вчера вечером. Я думаю, что была не права.

— Почти так же не права, как и я, когда кричала на тебя. Я об этом тоже сожалею.

Внезапно Линда сказала:

— Вы скучаете без моего папы? Жаль, что ничего не вышло. Вы были бы тогда моей мачехой, и мне бы это понравилось.

Харриет старалась подобрать нужные слова. Линда была восприимчива, а сама Харриет не обманывала себя нереальными надеждами. Она сказала:

— Мне его очень не хватает. Я не знаю никого, похожего на твоего отца. Я думаю, что такого и нет на свете. Мне не хватает его голоса, его манеры говорить, его энергии и его чувства юмора и еще многого, связанного с ним. Но поймешь ли ты, если я скажу тебе, что

все эти вещи не составляли единого целого. Не только для меня, но и для него, понимаешь?

— Некоторые вещи вам в нем не нравились, — согласилась Линда.

Ее реализм тронул Харриет гораздо глубже, чем когда-то ее слезы. Теперь она изучала ее личико. Выражение ее лица было серьезным, но не подавленным.

— Да, не нравились, — мягко ответила Харриет.

Линда задумалась.

— Я не понимаю. Но вы сказали о том, что не считаете, что женщина нуждается в мужчине.

— Да.

— Я думала об этом. Я думаю, что некоторые женщины нуждаются. Такие, как Клэр. Понимаете, ей не перед кем покрасоваться, если рядом нет мужчины. Но вы не такая. Когда я думаю о вас, мне кажется, что вы не просто женщина: вы — личность.

— Спасибо. Я принимаю это, как комплимент, — сказала Харриет, имея в виду именно это.

— Все в порядке. Будем сейчас готовить?

Линда объявила, что она хочет научиться готовить. Харриет запротестовала, сказав, что едва ли здесь ее можно считать учителем, но Линда была непреклонна.

Она сказала, что ей нравится кухня Харриет, которая является частью ее квартиры. Она добавила, что в Бел-Эйр Мерседес не любила, чтобы Линда вообще ходила на кухню, и когда Каспар бывал в Литтл-Шелли, тоже не было никакой возможности поготовить, хотя он может приготовить любое блюдо, у него талант к этому.

— Да, я знаю, — согласилась Харриет.

Итак, они договорились, что приготовят дома ужин на двоих, и приготовит его Линда под руководством Харриет. Они договорились между собой, что приготовят цыпленка-гриль с лимоном и запеченные фаршированные яблоки — это было то меню, которое, как считала Харриет, они смогут осилить, и оно будет достаточно сносным.

Линда надела передник и закатала рукава своей новой футболки. Вместе они выложили все необходимые продукты. Линда вставила кассету в магнитофон и весело напевала.

— Осторожнее с тем ножом, он острый, — предупредила ее Харриет, расправляясь с пучком свежей зелени, принесенной с рынка.

— Я умею с ним обращаться, — спокойно ответила Линда.

Они трудились бок о бок, им было приятно друг с другом. Харриет надеялась, что Линда получает такое же удовлетворение от их совместной работы, какое она открыла в себе. Когда зазвонил телефон, Харриет предположила, что в шесть часов вечера в субботу это может быть Джейн или Дженни, а, возможно, и Элисон. Не раздумывая, она сняла трубку со стены рукой, запачканной в масле.

— Харриет? — спросил глухой мужской голос. — Это был Мартин Лендуит.

Это было так неожиданно, что Харриет смогла только повторить традиционное:

— Здравствуйте. Как поживаете?

Прошло несколько месяцев с тех пор, как она разговаривала с ним в последний раз. Ее отлучение от «Пикокс» было полностью организовано Робинотом. Впоследствии Мартин написал ей письмо, выражавшее сочувствие продуманно подобранными словами.

— Очень хорошо, благодарю вас. Харриет, Аннунзиата с несколькими из наших друзей в Хэмпстеде, и я встречаюсь с ней там на обеде. Я полагаю, что это не очень далеко от того места, где вы находитесь. Можно мне заглянуть к вам на пятнадцать минут на обратном

пути?

Харриет не удалось достаточно быстро придумать отговорку. Она была слишком взволнована разговором с ним. Она смогла только промямлить:

— Да, я полагаю, что можно.

Мартин был скользкий, как масло, которым Линда натирала кожицу цыпленка.

— Тогда около семи, — сказал он.

Харриет оставалось только выслушать гудки отбоя.

— С вами все в порядке? — спросила Линда.

Харриет вздохнула, предвидя неприятности.

— Это был Мартин Лендуит. Ты его помнишь?

Линда скорчила неестественную гримаску.

— Брр. Этот дом. Все те портьеры и подушечки.

Харриет подумала, что так как Бел-Эйр был своим домом, Линда не смотрела так критично на украшения Клэр. Она помнила, что по сравнению с Бел-Эйр дом в Литтл-Шелли выглядел унылым и мрачным.

— Что ему нужно?

— Я точно не знаю. Он хочет нанести нам короткий визит через час.

Линда положила нож. Харриет наблюдала за ней краем глаза. Она глубоко вздохнула, подняв свои худенькие плечи, контролируя себя, поскольку за ней наблюдали.

— Он останется на обед?

— Конечно, нет.

Линда снова взяла свой нож и успокоенно вздохнула.

— Хорошо. Достаточно я порубила все это?

На этот раз не было никаких жалоб относительно «нашего уикэнда». Линда поняла то, что ей было сказано.

— Да, вполне достаточно, — ответила Харриет. Она спокойно продолжала готовить.

Ровно в семь часов Мартин позвонил в дверной звонок. Харриет подумала, что раз уж он зашел в субботний вечер, то пусть принимает нас такими, какие мы есть. Она провела его прямо в кухню, где Линда, окруженная со всех сторон очистками и огрызками, расселась на стуле, укладывая фаршированные яблоки в блюдо для запекания.

— Вы помните Линду Дженсен, Мартин?

— Конечно, помню. — Мартин собрался было фамильярно протянуть руку, но затем, увидев руку Линды, передумал. Линда одарила его пустым взглядом, а потом все свое внимание сосредоточила на слизывании сахара и корицы со своих пальцев.

Мартин принял стакан хереса и стоял в середине кухни, оглядываясь вокруг. Для субботнего вечера в Хэмпстеде он был одет чуть-чуть менее официально, чем в будничные дни. Темная фланелевая спортивная куртка была великолепно сшита, и в ней он казался выше и стройнее, чем был на самом деле.

Харриет нашла до смешного нелепым то, что увидела его стоящим среди ее горшков, кастрюль и сковородок. Она поймала себя на том, что пристально смотрела на него, и резко отвернулась, чтобы быстро засунуть цыпленка Линды в холодильник.

Линда наблюдала, как он исчез.

— Мисс Харриет обедает, — произнесла она холодно. — Я приготовила еду для нее.

— Очень хорошо. Все это выглядит очень уютно.

Харриет скрыла улыбку. Она подумала: «Если вы внезапно появляетесь, не давая знать»

заранее...»

Холодность Линды была взрослой в своей эффективности.

Мартин сказал:

— Я надеялся, Харриет, что мы сможем поговорить минут пять.

— Линда, будь добра, пойди и посмотри телевизор.

— Как долго?

— Пока я не закончу говорить с мистером Лендуитом, — строго ответила Харриет.

Линде придется научиться понимать разницу между не очень любезным и просто грубым.

— Я пойду в сад.

Она соскочила с табуретки и медленно пошла к выходу. Минуту спустя они увидели, что она появилась в заросшем саду. Она присела на скамейку под пышным кустом роз; солнце клонилось к закату. Она устроилась спиной к кухонному столу и сидела печальная, подтянув ноги к подбородку.

— Не очень легкий ребенок, — сказал Мартин.

— Как раз наоборот. Она очень смышленная, живая и отличная собеседница.

«Не очень легкий, чтобы завоевывать призы, быть капитаном крикетной команды и идти по стопам своего отца, как ваш ребенок, — подумала Харриет, — но я предпочитаю такого».

— Да. Ну, Харриет, вы не будете возражать, если я перейду прямо к делу.

— Пожалуйста.

Он посмотрел на нее в своей обычной оценивающей манере. Он казался, если только это было возможно, моложе и бодрее, чем когда она впервые встретила его. Его оценка содержала те же элементы трезвого, делового подхода и сексуальных притязаний. Харриет ощущала нетерпение и в то же время тревожные предчувствия. Мартин был привлекателен, как всегда. Ей было интересно, как все это будет выглядеть после такого длительного времени, если он пришел к ней с предложением.

«Беда в том, — сказала она себе, — что я просто дала себя обмануть ухоженным рукам и точеным профилям. И после этого я проповедую Линде всю эту благородную чепуху».

Она заметила, что выражение лица Мартина изменилось. Он странно посмотрел на нее. Должно быть, потому что она улыбнулась. Его сын как-то давно обвинил ее в том, что она очень часто выглядит так, словно наслаждается в глубине души какой-то шуткой.

— Продолжайте, — подбодрила она его, восстановив серьезное выражение лица.

Конечно же, он пришел сделать ей какое-то предложение. И конечно, не на пятнадцать минут.

— Я слышал, один человек в Сити сказал мне, неважно кто, что вы включились в новое рискованное предприятие.

Харриет подумала: «В бизнесе нет секретов».

— Еще нет. Пока это только идея.

— Я слышал, что это больше, чем идея.

Мартин подошел к окну словно для того, чтобы убедиться, что Линда находится вне пределов слышимости. Он резко повернулся. Когда он стоял спиной к свету, черты его лица стирались. Он казался темным контуром на фоне солнечного света.

— Я пришел, чтобы сказать: «Будьте осторожны».

Харриет повторила:

— Осторожна? — Она не могла видеть его лица, только темное очертание его головы, окруженное ореолом желтого света. — Что вы имеете в виду?

— Просто то, что собственность и строительство — грязные дела.

— Я не боюсь грязи.

— Я боюсь, что вы не понимаете меня. Если вы пытаетесь заблокировать сделку Кита Боттрилла, то вам следует знать, что сражения будут не только на бумаге. Его методы могут отличаться от принятых в приличном обществе. Так, однажды ночью вы можете встретить, конечно, не его лично, а двух плотных и сильных типов, которые потребуют, чтобы вы не мешали мистеру Боттриллу реализовывать свои законные интересы.

Харриет вздрогнула в своей теплой светлой кухне. Она представила продуваемые ветром пустынные улицы, вонючие подземные переходы и отдающиеся эхом своды подземных стоянок автомобилей. Она знала, как это бывает, когда двое появляются из темноты, чтобы преградить вам дорогу, потому что такое уже случилось с ней. Она обхватила себя руками, потирая похолодевшие пальцы о свои голые руки.

«Нет, не холодно», — убеждала она сама себя. Глядя мимо Мартина, она смогла увидеть Линду, которая растянулась на скамейке и дергала ветки кремовых роз. Но все-таки она взглянула на замки и засовы, которые защищали высокое окно, выходящее в сад. Саймон же закрыл у себя двери и окна. Он заклеил стекла окон газетами. Саймон. Харриет подняла голову. Ничего не случится. Это уже было. Теперь я невосприимчива к таким вещам.

— Я не хотел пугать вас, — сказал Мартин.

— Я не испугалась.

Мартин отошел от окна. Он пересек комнату и подошел к столу, на котором были разбросаны остатки стряпни Линды, а рядом с ними была бутылка хереса. Он поднял свой пустой стакан. Харриет могла снова увидеть его лицо.

— Можно мне?

— Пожалуйста, налейте.

Она сняла скатерть и начала сметать кристаллы сахарного песка. Затем она снова выпрямилась и все еще держа скатерть с сахаром в сжатой руке, сказала:

— Спасибо за предупреждение. Я буду помнить о том, что вы сказали.

Мартин кивнул. Одна рука его лежала на кухонном столе, другой он держал за ножку свой бокал с хересом, наклоняя и поворачивая его, как будто он собирался высказать свое мнение о цвете вина; казалось, что Мартин обдумывал что-то новое.

Харриет нужно было только немного подождать.

— Да, — задумчиво произнес он. — Я знал, что вас это все равно не остановит.

— Вряд ли.

Его темные глаза осматривали ее лицо.

— Я восхищаюсь вашим мужеством, Харриет. И вашими способностями. Скажите мне, вы уже мобилизовали свой капитал?

Харриет чуть не рассмеялась вслух.

— Я не ослышалась?

Своей ухоженной рукой Мартин сделал вежливый изысканный жест, который как бы говорил: «Что прошло, то прошло, и нет нужды ворошить прошлое». Харриет хотелось вдребезги разбить его хладнокровие. Она хотела заставить его услышать. Она закричала на него:

— Мартин, вы забыли, что Лендуиты сделали с мной? За одну ночь вырвали меня из

«Пикокс», когда я была в отпуске, после того, как утопили во лжи акционеров и мою семью.

Он был совершенно невозмутим. Харриет подумала, что люди, должно быть, часто кричали на него.

— Не Лендуиты. Робин. Как вы помните.

— Это одно и то же, и отвратительно.

— Не совсем. Вы говорили с Робинем в последнее время?

Он был непроницаем. Недоверие Харриет отскакивало от него и не производило на него никакого впечатления. Она вздохнула, скорее нетерпеливо, чем сердито.

— Конечно, нет. И не собираюсь говорить с ним в будущем.

— Ну, тогда вы не знаете, что мы решили разделить бизнес. Вероятно, с опозданием. Робин взрослый мужчина и умница, и, возможно, это было моей ошибкой — держать его так долго под присмотром. Сейчас ему нужно расправить крылья. В будущем мы будем действовать как отдельные фирмы.

— Я понимаю.

Харриет могла только догадываться, какие прегрешения любимого сына или какие нарушения тонких правил игры между ними привели к разрыву. Она могла также только догадываться, не отказался ли Робин в конце концов с энтузиазмом играть роль, которую отец предназначал для него. К ее удивлению, эта мысль вызвала у нее досаду. Она подумала о том, к чему еще Мартин и Аннунзиата прибегнут для утешения.

Мартин оживленно продолжал:

— Если вы ищите, где достать деньги для вашего нового дела, Харриет, то я надеюсь, что вы обратитесь ко мне. Я сделал бы капиталовложения, конечно, после того, как мы сможем рассмотреть проект в соответствующее время. Но, в качестве основного принципа...

Она прервала его мягко, но со всей присущей ей твердостью:

— Мартин, я бы не пришла к вам просить деньги, даже если бы вы были единственным человеком на земле. Даже если вы и Робин больше не являетесь партнерами. Я не могла бы, понимаете. Но я благодарна вам за предложение и за то, что вы пришли сюда, чтобы посоветовать мне быть осторожной.

«А была ли вообще какая-нибудь вечеринка в Хэмпстеде?» — подумала она.

Мартин поставил свой снова опустевший стакан.

— Не за что благодарить меня. Вы мне нравитесь, Харриет, и вы знаете это.

Он взял ее руку и пожал ее. И снова оценивающий взгляд, а за ним кривая, пронизательная и приятная улыбка.

— До свидания, Мартин. Вы бы хотели попрощаться с Линдой? Я позову ее.

— Не беспокойтесь.

Он подошел к окну и нарисовал на стекле волну. Проводив его до парадной двери, Харриет смотрела, как он спускался по ступенькам — невысокий, щеголеватый, уверенный в себе мужчина, который уже не производил на нее такого впечатления, как когда-то.

Линда вернулась в кухню, осторожно оглядываясь возле двери.

— Ушел?

— Да, ушел.

— Давайте жарить цыпленка на гриле. Я умираю от голода.

Они улыбнулись друг другу.

Позднее, после того, как они съели приготовленную еду и рассыпались в похвалах друг к другу за нее, и после того, как они целый час вместе смотрели телевизор, они опять

постелили Линде в гостиной.

Харриет пожалела, что у нее нет хорошей свободной спальни, такой, чтобы она могла называть ее комнатой Линды, когда та была в школе или Лос-Анджелесе. Когда Линда забралась под одеяло, Харриет села на край кровати и посмотрела, как ее прекрасные волосы веером рассыпались по подушке.

— Это был замечательный день для меня, — сказала ей Харриет.

— Для меня тоже, — вздохнула Линда. Она поняла руки и обняла Харриет за шею. — Я люблю вас, — сказала она.

Харриет в ответ прошептала:

— Я тоже люблю тебя.

Когда она подумала о других временах, когда она говорила те же самые слова, ей пришло в голову, что они сохранялись надолго только для Кэт. Но теперь она поверила, что они будут продолжаться и для Линды.

Перед тем, как лечь в кровать, Харриет проверила задвижки на каждом окне и все замки и цепочки, которые были на дверях. Она не боялась. Она говорила правду, когда она сказала это Мартину. Но она хотела быть уверенной, что ее дом в безопасности, пока Линда находится под ее крышей.

Это было так, как будто визит Мартина заставил ее понять, как дорога ей эта маленькая девочка. И поэтому она была рада, что он приходил.

Два события произошли сразу же друг за другом после того, как Линда вернулась в школу.

Первым было то, что Харриет получила письмо от управляющего делами приходского совета в Эвердене, в котором ей сообщалось, что совет от лица жителей деревни Эверден готов принять ее предложение о покупке «Бердвуда» и относящегося к нему сада.

А вторым событием в конце июля было сообщение о том, что предложения компании «Кастория Дивелопментс» были отклонены комитетом по планированию графства Кент.

Харриет быстро шла по Лэденхолл-стрит по направлению к офису Пирса Мэйхью. Для собрания было еще рано, и было так приятно идти, обгоняя женщин в летних платьях, банковских курьеров, мужчин в костюмах в тонкую полоску, которые на этот раз, в виде исключения, прогуливались, а не спешили. Казалось, что в разгар лета и в предверии каникул Сити принял праздничный вид.

Харриет много и усердно работала, но она чувствовала себя полной энергии, как будто только что вернулась из отпуска. Она подняла глаза к небу и крышам банков и финансовых компаний, словно приветствуя их.

Она проходила мимо банка Мортонов, того банка, в котором она нанесла визит трем мудрым обезьянам, пытаясь получить у них деньги для «Пикокс», и она выразила еще раз свою признательность зданию из черного стекла. Сегодняшняя встреча будет иной — прямой противоположностью того, что она испытала в банке Мортонов. Она долго ждала сегодняшнего дня.

Кабинет Пирса Мэйхью был отделан в стиле английского деревенского дома. Его секретарша вышла из-за своего письменного стола из орехового дерева и проводила Харриет в святая святых. Пирс вскочил и подошел пожать ее руку. Он просто сиял в ожидании того, что произойдет.

— Все готово для подписания капитуляции? — Пирс зачастую прибегал к спортивному жаргону.

— Все готово, — сдержанно ответила Харриет.

В одиннадцать часов секретарша Пирса сообщила, что прибыли мистер Боттрилл и мистер Монтегью.

— Проводите их в комнату, — сказал Пирс. — Проводите их и давайте посмотрим, из чего они сделаны.

Двух мужчин проводили в комнату.

Кит Боттрилл был высоким мужчиной. Рукава его костюма были смяты горизонтальными складками вокруг бицепсов и высывались, словно в знак протеста, из широких манжет рубашки. Его полосатый галстук лежал, как измученный язык на его выпуклой грудной клетке.

Его глаза — маленькие точки на толстом загорелом лице — устремились на Харриет. Его адвокат, стройный, темноволосый, в очках в черной оправе, по сравнению с ним казался элегантным, как Мартин Лендуит.

Рука Боттрилла обхватила руку Харриет. Она почувствовала, что он с легкостью мог бы перемолоть ее кости, и мысль о темных местах и пустых переулках снова пришла ей на ум. Она выдернула пальцы и заставила себя посмотреть прямо в его глаза.

— Спасибо за то, что пришли сегодня встретиться с нами.

Он улыбнулся, показывая плотные зубы.

— У нас общие интересы. Важные интересы, разве не так? Нам здесь очень приятно.

Все четверо сели вокруг стола Пирса Мэйхью для совещаний. Кит Боттрилл наклонился вперед, соединив свои толстые пальцы. Он носил золотой браслет.

— Участок для застройки «Бердвуд», — тихо произнесла Харриет. — Перейдем прямо к делу?

— Непременно, — ответил Кит Боттрилл. — Для этого мы все здесь и находимся.

— Я думаю, что ни для кого из вас не будет сюрпризом, если я скажу, что приобрела ключевой земельный участок, не так ли? И, вероятно, вы тоже знаете, что я в процессе приобретения «Бердвуда» и окружающих земель?

— Я это знаю. Как и вы, похоже, знаете, что клоуны в комитете по планированию отвергли мое первое предложение.

Боттрилл откинулся на стуле, положив одну ногу, похожую на ствол дерева, на колено другой. Харриет не была уверена в том, что сотрясение лица, которое сопровождало это движение, можно было принять за подмигивание. Она смотрела на него без всякого выражения и ждала.

— Итак, мы пришли, чтобы, в свою очередь, сделать вам предложение, мисс Пикокс. Коммерческое предложение. Ведь именно это вы имеете в виду, не правда ли?

Харриет и Пирс предложили ему продолжать. Монтегью положил перед ним лист бумаги с заметками, а Боттрилл развернул свой план. Как они и ожидали, это было предложение об объединении интересов Харриет с интересами компании «Кастория Дивелопмент».

Складки Кита Боттрилла смягчились, а его толстые пальцы, как бы танцуя, рылись в паланах и бумагах. Его голос стал почти музыкальным, когда он расхваливал красоту участка под застройку, необходимость этого участка, возможности, которые в изобилии появятся, если будут устранены маленькие препятствия. Он говорил ей, что его не удивило, что

деловую женщину такого калибра, как Харриет, тоже привлекла эта работа. И это было в их общих интересах — действовать единым фронтом. Как команда, они будут непобедимы.

Снова показались плотные зубы.

— Существует лишь вопрос о согласовании деталей, взаимоприемлемых условий, не так ли?

Мистер Монтегью сложил свои бледные пальцы, показывая готовность решить любые вопросы для их взаимного удовлетворения.

Когда она была совершенно уверена, что Боттрилл закончил свою «подачу» и с удовольствием откинулся, предвкушая ее согласие, Харриет заговорила. Ей принесло удовольствие позволить словам падать, как холодным камешкам, в теплую, масляную лужу, которую разлил Боттрилл.

— Наши интересы не имеют ничего общего, — четко произнесла она.

Температура в комнате упала на несколько градусов. Адвокат снова разнял пальцы.

— Вы предлагаете всем известную застройку, которая не сделает ничего для улучшения жизни в существующей деревне. Я заинтересована в том, чтобы помочь создать единую общину, которая принесет прямую выгоду местным жителям. Я должна сказать вам, что нет никаких оснований для объединения наших интересов. Вообще никаких.

Мужчина сердито направился к своему месту.

— Я думаю, что вы не вполне оцениваете, каковы финансовые возможности этого проекта и какова будет отдача от него. Даже если, как я готов согласиться, мы поделим ее поровну между нами.

Харриет сказала:

— Я оцениваю возможности. И я отвергаю ваш вариант.

Мужчина не ожидал отказа. Его лицо покраснело под слоем загара. В этой приятной комнате повисло гнетущее молчание. Харриет еще удерживала себя на своем месте, с трудом подавляя внезапное желание убежать. Рядом с ней Пирс успокаивающе откручивал колпачок своей ручки.

Он начал:

— Если бы я мог предложить...

Боттрилл зарычал:

— Ничего не предлагай, приятель.

А затем он повернулся к Харриет и выбрасывал свои большие руки вперед и назад, как огромный, мясистый, агрессивный ребенок, показывающий руки взрослым перед обедом для осмотра.

Посмотрите же хорошенько — кричал он Харриет. — Посмотрите на них. Я работал своими руками. Я начал, собирая бульжники. Я этим зарабатывал на жизнь. И я буду продолжать эту проклятую жизнь.

«О да, — подумала Харриет. — Неплохую жизнь. Твой золотой браслет, твой роллс-ройс с инициалами KGB и на ранчо твой дом с плавательным бассейном — все это получено за счет земли этих людей, их надежд и безопасности. Теперь я «достала» тебя. И я тебя не боюсь».

Она слушала, как он продолжал свою напыщенную речь. Он старался жить честно. Он годами работал на привилегированные классы, а Харриет и ей подобные создавали ему препятствия и разглагольствовали о своих высоких идеалах.

Им бы следовало пожить трудной жизнью, такой жизнью, какой он был вынужден жить.

Тогда бы они знали, что ему пришлось вынести.

Грубые слова обрушивались на уши слушателей. Пирс изучал дневник, лежащий перед ним, а мистер Монтегью сидел, заслонив рукой глаза от света; его тело отклонилось в сторону от его клиента на единственный, но многозначительный миллиметр.

Голос продолжал звучать. Мужчина изменил свой курс и от оправданий самого себя перешел к угрозам. Он может купить еще больше земли и заблокировать план Харриет. Он может продать свою долю третьей стороне и, таким образом, разбить ее.

Харриет подняла голову. Ей это надоело. Она холодно и рассудительно посмотрела прямо на него. Он вспотел и говорил бессвязно. Впервые она обратилась к нему по имени:

— Мистер Боттрилл, есть только один покупатель бердвудской земли. И этот покупатель — я.

Удовольствие от этого было сильнее, чем любое другое ощущение, которое она когда-либо испытывала. Она сидела спокойно и давала этому удовольствию огнем растекаться по телу.

Кит Боттрилл утих. Как будто из него вышел воздух, казалось, он стал меньше и тише. Харриет поняла, что нечего было бояться Боттрилла, ей уже не было страшно ни за себя, ни за Линду. Не будет больше мужчин, которые могут появиться в темноте и загородить ей дорогу.

В комнате теперь наступила другая тишина. Это было обдумывание, даже вычисление. А затем пальцы Боттрилла, похожие на сосиски, сделали удивительно точный режущий жест, словно он разрывал невидимую нить.

— Давайте закончим этот разговор, ладно?

— Конечно, пожалуйста.

— Что вы предлагаете?

Харриет сказала:

— Вы покупали по две тысячи фунтов за акр. Я дам вам по полторы тысячи за те участки, которые вы уже имеете. Я беру ваши соглашения о покупке и даю десять тысяч фунтов за все. — Она говорила бесцветным голосом, но при этом думала: «Сам же посчитай, счастливчик».

Боттрилл и его адвокат пошептались. Пирс встал, словно хотел размяться, и подошел к окну, чтобы выглянуть на улицу. Харриет ждала.

— Ладно, — ответил Кит Боттрилл так, словно договаривался о цене на подержанный автомобиль.

Теперь наступила очередь адвокатов. Пирс вернулся на свое место, а в замерзшие конечности мистера Монтегью снова поступила кровь.

Через пятнадцать минут собрание было закончено. Секретарша подошла к двери и проводила Боттрилла и его адвоката.

Пирс Мэйхью протянул руку Харриет.

— Поздравляю, сказал он.

Харриет пожала его руку. Момент триумфа был, как физическое возбуждение.

Она подумала: «Если бы Робин был здесь и видел меня сейчас».

Белый фургон с надписью «Оформление интерьеров для всех случаев жизни» все еще стоял перед домом, и хотя ноябрьский вечер был пасмурным и холодным, двойные двери были открыты, позволяя ночной сырости просачиваться внутрь и образовывать на старых плитках крошечные капельки влаги.

Один из работников вошел в дом, неся в руках картонные коробки, полные стаканов. Он прошел через коридор по направлению к кухне в задней части дома, где готовилось угощение для двухсот пятидесяти человек.

Харриет перегнулась через гладкие деревянные перила галереи и смотрела вниз, переводя глаза со звездочек на ромбы и восьмиугольники, образованные кафельными плитками. Порывы ветра заносили мокрые листья, которые оставались на полу и казались дефектами правильного геометрического рисунка. «Это не имеет значения», — лениво подумала Харриет. Это соответствует поводу для торжества.

Она выпрямилась и медленно пошла вниз по широким ступенькам. Ее пальцы бежали вниз по перилам из красного дерева, повторяя их плавные изгибы. С резьбы пыль была стерта, но не слишком тщательно, и она почувствовала кончиками пальцев слабый налет пыли. Голые доски ступенек были подметены, но на них остались частицы песка, которые поскрипывали под подошвами ее туфель.

Очевидность того, что медленное увядание «Бердвуда» едва ли было приостановлено, не расстраивала ее. Она давала ей осознание того, что еще предстоит сделать. Она это сделает, она может это сделать сейчас, когда этот дом стал ее домом. Крыша вновь станет исправной и не протекающей, ни дождь, ни ветер не будут иметь никакого значения, а под крышей настоящее красное дерево, стекло, кафель и мрамор засверкают вновь.

«Мое». — Харриет посмотрела вверх на тусклое пространство над ее головой. Три или четыре спальни второго этажа были наспех убраны к этому вечеру, и огни сверкали в них, как будто там уже кто-то жил. Мой прекрасный дом. Она была горда обладанием этого дома, как когда-то она гордилась «Пикокс».

— Извините. Ребята держат двери чересчур широко открытыми, — веселая и энергичная девушка в белом переднике, занимающаяся организацией приема, прошла через коридор и широко улыбнулась Харриет, стоящей в начале лестницы. — Черт возьми, вы прекрасно выглядите.

Харриет уже оделась для вечера. Она внимательно изучила свое новое отражение в незнакомом платье из зеленого бархата в помутневшем пятнистом зеркале в одной из спален. Платье, казалось, соответствует дому.

— Спасибо. Не волнуйтесь о двери. Я ее прикрою.

Она прошла через коридор и выскользнула на крыльцо, захлопнув за собой огромные двери. Сквозь кованое железо виднелось небо. За рваными облаками слабо проглядывала луна.

Харриет уже не боялась темноты. Она вновь находила успокоение под ее защитой. Она медленно шла по покалывающей траве, слушая скрип огромных деревьев, окружающих дом. Голые ветви раскачивались и шумели от ветра.

Вдали от дома и деревьев в дальнем конце бердвудской земли, принадлежащей теперь ей, Харриет увидела еще один припаркованный фургон. Лучи света метались по траве, на

мгновения делая ее зеленой. Несколько человек сидели, готовые начать фейерверк.

Харриет держалась на расстоянии от этих далеких дуг света. Она подошла к кустам и несколько секунд постояла под защитой их зеленой листвы, вдыхая кисловатый запах недавнего дождя. По всему первому этажу дома горел свет, он сверкал в тех окнах, с которых двое рабочих Дэвида Хоукинза сняли щиты с черными каракулями. «Бердвуд» вновь возвращался к жизни.

Харриет не знала, сколько она простояла, глядя на дом. Она только почувствовала, что влага просачивается в ее туфли, а бархатное платье не защищает от холода. Она пошла назад по траве под поломанное крыльцо.

Двойные двери были открыты настежь, демонстрируя драгоценные краски и яркий свет внутри. Ощущался запах приготавливаемого угощения и слышался смех. Харриет вновь вошла в дом, оставив двери открытыми, как бы приглашающими войти.

Она ходила из комнаты в комнату, глядя на то, что было сделано.

Это не был большой прием для коллег и друзей, который она когда-то мечтала дать. Это был прием для Эвердена, и предвкушение его было ей приятно. Работники фирмы «Оформление интерьеров для всех случаев жизни» вместе со строителями и уборщицами хорошо сделали свое дело. Дом был наполовину заброшен, в нем не было мебели, но театральную сцену в нем соорудили. Большие пустые комнаты были плохо освещены, и поэтому освещение усилили с помощью дров, горящих в открытых очагах и сотен свечей, установленных в канделябрах.

Дизайнеры взяли большие куски белой ткани и обработали их гипсом, а затем развесили их, чтобы образовались волны и складки. В результате получились сломанные мраморные колонны и разрушенные классические балюстрады, которые расставили по комнатам, создав, таким образом, затемненные ниши и гроты.

Колонны обвили гирляндами плюща и белой омелы, огромные ветки пихты положили на мраморные каминные доски и закрепили над дверями, чтобы они излучали свою торжественность и распространяли рождественский запах в тепле комнат.

В гипсовых нишах расставили простые скамейки и складные стулья. В самой большой комнате была подготовлена танцевальная площадка, в ней будет играть оркестр. В другой комнате расставили круглые столы под белыми скатертями, готовые к ужину.

Харриет одобрила все, что она видела. Огонь в очагах и пламя свечей, отбрасывая колеблющиеся тени на временные колонны и на сложную лепку потолка, сверкал на глянцевах завитках плюща. Старый дом за одну ночь был превращен в полуготическую, полупасторальную фантазию. Скоро придут люди. Если Харриет приобрела «Бердвуд» одной рукой, то сегодня вечером она старалась другой рукой вернуть его назад.

Большие белые приглашения с глубоким тиснением были отпечатаны для стольких местных жителей, сколько, по ее мнению, смогут вместить эти комнаты.

Прибудут члены приходского совета с женами и мужьями, постоянные посетители «Снопа пшеницы», священник и церковный староста с семейством, обитатели больших домов с оранжереями в окрестностях. Придут местные фермеры с женами и крупный землевладелец, обладатели мелких клочков земли, заключившие соглашения с Китом Боттриллом. В полном составе придут женский институт, лига молодых консерваторов и клуб пенсионеров. Пришла даже мисс Боулли.

«Они придут, — подумала Харриет, — поглазеть на комнаты, потолкаться друг с другом и еще раз посмотреть на «Девушку Мейзу», если еще вдоволь на нее не насмотрелись.

Одна ее часть хотела с гордостью поразить их всех сегодня вечером великолепием дома. А другая ее часть, лучшая часть, хотела, чтобы они увидели, что «Бердвуд» все еще здесь, и чтобы они убедились в том, что он все еще принадлежит Эвердену.

Харриет бродила между сломанными колоннами, когда услышала шум за своей спиной. Она обернулась и увидела Элисон.

— Как вам нравится? — она широко развела руками.

Она гордилась этим возрождением, даже если оно продлится всего одну ночь.

Элисон посмотрела на гирлянды из плюща, ярко горящие свечи и темные, тяжелые ветки пихты.

— Как я и говорила. Когда вы делаете что-то, вы отдаете этому все свое внимание. Никаких полумер. Это выглядит изумительно.

— Я нервничаю, — призналась Харриет. — Как вы думаете, они придут? Им понравится?

— Придут ли они? Ни о чем другом в Эвердене не говорят уже несколько недель. Когда я проходила сегодня через деревню, всеобщее возбуждение было очевидным. Но я не могу предсказать, что будет представлять интерес для клуба пенсионеров. Возможно, то, что кто-то обнаружит Тома Фроста вместе с женой священника в гипсовой пещере.

Они рассмеялись, но Элисон подумала, что при всех способностях Харриет была в ней неуверенность, которая делала ее странно уязвимой. Возможно, это было результатом сочетания хрупкости с пламенной энергией, что делало ее привлекательной в глазах мужчин.

Элисон видела глаза, которые следовали за ней, но она не предполагала, что восхищение компенсировалось ранимостью Харриет, которая и вызывала его. «Для предпринимателя, — подумала Элисон, — было бы лучше иметь слоновью шкуру».

— Пойдемте посмотрим остальное, — пригласила Харриет.

Они обошли дом, проходя через комнаты, ожидающие гостей, в которых официанты и официантки подготавливали свои рабочие места, и проникли на кухни, где за черными дверями был разбит парусиновый лагерь. Здесь, как часы работало, по-видимому, несколько десятков человек.

Харриет казалась Элисон одинокой среди всего этого на скорую руку собранного обваливающегося великолепия в ее большом доме. Они вернулись в коридор и остановились перед широкими ступеньками. Харриет смотрела в темноту.

— Они скоро будут здесь, — прошептала она.

Неожиданно она повернулась к Элисон. С какой-то неловкостью она взяла ее за руку.

— Это благодаря вам я нахожусь здесь, — сказала она, — потому что вы были так великодушны и пригласили к себе, едва зная меня. Я хочу поблагодарить вас.

Элисон была тронута. Все впечатления, которые возникали в ней, когда они обходили дом, слились сейчас воедино. Харриет была сильной, очень богатой и деловой, но она нуждалась в друзьях. Это было настолько очевидно, что Элисон рассердилась на себя, хотя она и гордилась своей проницательностью, за то, что не определила для себя этого раньше. Она была обманута внешним видом, как и все остальные.

— Я рада, что сделала это, — сказала она. — Хотя нет нужды благодарить меня за что-то. Я ни за что на свете не пропустила бы сегодняшний вечер. — Она на секунду задержала руку Харриет, а потом отпустила ее.

— Посмотрите, — сказала Элисон.

Она указала на открытые двери. Свет автомобильных фар завернул в ворота «Бердвуда».

Харриет прижала руки к юбке своего зеленого бархатного платья и выпрямилась. Они шли непрерывным потоком.

Тут были столпы деревенского общества, женщины в своих лучших платьях и шерстяных кофтах, как будто они не могли поверить, что в заброшенном доме будет достаточно тепло, и мужчины в плохо сидящих костюмах. Тут были жительницы окрестностей, одетые по последней моде сезона и их мужья в вечерних костюмах, фермеры с женами, пенсионеры и молодые люди, пришедшие большими группами, с шумной и нервной показной смелостью.

Харриет пожала каждую руку и радушно приветствовала каждого прибывшего в «Бердвуд».

Люди растекались по комнатам, разговаривая сначала шепотом и скептически оглядывая театрализованное оформление и слегка подталкивая друг друга, но они сметали бокалы шампанского с серебряных подносов, разносимых молодыми официантами, и громкость разговоров и смеха усиливалась, пока не заполнила все комнаты и не заглушила тихой музыки, исполняемой оркестром.

Приехали Дэвид и Энтони Фелл, привезя с собой двойной контингент своего персонала, и мускулистые, загорелые молодые люди и одетые в черные костюмы архитекторы растворились среди кардиганов и тафты жительниц окрестностей. Харриет, волновавшаяся, что может оказаться слишком большое количество пожилых женщин, увидела, что ее беспокойство было не обоснованным. Энтони Фелл атаковал мисс Боулли и подавал ей в руку второй бокал шампанского. Кто-то коснулся плеча Харриет, она повернулась и увидела возле себя Дэвида.

— Все выглядит очень эффектно. Это как раз то, что убедит их — при желании все может быть сделано.

Она подняла на него глаза. Он не убрал руки.

— Все будет успешно?

— Все уже успешно.

Харриет стремительно перевела глаза с него на окружающую толпу.

— Общайтесь, общайтесь, — попросила она его.

— Я знаю, что делать, — ответил Дэвид.

Он полуулыбнулся ей и направился в толпу. Харриет почувствовала, что следит за ним глазами. Она позволила себя взять бокал шампанского с проплывающего мимо подноса.

Появились и собственные друзья Харриет — Дженни, Чарли, Джейн и с ними Карен. Джейн стояла в большой комнате с колоннами, обвитыми плющом.

Свет свечей струился через ее слегка вьющиеся волосы, создавая нимб вокруг ее головы, когда она рассматривала людей, официантов и музыкантов, снующих под великолепным лепным потолком.

— Господи, — выдохнула она.

— Спасибо, что приехала, — приветливо сказала Харриет.

— Хозяйка поместья приказывает, а мы можем только повиноваться.

— Не нужно так говорить.

Джейн повернулась к ней.

— Я только пошутила.

— Я знаю, но все равно не нужно.

Чарли встал между ними и взял Харриет за руку.

— Покажи мне все, — скомандовал он.

Они пошли между группами болтающих людей, и Харриет энергично показывала построенные за ночь декораций и описывала те работы, которые будут сделаны, которые должны быть сделаны для того, чтобы привести дом в порядок.

— Ты, действительно, любишь этот дом, не так ли? — спросил Чарли.

— Да. Я никогда до этого не чувствовала, что у меня есть дом. Чарли, мне нужно идти и разговаривать с людьми.

Он отпустил ее, весело наблюдая за тем, как она ринулась выполнять свои обязанности.

Харриет ходила по комнатам, разговаривала и смеялась, пожимала руки и представляла одних гостей другим. Отдельные группы стали медленно распадаться и соединяться. Прием развивался под действием своей собственной движущей силы. Харриет выпила еще один бокал шампанского и развеселилась.

Среди личных гостей Харриет здесь были Кэт и Кен. Последний, естественно, потянулся к компании строителей, Кэт примкнула к группам эверденских дам, а Харриет наблюдала за ней краем глаза. После двух бокалов бледная кожа Кэт покрылась румянцем, она ожила и, доверчиво опираясь своей рукой на руку Карен, смеялась над чем-то, что говорил ей Энтони Фелл.

Когда народ начал медленно дефилировать в сторону комнат с накрытыми для ужина круглыми столами, Харриет обнаружила, что она сидит на садовой скамейке рядом с Кэт в одном из гипсовых гротов.

— У тебя все в порядке, дорогая? — спросила Кэт, как она почти всегда делала.

— Да, мама. У меня все в порядке.

— Это очень большой прием. Не то, что я ожидала. Совсем не то.

— А что же ты ожидала?

Когда Кэт рассмеялась своим каким-то оправдывающимся смехом, Харриет вспомнила молодую девушку, которую она однажды мельком рассмотрела за лицом матери. Сейчас она снова увидела эту девушку.

— Что-то больше всего напоминающее деревенские именины. Остывшие пироги, кипяильники для чая и мокрая трава. Мне следовало бы, конечно, догадаться, что это будет, поскольку ты организовывала все это.

Она посмотрела через всю комнату на горящий очаг. Выражение ее лица представляло собой смесь гордости и страха.

— Это, должно быть, стоит огромных денег, — пробормотала она.

Сейчас Харриет увидела тревогу, которая привычно лежала на лице ее матери.

— Все в порядке, — успокоила она ее. — Это важно, а цена не имеет значения.

Кэт выпрямилась, как будто решила сделать признание.

— Я никогда не говорила, что сожалею. Я была неправа, Харриет, но я делала это, потому что считала, что это правильно.

— Я знаю, — Харриет не собиралась говорить, что все было правильно, давая еще одно утешение, потому что его не было. Вместе с Кэт она смогла бы спасти «Пикокс» от Робина Лендуита. — Я знаю, почему ты это делала.

Кэт кивнула. Они увидели Кена. У него было красное лицо, он лучился удовольствием и манил их к себе, стоя в проеме двери.

— Здесь ваш папа. Он умирает с голода. Он хочет, чтобы вы пошли с ним ужинать.

— Вы идите. Я приду, когда обойду всех остальных.

Она поцеловала мать в щеку и посмотрела, как она уходила, более высокая, чем обычно, благодаря нарядным туфлям на высоких каблуках.

«Не мой папа», — подумала она. И она знала, что хотя они и не говорили о Саймоне, это не означало, что они забыли о нем. Харриет с жалостью вспоминала о нем каждый день.

Она покинула свое убежище в гроте и пошла искать тех своих гостей, которых надо было проводить к столу. Харриет под руку с Энтони Феллом последними вошли в комнату. Он нравился ей все больше, а также она восхищалась тем, что он делал.

Они окинули взглядом заставленные столы. Энтони тихо сказал:

— Это прекрасный пример связей с общественностью. Я думаю, все это не повредит планируемым работам.

— Это не просто связи с общественностью. Я хотела, чтобы люди пришли в «Бердвуд» и почувствовали, что его приобрел не просто человек со стороны. Мне бы хотелось сделать многое и здесь в деревне, когда реставрируем дом. Это место с самого начала было завещано Эвердену.

— Чрезвычайно похвально, — отметил Энтони.

Харриет почувствовала, что он мягко посмеивается над ней, но решила не обращать на это внимания. Она еще не знала, как она будет налаживать связи, не принимая на себя роль хозяйки поместья. Язвительное замечание Джейн попало в цель. Но она решила, что как-нибудь она сделает это.

Через стол мисс Боулли с большим энтузиазмом расправлялась с большим блюдом с уткой. В данном случае она не надела высоких сапог и вязаного берета, но в остальном, казалось, она была одета, как обычно. Она наклонилась вперед и подмигнула Харриет.

— Приятно посмотреть на всех, делящих с тобой угощение, — заметила она.

Это была, наверное, не самая изысканная фраза, которую Харриет надеялась услышать о своем элегантном приеме, но она несла в себе тот дух, который Харриет пыталась создать. Она ответила мисс Боулли:

— Это так. Подольше бы продолжалось.

За обедом была произнесена всего одна короткая речь. Харриет сама произнесла ее, стоя без всякой официальности за своим столом. Она сердечно приветствовала своих гостей в «Бердвуде» и благодарила их за то, что они пришли. Она надеялась, что будет еще много таких вечеров и праздников в Эвердене и новой общине. Она попросила всех поднять свои бокалы и выпить за их объединение. Они выпили и громко зааплодировали.

— Хорошо сделано, — прошептал ей на ухо Энтони, когда она села.

Она не стала убеждать его, что говорила то, что думала.

После ужина начались танцы.

Вместе со своим тостом Харриет выпила третий бокал шампанского. Она уже начала плыть по морю благоденствия. Когда она танцевала со священником, ей казалось, что все лица вокруг нее принадлежали друзьям.

Она видела, что Кэт танцевала с фермером, чья земля примыкала к земле мисс Боулли, а Кен — с самой мисс Боулли. Энтони Фелл танцевал с женщиной, которая на собрании в деревенском зале была в полосатой блузке. Сейчас ее трудно было узнать в синем с переливающимися полосами наряде.

Темп музыки ускорился. Священник оставил Харриет, и она оказалась рядом с одним из одетых в вечерний костюм жителей окрестностей. Пока они кружились возле колонн в толчее молодежи, у Харриет появилась сентиментальная надежда, что даже если сами «КАЗ

И ФРАН», пишущие клятвы аэрозольной краской, здесь не присутствуют, то здесь должны быть, по крайней мере, их родители или старшие братья и сестры. Казалось весьма символичным, что сегодня вечером они смогли проникнуть сюда уже не через забитые окна.

Харриет переходила от партнера к партнеру. Праздник жил и развивался сам по себе, без ее руководства. Некоторые пожилые дамы уже уехали, поблагодарив ее и сияя собственной отвагой, позволившей им вообще прийти. Более молодые гости собирались пробыть значительно дольше.

Танцы продолжались, но некоторые пары отделились, чтобы посидеть на скамеечках в гипсовых гротах. Это разделение на пары станет топливом для деревенских сплетен на многие месяцы.

Харриет вдруг вспомнила, что на вечеринке у Джейн она почувствовала, что ее жизнь как бы разделилась на два купе, причем обитателям одного из них не разрешалось заходить в другое. Но сегодня вечером она почувствовала, что все стороны ее жизни, все, что было в ней стоящего, соединились здесь, под одной разваливающейся крышей в «Бердвуде».

Потом Харриет увидела Джейн. Она проследила глазами за ее танцем с Дэвидом Хоукинзом и в это мгновение почувствовала, что что-то было в том, как они коснулись друг друга, какая-то близость и какая-то скованность, и потому, видимо, что шампанское облегчает связи, Харриет поняла, что они были любовниками.

Это было как яркий, неприятный свет, сверкнувший в темной комнате.

Харриет танцевала с Чарли Тимбеллом, но тут она споткнулась и остановилась. Она задыхнулась от понимания своей глупости и вспышки ревности.

— С тобой все в порядке? — спросил ее Чарли.

— Да, все в порядке.

Разрозненные образы начали складываться в ее мозгу в стройную картину. Ревность испугала ее, но ей также было стыдно узнать, что она была слишком слепа и слишком занята, чтобы увидеть, что происходит с ее другом. И она также ясно поняла, что любовная связь была и что сейчас она уже закончилась.

— Я могу быть очень глупой, — добавила она более для себя, чем для Чарли.

— Ты всегда казалась мне острой, как лезвие бритвы, — ответил Чарли, испытывая облегчение от того, что уже забыто все, что ему было неприятно вспоминать. — Ты, кажется, все очень тщательно оформляешь.

— Не все. Не совсем все.

Чарли не слушал. Он взял ее за руку и вывел из толпы танцующих, а потом поднял каждую руку и по очереди поцеловал.

— Послушай, нам надо ехать. Мне не хочется, но ничего не поделаешь. Это был удивительный прием.

Они нашли Дженни сидящей на одной из скамеек. Ее последний ребенок был еще нескольких недель от роду. Она выглядела полнее, чем была на самом деле. Она подняла голову, чтобы улыбнуться Харриет.

— Я снова тащу его домой.

— А я хочу посмотреть фейерверк, — но Чарли только притворился обиженным.

— Такое будет еще много раз. — Харриет вновь подумала о других вечерах, о маленьком прибавлении опыта, укрепляющего дружбу. — Будет. Должно быть.

Чарли и Дженни не заметили ее злости. Она пошла вместе с ними по коридору к парадным дверям и поцеловала их обоих.

— Спокойной ночи. Спокойной ночи.

Она отпустила их домой к их детям. Их приходящая няня сегодня вечером присматривала и за Имоджин. Возвращаясь назад, Харриет подумала о спящих головках на подушках, таких, как у Линды, за которой она недавно наблюдала. Сложное чувство родительской ответственности скорее внушало опасения, чем привлекало ее. Хотя она предполагала, что будет иметь своих собственных детей когда-нибудь в будущем, в неопределенном будущем, в этот удивительный вечер она подумала, что, возможно, много лет тому назад она уже сделала выбор и ушла слишком далеко по другому пути.

Она почувствовала облегчение, которое утешало. Она подумала о работе, которую должна сделать, о реконструкции «Бердвуда» и о других нитях, идущих из этого начала и тянущих ее вместе с собой. Ощущение счастья, которое ничего общего не имело с выпитым шампанским, повело ее на поиски Джейн.

Она нашла ее сидящей за одним уже убраннным обеденным столом. Джейн разговаривала с одной из самых молодых эверденских пар, которая моментально исчезла при появлении Харриет. Джейн встретила ее с открытым забралом.

— Я прошу прощения за хозяйку имения. Чарли отругал меня за нее.

Харриет махнула рукой, охватывая всю темнеющую комнату до огромного очага, в котором красными языками пламени догорали дрова. Было больше одиннадцати часов. В полночь фейерверк возвестит о приближении конца приема.

— Это было не так уж неоправданно. Но я постараюсь не превратиться в хозяйку имения. Смогу?

Джейн откинулась на стуле и рассмеялась.

— Посмотрим.

Они обе знали о зыбучих песках их дружбы и о взаимном желании защитить ее. Они посидели несколько секунд, глядя друг на друга поверх белой скатерти и бокалов шампанского между ними. Они говорили о приеме, о крепьшах из Эвердена, которые проходили мимо них, и о новой деревне, которую Харриет надеялась построить на этих полях.

— Всего хорошего, — сказала Джейн, взяв кончиками пальцев бокал и выпив его.

Харриет вздохнула.

— Ты никогда не говорила мне о твоих отношениях с Дэвидом Хаукинзом.

Быстро взглянув на Харриет, Джейн ответила:

— А ты никогда и не спрашивала.

Она не смогла определить, было ли это упреком, но она покорно приняла его.

— Я знаю, извини.

— Это не имеет значения. Это все давным-давно закончилось.

— Это причинило тебе боль?

Последовала пауза.

— Нет, — солгала ей Джейн, а затем, с новым порывом великодушия, о котором Харриет начала теперь догадываться, она предложила:

— Это ведь он тобой заинтересовался. Ты это знала?

Харриет просто ответила:

— Да. Я думаю, что знала.

Джейн быстро подхватила свою вечернюю сумочку и свой пустой бокал.

— Ну, — сказала она без горечи, — тогда я собираюсь выпить еще и найти кого-нибудь,

чтобы потанцевать. Не так уж часто встречается, что выпадает вечер без Имоджин. Ну, не то чтобы я жаловалась, ты же понимаешь.

Она игриво подмигнула Харриет и пошла в комнату, где танцы были в полном разгаре. Харриет осталась одна за столом. Белая скатерть была как неисписанная страница для ее мыслей.

Она устроила вечеринку, это было ее созданием. Все эти люди, гости, официанты и повара были здесь, потому что она собрала их вместе. Их веселье было ее достижением, и, наблюдая за лицами, Харриет почувствовала, что ее эверденский «мыльный пузырь» стал еще прочнее.

Харриет гордилась своим вечером, но сейчас, когда веселье достигло наивысшей точки, его успех не удивлял ее. Она знала, что она может сделать, она ожидала успеха от себя самой. Но когда она сидела там, ей пришло в голову, что она должна устроить свою жизнь с такой же решительностью.

Очень давно, в самом начале, когда она встретила Дэвида в кухне Джейн, где было полно учителей, она полагала, что у нее нет времени для того, чтобы наслаждаться тайнами любви. И теперь, когда она печально сидела, вспоминая свое замужество, Робина и Каспара, свои неудачи и такие не слишком благородные сердца, как ее собственное и ее партнеров, она пришла к выводу, что она поступила правильно. Ее привлекали другие вещи, они забирали ее энергию, и она была им предана.

Любовь сама по себе слишком много требовала, и ее пугала ответственность.

Харриет не особенно печалилась. Пожалуй, она пребывала в приподнятом настроении, в конце концов надо признать безусловную истину и расставить все по своим местам. Но она полагала, что есть и другая правда, с которой надо считаться. Она могла припомнить, как в те дни, когда она старалась создать «Пикокс», она безжалостно отвергала все, что не было связано с ее бизнесом, и какой непреклонной была ее решимость добиться успеха. Она подумала, что, вероятно, она была в те дни совсем другой.

«Однако я все же добилась успеха», — сказала она про себя. Ампутированная «Пикокс» все еще причиняла ей боль, но она знала, как сдерживать ее. «Я сама себе хозяйка. Или должна ею быть».

Эта мысль заставила ее улыбнуться, вспоминая недавнюю шутку, когда она сидела, опустив подбородок на руки.

Харриет внезапно почувствовала себя счастливой, и это счастье помогло избавиться от чувства вины. Оно не было вызвано шампанским и не было приподнятым настроением, как на приеме.

Она не хотела пускаться на поиски любви, словно это угрожало чаше Грааля, как тогда, когда она пыталась поладить с бедным Каспаром Дженсенем. Но она понимала, что это не причина для того, чтобы отказаться от других человеческих радостей — секса, дружбы или тех простых радостей, которые ей открылись в отношениях с Линдой.

Время еще не ушло. Инициатива должна исходить от нее, как и во всем, что она делала. Истина была такой простой и такой очевидной, что у нее чуть не перехватило дыхание.

Дэвид Хоукинз давно предлагал ей что-то, но она, мучаясь, отвергла это. Она спряталась в ванной. Это воспоминание заставило ее громко рассмеяться. Проходящая мимо пара посмотрела на нее с удивлением.

Сегодня вечером, когда она увидела, как он танцует с Джейн, она почувствовала ревность; подумать только, ведь ясно же, что все кончено.

«И если ты хочешь что-то, — сказала себе Харриет, — ты можешь пойти и получить это». Она осмотрела всю комнату — от лепных украшений на потолке до дубовых досок, частично признавая правду. Но не в таком хорошем настроении она была, чтобы позволить себе полное признание.

Она глубоко вздохнула, а затем пошла искать Дэвида.

Она почти сразу же нашла его. Он стоял на площадке второго этажа, облокотясь о перила красного дерева и глядя вниз на головы тех, кто находился в прихожей. Харриет знала, что он ждал ее.

Она подобрала свою зеленую бархатную юбку и медленно пошла по широкой лестнице, чтобы встретиться с ним. Когда она приблизилась, он подвинулся, чтобы дать ей место. Она облокотилась о перила рядом с ним, чувствуя теплоту дерева в том месте, где лежали его руки.

Они склонились плечом к плечу, наблюдая за сценой под ними. Там были небольшие группы людей, собравшихся вместе, которые разговаривали и смеялись, которым выносили пальто и помогали одеться. Двери были открыты, и все больше и больше людей выходили через них в темноту. Наступила полночь, время фейерверка.

Харриет сказала:

— Наверное, я должна выйти вместе с ними. Отдать распоряжения.

Потом она повернулась к Дэvidу. Она внимательно посмотрела на его лицо, удивляясь тому, что он похож на боксера, как она когда-то уже заметила.

Она до мельчайших подробностей ощущала его кожу, манеру кривить губы. Она улыбнулась ему ленивой улыбкой.

— Или может быть не должна?

— Не нужно. Это их праздник, — Дэвид тоже улыбался.

Харриет понимала, что он прав. Она представила их «Бердвуд» сегодня вечером, и это была их радость. Им она была не нужна, а сама она хотела чего-то другого. Она хотела этого очень сильно.

Дэвид выпрямился. Они стояли лицом друг к другу, и он положил руки на ее талию. Затем он наклонился вперед и коснулся кончиком языка ее губ. Харриет подняла руку и обняла его за шею, притягивая к себе его лицо. Их губы встретились и раскрылись.

А внизу весь Эверден устремился смотреть фейерверк.

Дэвид снова поднял голову, для того чтобы спросить:

— Где?

Харриет могла бы сказать: «Невозможно», — но сегодня вечером она этого не сделает. Вместо этого, быстро соображая, она взяла Дэвида за руку. В комнате с помутневшим и пятнистым зеркалом, в котором она надевала свое зеленое платье, лежала пачка простыней, оставшихся от дизайнеров.

— Сюда.

Они скользнули вдоль галереи, держась за руки и смеясь как заговорщики. Харриет толкнула дверь. Простыни лежали кучей на полу, но здесь были еще и пальто, оставленные официантами, магазинная корзина и мотоциклетный шлем.

— Нет, — сказала Харриет.

Дэвид сгреб простыни и снова взял ее за руку. Теперь он вел ее вдоль галереи, потом по значительно более узкой, темной и кривой лестнице на верхний этаж для прислуги.

Единственным освещением здесь был проникающий снизу свет. Харриет слышала его

дыхание, когда он толкнул ближайшую дверь. Тут было почти совсем темно, но Харриет знала, что это была одна из комнат для горничных, неудачно расположенная под карнизом крыши, с небольшой щелью железного камина, которая, казалось, едва ли имела ширину, достаточную для того, чтобы сжечь в камине хоть один кусок угля.

Она заметила бледное серое пятно после того, как он развернул простыни, а потом, когда ее глаза привыкли к темноте, посмотрела вверх и увидела темный, синий кусок неба через рваную дыру в крыше.

Дэвид обнял ее и прижал к себе. Их губы раскрылись друг для друга. Харриет почувствовала своей кожей, как от него отражается тепло. Его руки обнимали ее, гладили ее обнаженную спину после того, как расстегнулась длинная молния зеленого бархатного корсажа. Платье упало, обнажив ее плечи.

Дэвид поцеловал обнажившуюся кожу, голова Харриет откинулась назад. Они очень медленно опустились на колени на расстеленной простыне, прижавшись друг к другу. Ленивый смех пропал. Осталось только эхо их дыхания.

Они лежали вытянувшись друг возле друга.

Из сада раздавались взрывы и треск.

Глядя вверх, Харриет видела вспышки света, а затем настоящий поток алых искр, посыпавшихся на землю.

Откуда-то издалека они слышали хор голосов, кричащих:

— А-а-ах...

Дэвид приложил пальцы к ее губам, предупреждая новый взрыв смеха.

Харриет сказала:

— Да.

Петелин '93

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

---

notes

Хэмпстед — фешенебельный жилой район Лондона вблизи лесопарка Хэмпстед-Хит.

Стиль мебели XVIII в., английское рококо. Назван по имени английского мастера-краснодеревщика Томаса Чиппендейла.

Фешенебельный магазин галантерейных изделий и подарков в лондонском Уэст-Энде.

Четвертое июня — актовый день в привилегированной мужской средней школе Итон. Выбран в честь дня рождения короля Георга III (1738–1820), патрона школы.

Раундерз — упрощенный вид бейсбола, популярен среди учениц привилегированных частных школ.

«Атенеум» — лондонский клуб преимущественно для ученых и писателей.

Бердвуд (англ.) — птичий лес.

«Уитабикс» — фирменное название пшеничных батончиков из спрессованных хлопьев.